ВО СЛАВУ ОТЧИЗНЫ!

www.вославу.рф

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ
ОРГАН ИЗДАТЕЛЬСКОГО ДОМА «РУССКАЯ РАЗВЕДКА»

№ 2 (18)
2022



СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ОПЕРАЦИИ КРАСНОЙ АРМИИ

ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ

АВИАЦИЯ РОССИИ

ВОЕННАЯ РАЗВЕДКА

ПОЛКОВОДЦЫ И ВОЕНАЧАЛЬНИКИ РОССИИ

ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО РУССКОЙ АРМИИ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ

ГОВОРЯТ СТАЛИНСКИЕ НАРКОМЫ

ПАРТИЗАНСКАЯ ВОЙНА В ТЫЛУ ВРАГА

ПОЛИТИЧЕСКИЙ БАНДИТИЗМ И ВООРУЖЕННОЕ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЕ ПОДПОЛЬЕ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ

РОССИЯ И КИТАЙ

РЕВОЛЮЦИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ

СПЕЦСЛУЖБЫ

ВОЕННАЯ ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

www.вославу.рф

ВО СЛАВУ ОТЧИЗНЫ!

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ
ОРГАН ИЗДАТЕЛЬСКОГО ДОМА «РУССКАЯ РАЗВЕДКА»

№ 2 (18)
2022

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

БАБАНСКИЙ Юрий Васильевич – Герой Советского Союза, генерал-лейтенант, ветеран боевых действий;

БЕНОВ Геннадий Матвеевич – генерал-лейтенант, председатель Союза ветеранов советских офицеров, член ВС ВВС СССР;

БОДРЯГИН Александр Николаевич – полковник, президент Союза ветеранов военной разведки;

БОДУНОВ Игорь Аркадьевич – полковник, ветеран военно-технического сотрудничества, член правления Фонда «Резерв»;

БОНДАРЕНКО Константин Константинович – полковник, ветеран военной разведки;

БЫЧИХИН Павел Александрович – полковник, ветеран военной разведки;

ДЕМЕНТЬЕВ Сергей Павлович – генерал-майор авиации, ветеран боевых действий, член Фонда «Резерв»;

ДОМСКИЙ Игорь Александрович – доктор ветеринарных наук, профессор, член-корреспондент РАН, лауреат Премии Правительства РФ;

ИЗМАЙЛОВ Владимир Макарович– генерал-полковник, председатель Совета ветеранов военной разведки;

КЛИМУК Петр Ильич – дважды Герой Советского Союза, генерал-полковник авиации, летчик-космонавт СССР;

КОРНЕЕВЕЦ Владимир Сергеевич – полковник, ветеран военной разведки;

КРИТСКИЙ Василий Юрьевич – заместитель главного конструктора по перспективным разработкам ОКБ им. А.М. Люльки, ПАО «ОДК – УМПО», член Фонда «Резерв»;

КУЗНЕЦОВ Владимир Васильевич – заместитель начальника департамента международных организаций МИД РФ;

ЛЕМЗЕНКО Кир Георгиевич – вице-адмирал, ветеран военной разведки;

ЛЁВИН Алексей Гаврилович – Герой Социалистического Труда, президент Всероссийской общественной организации «Трудовая доблесть России», кандидат технических наук;

МУХАМЕДЬЯРОВ Геннадий Борисович — генерал-майор авиации, командующий ордена Ленина Московским округом ВВС и ПВО (1997–2001 гг.), Заслуженный военный летчик РФ, летчик-снайпер;

МОЧНОВ Николай Борисович – полковник, ветеран боевых действий, президент Фонда «Резерв», Заслуженный испытатель космической техники, ветеран военной разведки;

НЕМЧИКОВ Геннадий Алексеевич – генерал-майор авиации, ветеран боевых действий, вице-президент Фонда «Резерв», кандидат военных наук:

ПАНИН Илья Григорьевич – генерал-полковник, председатель Совета ветеранов ГУК МО РФ;

ПОНОМАРЕВ Александр Васильевич – генерал-майор, член Совета ветеранов военной разведки;

РЕШЕТНИКОВ Василий Васильевич – Герой Советского Союза, генерал-полковник авиации, Заслуженный военный летчик СССР, участник Великой Отечественной войны;

РОДИОНОВ Юрий Николаевич — генерал-полковник, заместитель министра обороны СССР по кадрам, генеральный инспектор Министерства обороны РФ, кандидат экономических наук, Почетный гражданин города Таганрога;

РОМАНЕНКО Юрий Викторович – дважды Герой Советского Союза, полковник, летчик-космонавт СССР;

САВИНЫХ Виктор Петрович – дважды Герой Советского Союза, летчик-космонавт СССР, Почетный президент Университета геодезии и картографии РФ, академик РАН;

СТРЮКОВ Владимир Антонович – полковник, воин-интернационалист, член Союза писателей России, ветеран военной разведки, главный редактор ВИА «Во славу Отчизны»;

ЦИБЛИЕВ Василий Васильевич – Герой Российской Федерации, генерал-лейтенант авиации, летчик-космонавт РФ;

ЧУЙКОВ Николай Владимирович – полковник, председатель общественной комиссии по международному сотрудничеству Союза ветеранов России;

ЮДИН Виктор Анатольевич – генерал-майор авиации, член Фонда «Резерв».

История – особая наука, занимающаяся изучением прошлого человеческих обществ, начиная с зарождения социума по настоящее время. Главной задачей истории, основным её предназначением следует считать познание прошлого человечества для понимания современного состояния нашего человеческого общества и предвидения его развития в будущем.

История призвана отражать реальность прошлого в его узловых моментах так, как писал древнеримский политический деятель и мыслитель Марк Туллий Цицерон: «Первая задача истории – воздержаться от лжи, вторая – не утаить правды, третья – не дать никакого повода заподозрить себя в пристрастности или в предвзятой враждебности».

В истории России была целая временная полоса, когда появилось удивительно прискорбное пренебрежение к истории, к наследию наших предков. А ведь память о них – необходимое условие воспитания чувства патриотизма. Само понятие «патриотизм» вмещает в себя мощные заряды исторических знаний нашего прошлого, без которых невозможна осмысленная любовь к своему Отечеству.

Изучение прошлого, осмысление происходящего и предвидение грядущего вдвойне ценно тогда, когда приходит тому срок и, когда правда остается незыблемым критерием сущего во всех разностях и сложностях взаимосвязанного развивающегося исторического процесса.

Военно-исторический альманах «Во славу Отчизны» нацелен на освещение вопросов нашей истории в объективном, справедливом и честном ключе.



Учредители:
Союз ветеранов военной разведки;
Фонд «Резерв» ветеранов Военно-воздушных сил

Главный редактор:
Владимир Стрюков

Верстка дизайн-макета:
Ирина Васина

E-mail: info@вославу.рф
www.вославу.рф

Содержание

★ СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ОПЕРАЦИИ КРАСНОЙ АРМИИ



А.М. Василевский
Борьба за Прибалтику 4

★ ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ

А.Д. Сахаров
Магнитный термоядерный реактор. Магнитная кумуляция 18

★ АВИАЦИЯ РОССИИ



А.С. Яковлев
Летающий вагон 32

★ ВОЕННАЯ РАЗВЕДКА

П.А. Судоплатов
Разведка накануне и в начале войны..... 43

★ ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

Арсен Мартиросян
Трагедия 22 июня 1941 года 58

★ ПРОТИВ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ИСТОРИИ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА

А.И. Фурсов
Развенчание мифа..... 73

★ ПОЛКОВОДЦЫ И ВОЕНАЧАЛЬНИКИ РОССИИ

И.Г. Новоселецкий
О полководческом искусстве Маршала Советского Союза Ф.И. Толбухина..... 90

★ ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО РУССКОЙ АРМИИ

А.А. Свечин
Судьбы военного искусства России 99

★ ГОВОРЯТ СТАЛИНСКИЕ НАРКОМЫ



Г.А. Куманев
Встречи с Вячеславом Михайловичем Молотовым 118

★ ПАРТИЗАНСКАЯ ВОЙНА В ТЫЛУ ВРАГА



Владимир Стрюков
Тактика действий партизан 130

★ ПОЛИТИЧЕСКИЙ БАНДИТИЗМ И ВООРУЖЕННОЕ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЕ ПОДПОЛЬЕ



Н.П. Лыков
Националистическое подполье после войны..... 153

★ ГОСУДАРСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ

Н.Н. Лихачев
Дальневосточный заговор 174

★ РОССИЯ И КИТАЙ

И.И. Ландер.
Спецслужбы гоминдановского Китая 218

★ РЕВОЛЮЦИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ



Адепты социал-демократии 236

П.Н. Милюков
Съезд Советов и Социалистическое правительство 249

★ СПЕЦСЛУЖБЫ



Ким Филби
Английский и союзнический разведывательный комплекс..... 258

★ ВОЕННАЯ ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

П.Д. Мальков
Конец заговора Локкарта 269

Михаил Исаковский
Русской женщине 283

Владимир Веров
Клеветникам России..... 284

Александр Пушкин
Клеветникам России..... 285

А.М. ВАСИЛЕВСКИЙ, Советский государственный и военный деятель, выдающийся советский полководец, Маршал Советского Союза, дважды Герой Советского Союза, начальник Генерального Штаба (1942-1948), главнокомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке (1945), министр Вооруженных Сил (военный министр) СССР (1949-1953).

БОРЬБА ЗА ПРИБАЛТИКУ



Хотя возложенные на меня летом 1944 года функции координировать действия еще и 2-го Прибалтийского фронта прибавили мне забот, я мог теперь больше бывать на 1-м Прибалтийском фронте, так как согласовывал его действия с работой его правого соседа, с войсками 2-го Прибалтийского фронта. На первых порах выполнения новых задач основное внимание командующего 1-м Прибалтийским фронтом И. Х. Багramяна было приковано к двинской группировке противника. Под Двинском разгорелись кровопролитные бои. Взятие 4-й ударной армией 12 июля 1944 года Дриссы сразу же облегчило нам борьбу за Двинск. Сосредоточившийся там враг уже думал не о том, чтобы ударить с севера по флангу 1-го Прибалтийского фронта, а об обороне города. Но взять Двинск и выполнить поставленные перед фронтом задачи мы сумели бы только в том случае, если бы его войска не были обязаны наступать одновременно в западном, северо-западном и северном направлениях.

Посоветовавшись с И. Х. Баграмяном, я обратился в Ставку с просьбой освободить 1-й Прибалтийский фронт от нанесения главного удара левым крылом на Каунас и разрешить нам сосредоточить усилия на правом крыле, против Двинска, нацелив уже подходившие во фронт 51-ю и 2-ю гвардейскую армии в центр, на Паневежис и Шяуляй. Я выразил уверенность, что, развивая в дальнейшем этот удар на Ригу, можно быстрее и с меньшим риском расколоть здесь немецкую оборону, выйти к Балтийскому побережью, перерезать коммуникации из Прибалтики в Восточную Пруссию и отсечь группу армий «Север» от Германии. Кроме того, это неизбежно должно было сказаться на сопротивлении немецких 16-й и 18-й армий в целом, и тогда 2-му и 3-му Прибалтийским фронтам легче будет наступать из Псковской области в направлении Рижского залива.

Разговор состоялся в ночь на 12 июля перед тем, как я собирал-

ся перелететь на 2-й Прибалтийский фронт. Выслушав меня, Верховный Главнокомандующий согласился с нашими предложениями, спросил, сколько нужно времени фронту для подготовки удара, и потребовал ни в коем случае не прекращать наступления наличными силами. Удар со вводом новых сил договорились организовать не позднее 20 июля. Условились также, что левофланговая во фронте 39-я армия, нацеленная на Каунас, вернется в состав 3-го Белорусского фронта. В связи с этим разграничительная линия между фронтами от Пабраде пройдет через Кедайняй в долину Шушве и к Жмудской возвышенности. Тем самым Южная Литва (Вильнюс, Каунас, Принеманье) поступала «в распоряжение» Черняховского как опорная территория для действий против Восточной Пруссии. 1-й Прибалтийский фронт окончательно поворачивался на северо-запад, к Курляндии, и на север к Риге.

В том же донесении Верховному я предложил передать от Черняховского Баграмяну 5-ю гвардейскую танковую армию и 3-й гвардейский механизированный корпус. Ответ был получен через два дня. Сталин сказал, что 1-й Прибалтийский фронт усилен двумя хорошо пополненными и вооруженными 2-й гвардейской и 51-й армиями и 3-м гвардейским механизированным корпусом, в который по моей просьбе срочно направляются танки. Если учесть, добавил он, что в наступление перейдут 2-й, а затем и 3-й Прибалтийские фронты, то у войск фронта Баграмяна есть все условия для успешного выполнения поставленных ему, хотя и сложных, задач. Поэтому танковую армию Верховный предлагал оставить у Черняховского. Таким образом моя попытка доказать всю выгодность перехвата коммуникаций группы армий «Север» на шяуляйско-рижском или шяуляйско-лиепайском направлениях 1-м Прибалтийским фронтом, усиленным 5-й гвардейской танковой армией, ни к чему не привела.

И. В. Сталин сказал в заключение, что при необходимости это можно будет сделать и позднее, а пока требуется выполнить поставленные задачи имеющимися силами. В соответствии с прежде принятым решением Баграмян передавал Черняховскому левофланговую 39-ю армию. В свою очередь 3-й Белорусский обязан был передать во 2-й Белорусский фронт свой левофланговый 3-й гвардейский кавалерийский корпус. Предусматривалось, что Черняховский будет наступать на Восточную Пруссию только с востока, а с юга пойдут войска Захарова.

Перелетев в войска 2-го Прибалтийского фронта, я два дня знакомился с положением на месте. Они сражались на промежуточном оборонительном рубеже противника, прикрывавшем Опочку, Себеж и Освею. Прорывая хорошо подготовленную в инженерном отношении оборону врага, 10-я гвардейская армия генерал-лейтенанта М. И. Казакова и 3-я ударная армия генерал-лейтенанта В. А. Юшкевича,



▲ Черняховский — второй слева

сосредоточив свои основные силы на внутренних флангах, развивали наступление на Резекне. 22-я армия генерал-лейтенанта Г. П. Короткова от Освейского озера продвигалась к озеру Рушоны, чтобы вместе со своими левыми соседями — 4-й ударной и 6-й гвардейской армиями овладеть городом-крепостью (как его называли фашисты) Двинском. Пока я находился у Еременко, армии Казакова и Юшкевича успели выйти на реку Великую к северу и югу от Опочки, форсировали ее и перерезали шоссейную дорогу на Себеж. Тем не менее, в ночь на 14 июля Верховный упрекнул меня за медленные темпы наступления войск 2-го Прибалтийского фронта. Передав А. И. Еременко этот упрек и обсудив с ним меры, направленные на выполнение указаний Верховного, я возвратился на 1-й Прибалтийский фронт, чтобы помочь Баграмяну осуществить перегруппировку войск и с 20 июля перейти в наступление. В частности, отдал 90 танков из числа направленных в мое распоряжение на пополнение 3-го гвардейского механизированного корпуса, который должен был нанести удар на Паневежис.

Однако фронтовая обстановка вынудила меня основное внимание направить на 3-й Белорусский фронт, осуществлявший тогда Вильнюсскую операцию. Столица Советской Литвы Вильнюс являлась крупным укрепленным узлом немцев на подступах к Восточной Пруссии. Сюда, к железной дороге Вильнюс — Лида, отошла 3-я танковая армия генерал-полковника Рейнгардта, потрепанная под Витебском, а затем пополненная войсками, переброшенными с других участков фронта. 7 июля 5-я армия 3-го Белорусского фронта обошла Вильнюс с севера, через Шегалу пробилась к реке Вилии, перерезала у Евье (Вевис) железную дорогу на Каунас и, отразив танковые контратаки противника, продолжила свой рывок к устью реки Швентойи. 5-я гвардейская танковая армия сковала вильнюсскую фашистскую группировку с фронта. 11-я гвардейская армия обошла Вильнюс с юга, прорвалась к Лентварису и Тракай и у Вилии соединилась с 5-й армией. 15-тысячная группировка врага оказалась в окружении. Наши войска немедля рванулись к Каунасу и Сувалкам. Все попытки гитлеровцев деблокировать окруженных успеха не имели. Тем временем 31-я армия взяла Лиду.

13 июля 1944 года старый Вильнюс встретил советские войска. Передовые соединения ушли на 90 км западнее, приближались к Неману. Армия Галицкого вела бои за Алитус, армия Глаголева долиной реки Меркис пробилась к Друскининкай, кавалерийский корпус Осликовского прощупывал позиции врага на окраине Гродно. Две 5-е армии — общевойсковая и гвардейская танковая — совместными усилиями ликвидировали запоздалую попытку фашистов спасти от капитуляции вильнюсский гарнизон. После этого войска 5-й армии Крылова устремились к Кошейдарам (Кайшядорис), а 5-ю гвардейскую танковую армию Ротмистрова я решил пополнить 100 танками Т-34, надеясь использовать ее в действиях войск 1-го Прибалтийского фронта.

До конца июля войска 3-го Белорусского фронта вели бои за упрочение плацдармов на западном берегу Немана. Их поддерживала с воздуха авиация 1-й воздушной



▲ На 1-м Прибалтийском фронте



▲ На Запад

армии. Отлично проявил себя здесь 1-й отдельный истребительный авиаполк «Нормандия» под командованием майора Луи Дельфино, сформированный из французских патриотов и получивший наименование Неманский.

Последняя декада июля ознаменовалась рядом крупных успехов Красной Армии. Войска 1-го Украинского фронта разгромили фашистскую группировку под Бродами, освободили Львов, Перемышль, Станислав, форсировали Вислу и захватили Сандомирский плацдарм. Армии 1-го Белорусского фронта форсировали Западный Буг, освободили Брест, Хелм и Люблин, затем вышли к Варшаве, форсировали Вислу и захватили магнушевский и пулавский плацдармы. Войска 2-го Белорусского фронта освободили Белосток.

3-й Белорусский фронт подступил к Каунасу. Войска 1-го Прибалтийского фронта овладели Паневежисом, Шяуляем, Митавой (Елгавой) и, совместно со 2-м Прибалтийским фронтом — Двинском. (Даугавпилсом). 3-й гвардейский мехкорпус сумел даже, хотя и ненадолго, прорваться долиной Лиелупе к Рижскому заливу. Войска 2-го Прибалтийского взяли Резекне и подступили к Лубанской низменности. Здесь отличился 130-й латышский стрелковый корпус генерал-майора Д. К. Бранткална. Армии 3-го Прибалтийского фронта овладели Островом, Псковом и приступили к освобождению южной Эстонии; войска Ленинградского фронта взяли Нарву. В условиях широчайшего наступления перед фронтами вставали новые задачи. После неоднократных бесед с представителями Ставки и командующими фронтами Верховное Главнокомандование издало фронтам частные директивы. Заложенная в них идея заключалась в том, чтобы еще до осени создать предпосылки окончательного освобождения Прибалтики и удара по Восточной Пруссии, упрочить положение в Польше и подготовиться к освобождению Закарпатской Украины. С этой целью 27 июля 1944 года, то есть в разгар нашего продвижения, были даны следующие указания. Прибалтийские фронты обязывались нанести решающие удары по немецкой группе армий «Север». Армии Ленинградского фронта должны были наступать через северную Эстонию, громя фашистскую опергруппу «Нарва», на Таллин, Тарту и Пярну; армии 3-го Прибалтийского фронта — через южную Эстонию и северную Латвию на Валгу и Валмиеру; армии 2-го Прибалтийского., фронта — через Видземскую возвышенность на Ригу с востока; армии 1-го Прибалтийского фронта — от Шяуляя на Ригу с юга и левым крылом на Мемель (Клайпеду). Белорусские и 1-й Украинский фронты должны были идти на Восточную Пруссию и продолжать освобождать Польшу. При этом имелось в виду, что армии 3-го Белорусского фронта, взяв Каунас, выйдут к рубежу Расейняй — Сувалки и там надежно закрепятся для подготовки к вступлению



на территорию Восточной Пруссии с востока, а армии 2-го Белорусского, нанеся основной удар на Ломжу, Остроленку, левым крылом продолжат наступление по Великопольской низменности на Млаву, главными же силами прочно закрепятся, чтобы затем ударить по Восточной Пруссии с юга, через Мазурское поозерье. Армиям 1-го Белорусского фронта предписывалось, подойдя к Варшаве и форсировав Вислу, нанести удар в северозападном направлении, парализовать вражескую оборону по Нареву и Висле и планировать наступление на Торн (Торунь) и Лодзь. Армии 2-го Украинского фронта после форсирования Вислы должны были овладеть Долиной, Дрогобычем и Саноком и, захватив перевалы в Восточных Карпатах, удерживать их, чтобы через Закарпатье выйти в Венгрию, предусматривая наступление на Ченстохов и Краков.

В связи с тем, что к наступлению подключались новые фронты, 29 июля директивой Ставки Г. К. Жукову было поручено не только координировать действия, но и руководить операциями 2-го, 1-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов; я должен был не только координировать действия, но и руководить операциями, проводимыми 2-м и 1-м Прибалтийскими и 3-м Белорусским фронтами. Это была новая форма управления фронтами со стороны Ставки. Она осуществлялась ряд месяцев, и использование ее говорило о гибкости Верховного Главнокомандования. Мне этот опыт весьма пригодился, когда я был назначен Главнокомандующим советскими войсками на Дальнем Востоке.

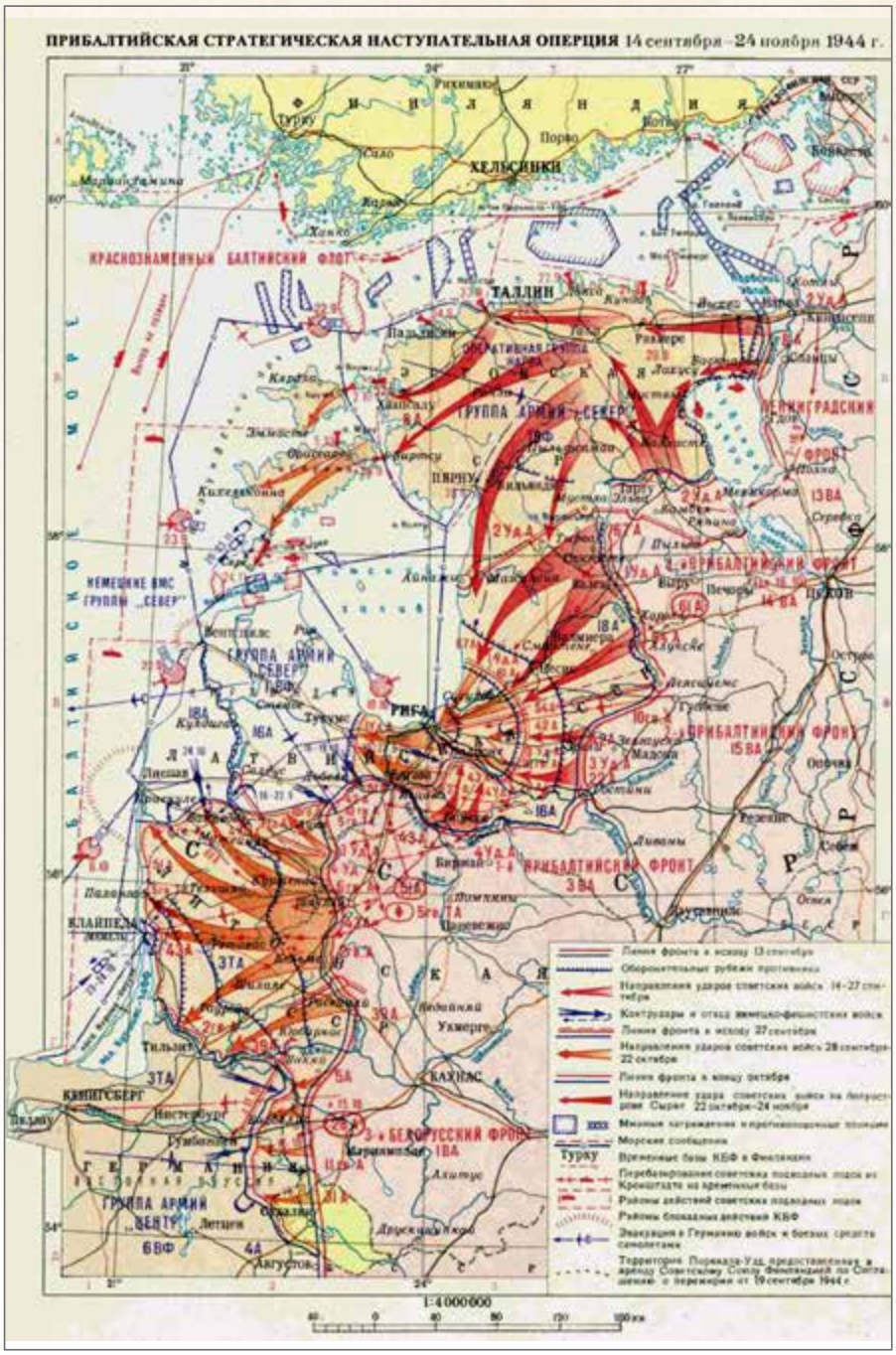
В то же время появились и другие директивы Ставки, направленные на совершенствование форм управления фронтами. 30 июля в Восточных Карпатах был образован 4-й Украинский фронт, ликвидированный после освобождения Крыма. В его задачу входило овладение Ужгородом, Мукачево и выход на стык Венгрии и Словакии. Командующим фронтом был назначен генерал-полковник И. Е. Петров. Теперь войска 1-го Украинского фронта могли все внимание уделить освобождению Польши, направляясь затем на Моравию или Силезию. 2 августа 2-й и 3-й Украинские фронты получили указания ускорить подготовку Ясско-Кишиневской операции. Таким образом, Красная Армия готовилась к наступлению от Балтики до Черного моря на всех направлениях и почти одновременно. Такого история второй мировой войны еще не знала.

Как же сложилась обстановка на руководимых мною фронтах? К концу июля 1944 года передний край проходил (с севера на юг) в Латвии от озера Лубана к Екабпилсу на Западной Двине (Даугаве); оттуда поворачивал на запад к реке Мемеле; затем резко изгибался к северо-западу и, охватывая Митаву (Елгаву), выходил к Рижскому заливу возле Кемери; там, не достигнув Тукумса, сворачивал на юг и через Латвию и Северную Литву шел мимо Добеле, Жагаре, Шяуляя к реке Шешувис; оттуда на восток к реке Невежис; далее вел на юго-запад через Неман к железной дороге из Каунаса в Вирбалис, спускался на юг восточнее Сувалок и достигал реки Бебжа западнее Гродно. Такая извилистая линия фронта сама по себе таила возможности для взаимного нанесения фланговых ударов. Наиболее сложное по-

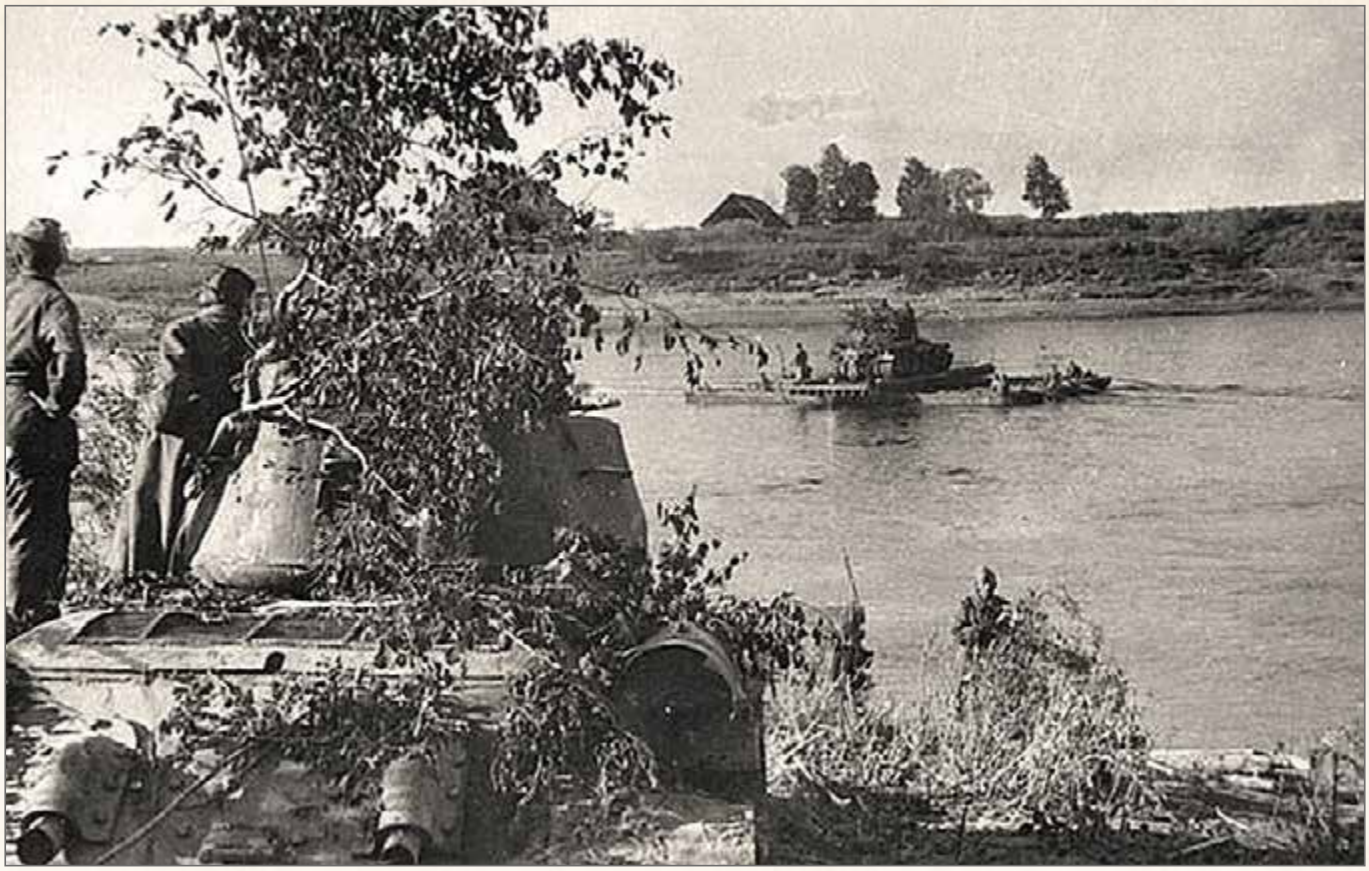
ложение создалось в том месте, где наши механизированные соединения прорвались к Рижскому заливу. Группа армий «Север» утратила сухопутные коммуникации, связывавшие ее с Германией. Северо-восточнее района прорыва оказались немецкие опергруппа «Нарва», 18-я и частично 16-я армии; западнее — другая часть 16-й армии, южнее — 3-я танковая и прочие армии группы «Центр». Между этими двумя группами армий находились теперь войска 1-го Прибалтийского фронта.

Гитлеровское командование начало лихорадочно подтягивать соединения к левому фасу войск 1-го Прибалтийского фронта, причем особенно к Тукумсу, Добеле и Шяуляю. 2 августа вечером я доложил Верховному Главнокомандующему, что для дальнейшего выполнения поставленных задач 1-й Прибалтийский фронт нуждается в дополнительном и срочном усилении, и вновь напомнил о 5-й гвардейской танковой армии. Кроме того, я просил перебросить сюда хотя бы один корпус из 4-й ударной армии 2-го Прибалтийского фронта, компенсировав последнюю двумя стрелковыми корпусами из резерва Ставки. И. В. Сталин обещал выполнить эти просьбы, и на следующий день А. И. Антонов сообщил, что соответствующее решение принято. При этом танковую армию предусматривалось вывести к Расейняй и ударом на северо-запад, к Кельме, разбить немецкую группировку, сосредоточенную западнее Шяуляя. Еще через два дня Ставка разрешила вернуть на 1-й Прибалтийский фронт со 2-го Прибалтийского 4-ю ударную армию в составе двух корпусов. Третий корпус был направлен на усиление 22-й армии 2-го Прибалтийского фронта.

Армии 3-го и 2-го Прибалтийских фронтов наступали на Ригу по сходящимся направлениям. Первый начал на своем правом крыле Тартускую операцию, продвигаясь левым крылом вдоль эстонско-латвийской республиканской границы. Второй 13 августа занял Мадону; до Риги по прямой ему осталось менее 150 км. В тот же день я направил в Ставку доклад, согласованный с военным советом 1-го Прибалтийского фронта, в котором обобщил данные нашей разведки, итоги последних боев и сообщил о создании врагом оборонительного рубежа по реке Мемеле. Нам было известно, что там развернуто до 7 пехотных немецких дивизий, а в лесах южнее Риги сосредоточивается группировка войск для наступления с севера на Митаву (Елгаву). В то же время западнее Шяуляя было зафиксировано другое скопление противника. Не исключено, что враг попытается рассечь с двух сторон клин, вбитый нами в сторону Рижского залива. Чтобы помешать этому, мы предложили усилить 4-ю ударную армию, которая должна наступать от Крустпилса вдоль Дауга-



▲ Прибалтийская операция



▲ Переправа

вы на Ригу, а также 6-ю гвардейскую армию, направив ее наперерез вражеской группировке; 43-ю армию мы предложили развернуть правее 51-й армии, организовав прочную оборону по реке Мемеле; уплотнить боевые порядки 51-й армии в районе Митавы, создав там недоступную для танков и пехоты оборону по реке Лиелупе и превратив этот район в мощный укрепленный узел; 3-й гвардейский механизированный корпус мы намеревались держать наготове для нанесения контрударов в направлении всех трех железных дорог, идущих из Митавы в Лиепайскую область; силами 2-й гвардейской армии и 1-го танкового корпуса прикрывать Шяуляй, превратив его в сильный укрепленный район. Все наши предложения Верховный утвердил.

16 августа противник нанес по нашим войскам удар 6 танковыми, 1 моторизованной дивизиями и 2 танковыми бригадами из Курляндии и из Жмуди. Последний удар, под Шяуляем, мы отразили, под Тукумсом врагу удалось оттеснить войска 1-го Прибалтийского фронта от Рижского залива и восстановить сухопутную связь с группой армий «Север». Там образовался шедший через Ригу вражеский коридор шириною до 50 км. Возник почти 1000-километровый оборонительный рубеж фашистов, протянувшийся от Нарвского залива к Чудскому озеру, от Тарту к озеру Выртс-ярве, оттуда на юг до реки Гауя, по ее верхнему течению через Видземскую возвышенность мимо Плявиняса к реке Мемеле, далее следовал изгиб на северо-запад к Митаве и Добеле, откуда линия фронта спускалась на юг через Жмудь к восточнопрусской границе. Вот максимум того, чего добился здесь противник во второй половине августа.

В начале осени 1944 года мы могли подытожить наши летние достижения. Фашистскую коалицию постигли новые серьезные неудачи. В результате поражения финских войск на Карельском перешейке и в Южной Карелии Финляндия 5 сентября вышла из войны. Поражение румынских войск и вспыхнувшее затем в Румынии восстание заставили румынских правителей заявить 23 августа о выходе из войны и через два дня объявить войну Германии. 8 сентября вышла из войны Болгария, в тот же день объявившая войну Германии. В центре советско-германского фронта наши войска стояли перед Восточной Пруссией, на Висле и в Карпатах. Вооруженные силы Германии несли невосполнимые потери.

Летняя кампания 1944 года явилась ярким примером суммы стратегических операций, сильнейшей из которых была Белорусская.

Победа в Белоруссии была победой не одной Красной Армии, а всего советского народа. Снабдив Красную Армию первоклассной боевой техникой, боеприпасами, снаряжением, горючим, продовольствием, труженики советского тыла тем самым обеспечили исторический

успех и самой операции. Вдохновителем же и организатором этой победы была, как и прежде, Коммунистическая партия. Политико-воспитательное значение партийной агитации и пропаганды, нацеленность коммунистических лозунгов и призывов, авангардная роль коммунистов в бою — все это пронизывало фронтовую жизнь, воинские будни. Ни на один день не терялась также связь фронтов со Ставкой. Она тщательно вникала в ход событий и, если в том была необходимость, тотчас реагировала на принципиальные изменения в обстановке, а промахи фронтового руководства, своих представителей немедленно фиксировала и исправляла. Чтобы не быть голословным, приведу несколько документов, относящихся ко второй половине 1944 года.

6 июля Ставка направила командующим 1-го Прибалтийского и Белорусских фронтов (в копии — Жукову, мне и командующим остальных фронтов) директивное письмо, содержащее анализ недостатков в управлении войсками.

Прежде всего, отмечалось, что вследствие нарушения порядка передислокации штабов и командных пунктов, заключающегося в том, что они не организуют предварительно связи с подчиненными и высшими штабами на новом месте, теряется управление войсками, штабы в течение длительного времени не знают обстановки.

Отсутствие организованного руководства и комендантской службы при прохождении войсками дефиле и переправ, говорилось далее, приводит к перемешиванию частей, скоплению войск и к потере времени.

Как крупный недостаток отмечалось отвлечение главных сил для решения второстепенных задач, что приводит к замедлению темпа наступления. В ряде случаев наблюдается беспечность со стороны командиров соединений и штабов, которые, продвигаясь вперед, не заботятся о разведке и охранении.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывала командующим войсками фронтов и армий принять решительные меры к устранению отмеченных ошибок и о принятых мерах донести в Генштаб. 10 июля в письме Ставки командующему 2-м Прибалтийским фронтом говорилось о недочетах в его боевом приказе от 6 июля 1944 года:

«а) 22-я армия вместо свертывания обороны к своему левому флангу и взаимодействия с 4-й ударной армией наносит изолированный удар на Освея. б) Артиллерийские дивизии не используются на одном участке прорыва, как это Вам было указано Ставкой, в) Задачи, поставленные войскам на первый день операции, не реальны, пехота должна в первый же день пройти от 50 до 80 км, что невыполнимо». Затем следовали заново сформулированные задачи по 22-й армии: нанести удар в общем направлении на Клястицы, Кохановичи, разрушить оборону противника в районе озера Нещердо и содействовать продвижению 4-й ударной армии. Обе артиллерийские дивизии должны были использоваться на участке прорыва 10-й гвардейской и 3-й ударной армий. Всем войскам ставились выполнимые задачи.

В тот же день Ставка направила письмо командующему 1-м Украинским фронтом, в котором также уточнялись некоторые пункты:

«1. Танковые армии и конно-механизированные группы использовать не для прорыва, а для развития успеха после прорыва. Танковые армии, в случае успешного прорыва, ввести через день после начала операции, а конно-механизированные группы через два дня после начала операции, вслед за танковыми армиями.

2. На первый день операции поставить пехоте посильные задачи, так как поставленные Вами задачи, безусловно, завышены».

Изучив решение руководства 1-го Украинского фронта в связи с форсированием реки Сан и продвижением к Висле и в западных областях Украины, Ставка 24 июля 1944 года дала следующее указание:

«Ставка Верховного Главнокомандования считает Ваш план использования танковых армий и кав. корпусов преждевременным и опасным в данный момент, поскольку такая операция не может быть сейчас материально обеспечена и приведет только к ослаблению и распылению наших ударных группировок. Исходя из этого, Ставка Верховного Главнокомандования приказывает в первую очередь разгромить львовскую группировку противника и не допустить ее отхода за р. Сан или на Самбор».

Далее шли конкретные рекомендации по использованию 1-й и 3-й гвардейских и 4-й танковых армий, 3-й гвардейской и 60-й общевойсковых армий, 1-го и 6-го гвардейских кавалерийских корпусов.

Хочется привести еще несколько документов, убедительно показывающих активное вмешательство Ставки в распоряжения командующих фронтов.

10 сентября командующий Ленинградским фронтом получил следующее указание:

«Ставка считает неосновательным Вага доклад как о резком ухудшении обстановки в районе Тарту, так и о нарушении в связи с этим плана предстоящей операции. Противник имеет на всем фронте в 70 км от Чудского озера до озера Выртс-ярве всего 2 пехотные дивизии, 8—9 отдельных потрепанных полков и боевых групп и 50—60 танков... Силы Ленинградского фронта в районе Тарту, не считая 3 слабых дивизий, указанных Вами, составляют 11 стрелковых дивизий, и, кроме того, Вы можете использовать на этом направлении еще 3 дивизии, перебрасываемые с Карельского перешейка... Ставка приказывает: 1. Прекратить ненужную переписку и заняться подготовкой войск в предстоящей операции». Далее давались советы о порядке действий.

В каждой директиве фронтам Ставка точно фиксировала положение дел, обосновывая свое согласие или несогласие с решением командования.

«Перегруппировка и действия войск фронта ведутся крайне медленно; ни на одном из направлений не созданы ударные группы

для разгрома немецких войск, уже начавших на некоторых участках отход,— говорилось в директивном письме командующему Карельским фронтом от 10 сентября 1944 года.— На кандалакшском и кестеньгском направлениях наши войска втягиваются во фронтальные бои с частями прикрытия противника и позволяют ему планомерно отходить, вместо того чтобы отрезать пути отхода и разбить его... Прошу 10 сентября донести конкретный план действий войск, правого крыла фронта с указанием группировок, порядка действий, рубежей и сроков их достижения по каждому направлению в отдельности».

Контролируя действия 4-го Украинского фронта, развернувшегося в Карпатах, Ставка писала его командующему 17 сентября:

«1. Направление наступления главной группировки фронта Вами значительно отклоняется к востоку, в результате чего теряется взаимодействие с 38-й армией 1-го Украинского фронта. Основным направлением наступления иметь Команьча, Гуменне, Михальовце. 2. Взаимодействие с 38-й армией 1-го Украинского фронта осуществлять постоянно, а не относить его на период после преодоления главного хребта. Возможности для такого взаимодействия имеются и отказываться от него неправильно».

11 ноября, рассматривая положение в Закарпатье и Словакии, Генеральный штаб писал командующему 4-м Украинским фронтом (в копии — представителю Ставки С. К. Тимошенко):

«В связи с тем, что Вами выведено в резерв армий и фронта уже более половины всех имеющихся у Вас стрелковых дивизий, становится непонятным, как Вами мыслится проведение утвержденной Ставкою операции. Даше до вывода этих дивизий из первой боевой линии поставленная Вами задача выполнена не была. Прошу срочно сообщить, как Вы рассчитываете выполнить задачу при существующем положении».

А через 3 дня в тот же адрес шла новая директива: «Количество дивизий, используемых Вами для наступления, недостаточно для решения задачи выхода на рубеж Медзилабарце — Гуменне — Михальовце. Ставка... расценивает вывод Вами почти половины дивизий в резерв фронта и армий как стремление считаться только с интересами своего фронта, не заботясь о положении соседа и общих интересах». После изложения этих фактов в директиве перечислялись меры, которые надлежало принять командованию для исправления положения».

Такой стиль руководства фронтами был характерен и для Генштаба. Так, подводя итоги, доложив их в Ставку и получив ответы на свои выводы, Генеральный штаб направил 30 ноября командующим Белорусскими и 1-м Украинским фронтами (копии — командующим бронетанковыми и механизированными войсками, военно-воздушными силами, кавалерией Красной Армии) следующее письмо:

«В летних операциях 1944 года отмечены следующие основные не-



▲ Василевский А.М. в центре



▲ Прямой наводкой

дочеты в организации взаимодействия подвижных войск (танковых, механизированных и кавалерийских соединений) с авиацией при действиях их в оперативной глубине: 1. Несогласованность во времени ударов по противнику подвижных войск и авиации. 2. Запаздывание вылетов авиации по вызову командиров подвижных соединений. 3. Недостаточное прикрытие недвижных соединений с воздуха (на месте и в движении) средствами авиации.

В целях устранения недочетов в организации взаимодействия подвижных войск с авиацией Верховный Главнокомандующий приказал: 1. Проработать вопросы взаимодействия подвижных соединений с авиацией по опыту операций, проведенных войсками фронта. 2. Под руководством начальника штаба фронта провести командно-штабное учение командиров и штабов подвижных и авиационных соединений по отработке практических вопросов взаимодействия между ними. 3. О времени проведения учений и об итогах их донести в Генштаб».

Ставка особенно обстоятельно излагала свои доводы, когда ее предложения не совпадали с решениями командующих фронтами. Вот один из примеров.

Руководство 2-го Украинского фронта в связи с перевооружением истребительно-противотанковых артбригад высказалось за то, чтобы рассредоточить батареи 100-мм пушек по полкам. 29 декабря 1944 года Ставка в письме командующему фронтом (копия — Главному маршалу артиллерии Н. Н. Воронову) отмечала:

«Считаем неправильным Ваше предложение о том, чтобы не иметь полковой организации 100-мм пушек внутри противотанковой артиллерийской бригады, а иметь лишь отдельные батареи этих пушек, разбросанные по полкам бригады. Во-первых, Ваше предложение учитывает лишь условия ведения оборонительного боя при отсутствии у противника большого количества тяжелых танков и самоходок, что бывает довольно редко; но оно совершенно не учитывает танковых контратак противника при наступлении, наших войск и танковых атак противника при его наступлении, когда нам выгоднее массированное использование 100-мм пушек, собранных в кулак в виде полка.

Во-вторых, в организационном отношении, в интересах учебы и материального обеспечения также выгоднее 100-мм пушки иметь в одном полку бригады, а не распылять их побатарейно во все полки бригады. В-третьих, в случае необходимости, батареи 100-мм пушек могут временно выделяться на усиление других полков бригады с тем, однако, чтобы у них был готовый хозяин в виде командира полка и его штаба, способного, в случае необходимости, вновь собрать батареи в полк и массированно использовать их. В силу этого Ставка отклоняет Ваше предложение».

Я мог бы привести здесь много других таких же документов, свидетельствующих о роли Ставки и Верховного Главнокомандующего в руководстве фронтами. Все это также говорит о том, что Верховный



▲ Баграмян И.Х., Курасов В.В.

Главнокомандующий как организатор и руководитель действий наших войск был на высоте.

Я несколько забежал вперед, цитируя документы осени 1944 года. Вернусь к событиям, происходившим тогда в Прибалтике.

Прибалтийская стратегическая операция включала в себя четыре фронтовые. Рижскую (с 14 по 27 сентября), Таллинскую (с 17 по 26 сентября), Моонзундскую (с 30 сентября по 24 ноября) и Мемельскую (с 5 по 22 октября). 29 августа меня освободили от руководства операциями 3-го Белорусского фронта и поручили мне псе три Прибалтийских фронта. Но с 30 сентября мне снова было поручено руководство 3-м Белорусским и 1-м Прибалтийским фронтами, а руководство 2-м и 3-м Прибалтийскими возложили на командующего Ленинградским фронтом Л. А. Говорова. 16 октября мне добавили 2-й Прибалтийский, вобравший в себя войска из расформированного 3-го. За Говоровым был оставлен только Ленинградский фронт. 8 ноября, чтобы я мог сосредоточить все внимание на Прибалтике, командующий 3-м Белорусским фронтом был непосредственно подчинен Ставке. А зимой 1944/45 года Прибалтийские фронты снова были отданы Говорову, и т. д. Практически же до самого нового года я почти не покидал Прибалтику, всецело занятый ее делами. Отлучался только для участия в разработке новых стратегических операций.

Осенью наши войска в Прибалтике, перегруппировываясь и пополняясь, готовились к разгрому немецкой группы армий «Север». 26, 29 августа и 2 сентября Ставка направила фронтам директивы. Карельскому, Ленинградскому, всем Белорусским, 1-му и 4-му Украинским предписывалось перейти к жесткой обороне. На севере и в центре мы, перед очередным рывком вперед, решили переждать. Наступательные задачи ставились Прибалтийским, 2-му и 3-му Украинским фронтам. Войска 3-го Украинского фронта через Плоешти и Бухарест выходили к Дунаю, а правым крылом через Трансильванию к Восточным Карпатам. Войска 4-го Украинского должны были развить наступление в Словакию. Спустя несколько дней войска 2-го и 4-го Украинских фронтов получили частные задачи продвинуться через Команьчу и Прешов, соединиться со словацкими повстанцами и помочь антифашистскому восстанию в Баньской Бистрице.

Боевые действия в Прибалтике почти не затихали. Ленинградский фронт пока не мог сломить лобовым ударом фашистскую оборону на реке Нарве. Поэтому Говоров, получив для усиления 2 стрелковых корпуса и укрепленный район из 3-го Прибалтийского, должен был перебросить 1 армию через чудско-псковскую озерную горловину и от Тарту ударить на север, в ракверском направлении, чтобы

угрожать с тыла нарвской группировке врага.

2-й Прибалтийский, во взаимодействии с 3-м и 1-м, наносил главный удар на Ригу, а правым крылом — на Дзербене, навстречу 3-му Прибалтийскому фронту. Таким образом, войска 3-го и 2-го Прибалтийских фронтов должны были рассечь группу армий «Север». Им удалось сделать это частично. Основную массу своих сил немцы, откатываясь под ударами Ленинградского и двух северных Прибалтийских фронтов, увели в район Риги и на Курземский полуостров.

1-й Прибалтийский фронт, которому я по-прежнему уделял главное внимание, получил задание в течение двух недель измотать в оборонительных боях фашистскую танковую группировку, не позволить ей прорваться у Митавы и Шяуляя и помешать врагу расширить прибрежный коридор из Курляндии в Лифляндию. Правое крыло войск 1-го Прибалтийского фронта должно было, взаимодействуя с армиями двух остальных фронтов, разгромить группировку противника севернее Западной Двины и помешать ее отходу в Лиепайскую область. Для каждой армии были предусмотрены оперативные направления и сформирован танково-механизированный кулак — «рижский экспресс».

Общее наступление должно было начаться 14 сентября. Четырем нашим фронтам противостояли на участке от Немана до эстонского побережья свыше 700 тыс. вражеских солдат и офицеров (56 дивизий и 3 бригады), 7 тыс. орудий и минометов, 1216 танков и штурмовых орудий, 400 боевых самолетов. С нашей стороны действовали 900 тыс. человек, до 17 500 орудий и минометов, более 3 тыс. танков и САУ, свыше 2600 самолетов (вместе с Авиацией дальнего действия и морской — около 3500 самолетов). С моря операцию поддерживал и участвовал в ней Краснознаменный Балтийский флот.

Перед началом боевых действий я побывал в войсках, убедился в их готовности и отличном настроении.

В середине сентября забушевала с нарастающей силой стальная метель. 18-го я докладывал в Ставку:

«На фронте 6-й гвардейской армии Чистякова к юго-западу от Добеле противник с утра 17.IX повел наступление в восточном направлении силами 5-й, 4-й танковых дивизий и моторизованной дивизии «Великая Германия». Всего в бою принимало участие около 200 танков и самоходных орудий. До подхода к району действий с нашей стороны необходимых танковых и противотанковых средств противнику удалось вклиниться в нашу оборону от 4 до 5 км. Дальнейшее продвижение противника приостановлено. За день боя подбито и сожжено до 60 танков и самоходных орудий противника... С 10.00 18.IX противник возобновил наступление. До 13.00 все его атаки отбиты».

Мы бросили навстречу врагу 1-й и 19-й танковые корпуса генерал-лейтенантов танковых войск В. В. Будкова и И. Д. Васильева и на всякий случай приготовили еще 5-ю гвардейскую танковую армию. Ее прежний командующий П. А. Ротмистров был назначен заместителем командующего бронетанковыми и механизированными войсками



▲ На море



▲ Говоров Л.А.

Красной Армии, и теперь армию вел в бой генерал-лейтенант танковых войск В. Т. Вольский, мой давний знакомые по Сталинградской битве. Прибалтика явилась новой ступенью его военной карьеры, и в октябре того же года он получил звание генерал-полковника танковых войск.

Отражая яростный штурм врага, мы на 2 дня задержали удар 51-й армии Я. Г. Крейзера на Тукумс. Тем временем войска 2-го и 3-го Прибалтийских фронтов очищали от фашистов Рижскую область. Но продвигались они очень медленно. Мы решили дать им в помощь для действия вдоль Рижского шоссе 61-ю армию генерал-полковника П. А. Белова. Войска 3-го и 2-го Прибалтийских фронтов приближались к Сигулде — вражескому оборонительному рубежу в 70 км от Риги. Между тем на участке немецкой 3-й танковой армии в Клайпедской области, как установила разведка, находилось не более 8 фашистских дивизий. Остальные были направлены под Митаву, на выручку группы армий «Север», в состав которой 3-я танковая армия вошла незадолго до этого.

Получив соответствующее донесение, Ставка приняла решение перенести главный удар на мемельское направление. 24 сентября мы немедленно начали перегруппировку войск, в результате которой резко усиливалось левое крыло 1-го Прибалтийского фронта.

Под Шяуляй были собраны крепкие танковые и общевойсковые силы для удара на Палангу, Мемель (Клайпеду) и устье Немана. Вместе с военным советом 1-го Прибалтийского фронта мы разработали план этой операции: она должна была осуществляться на глубине в 130 км с прорывом 6 оборонительных рубежей противника. Войска фронта выходили к Восточной Пруссии с севера.

30 октября Ставка, опираясь на наш план, приказала командующим 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов готовить наступательную операцию по овладению северной частью Восточной Пруссии. 5 октября началась Мемельская операция. Таким образом, мы опередили врага, который намечал в середине октября организовать контрнаступление под Ригой.

Через 5 дней, ломая отчаянное сопротивление гитлеровцев, общевойсковые и танковые объединения и соединения 1-го Прибалтийского фронта вышли к Балтике севернее и южнее Мемеля. Группа армий «Север» вторично, и на этот раз окончательно, была отрезана от Германии.

15 октября вновь стала свободной советская Рига. Избежавшие разгрома 38 вражеских дивизий оказались в «курземской изоляции», прижатые к морю в районе от р. Барта до Тукумса, и еще 3 дивизии — в Мемеле. В распоряжении группировки были такие порты, как Мемель (Клайпеда), Либава (Лиепая), Павилоста, Виндава (Вентспилс), Мазирбе и Мерсраг. Но после Моонзундской операции мы с острова Эзель (Сааремаа) контролировали движение с Мазирбе и Мерсрага. Под ударами кораблей Балтийского флота и его морской авиации находились коммуникации и к остальным портам. Активно действовали с суши самолеты 13-й,

14-й, 15-й и 3-й воздушных армий (командующие генерал-лейтенанты С. Д. Рыбальченко и И. П. Журавлев, генерал-полковники Н. Ф. Науменко и Н. Ф. Папивин), а также Авиация дальнего действия. Немногим удалось выбраться с Курземского полуострова. Надежно заблокировав вражеские войска, мы не тратили на них порох, не несли жертв: предоставили их самим себе, пока группировка не капитулировала.

После 16 октября расформировали 3-й Прибалтийский фронт. Его войска частично передавались 2-му Прибалтийскому, частично выводились в резерв Ставки. Одновременно мне пришлось планировать вместе с командованием двух других Прибалтийских фронтов и Балтийского флота частные операции против изолированного противника. Начиная с декабря 1-й Прибалтийский стал активно помогать 3-му Белорусскому фронту в боях на Немане. 13 января 1945 года оба Прибалтийских фронта перешли к жесткой обороне.

Во время боев за Прибалтику со мной приключилось не совсем приятное происшествие. Как-то под вечер я ехал с КП от Еременко к Багрямяну. Навстречу нам с огромной скоростью мчался «виллис». За рулем сидел офицер. Мы не успели ни отвернуть, ни остановиться, как он врезался в нашу машину. Я и находившиеся со мной офицеры вылетели из машины. Я с трудом встал, сильно болели голова и бок. Смотрю, подходит ко мне бледный, как полотно, старший лейтенант и протягивает свой пистолет.

— Товарищ маршал,— срывающимся голосом проговорил он,— расстреляйте меня, я этого заслуживаю.

Он был или пьян, или казался таким от потрясения. Я приказал ему убрать оружие, отправиться в часть и доложить там о случившемся. Десять дней провалялся я у себя в управлении группы, не вставая с постели. Потом постепенно включился в работу [446] с выездами в войска. Но историей этого офицера, к сожалению, не помню его фамилии, пришлось еще заниматься. Как мне доложили, командование решило отдать его под суд военного трибунала. Я поинтересовался, кто этот офицер, и узнал, что он является командиром фронтовой роты разведки, отличался в боях, дисциплинарных нарушений не имел. Пришлось заступиться. Как только он приступил к исполнению служебных обязанностей, в ту же ночь блестяще выполнил боевое задание. А через некоторое время, как мне говорили, был удостоен звания Героя Советского Союза.

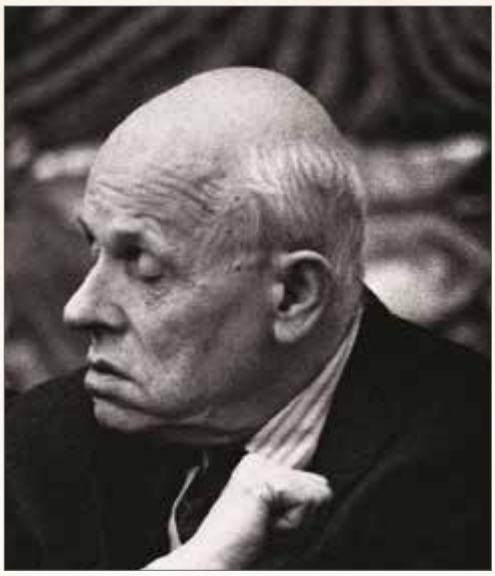
Когда примерно через месяц я приехал в Москву и пошел на рентген, врачи установили, что у меня были следы перелома двух ребер. ■



▲ В освобожденном Шауляе

А.Д. САХАРОВ

МАГНИТНЫЙ ТЕРМОЯДЕРНЫЙ РЕАКТОР. МАГНИТНАЯ КУМУЛЯЦИЯ



Сахаров Андрей Дмитриевич (1921-1989), советский физик-теоретик, академик АН СССР. Общественный деятель, диссидент, правозащитник. Один из членов Совета директоров международного Фонда за выживание и развитие человечества (1988).

Совместно с академиком И.Е. Таммом предложил применить нагретую плазму, помещенную в магнитное поле, для получения управляемой термоядерной реакции. Основные труды по ядерной физике, физике элементарных частиц, релятивистской космологии.

Сахаров стал доктором физико-математических наук в 1953 году. В этом же году в возрасте 32 лет избран Действительным членом Академии наук, став вторым по молодости на момент избрания академиком в истории АН СССР (после С.Л. Соболева). Рекомендацию, сопровождавшую представление в академики, подписали академик И.В. Курчатов и члены-корреспонденты АН СССР Ю.Б. Харитон и Я.Б. Зельдович. Из воспоминаний В.Л. Гинзбурга, в избрании Сахарова сразу академиком — минуя ступень члена-корреспондента — сыграла некоторую роль национальность:

«В 53-м году меня, по предложению Игоря Евгеньевича Тамма, выбрали в членкоры. Он же предлагал избрать в членкоры и Андрея Дмитриевича, но его избрали сразу в академики. Почему? Им нужен был герой — русский. Евреев хватало: Харитон, Зельдович, ваш собеседник. Скажу, чтобы не было недоразумений: я Сахарова нисколько не ревную, не собираюсь бросать на него тень, но, говоря в историческом плане, его очень раздули по военной линии — из националистических соображений. Он — национальный герой, очень, правда, всех потом подведший».

А.Д. Сахаров был трижды Героем Социалистического Труда (1953, 1956, 1962), лауреатом Сталинской (1953), Ленинской (1956) премий СССР.

В 1955 году Сахаров подписал «Письмо трехсот» против печально известной деятельности академика Т.Д. Лысенко.

В 1966 году подписал письмо двадцати пяти деятелей культуры и науки генеральному секретарю ЦК КПСС Л.И. Брежневу против реабилитации Сталина.

А.Д. Сахаров вообще предлагал не обслуживать вашингтонскую стратегию разорения Советского Союза гонкой вооружений. Он выступал за размещение вдоль Атлантического и Тихоокеанского побережий США

ядерных зарядов по 100 мегатонн каждый. И при агрессии против нас либо наших друзей нажать кнопки. Было это сказано им до ссоры с Н. С. Хрущевым в 1961 г. из-за разногласий по поводу испытания термоядерной бомбы мощностью в 100 мегатонн на полигоне Новой Земли.

Он жил слишком долго в каком-то предельно изолированном мире, где мало знали о событиях в стране, о жизни людей из других слоев общества, да и об истории страны, в которой и для которой они работали.

В 1968 году Сахаров написал брошюру «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе», которая была опубликована во многих странах и передавалась летом 1968 г. в эфире «Радио Свобода». После публикации летом текста брошюры в «The New York Timts» его отстраняют от работы на секретном объекте в Арзамасе-16. 26 августа 1968 года, через пять дней после ввода советских войск в Чехословакию, Сахаров познакомился с Александром Солженицыным: тайно встретившись на квартире члена-корреспондента, с 1997 года академика РАН Е. Л. Фейнберга (одного из близких друзей), они обсуждали «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе», уже имевшие широкое распространение в самиздате, и произошедшую накануне демонстрацию на Красной площади.

В 1975 году за написанную книгу «О стране и мире» Сахарову тут же была присуждена Нобелевская премия мира в области сохранения мира. В январе 1977 года в Московском метро на перегоне станций Измайловская — Первомайская (Арбатско — Покровская линия) был совершен террористический акт. 9 погибших, 37 тяжело раненых. Сахаров предположил, что к взрыву в метро причастно руководство КГБ СССР. Письмо, написанное им в газету Правда было отклонено.

Публично выступил с тремя заявлениями против ввода советских войск в Афганистан, где жестко высказывался по поводу штурма советским спецназом здания дворца Х. Амина, призвал вернуть солдат домой. Его выступления были напечатаны на передовицах западных газет. В советских газетах были опубликованы коллективные письма деятелей науки и культуры с осуждением политической деятельности Сахарова. А. А. Зиновьев иронически величал Сахарова «Великим Диссидентом».

8 января 1980 года вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР, подписанный Председателем Президиума ВС СССР Л. И. Брежневым.

«За систематическое совершение Сахаровым А. Д. действий, порочащих его как награжденного, и принимая во внимание многочисленные предложения советской общественности, Президиум Верховного Совета СССР на основании статьи 40 «Общего положения об орденах, медалях и почетных званиях СССР» постановляет: лишить Сахарова Андрея Дмитриевича звания Героя Социалистического Труда и всех имеющихся у него государственных наград СССР».

Постановлением Совета Министров СССР Сахаров А. Д. был лишен звания Лауреата Ленинской и Сталинской премий.

Звания члена (академика) АН СССР он не был лишен. Академик Капица, возражавший против лишения Сахарова звания академик, в личном разговоре с президентом Академии наук академиком А. П. Александровым заявил: «в 1933 году Гитлер исключил Эйнштейна из Прусской академии наук».

В январе 1980 года Сахаров (вместе с Боннэр) был выслан из Москвы в Горький — город в то время закрытый для посещения иностранными гражданами. В Горьком Сахаров провел три голодовки: в 1981 году (за право выезда к мужу за рубеж снохи Боннэр), 1983 и 1985.

Президент АН СССР академик А. П. Александров заявил: «Я не верю человеку, который бросил своих детей от первой жены и сейчас голодает из-за того, что не выпускают за границу невестку сына его новой жены».

С конца 1960-х — в начале 1970-х годов Сахаров ездил на процессы над диссидентами. Во время одной из таких поездок в 1970 году в Калуге (процесс Б. Вайля — Р. Пименова) познакомился с Еленой Боннэр и в 1972 году женился на ней. Сам Сахаров позже в своём дневнике писал: «Люся подсказывала мне (академику) многое, что я иначе не понял бы и не сделал. Она большой организатор, она мой мозговой центр».

У Боннэр было двое детей (Татьяна, Алексей), к тому времени уже достаточно взрослых.

Первый раз Сахаров женился в 1943 году на Клавдии Алексеевне Вихиревой (1919—1969, умерла от рака). У них было трое детей: Татьяна (род. 1945), Любовь (род. 1949) и Дмитрий (1957—2021).

Что касается детей А. Д. Сахарова, то вполне взрослыми на тот момент были две старшие дочери. Младшему, Дмитрию, едва исполнилось 15 лет, когда Сахаров переехал к Елене Боннэр. О брате стала заботиться его старшая сестра Любовь.

В 1986 году Горбачев возвращает Сахарова в Москву. В 1988 году псевдо правозащитник-демократ посетил США, встречался с президентами Рейганом и Д.Бушем. Во Франции — с премьер-министром Миттераном, в Англии с М.Тэтчер.

В 1989 году Сахаров был избран народным депутатом СССР от Академии наук СССР. В мае — июне участвовал в I Съезде народных депутатов СССР. Многочисленные выступления Сахарова на съезде с постоянным нарушением регламента (8 раз за 13 дней) возмутили делегатов (присутствовало более 2 тысяч), из зала постоянно были крики и свист.

2 июня семь депутатов с трибуны назвали интервью Сахарова канадской газете «Оттава ситизен» провокационной выходкой, целью которой было «унижение чести, достоинства и памяти сыновей своей Родины». Интервью было о судьбе советских военнослужащих в Афганистане. В нем Сахаров заявил, что «во время войны в Афганистане с советских вертолетов расстреливали советских солдат, попавших в окружение, чтобы те не могли сдаться в плен» уточнив, что ему (Сахарову) об этом известно из передач зарубежного радио. — После чего за ничтожным исключением зал встал, кричал и аплодировал семерым депутатам, обвинивших Сахарова в клевете.

Со съезда велась прямая трансляция по телевидению. В тот же день Сахаров получил сотни посланий. Как он сам писал в дневнике «каждое утро почта приносит гору писем. Из СССР большей частью ругательные».

Перед самым завершением съезда Сахаров в очередной раз потребовал слова. Зал прокричал «Нет!». Но председательствующий Горбачев дал ему слово. Псевдо правозащитник — демократ предложил принять «декрет о власти» полностью изменяющий конституционное устройство. После истечения двух регламентов микрофон был отключен.

Бывают гении зла, подлецы с сильной натурой, и их из истории не выбросишь.

К первым объектовским годам (1950–1951) относится наша совместная с Игорем Евгеньевичем Таммом работа по проблеме управляемой термоядерной реакции.

Я начал думать, как я уже писал, об этом круге вопросов ещё в 1949 году, но без каких-либо разумных конкретных идей. Летом 1950 года на объект пришло присланное из секретариата Берии письмо с предложением молодого моряка Тихоокеанского флота Олега Лаврентьева. В вводной части автор писал о важности проблемы управляемой термоядерной реакции для энергетики будущего. Далее излагалось само предложение. Автор предлагал осуществить высокотемпературную дейтериевую плазму с помощью системы электростатической термоизоляции. Конкретно предлагалась система из двух (или трёх) металлических сеток, окружающих реакторный объём. На сетки должна была подаваться разница потенциалов в несколько десятков Кэв, так чтобы задерживался вылет ионов дейтерия или (в случае трёх сеток) в одном из зазоров задерживался вылет ионов, а в другом — электронов. В своём отзыве я написал, что выдвигаемая автором идея управляемой термоядерной реакции является очень важной. Автор поднял проблему колоссального значения, это свидетельствует о том, что он является очень инициативным и творческим человеком, заслуживающим всяческой поддержки и помощи. По существу конкретной схемы Лаврентьева я написал, что она представляется мне неосуществимой, так как в ней не исключён прямой контакт горячей плазмы с сетками и это неизбежно приведёт к огромному отводу тепла и тем самым к невозможности осуществления таким способом температур, достаточных для протекания термоядерных реакций. Вероятно, следовало также написать, что, возможно, идея автора окажется плодотворной в сочетании с какими-то другими идеями, но у меня не было никаких мыслей по этому поводу, и я этой фразы не написал. Во время чтения письма и писания отзыва у меня возникли первые, неясные ещё мысли о магнитной термоизоляции. Принципиальное отличие магнитного поля от электрического заключается в том, что его силовые линии могут быть замкнутыми (или образовывать замкнутые магнитные поверхности) вне материальных тел, тем самым может быть в принципе решена „проблема контакта". Замкнутые магнитные силовые линии возникают, в частности, во внутреннем объёме тороида при пропускании тока через тороидальную обмотку, расположенную на его поверхности. Именно такую систему я и решил рассмотреть.

В начале августа 1950 года из Москвы вернулся Игорь Евгеньевич — кажется, ему был предоставлен кратковременный отпуск. Он с огромным интересом отнёсся к моим размышлениям — всё дальнейшее развитие идеи магнитной термоизоляции осуществлялось нами совместно. Вклад И. Е. был особенно велик во всех расчётах и оценках и в рассмотрении основных физических концепций — магнитного дрейфа, магнитных поверхностей и некоторых других. Первоначально я предложил назвать нашу тему ТТР (тороидальный термоядерный реактор), но И. Е. придумал более общее и удачное название МТР (магнитный термоядерный реактор); это название привилось, оно применяется и к другим схемам с магнитной термоизоляцией.

Первая (ещё не самая серьёзная) трудность, на которую мы обратили внимание, была проблема магнитного дрейфа. Общая картина движения заряженной частицы (иона или электрона) в сильном магнитном поле — спираль, „навитая" на магнитную силовую линию. Радиус витков спирали обратно пропорционален магнитному полю и называется „ларморовским радиусом". Таким образом, двигаясь вдоль силовой линии, частица не выходит из реакторного объёма и не соприкасается со стенками, если сами силовые линии не выходят к стенкам. Это и есть принцип магнитной термоизоляции. Но приведённая картина справедлива лишь приближённо, с точностью до параметра, определяемого отношением ларморовского радиуса к радиусу кривизны магнитной силовой линии. Из-за неоднородности магнитного поля в общем случае возникает смещение центра ларморовской окружности, уводящее его с магнитной силовой линии („магнитный дрейф"). Кроме того, возможен дрейф, вызванный электрическими полями („электрический дрейф"). Происхождение явления дрейфа легко понять — магнитное поле перпендикулярно плоскости чертежа, а напряжённость возрастает в направлении оси X. Кривизна траектории движения заряженной частицы пропорциональна величине магнитного поля и больше в точке B, чем в точке A; в результате траектория частицы (точней, её проекция на плоскость, перпендикулярную вектору магнитного поля) оказывается незамкнутой, что изображено на рисунке (дрейф в направлении оси Y). Аналогично действует направленное вдоль оси X электрическое поле. Магнитное поле, созданное тороидальной обмоткой (в отсутствие плазмы) внутри тороида, совпадает с полем прямого тока, текущего вдоль оси вращения; его напряжённость обратно пропорциональна расстоянию до оси вращения. В результате возникает дрейф (смещение) заряженных частиц в направлении, параллельном



▲ Тамм И.Е.



▲ Берия Л.П.

оси вращения, и они попадают на стенку тороидального объёма.

Выход из этой трудности — в рассмотрении систем, в которых, кроме поля, созданного тороидальной обмоткой, есть ещё налагающееся на него поле, созданное циркулярным током, текущим внутри тороидального объёма. В таких системах уже нет замкнутых магнитных силовых линий, но есть замкнутые магнитные силовые поверхности, охватывающие циркулярный ток. Магнитные силовые линии спирально навиваются на эти поверхности, опять никуда не выходя за пределы внутреннего объёма. О магнитных поверхностях есть упоминание ещё в курсе И. Е. „Основы теории электричества", написанном задолго до того, как они нам понадобились. В 1950–1951 гг. И. Е. развил эти идеи. Важный вклад (на этом этапе) внёс также Н. Н. Боголюбов. В дальнейшем математическую проблему магнитных поверхностей продолжали разрабатывать другие учёные. Мы показали ещё в 1950 г., что, хотя магнитный дрейф в таких системах и происходит, он уже не выводит частицы за пределы ограниченного объёма. Игорь Евгеньевич сделал тогда ещё одно наблюдение, на много лет опередившее развитие МТР. Он указал, что крайне опасно возникновение таких нарушений структуры (топологии) магнитных поверхностей, при которых некоторые магнитные силовые линии могут быть „стянуты в точку" внутри тороидального объёма. Такая „банановая", как её называют, структура может возникнуть, например, из-за неправильностей в изготовлении тороидальной обмотки или из-за плазменных неустойчивостей (см. далее) — и приводит к колоссальному увеличению теплоотвода. В наших первых предложениях мы рассматривали две возможности создания циркулярного тока — при помощи специального кольца с током, расположенного внутри реакторного объёма, и при помощи индукционного тока, текущего непосредственно по плазме и созданного импульсными токами в расположенных вне тороидального объёма дополнительных циркулярных обмотках. Эта последняя система наиболее близка к системе „Токамак", которая сейчас (1982 г.) представляется одной из наиболее перспективных во всей проблеме управляемой термоядерной реакции. Мы написали отчёт-предложение и, что тогда было важнее, рассказали о наших идеях И. В. Курчатову.



▲ Первое ГУ

В начале 1951 г. (или в конце 1950-го) на объект прибыла комиссия для рассмотрения наших предложений. В комиссию входили Лев Андреевич Арцимович и Михаил Александрович Леонтович, впоследствии возглавившие работы по МТР. Председателем был Арцимович. И. Е. и я сделали серию докладов, в которых, кроме вышеизложенного, осветили и другие вопросы — первые оценки эффективности системы, если „всё получится"; при этом рассматривались системы, как с чистым дейтерием, так и со смесью дейтерия с тритием (которые представляются более реальными), пристеночные эффекты и многое другое. Важное моё предложение об использовании нейтронов термоядерного реактора для целей бридинга — т. е. для производства при захвате нейтронов урана-233 из тория-232 и плутония-239 из природного урана-238 — вероятно, было сформулировано несколько позже приезда комиссии. Так как выделение энергии на один акт реакции при процессе деления гораздо больше, чем при процессе синтеза, экономические и технические возможности такого комбинированного двухступенчатого производства энергии оказываются выше, чем при получении энергии непосредственно в термоядерном реакторе. Делящиеся материалы производятся при этом в МТР и затем сжигаются в атомных реакторах сравнительно простой конструкции, более простых, чем реакторы на быстрых нейтронах, в которых к тому же накопление делящихся материалов происходит сравнительно медленно. Может быть, я упоминал об этом предложении, но оно не привлекло внимания. Главное внимание при обсуждении было посвящено вопросу о так называемых плазменных неустойчивостях (подробней о них — ниже). Именно ими опреде-

ляется принципиальная осуществимость МТР. Мы с И. Е. знали об этом кое-что и, конечно, опасались их влияния, но надеялись, что в достаточно больших системах и за достаточно малое время (например, в импульсных термоядерных реакторах) они не скажутся в той мере, чтобы сделать невозможным осуществление МТР. Существовавшие в то время теории турбулентной плазменной диффузии в магнитном поле давали очень большие значения коэффициента теплоотвода (хотя и меньше, чем в отсутствие магнитного поля). Если бы эти теории были справедливы и применимы к МТР, то МТР был бы практически невозможен или очень сложен и громоздок в осуществлении и не экономичен. Но мы не знали об этом летом 1950 года. А когда Арцимович рассказал нам про эти теории, то и мы, и он уже видели перед собой большие перспективы и не хотели отступать без борьбы. Повторилась почти точно (внешне) ситуация, отражённая в известной притче Эйнштейна — как совершаются изобретения. Сначала все специалисты говорят, что это невозможно, и приводят веские аргументы. Потом появляется невежда, который всего этого не знает, и он-то и делает изобретение. Не следует всё же понимать эту притчу слишком буквально; „невежда" должен быть на уровне современных научных знаний и ещё обладать рядом качеств — иначе ничего не получится; лучше же всего, если он знает о трудностях, но обладает интуицией, чтобы их не бояться даже и тогда, когда ещё не может обосновать свою правоту строго логически. В какой-то мере у нас была именно эта ситуация. Но главная особенность истории разработки МТР была в том, что неустойчивости действительно чрезвычайно опасны и их очень много различных типов, о которых никто тогда не подозревал. Неустойчивости простейшего типа — так называемые гидродинамические, т. е. такие, в которых плазму можно трактовать макроскопически как непрерывную среду. Они же оказались самыми „вредными". Пример гидродинамической неустойчивости — образование „перетяжки" на плазменном шнуре, по которому течёт ток. Ток создаёт вокруг шнура циркулярное магнитное поле, сжимающее шнур своим давлением $p = H^2/8\pi$. Напряжённость поля обратно пропорциональна радиусу, поэтому в точке „перетяжки" поле и его давление больше, что приводит к ещё большему углублению перетяжки. Это и есть неустойчивость — случайно возникшая самая неглубокая перетяжка за короткое время углубляется настолько, что шнур в этом месте „рвётся". Экспериментаторы ЛИПАНа наткнулись на это явление при самых драматических обстоятельствах. Они производили опыты с дейтериевой плазмой, создавая мощные импульсные разряды. Как и следовало ожидать, плазменный шнур сжимался магнитным полем. Предполагалось, что при этом сильно возрастают давление, плотность и температура внутри шнура. По оценкам в их экспериментах не должно было наблюдаться никаких нейтронов от ядерной реакции, но на всякий случай у них была аппаратура для их регистрации. И вдруг эта аппаратура показала образование некоторого (небольшого) количества нейтронов в момент импульса. Возникла ослепительная надежда, что почему-то температура и плотность плазмы оказываются выше, чем по расчётам, и происходит термоядерная реакция! Было от чего закружиться голове. К счастью, у Арцимовича, Леонтовича и большинства экспериментаторов и теоретиков ЛИПАНа головы не закружились. Арцимовичем была высказана гипотеза, впоследствии подтвердившаяся, что в этих опытах имеет место разрыв плазменного шнура в результате „перетяжечной" неустойчивости, а так как по шнуру течет электрический ток большой силы, в точке разрыва возникает электрическое поле (по существу это то же самое явление, которое „наблюдал" когда-то своими пальцами я, размыкая ток батарейки, текущий через обмотку игрушечного моторчика). Электрическое поле ускоряет ядра, находящиеся в точке разрыва, и они взаимодействуют



▲ КБ-11 в Арзамасе-16



▲ Арцимович Л.А.



▲ Леонтович М.А.

с другими ядрами. Т. е. происходит то же, что в обычной ускорительной трубке. Ядерная реакция действительно имеет место, но это не термоядерная реакция! В дальнейших экспериментах пытались увеличить наблюдаемый эффект, применяя импульсные токи большей величины. Если бы мы имели дело с термоядерной реакцией, то можно было бы ожидать резкого увеличения выхода нейтронов. Но ничего подобного не наблюдается. Это была просто ускорительная трубка, причём плохая. Сенсация развеялась, но, конечно, само явление было очень интересным. История с „фальшивыми" нейтронами получила некоторое отражение в фильме режиссёра Михаила Ромма „Девять дней одного года", вышедшем на экраны в 60-х годах; недавно его вновь показывали по телевизору. Игорь Евгеньевич рассказывал мне тогда некоторые подробности его предыстории. Первоначально Ромм обратился за материалами для будущего фильма к проф. Василию Семёновичу Емельянову, тогда начальнику Управления по мирному использованию атомной энергии. (Емельянов — старый большевик, автор нескольких книг воспоминаний; в 60-е годы он выступил в „Правде" с резкими нападками на писателя Виктора Некрасова за умаление роли рабочего класса, тоже в связи с кино.) Что Ромму рассказал Емельянов — мне неизвестно; он любит и умеет поговорить. Но он направил Ромма к И. Е. С Игорем Евгеньевичем Ромм разговаривал несколько раз. Тема была — история МТР. Герой фильма — Гусев — имеет имя и отчество, напоминающие мои — Дмитрий Андреевич, но он экспериментатор; отец его живёт в деревне (воплощает народную мудрость). Ромм пытался в своём фильме показать изнутри жизнь научно-исследовательского ядерного института, пафос и психологию работы над мирной (и — за кулисами — немирной) термоядерной тематикой. Мне первоначально фильм скорее понравился; теперь мне кажется, что его портит слишком большая „условность" большинства ситуаций. Для самого Ромма фильм явился как бы переходной ступенью от „Ленина в Октябре" к замечательному и волнующему „Обыкновенному фашизму".

Центральный эпизод в фильме — переоблучение Гусева нейтронами от экспериментальной термоядерной установки.

На самом деле до такой опасности и до сих пор очень далеко!

В 1950 году мы надеялись осуществить МТР за 10, максимум — за 15 лет. (Я говорю о нас с Игорем Евгеньевичем и более горячих головах из числа ЛИПАНовцев; Арцимович и Леонтович были настроены осторожней.) Сейчас позади 32 года напряжённой работы многих сотен талантливых людей во всех развитых странах мира. Проведены многочисленные эксперименты в самых разнообразных условиях, многочисленные, часто очень тонкие и глу-

бокие теоретические исследования. И только сейчас, по-видимому, поведение плазмы в неоднородных магнитных полях и поведение систем типа Токамак изучены в той мере, которая даёт обоснованную, а не интуитивную надежду на осуществимость этих систем. Но абсолютно достоверный ответ будет получен лишь в ходе демонстрационного эксперимента, надо надеяться — в этом десятилетии!

На основании доклада комиссии было принято постановление Совета Министров, согласно которому разработка проблемы МТР поручалась ЛИПАНу. Ответственный руководитель — Л. А. Арцимович. Руководитель теоретических работ — М. А. Леонтович. Авторы предложения Тамм и Сахаров привлекались в качестве постоянных консультантов. (Подразумевалось, что основной нашей задачей, за которую мы отвечаем, является по-прежнему разработка термоядерного заряда.) Во всех дальнейших работах роль Арцимовича и Леонтовича была очень большой. Арцимович уже имел опыт в плазменных явлениях, который он приобрёл, занимаясь электромагнитными методами разделения изотопов. Но гораздо важней был его высокий общефизический уровень, прекрасное владение экспериментальной техникой и теорией, острый, скептический и одновременно деловой ум. Очень существенна заслуга Арцимовича в выборе Токамака как основного направления исследований. Что касается Леонтовича, то лучшего руководителя теоретических работ найти было нельзя. Он мало верил в конечный успех, но делал максимум возможного для его приближения. Отношение его к сотрудникам было требовательным, отеческим и самоотверженным. Огромные успехи в теоретической физике плазмы в МТР без него были бы невозможны.

Через несколько недель после комиссии я был вызван к Берии. До этого один раз и много раз после я бывал в Кремле в кабинете Берии № 13 в составе большой группы, возглавляемой „старшими" (Б. Л. Ванниковым и И. В. Курчатовым). Расскажу, как обычно это происходило.

Каждый раз, приехав в Москву, я должен был сидеть, как принято говорить, „на приколе", потом — иногда через неделю — поступал сигнал из Управления: „Зовут наверх". Я приезжал туда, и все вместе мы направлялись в Кремль; в бюро пропусков нам выдавались листочки-пропуска, затем надо было пройти несколько постов проверки, один офицер проверял придирчиво паспорт и пропуск, а другой бдительно смотрел прямо в лицо, нет ли на нём подозрительного выражения. Конечно, задавался вопрос, нет ли у вас с собой оружия (но обыска ни разу не было).



▲ Ванников Б.Л. Байбаков Н.К. Курчатов И.В.



▲ Испытания водородной бомбы

В этот раз я ехал один. В приёмной Берии я увидел, однако, Олега Лаврентьева — его отозвали из флота. К Берии нас пригласили обоих. Берия, как всегда, сидел во главе стола, в пенсне и в накинутой на плечи светлой накидке, что-то вроде плаща. Рядом с ним сидел его постоянный референт Махнев, в прошлом начальник лагеря на Колыме. После устранения Берии Махнев перешёл в наше Министерство в качестве начальника отдела информации; вообще тогда говорили, что МСМ — это „заповедник" для бывших сотрудников Берии.

Берия, даже с какой-то вкрадчивостью, спросил меня, что я думаю о предложении Лаврентьева. Я повторил свой отзыв. Берия задал несколько вопросов Лаврентьеву, потом отпустил его. Больше я его не видел. Знаю, что он поступил на физический факультет или в какой-то радиофизический институт на Украине и по окончании приехал в ЛИПАН. Однако после месяца пребывания там у него возникли большие разногласия со всеми сотрудниками. Он уехал обратно на Украину. В 70-х годах я получил от него письмо, в котором он сообщал, что работает старшим научным сотрудником в каком-то прикладном научно-исследовательском институте, и просил выслать документы, подтверждающие факт его предложения 1950 года и мой отзыв того времени. Он хотел оформить свидетельство об изобретении. У меня ничего на руках не было, я написал по памяти и выслал ему, заверив официально моё письмо в канцелярии ФИАНа. Моё первое письмо почему-то не дошло. По просьбе Лаврентьева я выслал ему письмо вторично. Больше я о нём ничего не знаю. Может быть, тогда, в середине 50-х годов, следовало выделить Лаврентьеву небольшую лабораторию и предоставить ему свободу действий. Но все ЛИПАНовцы были убеждены, что ничего, кроме неприятностей, в том числе для него, из этого бы не вышло.

После ухода Лаврентьева Берия обратился ко мне с вопросом, как идёт работа по МТР у Курчатова. Я ответил. Он встал, давая понять, что разговор окончен, но вдруг сказал:

— Может, у вас есть какие-нибудь вопросы ко мне?

Я совершенно не был готов к такому общему вопросу. Спонтанно, без размышлений, я спросил:

— Почему наши новые разработки идут так медленно? Почему мы всё время отстаём от США и других стран, проигрывая техническое соревнование?

Я не знаю, какого рода ответа я ждал. Через 20 лет в „Меморандуме" Сахарова, Турчина и Медведева задаётся этот же вопрос и даётся ответ, что это отставание связано с неразвитостью демократических структур управления, недостатком информационного обмена, недостатком интеллектуальной свободы. Но вряд ли тогда я осознанно думал об этом. Берия ответил мне прагматически:

— Потому что у нас нет производственно-опытной базы. Всё висит на одной „Электросиле". А у американцев сотни фирм с мощной базой.

(Такой ответ был мне, конечно, не интересен.) Он подал мне руку. Она была пухлая, чуть влажная и мертвенно-холодная. Только в этот момент я, кажется, осознал, что говорю с глазу на глаз со страшным человеком. До этого мне это не приходило в голову, и я держался совершенно свободно. Вечером этого дня я был у родителей и рассказал им о своей встрече с Берией. Их испуганная реакция усилила мои ощущения; быть может даже, сейчас это трудно восстановить, только тогда я осознал их.

***

Подготовка к испытанию первого термоядерного заряда была значительной частью всей работы объекта в 1950–1953 гг., так же как и других организаций и предприятий нашего управления и многих привлечённых организаций. Это была комплексная работа, включавшая, в частности, экспериментальные и теоретические исследования газодинамических процессов взрыва, ядерно-физические исследования, конструкторские работы в прямом смысле этого слова, разработку автоматики и электрических схем изделия, разработку уникальной аппаратуры и новых методик для регистрации физических процессов и определения мощности взрыва.

Громадных усилий с участием наибольшего числа людей и больших материальных затрат требовали производство входящих в изделие веществ, другие производственные и технологические работы.

Особую роль во всей подготовке к испытаниям первого термоядерного изделия (как и всех других изделий) играли теоретические группы. Их задачей был выбор основных направлений разработки изделий, оценки и общетеоретические работы, относящиеся к процессу взрыва, выбор вариантов изделий и курирование конкретных расчётов процесса взрыва в различных вариантах. Эти расчёты проводились численными методами, в те годы — в специальных математических секретных группах, созданных при некоторых московских научно-исследовательских институтах.

Необходимо было, прежде всего, разработать расчётные схемы, устойчивые к неизбежным малым погрешностям счёта и достаточно точные при приемлемом объёме вычислительной работы. Сами расчёты были при этом „шаблонными“, почти механическими, но необыкновенно трудоёмкими. Первоначально они делались вручную (точней, на электрических арифмометрах) целыми бригадами вычислителей. Затем, после появления первых советских электронно-вычислительных машин (сначала на лампах, потом на транзисторах), наши расчёты были переведены на машины. Расчёты изделий сразу стали одним из самых важных применений ЭВМ. Наличие спроса со стороны могущественного и богатого потребителя, в свою очередь, стимулировало разработку новых ЭВМ, со всё более высокими характеристиками быстродействия, „памяти“, внешних устройств и логическими возможностями. Впрочем, в наших делах широкое использование ЭВМ относится к периоду уже после 1953 г. Другим „богатым“ потребителем были ракетно-космические исследования.



▲ Полигон на Новой Земле



▲ Павлов Н.И.



▲ Харитон Ю.Б.

Теоретические группы также играли важную роль в определении задач, анализе результатов, обсуждении и координации почти всех перечисленных направлений работ других подразделений объекта и привлечённых организаций.

В качестве примера коротко скажу о ядерно-физических исследованиях. Они чётко распались на два направления. Во-первых, во многих группах на объекте, в Москве и в других городах велись измерения вероятностей („сечений") элементарных ядерных процессов, которые после некоторых теоретических манипуляций использовались в расчётах. Например, сечения реакций дейтерия и дейтерия с тритием использовались для вычисления скорости термоядерных реакций при разных температурах. Во-вторых, в экспериментальных группах объекта проводились опыты интегрального характера, моделирующие ядерные процессы в геометрии, похожей на геометрию изделий (примером таких интегральных установок является упомянутый в одной из предыдущих глав ФИКОБЫН). Руководителем одной из групп этого второго направления был Юрий Аронович Зысин. У меня были с ним самые тесные деловые отношения. Обычно, раз в месяц или чаще, я приезжал по вечерам в его лабораторию. Это был особый мир — мир высоковольтной аппаратуры, мерцающих огоньков пересчётных схем, таинственно поблёскивавшего фиолетовым отливом металла (урана), обозначавшегося тогда диковинным сочетанием букв и цифр.

Сотрудники Зысина работали посменно, но, зная о моём приезде, они все собирались, и мы не спеша, в очень дружеской и спокойной обстановке обсуждали результаты экспериментов. Уезжал я от них обычно часов в 9 вечера. (Среди молодых сотрудников был Саша Лбов; он недавно напомнил о себе, прислав мне в Горький ругательное письмо в связи с моим обращением к Пагуошской конференции.)

С самим Зысиным у меня возникли и чисто личные отношения. Наши коттеджи были расположены рядом, и мы дружили семьями — и взрослые, и дети. Старший сын Зысина был ровесником моей второй дочери Любы. Для Клавы, оказавшейся на объекте в некотором вакууме, это общение было в особенности важно. Мы часто вместе катались на лыжах. В марте и апреле Юра во время этих прогулок раздевался до пояса и скоро сильно загорал (сохранилась фотография, где мы все, старшие и младшие, только что приехали из леса; Клава и Ирина, жена Юры, со смехом набирают снег для снежков). Юрий Аронович иногда рассказывал о довоенных годах, о войне (он был её участником) и о первых послевоенных годах в ЛИПАНе. Однажды он выступил на семинаре в ЛИПАНе с докладом, в котором обосновывался принцип „жёсткой фокусировки" при констру-

ировании ускорителей. К сожалению, специалисты в этой области тогда не оценили его предложения и „доказали", что такого не может быть, потому что не может быть. Сейчас, как известно, строительство больших ускорителей немыслимо без использования принципа жёсткой фокусировки, во много раз уменьшающего сечение вакуумной камеры, а значит — вес магнита и стоимость (при нынешних масштабах речь идёт о многих десятках миллионов рублей, если не много больше).

Я много имел дело также с экспериментаторами-газодинамиками, в какой-то мере — с конструкторами, но более тесное общение было ещё впереди, о нём я пишу в главе „Третья идея".

Осенью 1952 года начальник отдела ядерных исследований на объекте Давиденко, Зысин и я поехали в командировку в Ленинград, где в одном из научно-исследовательских институтов велись большие работы по подготовке радиохимических измерений при предстоящем термоядерном взрыве. Я до тех пор никогда не бывал в Ленинграде (а в следующий раз попал в него уже вместе с Люсей в 1971 году). Но Ленинград всегда был окружён каким-то ореолом в моём воображении — через литературу, рассказы. При личном знакомстве это чувство только усилилось. В Ленинграде я встретил Протопопова (инженера, с которым мы работали на заводе в 1944 году). Он теперь работал в том же самом институте, куда мы приехали. Протопопов был очень болен. Вскоре он умер.

Осенью 1952 года я принял участие в попытке использовать радиохимические методы, чтобы что-то узнать об американских термоядерных зарядах. В ноябре США произвели мощный взрыв на атолле Эниветок (Eniwetok). Через несколько дней, когда, по нашему мнению, радиоактивные продукты с верховыми ветрами должны были достигнуть наших долгот, произошёл сильный снегопад (первый в этом году). То ли Давиденко, то ли я предложили собрать этот снег и выделить из него радиоактивные осадки. Мы поехали на „газике" за город и набрали влажного свежевыпавшего снега в несколько больших картонных коробок. Затем начались операции по концентрированию. Мы рассчитывали найти элементы, специфические для тех или иных вариантов термоядерных зарядов (бериллий-7, уран-237 и другие). К несчастью, концентрат не дошёл до физиков. Одна из научных сотрудников-радиохимиков машинально вылила концентрат в раковину (она, кажется, была в расстроенных чувствах по чисто личным причинам). Начальству эта история, по-видимому, осталась неизвестной.

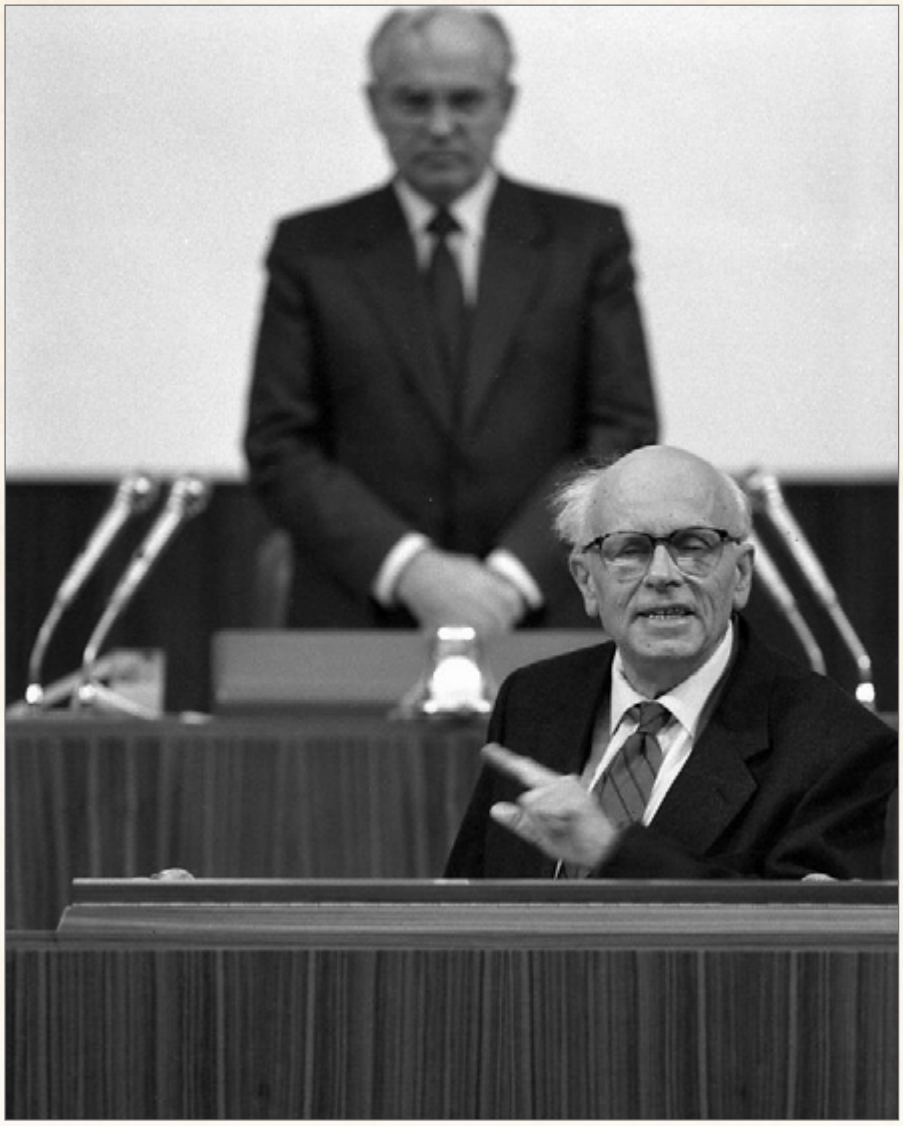
Сегодня, когда я пишу (верней, восстанавливаю после кражи) свои воспоминания, с тех пор прошло уже 30 лет. Опять начало ноября, и опять выпал первый, влажный снег. Это то, что не изменилось.

По мере приближения испытания обстановка становилась всё более напряжённой.

Летом 1952 года (если мне не изменяет память) произошёл такой эпизод.



▲ Водородная бомба Кузькина мать



▲ Сахаров на 1-м Съезде народных депутатов СССР

Возникли задержки в производстве одного из основных входящих в изделие материалов. Ответственным по Первому Главному Управлению за производство этого материала был Н. И. Павлов, один из руководящих работников ПГУ, кажется в то время полковник ГБ, а может, уже генерал (с 1945 года Н. И. Павлов генерал-майор. Прим. редакции). Существовало в принципе два различных метода производства — назовём их „старый" и „новый". Старый метод использовал завод, ранее построенный для другой цели, впоследствии отпавшей. Новый метод использовал установку, специально построенную на основе оригинальных научно-технических разработок, и был гораздо более перспективным. Павлов, то ли из перестраховки, то ли желая както использовать уже существующий завод, решил скомбинировать оба метода; ничего хорошего из этого не получилось, план производства материала был сорван.

На совещании у Берии, на котором я присутствовал, кто-то поднял этот вопрос. Берия уже имел, видимо, свою информацию. Он встал и произнёс примерно следующее:

„Мы, большевики, когда хотим что-то сделать, закрываем глаза на всё остальное (говоря это, Берия зажмурился, и его лицо стало ещё более страшным). Вы, Павлов, потеряли большевистскую остроту! Сейчас мы Вас не будем наказывать, мы надеемся, что Вы исправите ошибку. Но имейте в виду, у нас в турме места много!"

Берия говорил твёрдо „турма" вместо „тюрьма". Это звучало жутковато. Грозным признаком было и обращение на „вы". Павлов сидел молча, опустив голову, как, впрочем, и все остальные присутствующие. Во второй половине рабочего дня, когда мы вернулись в управление, он не вышел на работу. Все это приняли как должное. Конечно, Павлов полностью перестроился и вывел старый способ из участия в деле.

Николай Иванович Павлов был одной из самых значительных и активных фигур „во втором этаже власти" Первого Управления. Его биография такова. В 1938 или 1937 году его отозвали с последнего курса университета (кажется, с химфака) и направили работать следователем госбезопасности. В это время Берия менял сверху донизу аппарат, доставшийся ему от Ежова (большинство старых просто сажал, и они, как правило, погибали в лагерях вместе со своими недавними жертвами). Павлов оказался подходящим к своей новой роли, быстро пошёл в гору (не буду гадать, благодаря каким способностям; сам он говорил, что никогда не применял физических мер воздействия — враги сами признавались во всех преступлениях при виде его чёрных глаз!). В 1942 году Павлов — начальник управления МГБ (или НКВД, не помню) Саратовской области (как раз тогда там в тюрьме погибал с голоду Н. И. Вавилов; Леонтович по этому поводу говорил: „Николай Иванович — т. е. Павлов — давно имеет отношение к науке...„), а осенью того же года Павлов уже начальник контрразведки Сталинградского фронта. Это был важнейший пост! (Прим. редакции: в 1942-1943 гг. начальником Особого отдела НКВД Сталинградского, затем Донского фронта был старший майор госбезопасности (с февраля 1943 комиссар госбезопасности 3-го ранга) Н. Н. Селивановский. Н. И. Павлов с февраля 1941 г. был начальником контрольно-инспекторской группы

НКВД СССР, с мая 1943 г. — начальник УНКВД по Саратовской области).

Через 20 лет мой знакомый Д. А. Фишман ехал вместе с Павловым в вагоне по этим местам, кажется на какие-то испытания. Павлов и Д. А. стояли у окна тамбура, курили. Павлов молча смотрел на проплывающую мимо бесконечную, унылую солончаковую степь с редкими отдельными чахлыми кустиками. Внезапно, видимо под действием нахлынувших воспоминаний, он начал говорить. Д. А. отказался (побоялся) сказать мне конкретно, что это были за воспоминания, сказал только, что это было неописуемо страшно.

В начале 1943 года Павлов по распоряжению Берии получает новое назначение — уполномоченного ЦК КПСС и Совета Министров при Лаборатории 2. Научным руководителем тогда же там был назначен Курчатов. Павлов стал атомщиком. В этой области он вновь проявил свои незаурядные способности — как организационные и бюрократические, так и понимание научной и инженерной стороны дела. Я его застал уже в Первом Главном Управлении. Это был крепкий, сангвинического телосложения человек с иссиня-чёрными гладкими волосами и чёрными глазами на светлом красивом энергичном лице, невысокого роста, с быстрыми движениями, громким голосом и смехом. Он обладал неиссякаемой активностью и работоспособностью, всегда помнил детали бесчисленных дел, знал множество людей. Ко мне он относился подчёркнуто доброжелательно, с подчёркнутым пиететом (однажды он в большой компании в моём присутствии сказал: „Сахаров — наш золотой фонд“).

Павлов сначала очень нравился Игорю Евгеньевичу — И. Е. любил и ценил способных людей. Однажды И. Е. просил его о помощи в устройстве к нам на работу молодых специалистов. Павлов сказал:

— Что же тут у вас все евреи! Вы нам русачков, русачков давайте.

После этого эпизода восхищение И. Е. Павловым заметно уменьшилось.

Павлову было присвоено звание генерала ГБ в возрасте 34 лет; не без гордости (и слегка — рисовки) он говорил, что вместе с Наполеоном они самые молодые генералы. После снятия Берии карьера Павлова получила сильный удар, но он оправился.

В середине 50-х годов, когда меня стали глубоко беспокоить проблемы биологических последствий испытаний, Павлов как-то сказал мне:

— Сейчас в мире идёт борьба не на жизнь, а на смерть между силами империализма и коммунизма. От исхода этой борьбы зависит будущее человечества, судьба, счастье десятков миллиардов людей на протяжении столетий. Чтобы победить в этой борьбе, мы должны быть сильными. Если наша работа, наши испытания прибавляют силы в этой борьбе, а это в высшей степени так, то никакие жертвы испытаний, никакие жертвы вообще не могут иметь тут значения.

Была ли это безумная демагогия или Павлов был искренен? Мне кажется, что был элемент и демагогии, и искренности. Важней другое. Я убеждён, что такая арифметика неправомерна принципиально. Мы слишком мало знаем о законах истории, будущее непредсказуемо, а мы — не боги. Мы, каждый из нас, в каждом деле, и в „малом“, и в „большом“, должны исходить из конкретных нравственных критериев, а не абстрактной арифметики истории. Нравственные же критерии категорически диктуют нам — не убий!

Последний раз я видел Павлова на открытии памятника Курчатову в 1971 году. В это время он был директором небольшого завода МСМ (правда, весьма важного по характеру продукции). Павлов подошёл ко мне и сказал:

— Желаю вам успеха во всех ваших делах (он прекрасно знал, что за дела у меня были в это время — не бомбы). Что это его высказывание значило — не знаю.

На том же заседании у Берии, на котором произошёл описанный инцидент, решался вопрос о направлении на объект „для усиления“ академика М. А. Лаврентьева и члена-корреспондента А. А. Ильюшина. Когда была названа фамилия Ильюшина, Берия удовлетворённо кивнул — очевидно, она уже была ему известна. Как потом мне сказал К. И. Щёлкин (заместитель Харитона, опытный в организационных делах человек), Лаврентьев и Ильюшин были направлены на объект в качестве „резервного руководства“ — в случае неудачи испытания они должны были сменить нас немедленно, а в случае удачи — немного погодя и не всех... Лаврентьев старался держаться в тени и вскоре уехал. Что же касается Ильюшина, то он вёл себя иначе. Он вызвал нескольких своих сотрудников (в отличие от сотрудников объекта — с докторскими степенями, это подчёркивалось) и организовал нечто вроде „бюро опасностей“. На каждом заседании Ильюшин выступал с сообщением, из которого следовало, что обнаружена ещё одна неувязка, допущенная руководством объекта, которая неизбежно приведёт к провалу. Ильюшину нельзя было отказать в остроумии и квалификации, и всё же, как правило, он делал из мухи слона (но в случае неудачи испытания укус каждой из этих мух был бы смертелен — он мог бы сослаться на то, что „предупреждал“). На одном заседании Учёного Совета, возмущенный его демагогией, я сказал, невольно несколько по-хамски:

— Ильюшин доказывает нам нечто. Но если подойти с умом, то всё будет иначе.

Потом Зельдович любил говорить:

— Будем действовать по принципу Сахарова, т. е. с умом...

Ильюшин жил совсем один в предоставленном ему коттедже с огромной собакой. По вечерам он гулял с ней по безлюдным улицам нашего городка.

После снятия Берии звезда Ильюшина закатилась. Щёлкин (и Харитон?) не простили ему пережитого за последний год. Он даже не был допущен к поездке на испытания, что для человека его ранга было большой дискриминацией. ■

А.С. ЯКОВЛЕВ, советский авиаконструктор, академик АН СССР, генерал-полковник авиации, дважды Герой Социалистического Труда.

ЛЕТАЮЩИЙ ВАГОН



▲ Як-24

Наше конструкторское бюро в течение трех десятков лет своего существования занималось в основном истребителями и учебно-тренировочными самолетами. Поэтому, когда газеты опубликовали сообщение, что гигантский вертолет «летающий вагон» создан нашим коллективом, это вызвало удивление в кругах авиационных специалистов как у нас, так и за рубежом.

История создания «летающего вагона» несколько необычна.

В конце лета 1952 года меня вызвали в Кремль. Я встретил там Туполева, Ильюшина, а также конструкторов-вертолетчиков Миля, Камова, Братухина. Я удивился такому необычному сочетанию приглашенных: у вертолетов и самолетов так мало общего, что вертолетчики с конструкторами самолетов редко встречались вместе.

Но все прояснилось, как только началось совещание. Оказывается, нас пригласили для того, чтобы посоветоваться, как ликвидировать отставание нашей страны в области крупного вертолетостроения. Действительно, в то время мы отстали от Соединенных Штатов Америки по вертолетостроению. Нам сказали, что конструкторские силы, работающие в этой области, недостаточны, что правительство решило просить опытные конструкторские коллективы по самолетостроению заняться в какой-то мере необычным для них делом и помочь созданию крупных, многоместных вертолетов.

На этом совещании выступил Михаил Леонтьевич Миль, занимавшийся многие годы вертолетостроением. У Михаила Леонтьевича было конкретное предложение о постройке

вертолета, на основе уже разработанного проекта двенадцатиместного вертолета.

Что же касается самолетостроителей, то для них такая постановка вопроса была неожиданной.

Андрей Николаевич Туполев и Сергей Владимирович Ильюшин заявили, что ввиду огромной загрузки своих бюро, а также полного отсутствия опыта они не смогут участвовать в создании вертолетов. Когда очередь дошла до меня, я сказал, что мы тоже загружены большой работой, но некоторое представление о вертолетах имеем. В последние годы мы построили два небольших экспериментальных вертолета. Если окажут некоторую помощь, то можно будет подумать о разработке эскизного проекта большого вертолета. Я просил разрешения посоветоваться со своими сотрудниками и только после этого дать окончательный ответ.

Нам дали на обдумывание сутки.

Вернувшись в конструкторское бюро и не откладывая дела ни на минуту — в нашем распоряжении оставалось уже меньше 24 часов, — я вызвал Николая Кирилловича Скржинского, занимавшегося еще в 30-х годах автожирами, Петра Дмитриевича Самсонова — ветерана самолетостроения, опытнейшего инженера Леона Михайловича Шехтера и других конструкторов, принимавших участие в постройке наших экспериментальных вертолетов.



▲ С.В. Илюшин в цеху

Я объяснил суть. Крепко мы задумались. Все сочли дело это неясным и щекотливым, вспомнили о трудностях, с которыми связано было создание крупных вертолетов в США и в Англии.



▲ А.Н. Туполев

Но раз правительство просит, мы решили взяться за разработку проекта двадцатичетырехместного двухвинтового вертолета. Прикинули и рассчитали, что проект можно осуществить в течение года.

На этом и разошлись.

На следующий день опять вызвали в Кремль. Там из конструкторов был только Миль.

Дело приняло совершенно неожиданный для нас, и особенно для меня, оборот. Милю и мне предложили просмотреть и дать свои замечания к уже подготовленному проекту постановления правительства о создании двух вертолетов. Одномоторный одновинтовой на 12 человек — поручить конструкторскому бюро Миля, а двухмоторный двухвинтовой на 24 человека — нашему бюро. Самое для нас трудное заключалось в том, что на проектирование, постройку и испытание обоих вертолетов был установлен срок всего в один год.

Еще накануне я и мои помощники не считали возможным даже проект сделать меньше чем за год, а тут давался год на все. Казалось, что на решение такой сложной конструкторской проблемы понадобится не меньше трех-четырех лет. Мы с Милем пытались оспаривать сроки, но нам объяснили, что, так как дело



▲ Миль М.Л.

слишком запущено, ждать больше нельзя. Обещали оказывать неограниченную помощь, но подчеркнули, что предлагаемый срок в один год — окончательный и обсуждению не подлежит. В конце концов Миля уговорили, и мне тоже не оставалось ничего другого, как подчиниться.

На другой день было подписано постановление. Срок испугал всех, кому предстояло работать над вертолетом, а «доброжелатели» уже пророчили нам неминуемый провал.

Но прежде, чем рассказать о том, как нам все-таки удалось выполнить задание, и для того, чтобы понять, какие трудности нас ждали, нужно несколько слов посвятить истории вертолета.

Впервые идея постройки геликоптера — машины, поднимающейся в воздух при помощи вращающегося в горизонтальной плоскости воздушного винта, — возникла у Леонардо да Винчи еще 450 лет тому назад. Эскиз проекта Леонардо да Винчи сохранился, и мы можем судить о том, что идея была вполне здравой.

А в 1754 году наш великий соотечественник Михаил Васильевич Ломоносов на заседании Академии наук доложил о своем проекте «аэродинамической машины» для исследования верхних слоев атмосферы. Ломоносов изготовил даже модель машины, у которой винты приводились во вращение часовым пружинным механизмом.

Но одно дело — проект или даже модель, другое дело — летающий вертолет. Только в начале нашего столетия человеку удалось подняться в воздух на винтокрылом аппарате. В частности, в России перед войной 1914 года в воздухоплавательном кружке МВТУ был построен первый геликоптер по проекту студента, а впоследствии академика, Бориса Николаевича Юрьева. Но война прервала эту работу, и она возобновилась лишь после революции.

В 1932 году профессором Алексеем Михайловичем Черемухиным был установлен мировой рекорд высоты полета на вертолете конструкции ЦАГИ — 605 метров.

В 30 — 40-х годах в Соединенных Штатах над вертолетами очень упорно работали конструкторы Сикорский и Пясецкий, а в Англии — фирма «Бристоль», где проектированием вертолетов руководил известный австрийский специалист Хаффнер, поступивший на службу к англичанам после второй мировой войны.

Первым наибольших успехов добился Сикорский, создавший ряд небольших одновинтовых вертолетов. Некоторые из них были приняты на вооружение американской армии и участвовали в войне в Корее. Успешными были также работы Пясецкого. Он создал вертолеты средней грузоподъемности. Его вертолет «рабочая лошадь» нашел широкое применение в десантных войсках США.

Англичанам с вертолетами повезло меньше. Хаффнер очень долго и мучительно доводил машину «Бристоль», но ему так и не удалось увидеть свое детище в массовом производстве: англичане вынуждены были купить в Америке лицензию на постройку вертолета Сикорского.

Все известные к началу 50-х годов американские и английские вертолеты обладали сравнительно малой грузоподъемностью — в пределах 1 тонны. Лишь фирма «Пясецкий» широко разрекламировала проектировавшийся 2-3-тонный вертолет УН-16.

Однако конструктора Пясецкого постигла крупная неудача. Машина очень долго строилась. Ее авторы не могли справиться с вибрациями, возникавшими даже при подлетах и при висении на небольшой высоте. После восьми лет упорной работы приступили к летным испытаниям УН-16, но это была невезучая машина: в 1955 году, на двадцать первом полете, она развалилась в воздухе на куски.

Много лет безуспешно боролся Пясецкий с вибрацией УН-16, много

лет потратил Хаффнер на излечение вибрации вертолета «Бристоль-173». Вибрация оказалась самой страшной болезнью всех винтокрылых машин.

В этом убедились и мы, как только наш вертолет был спроектирован, построен и начались его летные испытания на аэродроме.

Всю жизнь основной целью работников нашего конструкторского бюро была скорость и скорость. От машины к машине, из года в год мы стремились дать нашим самолетам все большую и большую скорость. Для вертолета же, напротив, главное не скорость, а способность висеть в воздухе неподвижно и иметь нулевую скорость, поднимая вертикально с места большой груз.

Мы остановились на оригинальной схеме вертолета — двухвинтового, с продольным расположением воздушных винтов по оси вертолета.

Эта схема, как позже подтвердилось, обладала преимуществами перед одноротором: такой вертолет устойчив, он поднимает большой груз, а главное — грузовая кабина его вдвое вместительнее, что позволяет поднимать грузы больших размеров...

Никакого опыта по выбранной схеме у нас не было, поэтому пришлось все начинать с самого начала, совершить целый ряд серьезнейших изысканий, решить с помощью ученых ЦАГИ и Центрального института авиамоторостроения трудные научно-исследовательские проблемы. Собраны были самые квалифицированные люди.

Соединение конструкторского опыта с глубоким научно-исследовательским анализом помогло избежать крупных ошибок как в схеме, так и в разработке отдельных узлов машины. Но, когда вертолет был построен и начались испытания — прокручивание всей системы, всех работающих деталей, — оказалось, что в такой сложной машине невозможно все предвидеть теоретически.

Возникло много новых вопросов, например связанных с охлаждением. Летящий самолет подвергается обдуву потоком воздуха, и двигатель интенсивно охлаждается. А вертолету приходилось с полным грузом висеть длительное время на месте — конечно, нужно было создать принудительное охлаждение двигателя.

Но самым главным затруднением, которое доставило нам кучу неприятностей, была тряска.

В Министерстве авиационной промышленности к заданию по вертолетам — нашему и Миля — отнеслись с большим вниманием. Была организована широкая кооперация между различными заводами. Министерство открыло «зеленую улицу» для изготовления деталей вертолета на других заводах авиационной промышленности. Работы шли быстро.

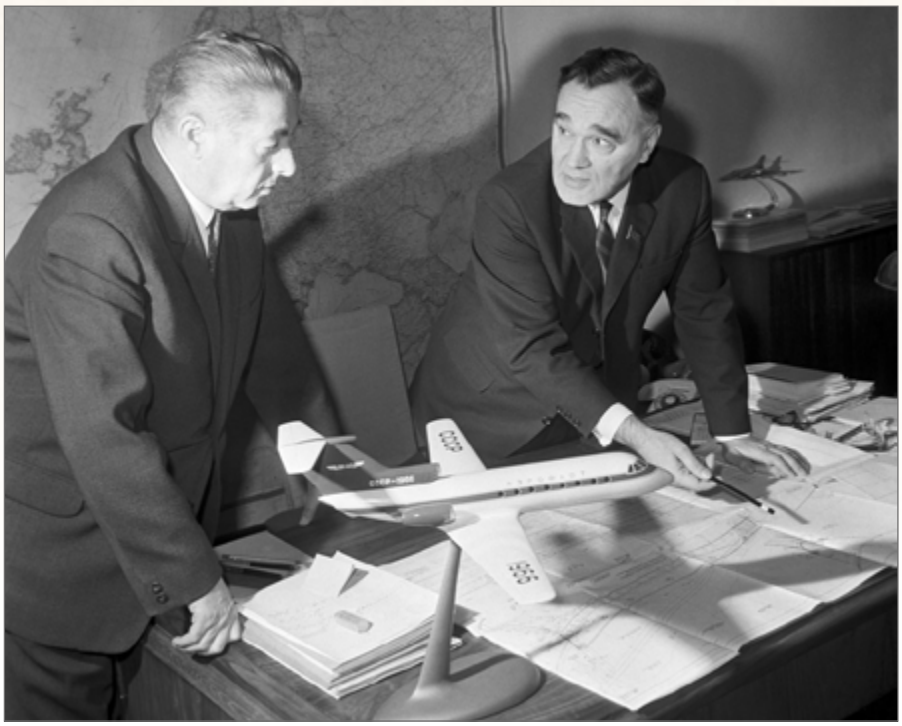
Вертолет строился сразу в четырех экземплярах. Первый экземпляр — для испытания статической прочности в лаборатории. Второй — для проверки динамической прочности на аэродроме. Третий и четвертый экземпляры — летные, для заводских и государственных испытаний.

Положительные результаты испытаний одного из четырех экземпляров вовсе не исключали неприятностей при испытаниях любого другого. Например, первый экземпляр может, как у нас и было, успешно пройти все положенные ему статические испытания, а второй — для динамических испытаний — может испытываться и доводиться несколько лет, как красноречиво говорил нам об этом английский и американский опыт.

Помимо испытаний, перечисленных мной и проводившихся на нашем заводе, некоторые части машины проверялись на других заводах и в институтах.

Например, редуктор несущего винта — ответственнейший агрегат — испытывался на моторном заводе, где он был изготовлен; лопасти на вибропрочность испытывались в ЦАГИ, где им дали 10 миллионов колебаний, чтобы убедиться в их надежности; моторная группа с системой питания двигателей и охлаждения испытывалась в ЦИАМ. Все эти испытания прошли в основном благополучно и в установленные сроки.

Главные трудности начались на ресурсной машине. С первых же часов работы двигателей и винтов машину стало трясти. То трясет на одних оборотах, то на других, и нет с тряской никакого сладу. Устранишь ее в одном месте — она вдруг появляется в другом, и так без конца, по присловью:



▲ Яковлев А.С.



▲ Як-24 в полете

нос вытащишь — хвост увязнет, хвост вытащишь — нос увязнет. Здесь требовались от всех нас железная выдержка и упорство. Но эти тряски были ничто по сравнению с тем, что нас ожидало впереди.

Необходимо было провести 300-часовые ресурсные испытания, чтобы проверить надежность всех частей вертолета пока что до полета, на привязи. И вот мы старались «накрутить» на ресурсной машине как можно быстрее положенные 300 часов.

Мучительность этих испытаний заключалась в том, что в случае поломки какой-нибудь детали, независимо от того, на каком часу работы это случится, нужно было начинать все испытания сначала — от нуля. Так что с каждым лишним часом работы системы, с одной стороны, мы радовались, а с другой — все больше росла тревога: вдруг что-нибудь сломается?

После того как было наработано 150 часов, с тряскими и вибрациями ресурсной машины мы справились. Мы ждали результатов каждого нового часа работы, приближавшего испытания к заветной цифре 300.

Уже нарастала уверенность, что все будет в порядке. И вдруг однажды раздается взволнованный голос по телефону с аэродрома:

— Большая неприятность! Ресурсная машина разрушилась и горит. Ничего спасти невозможно. Причина неизвестна...

— Как люди?

— Люди не пострадали.

Немедленно выезжаю на аэродром.

Печальная картина представилась взору. Груды обгорелых обломков и разбросанные вокруг исковерканные лопасти — больше ничего не осталось от ресурсной машины. Она наработала всего 178 часов. Нужно было начинать все сначала...

Аварийная комиссия в составе крупнейших специалистов с нашим участием в конце концов определила причину несчастья. Оказалось, что узлы крепления рамы заднего двигателя разрушились от усталостных напряжений, задний мотор с редуктором навалился вместе с винтом вперед и лопастями стал рубить всю машину. Через лопнувшие бензопроводы бензин хлынул на раскаленный двигатель, и вспыхнул пожар.

Все мы тогда приуныли: все сначала!

Я утешал своих помощников: хорошо хоть, что установлена причина. Примем меры, и, значит, в последующем это больше не повторится. Кроме того, все, что уже было изучено за 178 часов, тоже не пропадет даром. Наконец, на то и ресурсные испытания, чтобы своевременно выявлять подобные дефекты.

Но утешения утешениями, а я и сам чрезвычайно расстроился. Требовалось с удвоенной энергией вновь начинать ресурсные испытания, тем более что мы уже приступили

к полетам на первом летном экземпляре вертолета.

Для летных испытаний, не считая бортинженеров, механиков и радистов, был назначен экипаж в составе летчиков-испытателей Сергея Георгиевича Бровцева и Егора Филипповича Милютичева.

Бровцев имел репутацию опытнейшего испытателя-вертолетчика. Милютичев, молодой, способный, только еще начинал работу испытателя, но сочетание Бровцев — Милютичев, как оказалось впоследствии, было исключительно удачным.

После первых же робких полетов и Бровцев и Милютичев хорошо отозвались о вертолете. Но пока что шли небольшие подпрыгивания, подлеты и висение на высоте 5 — 10 метров над землей.

Летчики тщательно исследовали машину, стараясь прочувствовать ее досконально.

При всех таких испытаниях неотлучно присутствовали ведущие конструкторы вертолета. Все результаты испытаний вместе с летчиками и конструкторами подробно обсуждались у меня. Мы действовали очень осторожно.

Были совершены сотни небольших полетов продолжительностью по несколько минут каждый и на неполной мощности двигателей, когда наконец Бровцев заявил, что можно попробовать полетать по-настоящему. И мы, обсудив все предыдущие результаты полетов, решили: можно.

И вот Бровцев и Милютичев, разместившись в пилотской кабине, приготовились к полету. Впервые дали полный газ. Моторы мощно заревели, а воздушные винты, отбрасывая ураганную струю воздуха, подняли машину, и она полетела по-настоящему, устремилась вперед, набирая все большую и большую высоту.

Мы все: и конструкторы, и рабочие, и летчики — долго трудились над вертолетом и знали, что в конце концов он полетит, но, когда он действительно полетел, нашей радости не было предела.

После 10–15 минут полета летчики благополучно приземлились, их качнули, и не обошлось без традиционной бутылки шампанского. Однако вскоре оба летчика смущенно и неуверенно стали говорить о появлении какой-то «трясочки» на одном из режимов полета.

На вертолете была установлена специальная чувствительная аппаратура, записывающая вибрации. Оказалось, что действительно на некоторых режимах полета имеется не только «трясочка», как деликатно выражались летчики, которым, по-видимому, очень не хотелось огорчать конструкторов, а самая настоящая недопустимая тряска, вызывавшая опасную вибрацию конструкции.

Пять месяцев пытались мы избавиться от этой тряски. Пять месяцев напряженных исследований и расчетов. Десятки экспериментальных полетов. И все безрезультатно.

Тут нужно учесть одно из отличий вертолета от самолета. У самолета движущиеся и вращающиеся детали



▲ Летчики-испытатели с Милем М.Л.



▲ Вертолет Як-24

работают только в двигателе и все возникающие вибрации поглощаются специальными амортизирующими устройствами. А на вертолете источником тряски может быть все. Трясется один двигатель — трясется другой, трясется редуктор — трясется синхронная соединительная передача между роторами... Понадобилось очень много времени, чтобы доискаться до первоисточника вибрации.

Несколько месяцев, потраченных нами на борьбу с тряской вертолета, довели нас до состояния какого-то отупения, безысходности и даже безнадежности; мы начали терять веру в то, что когда-нибудь удастся устранить тряску, ибо она неожиданно возникала в разных местах. Дошло до того, что, встречаясь утром, мы вместо приветствия кричали друг другу:

— Как, трясет?

— Трясет, трясет!

— Когда же эта проклятая тряска кончится?

ЦАГИ и другие научно-исследовательские институты под руководством заместителя министра С. Н. Шишкина, возглавлявшего работы по доводке вертолета, нам хорошо помогали с самого начала. И тут по моей просьбе начальник ЦАГИ А. И. Макаревский собрал всех, кто мог быть полезен, чтобы сообща обсудить всю сумму вопросов, связанных с тряской.

Это было любопытное заседание. Сам Макаревский, крупный специалист в области прочности авиационных конструкций, начальник лаборатории прочности и вибраций И. В. Ананьев, научные работники Б. П. Жеребцов, Л. С. Вильдгрубе и некоторые другие в своих выступлениях настойчиво и упорно искали наиболее короткого пути преодоления опасной и трудной болезни вертолета.

Но были и такие ученые, которые шли по пути обоснования обратного: они направляли свою научную эрудицию и технические знания на поиски наиболее убедительного доказательства, что тряска неизбежна, что, вообще говоря, мы боремся с неизлечимой болезнью. Один из них, почтенный ученый, доктор технических наук, с очень эффектной внешностью — прямо хоть на киноэкран! — принес с собой заранее вычерченные графики и, ловко оперируя научной терминологией, формулами и цифрами, доказывал, что тряску нам не устранить, что она является органическим пороком данной схемы вертолета.

Много высказывалось разных гипотез и предложений о том, что надо делать и как лечить вертолет. Одни предлагали вертолет удлинить, другие — укоротить, третьи — сделать фюзеляж новой конструкции. А четвертые считали, что все равно ничего не получится, и приводили при этом довод:

— Американцы с УН-16 от тряски не могут избавиться, Хаффнер на «Бристоль-173» ничего не может сделать, а вы самые умные? Не теряйте зря времени.

Но мы времени зря и не теряли.

Если бы мы были слабонервными и верили в теорию слепо, не проверяя ее экспериментами и не анализируя выводы ученых инженерным опытом, может быть, вертолета и по сей день не было бы. Но, подкрепляемые верой в свой опыт, опираясь на поддержку таких ученых, как Ананьев, Вильдгрубе, Жеребцов, мы в конце концов нашли правильное инженерное решение. И пришло оно вот каким путем.

Мучаясь и ломая голову над тем, что же является источником, возбудителем вибрации, я пришел к выводу, что нужно постараться расправиться с тряской по отдельным элементам. Я говорю «мучаясь», ибо это были действительно муки. Ни днем, ни ночью, ни в театре, ни на прогулке, ни за обедом не забываешь о проклятой вибрации. Другой раз отвлечешься немного, но вдруг мысль о вибрации пронзает все твое существо, и даже в пот ударит от чувства бес-

силия, ощущения какого-то неодолимого препятствия, перед которым мы стоим.

И вот однажды озарило, что из всех возможных источников возникновения тряски основным и наиболее злым являются лопасти. Таких лопастей на вертолете по четыре на каждом роторе, итого восемь. Все они с огромной скоростью вращаются, причем возникают очень сложные механические и аэродинамические явления. А что, если изменить виброхарактеристику лопастей? Для того чтобы убедиться, от лопастей ли идет вибрация, К. С. Кильдишева — руководитель научно-исследовательского отдела — предложила попробовать отрезать по полметра от каждой лопасти и посмотреть, как это повлияет на тряску всей конструкции.

Опять собрались мы все, обсудили предложение и решили, что хуже не будет.

Через две недели укороченные на 50 сантиметров лопасти были установлены на машину. Все ждали: что-то будет?

Запущены двигатели, вращаются лопасти, летчики в кабине, Бровцев делает знак «все в порядке», и машина взмывает.

20 минут пробыли Бровцев и Милютичев в полете. Мы не знали, как ведет себя вертолет, но по улыбающимся, довольным лицам летчиков, когда они, медленно подходя к земле, зависли над нами, мы поняли, что какие-то результаты есть.

Каково же было общее удовлетворение, когда в один голос и Бровцев и Милютичев решительно и твердо заявили, что в течение 20 минут они перепробовали все режимы работы винта, все режимы полета и от тряски не осталось никаких следов.

Это был один из тех приятных сюрпризов, которые в конструкторском деле иногда счастливо подтверждают преимущество здравого инженерного смысла над мудрствованием и научной схоластикой. Конечно, в ходе последующих испытаний выявили и устранили еще множество разных дефектов, но главным была тряска, а с нею покончено.

В начале зимы 1953 года вертолет был предъявлен на государственные испытания.

Казалось бы, уже все в порядке, но судьба готовила нам еще один удар.

Не успели сделать военные летчики на государственных испытаниях и десятка полетов, как при одной из проб двигателей на полных оборотах на привязи, когда в пилотской кабине находился лишь механик, лопнул один из привязных тросов, за ним другой, третий, четвертый.

Машина взмыла, а механик, не умея управлять вертолетом, единственное, что мог сделать, — это мгновенно убрать газ. И вертолет, не успев подняться выше 6–8 метров, повернулся набок и рухнул на землю.

Высота небольшая, поэтому никто не пострадал, но машина полностью вышла из строя.

Это было ужасно. Неудачи действовали угнетающе. Некоторые нестойкие духом инженеры даже не захотели продолжать работу над вертолетом. К счастью, основной инженерный костяк не сдавал позиций, У нас был второй летный экземпляр вертолета, и мы его передали для продолжения государственных испытаний, усилив привязные тросы.

Но даже после того, как мы представили машину в научно-испытательный институт, испытание наших нервов не закончилось. Может быть, потому, что мы так долго возились с тряской, или потому, что ресурсная машина разрушилась и сгорела, а первая — летная — разбилась, сорвавшись с привязи, в НИИ на первых порах отношение к вертолету было недоверчивое.

Испытания в НИИ превратились для нас в сплошную трепку нервов, потому что из-за каждой мелочи, из-за каждого дефекта, которые обычно неизбежно сопровождают испытания любой новой машины, от нас требовали забрать вертолет для доделки. Тем самым затягивалось решение основного, принципиального вопроса, то есть оценка вертолета как сооружения технического для несения определенной службы.

Прошло несколько месяцев, а сделано было всего полтора — два десятка полетов.



▲ Летающий вагон Як-24



▲ Салон Ми-6

И вот однажды руководству Министерства обороны на подмосковном аэродроме была показана новая авиационная техника, в том числе и наш вертолет. Стоял сильный мороз. Съехался генералитет. Осмотрели выставленные на линейке истребители, бомбардировщики и наконец подошли к вертолету. Все охотно вошли в его огромную кабину, чтобы укрыться от пронизывающего ветра. В кабине набралось человек двадцать.

Маршал Г. К. Жуков, обращаясь к командующему Воздушными Силами П. Ф. Жигареву, задал вопрос:

— Ну, как вертолет? Как идут испытания? Кончайте их скорее. Нам нужен такой вертолет! Имейте это в виду.

Через полтора — два месяца испытания вертолета закончились, причем было сделано полетов в несколько раз больше, чем за все предыдущее время. Сотрудники НИИ летчики-испытатели С. Г. Бровцев, П. И. Шишов, В. И. Кравченко, К. Д. Таюрский и инженеры А. М. Загордан и С. Х. Атабекян положили много труда и проявили подлинный героизм при испытаниях вертолета, оказывая нам всяческую помощь в быстрейшем устранении недостатков машины.

Наконец вертолет был испытан, получил положительную оценку и решением правительства принят в серийное производство под названием ЯК-24.

После того как начался серийный выпуск машины, мы продолжали работать над ее усовершенствованием. В частности, повысили надежность управления вертолетом.

Система управления была очень капризной, и малейшая неточность сборки или деформация фюзеляжа в полете могла вызвать нежелательную вибрацию. И вот в процессе серийного производства нашим специалистам удалось сделать замечательное усовершенствование системы управления для больших вертолетов. Оно полностью сняло всякие сомнения в надежности управления.

Это было последним серьезным усовершенствованием вертолета, после которого мы вздохнули свободнее.

И уже совсем легко стало дышать после того, как на воздушном параде в 1955 году четыре наших вертолета, на удивление многочисленным зрителям, особенно зарубежным авиационным специалистам, присутствовавшим на параде, совершили первые публичные полеты.

Теперь несколько слов о самом вертолете.

ЯК-24 своим внешним видом напоминает вагон метро или электрического поезда.

И действительно, это настоящий вагон.

В кабине вертолета размещается до 40 пассажиров или соответствующий груз. Длина кабины — 10 метров, ширина и высота — около 2 метров; она вмещает до 4 тонн различных грузов, в том числе

и крупногабаритных, как, например, две автомашины типа ГАЗ-69 или «Победа». Они въезжают в вертолет своим ходом по трапу в хвостовой части фюзеляжа.

Пилотская кабина, расположенная в носовой части вертолета, просторная. Обзор из кабины отличный. Как с балкона, отсюда можно наблюдать все происходящее по сторонам и внизу. Здесь созданы все условия для удобной работы экипажа, состоящего из двух пилотов, бортмеханика и радиста. Управление двойное. Многочисленные приборы управления и контроля компактно смонтированы в щитах перед сиденьями летчиков.

В чем основные преимущества вертолета ЯК-24 перед другими типами подобных машин?

Устойчивость и управляемость машины, грузоподъемность и скорость горизонтального полета — вот главные задачи, удачного решения которых добивается каждый конструктор вертолета.

Не поступаясь скоростью, мы резко подняли грузоподъемность. В этом главное и отличительное достоинство ЯК-24.

Впервые в СССР на этом вертолете применена продольная схема размещения винтов. Два огромных четырехлопастных винта расположены в носовой и хвостовой частях фюзеляжа. Они вращаются в разные стороны. Их приводят в движение два мощных авиационных мотора, соединенных синхронным валом.

Если один из двигателей выйдет из строя, другой будет вращать оба винта ротора, и вертолет сможет продолжать свой полет.

Горизонтально расположенные над фюзеляжем винты, вращаясь, отрывают вертолет от земли и поднимают его в воздух. Но как эта машина переходит в горизонтальный полет?

Отклоняя ручку управления или ножную педаль, пилот воздействует на «автоматы перекоса» несущих винтов. Они меняют плоскости вращения. Винты наклоняются вправо, влево, вперед или назад. При одновременном наклоне винтов в одну сторону вертолет приобретает горизонтальное движение в нужном направлении. Путем отклонения винтов в разные стороны осуществляется поворот машины.

Каковы летные возможности этой машины, на что способна она?

Милютичев поднялся на вертолете с грузом в 4 тонны на высоту 2902 метра, а Тиняков с 2 тоннами — на высоту 5082 метра. Они показали потолок и грузоподъемность машины. Эти результаты в 1956 году утверждены Международной авиационной федерацией как мировые рекорды. В 1957 году рекорды грузоподъемности были превзойдены на новом гигантском отечественном вертолете Миля МИ-6.

О продолжительности пребывания в воздухе и дальности полета ЯК-24 без посадки свидетельствуют многие беспосадочные полеты, в частности по маршруту Москва — Ленинград, начало которым положил летчик Ю. А. Гарнаев.

Новейшее навигационное оборудование позволяет вертолету производить полеты ночью и в сложных метеорологических условиях.

Неожиданно ЯК-24 оказался очень полезным в таких областях народного хозяйства, в которых предположить возможность его применения вначале было трудно. Например, кому бы пришло в голову, что «летающий вагон» может участвовать в строительных работах?

Когда восстанавливали музейные царскосельские дворцы, под Ленинградом, возникла необходимость быстро сменить перекрытия



▲ Як-24 — транспортировка на внешней подвеске

зданий. И вот работу, на выполнение которой обычными методами, с помощью строительных кранов, понадобилось бы затратить полтора — два месяца, вертолет проделал за два дня, подняв с земли заранее собранные и приготовленные фермы и установив их точно на место.

Як-24 оказал также неоценимую услугу во время сооружения газопровода к Ленинграду на трудном участке трассы, где приходилось прокладывать трубы в непроходимой болотной топи. Выяснилось, что эту машину можно успешно использовать при установке мачт электропередачи в труднодоступных горных и болотистых местностях.

С вертолета Як-24 производилась съемка первого советского циркорамного фильма. В те дни «летающий вагон» стал одной из сенсаций ленинградцев. На очень малой высоте он летал над городом, сопровождаемый толпами восторженных мальчишек, которые, задрав вверх головы, бегали за вертолетом по площадям, улицам и набережным Ленинграда.

Конечно, такие ответственные полеты требуют отличного пилотирования и большого летного искусства экипажа.

В заключение нужно сказать, что самолет и вертолет не конкуренты. Это машины разного назначения и применения.

Чем совершеннее становится самолет, чем выше его скорость и грузоподъемность, тем больше привязывается он к земле: ему требуются все более длинные и прочные дорожки для взлета и посадки. Их можно строить не везде.

Вертолету же для взлета и посадки нужна площадка немногим большая, чем он сам.

Он может доставить людей и грузы туда, куда не пройдет ни поезд, ни автомобиль.

В суровых условиях Арктики, в труднодоступных горных местностях, на необъятных просторах тайги эта машина может исполнять работу, непосильную для других видов транспорта.

Вот некоторые отзывы журнала «Интеравиа» о Як-24:

«Генерал Поль Жерадо (ВВС Франции) утверждает, что Россия догоняет Соединенные Штаты в области воздушной мощи и в некоторых отношениях уже достигла неоспоримого преимущества...»

«Двухмоторный вертолет А. С. Яковлева может поднимать более 6,5 тонны груза на высоту 2000 метров. В этом отношении он сейчас, по-видимому, не имеет равных себе во всем мире».

«До сих пор вертолет „Пясецкий Н-16“ с двумя радиальными двигателями „Пратт-Уитни“, развивающими по 1650 лошадиных сил каждый, рассматривался как величайший в мире винтокрылый аппарат. Судя по всему, его советский эквивалент — „летающий вагон“ не уступает ему по размерам и по летному весу...» ■



▲ Вертолеты России

П.А. СУДОПЛАТОВ, генерал-лейтенант, в 30-е годы заместитель начальника Иностранного отдела НКВД. Во время войны начальник 4-го (разведывательно-диверсионного) управления НКВД-НКГБ, после Победы возглавлял особую группу МГБ, был заместителем начальника Первого (разведывательного) главного управления МГБ

РАЗВЕДКА НАКАНУНЕ И В НАЧАЛЕ ВОЙНЫ



▲ Судоплатов П.А.

В разных книгах, в частности в мемуарах Хрущева, говорится обохватившей Сталина панике в первые дни войны. Со своей стороны могу сказать,что я не наблюдал ничего подобного. Сталин не укрывался на своей даче.

Опубликованные записи кремлевского журнала посетителей показывают, что онрегулярно принимал людей и непосредственно следил за ухудшавшейся с каждым днем ситуацией. С самого начала войны Сталин принимал у себя в Кремле Берию и Меркулова два или три раза вдень. Обычно они возвращались в НКВД поздно вечером, а иногда передавали свои приказы непосредственно из Кремля. Мне казалось, что механизм управления и контроля за исполнением приказов работал без всяких сбоев. И Эйтингон, и я жили глубокой верой в конечную победу над немцами, что в немалой степени объяснялось тем, как спокойно, по-деловому осуществлялось ежедневное руководство сверху.

Должен заметить, что иногда было чрезвычайно трудно выполнять получаемые приказы. Когда в октябре 1941 года меня вызвали в кабинет Берии, где находился Маленков, и приказали заминировать наиболее важные сооружения в Москве и на подступах к ней, такие, как главные железнодорожные вокзалы, объекты оборонной промышленности, некоторые жилые здания, некоторые станции метрополитена и стадион «Динамо», взрывчатка должна была быть готова уже через двадцать четыре часа. Мы трудились круглые сутки, чтобы выполнить приказ. Маленков и Берия в это время без отдыха, спокойно, по-деловому работали в НКВД на Лубянке.

6 ноября 1941 года я получил приглашение на торжественное заседание, посвященное Октябрьской революции. Традиционно эти собрания проходили в Большом театре, но на этот раз из соображений безопасности — на платформе станции метро «Маяковская». Мы спустились па эскалаторе и вышли на платформу. С одной стороны стоял электропоезд

с открытыми дверями, где были столы с бутербродами и прохладительными напитками. В конце платформы находилась трибуна для членов Политбюро.

Правительство приехало на поезде с другой стороны платформы. Сталин вышел из вагона в сопровождении Берии и Маленкова. Собрание открыл председатель Моссовета Пронин. Сталин выступал примерно в течение получаса.

На меня его речь произвела глубокое впечатление: твердость и уверенность вождя убеждали в нашей способности противостоять врагу. На следующий день состоялся традиционный парад на Красной площади, проходивший с огромным энтузиазмом, несмотря на обильный снегопад. На моем пропуске стоял штамп «Проход всюду», что означало, что я могу пройти и на главную трибуну Мавзолея, где стояли принимавшие парад советские руководители.

Берия и Меркулов предупредили меня, что в случае чрезвычайных происшествий я должен немедленно доложить им, поднявшись на Мавзолей.

Ситуация на самом деле была критической: передовые части немцев находились совсем близко от города. Среди оперативных работников, обслуживающих парад, были молодой Фишер, начальник отделения связи нашей службы, и радист со всем необходимым оборудованием. Мы поддерживали постоянную связь со штабом бригады, защищавшей Москву. Снегопад был таким густым, что немцы не смогли послать самолеты для бомбового удара по Красной площади. Приказ войскам, участвовавшим в параде, был четок: что бы ни случилось, оставаться спокойными и поддерживать дисциплину. Этот парад еще больше укрепил нашу веру в возможность защитить Москву и, в конце концов, одержать победу над врагом.

Даже в эти тревожные для страны часы мы искали слабые места противника, чтобы повернуть ход событий в нашу пользу. Ценную информацию мы получили от графа Нелидова, бывшего офицера царской и белой армии, крупного двойного агента Абвера и английской разведки. По заданию Канариса граф Нелидов принимал участие и стратегических военных «играх» германского генштаба в 1936-1937 годах. Накануне вторжения немцев в Польшу (он был в Варшаве с разведывательной миссией) его арестовала польская контрразведка. Захватив Западную Украину в 1939 году, мы обнаружили его во Львовской тюрьме и привезли в Москву.

Нелидова разрабатывали Василий Зарубин, Зоя Рыбкина и Павел Журавлев, начальник немецкого направления разведки НКВД. В 1941-1942 годах Нелидова планировали использовать в противодействие агентам английской разведки, обосновавшейся в Москве. Тогда показаниям Нелидова об основной установке Абвера в разведывательно-диверсионной работе на действия в условиях молниеносной войны Журавлев, Рыбкина и я не придали должного значения.



▲ Берия Л.П.



▲ Маленков Г.М.



▲ Сталин И.В.

Однако обстановка резко изменилась после наших поражений в первые дни и месяцы войны. Тут-то мы и возвратились к первым допросам Нелидова. Его показания сопоставили с материалами, полученными в 1937 году от Шпигельглаза о военно-стратегических «играх» в штабе вермахта, и ставка немцев на блицкриг стала очевидной для всех. Реакция Сталина на наше сообщение была незамедлительной. Для развернутых допросов Нелидова и ознакомления со всеми оперативными документами 30-х годов в НКВД прибыли начальник Разведупра Красной Армии Голиков и начальник оперативного управления Генштаба генерал-майор Василевский. На них произвели большое впечатление его осведомленность, связи и характеристика настроении германского высшего командования.

Нелидов рассказал, что немцы могут нанести нам поражение только в том случае, если война будет продолжаться два или три месяца. Но если в течение этого времени они не овладеют Ленинградом, Москвой, Киевом, Донбассом, Северным Кавказом и, конечно, Баку с его нефтью, немецкое вторжение обречено на провал. Огромное количество танков и моторизованных соединений, необходимых для блицкрига, могли эффективно действовать лишь на территории с достаточно развитой сетью дорог, а для ведения затяжной войны у немцев не было резерва топлива, особенно для судов германского флота, и в частности подлодок.

В октябре и ноябре 1941 года мы получили надежную информацию из Берлина о том, что немецкая армия почти исчерпала запасы боеприпасов, нефти и бензина для продолжения активных наступательных операций. Все указывало на приближение неизбежной паузы в немецком наступлении. Эти данные передал Арвид Харнак (кодовое имя «Корсиканец»), антифашист, советник министерства экономики Германии. Член известной семьи писателей и философов, он был привлечен к сотрудничеству во время его визита в Советский Союз в 1932 году и с тех пор целое десятилетие поставлял информацию советской разведке, пока его не разоблачили. В декабре 1942 года его судили и повесили. Его жена, американка Мильдред Фиш Харнак, с которой он познакомился во время учебы в университете штата Висконсин, была также арестована и казнена в 1945 году за антифашистскую деятельность.

В марте 1939 года, когда я стал заместителем начальника разведки НКВД, одной из моих главных задач было внедрение нелегалов в Западной Европе и создание агентурной сети, связанной с немцами, имевшими дипломатическое прикрытие. Особенно это касалось Германии, являвшейся центром внимания всей нашей работы. После репрессий 1937-1938 годов германскими делами в разведке стали заниматься новые люди, и наши контакты с агентами оказались временно прерванными. Было принято решение резко активизировать эти контакты. Бегство Александра Орлова в 1938 году бросило подозрение на руководящие кадры Иностранного отдела; арестовали Шпигельглаза, Мали, Белкина, Серебрянского и других сотрудников, контролировавших наши агентурные сети в Западной Европе, что существенно затруднило получение разведывательной информации. Когда я возглавил этот участок, мне пришлось посылать за рубеж новых и зачастую неопытных людей. В результате с ноября 1938-го по март 1939-го поступление разведданных из Западной Европы резко сократилось. Решение, принятое Берией и Сталиным в 1939 году об открытии специальной разведывательной школы для подготовки кадров означало, что первых специалистов мы полу-



▲ Филби К.



▲ Морджинская Елена

чим не раньше чем через два года. Между тем потребность в этих кадрах становилась все более острой. Нам позарез нужны были новые люди. Обстановка с каждым днем накалялась: Гитлер готовился к захвату Польши. Перспективы развязывания войны в Европе вырисовывались все отчетливее. Сталин требовал от Берии подробностей о немецких боевых формированиях и стратегических планах Берлина.

Поскольку люди, которые раньше отвечали за агентурную сеть в Западной Европе (Орлов в Испании, Кривицкий в Голландии, Рейсс и Штейнберг в Швейцарии), либо стали перебежчиками, либо подверглись репрессиям, было крайне трудно убедить Берию и Меркулова пойти на риск и активизировать те структуры, которыми они в свое время руководили. К счастью, не все, кто занимался отбором и вербовкой агентов, были репрессированы. Некоторые, как, например, Ланг, Парпаров, Фишер-Абель и Гиршфельд, временно числились в действующем резерве, пока наверху решалась их дальнейшая судьба. В Берлине и Париже по-прежнему находились наши люди. Возобновила свою деятельность кембриджская группа, вопреки опасениям, что ее засветил перебежавший на Запад Орлов. В конце концов удалось убедить Фитина, что нам следует все же идти на риск и восстановить свои старые агентурные связи, как бы это ни было опасно. Мы с ним доложили о своем решении Берии — и он поддержал нас.

Непростое решение о восстановлении прерванных на полгода контактов с нашими агентами было все-таки принято, хотя мы опасались, что за это время некоторых уже, возможно, схватили и перевербовали. Но был конец апреля 1940 года, и призрак войны на горизонте виделся все яснее.

Я помню, что именно тогда в Центре была решена дальнейшая судьба Кима Филби. Когда из Лондона запросили санкцию на его переход в штаб-квартиру английской разведки, я лично дал согласие при условии, что он сам добровольно примет решение о «двойной игре» с учетом особого риска.

Переход Филби на оперативную работу в советскую разведку не только поставил его в сложное положение. Совсем по-новому встал вопрос о доверии ему, как важнейшему источнику информации о намерениях противника.

В разведке существует порядок обязательной перепроверки всех сообщений источников, завербованных среди аппарата спецслужб противника. Филби, в частности, сообщая об имевшихся у английской разведки данных о беседах английского посла в Москве Крипса с заместителем наркома иностранных дел Вышинским и о телеграмме-ориентировке английского посольства в Министерство иностранных дел Великобритании 15 и 28 марта 1941 года не полностью передал содержание этих документов. В изложении телеграммы не давались данные о согласованных английских и американских шагах по поддержанию отношений с советским руководством. Между тем более расширенная информация по этим вопросам поступала от Маклина — сотрудника министерства иностранных дел Великобритании. Аналитик разведуправления НКВД подполковник Морджинская, впоследствии в 1960-1970-х годах видный философ, профессор института философии Академии наук, в своем заключении заподозрила Филби в неискренности и участии в дезинформационной операции английской разведки.

Филби ходил и работал под тенью этих подозрений долгие годы. Как мне рассказывали и в Центре, в Мо-

скве даже в 1960-х годах он первоначально прошел унизительную процедуру перепроверок лояльности.

Во Францию новым руководителем нашей резидентуры был направлен Василевский, который должен был восстановить заглохшие связи. В Германию, Финляндию, Польшу и Чехословакию получила назначение группа офицеров. Им потребовалось примерно полгода, чтобы проверить состояние и надежность нашей агентурной сети, с которой последнее время не поддерживалось никаких контактов.

В 1939-1940 годах мы восстановили связи и приступили к активной работе.

Созданная военной разведкой и НКВД подпольная сеть, известная как «Красная капелла», действовала в течение почти всей второй мировой войны. Агенты «Красной капеллы» передавали по радио кодированные сообщения в Центр.

Несколько слов о том, как все это осуществлялось на практике. Военная разведка имела свою собственную агентурную сеть в Германии, Франции, Бельгии и Швейцарии и действовала независимо от НКВД. В 1938-1939 годах, перед началом войны, военные оказались достаточно дальновидными и послали во Францию и Бельгию двух сотрудников — Треппера и Гуревича — вместе с радистами для работы в условиях военного времени. В этот период военные также имели свою нелегальную резидентуру в Швейцарии, руководимую бывшим работником венгерской секции Коминтерна Шандором Радо и Урсулой Кучинской (кодовое имя «Соня»), позднее, в 1941 году, ставшей связной между нами и немецким физиком Клаусом Фуксом, который работал в Англии.

В подготовке резидентур к оперативной деятельности в Западной Европе в условиях военных действий и перехода на нелегальное положение были допущены серьезные ошибки. Агентурная сеть Треппера, Гуревича и Радо слишком сильно была связана с источниками еврейской национальности, что делало ее уязвимой со стороны германских спецслужб. Руководство Разведупра, так же как и ИНО НКВД, пренебрегло надлежащей подготовкой радистов для поддержания связи в условиях войны. В канун войны НКВД удалось создать мощную агентурную сеть в Германии, руководили ею Амаяк Кобулов, Коротков и Журавлев. У военной разведки в Германии также были важные агенты — Ильза Штебе в отделе печати министерства иностранных дел и Рудольф Шелиа, высокопоставленный немецкий дипломат.

В июне 1941 года, когда Германия напала на СССР, наша разведка не имела централизованного контроля над всеми агентурными сетями, посылавшими нам свои сообщения независимо друг от друга. Разведупр Красной Армии был лучше подготовлен, чтобы переключиться с курьеров и дипломатической почты на подпольные радиопередачи:



▲ Игнатий Сосновский-Добржинский



▲ Кривицкий В.Г.



▲ Коротков А.М.



▲ Вилли Леман

агенты имели необходимое оборудование. Мы же только в апреле 1941 года направили в резидентуры Западной Европы указание о подготовке к работе в условиях близкой войны. Амаяка Кобулова и Короткова, находившихся в Европе, обязали ускорить обучение радистов и обеспечить их надежной аппаратурой, а также создать дублирующие радиоквартиры.

Шульце-Бойзен («Старшина»), Харнак («Корсиканец») и Кукхоф («Старик») плохо проинструктированные Кобуловым и Коротковым, нарушили элементарное правило конспирации: поддерживали линейную связь. Кроме этого, у всех трех агентов был один радист.

В октябре 1941 года, потеряв связь из-за некачественной аппаратуры и неквалифицированной работы радистов наших агентов в Берлине, разведуправление военной разведки и НКВД совершили непростительную ошибку.

Резидент в Брюсселе Гуревич («Кент») получил по радио шифротелеграмму, в соответствии с которой ему надлежало выехать в Берлин с радиопередатчиком.

Он передал его «Корсиканцу» и «Старшине». По возвращении в Брюссель «Кент» подтвердил по радиосвязи успешное выполнение задания и сообщил в Москву информацию, полученную в Берлине, о трудностях, которые немцы испытывают в снабжении пополнении резервами, о реалистической оценке немецким командованием провала блицкрига, о возможном наступлении противника весной-летом 1942 года с целью овладения нашими нефтепромыслами.

Столь ценные сведения, переданные в ноябре 1941 года и подтвержденные спустя три месяца, были доложены правительству, но, к сожалению, не сыграли в должной мере своей роли, ввиду того, что 13 декабря 1941 года радист и шифровальщик «Кента» с кодами были захвачены немецкой контрразведкой и гестапо не составило большого труда в 1942 году после краткой разработки арестовать руководителей «Красной капеллы» в Берлине и других городах Западной Европы.

5 августа 1942 года мы забросили двух наших агентов-парашютистов в Германию — Артура Хесслера и Альберта Барта. Но немцы уже держали под наблюдением группу, на связь с которой они были посланы, и их арестовали.

Хесслер погиб в гестапо, а Барта немцы перевербовали, и он начал вести с нами радиоигру, которую, кстати, мы сразу же разгадали. Во время допроса Барт раскрыл нашего агента Вилли Лемана («Брайтенбах»), который сотрудничал с нами с 1935 года. Леман был сотрудником гестапо и снабжал нас исключительно важной информацией. Он передал нам в 1935-1941 годах важнейшие материалы о разработках гестапо по внедрению агентуры в среду русских эмигрантов и в коммунистическое подполье. От Лемана мы также узнали, какие источники польской контрразведки были перевербованы и использовались немца-

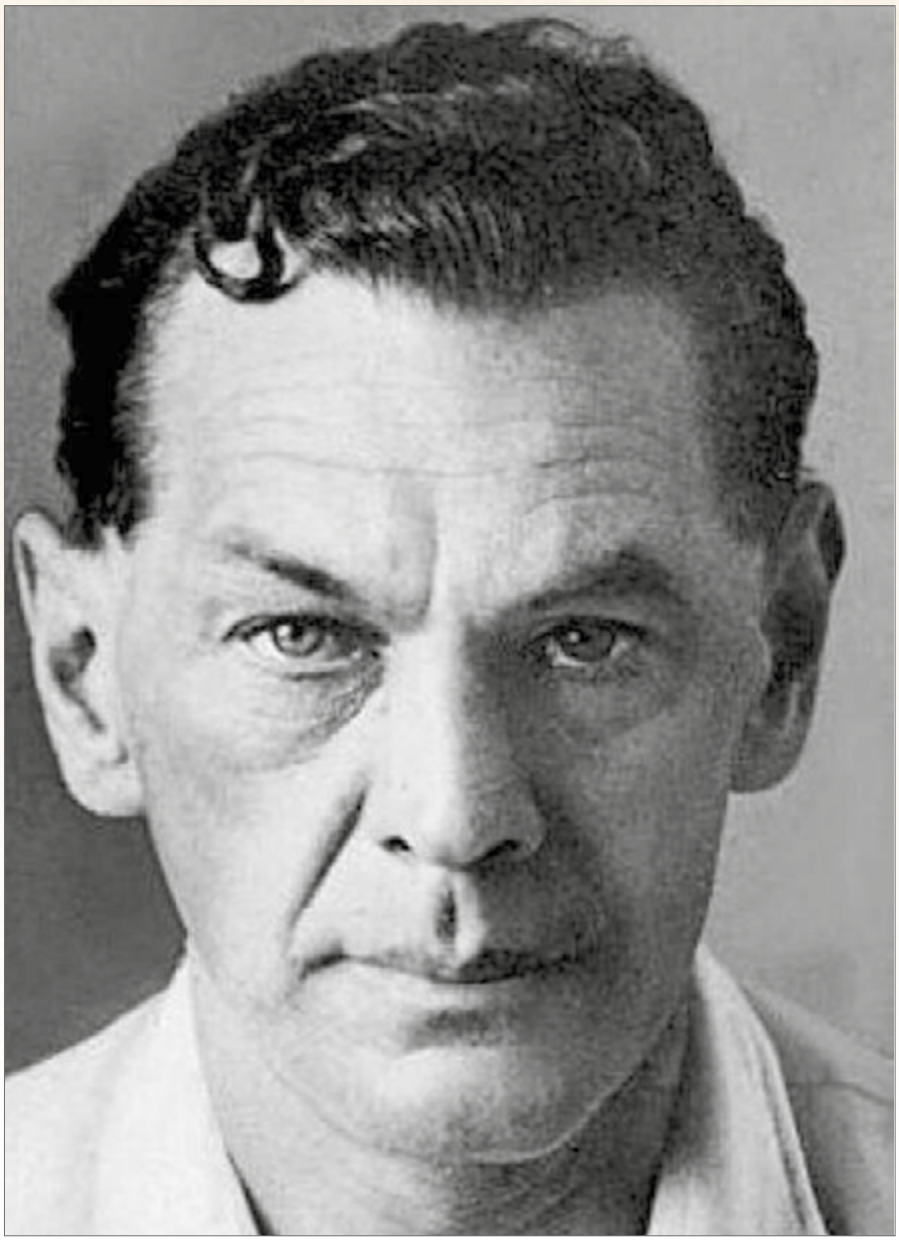
ми после разоблачения в 1936 году в Берлине польского резидента Сосновского. К тому же последний попал в наши руки в 1939 году и дал развернутые ориентировки по возможностям польской агентуры в Германии.

Лемана арестовали на улице и тайно, без суда, казнили. Гестапо сообщило жене, что ее муж исчез и его усиленно разыскивают. После войны мы нашли лишь его Регистрационную карточку в архивах тюрьмы Плетцензее в Берлине — других следов о нем не осталось. Леман в годы войны был единственным офицером гестапо, сотрудничавшим с нами.

В архивах гестапо мы обнаружили сведения о «Красной капелле». И хотя имя Барта там фигурирует, Леман даже не упомянут. Возможно, это вызвано нежеланием бросить тень на гестапо, в рядах которого оказался советский агент. Я не исключаю, что гестапо боялось доложить об этом Гитлеру. Барт был взят в плен англичанами и передан нам в 1946 году. Его доставили в Москву, судили и расстреляли за измену.

Несколько слов о работе группы Зорге («Рамзай») в Токио. К информации, поступавшей по этой линии из кругов премьер-министра Коноэ, и высказываниям германского посла Отта в Москве относились с некоторым недоверием. И дело было не только в том, что Зорге привлекли к работе впоследствии репрессированные Берзин и Боровичь, руководившие Разведупром Красной Армии в 20-30-х годах. Еще до ареста Боровича, непосредственного куратора Зорге, последний получил от высшего руководства санкцию на сотрудничество с немецкой военной разведкой в Японии. Разрешение-то получил, но вместе с тем попал под подозрение, поскольку такого рода спецагентам традиционно не доверяют и регулярно перепроверяют во всех спецслужбах. В 1937 году исполняющий обязанности начальника Разведупра Гендин в своем сообщении Сталину, подчеркивая двойную игру ценного агента Зорге, добывающего информацию также для Отта, резидента немецкого Абвера в Токио, делал вывод, что указанный агент не может пользоваться как источник информации полным доверием.

Трагедия Зорге состояла в том, что его героическая работа и поступающие от него сведения не использовались нашим командованием. Исключительно важные данные о предстоящем нападении Японии на США, о неприсоединении Японии к германской агрессии против СССР в сентябре — октябре 1941 года так и осели в наших архивах. А дивизии с Дальнего Востока перебросили под Москву в октябре 1941 года лишь потому, что у Сталина не имелось других готовых к боям резервных боевых соединений. Если же информация Зорге при этом и учитывалась, то не играла существенной роли в принимаемом решении. Сообщения о том, что японцы не намерены воевать с нами, регулярно поступали с 1941 по 1945 год от наших проверенных агентов, занимавших должности советника японского посольства в Москве и начальника службы жандармерии Квантунской армии, который передавал нам до-



▲ Рихард Зорге



▲ Эйтингон



▲ Шульце-Бойзен

кументальные данные о дислокации японских соединений в Маньчжурии. Кроме всего прочего, нам удалось расшифровать переписку японского посольства в Москве с Токио, из которой следовало, что вторжение в СССР в октябре 1941 года Японией не планировалось.

Поведение Зорге на следствии после его ареста японскими властями вызвало серьезное раздражение в Москве. Он нарушил главную установку советской разведки: никогда не признавать шпионажа в какой-либо форме в пользу Советского Союза. Хотя практика обмена арестованными агентами и разведчиками в 30-х годах являлась очень ограниченной, тем не менее изредка на нее шли. Поляки, например, освободили нашего нелегала Федичкина в 1930 году, американцы — резидента НКВД в Нью-Йорке Овакимяна в сентябре 1941 года. Руководство Разведупра ввиду признаний Зорге ни перед кем не ставило вопроса о его возможном обмене.

К августу 1942 года «Красная капелла» в Берлине, включавшая агентов военной разведки и НКВД, была уничтожена. Но в Германии уцелел ряд важных источников информации и агентов влияния. Некоторые агенты гамбургской группы, созданной Серебрянским и Эйтингоном, не связанные с группой Харнака - Шульце-Бойзена и осевшие в концернах «Фарбен индустри» и «Тиссен», в гамбургском порту, уцелели и ушли в подполье. Избежала ареста агент «Юна», обосновавшаяся в ведомстве Риббентропа — германском МИДе; не были скомпрометированы Ольга Чехова и польский князь Януш Радзивилл. Однако отсутствовали надежные связники с ними. Два наших агента — шведский предприниматель Стринберг («Густав») и популярный актер Карл Герхард («Шансонье») годились разве что на роль курьеров. Поездки Стринберга в Германию оказались мало результативными, а Герхарда вскоре выявили немцы, так как он не скрывал своих антигитлеровских настроений. Агентурная сеть во Франции и Швейцарии продолжала работать.

В начале 1941 года Василевский создал сеть нелегалов во Франции. Главной фигурой на связи с ними был полковник Шмидт, ответственный сотрудник шифровальной службы Абвера. Василевский узнал, что в начале 1930-х годов Шмидт был завербован французской разведкой. Французские коммунисты, помогавшие людям Василевского, установили, что Шмидт также работал на британскую спецслужбу. Имя английского агента, с которым Шмидт поддерживал контакт во Франции, нам сообщил Маклин еще в 1939 году. По характеру материалов, переданных Шмидтом Василевскому, мы поняли, что англичане регулярно перехватывают и расшифровывают немецкие радиограммы. Немцы выследили подозрительные связи Шмидта, и он бесследно исчез.

Сотни радиограмм в Москву от «Красной капеллы» из Швейцарии за период с июля 1941 до октября 1943 года содержали ценнейшую информацию: приказы немецкого верховного командования, сведения

о передвижении войск и массу оперативных подробностей боевых действий. Эта информация передавалась Рудольфом Есслером («Люци»), но он упорно отказывался назвать ее источник советскому резиденту-нелегалу Шандору Радо.

Есслер, немецкий эмигрант, встретился с Радо, когда Гитлер напал на Советский Союз. Он дал понять, что считает Радо связанным с советской разведкой, и предложил ему передавать информацию из немецких военных кругов.

Зная это, мы решили, что «Люци» просто пытается сохранить в тайне свой источник — агента в немецком генштабе.

На самом деле Есслер передавал нам информацию, которую получал от англичан. Английская разведка знала о работе группы Радо, поскольку еще накануне войны внедрила своего агента в «Красную капеллу» в Швейцарии. По дипломатическим каналам в Лондоне через английскую миссию связи в Москве англичане не передавали эту информацию, опасаясь, что мы не поверим и потребуем назвать источник. Мы не знали тогда, что у англичан есть аналог немецкой шифровальной машины «Enigma», которую собрал в 1938 году для британской спецслужбы польский инженер, работавший ранее на немецком секретном предприятии, выпускавшем эти машины. Англичане держали в строжайшем секрете существование «Enigma», дававшей им возможность дешифровать немецкие радиограммы. Сведения о ней поступили к нам в 1945 году от Филби и Кэрнкросса.

Сталин не доверял англичанам, и для этого были основания. Когда мы сравнивали разведданные от наших агентов из Швейцарии и из Лондона, то видели их разительное совпадение. Однако информация из Лондона от кембриджской группы была более полной, а от группы «Люци» явно отредактированной. Ясно было, что информация «Люци» дозировалась и редактировалась британскими спецслужбами.

Нашей лондонской резидентуре периодически поставлял расшифрованные радиограммы Джон Кэрнкросс, работавший в британском шифровальном центре «Блечли парк». Позже, беседуя с моим другом Кукиным — он был резидентом в Лондоне с 1943 по 1947 год и руководил кембриджской группой, — мы признали, что вклад Кэрнкросса в наше общее дело и получаемые от него материалы представляли большую ценность для раскрытия немецких оперативных планов.

Дешифрованные материалы, поступавшие от Кэрнкросса, имели не только военную ценность, но и позволили нам проследить проникновение английской спецслужбы в группу Радо.

Весной 1943 года, за несколько недель до начала Курской битвы, наша резидентура в Лондоне получила от кембриджской группы информацию о конкретных целях планировавшегося немецкого наступления под кодовым названием операция «Цитадель». В этом сообщении указывалось число немецких дивизий, которые предполагалось использовать, и подчеркивалось, что операция «Цитадель» нацелена на Курск, а не на Великие Луки, то есть не к западу, а к юго-западу от Москвы — там мы не ожидали немецкого наступления. НКВД направил эту информацию Советскому Верховному Главнокомандованию 7 мая 1943 года. Сообщение из Лондона содержало более обстоятельные и точные планы немецкого наступления, чем полученные по линии воен-



▲ Энигма — шифр-машина



▲ Джон Кэрнкросс



▲ Гуревич

ной разведки от «Люци» из Женевы. Руководителям военной разведки и НКВД стало совершенно ясно, что англичане передают нам дозированную информацию, но в то же время хотят, чтобы мы сорвали немецкое наступление. Из этого мы сделали вывод, что они заинтересованы не столько в нашей победе, сколько в том, чтобы затянуть боевые действия, которые привели бы к истощению сил обеих сторон.

В начале 1943 года начальник военной разведки генерал Ильичев обратился с письмом в НКВД и к генералу Селивановскому, заместителю начальника военной контрразведки СМЕРШ, с сообщением, что германские спецслужбы проникли в «Красную капеллу». От агента в Брюсселе Гуревича («Кент») было получено зашифрованное предупреждение: он работает под немецким контролем. Было принято решение продолжить эти радиоигры с немцами. Осенью 1943 года в Женеве и Лозанне были арестованы радисты «Красной капеллы», но мы все еще продолжали получать информацию из Лондона от нашего резидента Кукина, сменившего Горского.

Британская разведка до сих пор не признала факт передачи нашей агентурной сети в Швейцарии отредактированных расшифрованных сведений. В Москве, однако, всегда с подозрением относились к «Красной капелле». Ее героическая деятельность в Германии, Франции и Швейцарии не приносила в глазах начальства лавров ни разведке НКВД, ни Разведупру Красной Армии.

Никто не относился к ее работе как приоритетной, потому что дешифрованные приказы немцев, передаваемые англичанами, не содержали бесспорных данных, базировавшихся на подлинных документах, а основывались на устной информации источников.

«Красная капелла» до сих пор рассматривается на Западе как главный источник разведывательной информации, поступавшей в Советский Союз в годы войны, на самом же деле эта информация носила для нас второстепенный характер. Тем не менее, надо признать, что ее агенты действовали с большим мужеством и высоким профессионализмом и многие из них погибли героической смертью. Руководителей «Красной капеллы» Треппера («Большой шеф»), Гуревича («Маленький шеф», или «Кент») и Радо («Дора») в Разведупре Красной Армии считали изменниками. Треппер и Радо пытались скрыться от советских властей; их розыск и отправку в Москву осуществили англичане. В Москве их арестовали и посадили в тюрьму на Лубянке.

Треппер и Радо провели в тюрьме по десять лет, прежде чем их освободили и реабилитировали в конце 50-х годов. В своих мемуарах они представили Гуревича как изменника, но ведь именно он захватил, перевербовал и доставил к нам в Москву в 1945 году главного следователя гестапо, занимавшегося делом

«Красной капеллы». Когда в ноябре 1942 года Гуревич был взят в гестапо, ему удалось послать радиограмму, предупреждавшую, что отныне он находится под контролем немцев, а одна из полученных им от нас инструкций обязывала его продолжать радиоигры, что он и сделал. Как только война кончилась, Гуревич сумел убедить офицера гестапо Хайнца Паннвица, который вел дело «Красной капеллы» вступить с нами в контакт. По словам Гуревича, для советской разведки он будет ценным приобретением, поскольку владеет информацией, позволяющей нам идентифицировать тех, кто нам симпатизировал, и тех, кто был нашим врагом. Это, говорил он, обеспечит Паннвицу амнистию и работу в советских органах безопасности. Находясь в шоке от поражения Германии,

Паннвиц принял предложение Гуревича о тайной встрече с русским представителем. Он был задержан и вместе с Гуревичем немедленно доставлен в Москву.

Разоблачения Паннвица, однако, имели лишь ограниченный интерес в глазах руководства разведки. Широкая известность Паннвица на Западе исключала возможность использования его для наших активных операций. Поскольку он мог сообщить о тех осведомителях гестапо, которых мы вместе с британской разведкой все еще продолжали разыскивать, было решено не ликвидировать его, а держать и дальше в тюрьме. Треппер, Радо и Гуревич разделили его судьбу: они остались в живых только потому, что их показания могли понадобиться в дальнейшем. После десяти лет пребывания в тюрьме Паннвица репатриировали в Германию.

С 1946 года Радо и Треппер заявляли, что провал «Красной капеллы» был вызван изменой Гуревича. После смерти Сталина в 1953 году, как мне говорили, ветераны Коминтерна ходатайствовали о реабилитации Радо и Треппера. Их дело было пересмотрено, и в 1955 году с них сняли обвинение в измене Родине, хотя Разведупр Генштаба и возражал, выдвигая против них и свои обвинения - нарушение правил конспирации и несанкционированное расходование денег. Гуревич был освобожден в 1955 году по амнистии для тех, кто обвинялся в сотрудничестве с немцами, но не реабилитирован.

Гуревич обращался лично к Хрущеву с просьбой разобраться в его деле, но КГБ и военная разведка твердо стояли на своем, намеренно делая его козлом отпущения за провал «Красной капеллы». По специальной справке, подготовленной руководителями разведки КГБ Сахаровским и Коротковым, в 1958 году Гуревича вновь арестовали. Ордер на арест подписали Серов, ставший к тому времени главой КГБ, и генеральный прокурор Руденко. Гуревича приговорили к двадцати пяти годам тюремного заключения, но в соответствии с новым Уголовным кодексом этот срок был сокращен до пятнадцати лет. Поскольку он уже



▲ Фишер-Абель



▲ Фитин



▲ Треппер Лео



▲ Харнак Арвид

отсидел почти десять лет, его выпустили через пять лет.

После отбытия полного срока заключения Гуревич обосновался в Ленинграде, где работал переводчиком. Каждый год он подавал на пересмотр своего дела, но КГБ и военная разведка упорствовали, по-прежнему возражая против его реабилитации или нового рассмотрения дела. В официальной истории советской военной разведки, подготовленной в 60-70-х годах, Гуревич представлен как изменник, чьи действия привели к провалу «Красной капеллы» во Франции и Германии. На Западе в книге Жиля Перро «Красная капелла» высказывается та же точка зрения.

В 1990 году военная прокуратура обращалась ко мне по делу Гуревича, продолжавшего настаивать на своей реабилитации. Прокуратура нашла документ исключительной важности — служебную записку Генштаба, направленную в адрес НКВД с одобрением радиоигр Гуревича («Кента») с немцами. Когда дело Гуревича стало пересматриваться, выяснилось: единственная вина его заключалась в том, что он без одобрения Центра завел семью на Западе (во Франции). Однако руководство военной разведки продолжало упорно препятствовать восстановлению его прав. После того как в 1991 году Гуревича наконец реабилитировали, Разведупр Генштаба категорически отказал ему в выплате компенсации, назначении военной пенсии и предоставлении статуса ветерана войны.

Этот человек жив (Гуревич умер в 2009 году. Ред.). Его жена умерла в Европе, а сын вместе со своей женой и детьми приезжал в Санкт-Петербург для встречи с отцом. История Гуревича прошла по страницам российской прессы, но никто не задался вопросом: чья злая воля в разведорганах СССР все эти годы продолжала возлагать вину на этого человека.

Для нас, знавших о существовании у немцев проблем со снабжением армии, директива Сталина стоять до конца в 1941 и 1942 годах и любой ценой остановить врага казалась естественной и разумной. Оглядываясь назад, видишь, что трагические поражения Красной Армии в Белоруссии, потери миллионов человеческих жизней убитыми и взятыми в плен под Киевом были для вермахта всего лишь тактическим успехом. Перед немцами стояла перспектива затяжной войны, для победы в которой у них не было необходимых ресурсов.

К середине июля 1941 года мы получили два важных сообщения. Одно — по радио из Берлина, другое — от наших дипломатов и разведчиков, интернированных немцами в Италии и Берлине в начале войны. После обмена на германских дипломатов, интернированных в Москве, первый секретарь советского посольства в Берлине Бережков и резидент НКВД Амаяк Кобулов, младший брат заместителя Берии Богдана Кобулова, сообщили, что барон Ботман, сопровождавший поезд с советскими дипломатами, высланными из Германии, намекнул им: может настать время, когда Германия и СССР предпочтут урегулировать свои отношения на основе взаимных уступок.

В изнурительных боях под Смоленском была остановлена танковая армия генерала Гудериана. Росло разочарование в германском вер-

ховном командовании, вызванное недостаточно быстрыми темпами продвижения немецких войск в июле 1941 года, о чем сообщил из Берлина Арвид Харнак («Корсиканец»). 25 июля Берия приказал мне связаться с нашим агентом Стаменовым, болгарским послом в Москве, и проинформировать его о якобы циркулировавших в дипломатических кругах слухах, что возможно мирное завершение советско-германской войны на основе территориальных уступок. Берия предупредил, что моя миссия является совершенно секретной. Имелось в виду, что Стаменов по собственной инициативе доведет эту информацию до царя Бориса.

Берия с ведома Молотова категорически запретил мне поручать послу-агенту доведение подобных сведений до болгарского руководства, так как он мог догадаться, что участвует в задуманной нами дезинформационной операции, рассчитанной на то, чтобы выиграть время и усилить позиции немецких военных и дипломатических кругов, не оставлявших надежд на компромиссное мирное завершение войны.

Как показывал Берия на следствии в августе 1953 года, содержание беседы со Стаменовым было санкционировано Сталиным и Молотовым с целью забросить дезинформацию противнику и выиграть время для концентрации сил и мобилизации имеющихся резервов.

Стаменов был завербован нашим опытным разведчиком Журавлевым в 1934 году в Риме. Он работал третьим секретарем посольства Болгарии, симпатизировал Советскому Союзу и сотрудничал с нами из чисто патриотических соображений. Он был убежден в необходимости прочного союза между Болгарией и СССР и рассматривал его как единственную гарантию защиты болгарских интересов на Балканах и в европейской политике в целом.

Когда Берия приказал мне встретиться со Стаменовым, он тут же связался по телефону с Молотовым, и я слышал, что Молотов не только одобрил эту встречу, но даже пообещал устроить жену Стаменова на работу в Институт биохимии Академии наук. При этом Молотов запретил Берии самому встречаться со Стаменовым, заявив, что Сталин приказал провести встречу тому работнику НКВД, на связи у которого он находится, чтобы не придавать предстоящему разговору чересчур большого значения в глазах Стаменова. Поскольку я и был тем самым работником, то встретился с послом на квартире Эйтингона, а затем еще раз в ресторане «Арагви», где наш отдельный кабинет был оборудован подслушивающими устройствами:



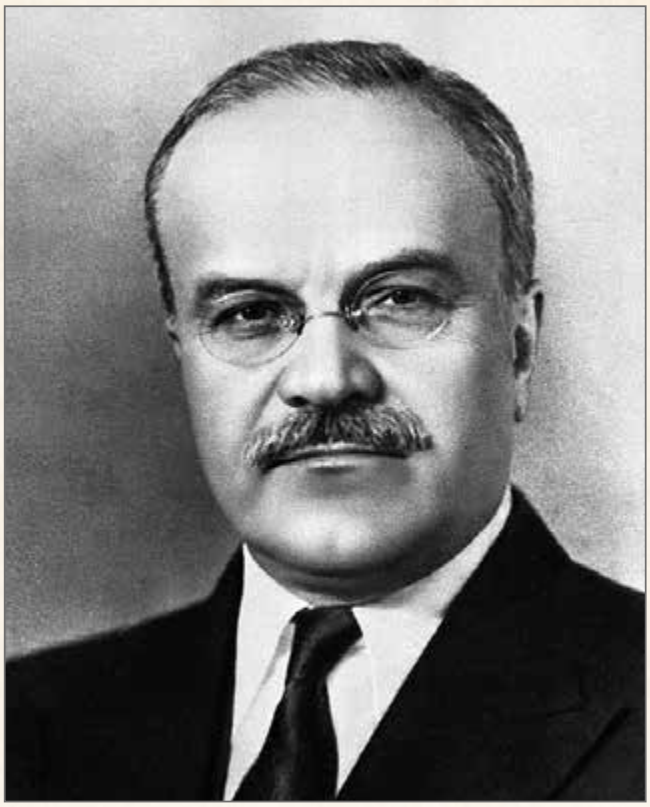
▲ Чехова О.



▲ Шпигельглас



▲ Орлов-Никольский



▲ Молотов В.М.

весь разговор записали на пленку. Я передал ему слухи, пугающие англичан, о возможности мирного урегулирования в обмен на территориальные уступки. К этому времени стало ясно, что бои под Смоленском приобрели затяжной характер и танковые группировки немцев уже понесли тяжелые потери. Стаменов не выразил особого удивления по поводу этих слухов. Они показались ему вполне достоверными. По его словам, все знали, что наступление немцев развивалось не в соответствии с планами Гитлера и война явно затягивается. Он заявил, что все равно уверен в нашей конечной победе над Германией. В ответ на его слова я заметил:

— Война есть война. И, может быть, имеет все же смысл прощупать возможности для переговоров.

— Сомневаюсь, чтобы из этого что-нибудь вышло, — возразил Стаменов.

Словом, мы поступали так же, как это делала и немецкая сторона. Беседа была типичной прелюдией зондажа. Я уже упоминал, что Ботман, сотрудник МИДа, проводил аналогичные беседы с Бережковым.

Стаменов не сообщил о слухах, изложенных мною, в Софию, на что мы рассчитывали. Мы убедились в этом, поскольку полностью контролировали всю шифропереписку болгарского посольства в Москве с Софией, имея доступ к их шифрам, которые называли между собой «болгарскими стихами». Шура Кочергина, жена Эйтингона, наш опытный оперработник, связалась со своими агентами в болгарских дипломатических и эмигрантских кругах Москвы и установила, что Стаменов не предпринимал никаких шагов для проверки и распространения запущенных нами слухов. Но если бы я отдал Стаменову такой приказ, он, как полностью контролируемый нами агент, наверняка его выполнил. Так и закончилась в конце июля — начале августа 1941 года вся эта история.

Сейчас содержание этой беседы искажается. Рукописный экземпляр моего объяснения по этому вопросу в силу неизвестных причин уничтожен 11 ноября 1974 года инструктором общего отдела ЦК КПСС Е. Хазиной. В документах президентского архива дата беседы со Стаменовым указана как 25 июня 1941 года. В частично рассекреченном с согласия службы внешней разведки моем объяснении отсутствуют ссылки на агентурное сотрудничество Стаменова с НКВД.

И в ксерокопии документа отсутствуют целые абзацы. Однако в другой публикации, прошедшей цензуру службы внешней разведки, указан даже номер архивного агентурного дела Стаменова (No 34467, лист 134), имеются прямые ссылки на его настроения и признание его сотрудничества с НКВД.

Из рассекреченного ныне моего объяснения можно установить четыре вопроса, заданные Стаменову в ходе беседы, ответы на которые были интересны советскому руководству. Все они сводились к зондажному выяснению возможности прекращения боевых действий.

В 1953 году, однако, Берию обвинили в подготовке плана свержения Сталина и советского правительства.

Этот план предусматривал секретные переговоры с гитлеровскими агентами, которым предлагался предательский сепаратный мир на условиях территориальных уступок. На допросе в августе 1953 года Берия показал, что он действовал по приказу Сталина и с полного одобрения министра иностранных дел Молотова.

За две недели до допроса Берии меня вызвали в Кремль с агентурным делом Стаменова, где я сообщил о деталях нашего разговора Хрущеву, Булганину, Молотову и Маленкову. Они внимательно, без единого замечания, выслушали меня, но позднее я был обвинен в том, что играл роль связного Берии в попытке использовать Стаменова для заключения мира с Гитлером. Желая представить Берию германским агентом и скомпрометировать его, Маленков распорядился послать Пегова, секретаря Президиума Верховного Совета, вместе со следователями прокуратуры в Софию. Они должны были привезти в Москву показания Стаменова. Однако Стаменов отказался дать какие бы то ни было письменные показания.

Правда, он подтвердил устно, что являлся агентом НКВД и сотрудничал с советской разведкой в интересах борьбы с фашизмом как в самой Германии, так и в странах-союзниках. Ни к чему не привели и попытки шантажировать его, как, например, угрозы лишить пенсии, которую он получал от советского правительства за свою деятельность во время войны. По свидетельству Суханова, помощника Маленкова, и сообщению моего младшего брата (его жена работала в секретариате Маленкова), Пегов вернулся из Софии с пустыми руками - ни свидетельств, ни признаний. Все это держалось в тайне, но фигурировало в приговоре по делу Берии и моем деле.

Однако в своих мемуарах Хрущев, знавший обо всех этих деталях, все-таки предпочел придерживаться прежней версии, что Берия вел переговоры с Гитлером о сепаратном мире, вызванные паникой Сталина. На мой взгляд, Сталин и все руководство чувствовали, что попытка заключить сепаратный мир в этой беспрецедентно тяжелой войне автоматически лишила бы их власти. Не говоря уже об их подлинно патриотических чувствах, в чем я совершенно уверен; любая форма мирного соглашения являлась для них неприемлемой. Как опытные политики и руководители великой державы, они нередко использовали в своих целях поступавшие к ним разведанные для зондажных акций, а также для шантажа конкурентов и даже союзников.

Так, наша агентура, имевшая выход на окружение молодого румынского короля Михая, прозондировала взаимную заинтересованность его двора и советского руководства в выходе Румынии из прогитлеровской коалиции. Как и в случае с Финляндией, наши дипломаты подготовили и оформили договор о выходе Румынии из войны против СССР, Англии и США и о вступлении ее в войну с Германией. Этому предшествовало еще одно важное событие: руководимая нашими оперработниками группа боевиков румынской компартии задержала лидера фашистов премьер-министра Антонеску при посещении им короля.

Среди малоизвестных закулисных событий Великой Отечественной войны следует отметить исключительно большую работу заместителя начальника 4-го управления НКВД Мельникова и наших нелегалов в 1930-х годах Парпарова и Ярикова по разложению войск противника. Под непосредственным руководством Мельникова к сотрудничеству с советскими властями и к созданию антифашистского комитета военнопленных были привлечены оказавшиеся в наших руках после Сталинградской битвы генерал фон Зайдлиц и фельдмаршал Паулюс. Эти видныевоеначальники рассматривались в качестве возможных кандидатов в состав антифашистского немецкого правительства в эмиграции, которое Берия предлагал организовать в Москве в 1944 году.

Предложения НКВД о создании немецкогоправительства в эмиграции были торпедированы немецкими коммунистами,находившимися в Москве, и руководством Коминтерна.

Между тем отклонение предложения НКВД по этому вопросу было вызваносильнейшими возражениями со стороны американского руководства, а также главэмиграционных правительств Чехословакии и Польши в Лондоне. Наша резидентурав Лондоне и Вашингтоне специально довела до сведения СССР опасения поляков,чехов и американцев по поводу намерений в августе 1944 года Сталина иМолотова по расширению деятельности антифашистского комитета. Остается,однако, загадкой, как наши союзники узнали об этих планах. Предложения посозданию антифашистского немецкого правительства в эмиграции так и осели вделах Четвертого управления и разработках Главного управления по деламвоеннопленных и интернированных лиц НКВД СССР. » ■

АРСЕН МАРТИРОСЯН

ТРАГЕДИЯ 22 ИЮНЯ 1941 ГОДА



▲ Над планом Барбаросса

«Россия не такая страна, которую можно действительно завоевать, т. е. оккупировать; по крайней мере, этого нельзя сделать… силами современных европейских государств… Такая страна может быть побеждена лишь внутренней слабостью и действием внутренних раздоров».

Карл Клаузевиц

ЛЕГЕНДА О ВНЕЗАПНОСТИ

Трагедия 22 июня 1941 года складывалась из сложного переплетения стратегических замыслов, исторических условий, экономических интересов, корыстных расчетов, национальных амбиций, человеческих страстей, мужества и трусости, самоотверженности и себялюбия, героизма и предательства…

В этот день началась еще одна война против России, объединявшей тогда вокруг себя многие земли в единый и могучий Советский Союз. Пишу эти слова без кавычек, потому что Победа в той войне доказала, что союз воистину был великим и могучим.

За свою историю Россия не раз подвергалась вторжениям, но никогда еще начало войны на её территории не было столь тяжким и драматическим. Что произошло? Как могло случиться, что Красная Армия в первые же часы войны понесла такие тяжелые потери, и её войска на границе оказались практически разгромлены и уничтожены?

Мартиросян Арсен Беникович (родился в 1950 году), российский писатель, общественный деятель, сотрудник информационного органа Многорегионального Блока Русских Большевиков, член авторского коллектива «Дело Сталина». Автор более 20 монографий о Великой Отечественной войне, И.В. Сталине, разведке, международным отношениям.

До сих пор массовое сознание убеждено, что имеется лишь одно объяснение — внезапность нападения. Убеждение это возникло с легкой руки маршала Жукова. В середине 60-х годов прошлого столетия в беседе с Константином Симоновым, известным писателем того времени и «властителем дум» того поколения, Жуков сказал: «Что такое внезапность? Трактовка внезапности, как трактуют ее сейчас, да и как трактовал ее в своих выступлениях Сталин, неполна и неправильна.

Что значит внезапность, когда мы говорим о действиях такого масштаба? Это ведь не просто внезапный переход границы, не просто внезапное нападение.

Внезапность перехода границы сама по себе еще ничего не решала. Главная опасность внезапности заключалась не в том, что немцы внезапно перешли границу, а в том, что для нас оказалась внезапной ударная мощь немецкой армии; для нас оказалось внезапностью их шестикратное и восьмикратное превосходство в силах на решающих направлениях; для нас оказались внезапностью и масштабы сосредоточения их войск и сила их удара.

Это и есть главное, что предопределило наши потери первого периода войны. А не только и не просто внезапный переход границы».

Это была ложь, и генерал Н. Ф. Червов объясняет, зачем она понадобилась: «Внезапности нападения в обычном понимании не было, и формулировка Жукова была придумана в свое время для того, чтобы взвалить вину за поражение в начале войны на Сталина и оправдать просчеты высшего военного командования в этот период».

Тем не менее, концепция Жукова, растиражированная десятки раз переиздававшимися мемуарами, стала едва ли не эталоном и вошла составной частью в большинство версий, объясняющих причины тяжелейших потерь нашей армии в начальный период войны. Все они на слуху, но стоит кратко перечислить основные из них.

Советская разведка, якобы, не смогла вскрыть замысел пресловутого «плана Барбаросса» (который, к слову сказать, правильней называть «вариантом Барбаросса»). Разновидность этой версии — советская разведка ошиблась в определении сроков и даты нападения. Согласно диаметрально противоположной концепции, советские разведчики все знали и обо всем предупреждали, но маниакально подозрительный Сталин пренебрег их донесениями. И тому подобное... Советский Союз, якобы, оказался не подготовленным к войне. Красная Армия была обезглавлена, чуть ли не безоружна, а в области стратегии и тактики исходила из шапкозакидательских теорий, которые создавались чуть ли не в Кремле. Мобилизационную и боевую готовность Красной Армии под корень подрубили репрессии против командного состава РККА в 1937–1938 годах. По вине Сталина, верившего Гитлеру, советские войска не были приведены в боевую готовность. Вариант: Советский Союз готовился к нападению на Германию, но Гитлер опередил Сталина...

Объединяет все версии подобного рода одно — тенденциозность. Основаны они на подтасовках, произвольном подборе отдельных фактов, умолчаниях, искажениях и прочих манипуляциях с историческим материалом, поскольку задача здесь — не беспристрастный анализ истории, а вполне конкретные идеологические и политические цели.

Однако если внезапности нападения не было, то что произошло на самом деле?

ВАРИАНТ «БАРБАРОССА»

В том, что столкновение неизбежно, не сомневался никто. Еще в начале двадцатых годов можно было сказать, перефразируя знаменитый слоган Карла Маркса: призрак бродит по Европе, призрак войны...

Уже в октябре 1925 года были подписаны пресловутые Локарнские соглашения, явившиеся ничем иным как прототипом Мюнхенской сделки Запада с Гитлером, давшей зеленый свет непосредственно военным действиям нацистской Германии.

Разжигать первые искры будущего мирового пожарища было не так уж и трудно. Идея реванша витала в воздухе. Сначала ее вынашивала Франция, потерпевшая позорное поражение и крайне униженная итогами франко-прусской войне 1870-1871 годов, а затем эстафета перешла к Германии. Франко-германские отношения всегда были напряженными, но после Первой мировой войны страны-победительницы умышленно создали еще два вектора неизбежного германского реванша — антипольский и античехословацкий. Германия была крайне унижена: ее территорию обрезали и отрезанные ломти раздали Франции, воссозданной Польше и впервые в истории созданному государству под названием Чехословакия, где немцы стали притесняемым национальным меньшинством.

На Западе прекрасно понимали, к чему приведет подобный раздел. Доказательством тому служат неоднократные заявления его представителей на различных между-

народных конференциях, начиная с пресловутой Версальской конференции 1919 года. Хорошо известно, например, ставшее крылатым выражение французского маршала Ф. Фоша: «Версальский мир — не мир, а перемирие, и через двадцать лет пушки вновь заговорят».

Удивительно, как точно он предсказал... Возможно, не предсказал, а точно знал, что и когда произойдет. Как бы то ни было, 1 сентября 1939 года Германия совершила нападение на Польшу. Началась Вторая мировая война.

И в тот же день внеочередная Четвертая сессия Верховного Совета СССР приняла Закон о всеобщей воинской обязанности. Это модель всех предыдущих и последующих действий Советского Союза. Если внимательно проанализировать историю предвоенных лет, то нетрудно увидеть, что постоянно происходило подобное же чередование вызова и ответа, стимула и реакции. На каждое явное или тайное событие наша страна отвечала адекватной внутренней или внешней акцией.

О «варианте Барбаросса» — плане блицкрига против Советского Союза — в Москве знали уже вскоре после того, как он возник. Здесь располагали едва ли не всей подробнейшей информацией о нем, в том числе и той, что была получена от американцев. Однако немецкий оригинал плана добыть не удалось. (Искушение поставить знак равенства между обладанием информацией и точным документальным знанием немецкого оригинала исключительно велико. Среди отечественных историков немало тех, кто по тем или иным соображениям поддался этому соблазну, совершив тем самым, пускай даже и невольно, серьезнейший подлог. На самом же деле немецкий оригинал, то есть сам план «Барбаросса», был обнаружен в 1945 году при разборе захваченных трофейных документов гитлеровского военного командования.)

Если сравнить схему возможных направлений немецкого наступления, составленную ГРУ, и план «Барбаросса», утвержденный Гитлером



▲ Генерал Бек

18 декабря 1940 года, то все могли бы убедиться, что данные нашей военной разведки практически полностью совпадают с гитлеровским оригиналом. Исключение составляют лишь очередности фамилий командующих группировками вторжения, что, конечно же, важно, но не принципиально, тем более что все они названы правильно.

По плану вторжение осуществлялось тремя группировками по трем направлениям. Рихард Зорге называл их еще в декабре 1940 года: на Ленинград, на Москву и на Харьков (последнее было не совсем точно, однако само Украинское направление указано верно, да и Зорге вскоре подкорректировал свою информацию — Киев).

Не менее важными были сведения иного рода. В декабре 1935 года ГРУ представило Сталину доклад под названием «Коалиция против СССР». Подготовлен он был на основе различных разведывательных данных, в том числе и документальных, добытых военной разведкой. Стержневой основой доклада являлся составленный по заказу Генерального штаба Франции меморандум, автором которого был один из бывших белогвардейских офицеров. 2-е Бюро Генерального штаба Франции направило копию этого меморандума руководству чехословацкой военной разведки как союзной спецслужбе. А та, в свою очередь, в рамках уже действовавшего тогда соглашения о сотрудничестве с военной разведкой СССР — оно было подписано как секретное приложение к договору о взаимопомощи в отражении агрессии от 16 мая 1935 года — озна-

комила с его содержанием советских коллег.

Цитируя различные, прежде всего, германские, а также и польские источники, автор меморандума указывал, что Германия готовит планы колонизации русской территории с целью овладения ее природными ресурсами. Кроме того, в меморандуме подчеркивалось, что у германских и польских военных аналитиков сложилось очень невысокое мнение о советской оборонной промышленности и железнодорожном транспорте. В принципе этот раздел меморандума, особенно в части, касавшейся агрессивных планов нацистской Германии, не являлась новостью для советского руководства. Куда более важным было иное.

Автор меморандума прогнозировал, во-первых, что грядущую войну против СССР развяжет коалиция в составе Германии, Японии, Польши и Финляндии. Планы вооруженного нападения на Советский Союз действительно разрабатывались тогда на базе такого варианта. Во-вторых, автор меморандума был убежден, что в этой войне СССР непременно потерпит военное поражение. Причем, поражение наступит сразу же после начала войны — «с открытием военных действий». Непосредственно в начале войны «Красная Армия потерпит серьезные неудачи, которые скоро приведут к полному военному разгрому и развалу армии».

В-третьих, автор меморандума особо подчеркивал, что поражение приведет к военному бунту и «дворцовому перевороту» силами военных. В качестве целей последних указывались:

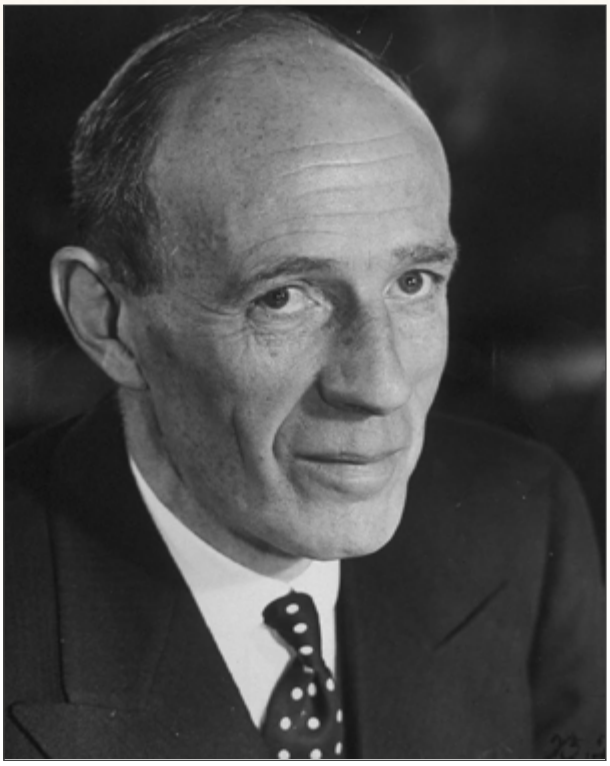
- захват власти в стране,
- установление военной диктатуры,
- расчленение страны в пользу Германии и Японии в порядке компенсации за оказанное содействие.

В меморандуме были упомянуты также и «тайные связи», которые, несмотря на резкое охлаждение советско-германских отношений после прихода Гитлера к власти, продолжали существовать между военными кругами нацистской Германии и Советского Союза. Назвал автор меморандума и главного закулисного «режиссера» грядущего переворота — верховное командование Германии (напомню, что в 1935 году в число членов «верховного командования Германии» нельзя было включать Адольфа Гитлера. Речь может идти только о верхнем эшелоне германского генералитета рейхсверского «розлива», то есть о тех генералах, которые принимали активное участие в негласном сотрудничестве между РККА и рейхсвером в догитлеровский период. Гитлер же стал верховным главнокомандующим только 4 февраля 1938 года).

Но далее автор меморандума особый акцент сделал на следующем: дергая в нужное для себя время за нужные ниточки связей, которые, будучи глубоко запрятанными, связывали верхушку рейхсвера с политическими и военными кругами СССР, она, то есть верхушка рейхсвера, вызовет внутренний взрыв в стране. В результате чего будет сметен существующий в Советском Союзе режим. И в итоге к власти в СССР должны прийти политические и военные деятели,



▲ Герцог Виндзорский



▲ Лорд Галифакс

с которыми антисоветская коалиция и, в особенности, Германия, смогут легко прийти к соглашению.

Таким образом, в Москве очень точно знали, чего следует ожидать. Вопрос был лишь в сроках.

За десять лет до войны, в феврале 1931 года, говоря об экономическом развитии страны, Сталин сказал: «Задержать темпы роста — это значит отстать. А отсталых бьют... Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут». "Сомнут" — это сказано не ради красного словца. На кону стояло существование страны. Обратите внимание на точность названного Сталиным срока — через десять лет! Впрочем, объективности ради следует отметить, что некоторое время он был убежден, что война грянет в 1942 — 1943 годах.

Небезынтересно сравнить сталинские расчеты с колебаниями Гитлера относительно того, когда следует напасть на СССР. Так, в августе 1936 года в меморандуме «Экономическая подготовка к войне», в преамбуле которого речь шла об уничтожении России, а Германия названа «острием всего западного мира», Гитлер заявил, что немецкая экономика будет готова к войне через четыре года, то есть к концу 1940 — началу 1941-го. Правда он уточнил, что «целью этого меморандума не является предсказание времени, когда нетерпимая ситуация в Европе перейдет в стадию открытой войны».

Годом позже, согласно так называемому «Протоколу Хосбаха», в котором приведена запись выступления Гитлера на совещании с генералитетом 5 ноября 1937 года, фюрер назвал одним из сроков начала войны — 1943 год.

Небольшое пояснение. Как известно, «Протокол Хосбаха» — фальшивка, ссылаться на которую, тем не менее, среди специализирующихся на Второй мировой войне историков почитается особым шиком. Поддельный сей документ был сооружен затем, чтобы британские обвинители на Нюрнбергском процессе сумели скрыть — во всяком случае, так им тогда казалось — непосредственную причастность английской королевской семьи к развязыванию Второй мировой войны. «Протокол» прикрывает факт неофициального визита в Германию в октябре 1937 года герцога Виндзорского, экс-короля Англии. Ярый поклонник нацизма и лично Гитлера, он провел с фюрером частные переговоры и явственно дал понять, что Великобритания не возражает против удовлетворения территориальных притязаний Гитлера на Судетскую область Чехословакии и вообще отнюдь не против его экспансии на Восток. А дата, указанная в «документе» — 5 ноября 1937 года, — как бы объясняет в ненавязчиво мягкой форме причину последовавшего вскоре официального визита в Германию министра иностранных дел Великобритании лорда Галифакса 19-20 ноября 1937 года. Именно тогда устами Галифакса Великобритания выразила свою готовность присоединиться к антисоветской оси Берлин-Рим (в которую фактически входил и Токио) в целях создания единого антисоветского фронта с расчетом на развязывание войны уже в 1938 году (в начале лета 38-го истекал пролонгированный срок советско-германского договора 1926 года о нейтралитете и ненападении). С обоими этими визитами напрямую связана дипломатическая предыстория Мюнхенского сговора Запада с Гитлером. Что же до поддельного «Протокола Хосбаха», то он дал британцам возможность раскрыть перед судом реальные намерения Гитлера, не выдавая того, откуда получены сведения...

Однако какими бы ни замышлялись возможные сроки начала войны, окончательно изменил их — заговор Тухачевского. Вернее, его ликвидация...

ЗАГОВОР «КРАСНОГО БОНАПАРТА»

Нет, наверное, ничего удивительного в том, что осталось еще немало людей, которые до сих пор блуждают в интеллектуальном тумане, навеянном хрущевскими «разоблачениями культа личности», и убеждены, что никакого заговора не было, а кровожадный тиран Сталин приказал своим опричникам сфабриковать дело и подло расправился с блестящим военачальником, обезглавив Красную Армию. Да и как тут не поверить! Слишком долго и слишком упорно нехитрая легенда внедрялась в массовое сознание...

Опровергнуть её нетрудно — достаточно поднять подшивки старых газет и журналов. И притом отнюдь не советских... Во многих европейских изданиях конца 30-х годов появились публикации, в которых прямо указывалась причина провала заговора Тухачевского — он планировал достичь с Германией континентального соглашения, направленного против Великобритании. Что, кстати говоря, соответствовало истине.

Группа Тухачевского была ключевым звеном в тройственном евразийском военно-геополитическом заговоре с целью создания трансконтинентального геополитического альянса во-енных диктатур по оси Берлин (без Гитлера, которого его генералы собирались убрать) — Москва (в постсоветском варианте, в результате свержения Сталина) — Токио (где должна была сложиться военно-политическая диктатура во главе с силами, имевшими тесные связи с оппозицией в Германии и СССР).

Заговорщиками были люди, занимающие в своих странах в исключительно высокое положение. В Германии — это военный министр Бломберг, главнокомандующий сухопутными войсками Фрич, начальник Генштаба сухопутных войск Бек, генералы Гаммерштейн-Экворд, Рейхенау и др.; в СССР — группа советских военных во главе с заместителем наркома обороны маршалом Тухачевским, причем в их число входили и командующие важнейшими военными округами СССР; в Японии — сам принц Коноэ, признанный лидер японских евразийцев, среди которых имелось немало военных, в том числе и командный состав японских ВМС. Все участники



▲ Бломберг



▲ Рейхенау

заговора, как на подбор, были «взаимофильствующими», если позволительно так выразиться: германские оппозиционеры давно «прославились» прагматичным русофильством и японофильством, «наши» — своим рьяным германофильством и своеобразным «остфильством»; японские — не меньшим германофильством и особой разновидностью прагматизма в отношении СССР — стремлением заключить со страной Советов союз, не осложняющий отношения с остальным миром.

Заговор представлял колоссальную угрозу независимости, суверенитету и безопасности СССР, особенно его «станового хребта» — России. Планировалась не только полная реставрация капитализма, но и расчленение территории СССР, превращение постсоветского пространства в богатую неисчерпаемыми ресурсами «дойную корову», используя территорию, которой для маневрирования силами, Германия и Япония намеревались вести борьбу за мировое господство.

Разумеется, скрыть подготовку к столь масштабному перевороту было невозможно. В Англии о ней было известно — Черчилль даже и во время войны открыто признался Сталину, что более всего в Лондоне опасались именно германо-русско-японского союза. В случае успеха заговор разрушил бы все планы Англии по стравливанию Германии и СССР и развернул бы объединенную мощь двух государств против Великобритании, не говоря уже о том, что к этому дуэту должна была подсоединиться и Япония. А посему британская разведка очень пристально следила за заговорщиками и наконец провела операцию по «сливу» Сталину достоверной информации о заговоре Тухачевского через чехословацкую военную разведку и Эдуарда Бенеша, президента Чехословакии.

Для Сталина информация Бенеша не была неожиданностью. О заговоре он располагал фактами, и, более того, — фактами, проверенными задолго до 1937 года. И вот обладая всей полнотой многократно перепроверенной информации, Сталин, что называется, лоб в лоб столкнулся с традиционным для России при любых режимах вопросом: что делать? С одной стороны — совершенно реальная угроза войны, с другой — не менее реальная угроза заговора военных дома. И вопрос из дилеммы немедленно перерос в трилемму — из двух зол необходимо было выбирать третье. Потому что уж что-что, но недавнюю историю о том, как русские генералы в феврале 1917 года предали своего царя, Сталин прекрасно помнил и повторять печальную участь Николая II не собирался.

А потому, когда 8 мая в Кремль пришло досье от Бенеша, в отноше-



▲ Чемберлен и Гитлер

нии Тухачевского не было предпринято ничего. Судя по всему, Сталин тянул с его арестом до последней секунды — до того момента, когда стало известно, что маршал Тухачевский в срочном порядке объявил военные маневры на 12 мая 1937 года (под прикрытием которых он планировал произвести государственный переворот). Только тогда Сталин окончательно убедился, что заговор — смертельная реальность и более медлить нельзя. 11 мая Тухачевский был снят с поста зам-наркома обороны и назначен командующим Приволжским военным округом с приказом немедленно отбыть к месту новой службы. И опять Сталин пошел на смертельный для себя риск — 13 мая он дал аудиенцию Тухачевскому: ведь кандидат в «Бонапарты» запросто мог пронести маленький пистолет, поскольку его, маршала, не имела права обыскивать даже охрана Сталина.

Разоблачая Тухачевского, Англия разрушала центральное звено геополитической комбинации Берлин — Москва — Токио, а кроме того всерьез рассчитывала на неминуемое ослабление военной мощи СССР в результате неизбежных репрессий против высшего командного состава. В итоге и нацистам облегчилось бы решение задач уничтожения СССР — ведь весь расчет сводился к тому, что замену высшему командному звену не найти. Для этого при любых обстоятельствах нужно немалое время. А война между тем была запланирована Великобританией на 1938 год — Чемберлен тогда буквально из кожи лез, едва ли не пинками толкая Гитлера на агрессию против СССР..

Ожидаемые массовые репрессии не состоялись. Широко известная цифра "37 тысяч расстрелянных командиров" в 1937-1938 годах — на самом деле, число уволенных (прошу обратить внимание, именно уволенных) из рядов РККА, а не уничтоженных. Основания для увольнений были самыми различными — отставка по возрасту, смерти по старости, болезни, не совместимые с военной службой, а также, разумеется, преступления политические либо уголовные, которые, кстати, преобладали... Арестованы были, согласно опубликованной справке Управления кадров РККА, 10868 человек, и далеко не все из них расстреляны. Рокоссовский, Мерецков, Горбатов и некоторые другие военачальники вернулись из тюрем и лагерей в армию. Что же касается физического уничтожения, то к расстрелу за различные преступления были приговорены 1634 военнослужащих — от маршалов до рядового.

Мятежный маршал оставался на свободе даже тогда, когда уже не оставалось сомнений в его виновности — шла перепроверка всех данных. Сообщение о них было заслушано на заседании Политбюро 24 мая 1937 года. Тухачевский был арестован только 25 мая 1937 года, а уже на следующий день без малейшего физического принуждения, ровным, спокойным почерком, с соблюдением всех правил орфографии и синтаксиса дал самые подробные письменные показания о заговоре, которые, из-за их содержания, даже самый въедливый антисталинист ну никак не сможет списать на костоломов с Лубянки. Расстрелян он был в ночь с 11 на 12 июня 1937 года.

Допрашивали Тухачевского начальник 5-го отдела Главного управления государственной безопасности НКВД СССР комиссар госбезопасности 2-го ранга Израиль Моисеевич Леплевский и его

помощник Ушаков, он же Зиновий Маркович Ушимирский. Именно их подписи стоят под протоколами допросов военных, в том числе и Тухачевского, включая и те, в которых «стратег» собственноручно изложил все сведения о заговоре и плане поражения (143 страницы). К отдельным пунктам сего «плана» я буду еще не раз возвращаться, а сейчас приведу лишь текст показаний от 1 июня 1937 года, которые касаются жизненно важного в те предвоенные годы вопроса — направлений возможного наступления немецкой армии:

«Основной для Германии вопрос — это вопрос о получении колоний. Гитлер прямо заявил, что колонии — источники сырья — Германия будет искать за счет России и государств Малой Антанты. Если подойти к вопросу о возможных замыслах Гитлера в отношении войны против СССР, то вряд ли можно допустить, чтобы Гитлер мог серьезно надеяться на разгром СССР. Максимум на что Гитлер может надеяться, это на отторжение от СССР отдельных территорий.

Немцы, безусловно, без труда могут захватить Эстонию, Латвию и Литву и из занятого плацдарма начать свои наступательные действия против Ленинграда, а также Ленинградской и Калининской (западной ее части) областей.

Единственно, что дал бы Германии подобный территориальный захват — это владение всем юго-восточным побережьем Балтийского моря и устранение соперничества с СССР в военно-морском флоте. Таким образом, с военной точки зрения результат был бы большим, зато с экономической — ничтожным.

Второе возможное направление германской интервенции при договоренности с поляками — это белорусское. Совершенно очевидно, что как овладение Белоруссией, так и Западной областью никакого решения сырьевой проблемы не дает и поэтому для Германии неинтересно. Белорусский театр военных действий только в том случае получает для Германии решающее значение, если Гитлер поставит перед собой задачу полного разгрома СССР с походом на Москву. Однако я считаю такую задачу совершенно фантастической.

Остается третье — украинское направление. В стратегическом отношении пути борьбы за Украину для Германии те же, что и для борьбы за Белоруссию, т. е. связано это с использованием польской территории. В экономическом отношении Украина имеет для Гитлера исключительное значение. Она решает и металлургическую, и хлебную проблемы. Германский капитал пробивается к Черному морю. Даже одно только овладение Правобережной Украиной и то дало бы Германии и хлеб, и железную руду. Таким образом, Украина является той вожделенной территорией, которая снится Гитлеру германской колонией».

Само содержание этого текста — лучшее доказательство того, что Тухачевский давал свои показания добровольно, без пыток и принуждения. Проиграв, он пытается поставить ловушку своим победителям — хитрит, сбивает их с толку и уводит с верного направления. Он как бы хлопает дверью перед уходом... Смешно думать, что маршал, который столь тесно общался



▲ Маршал Тухачевский

с высшими немецкими военными офицерами, мог всерьез считать, что Германия стремится к столь незначительной цели — всего лишь «отторжению от СССР отдельных территорий». Уже тогда, на рубеже 1936-1937 годов основной удар вермахта замышлялся с плацдарма в Восточной Польше — в центре западной границы СССР в направлении Минск-Смоленск-Москва. Им мало было «отдельных территорий», им было необходимо все.

Даже если на миг представить, что немецкие партнеры по заговору не посвятили его в свои планы, то он знал о них из донесений советской разведки. И он лгал, ничуть не заботясь о том, что противоречит своим прежним прогнозам, сделанных в конце 20-х — начале 30-х годов: основное направление будущей агрессии против СССР — с западного вектора, с польского плацдарма.

НА ГРАНИЦЕ «ВСЕ В ПОРЯДКЕ»

Итак, вопрос был лишь в том, в какой точно момент времени начнется война и в каких конкретно координатах пространства будет нанесен удар. Когда и где... И как обороняться.

Когда — это в Москве знали еще за десять дней до нападения. Мало кому известно, что в промежутке с 11 по 21 июня 1941 года советская разведка — хочу подчеркнуть, что речь идет именно о сообществе разведывательных служб — сорок четыре раза (!) относительно точно или же абсолютно точно называла дату и час, когда произойдет вторжение. Получить эти сведения раньше было невозможно, поскольку само германское командование приняло окончательное решение о дате и зафиксировало его на бумаге только 10 июня 1941 года.

С тем, как обороняться, дело обстояло значительно сложнее.

В основу официального плана были положены идеи маршала Б. М. Шапошникова о прикрытии линии границы относительно небольшими силами, сосредоточенными на ней непосредственно, и о развёртывании главных сил в эшелонированных боевых порядках на некотором удалении от линии границы, что исключало как возможность их разгрома одним массированным внезапным ударом, так и возможность прорыва довольно широкой полосы фронта и быстрого выхода агрессора «на оперативный простор» в незащищённые тылы.

План этот не был осуществлен. В мае 1940 года наркомом обороны СССР был назначен маршал Тимошенко, а 15 января 1941 Г. К. Жуков возглавил Генеральный штаб РККА, тогда еще генерал армии. После этого, в советском военном планировании произошло нечто немыслимое. А именно — негласная и незаконная подмена смысла и духа, официально утвержденного правительством СССР плана отражения агрессии, в том числе и принципа обороны.

Вместо четко указанного в официальном плане принципа активной обороны, предусматривавшего, при необходимости, организованный отход войск в глубь своей территории, но с арьергардными боями (чего, к слову сказать, Гитлер очень опасался и требовал от своих генералов не допустить этого) у нас появилась жесткая оборона прямо на линии государственной границы. Вместо сдерживания и отражения первого удара войсками Первого стратегического эшелона, под прикрытием



▲ Жуков и Тимошенко

чего наши основные силы должны были быть отмобилизованы и сосредоточены, и затем, но только при благоприятной обстановке, перейти в решительное контрнаступление и уничтожить врага, войска основных приграничных округов на западных границах негласно и незаконно были жестко переориентированы на отражение агрессии методом немедленного, то есть по факту нападения, встречно-лобового контрблицкрига.

То есть отражение агрессии гитлеровской Германии стали готовить, выражаясь языком военных, методом осуществления стратегических фронтовых наступательных операций. Подмена именно тем была особенно опасна, что фактически незаметна. Ее и сейчас-то не так уж легко заметить. Не меняя ни единой строчки в официальном документе, а всего лишь за счет негласной, а потому и незаконной переакцентировки усилий приграничных округов на подготовку к немедленному контрнаступлению, которое действительно официально предусматривалось в официальном же плане, дуэт Жуков-Тимошенко практически полностью выхолостил суть официального плана. Никакого другого плана, кроме того, который был утвержден 14 октября 1940 года, в СССР не было.

Хочу еще раз подчеркнуть, что и в официальном плане контрнаступление планировалось, но только после сдерживания и отражения первого удара гитлеровцев. К тому же после сосредоточения наших основных сил и при наличии благоприятной обстановки, а «безграмотный сценарий вступления в войну» (именно так уже в послевоенное время сам Тимошенко охарактеризовал произошедшее 22 июня) по Жукову-Тимошенко предусматривал немедленный — по факту нападения — встречно-лобовой контрблицкриг как якобы эффективный метод отражения агрессии. Более того. Эта негласная и незаконная подмена произошла на принципах концепции «пограничных сражений» маршала Тухачевского.

Более того, неверно было определено основное направление удара противника. Вектор Минск-Смоленск-Москва странным образом исчезло из обихода возглавляемого Жуковым Генштаба вместе с принципом «активной обороны» как главного метода прочного прикрытия наших границ. При этом все донесения разведки говорили о том, что основные силы немцев сосредоточены в Польше и нацелены в Белорусском направлении.

Но мало того. Вместо создания мощного заслона на тех участках, где будет прорываться неприятель, все имеющиеся в наличии войска были вытянуты в узкую ленту на самой границе. Прорвать до предела разреженный заслон не составляло никакого труда.

Нет нужды еще раз подчеркивать, сколь безграмотен и губителен был подобный «сценарий вступления в войну». Ситуация, сложившаяся в то время на границе, усилила эту губительность. Дело в том, что мобильные (ударные) части — то есть танковые подразделения и авиация страдали от катастрофической нехватки топлива.

Свидетельств тому множество.

«Горючего было очень мало», — вспоминал, например, генерал-майор авиации Г. Н. Захаров, и именно поэтому самолеты в большинстве своем гибли на земле.

Красочное описание положения на границе оставил командующий авиацией Московского военного округа полковник (впоследствии генерал) Николай Александрович Сбытов, который марте 1941 года выезжал в Западный особый военный округ для инспекции пограничных аэродромов («пешки», о которых он упоминает, — только-только начавшие поступать в войска фронтовые пики-рующие бомбардировщики Пе-2):

«Помню, лечу на У-2 и вижу, что самолеты всюду не рассредоточены, не замаскированы — стоят как на ладони! Приземлился на одном аэродроме — там новехонькие «пешки» рядом выстроились. Проверил — а они даже горючим не заправлены.

Я хвост трубой и докладываю командующему войсками, тот — Щербакову, Щербаков — Маленкову.

Так вот тогда был рожден документ о положении авиации на границе.

Подписали его Маленков, Щербаков, Тюленев и я как член парткомиссии Главного Полит-управления РККА А 4 мая состоялось заседание, на котором присутствовало все командование ВВС. И вот Сталин по той нашей бумаге издает приказ: "Немедленно привлечь к судебной ответственности... ". Это было известно и наркому Тимошенко, и начальнику Генерального штаба Жукову. Короче, управление ВВС отправляет в пограничные округа комиссию. Та комиссия уже через пару дней вернулась и докладывает: "Все в порядке". Ну, что ты скажешь!.. ».

Ситуация, описанная Н. Сбытовым, практически не изменилась спустя три месяца, в последние дни перед началом войны. Несмотря на санкционированную лично Сталиным директиву Генштаба от 18 июня 1941 года о приведении всех войск западных округов в боевую готовность, подавляющая часть самолетов передового базирования ЗапОВО не была даже заправлена. Авиация этого округа — как, впрочем, и других — базировалась на передовых аэродромах. Более того. Позднее с санкции Жукова мобилизационные склады округов выдвинули к границе, и они оказались в руках неприятеля в первые же часы и дни агрессии. Судя по дневнику Ф. Гальдера, немцы были в восторге от того, что захватили невиданные по масштабам стратегические запасы РККА, особенно горюче-смазочные материалы, в которых вермахт остро нуждался. В сущности, гитлеровский блицкриг, начиная со второго дня агрессии, развивался на нашем же топливе. Ко всему прочему, самым преступным образом не была выполнена директива Генштаба о приведении войск приграничных округов в боевую готовность. Самолеты не заправлены горючим, боезапас на них не был установлен — именно из-за этого наши летчики, сумевшие все же взлететь ранним утром



▲ Сбытов Н.А.



▲ Павлов Д.Г.

22 июня, вынуждены были идти на тараны самолетов противника.

Бывший командующий ЗапОВО Павлов, о котором речь еще пойдет ниже, показал на допросе, что у него в округе было всего-то 300 тонн топлива, а этого, по его же словам, еле-еле хватило бы на одну заправку 400-600 танкам. Иными словами, из 3332 танков, потерянных этим округом, около трех тысяч боевых машин (от 82 до 88 процентов) были потеряны без боя и только из-за нехватки топлива.

И так происходило практически везде. При всем том, что за обеспечение войск горюче-смазочными материалами в Генштабе отвечал лично Жуков (он сам об этом написал в своих мемуарах). Топливо оказалось за тысячи километров от места, где оно было до крайности необходимо, в Майкопе. Какое объяснение тому, что ситуация в точности совпадает с пунктом, приведенном Тухачевским в его «Плане поражения»: «Засылка горючего для авиации и механизированных соединений не туда, где это горючее требуется»? Признаюсь, что вопрос — риторический.

А теперь — несколько примеров положения, в котором оказалась приграничная артиллерия. На Львовском направлении зенитную артиллерию еще 20 июня срочно отозвали с некстати орга-низованных учений, а в ЗапОВО, в том числе и на Белостокском направлении, всю зенитную артиллерию армий первого оперативного эшелона Первого стратегического эшелона, наоборот, направили на учения вглубь округа, а часть её даже отодвинули на 120 км восточнее Минска. Показательно, что учения были затеяны после получения директивы Генерального штаба от 18 июня 1941 года и не могли проводиться по инициативе местного командования, поскольку планы учений в округах испокон веку согласуются с Генштабом...

Еще несколько, не менее разительных фактов.

21 июня — накануне войны — командир развернутой в районе Брест-Кобрин (ЗапОВО) 10-й САД полковник Белов в 16. 00 получил из штаба ЗапОВО шифровку следующего содержания: отменить приказ от 20 июня о приведении частей в полную боевую готовность и запрещении отпусков.

Такое распоряжение был способен санкционировать только командующий ЗапОВО генерал армии Павлов — без него в штабе округа никто не мог отдать приказ,

отменяющий директиву Генштаба от 18 июня 1941 года.

Аналогичный же приказ получили и в 9-й САД (Белосток- Волковыск), который в 13-м авиаполку этой дивизии выполнили с превеликим удовольствием. Командование, летчики, техники уехали к своим семьям. Авиагарнизон остался на попечении внутренней службы во главе с младшим лейтенантом Усенко. Более того, зенитную батарею, прикрывавшую аэродром, сняли и отправили на учения...

И произошло то, что должно было произойти. Полностью оголенный аэродром вместе со своими новехонькими и целехонькими самолетами Ар-2 и Пе-2 в первые же часы агрессии немцы взяли голыми руками. 13-й авиаполк испарился в мгновение ока. Нельзя даже сказать, что он был разгромлен. Случившееся, в сущности, говорит об одном — о преднамеренной сдаче аэродрома врагу. Надо полагать, в соответствии с договоренностью, заключенной еще в довоенное время.

Прежде я упомянул, что на аэродроме осталась лишь охрана во главе с младшим лейтенантом Константином Усенко. Так вот, у охраны была изъята даже зенитная батарея, а этого самого бедолагу Усенко рано утром 22 июня отправили на разведку в район Гродно-Августов. Усенко приказ выполнил, слетал и не позднее полудня уже заходил на своем Ар-2 на посадку на базовый аэродром. А когда приземлился, то с изумлением увидел, что к его самолету развернутой цепью бегут немцы, а чуть поодаль стоят шесть транспортных Ю-52, явно доставивших десант, и штук десять Мессершмитов-110. Иными словами, лейтенанта попросту удалили с аэродрома, чтобы не возникло даже незначительного сопротивления, при котором могли пострадать самолеты. Аэродром достался врагу целехоньким.

С 1934 года Сталин постоянно требовал, чтобы вся авиация, в особенности боевая, была снабжена радиооборудованием. Конструкторы и заводы действительно оснащали самолеты, в особенности истребители, радиостанциями. Однако после прихода Тимошенко на пост наркома обороны, ра-диостанции, особенно с истребителей, были сняты. Предлог был выдвинут совершенно нелепый, более того, — анекдотичный: авиадвигатели, мол, не экранированы, и система зажигания создает в наушниках сильные помехи, которые отвлекают летчиков.

Можно бы и посмеяться, но ведь сняли-то радиостанции именно с истребителей! С тех самых самолетов, главная задача которых — категорически предотвратить господство противника в воздухе. Если в кабине самолета есть радиостанция, то пребывающему в состоянии полной боевой готовности и уже сидящему в самолете летчику достаточно короткого приказа по радио, чтобы взмыть в воздух на перехват.

Но оказалось, что система зажигания мешала только в истребителях. А в бомбардировочной или разведывательной авиации она никаких помех в наушниках не создавала. Нужны ли комментарии? Особенно если вспомнить один из пунктов «Плана поражения» Тухачевского: «Плохая организация службы ВНОС (воздушного наблюдения, оповещения и связи. — А. М.), что будет затруднять своевременный вылет и прибытие к месту боя истребительной авиации».

А создать затруднения истребителям без радиосвязи очень просто. В начале войны, когда немецкие са-



▲ Сталин

молеты перелетали через линию фронта, наблюдатели с земли слали звонки командованию ВВС, а уже от него шла команда на аэродромы. Однако взлетевшие советские истребители направлялись не к противнику, а сначала к посту ВНОС, где широкими белыми полотнищами на земле выкладывалось направление пролета противника, а узкими, поперечными — высота их пролета (например, три полосы означали 3000 метров), и только после этого наши «соколы» разворачивались и стремглав неслись вдогонку за врагом, который к тому времени успевал уже отмахать как минимум километров сто пятьдесят-двести вглубь нашей территории.

Из записки секретаря Брестского обкома КП(б) Белоруссии М. Н. Тупицына «О положении на фронте Брест-Кобринского направления» в ЦК ВКП(б) и ЦК КП(б) Белоруссии» от 25 июня 1941 г.:

«Брестский обком КП(б)Б (так в тексте, хотя должно быть Белоруссии. — А. М.) считает необходимым информировать Вас о создавшемся положении на фронте Брест-Кобринского направления. Обком КП(б)Б считает, что руководство 4-й армии оказалось неподготовленным организовать и руководить военными действиями. Это подтверждается целым рядом фактов, в частности:

Вторжение немецких войск на нашу территорию произошло так легко потому, что ни одна часть и соединение не были готовы принять боя, поэтому вынуждены были или в беспорядке отступать, или погибнуть. В таком положении оказались 6-я и 42-я стрелковые дивизии в Бресте и 49-я сд — в Высоковском районе.

В Брестской крепости на самой границе держали две стрелковые дивизии, которым даже в мирных условиях требовалось много времени для того, чтобы выйти из этой крепости и развернуться для военных операций. Кроме того, несмотря на сигнал военной опасности, командный состав жил в городе на квартирах. Естественно, при первых выстрелах среди красноармейцев создалась паника, а мощный шквал огня немецкой артиллерии быстро уничтожил обе дивизии. По рассказам красноармейцев, которым удалось спастись, заслуживает внимания и тот факт, что не все части и соединения имели патроны, не было патронов у бойцов.

В 49-й сд после первых же выстрелов также произошло смятение. Разработанный заранее план действий на случай войны не был изучен командирами подразделений, и, как рассказывает сек-ретарь Высоковского РК КП(б)Б т. Рябцев, командир 49-й сд только в его присутствии стал давать распоряжения подразделениям, но было уже поздно...

Можно было бы привести много примеров, подтверждающих, что командование 4-й армии, несмотря на то, что оно находилось в пограничной области, не подготовилось к военным действиям. Вследствие такого состояния с первых же дней военных действий в частях 4-й армии началась паника. Застигнутые внезапным нападением, командиры растерялись. Можно было наблюдать такую картину, когда тысячи командиров (начиная от майоров и полковников и кончая мл. командирами) и бойцов обращались в бегство. Опасно то, что эта паника и дезертирство не прекращаются до последнего времени, а военное руководство не принимает решительных мер. Работники обкома партии вместе с группой пограничников пробовали задерживать бегущих с фронта. На шоссе около Ивацевичи нам временно удалось приостановить это позорное бегство. Но здесь необходимо принять более серьезные и срочные меры борьбы со стороны командования.

Возмутительным фактом является и то, что штаб корпуса не установил связь с обкомом, выехал на командный пункт за город, потеряв связь со своими частями. Таким образом, многие коман-диры и политработники вместо организации эвакуации в панике бежали из города, в первую очередь спасая свои семьи, а красноармейцы бежали в беспорядке.

Обком и Горком КП(б)Б вместе с обл. управлениями НКВД и НКГБ пытались первое время навести порядок в городе, но эффективно ничего сделать не смогли, поскольку красноармейские части в панике отступали. Поэтому, не зная обстановки, не имея связи с военным командованием, не рассчитывая на боеспособность воинских частей, мы вынуждены были оставить г. Брест.

Обком КП(б)Б считает, что необходимо принять самые срочные и решительные меры по наведению порядка в 4-й армии и укрепить руководство 4-й армии».

Следует учесть, что я привожу лишь разрозненные факты, которые скорее иллюстрируют положение, нежели показывают его размах, который был настолько велик, что военная контрразведка просто обязана была увидеть: происходит нечто неладное... Даже с завязанными глазами. Однако вся беда в том, что с 3 февраля 1941 года военная контрразведка находилась в подчинении у Наркомата обороны. Едва ли военная контрразведка округа не пыталась проинформировать начальство о том, что происходит, свои доклады она слала прямиком в 3-е Управление Наркомата обороны, а следовательно, информация попадала все к тем же Тимошенко и Жукову...

ТРАГЕДИЯ ЗАПАДНОГО ФРОНТА

Рано утром 22 июня генерал Блюментритт шел в наступление против 4-й армии ЗапОВО. Впоследствии он вспоминал в своих мемуарах: «В 3 часа 30 минут вся наша артиллерия открыла огонь... И затем случилось то, что показалось чудом: русская артиллерия не ответила... Через несколько часов дивизии первого эшелона были на том берегу р. Буг. Переправлялись танки (а переправляться они могли в первую очередь по уцелевшим мостам, которые остались

не взорванными. — А. М.), наводились понтонные мосты, и все это почти без сопротивления со стороны противника... Не было никакого сомнения, что застали русских врасплох... Наши танки почти сразу же прорвали полосу приграничных укреплений русских и по ровной местности устремились на восток».

Не он один из тех, кто оставили воспоминания о наступлении с немецкой стороны, изумлялся, обнаружив, что утром 22 июня 1941 года все мосты через белорусские реки разминированы. Это могло быть сделано только по приказу командующего ЗапОВО генерала Павлова, который, в свою очередь, мог отдать подобный приказ только в одном случае — если готовился к немедленному встречно-лобовому контрнаступлению.

И все же, что-то здесь не сходится. О каком контрнаступлении можно было мечтать, когда в округ не было доставлено стрелковое оружие, практически отсутствовало топливо, не было средств связи и так далее? Трагический результат гитлеровского вторжения на этом участке границы был предопределен, чтоб не сказать подготовлен заранее.

Катастрофа, обрушившаяся на войска округа, была ужасной по любым меркам. За период с 22 июня по 9 июля 1941 года Западный фронт безвозвратно потерял около 70 процентов личного состава. В целом потери в живой силе составляли 417 729 человек, из них безвозвратными — 341 012 солдатских жизней.

Это нельзя назвать ни обороной, ни даже прикрытием. Войска оказались напрямую подставлены под истребление противником. Хуже того. Безвозвратные потери Западного фронта составили свыше 57 процентов всех безвозвратных потерь за тот же период пяти советских фронтов вместе взятых — Северного, Северо-Западного, Западного, Юго-Западного и Южного (имеются в виду только потери 18-й армии ЮФ) и Балтийского флота в придачу.

Любая воинская часть становится априори небоеспособной при безвозвратной потере уже 50 процентов личного состава. Фактически Западный фронт перестал существовать. Направление на Смоленск-Москву оказалось открытым: образовалась 400-километровая брешь, в которую и ринулись танки Гудериана и Гота.

ОШИБКА СТАЛИНА

Козлом отпущения стал генерал Павлов. Тимошенко и Жуков, не раздумывая, подставили под топор головы командующего ЗапОВО (а затем Западным фронтом) и под-



▲ Блюментритт



▲ Генерал Фрич

чиненных ему командиров. Не хочу сказать, что Павлов был безгрешен и не заслуживал наказания. Тут вопрос в другом. Свою личную ответственность за катастрофу Тимошенко и Жуков утопили в крови тех, кто стали виновными не без их помощи. Большинство свои прегрешений Павлов совершил, испол-няя указания Генштаба и Народного комиссариата обороны...

Сталин не тронул Тимошенко и Жукова.

Тимошенко еще некоторое время оставался не только наркомом обороны СССР, но и был председателем Ставки Главного командования, то есть первым на войне главнокомандующим. 10 июля 1941 года он лишился этого поста, а чуть позже и поста наркома обороны, и главнокомандующего Западным направлением. В наши дни его имя мало кому известно — разве что историкам, да еще оставшимся в живых ветеранам Великой Отечественной.

Что же до Жукова, то его Сталин отправил на фронт, и в конце войны сделал его тем, кем почитает его народная молва, — маршалом Победы. Не стану здесь разбирать, насколько заслужен этот титул.

По сути дела, оба вышли сухими из воды. Что бы ни думал о них Сталин, ситуация мало подходила для следствия и суда над двумя высшими советскими военачальниками.

Но вот что любопытно. В самый разгар трагического начала войны, 19 августа 1941 года, генерал армии Г. К. Жуков, месяц назад смещенный с поста начальника Генерального штаба РККА, представил Сталину весьма опасное по своей сути донесение, которое скорее следовало бы называть доносом: «Я считаю, что противник очень хорошо знает всю систему нашей обороны, всю оперативно-стратегическую группировку наших сил и знает наши ближайшие возможности. Видимо, у нас среди очень крупных работников, близко соприкасающихся с общей обстановкой, противник имеет своих людей».

Слава Богу, что Сталин не поддался на эту крайне опасную провокацию. Впрочем, не Жукову было играть с ним в подобные игры. Сталин прекрасно понимал, что генералы, озлобленные собственными неудачами на фронте и воспоминаниями о 1937 годе, реально могли бы повернуть оружие против центральной власти. А потому хотя репрессии против генералов и проводились, но они были преимущественно точечными, а не широкомасштабными. К тому же по отношению к генералитету в основном применялась не 58-я статья УК, а иные статьи Уголовного кодекса, которые предусматривали наказания за воинские преступления, а не за измену и предательство. Хотя и без этого тоже не обходилось...

Означает ли все сказанное выше, что Сталин ни в чем не виноват? Нет, не означает.

Главная вина Сталина в трагедии 22 июня 1941 года — в том, что в определенный момент он упустил из виду, что война слишком серьезное дело, чтобы полностью доверить подготовку к ней только военным. Блестяще реализовав стратегию вступления государства в войну, Сталин, доверившись генералам, фактически отдал им на откуп стратегию вступления в войну вооруженных сил государства. Причем настолько доверился генералам, что даже военную контрразведку отдал в подчинение наркомата обороны. И в результате лишился значительной части информации о том, как осуществляется подготовка к отражению агрессии.

Спохватился уже после того, как полыхнула трагедия. И вынужден был принять на себя не только всю полноту государственной, но и военной власти. И как только Сталин лично возглавил отпор врагу, то буквально через пару дней в дневнике начальника генерального штаба сухопутных сил Германии Ф. Гальдера появились тревожные нотки — старый штабной волк мгновенно почуял опасность. А как ее было не почуять, если верховное командование в свои стальные руки взял Сталин?! И хотя немцам и удалось докатиться до Москвы, но именно под его руководством и благодаря невероятному героизму, мужеству, храбрости и стойкости простых солдат и офицеров, веривших своему Верховному, нацистский блицкриг был начисто сорван. Уже в конце лета 1941 года подавляющее большинство германских генералов поняли, что войну они проиграли. Из блицкрига она превратилась в затяжную, а таких войн Германия никогда не выигрывала.

Но потерпел крах не только блицкриг. Был сорван и заговор, направленный на осуществление государственного переворота на фоне военного поражения. Прямое упоминание об этом содержится в неправленой стенографической записи тоста Сталина за русский народ во время приема 24 мая 1945 года в Кремле в честь командующих войсками Красной Армии: «У нашего правительства было немало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941-42 годах, когда наша армия отступала, покидала родные нам села и города Украины, Белоруссии, Молдавии, Ленинградской области, Карело-Финской республики, покидала, потому что не было другого выхода. Какой-нибудь другой народ мог сказать: ну вас к черту, вы не оправдали наших надежд, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой. Это могло случиться, имейте в виду».

Даже в эйфории Победы Сталин не забыл и не простил генералам тайных замыслов, которые не удалось осуществить, но плоды которых и сейчас еще принято считать всего лишь военными просчетами. ■

А.И. ФУРСОВ

РАЗВЕНЧАНИЕ МИФА



▲ Лето 1941 года

Мы живём в военную эпоху. К информационной, психоисторической войне против России — эта война не ослабла, а усилилась после 1991 г. —добавляется уже вполне горячая война. И хотя у нас ещё не "пахнет ветер... дымом с пожаров" и "порохом с разрывов", по ту сторону Кавказа натовский сапог уже стучит в сирийскую дверь, начинается битва за Евразию, и если не остановить врага на дальних рубежах, то завтра коллективный Ганнибал— посланец Нового Карфагена — может оказаться у полуразрушенных ворот полуразрушенного Третьего Рима. Да что там — он уже размещает свои тыловые базы на нашей территории.

В нынешней ситуации особое значение приобретают уроки войн, особенно последней мировой и нашей Великой Отечественной, значение которой подонки от науки пытаются принизить, переименовывая в "нацистско-большевистскую". Могу представить себе реакцию на такие "фокусы" тех, кто воевал, кто, как мой отец, расписался на стене Рейхстага и, подобно главному герою фильма "В бой идут одни старики", мог бы сказать: "Руинами Рейхстага удовлетворён".

У уроков Великой Отечественной войны — два аспекта: информационно-военный и историко-практический. У последнего, в свою очередь, две стороны. Одна —собственно историческая: правдивое знание фактов нашей истории, войны. Другая — практическая: история не повторяется в целом, но повторяются многие детали. Например, предательство как фактор, который порой играет решающую роль. Уже на наших глазах в судьбах СССР, Югославии, Ирака, Ливии большую роль сыграло предательство, причём, предательство не "человека с улицы", а представителей правящих верхушек —лиц и целых групп. А разве не предательство генералов лежит у основания февральского переворота 1917 г.? Именно оно стало, конечно же, не причиной, но спусковым крючком разрушения Российской империи. "Шотландец клятву преступил, за грош он короля сгубил", — это о том, как шотландская гвардия сдала Карла I во время английской революции. Имело место предательство и во время Великой Отечественной войны, причём, на достаточно высо-

Фурсов Андрей Ильич, родился 1951 году, российский ученый, историк, социальный философ, публицист, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова. Директор Центра русских исследований Московского гуманитарного университета. Автор более 400 работ, включая 11 монографий.

ком уровне — достаточно вспомнить генерала Власова, да и не только его.

В связи с этим можно сказать, что анализ механизма предательства во время кризисов и войн — мы живём в условиях разрастающегося мирового кризиса и в военную эпоху — дело весьма практическое и архиактуальное. Особенно если учесть, какая часть российских верхов держит деньги в банках Запада, имеет там недвижимость и учит там своих детей.

А как говаривал помощник президента Никсона Чак Колсон, если вы взяли кого-то за гениталии, остальные части тела придут сами.

Информационно-военный аспект заключается в следующем. ***Враги России за её пределами и их "пятая колонна" внутри страны делают всё, чтобы принизить значение победы СССР в Великой Отечественной войне, оболгать её, приравнять СССР к гитлеровскому рейху в качестве совиновника возникновения Второй мировой войны***. И это не случайно. Великая Отечественная — это не просто главное событие советской истории, в ней окончательно оформились и советский народ, и советский строй, доказавшие свою несокрушимость в самых тяжёлых условиях. Именно Великая Отечественная стала основой сверх державности СССР, на фундаменте которой до сих пор живёт РФ,основой в той или иной степени всех послевоенных достижений. Именно она до сих пор объединяет людей на постсоветском пространстве.

Одно из направлений информационной войны, направленной против роли и значения Победы в Великой Отечественной войне, — антисталинская истерия в самых разных её формах, где центральное место занимают два мифа: о "сталинских репрессиях" и о вине Сталина за катастрофу 22 июня, за поражения лета1941 года. Проще говоря, за то, что якобы из-за его "доверия Гитлеру", "недоверия к собственной разведке", "кровожадности", "запрета отвечать огнём на немецкое вторжение в первые часы войны" и т. п. мы чуть не проиграли войну.

Первыми этот миф запустили вовсе не наши заклятые друзья на Западе, хотя и они изрядно перестарались на эту тему, а Хрущёв, о котором Черчилль сказал, что тот сделал для разрушения коммунизма значительно больше, чем сам английский премьер. То же самое он мог сказать о многих сталинских маршалах и генералах. Когда-то они трепетали перед вождём, но после XX съезда, этих сатурналий номенклатуры, оказались готовы облить его грязью по первому кивку нового хозяина. К чести советской армии, далеко не все пошли на ложь и унижение. Например, маршалы К. К. Рокоссовский и Е. А. Голованов слова худого о Сталине не сказали, хотя из них это слово и пытались выдавить.

Впрочем, не только холуйство двигало генералами. Ведь обвинив Сталина в поражениях начального периода войны, можно было снять вину с себя лично и с военного истеблишмента в целом. После смерти Сталина, можно было не бояться расследования причин трагедии 22 июня— оно началось во время войны и прекратилось только со смертью вождя. Теперь можно было ковать мифы. Мифы, о которых идёт речь, подхватили сначала "шестидесятники", стремившиеся пригреться у ног новой власти, затем эти мифы перекочевали на Запад, а во времена горбачёвщины бумерангом вернулись обратно, сыграв немалую роль в той вакханалии, которую устроила перестроечная шпана под взмахи дирижёрской палочки главного идеолога-перевёртыша перестройки.

Мифы хрущёвцев и перестройщиков удивительно органично переплелись с нацистско-британскими интерпретациями причин войны и механизмов её начала. До сих пор многие из этих мифов живы: и потому, что есть заказ, и потому, что есть страх перед историческим возмездием, и потому, что мало информации — большая часть материалов, связанных с историей непосредственного кануна и первых дней Великой Отечественной войны, до сих пор не разобрана. Плюс сознательные искажения, фальсификации. Тем не менее, за последние годы сделано очень много в плане восстановления реальной исторической картины и развенчания антисоветских и антисталинских мифов.

Одним из наиболее успешных ученых, работающих в данном направлении, является Арсен Беникович Мартиросян — автор более двух десятков книг, посвящённых истории 1930-х-50-х гг., в том числе борьбе советской и британской разведок в 1930-е годы, Великой Отечественной войне, Сталину, Берия. Главная тема егонового двухтомного исследования —причины катастрофы 22 июня. По мнению автора, причина — предательство части советского генералитета и офицерского корпуса. Главную вину Мартиросян аргументированно возлагает на "киевскую мафию" — группу генералов-выходцев из Киевского военного округа (КОВО) во главе с наркомом обороны Тимошенко и начальником Генштаба Жуковым.

Тематически двухтомник распадается на три неравные части: две небольшие (одна посвящена тому, как британцы готовили мировые войны, вторая —непосредственной подготовке ими нападения Гитлера на СССР в течение 10 лет, предшествовавших войне) и огромная третья, посвящённая детальному анализу последних 10 дней июня 1941 г.

Одна из линий фальсификации истории Второй мировой войны (да и Первой тоже) — попытка представить её в качестве случайной. Работа Мартиросяна, как и большое число других серьёзных исследований, не оставляет камня на камне от этой убогой схемы, из-за которой торчат уши заинтересованных лиц, а точнее — государств и наднациональных групп. Вторая мировая война логически вытекала из Первой и должна была решить те задачи, которые так и не решила Первая мировая война. Проницательные современники уже в 1919 г. говорили о том, что Версальский мир сделал практически неизбежной Вторую мировую. Добавлю, что разведуправление Генштаба Российской империи еще в 1916г., полагая, что страны Антанты одержат победу над Германской империей и ее союзниками, считало неизбежным возникновение новой войны через 20 лет.

Мир с логической неизбежностью шёл к новой войне из-за целого клубка противоречий, прежде всего британско-американских: заокеанские "кузены" поставили задачу разрушить Британскую империю, но не своими руками, а руками немцев, поэтому и вкладывали в Гитлера. Британцы мечтали об уничтожении России, теперь уже советской, тоже чужими руками и поэтому тоже вкладывали в Гитлера.

Международный капитал в целом был заинтересован в достижении двух целей. ***Во-первых***, в уничтожении национальных государств в Европе. Именно это Я. Шахт, "финансовый гений Третьего рейха", обещал банкирам еще в 1931 г. в случае прихода Гитлера к власти, что хорошо показывает целый ряд работ, в частности "Трагедия и мечта" К. Куигли и "Гитлер, Inc. Как Британия и США создавали Третий рейх" Г.Препараты. ***Во-вторых,*** в установлении контроля над двумя новыми мировыми промышленными центрами: Донецко-Днепропетровским (после советской модернизации) и Урало-Кузбасским, находившимися на территории СССР. В мире тогда существовало всего пять таких центров, и два из них — в Советском Союзе (на Западе — Пенсильвания, Бирмингем, Рур). Наконец, особое значение имел этнодемографический ("расовый", как сказали бы в Рейхе) аспект, причём, не только для немцев, но и для создателей расизма как доктрины — британцев: в 1939 г. 46% населения Европы составляли славяне, которые, по прогнозам, к середине XX века должны были составить более половины населения Европы.

В этой ситуации именно Великобритания сделала всё, чтобы натравить Гитлера на СССР. Собственно, для того и затевался Мюнхенский сговор.Вовсе не симпатизировавший СССР маститый американский журналист У. Липпман заметил по поводу Мюнхена: Великобритания и Франция сдавали Гитлеру Чехословакию в надежде, что Германия и СССР начнут воевать друг с другом и истощат себя. Кроме получения с Чехословакии оружия и обмундирования для 50 дивизий, военно-промышленного комплекса и золотого запаса, Гитлер выводился на ближайший к грани-



▲ Я. Шахт

цам СССР плацдарм для нападения. Однако, как отмечает Г. Препарата, здесь-то Гитлер, который понял, что его загоняют в ловушку, и попытался соскочить с британского крючка. Чехию он превратил в протекторат Богемия и Моравия, а Словакию провозгласил суверенным государством, независимость которого гарантировал лично. Тем самым Гитлер ясно дал понять британским кукловодам, что воевать с СССР в ближайшее время он не собирается. Да и не было у Германии в тот момент потенциала для мировой войны. Это доказали американские экономисты, специально исследовавшие этот вопрос в 1950-е годы. Германия была бы готова к мировой войне в 1944-1946 гг., но это, естественно, не устраивало британцев. И по их наущению Рейх стала провоцировать Польша, руководство которой в предвоенный период Черчилль охарактеризовал как "гнуснейшее из гнуснейших".

Польша ультимативно потребовала для себя протектората над Словакией, на что Гитлер пойти не мог, он понял: чтобы избежать мировой войны сейчас, но готовиться к ней в будущем, надо решить польскую проблему. А для этого нужно договариваться с Советским Союзом, что и было сделано.

Благодаря германо-советскому договору СССР вышел из изоляции, в которую его пытались загнать Мюнхеном, и получил почти два года передышки. А в том, что принципиально войны не избежать, у советского руководства не было никаких иллюзий. Мартиросян приводит показательный эпизод: во время августовскихпереговоров1939 г. Сталин, отвечая на один из вопросов Риббентропа, сказал: "Мы не забываем, что вашей конечной целью является нападение на нас". А когда Риббентроп попытался начать своё выступление с фразы о "духе братства" между немецким и русским народами, Молотов оборвал его: "Между нами не может быть братства. Если хотите, поговорим о деле". Это к вопросу о том, верили ли советские руководители и Сталин, в частности,



▲ Молотов, Гитлер, 1940 г.

Гитлеру.

Особый интерес в работе Мартиросяна представляет анализ майско-июньских событий 1941 г., ставших прелюдией к войне. 4 мая, выступая в Рейхстаге с речью о внутренней и внешней политике, Гитлер ни разу не назвал СССР— как будто его не существовало. На следующий день, 5 мая — ответный ход: выступая на приёме в Кремле в честь выпускников военных академий, Сталин довольно резко высказался по поводу Германии. А 6 мая состоялось его назначение на пост председателя Совнаркома — Сталин официально стал главой правительства. 10 мая (по другой версии— раньше) Гесс перелетел в Великобританию (ответом СССР стали учения ВДВ и призыв на службу 800 тыс. резервистов, а затем ещё 300 тыс.) и начались секретные переговоры наци №2 с представителями британской верхушки.

Это сейчас, пользуясь тем, что документы по Гессу засекречены, а его самого отправили на тот свет, как только СССР высказал готовность выпустить его из Шпандау (узнав об этом, Гесс сказал сыну по телефону, что теперь англичане его точно убьют — через несколько дней его нашли повешенным),англичане делают вид, что с самого начала отнеслись к Гессу, как к преступнику. На самом же деле они вели интенсивные переговоры, о ходе и содержании которых Сталин, кстати, получал донесения от нашей разведки чуть ли не со стола переговоров.

Решающий сдвиг в секретных переговорах произошёл 9 июня. В тот день к переговорам с Гессом по поручению Черчилля подключился лорд-канцлер Великобритании Джон Саймон — в 1935 г. он был министром иностранных дел, давшим во время мартовских британско-германских переговоров "зелёный свет" Германии в её экспансии на восток.

Узнав об этом на следующий день, Сталин прекрасно понял: британцы дали немцам некие гарантии, и не случайно уже 10 июня

Гитлер окончательно назначил 22 июня датой нападения на СССР и приказал начать переброску на германо-советскую границу дополнительных контингентов войск из Франции,оставив там всего 14-15 дивизий. Прав Мартиросян — без британских гарантий Гитлер на это никогда бы не решился.

Опасаясь, что, сговорившись, немцы и британцы устроят провокацию, обвинят СССР в агрессии и, воспользовавшись этим как поводом для замирения, нанесут совместный удар по СССР, Сталин, исходя из данных разведки, инициировал знаменитое заявление ТАСС от 13 июня (опубликовано в прессе 14 июня), выдержанное в миролюбивом тоне.

Это заявление используется хулителями Сталина в качестве доказательства "глупости вождя", "его стремления заискивать перед Гитлером", пытаясь таким образом оттянуть войну. Эти люди почему-то полагают, что адресатом заявления был Гитлер. На самом деле Сталин прекрасно понимал неотвратимость войны. Но государство было к ней готово, и здесь самым главным было лишить кого бы то ни было на Западе и, прежде всего, пронемецкие круги США (которые в то время были весьма могущественны) приписать СССР агрессивные намерения. Именно такое впечатление у западных держав пытался создать Гитлер— и не случайно.

Дело в том, что ещё в 1937 г. Рузвельт заявил, что в случае нападения Германии на СССР, США выступят на стороне СССР, в противоположном случае они выступят на стороне Германии. А 17 апреля 1941 г. Конгресс США принял решение о том, что в случае советской агрессии против Германии США выступят в союзе с Гитлером. Это автоматически означало бы конец британско-германской войны и образование международного блока против СССР в составе США, Британской империи, Третьего рейха, Турции, Японии и каких-нибудь ещё мелких геополитических шакалов. Только идиот или предатель типа Резуна-Суворова может вешать лапшу на уши о том, что Сталин готовил вторжение в Европу. В таком случае Сталин имел бы против себя весь Запад плюс Японию, Финляндию и Турцию. Относительный военный потенциал СССР в 1937 г. специалисты (например, Пол Кеннеди в своей знаменитой работе "Взлёт и падение великих держав") оценивают в 14%, Германии — 14,4%, Великобритании —10,2%, Франции — 4,2%, Италии — 2,5%, США —41,7%, Японии — 2,5%; в сумме получается 14%против 86%. И даже возросшая к 22 июня 1941г. военная мощь СССР всё равно намного уступала суммарной мощи указанного потенциального блока, члены которого также наращивали свою военную мощь.

Допустить такую ситуацию, Сталин, естественно, не мог, а потому всячески подчёркивал миролюбие СССР, но обращался он при этом не к Гитлеру, а к Рузвельту. В складывающейся ситуации США могли быть единственным реальным союзником СССР. К тому же, они могли сдержать (и сдержали) антисоветские поползновения Великобритании (разумеется, не из-за любви к нам, а из-за стремления разрушить Британскую империю). И американцы Сталина услышали. Поэтому не СССР оказался один против всего Запада, как это произошло с Россией в Крымской войне, а Гитлер — против союза русских и англосаксов. И кончилось всё руинами Рейхстага, а не Кремля. И был Парад Победы на Красной площади, когда к подножию мавзолея были брошены флаги нацистской Германии, их союзников и прихвостней (тех же власовцев), превращением СССР в одну из двух сверхдержав, крушением Британской империи (вот уж воистину вспомнишь гамлетовское "Ступай, отравленная сталь, по назначению"). И всё это — несмотря на катастрофу 22 июня, которую смакуют резуны-солонины-соколовы и прочая публика подобного сорта и запаха. Несмотря на летние поражения 1941 г.,а ведь именно тот факт, что героическое сопротивление Красной Армии — при всех поражениях — сорвало блицкриг и уже в сентябре 1941 г. лишило Гитлера шансов на победу. С той ресурсной базой, которую имел Рейх, победу над СССР можно было достичь только в одном случае — в случае разгрома СССР за 2-3 месяца. И катастрофа 22 июня, казалось, обещала именно такой вариант. Но гитлеры



▲ Рузвельт Ф.Д.



▲ У. Черчилль

и предатели предполагали, а русский народ и советская система во главе со Сталиным располагали. Вернёмся, однако, в предвоенные дни.

После заявления ТАСС от 13 июня Гитлер приостановил выдвижение войск ударных группировок на исходные для нападения позиции. Мартиросян полагает, что, воспользовавшись ситуацией, он стал добиваться дополнительных гарантий. Не исключено, что Гитлер, понимая, кому адресовано заявление ТАСС, решил ещё раз взвесить "за" и "против" и, скорее всего, это само по себе стало средством давления на британцев — для них нападение Германии на СССР было единственным выходом из сложившейся ситуации, и они сделали всё, чтобы оно состоялось, предоставив определённые гарантии. Причём, гарантии эти несложно вычислить, исходя из дальнейших действий наших британских "союзников". ***Это обещание, что не ударят в спину рейха, т. е. не откроют второй фронт, что резко сократят бомбардировки Германии***. И надо сказать, эти обещания британцы сдержали.

Ещё 4 сентября 1941 г. в разговоре с советским послом И. Майским — Мартиросян специально указывает на этот интереснейший факт — Черчилль проговорился, сказав, что открытия второго фронта не следует ожидать до1944 г., т. е. британцы дали Гитлеру три года на изматывание и его Рейха, и СССР. Интенсивные бомбардировки Германии они возобновили лишь в 1943 г. под серьёзным давлением США, а второй фронт был открыт только в 1944 году, только после победы Советского Союза в битве на Курской дуге, когда англосаксы, наконец, осознали, что СССР вполне способен победить Третий рейх в одиночку и оказаться на берегах Атлантики.

Вполне возможно, что британцы дали и некие туманные обещания насчет заключения мира с Германией и возможных совместных действий против СССР для совместного раздела "русского пирога". История их поведения в кризисных ситуациях вполне позволяет предположить и такую возможность —достаточно вспомнить слова и дела министра иностранных дел Эдуарда Грея и Георга V по отношению к немецким дипломатам в канун Первой мировой войны: британцы уверенно говорили о своём нейтралитете как о решённом деле, а затем объявили Германии войну.

Получив, по-видимому, дополнительные гарантии, 18 июня Гитлер приказывает возобновить выдвижение войск на исходные для нападения позиции.

В тот же день по результатам дополнительно к имевшейся разведывательной информации проведенной воздушной разведки, Сталин санкционировал направление в западные округа директивы о приведении войск первого эшелона в боевую готовность. ЗА ЧЕТЫРЕ ДНЯ ДО АГРЕССИИ! Но британцы и тут остались верны себе: дав Гитлеру гарантии и толкнув его на СССР, они, во-первых, поторопились обеспечить себе алиби — 16 июня Криппс (ну прямо лучший друг СССР, у которого "об всех об нас душа болит"; как тут не вспомнить слова замечательного

русского геополитика Е. А. Едрихина-Вандама о том, что ***хуже вражды с англосаксом может быть только одно — дружба с ним)*** сообщает советскому послу о скором, со дня на день, нападении Германии на СССР. Во-вторых, уже зная о нападении Германии, 12 июня британцы (кому, как не им было знать, что всё уже решено и сроки назначены) чудом удержались от уже почти окончательно санкционированной бомбёжки советского Закавказья. Очевидно, чтобы не оказаться в одной компании с агрессором или, паче того, не дай бог (бог Коварного Альбиона), не спугнуть его.

Здесь не место подробно говорить об одном важном аспекте британо-германской вражды, поэтому вкратце. В 1870-е годы немцы, воспользовавшись помощью британских континентальных масонских лож (немецкие ложи более столетия находились под руководством этих последних) для победы над Францией, после этой победы, по сути, разорвали с ними прежние отношения. Объединив свои ложи в единый всегерманский союз, немцы начали создавать альтернативный не только британским континентальным, но, самое главное, островным масонским ложам комплекс закрытых структур мирового управления. Такое британцы могли простить только американцам, но не немцам, и наказанием могло быть только одно — уничтожение Рейха чужими руками, что и было исполнено со второго раза, хотя сегодня подъём Германии внешне выглядит, как реванш.

Итак, нападение Гитлера на СССР — я согласен с Мартиросяном —могло осуществиться только в результате британско-германского сговора, которым британцы загоняли Гитлера в ловушку. У фюрера не было шанса не попасть в эту ловушку, а единственным шансом выскочить из неё был разгром СССР в течение двух-трёх месяцев, а ещё лучше — нескольких недель. Гитлер полагал, что, заполучив советские ресурсы, можно было бы начать другим языком разговаривать с британцами, раздавив совместно с японцами британские владения в Индии. Но сначала нужно было разгромить СССР — молниеносно. И, казалось, так и будет: во-первых, агент стратегического влияния Великобритании руководитель Абвера адмирал Канарис (ломбардские корни) убедил Гитлера, что у русских только один оборонительный эшелон (на самом деле было три) и что вся Красная Армия сконцентрирована у границы, а потому всю её можно уничтожить одним ударом. Во-вторых, британско-немецкому заговору должно было помочь то, что Мартиросян назвал антисталинским заговором генералов, или вторым изданием, вторым эшелоном заговора Тухачевского.

28 мая 1941 г. резидент ГРУ в Румынии сообщил в Центр, что, согласно добытой им у немцев информации, "русская армия поставит себя под удар немецкого наступления



▲ Молотов и Сталин

в западной части СССР и будет там разбита в кратчайший срок". Так оно и вышло. Кроме того, резидент сообщал: немцы рассчитывают, что после их нападения в Кремле произойдут некие изменения. И это уже было серьёзно...

В своё время многие шестидесятники, а затем и перестроечные и постперестроечные борзописцы пытались и пытаются навязать общественному мнению, что в катастрофических событиях 22 июня и последующих недель виноват Сталин и только Сталин. Якобы, доверившись Гитлеру и не доверяя собственной разведке, он не только не готовил страну к войне, но и запретил ответные действия и открытие ответного огня по немцам 21–22 июня 1941 г.

Но первыми смастерили эту схему Хрущёв и ряд советских маршалов и генералов. Можно ли им верить? Ни в коем случае, говорит А. Б. Мартиросян, они лгут — на примере тщательного сопоставления текстов 10 изданий воспоминаний Жукова, вследствие чего Мартиросян называет его «четырежды брехуном Советского Союза», а также анализа ряда других «мемуаров», он убедительно это доказывает. «Почему нельзя безоглядно верить маршалам?» — целый параграф с таким названием посвятил Мартиросян ответу на этот вопрос в своей книге.

Ложь — это не только искажение, но и сокрытие истины, секрета. Какой секрет скрывали маршалы своими воспоминаниями? Да и было ли что скрывать? По-видимому, было нечто, причём настолько серьёзное, что бросало тень на значительную часть высшего командования страны, его действий в самом начале войны. Это нечто, по мнению Мартиросяна, — отчасти преступно-халатная, отчасти преступно-заговорщическая деятельность генералов в канун войны и сразу после её начала, которая привела к трагедии 22 июня. ***«Факт предательства части советского генералитета и офицерского корпуса — вот подлинная причина трагедии 22 июня 1941 г.»,*** — пишет Мартиросян. И более развёрнуто: ***«Основу... трагедии 22 июня1941 г. составило, увы, именно ПРЕДАТЕЛЬСТВО. Оно выразилось в незаконной, негласной, ни с кем и никак не согласованной с высшим политическим руководством СССР подмене официального плана отражения грядущей агрессии Германии,*** злоумышленной подставе сосредоточенных в приграничной зоне советских войск под неминуемые поражение, разгром и уничтожение. Командование же на местах также внесло свой преступный вклад в ослабление мобилизационной и боевой готовности вверенных ему войск. Более того. Несмотря на то, что пока ещё трудно категорически утверждать, что задержка с отправкой директивы №1 произошла в преступных целях, тем не менее, есть все основания категорически утверждать, что это было сделано умышленно. А на фоне поражения должен был быть осуществлён антигосударственный переворот силами военных, преследовавший цели свержения советской власти, физического уничтожения высшего руководства СССР (включая и убийство Сталина) и сепаратного замирения с нацистской Германией на унизительных для великой державы условиях». Тысяча страниц текста исследования посвящены доказательству этого тезиса. В центре доказательной базы — действия наркома обороны С. К. Тимошенко и началь-



▲ 22 июня 1941 г.



▲ А.Е. Голованов

ника Генштаба Жукова, или как называет их автор, «дуэта».

Уже в феврале 1941 г. нарком и нач. генштаба, не отменяя формально план обороны страны, изменили его фактически. Как пишет Мартиросян, перешагнули через него: принцип активной обороны, реализации которого Красной Армией весьма опасалось немецкое командование, «дуэт» подменил принципом «жёсткой обороны» (в их терминологии — «упорной обороны») на линии государственной границы. Кроме того, генералы предполагали нанесение по вторгшемуся противнику немедленного контрудара, как когда-то планировал М. Н. Тухачевский, что быстро привело бы Красную Армию к сокрушительному поражению, особенно если учесть чудовищную плотность наступления вермахта в начале агрессии. К. К. Рокоссовский в мемуарах напишет, что накануне войны вообще не мог разобраться, в чём суть нашего плана: ***«если какой-то план и имелся, то он явно не соответствовал сложившейся к началу войны обстановке, что и повлекло за собой тяжёлое поражение наших войск в начальный период войны».*** По сути, это обвинение в адрес «дуэта», причём если Жуков так свою вину и не признал, то не оставивший мемуаров осторожный Тимошенко, пишет Мартиросян, вынужденно охарактеризовал избранную стратегию войны «безграмотным сценарием».

Не менее жёсткую оценку «творению» двух наших «стратегов» дал и противник. Вот что писал Ф. Гальдер:«Русское военное руководство потерпело крушение со своим принципом жёсткой обороны». Обратим внимание, в отличие от тех, кто взахлёб винит в катастрофе 22 июня Сталина, т. е. государственно-политическое руководство, Гальдер говорит о вине военного руководства. И он прав. Хулители Сталина, вешающие на него «всех собак» за 22 июня, не понимают элементарной вещи — разницы между государством и вооружёнными силами, исходя из якобы всеохватывающего присутствия Сталина во всех сферах жизни. Как отмечает Мартиросян, главная вина и наркомата обороны, и Генштаба, которые не только «проморгали войну» (выражение Главного маршала авиации А. Е. Голованова), но и своими действиями в июне 1941 г. едва не довели до необратимой катастрофы, заключалась в разработанной ими стратегии вступления советских войск в войну.

Жуков и Тимошенко не отвечали за стратегию вступления государства в войну — это была компетенция советского руководства и лично Сталина, и они с этой задачей справились. А вот за стратегию вступления вооружённых сил в войну отвечали наркомат обороны и Генштаб, т. е. Тимошенко и Жуков, и они со своей задачей не справились. В работе приводится ***мнение генерал-полковника Н. Ф. Червова, который упрекает «дуэт» в недооценке существа начального периода войны. Однако опираясь на доклад Жукова на совещании высшего командного состава РККА (декабрь 1940 г.), Мартиросян настаивает на том, что их действия носили сознательный характер.*** Ибо они хорошо понимали стратегию и тактику немецкого блицкрига, и потому не могли не осознавать, к чему

приведёт в конкретных условиях их заимствованная у Тухачевского концепция немедленного встречно-лобового по факту нападения контр блицкрига. Вывод: не руководство страны, а военное руководство поставило страну на грань катастрофы 22 июня 1941 г.

Но вернёмся к событиям февраля 1941 г. Тогда же Тимошенко и Жуков не только изменили принцип обороны, но совершили ещё одну чудовищную по своим последствиям вещь — сместили акцент сосредоточения сил с западного (белорусского) направления на юго-западное, украинское. И это при том, что в феврале — марте 1941 г. советскому командованию уже было достаточно известно и о трёх группах немецких армий, и о направлении ударов, и о том, что главным будет удар именно на белорусском направлении, которое, по приказу наркома обороны и начальника Генштаба ослаблялось с февраля.

Более того, к 5 июня 1941г., как отмечал в своих мемуарах бывший начальник штаба 4-й армии Зап. ОВО генерал Л.М. Сандалов, стало известно, что на границе с Белоруссией вермахт сосредоточил громадные силы, что подавляющая часть войск ГА «Центр» сосредоточена на брестском направлении, то есть против 4-й армии Зап. ОВО. Было ясно, что удар такой силы и плотности сдержать будет невозможно, однако никаких выводов из наличия прямой и столь явной угрозы сделано не было.

Так кто же командовал наркоматом обороны и Генштабом? Уборщицы и водопроводчики? Или предатели и изменники? И как объяснить следующий факт: в самый канун войны Зап. ОВО, в отличие от других военных округов, получил такое обилие противоречивших друг другу задач, которое, в случае их выполнения, вело к быстрому, фактически молниеносному разгрому, под который, выходит, и подставлялся Зап. ОВО. Здесь уместно ещё раз напомнить о сообщении от 28 мая 1941 г. резидента ГРУ в Румынии о том, что Красную Армию на западном направлении подставят под разгром.

Ещё один эпизод. Находясь под следствием, бывший командующий Зап. ОВО генерал Д.Г. Павлов показал, что даже в 1.00 час ночи 22 июня, когда в другие округа уже передавалась директива № 1, Зап. ОВО оповещения не получил. А в 4.00 Павлов получил информацию от Тимошенко, что ожидается переход границы немецкими войсками и что приказано никаких действий не предпринимать, артиллерийский огонь не открывать, но авиаразведку вести на германской территории до 60 км в глубину. Нарком обороны, комментирует автор исследования, не только подталкивал Зап. ОВО к нарушению границы, что предоставило бы немцам аргументы в пользу готовности СССР совершить акт агрессии. «Нет, не совсем был прав Сталин, — заключает Мартиросян, — что у Тимошенко голова большая, а мозги куриные. Куриные-то они куриные, ... но ещё и подлые. Иначе как назвать все эти приказания, да ещё со ссылкой на Стали-



▲ Нарком Тимошенко и нач. генштаба Жуков



▲ Ворошилов и Буденный

на, который вечером 21 июня уже во второй раз санкционировал приведение войск в боевую готовность».

Кто-то скажет: бардак — вот и всё. Да, русский бардак. Достаточно вспомнить степень готовности укреплений Севастополя перед Крымской войной или Порт-Артура — перед японской и многое другое. Как гласит один из «принципов Мерфи», не ищи злого умысла там, где достаточно глупости. Ошибочно не учитывать роль ошибки, легкомыслия и просто глупости, — писал недавно ушедший из жизни блестящий советский разведчик Л. В. Шебаршин. Но есть два нюанса. Во-первых, если мы имеем дело с ошибками и глупостью, то их результаты по идее должны равномерно распределяться между знаками «плюс» и «минус», т. е. не должны ложиться в одну корзину и работать в одном направлении — в этом случае мы имеем дело с умыслом. Во-вторых, именно бардаком легче всего прикрыть управляемый хаос, сознательные действия. Например, недостроенность порт-артуровских укреплений связана с тем, что С. Ю. Витте, одна из наиболее тёмных, если не сказать мерзких фигур российской истории, сознательно сократил расходы на укрепление дальневосточных рубежей.

А вот другой пример: в самый начальный период войны исчезли 6 млн. винтовок из 8 млн. имевшихся. Кто же был виноват в «винтовочном деле»? С. М. Будённый, которого, как и К. Е. Ворошилова, Жуков в своих мемуарах представил этакими растерявшимися неумёхами, что совершенно не соответствует действительности, ***в своём дневнике высказался так: «Эту преступную недоработку я отношу всецело к наркому Тимошенко, который имел при себе такого идиота как Кулик (впоследствии маршал. — А. Ф.), с которым он занимался чёрт-те чем, но не вооружением армии***».

Т. е. выходит, что Тимошенко не только самовольно поменял принцип обороны и зону главной концентрации войск, но ещё и не обеспечил вооружение армии. И вот что поразительно: ни Тимошенко, ни Кулик, вообще никто за пропажу 75% винтовок не был наказан. И нам будут рассказывать о «кровожадном Сталине», которому дай только повод ливануть кровь, и о его «тоталитарном режиме»?! Зато сколько подлых сказок о том, что-де Сталин настолько не готовил страну к войне, что солдаты с палками на перевес отражали атаки немцев!

И ещё один интересный штрих. На предложение Будённого «доложить Сталину о необходимости отвода войск Юго-Западного фронта на новый рубеж… Тимошенко заявил, что будет выполнять решение Ставки (т. е. не будет отводить войска, несмотря на угрозу окружения. — А. Ф.), «ведь всё равно нам придётся бежать до Аляски». Я (Будённый. — А. Ф.) ему сказал, что при таких настроениях, да ещё теряя живую силу, мы можем докатиться до полного поражения» (цит. по: 2, с. 723). Так оно и вышло: Тимошенко сдал Киев, потерял 6 армий, а затем сдал ещё и Харьков с Полтавой. Комментарии

излишни. Впрочем, один комментарий возможен — в виде эпизода. Его приводит Мартиросян.

Попавший в плен к немцам один из непосредственных виновников Вяземской катастрофы осени 1941г. генерал М. Ф. Лукин на допросе 14 декабря 1941 г. заявил, что гитлеровцы просто обязаны помочь настоящим патриотам свергнуть Сталина (в обмен — расчленение СССР) и создать новую Россию. ***«Причём Лукин,*** — пишет Мартиросян, — ***прямо указал, что аналогичным образом думают ещё и другие советские военачальники. А в числе первых, кто так думает, Лукин назвал Тимошенко, отрекомендовав его как человека и вояку, не очень любящего коммунистические принципы, который может выступить, если увидит альтернативу, которую, в свою очередь, должны предложить гитлеровцы».*** Мог ли Лукин намеренно лгать?

Наиболее преступным в действиях Тимошенко и Жукова Мартиросян считает то, что они делали 19–22 июня. Особенно манипуляции с директивой № 1. 18 июня 1941 г. в войска западных округов ушла инициированная и санкционированная лично Сталиным директива Генштаба и наркомата с предупреждением о нападении Германии в ближайшие дни и о необходимости приведении войск непосредственного прикрытия в боевую готовность. Однако на следующий день, 19 июня, в округа летит телеграмма самого наркома, предписывающая сроки выполнения мероприятий по маскировке (а что ж так поздно спохватились?)1–5 июля 1941 г. А это уже вовсе не «ближайшие дни». Как это объяснить? Трудно.

Так же труднообъяснима и вся история с директивой № 1, которую Мартиросян проанализировал детально, поставив вопросы: когда на самом деле ее начали передавать в округа, каким было её подлинное содержание? Запрещал ли Сталин в ночь с 21 на 22 июня ответные действия и открытие огня? Ответы на эти вопросы крайне важны, поскольку впоследствии маршалы и генералы вместе с Хрущёвым объясняли причины поражения тем, что Сталин якобы запретил открывать огонь по перешедшим границу немцам. Начать с того, что полный, а, самое главное, подлинный текст директивы № 1, пишет Мартиросян, до сих пор не опубликован. Директива № 2 — пожалуйста, а № 1 — нет. Обращает на себя внимание следующий факт. В рукописном варианте директивы № 2 стоит указание на время её написания и подписания — 7.15. А на публикуемой директиве № 1 — нет. В документах вооружённых сил такое исключено априори. В чём же дело?

Ещё информация для размышления. В послевоенный период в целях расследования причин катастрофы 22 июня по инициативе Сталина Генштабом осуществлялся опрос оставшихся в живых генералов и офицеров, встретивших войну на границе. Под № 3 шёл вопрос о том, когда было получено распоряжение о приведении войск в боевую готовность в связи с ожидавшимся нападением Германии с утра 22 июня; какие и когда были отданы указания по выполнению этого распоряжения и что было сделано войсками?

Мартиросян делает резонный вывод: «Сталин всерьёз и явно обоснованно подозревал именно умышленную задержку передачи директивы № 1 в войска.... более того. Он уже явно не сомневался в этом, потому как ещё в первую неделю войны устроил тщательную проверку ведения секретного делопроизводства в генеральном штабе. И уже тогда пришёл к вполне определённым выводам». И выводы эти бросали густую и весьма неприятную тень на значительную часть генералитета, советского военного истеблишмента в целом — да так, что даже по прошествии многих лет тема ответа на вопрос № 3 оставалась табу. В 1989 г. «Военно-исторический журнал» начал печатать ответы советских генералов на вопросы Сталина, но как только подошли к ответам на вопрос № 3, публикация была прекращена. Кому же захочется признать мега бардак, находившийся на грани предательства, а, возможно, и за ней, тем более, как мы теперь знаем из их признаний, «прорабы перестройки» откровенно вели дело к сдаче СССР.



▲ Хрущев и Жуков 1956 г.

Ясно, что завеса из недомолвок по поводу директивы № 1 может скрывать только одно — преступное промедление с отправкой директивы по халатности или умыслу. Мартиросян вычислил задержку — 1 час 50 мин. И дал свой ответ на вопросы о причинах задержки и о том, почему бóльшая часть военачальников упорно настаивала на том, что Сталин-де запретил открывать огонь по немцам, даже если они перейдут границу. Впрочем, настаивали далеко не все. Например, Н. Г. Кузнецов в воспоминаниях пишет о том, что в директиве было разрешено отвечать огнём и применять оружие. Получив директиву, он счёл уточнить у Тимошенко только одно: разрешено ли применять оружие? И получил прямой ответ Тимошенко: РАЗРЕШЕНО. И это серьёзное свидетельство о реальном содержании директивы № 1,фотокопия подлинника которой с правками Сталина, подписями Жукова и Тимошенко с отметкой о времени подписания в кабинете Сталина, так и не опубликована. И этим реальным содержанием мог быть только приказ на уничтожение противника в случае пересечения им государственной границы.

Но есть быть может всё-таки хоть какие-нибудь свидетельства, следы? Есть. Следы всегда остаются. Как говорили древние: «Etiamcapillusunush abetumbramsuum» («И тонкий волос тенью обладает»). В нашем случае «тень» — это дублирующая текст директивы копия для конкретного военного округа — Прибалтийского. В ней говорится: «В случае перехода в наступление крупных сил противника разгромить его». В работе «22 июня» подчёркивается, что в ответах некоторых генералов, занимавших накануне войны высокие штабные должности в округах, четко видно, что в директиве было прямое указание на применение всех сил и средств для отражения агрессии.

Иными словами, тезис о том, что Сталин запретил открывать огонь, — ложь. «Маршалам и генералам, — пишет Мартиросян, — удавалось дурить советских граждан только потому, что огромные пласты информации были недоступны гражданам великой державы». Автор исследования значительную часть этих пластов поднял, проанализировал и пришёл к выводу: директиву № 1 задержали сознательно, а катастрофические последствия этого списали на якобы имевший место запрет Сталина открывать ответный огонь. Именно поэтому директиву № 1 убрали в тень.



▲ Кузнецов Н.Г.

Однако эти манипуляции не удалось скрыть без следа: они вылезают несостыковками в мемуарах того же Жукова, причём разные их издания, как показывает Мартиросян, противоречат друг другу; противоречат друг другу воспоминания различных военачальников; налицо путаница — намеренная и случайная — в датах, последовательности событий. Например, Жуков пишет, что немцы начали боевые действия на всех фронтах в 3.15, в 3.25 он уже будил Сталина, а в 4.30 они с Тимошенко уже приехали в Кремль. «Это полная чушь, — комментирует Мартиросян,



▲ Павлов, Мерецков (третий), Тимошенко

поскольку немцы начали боевые действия в промежутке между 3.00–3.30 по берлинскому времени, что в переводе на московское означает 5.00–5.30. И таких «мелочей» у Жукова и других «вспоминальщиков», вешающих свою вину на Сталина, — вагон и маленькая тележка.

Генералы (впоследствии маршалы) в катастрофе 22 июня обвинили не только Сталина, но и разведку, которая якобы не информировала руководство страны и военных о готовящемся нападении. А потому оно стало внезапным, ну а те сообщения, подготовки Гитлера к нападению, которые попадали к Сталину, игнорировались им, поскольку он якобы слишком доверял Гитлеру, поверив в договор 1939 г.

И опять нагромождение лжи! Никакого внезапного нападения не было. Его ждали. 24 мая 1941 г. Сталин чётко обозначил близкую вероятность немецкого нападения. В последние 10 дней перед войной разведслужбы 47 раз назвала дату нападения, и даже время начала боевых действий. 18 июня в округа уходит распоряжение Сталина о приведении в боевую готовность войск первого эшелона.21 июня Сталин запрещает партработникам выезжать за город — «Возможно нападение немцев». В тот же день ГРУ предупреждает Тимошенко и Жукова о том, что 22-го будет нападение. И это называется «внезапность»?

Кто-то, особенно из записных, так сказать, ковёрных антисталинистов скажет: да, сообщения были, но Сталин («глупец», «доверчивый») не обращал на них внимания. Опять ложь, причём двойная. Сталин обращал внимание на все сообщения, подготовка государства к войне шла полным ходом, причём настолько хорошо, что даже катастрофа летом 1941 г. не привела к поражению СССР — таков был запас прочности, который перевесил бардак и/или предательство военных чинов.

Другое дело, что в сообщениях разведки о начале войны даты постоянно менялись. Прежде всего, потому что до конца первой декады из-за массированного противодействия спецслужб Третьего рейха постоянно шла дезинформация, хотя сам Гитлер определился с датой нападения еще в конце января 1941 года. 30 апреля он впервые озвучил его военным. Уже в начале мая поступили первые разведданные о том, что нападение состоится в 20-х числах июня. Окончательное же официальное решение в письменном виде было принято только 10 июня, очевидно после получения определённых британских гарантий –именно на него, по сути, и отреагировал Сталин заявлением ТАСС от 13 июня, как, впрочем, и санкцией на выдвижение войск из глубины округов в сторону границы под видом учений. Речь не идёт

уже о том, что Сталин опасался провокаций британцев, стремившихся любой ценой втравить Гитлера в войну с СССР и, в конечном счёте, увы, преуспевших в этом.

Вопрос, который логически возникает по ходу чтения исследования, прост: «Почему Сталин не расстрелял Тимошенко и Жукова?». Так называется последняя часть исследования. К этим восьми страницам я и отсылаю читателя. К тому, что написал Мартиросян по этому поводу, можно добавить следующее. Если заговор существовал, то ни Тимошенко, ни Жуков по своим качествам, ни по своему психопрофилю никак не могли быть организаторами или даже игроками — скорее, манипулируемыми исполнителями, которые что-то знали, о чём-то догадывались и на что-то рассчитывали для себя в случае успеха. Скорее всего, если их использовали, то в полутёмную. Ни Тимошенко, ни Жуков на самостоятельных игроков не тянули, их функция, если такая игра действительно была, — фигуры, в лучшем случае, помощники игроков, но никак не самостоятельные игроки и тем более, не хозяева игры, если воспользоваться классификацией О. Маркеева. Возможно, именно этим объяснятся и отсутствие (по крайней мере, на данный момент) прямых улик, и поведение Сталина. Сталин прекрасно знал цену своим воякам, но как он однажды заметил, у него нет других писателей, как, впрочем, и Гинденбургов. Правда, другие маршалы были — но, как выяснилось в хрущёвские времена, очень немного...

Вступая в область догадок, рискну предположить, что если Сталин и подозревал заговор, то он понимал, что перед ним не очень умные и не очень смелые исполнители. А интересовать его могли, прежде всего, главные организаторы, которые стояли ещё за заговором Тухачевского и которых так и не удалось идентифицировать ни в 1937, ни в 1941 г., ни позже. Как знать, не пытался ли Сталин выйти на организаторов, не трогая исполнителей? И как знать, не эти ли организаторы или их преемники ответственны за его смерть?! Но маршалам, чтобы не забывались, и чтобы поняли и помнили, что он знает, чёрную метку Сталин послал. Я имею в виду его фразу, брошенную им маршалам сразу после Победы: «Говорят, что победителей не судят, что их не следует критиковать, не следует проверять (выделено мой. –А. Ф.). Это неверно. Победителей можно и нужно судить, можно и нужно критиковать и проверять». «Даже в эйфории Величайшей в Истории Победы, — замечает по этому поводу Мартиросян, Сталин не собирался прощать генералам и маршалам трагедии 22 июня», свидетельством чему и стало инициированное им расследование её причин.

...Нет, не тянут Тимошенко и Жуков на организаторов заговора. Здесь должен быть кто-то более масштабный и изощрённый. Причём этот кто-то должен был играть одновременно на двух площадках — советской и зарубежной. И не тянутся ли следы оттуда, куда летал Гесс? Хочу напомнить, что с первых шагов создания советской разведки в этом процессе участвовали британцы, и, если у нас была «кембриджская пятёрка», почему не предположить возможность наличия их «пятёрки» или «тройки» у нас. Ничего не слышали?



▲ Рокоссовский К.К.



▲ Война

Так это естественно: лучшие агенты — это те, о которых никто не знает и, возможно, не узнает. Правильно говорят: известный агент — это провалившийся агент. Кто знает, на каком уровне с момента революции могли присутствовать те же британские агенты глубокого залегания — от обычных до «генетических закладок»? И как знать, не дотянулся ли в 1953 г. организатор до Сталина — раньше, чем Сталин дотянулся до него? Впрочем, здесь мы вступаем в зону догадок.

Последнее. Кто-то может сказать: критикуя Жукова, ставя вопрос о возможности его — вкупе с Тимошенко — предательства, Мартиросян становится на одну доску с очернителями советской истории. Кто-то припомнит фразу обер-идеолога перестройки о том, что главное — свалить (т. е. оболгать и т. д.) Жукова, а остальное приложится и пойдёт само собой. Иными словами, не получается ли так, что своим исследованием Мартиросян льёт воду на мельницу наших врагов?

Нет, не получается и получиться не может. Прежде всего, зададимся вопросом: а почему антисоветчики метили в Жукова как в фигуру, крушение которой било по нашей Победе? Почему победа в войне стала отождествляться только с Жуковым? Это — результат сознательной манипуляции: Жуковым вытесняли Сталина в качестве главного организатора Победы — занятие неблагодарное и заведомо проигрышное.Но обер-идеолог в угаре антисоветизма и русофобии этого не понял. Поэтому никакие манипуляции с Жуковым никакого ущерба ни Победе — нашей Победе, ни советскому народу нанести не могут. Жуков — не Сталин. Ну а Сталин и вовсе оказался не по зубам «десталинизаторам».

Подчеркну, хромой бес перестройки (показательно, как перестройка метила своих бесов: Меченый, Хромой, Беспалый — всё-таки коварная дама История) целил в Жукова не в самого по себе, а как в мишень, падение которой наносило удар по нашей коллективной памяти, по нашим ценностям, по тому, что объединяет нас с нашими отцами и дедами — теми, кто строил СССР и защищал его.

Хромой бес ошибочно полагал, что со Сталиным уже покончено и надо браться за Жукова — сказалась тупость цековского исполнителя. Со Сталиным разделаться не удалось, лучшая «реклама» Сталину — то, что происходило и происходит в РФ в последние 20 лет, а потому с памятью о нём всё вышло, как и предсказывал вождь за десять лет до смерти — то, что на его могилу будет нанесено много мусора, но ветер истории разбросает его.

По иронии истории, этот ветер стал усиливаться после разрушения детища Сталина — СССР, красной империи системного антикапитализма. Более того, начатое хрущёвцами и продолженное перестроечной и постперестроечной шантрапой «развенчание» вождя в различной форме — от газетных статей до чер-

нухи ходульных антисоветских сериалов и якобы документальных фильмов на ТВ, выражающих только тупость и необразованность их авторов, ещё более усилило интерес и к Сталину, и к советскому опыту. Причём, как показывают опросы, со знаком «плюс» — до 90% опрошенных сожалеют о разрушении СССР. А Сталин — самая популярная историческая фигура! Причём, что очень важно, у молодых — одно «Послание» Захара Прилепина чего стоит! В немалой степени эти интерес и популярность — заслуга таких авторов, как Мартиросян, цель работы которого прямо противоположна таковой штатно-платных антисоветчиков и антисталинистов, разбивает её в пух и прах.

Вскрывая суть реальности 1941 г., демонстрируя преступные, независимо от того, были ли они результатом заговора или комбинации некомпетентности и шкурничества (Мартиросян аргументированно показывает первое), автор добивается эффекта, прямо противоположного тому, к которому стремились и стремятся хулители и враги советского прошлого — наши враги. Во-первых, своим анализом он развенчивает антисталинские мифы, которые играют огромную роль во всей антисоветской пропаганде и риторике. Во-вторых, ***его работа демонстрирует всю мощь советской системы, которая была способна противостоять не только вермахту — лучшей армии мира на тот момент, сорвать блицкриг и одержать победу, но и бездарно-преступным действиям военной верхушки, т. е. имела, скажем так, мощную «защиту от дурака».*** В-третьих, всем своим исследованием Мартиросян показывает мощь СССР, советского народа. В конце работы он пишет, что главная сила, сорвавшая заговор, — это народ, его патриотизм — русский, российский, советский, его вера в свою страну, его мужество. «22 июня» — это гимн советскому народу и советской системе.

Что же касается Тимошенко и Жукова, вопрос таков: что важнее — правда истории, правда народа и системы или репутация отдельных лиц, серьёзные вопросы к которым делают её всё более и более сомнительной?

Post Scriptum

В работе Мартиросяна приводится эпизод из воспоминаний М. Джиласа. Беседуя с ним в 1947 г., Сталин провёл рукой по карте мира, на которой СССР был обозначен красным цветом, и сказал: «Никогда они (англичане и американцы.– А. Ф.) не смирятся с тем, чтобы такое пространство было красным, — никогда, никогда». Как это часто с ним бывало, вождь оказался провидцем.

Смиримся ли мы с тем, что такое пространство перестало быть красным, — вот в чём вопрос. ■



▲ Сталин у карты мира

И. Г. НОВОСЕЛЕЦКИЙ, Генерал-лейтенант

О ПОЛКОВОДЧЕСКОМ ИСКУССТВЕ МАРШАЛА СОВЕТСКОГО СОЮЗА Ф.И. ТОЛБУХИНА



▲ Толбухин 1944 г. Яссы

Войска, которыми командовал Маршал Советского Союза Ф.И. Толбухин, успешно действовали во многих крупных операциях Великой Отечественной войны. Они громили врага на нашей земле, помогли народам Юго-Восточной Европы освободиться от немецко-фашистского рабства, с честью пронесли свои боевые знамена с низовьев Волги до Австрийских Альп. В ходе этих ожесточенных сражений и боев совершенствовался талант полководца.

Великую Отечественную войну Ф.И. Толбухин встретил вполне сложившимся военачальником. За его плечами были немалый боевой опыт первой мировой и гражданской войн, годы упорной учебы, десятки лет напряженного труда на различных командных и штабных должностях. «Федор Иванович Толбухин,-писал А.М. Василевский,-начал свою службу солдатом царской армии. Как и я, он в первую мировую войну дошел до должности командира батальона. А накануне Великой Отечественной войны был начальником штаба военного округа. В годы войны особенно ярко выявились такие качества Толбухина, как безупречное выполнение служебного долга, личное мужество, полководческий талант, душевное отношение к подчиненным. Говорю об этом не с чужих слов, а из личного общения с ним во время пребывания в его войсках под Сталинградом, в Донбассе, на Левобережной Украине и в Крыму».

Первое серьезное испытание на зрелость Ф.И. Толбухин прошел в Сталинградской оборонительной операции, будучи командующим 57-й армией. Уже в этот период у него проявились способности глубоко анализировать обстановку, предвидеть ее развитие и умело организовывать действия своих войск.

В начале августа 1942 года армия получила задачу не допустить прорыва врага к Волге в районе Красноармейска и сорвать его удар на Сталинград с юга. О том, какая ответственная задача на нее возлагалась, можно судить даже по высказываниям бывшего гитлеровского генерала Дёрра. Он писал: «Красноармейск был южным краеугольным камнем обороны Сталинграда и одновременно конечным пунктом единственной коммуникации, связывавшей по суше западный берег Волги с Астраханью. Ни в каком другом пункте появление немецких войск не было бы так неблагоприятно для русских, как здесь».

Принимая решение на организацию обороны, командующий учитывал опыт предшествующих сражений наших войск. Известно, что из-за неблагоприятных условий обстановки, недостатка сил и средств и других причин в первый период войны они не всегда создавали надежную и устойчивую оборону. В связи с этим противнику удавалось осуществлять глубокие прорывы с последующим охватом флангов обороняющихся, что вынуждало их вести боевые действия в окружении или отходить на новые рубежи в глубине. Вот почему в предвидении ударов превосходящего противника, особенно его танковых группировок, Ф.И. Толбухин, располагая ограниченными возможностями, сумел сосредоточить на важнейших направлениях значительные по тому времени силы пехоты, артиллерии, противотанковых средств. В глубине обороны создавались артиллерийско-противотанковые резервы. Предусматривалось массирование артиллерийского огня для поражения войск и важнейших объектов противника. Большая работа по подготовке обороны непосредственно в соединениях и частях была проведена лично командующим, штабом и политорганами ар-



▲ Генерал-майор Толбухин 1939 г.



▲ Толбухин со штабом фронта

мии, в том числе по организации взаимодействия и управления.

С началом боевых действий командующий своевременно разгадывал замыслы немецко-фашистского командования, умело маневрировал резервами, сосредоточивал усилия своих войск на направлениях, где противник пытался прорваться к Волге главными силами, срывал его п л а н ы. Постоянное внимание в ходе сражения он уделял поддержанию тесного взаимодействия с соседней 64-й армией, соединениями 8-й воздушной армии, а также выдвигаемыми в полосу обороны танковыми, истребительно-противотанковыми и артиллерийскими резервами фронта. В результате, встретив упорное сопротивление соединений и частей 57-й армии и понеся большие потери, 4-я танковая армия под командованием гитлеровского генерала Гота так и не смогла прорваться к Волге.

В ходе Великой Отечественной войны Ф. И. Толбухину еще раз довелось продемонстрировать свое искусство в организации обороны. Речь идет об операции 3-го Украинского фронта (март 1945 года) в районе озера Балатон по отражению контрнаступления немецко-фашистских войск, в которой были творчески применены опыт и принципы создания прочной оперативной обороны на Курском выступе.

Обращает на себя внимание прежде всего смелое решение сосредоточить основные силы и средства фронта на направлении ожидаемого главного удара врага. Достаточно сказать, что для обороны участка севернее озера Балатон шириной 83 км привлекались три общевойсковые армии (4-я гвардейская, 26-я и 27-я), а также 18-й, 23-й танковые и 1-й. гвардейский механизированный корпуса. В то же время южнее озера Балатон на фронте 200 км оборонялись лишь две армии (57-я и 1-я болгарская).

В сравнительно короткий срок (с середины февраля по март) советские войска создали глубоко эшелонированную оборону. К отражению атак крупных танковых группировок широко привлекались подразделения и части ствольной артиллерии, танковые соединения и части, фронтовая авиация и инженерные войска. Определяющим в достижении устойчивости и непреодолимости обороны явились упреждающий маневр на направления ударов противника артиллерийскими, танковыми и стрелковыми соединениями и своевременное занятие ими оборонительных рубежей в глубине.

Наступление немецко-фашистских войск началось в ночь на 6 марта 1945 года. Как и предполагал командующий, они нанесли главный удар между озерами Веленце и Балатон. Здесь на отдельных участках наступало 50-60 танков на 1 км фронта. В результате десятидневных ожесточенных сражений вражеским войскам ценой больших потерь удалось лишь вклиниться на небольшую глубину.

Несмотря на ожесточенность развернувшихся сражений, командующий фронтом не только сохранил предназначенные для наступления силы и средства, но и значительно их пополнил. В приказе Верховного Главнокомандования, подводившем итоги многодневных напряженных боев в районе озера Балатон, говорилось: «Войска 3-го Украинского фронта, отразив атаки одиннадцати танковых дивизий немцев юго-западнее Будапешта и измотав их в оборонительных боях, перешли потом в наступление, разгромили танковую группу немцев и продвинулись вперед на 70 километров на фронте протяженностью более 100 километров».

Полководческий талант Ф.И. Толбухина особенно ярко проявился в ходе наступательных операций, полностью или частично проведенных войсками Южного, 3-го и 4-го Украинских фронтов, которыми он командовал. Во многих из них было продемонстрировано подлинное искусство в выборе направления главного удара и в создании ударных группировок своих войск.

В истории Великой Отечественной войны видное место занимает Ясско-Кишиневская операция, осуществленная войсками 2-го и 3-го Украинских фронтов в августе 1944 года во взаимодействии с Черноморским флотом и Дунайской военной флотилией. При планировании ее Ставка рекомендовала командующему войсками 3-го Украинского фронта нанести главный удар на кишиневском направлении. С этим был согласен и Ф.И. Толбухин. Однако после всесторонней оценки обстановки и ряда рекогносцировок, проведенных на различных участках фронта, возникли некоторые сомнения. Здесь на деле проявились большой опыт, приобретенный Ф.И. Толбухиным за три года войны, глубокое понимание основ советского военного искусства и сущности происходящих в них изменений, знание приемов и способов действий противника.

Он считал, что кишиневское направление, примыкающее к полосе действий 2-го Украинского фронта, позволяло лучше организовать взаимодействие ударных группировок фронтов. Благоприятствовала и местность: всюду можно было применить танки, сосредоточить скрытно значительные силы и средства. Но настораживало то, что противник именно на этом участке держал свои главные силы и, конечно, ожидал наших активных действий.

В конце концов Ф.И. Толбухин все больше склонялся к тому, чтобы главный удар нанести южнее Тирасполя с кицканского плацдарма на Днестре. Конечно, решиться на такой шаг было нелегко: плацдарм был небольшой, весь изрезанный плавнями и руслами рек. Но имелись и преимущества. Изобилующая лесными участками, садами и виноградниками местность позволяла скрытно расположить войска. Кроме того, здесь был стык между 6-й немецкой и 3-й румынской армиями. Главное же состояло в том, что противник не ожидал, что наши войска могут нанести в этом месте главный удар. Принимая окончательное решение, командующий говорил: «Мое первоначальное мнение о целесообразности нанесения главного удара правым флангом базировалось на указаниях Ставки. Она и до сих пор считает, что лучший вариант — это сосредоточение наших усилий на кишиневском направлении. Но факты восстают против этого... Будем наносить главный удар с кицканского плацдарма. Уверен, что Верховное Главнокомандование согласится с нашими доводами...».

Дальнейшая подготовка операции проводилась в соответствии с этим решением. На небольшой кицканский плацдарм перебрасывались главные силы фронта. При этом командование шло на определенный риск. Если бы противник обнаружил сосредоточение южнее Тирасполя крупной группировки, он мог нанести внезапный контрудар, подвергнуть ее массированному воздушному нападению. Такая опасность учитывалась. И чтобы обезопасить свои войска, были приняты соответствующие меры. «Вспоминая те давние дни, — писал бывший начальник штаба фронта С.С. Бирюзов, — я и сейчас не могу отделаться от мысли об исключительной дерзости наших действий. Разве пришло бы кому в голову, скажем, в 1941-1942 годах почти полностью оголить 220 километров фронта и сосредоточить свыше 90 процентов всех сил и средств на направлении главного удара шириной в 40 километров? Разве осмелились бы тогда расположить за Днестром на небольшом кицканском плацдарме всю 37-ю и главные силы 57-й армий?

...Риск с нашей стороны был большим, но он имел под собой твердую почву. Фактически незначительное численное превосходство над противником (в людях оно составляло 1,2: 1, в артиллерии и танках — 1,6:1) мы сумели превратить в наш подавляющий перевес над ним. По танкам и артиллерии на главном направлении он стал шестикратным, по пехоте восьмикратным».

Как показали дальнейшие события, предвидение Ф.И. Толбухина полностью оправдалось. Прорыв тактической обороны противника был осуществлен в наиболее слабых местах, что способствовало быстрому выходу наших войск на фланги и тылы основной группировки, оборонявшейся в районе Кишинева, и обеспечил ее окружение и уничтожение.

В ряде операций исключительно эффективно решались вопросы сохранения в тайне их замысла, введения противника в заблуждение относительно характера предстоящих действий.

Многотрудной, но вместе с тем весьма богатой многими полезными уроками в этом отношении была для Ф.И. Толбухина Крымская наступательная операция. Именно здесь его полководческий арсенал пополнился умением скрытно от противника готовить операцию в самых сложных условиях местности и погоды, добиваться оперативной и тактической внезапности при переходе в наступление. В соответствии с замыслом войска 4-го Украинского фронта прорывали оборону на двух направлениях — на Перекопском перешейке и на южном берегу Сиваша. При

этом главный удар готовился в районе Сиваша, поскольку это позволяло быстро выйти в тыл Перекопским и Ишуньским позициям, стремительно развивать наступление на Севастополь и в тыл вражеской группировке, действовавшей на Керченском полуострове.

Подготовка к наступлению проводилась скрытно. Для того чтобы отвлечь противника от направления главного удара, имитировалась выгрузка крупной группировки наших войск юго-западнее Мелитополя. Затем создавалась видимость движения на юг. В районе Геническа и в других пунктах устраивались ложные районы сосредоточения четырех стрелковых дивизий. Имитировалась перевозка войск морским путем; противник воспринял ее как подготовку к высадке морских десантов и спешно укреплял побережье.

Переходу в наступление предшествовал двухдневный период артиллерийского разрушения позиций противника на Перекопском перешейке. Для этой цели здесь впервые были применены орудия калибра 203 мм. Поскольку противнику не удалось вскрыть сосредоточение наших войск в районе Сиваша, то использование крупнокалиберной артиллерии на Перекопе еще больше убедило его в том, что главный удар следует ожидать именно здесь. Бывший командующий 17-й немецкой армией генерал Енеке писал: «Чем больше тянулось время, тем все яснее вырисовывались подготовительные грандиозные мероприятия русских к наступлению под Перекопом и несколько меньше на сивашском предмостном укреплении... на Сиваше шел дождь и пути даже для русских были непроходимы». Наступление, к отражению которого гитлеровцы так долго готовились, началось для них совершенно неожиданно.

Весьма эффективно проводились в жизнь мероприятия по оперативной маскировке и при подготовке Ясско-Кишиневской операции. В частности, большое внимание уделялось созданию ложных группировок на кишиневском направлении. «Мы, — писал С. С. Бирюзов, — имитировали сосредоточение механизированного корпуса в районе Римаровки, стрелкового корпуса — в Карманово, артиллерийской дивизии — в районе Григориполь — Ташлык». С этой целью интенсивно функционировали железнодорожные станции, на которых якобы разгружались войска. Из районов реального сосредоточения наших войск по дорогам двигались машины, танки, стрелковые подразделения и части. Делалось это преимущественно перед наступлением вечерних сумерек, чтобы создавалась видимость сосредоточения войск в темное время. А ночью эти войска возвращались обратно.

В ходе военных действий возникали такие ситуации, которые нельзя было предусмотреть заранее. И в этих условиях особенно важное значение имела способность командующего быстро ориентироваться в обстановке, вносить необходимые коррективы в ранее принятое решение, менять направление сосредоточения усилий, своевременно наращивать удары.

При ведении операций Ф. И. Толбухин нередко осуществлял смелые, решительные маневры подвижными войсками и резервами в интересах наращивания усилий и быстрого разгрома противника.



▲ Крымская операция

Особенно наглядно это видно на примере Донбасской операции (1943 год), проведенной Юго-Западным и Южным фронтами. 13 августа 1943 года в наступление перешли войска правого крыла Юго-Западного фронта, а 16 августа его главная группировка в центре. Бои приняли ожесточенный характер, и наступление развивалось довольно медленно.

18 августа начал боевые действия и Южный фронт под командованием Ф.И. Толбухина. После того как вражеская оборона на фронте Дмитриевка-Куйбышево была прорвана и соединения 5-й ударной армии углубились в расположение противника до 10 километров, перед командующим возникла проблема, как наращивать усилия. Неудачи в предшествующих боях предостерегали от преждевременного ввода в сражение резервов, но и промедление могло привести к затуханию наступления. Командующий отдал приказ ввести в прорыв 4-й гвардейский мехкорпус в полосе 5-й ударной армии. И это резко изменило обстановку. К концу второго дня он продвинулся на запад еще на 20 км, с ходу форсировал реку Крынка и захватил плацдарм на ее правом берегу.

Для того чтобы не дать противнику возможности отвести свои войска из района Таганрога, был предпринят смелый до дерзости маневр силами 4-го гвардейского кавалерийского корпуса. В ночь на 27 августа из района Донецко-Амвросиевка он нанес удар в южном направлении и к рассвету углубился на 40-50 км. Такое стремительное его продвижение создало реальную угрозу полного окружения таганрогской группировки.

События развивались очень быстро. 29 августа после неудачных попыток прорваться на запад противник стал отходить по побережью на юг, чтобы затем вдоль Миусского, залива ускользнуть на Мариуполь. Попытка не удалась. 30 августа войска 44-й армии атаковали врага с востока, а части 4-го гвардейского механизированного и 4-го гвардейского кавалерийского корпусов нанесли удар с тыла. Таганрогская группировка была разгромлена.



▲ Донбасская операция

Наращивая темпы наступления, советские войска нанесли ряд новых сильных ударов и в западном направлении, продвинувшись на глубину 300 км.

В ряде операций Ф.И. Толбухин умело осуществлял перенос усилий с одного направления на другое в интересах развития наступления. Особенно наглядно это видно на примере Мелитопольской фронтовой операции. Войска Южного фронта к 21 сентября 1943 года вышли на реку Молочная, где были остановлены. Оборона немецко-фашистских войск представляла собой здесь один из наиболее укрепленных участков так называемого «Восточного вала».

Замыслом командования войск фронта предусматривалось нанесение двух охватывающих ударов: главного — силами 5-й ударной, 44-й, 2-й гвардейской и 51-й армий, 19-го и 11-го танковых и 4-го кавалерийского корпусов севернее Мелитополя в общем направлении на Михайловку, Веселое и вспомогательного — из района южнее Мелитополя в обход города с юго-запада силами 28-й армии.

Наступление началось 26 сентября. Бои сразу же приняли ожесточенный, затяжной, но малорезультативный характер. К тому же противник, видимо, разгадав замысел нашего командования, начал перебрасывать с юга на направление главного удара фронта дополнительные силы. Оценив обстановку, Ф.И. Толбухин решил перенести усилия войск на новое направление, для чего выдвинул 51-ю армию, 19-й танковый и 4-й гвардейский кавалерийский корпуса в полосу 28-й армии.

Перегруппировка столь крупных сил была проведена так, что противник ее не обнаружил, поэтому ввод их в районе Мелитополя был для него неожиданным. В результате боевые действия приняли решительный характер. Мощная оборонительная полоса немцев на реке Молочная была прорвана. Развивая наступление, войска 4-го Украинского фронта передовыми частями в конце октября вышли к Перекопу, достигнув Турецкого вала, и к Сивашу, захватив плацдарм на его южном берегу.

Ф. И. Толбухин обладал мужеством открыто признать допущенные при подготовке операции просчеты. Речь идет о военных действиях Южного фронта на реке Миус. Известно, что Ставка планировала летом 1943 года нанести ряд сокрушительных ударов по наиболее крупным группировкам на орловском и белгородско-харьковском направлениях. Эта операция известна в истории как Курская битва.

Перед Южным фронтом ставилась задача активными действиями сковать как можно больше вражеских дивизий на реке Миус и не допустить их переброски в районы Орла и Белгорода. Войска начали готовиться к наступлению. Трудности состояли в том, что противник занимал глубоко эшелонированную оборону, насыщенную большим количеством огневых средств. К тому же фронт не располагал численным превосходством над ним.

Операция готовилась в короткие сроки. 17 июля войска перешли в наступление. Однако ожидаемого развития оно не получило. Врагу удалось приостановить продвижение наших войск, вклинившихся в его оборону на глубину до 10-12 км. Даже ввод 2-й гвардейской армии (второго эшелона) в сражение, как потом выяснилось, преждевременный, не дал положительных результатов. Тяжелые бои на достигнутых рубежах продолжались до конца июля. Видя бесперспективность действий и во избежание неоправданных потерь Ф. И. Толбухин обратился в Ставку ВГК. с просьбой дать разрешение на отвод войск на ранее занимаемые позиции за Миус. Согласие было получено. Командующий остро переживал постигшую неудачу, хотя Ставка в целом положительно оценила результаты действий фронта. Дело в том, что противник, втянутый в ожесточенные бои на реке Миус, так и не смог перебросить в район Курска ни одной дивизии.

Надо было иметь мужество Ф. И. Толбухина и его полководческую мудрость, чтобы откровенно признать, что при подготовке операции не была обеспечена скрытность, поэтому достигнуть внезапности перехода войск в наступление не удалось, был допущен преждевременный ввод в сражение второго эшелона фронта — 2-й гвардейской армии, в ходе наступления не обеспечивалось поддержание превосходства над противником в силах на решающих направлениях. Все это стало хорошим уроком на будущее.

В течение всей войны Ф, И. Толбухина отличали постоянная забота о людях, стремление свести до минимума потери в личном составе, добиваться успеха малой кровью. На практике это проявлялось в самом



▲ Ф.И. Толбухин



▲ 1945 г., Ф.И. Толбухин с болгарскими военными

тщательном анализе обстановки, глубоком, всестороннем продумывании решений, поиске самых оптимальных форм и способов подготовки и ведения боевых действий. Особое значение придавалось своевременному доведению до подчиненных и глубокому уяснению ими боевых задач. В этих целях он умело использовал возможности штабов, начальников родов войск, политорганов и самоотверженно, не жалея ни сил, ни времени, ни здоровья, трудился сам. При этом неизменно проявлял необыкновенную выдержку, самообладание, умение сохранить спокойную деловую обстановку в самых сложных ситуациях.

Вспоминая бои под Сталинградом, бывший командир 422-й стрелковой дивизии генерал-майор запаса И. К. Морозов писал: «С самого начала своих действий по прикрытию города с юга и до перехода в наступление 20 ноября 1942 года 57-я армия без шума, спешки, продуманно и организованно вела оборонительные и частные наступательные бои и операции. Мы называли ее армией порядка и организованности и любили ее командование за исключительно внимательное и бережливое отношение к людям, к воинам, в каком бы звании они ни были».

В своей многогранной деятельности командующий умело опирался на штаб и другие органы управления. «Первое время, — вспоминал С. С. Бирюзов, — командующий строго контролировал все мои действия. Это даже вызывало досаду. Но вскоре мне была предоставлена полная самостоятельность. Мы настолько сработались, что стали понимать друг друга с полуслова... Штаб можно сравнить с центральной нервной системой человека. И Федор Иванович Толбухин понимал это очень хорошо». Он всегда внимательно относился к мнению подчиненных, не боялся принять высказанные ими предложения, которые считал более обоснованными.

Под командованием Маршала Советского Союза Ф. И. Толбухина войска прошли большой боевой путь, провели ряд крупных операций, участвовали в освобождении Румынии, Болгарии, Венгрии и Австрии. В жестоких боях с врагом советские воины проявляли массовый героизм, высокое воинское мастерство, с честью выполняли поставленные задачи. В ряду выдающихся советских полководцев, которые вели их от победы к победе, стоит и его имя.

На завершающем этапе войны при освобождении Румынии, Болгарии, Югославии, Венгрии и Австрии от Ф. И. Толбухина потребовалось умение решать сложные политические, межгосударственные и административные вопросы. Он был председателем Союзной контрольной комиссии в Болгарии, Румынии

и в своей многогранной работе показал незаурядные способности деятеля государственного масштаба.

От редакции. В памяти сослуживцев и подчиненных запечатлелись такие замечательные черты этого доблестного сына России, как верность долгу и беспредельная преданность Родине, добросовестность и трудолюбие. Для успешного руководства войсками немаловажное значение имели его большой опыт оперативной работы, глубокое понимание ее сущности и важности. По умению опереться на свой штаб, максимально использовать его возможности вряд ли можно сыскать равного Федору Ивановичу среди командующих фронтами Великой Отечественной войны. Демократизм начальника в повседневной жизни, при выработке решения на операцию сочетался с его твердостью и настойчивостью при достижении поставленной цели.

Из всех командующих фронтами он был, пожалуй, наиболее скромным, непритязательным в личном плане, терпимым и внимательным к подчиненным. Его отличали высокий общий уровень культуры, заботливость о своевременном и полном материальном снабжении войск, стремление громить противника, прежде всего, артиллерией и авиацией, по возможности не бросать войска в атаку, когда вражеские огневые точки еще не уничтожены или не подавлены надежно, добывать победу малой кровью.

24 июня 1945 года Маршал Советского Союза Ф. И. Толбухин возглавил сводный полк 3-го Украинского фронта на Параде Победы. С июля 1945 по январь 1947 года он командовал Южной группой войск, а затем войсками Закавказского военного округа. 17 октября 1949 года полководец скончался. Его заслуги отмечены высшим военным орденом «Победа», двумя орденами Ленина, двумя орденами Красного Знамени, двумя орденами Суворова I степени, орденом Кутузова I степени, Красной Звезды, многими другими отечественными и иностранными наградами. В 1965 году ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. В Москве на Самотечной площади Ф. И. Толбухину воздвигнут памятник. ■



▲ Парад Победы во главе колонны Ф.И. Толбухин

А.А. СВЕЧИН

СУДЬБЫ ВОЕННОГО ИСКУССТВА РОССИИ



▲ Орда Чингисхана

Киевская Русь. В удельно-вечевой период все элементы вооруженной силы русских группировались в городе. Каменная архитектура рыцарских замков чужда русскому средневековью; русский феодал чувствовал бы себя беззащитном и одиноким в небольшом бревенчатом острожке, вне города; но при громадных русских пространствах и возможности ухода крестьян на новые места, подальше от феодального замка, вероятно, если бы и нашелся оригинал, построивший себе каменный замок, около него скоро образовалась бы пустыня и исчезли бы материальные предпосылки возможности содержания замка. Древний русский город, как и средневековый итальянский город, хотя и на других основаниях, являлся пунктом оседлости военного класса и крупных землевладельцев. Дружина князя имела серьезные стимулы не расселяться по деревням, как это делалось во Франции и Германии. Отсюда — населенность древнего русского города, представлявшего значительный рынок потребления. Натиск арабов, прервавший в IX—XII веках связь и торговлю Запада и Востока через Средиземное море, придал первоклассное значение торговому пути "из варяг в греки", проходившему через Новгород и Киев. Мелочной характер средневековой торговли

втягивал в свой оборот громадные массы русского городского населения. Горожанин представлял в себе соединение триединых талантов — воина, торговца и разбойника. Княжеские дружины были образованы самыми боеспособными элементами средневековья, норманнами востока, получившими наименование варягов. За этими Карлами, Инегельдами, Фарлафами, Руальдами, Фостами, Труанами тянулись, в отношении военной доблести, и русские торговые гости. И все же, военная мощь древней Руси была невелика, и не столько от раздробления ее на уделы, как вследствие полного отсутствия смычки города и деревни. Деревня в военном отношении не представляла никакой силы и хищнически эксплуатировалась городом — не столько сбором упорядоченной дани, как разбойными налетами. Один князь заступался за свои деревни против налета другого князя тем, что производил в свою очередь налет на его деревни. В этих условиях русская деревня отступала перед городом — с богатого чернозема юга на бедный суглинок Севера, который она расчищала от дремучего леса. Но город преследовал ее.

Татарские уроки. Древняя русская государственность не сумела оказать серьезного сопротивления нашествию монголо-татар. Дикие кочевники, с которыми сталкивались раньше русские князья, были бессильны против городских стен. Теперь же азиатский враг, оказался располагающим гораздо более высокой военной техникой, чем русские, и легко брал русские города; в поле же нельзя было ему противостоять, так как организованность татар была несравненно выше; впечатление бесчисленного множества оставляли азиатские армии — ополчение всего народа — при столкновении с русскими ополчениями одних городов.

Азиатский натиск на равнины восточной Европы начался в начале XIII века, в результате чрезвычайного подъема военно-политического искусства, связанного с Чингисханом. Однако, экономика кочевого быта стоила на очень низком уровне. Завоеватели всюду беспощадно расправлялись с городами, в особенности с русскими, являвшимися сосредоточением военной мощи и единственными возможными очагами сопротивления. Несмотря на стремление их спасти ремесленную часть населения и использовать их других центрах, завоевания азиатских полководцев связывались с катастрофическим понижением уровня экономической жизни и поэтому были обречены на скорое распадение. Господство Золотой Орды было обречено на уничтожение. Удар Тамерлана по Золотой Орде в 1391 г. ускорил этот процесс, обеспечив на много столетий безопасность восточной границы России. Натиск Азии продолжался лишь на более южном направлении, в пределах малой Азии, где недобитые Тамерланом турки сумели утвердиться на Балканском полуострове.

Если Валленштейн явился учителем прусских королей, то русские князья научились у татарского сборщика податей правильной эксплуатации сельского населения посредством учета и обложения его. Татарский нажим весьма содействовал усилению центральной власти; Москва многому научилась в области политики, у монголо-татар.

И очень многим обязано татарам русское военное искусство. Вспомогательные русские отряды входили в состав татарских армий. Историк отмечает их присутствие у берегов Аральского моря при начале столкновения Тохтамыша с Тамерланом. Мы усвоили у Востока глубокое уважение к метательному бою, ведение боя из глубины, расчленение армий на большой полк, полк правой и левой руки, авангард и резерв (передовой и засадный полки), организацию легкой конницы, дравшейся как в конном, так и в пешем



▲ Тамерлан

строю — своего рода иррегулярных драгун, большое внимание к разведывательной и сторожевой службе, своеобразную восточную дисциплину и методы управления, далеко превосходившие феодальный масштаб средневековья. Оперативное искусство и. тактика Димитрия Донского во время похода, приведшего к сражению на Куликовом поле, могут служить иллюстрацией военных достижений монгольской школы. Первые казаки, черкасы, очень может быть, являлись русскими вспомогательными отрядами, отделившимися от Орды и ушедшими на Днепр.

Поместная система. Однако, широкий размах монгольского военного искусства, использовавшего все неизжитые варварские инстинкты кочевых племен, должен был быстро переродиться и измельчать на почве экономики земледельческого народа, хозяйство которого оставалось еще преимущественно натуральным. Татарское нашествие достаточно убедительно показало бессилие вооруженной силы одних городов, лишенных какой-либо смычки с деревней. Необходимость толкала на использование для строительства армии экономических ресурсов деревни, а в обстановке натурального хозяйства для этого имелся только путь ленной системы — отвода воину населенного, крестьянами участка земли, с которого ленник мог бы кормиться и покрывать издержки по сбору в поход.

Русские феодалы-бояре жили в центральных городах; связи их с их земельными владениями были не слишком сильны; они являлись почти беззащитными перед лицом великокняжеской к царской власти. Города были значительны; имелись грамотные дьяки, что позволяло учесть в приказах всю землю и все население для разложения на них тягот по содержанию вооруженной силы. Вследствие этого, в русской действительности, организующим ленников элементом выступили не бояре, а эту задачу смогло взять на себя само государство. Русская история в этом отношении не пошла по примеру франков и германцев; русский дьяк выступил в той же роли, как и английский шериф, как чиновники Византии и Турции. Уже при Иване Грозном русское боярство оказалось столь слабым по сравнению с царской властью, что удалось провести "черный передел" боярских, а также казенных земель для широкого распространения поместной системы.

Пригодный к военной службе — "боярский сын", казак, выходец из Литвы или татарин "новокрещен" — испомещался в населенном крестьянами поместье, размером в 200-400 десятин; доходы с этого имения обеспечивали содержание его семьи; по распоряжению московского приказа, он должен был выезжать на сборный пункт — "люден, конен и оружен" — т. е. верхом с наступательным и предохранительным вооружением, с 2-3 вооруженными слугами и запасом продовольствия на вьюках или телеге.

Особенно много мелких поместий было нарезано вдоль Оки, так как с юга беспрерывно грозили нападения крымских татар, и все летнее время, пока имелся в полях подножный корм, от Троицы до Покрова дня, приходилось содержать стражу — сначала на берегах Оки, а впоследствии далее к югу, на засечных укрепленных линиях, выносившихся вперед с каждым успехом колонизации.

С этими задачами, в непосредственной близости от своих поместий, наша дворянская милиция справлялась весьма сносно; но для дальних походов организация являлась малоудовлетворительной. Личные заботы о снабжении оказывались несостоятельными. Несмотря ни помощь государства, поместное ополчение начинало голодать. Заботы о покинутом хозяйстве отягчали сознание призванного, число "нетчиков" — не являвшихся на призыв — было велико; в случае войны на западной и северо-западной границах, угроза татарского набега заставляла ополчение бросать "полки" и спешить на защиту своих усадеб. Военное искусство стеснялось заботами каждого дворянина о своем личном тыле — имуществе, которое возили вооруженные слуги. При установлении соприкосновения с неприятелем, первой заботой являлось сооружение безопасного убежища для тыла — острожка, укрепленного лагеря. Идеи чехов — Яна Жижки — о бое за повозками, используемыми, как остов боевого порядка, нашли у нас широкое применение. Древнее русское слово "стан" заменяется типично чешским "табором". Идея боевых возов развивается русской техникой в виде "гуляй-города", образуемого сцеплением больших деревянных щитов на колесах; конечно, для больших походов такая подвижная деревянная крепость не годилась, но "гуляй-город" использовался, по-видимому, как подвижное позиционное имущество для обороны от татар ближайших окрестностей Москвы.

Наша поместная конница представляла "нестройное" войско, которое могло успешно разрешать свои задачи лишь при столкновении с такими же нестройными неприятельскими ополчениями.

Столкновение с наемными войсками Запада. Москва XV века превосходила своими размерами современный ей Лондон. Вследствие значительности внутренних рынков, денежное обращение у нас никогда не падало так низко, как на Западе. Денежные ресурсы московских царей не были так значительны, чтобы содержать на них сотню тысяч бойцов, необходимых для охраны границ, однако, ресурсы городов, являвшихся представителями денежного капитала, можно было использовать, чтобы поддерживать жалованием испомещенных воинов.

Татарское нашествие, с одной стороны, захват крестоносцами Константинополя, с другой, и последовавший расцвет Венецианской торговли заставили в XIII—XV веках запустеть торговый путь "из варяг в греки". После захвата Константинополя турками, вследствие длительных враждебных отношений, установившихся между католическим и мусульманским миром, для русских людей вновь улыбнулась возмож-

ность взять на себя часть выгодного посредничества в торговле между Западом и Востоком. Захват московским государством всего течения Волги давал материальный базис для развития обмена с Азией, но Астрахань требовала себе естественного дополнения в виде гавани на берегу Балтийского моря. Русская экономика XVI века требовала наступательной политики.

Однако, если московское государство, уделяя максимальное внимание развитию своих вооруженных сил, могло смело помериться с любой западной средневековой армией, то оно должно было оказаться несостоятельным при столкновении с профессиональными армиями, знавшими уже сомкнутый строй возродившейся пехоты, которые в том же XVI веке повсюду распространялись на Западе.

Уже во второй половине этого века, в Ливонской войне Ивана Грозного, нам пришлось иметь дело с польской армией Стефана Батория, включавшей не только феодальные элементы, но и организованные части пехоты и кавалерии. Московские люди оказывались против них совершенно бессильными. Польша и Швеция уже успели подняться на уровень военного искусства ландскнехтов и рейтар, а мы оставались еще в русле средневековых традиций. Эпоха смутного времени являлась периодом наибольшего кризиса. Даже не регулярная армия польского государства, а польские жолнеры, навербованные частными предпринимателями, Лисовским и Рожинским, спокойно устраивались в нескольких километрах от Москвы — в с. Тушино, и эта горсть представителей нового военного искусства чувствовала себя совершенно неуязвимой на огромной территории, организованной, однако, почти исключительно под углом военных требований.

Двести лет развития военного искусства в России, начиная с Ивана Грозного и до Елизаветы Петровны включительно, надо рассматривать под углом борьбы с нашей отсталостью, азиатская армия отчетливо уяснила свою слабость и стремилась стать европейской. "Народ российский паче о бранях, нежели о книгах, паче об обучении воинском, неже об обучении школьном, тщание имеяше". Вначале, однако, для этого не хватало экономических предпосылок и в стихии натурального хозяйства тонули все реформаторские попытки. Стрельцы — упорядоченная пехота Ивана Грозного — получали вознаграждение не столько жалованием, как торговыми привилегиями и быстро сложились в особую вооруженную часть мелкой буржуазии, весьма мало способную усвоить



▲ Стрельцы



▲ Иван Васильевич Грозный

новое военное искусство. Русские стрельцы до такой степени были мало способны к сомкнутому удару, что в Смутное время, когда мы нашли себе союзника в лице Делагарди, "стравились со шведами", нас поражало, как шведы "пешие пойдоша наперед, отыкався копиями, а конныя сташа позади них". "Ересь военная", естественно, первая открыла себе путь в Московское государство, которое еще стремилось замкнутостью сохранить свою самобытность. Тогда как общая тенденция политики заключалась еще в том, "чтобы торговые и иные никакие люди в Киеве и иных порубежных городах никаких книг литовския печати не покупали", мы к концу Смутного времени составляем "устав ратных, пушечных и других дел... выбран из иностранных военных книг Онисимом Михайловым", а в половине XVII века издаем перевод труда Вальдгаузена под заглавием "хитрости ратного строения пеших людей", получающий уже характер официального устава.

Иностранцы вызывались уже в начале XV века, но они становятся лишь при Борисе Годунове заметными в нашей военной организации. Естественно, что Россия, получившая в начале XVII века такие тяжелые удары от Польши, наученной иноземцами, захотела при первой возможности отквитаться, опираясь на тех же иноземцев. Густав-Адольф начал закупать в России значительное количество хлеба.

На вырученные деньги мы захотели нанять до 5 тысяч иностранцев, при помощи которых рассчитывали отбить у поляков Смоленск — угрожающую по отношению к Москве позицию, захваченную поляками в Смутное время.,Немецкие" полковники — Александр Лесли и, Пецнер — приступили к набору наемников за границей. Перед, московским правительством открылась "пропасть, всегда зиявшая своей ужасной пастью" — расходов на наемников. Последние, в момент 30-летней войны, были в цене, особенно в отъезд в Московию. Месячные оклады иностранных офицеров колебались в кавалерии от 420 рублей (прапорщик) до 5.600 рублей (полковник), в пехоте от 245 рублей до 3.500 рублей (в довоенной ценности рублей). Московская казна смогла, с крайним напряжением, выделить до 2 миллионов довоенных рублей, но этого было далёко не достаточно. "Кто гроши дает, тому служит" наемник. Не даром Мориц Оранский ставил в центр тяжести своей реформы аккуратную выплату жалованья. Последнее было непосильно для Москвы XVII века. Начались побеги и развал дисциплины в иноземных полках; боевая ценность последних быстро понизилась. "Выезжий немчин", англичанин Ричард Стивенс, несколько раз менял службу — 2 раза служил Швеции, 3 раза России. Попавшиеся в плен полякам иноземцы спокойно писались к ним на службу. После неудачного Смоленского похода, иноземцев пришлось поспешно рассчитать, часть уехала: домой, а часть осела в России и была поверстана местным окладом. Но иноземный офицер, ставший русским помещиком, конечно, терял много драгоценных европейских черт; это хорошо понимало русское правительство, отказавшееся в дальнейшем платить иноземцам старых выездов полный иноземческий оклад жалованья; "ибо иные яко фозалы (вассалы. А. С.) Царского Величества суть". Они также бегали от службы, бывали в нетчиках, приговаривались за то к наказанию кнутом, сажались в тюрьму, "чтобы впредь иным неповадно было".

Очевидно, вооруженную силу следовало строить не на иноземцах, а на обучении русских людей иноземному строю. Уже в 1630 г. для пополнения 1 рейтарского и 6 пехотных иноземных полков, принимавших участие в Смоленском походе призывались и русские, которые должны были служить под командой иноземцев и учиться у них. Однако, в русском населении крайне трудно было найти элементы, социально-близкие к тем, которые на Западе шли в на-

емники. Как на Западе формирование рейтарских полков являлось возможным только путем набора слоев населения, стоявших не слишком высоко на феодальной лестнице, так как усвоение новой дисциплины являлось безнадежным для рыцарей-баронов, у каждого из которых была своя фантазия, так и у нас пришлось обратиться к использованию наименее обеспеченного слоя "беспоместных детей боярских" с обещанием им "дать по 5 рублей для бедности" (75 довоенных рублей) и с предоставлением права возвратиться на службу на старых основаниях. В дальнейшем, русские полки иноземного строя размножились. К концу XVII столетия у нас насчитывалось уже 48 солдатских и 26 копейных и рейтарских полков.

Это были своеобразные территориальные части; разбросанные по деревням, они получали небольшое жалованье и жили в несколько худших условиях, чем поместное ополчение; осенью, на 1 месяц в году, они собирались для обучения. Полки делились на роты; по западному образцу, командный состав представлял определенную лестницу военной иерархии — прапорщик, поручик, капитан, майор, подполковник, полковник.

Комсостав XVII века. Однако, господствовавшее в государстве начало местничества не позволяло организовать надлежащий подбор командного состава. В феодальном ополчении командный авторитет опирался на имущественный ценз начальника, на его положение, в рядах господствующего класса, а не на знание ратного дела и мудрость. Московское государство знало лишь придворную иерархию — боярин, окольничий, стольник, стряпчий, жилец — эти придворные чины представляли конкретную действительность и связывались с определенным социальным положением. В военном деле московские люди знали только должности; назначение сотником, головой или полковником — это было возложение на мобилизованного помещика временных обязанностей, связанных с большими хлопотами и ответственностью — лишняя, но неизбежная тягота. Бытность сотником или даже головой — командование полком — не включалось в записи Разряда и ничего не меняло в положении демобилизованного помещика. Точно также, как крестьяне иногда смотрели на назначение старостой, как на отбытие неприятной повинности, так и помещики отбывали повинность на различных военных должностях. Награда, в виде повышения в должности за отличие на войне, естественно, отсутствовала. Награда могла быть дана лишь в виде демобилизации, отпуска на льготу: действительно, если поместные люди получали лишь $^1/_5$ часть своего содержания денежным жалованьем, а остальное — землей, то логично было требовать смены, если пребывание с мобилизованным полком затягивалось на целые годы, как это было



▲ Сторожи



▲ Шереметев В.П.

в Азовском гарнизоне. Но воеводы, возглавлявшие армии, вообще были бессильны выдать какую-либо награду: никакое повышение расходов из государственного бюджета нельзя было производить без разрешения московских дьяков; перевести служилого человека на высший оклад воевода был бессилен. Понятно, что московская армия не отличалась ни служебным рвением, ни честолюбием, ни интересом к военному делу.

Эта психология, возникшая из натурального хозяйства и рассматривавшая военные чины почти как недоразумение, распространялась и на иноземные полки. Русская действительность реформировала на свой лад понятие о чинах, возникшее на Западе всего лишь при Морице Оранском, на пороге XVII века. Мы встречаем такие назначения (докладные разрядные выписки), как производство в 1677 г. в прапорщики "вора" Андрея Калугина за взятый им язык (пленного). Хотя "вор" на жаргоне московских приказов часто означал понятие революционера, бунтовщика, все же редакция наводит на размышление об уважении, связанном с званием командира. Никаких знаний или подготовки к офицерскому званию не требовалось, оно передавалось по наследству даже в первые годы царствования Петра Великого. В 1696 году, например, новокрещену Никите Гадомскому велено быть в прапорщиках "за смерть отца его Якова", а иноземному сыну Ульяму Шульцу — только "для того, что брат его родной служил в начальных людях иноземцах и в Азове умер".

Необходимость реформы. При таких обстоятельствах, русские полки иноземного строя значительно уступали в боеспособности западноевропейским. Жестокая участь выпала в 1660 г. на долю армии Шереметева, выдвинувшегося из Киева к Любару, столкнувшегося с поляками, поддержанными крымскими татарами, к которым перешли во время войны и казаки Юрия Хмельницкого. От Любара через Чуднов армия пробивалась назад к Кодне, где погибла полностью. Основной причиной неудачи являлось наличие у поляков 7000 дисциплинированной пехоты генерал-майора Вольфа. Наши войска легко справлялись с казаками, с татарами, с польским ополчением, нерегулярная пехота представляла для нас неодолимое сопротивление. Дальнейшие неудачи в борьбе с турками выдвинули необходимость в коренной военной реформе. В 1681 году было собрано особое совещание служилых людей, задача которого была поставлена так: "в мимошедших воинских бранях, будучи на боях с государевыми ратными людьми, его государевы неприятели показали новые в ратных делах вымыслы, — для тех новомышленных неприятельских хитростей учинити в государских ратях рассмотрение и лучшее устроение, чтобы тем в воинские времена имети противу неприятелей пристойную осторожность и охранение и чтобы прежде бывшее воинское устроение, которое показалось на боях не прибыльно, переменить на лучшее".

Совещание выдвинуло необходимость уничтожения местничества (отставка отеческих случаев) и распространения европейских чинов на все виды русских вооруженных сил. Одновременно началось сокращение стрельцов и поместных войск в пользу войск иноземного строя. Совещание 1681 г справедливо поставило в основу военной реформы решительную борьбу с главным пережитком феодализма. Председатель совещания, князь Василий Васильевич Голицын, как нам кажется, находился под сильным воздействием тех реформ, которые в это время уже проводил во Франции Лувуа. Петр Великий постарался перенести их почти буквально на русскую почву.

Мы не должны обманываться, что переименование головы в пол-



▲ Петр I

ковника, а сотника в ротмистра представляет пустую игру слов. Старые слова являлись и символами старого феодального быта, который считал иноземный чин, не связанный с земельными отношениями, себе и своему роду в бесчестие. Центральная власть это понимала и грозила раздавить всякую оппозицию — "и впредь прежними чинами не именовать; а которые упрямством своим в том чине быть не похотят и станут себе ставить то в бесчестие, и тем людям от Великого Государя за то быть в наказании и разорении без всякой пощады". С опаской входили служилые люди в новую колею: в 1683 г. полковники Стремянного полка (гвардия) Никита Данилов, сын Глебов, и Акинфий Иванов, сын Данилов, бьют челом в Разряд; "взяты они в полковники по неволе и потому просят, чтобы нынешняя полковничья служба им и детям их сродникам была не в упрек, и не в укоризну, а с ровной братью не в случай". И Разряд внял этой просьбе и успокаивал: "того чину, в который взят, впредь никому в упрек и в укоризну ставить и тем никому никогда бесчестят не велят". Т. е. главный штаб Московии воспретил употребление понятия полковник, как бранного слова.

Постоянная армия Петра Великого. Эпоха наемных армий связана с рядом тяжелых поражений русского оружия, так как социальные и экономические условия на Руси гнали на окраины и в казаки все те социальные элементы, из коих можно было бы вербовать наемную армию. Зато век постоянных армий — XVIII столетие — связан с быстрым расцветом военного дела на Руси. Русские условия жизни оказались прекрасно приспособленными к созданию постоянной армии.

На Западе задача устройства постоянной армии заключалась в том, чтобы огосударствить военный аппарат, и содержать его не только временно, в течение войны, но и в мирное время. В России армия и до Петра Великого содержалась уже в мирное время и являлась государственной. Задача заключалась только в том, чтобы милиционные полки, собиравшиеся на один месяц в году, сохранять под знаменами круглый год. Великая Северная война, растянувшаяся на 20 лет, позволила этой реформе совершиться незаметно, без какого-либо правительственного акта.

Далекие походы Петра Великого требовали значительное количество людского материала, требовали профессиональных солдат, которые разорвали бы хозяйственные связи со своими домами, со своими обычными способами труда и добывания средств к жизни. Очевидно, прежний помещик, хотя бы и худопоместный, не мог образовать солдатское ядро новой армии.

Первоначально Петр Великий стремился устроить комплектование русской армии по западноевропейскому образцу — вербовкой преимущественно безработного, экономически бесполезного элемента, слонявшегося "симо и офамо".

Взбунтовавшаяся во время Нарвского сражения против своих иноземных офицеров и наголову разбитая Карлом XII русская армия и представляла преимущественно переодетый в солдатское платье люмпен-пролетариат. После этого неудачного опыта Петр Великий отказался от пути подражания и, вместо вербовки, обратился к воинской повинности, установление которой было подготовлено предшествовавшим ходом русской истории. Эта воинская повинность распространялась почти исключительно на крестьянство; до Петра Великого в армию входили даточные люди, крестьяне, поставляемые поместьем за малолетством или болезнью помещика и с монастырских имений. Теперь этот сомнительный элемент стал основным. Вплоть до французской

революции русская армия владела монополией на прекрасный элемент комплектования — крестьянство.

Заимствования с Запада. Большинство военных законов, изданных Петром Великим, почти с фотографической точностью отражают современное ему законодательство Запада. Мы иллюстрировали быт наемных армий на Западе выдержками из нашего переводного устава о хитростях ратного строения пеших людей и мы могли бы точно также иллюстрировать творчество Лувуа регламентами Петра Великого. Всеми ясно понимается, что в уставе эпохи Алексея Михайловича отражается не русская, а иностранная действительность. Такой же характер имеет законодательство Петра Великого. Мы знаем, например, что развитие торгового капитализма на Западе позволило Лувуа ввести в феодальную армию буржуазный контроль в лице интендантов. В "регламентах Кригс-Комиссариату", данных Петром (1711 г.), мы читаем:

Ст. 1. "Над определенными полками, которые будут у обер-кригс-комиссара, надлежит иметь осмотрение такое, чтоб командиры подавали ведомости к даче жалованья истинный и умерших, беглых и отлучных в наличное число не писали. И по тем ведомостям полки должно осмотреть в парате, и по осмотру дать указ комиссару, присланному из губернии, дабы на положенные ему полки давали заплаты".

Ст. 3. "Господин обер-кригс-комиссар должен прежде заплаты" поверить снаряжение, и если окажется, что одна из частей против других "во всех тех вещах худое состояние имеет, а в услугах и в фатигах были в равенстве, и о том должно разыскать и жалованье у несохраняющих офицеров удержать по валеру учиненного убытка".

Ст. 24. "Обер-кригс-комиссары и протчие им подчиненные ни у кого должны, быть под командою, ктоб какой высокой шаржи не был, кроме Его Сиятельства Генерала Плениотенциара — Кригс-Комиссара князя Долгорукого и генерал-майора и Обер-Штер-Кригс-Комиссара Чирикова, и имеют такой авторитет, что всех генералов, штаб и обер, и ундер-офицеров, и рядовых могут в казне Царского Величества или на квартирах в порционах и рационах, кто за кого зайдет, считать и начтенныя в жалованье зачитать"...

В "Уставе прежних лет" (1702-1711 гг.) в воинских статьях мы находим:

Глава 87. "Никоторый полковник от полку, такоже и иные начальные люди от батальонов и рот да не дерзают противитись себе и людям своим смотр учинить и оные досмотрети позволят в кое время и час с ведома вышшага командора в поле, в становищах и осадах, как то от воинского комиссара нас ради прошено и желанно будет, под. извержением чина их".

Глава 89. "Никто на смотре ложным именем записыватись да не дерзает или с нанятой лошадью и оружием на том явитися, или оное иным в заем на смотр давать, под отнятием в заем данной сбруи и под телесным и чести наказанием по судному приговору".

Такими цитатами можно было бы заполнить целую книгу. Из них можно заключить лишь о приемах, которыми насаждал Лувуа во Франции комиссаров. Петр Великий принадлежа доследующему за Лувуа поколению, списывал его инструкции, но, конечно, Долгорукий не был Лувуа" русское купечество не было французской буржуазией; если Преображенские унтер-офицеры имели право заковывать губернаторов в цепи, если Меншиков отказывался даже сенату представить какой-либо отчет в произведенных по военному ведомству расходах, то занятен был бы комиссар, устроивший действительно петровским полкам придирчивый смотр и обложивший начальство начетами. Дьяки московских приказов, вероятно, были много авторитетнее петровских комиссаров и лучше защищали интересы государственного фиска...

Доверчивое отношение к оставленным Петром Великим законодательным памятникам приводит иногда русских историков к оценке его царствования, как эпохи господства на Руси торгового капитализма, которое рождается и умирает вместе с Петром Великим. Эти заключения отчасти справедливы лишь по отношению к оригиналу нашего законодательства — Западу во второй половине XVII века.

Гораздо важнее петровских законов мы считаем петровскую реформу быта; если до Петра немецкая слобода тонула в русской жизни, если в XVII веке инерция нашего быта переделывала на свой лад все навыки и обычаи, приносимые с Запада, то, начиная с Петра, мы становимся гораздо восприимчивее к урокам, получаемым с Запада, так как противодействующие силы были разгромлены.

Стратегическая конница. Начало Северной войны (Нарва) ясно подчеркнуло тактическое превосходство шведов Но [283] уже на следующий год Шереметев с нашей поместной конницей одержал целый ряд успехов в небольших операциях, разоряя занятые шведами области и уничтожая небольшие их отряды. Обширность наших пространств открывала широкий простор для действий подвижных отрядов на неприятельских сообщениях, а также на его границах. От монголов мы заимствовали стратегическую конницу, способную сражаться в конном и спешенном строю. Такие конные отряды, в ту эпоху, когда еще не было железных дорог, могли легче перебрасываться с одной окраины русской империи на другую, угрожаемую. Петр Великий постарался распространить начало регулярной армии на нашу стратегическую конницу и создал драгун. Он придавал огромное значение действиям на сообщениях неприятеля, для чего формировал "корволант", т. е. летучий отряд, в состав которого вводил, кроме конницы, несколько отборных пехотных полков.

Полтавская кампания. Еще до Нарвы, Карл XII успел в течение нескольких месяцев покончить с Данией. После поражения русских при Нарве- в 1700 г, Карл XII обратился против союзной России



▲ Левенгаупт А.Л.



▲ Меншиков А.Д.

Польши, а русские получили возможность завоевать Ингерманландию и утвердиться на Неве. В 1705 г., чтобы подать помощь Польше, Петр выдвинул русскую армию к Гродне. В начале 1706 г. русская армия была обложена Карлом XII, который, однако, не решился штурмовать сильные укрепления города; отойдя к востоку, на сообщения русских, шведы наблюдали, чтобы броситься на русскую армию, когда, голод заставит ее выйти на Гродны. Однако, русская армия, воспользовавшись ледоходом на Немане, который снес временный мост Карла XII, форсированным маршем, в распутицу, на Брест-Литовск и далее на Ковель — Киев, ускользнула от шведов. В 1706 г. Карлу XII движением к Дрездену, в наследственные владения (курфюршество Саксонское) польского короля Августа, удалось принудить его отказаться от польской короны и заключить мир.

К 1708 году Карл XII изготовился к нанесению удара против единственного противника, оставшегося из образованной против Швеции коалиции — России. С тридцатитысячной армией двинулся Карл XII из Гродны на Сморгонь, Минск, Могилев. Действия русских руководились мыслью Петра: "искание генерального боя суть опасно, — в единый час все ниспровержено; того для лучше здоровое отступление, нежели безмерный газард". — Мы стремились уклоняться от боя и опустошать местность по пути Движения шведов, задерживая их на крепких рубежах. А Карл XII, получив известие о бунте Булавина на Дону, волнениях среди башкир и договорившись с Мазепой об [284] и Украины от России, считал возможным продолжить и против России применение той же стратегии сокрушения, которая удалась ему уже по отношению к Дании и Польше.

Июль 1708 года Карл XII простоял в Могилеве, ожидая подхода из Риги генерала Левенгаупта с 15 тыс. войск и транспортом снаряжения. Русская стратегическая конница нарушила всякую связь с Левенгауптом. Так как на помощь Польши в 1708 г. для похода на Москву еще нельзя было рассчитывать, то Карл XII, для действий против Петра, решил опереться на Мазепу и колеблющуюся Украину. После диверсии в направлении к Смоленску, в тщетной надежде дождаться Левенгаупта или принудить русскую армию к бою, Карл XII 14 сентября повернул на юг и двинулся на Украину. Еще две недели, и он дождался бы Левенгаупта...

В этот момент Левенгаупт двигался уже через Черею на Шклов, к Днепру. Петр Великий двинул главные силы русских — свыше 40 тыс. — параллельно шведам на юг, а с 12 тыс. лучших войск (7 тыс. конницы, 5 тыс. пехоты, в том числе Преображенский и Семеновский полки, пораженные на лошадей) решил броситься на Левенгаупта. "Корволант" Петра Великого вышел на дорогу Шклов — Пропойск уже после прохода Левенгаупта. Из авангарда главной армии 2 драгунских полка были брошены к Пропойску, чтобы занять переправы на пути следования шведов, а 8 драгунских полков Боура были двинуты на присоединение к корволанту.

В бою 28 сентября (ст. стиль) у д. Лесной Левенгаупт был потеснен, вынужден бросить артиллерию и обоз; с трудом одна треть сил Левенгаупта, кружными дорогами,

пробилась к Карлу XII. Уничтожен Левенгаупт был всего в 100 километрах от с. Костеничи где находилась армия Карла XII. Но связи между ними не было — на всех дорогах господствовала русская конница. Стратегическому успеху Петра во многом помогла неудачная организация Карлом XII своих сообщений: подкрепления и запасы для шведской армии, направлявшейся в Украину, должны были бы следовать не кратчайшим путем из Риги, на многие сотни верст вдоль русской границы, а через Варшаву — Львов — Киев.

Русская армия, тем временем, успела восточными путями обогнать шведов; Батурин, столица Мазепы, вышедшего на встречу Карлу XII, был взят и сожжен Меншиковым перед самым подходом шведов. Стратегическая конница окружала шведскую армию.

Зиму 1708-1709 гг. шведская армия провела на зимние квартирах, сдвинув их во второй половине зимы к Ворскле. В ожидании присоединения к войне с Россией турок и поляков и для производства политического воздействия на украинское население, весной 1709 г. Карл XII обложил Полтаву. Осада подвигалась туго, так как у шведов почти не было артиллерии и пороху.

Численность шведской армии упала до 17 тыс. Численность русских превосходила ее втрое (50 тыс.). Кроме того, на сообщениях Карла XII работали казаки Скоропадского и калмыки. Для спасения города Полтавы, обороноспособность коего в июне начала падать, Петр Великий решил вступить в бой с Карлом XII. Противников разделяла река Ворскла. У с. Петровки, в 11 километрах выше Полтавы, русские заблаговременно устроили мост и прикрыли его предмостным укреплением. 20 июня русская армия переправилась здесь через Ворсклу и, продвинувшись еще на 3 километра дальше к шведам, к д. Семеновке, окопалась.

4 суток русская армия усиливала здесь свой укрепленный лагерь, но Карл XII, находившийся в 8 километрах, спокойно продолжал осаду. Тогда Петр Великий решил приблизиться еще на 3 километра. 25 июня русская армия стала укрепляться у сел. Яковцы. Так как шведы продолжали игнорировать русскую армию, несмотря на ее пятикилометровое удаление, а Петр Великий, по-видимому, твердо решил дать оборонительное сражение, то он начал подготовлять перенос укрепленного лагеря на следующие 2 километра ближе к шведам. На поляне между лесами начали возводить пересекавшую ее линию из 6 редутов, удаленных на ружейный выстрел друг от друга, и еще 4 редута впереди.

Шведская армия, после неудачного штурма Полтавы 22 июня, 27 июня утром изготовилась для атаки русских. Против 72 русских пушек шведы имели 4. Только бесконечная уверенность в тактическом превос-



▲ Победа. Полтавское сражение

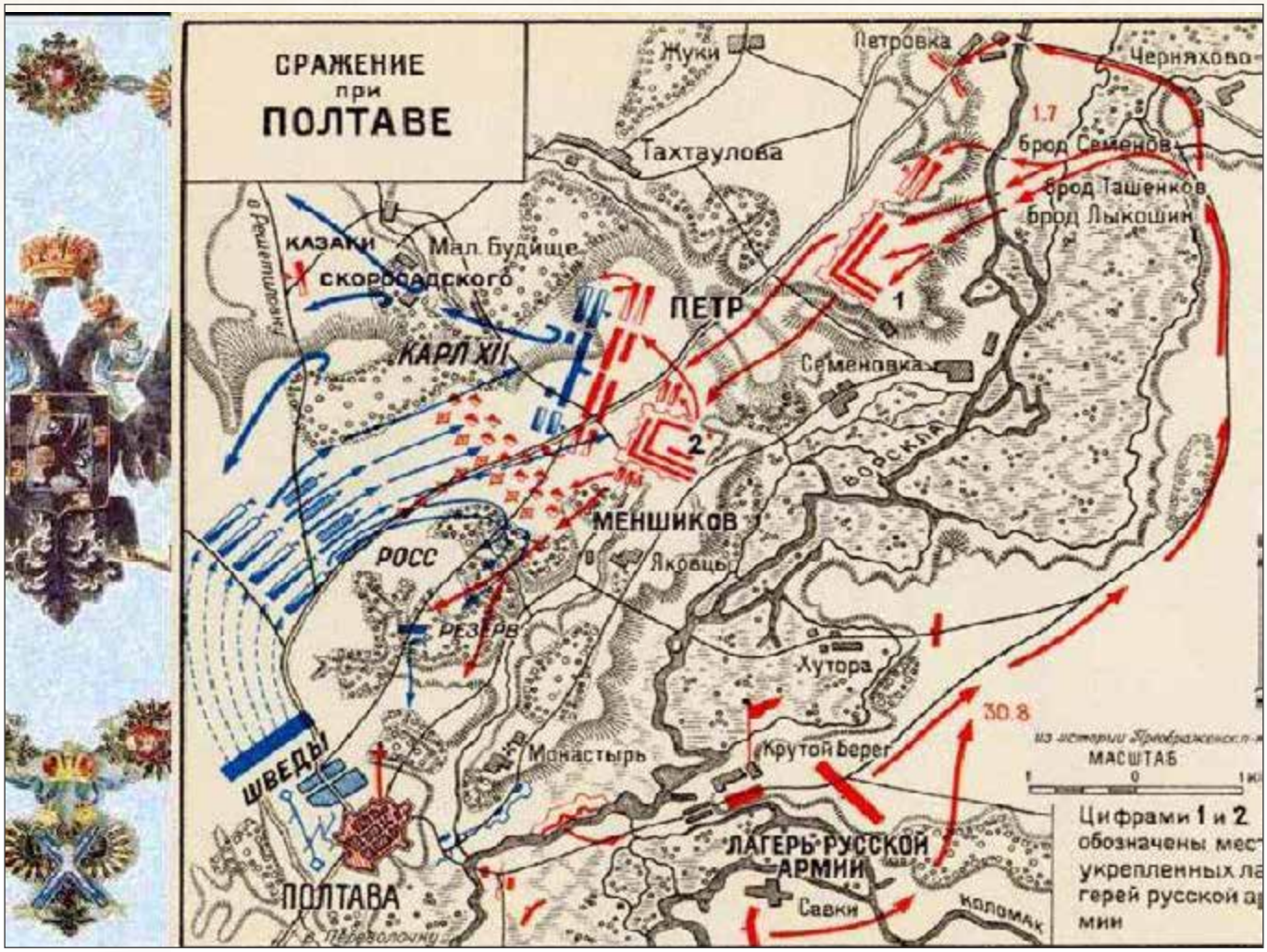
ходстве шведов могла толкнуть Карла XII на атаку тройных сил на укрепленной позиции.

Шведы в 5 час. утра начали кавалерийский бой на линии редутов. Наша конница задержала шведскую до подхода шведской пехоты, после чего отошла. Прорвавшись между редутами, шведская армия попала правым крылом под сильный картечный огонь из нашего укрепленного лагеря. Она отхлынула влево, где приведение ее в порядок и построение фронтом на восток, почти под прямым углом к первоначальному, задержало шведов; правофланговая шведская колонна вовсе не прошла через редуты и была одновременно атакована Меншиковым с фронта и гарнизоном Полтавы (до 6 тыс.) с тыла.

Благоприятное течение сражения позволило Петру рискнуть выйти из укреплений и на фронте главных сил шведов. Русская армия построилась в две линии, имея драгун на флангах. Шведы могли противопоставить всего 1 линию, при том уже выдохшуюся, предводимую раненым королем в коляске. Успех русской конницы на обоих флангах решил бой.

Карл XII, с остатками армии, бежал к Переволочне. Драгуны и гвардейская пехота, посаженная на коней, были двинуты для преследования только вечером в день боя. 12 дорогих часов были потеряны. В ночь на 30 июня Карл XII, с 2 тысячами шведов и казаков, успел переправиться через Днепр. Остатки его армии 30 июня сдались нашей коннице.

В этой операции нас поражает, с одной стороны, дерзость Карла XII, переходящая почти в неразумие, ослепление своим тактическим превосходством, приводящее к преследованию сокрушительной стратегии при совершенно неотвечающей обстановке, а с другой стороны — стратегическая умелость русских. Русское командование видит всю карту театра военных действий в целом, выдержанно преследует свой план измора шведов, режет их сообщения и образует вокруг шведов кольцо из конных частей. Но параллельно с этими блестящими стратегическими достижениями, русская армия и ее вожди, напуганные победами шведов, помнящие Нарву, действуют тактически крайне неуверенно, несмотря на свое тройное превосходство. Укрепления — наша важнейшая надежда. Наступление русского укрепленного лагеря вниз по Ворскле, напоминает еще маневрирование Шереметевского ваген-



бурга в 1660 году или московский гуляй-город. Если бы превосходство в легкой коннице имелось не на нашей стороне, а у шведов, русская армия, конечно, была бы блокирована и обречена на уничтожение, несмотря на большое фортификационное искусство. Блестящая победа увенчала действия русских под Полтавой, но этой победе мы обязаны стратегии больше, чем тактике. Тактически Петровская армия под Полтавой еще не научилась маневрировать в поле; вагенбург поместного московского ополчения еще выглядывает на этом поле сражения сквозь оболочку нового линейного боевого порядка. С тем же отсутствием способности к тактическому маневру мы встретимся и позднее, на полях Семилетней войны, под Цорндорфом и Кунерсдорфом. Русская армия стоит на месте и только поворачивается, чтобы встретить лицом кружащуюся около нее армию Фридриха Великого. Но параллельно с этим, ко времени Семилетней войны, стойкость и надежность русской пехоты становятся уже первоклассными, а наша конница сохраняет свое старое умение работать в стратегическом масштабе.



▲ Бегство Карла XII

Командный состав русской армии в XVIII веке. Вся тяжесть солдатской службы была перенесена Петром Великим на крестьян. Дворянство было обязано государственной службой — на командных постах, в военном или гражданских ведомствах. Такая же принудительная подготовка дворянских недорослей была установлена и в Пруссии. Петр Великий провел резкую черту между солдатом и офицером, которой не знала допетровская армия. Это было подлинное заимствование с Запада.

Как и на Западе, военную подготовку дворянские недоросли получали прямо на практике, на военной службе. Главная масса будущих офицеров воспитывалась в рядах, гвардейских полков. Это были настоящие дворянские школы, Вот цифры, относящиеся к 1795 году и типичные для всего XVIII столетия: в Преображенском полку 3308 рядовых, и 6317 унтер-офицеров; в Семеновском полку — 2305 рядовых и 1551 унтер-офицеров; в Измайловском — 2111 рядовых, 2162 унтер-офицеров; в лейб-гвардии Конном — 757 рядовых, 2527 унтер-офицеров. Итого, в четырех перечисленных полках было 8481 рядовых и 12557 унтер-офицеров. По штату же последних должно было быть в 40 раз меньше (320). Если мы будем иметь в виду, что в унтер-офицеры гвардии производились только дворяне, и часть дворян, только начинавшая службу, числилась и рядовыми, то мы будем иметь в гвардии отношение 2 дворян к 1 рядовому-крестьянину. Правда, около половины всех дворян, служивших в гвардии, были еще несовершеннолетними, а частью и малолетними: однако, это не колеблет общей картины гвардии, как гигантской дворянско-юнкерской школы, опираясь на которую, дворянство диктовало монархам свою волю. Так развились потешные — первая опора Петра Великого.

Такая подготовка дворянства могла давать хороших офицеров только при той предпосылке, что некоторое образование и воспитание кандидат в офицеры получал уже в своей семье. Запад мог довольствоваться полковой подготовкой офицеров, но бедная культурой Россия — нет. Сознание необходимости побороть свою культурную отсталость пробудилось еще до Петра. "Язык наш есть пребеден и ко всему неспособен; историй и всяких давнин мы есьмо не сведомы; никаких политических похвальных разговоров чинить не можем; для ради тех причин народы нас в безцению держат".

Таковы были предпосылки того явления, что в России были сделаны первые крупные шаги в созда-

нии военной школы. В насаждений военного образования мы пошли впереди Запада. Тогда как на Западе кадетские части являлись почти простым строевым соединением, где дворянская молодежь получала только строевую подготовку, в России в 1766 г. Шляхетский корпус (впоследствии 1-й кадетский), основанный еще в 1732 г., был переделан, как широкое общеобразовательное учреждение. Кадетский корпус должен был выпускать "не только исправных офицеров, но и знатных граждан", чтобы его воспитанники "отечеству сугубую бы пользу приносили". По идеям реформатора И. И. Бецкого, корпус должен был конкурировать с Московским университетом: тогда как последний предназначался выпускать только учителей, кадетский корпус должен был подготавливать для жизни практических деятелей "каким образом теми науками пользоваться". В корпусе изучались "необходимые к познанию прочих наук" — логика, начальные основания математики, красноречие, физика, история священная и светская, языки и механика — и науки "для военных полезные" — генеральная и экспериментальная физика, астрономия, география, навтика (сведения о мореплавании), военное искусство, фортификация, артиллерия, химия, — а также и "художества" — рисование, гравирование, ваяние, танцы, фехтование, верховая езда. Обращает на себя внимание в программе Бецкого скромное место, отведенное военным наукам, и стремление создать широкий фундамент общего образования. Бецкий мотивировал это решение так: "преславные полководцы неустрашимое свое мужество украшали такими науками, какие нужны и законодателю, и победителю... Александр Великий, Цезарь и множество других в наши дни видимых примеров свидетельствуют, что к произведению войны со славой надлежит быть весьма искусным и в прочих знаниях... Римляне, хотя не имели ни школ ни университетов для военного искусства, превосходили, однако, прочие народы в сем важном знании. Частое обхождение наполняет сей недостаток". Практика позволит овладеть деталями службы, и нечего тратить на них дорогое время в школе. Параллельно с развитием общей подготовки командного состава, гр. П. Шувалов уже в 1753 году предлагал основать военную академию для развития военных наук — у нас очень мало лиц, которые бы трактовали военную науку, — а последняя нужна русской армии "как разумная душа телу". "Нам не достает теории... Вместо профессоров искусных и довольно знающих важное дело, военнослужащих определить, которым лекции давать, диссертации делать, экзаменировать и пр.". Военная академия не осуществилась, но мысли Шувалова легли в основание устройства Артиллерийского и Инженерного шляхетского корпуса (впоследствии 2-го кадетского), основанного в 1762-1763 г. г. Уклон общеобразовательный Бецкого и уклон технический Шувалова, представленные программами 1-го и 2-го кадетских корпусов, и посейчас еще за-



▲ Граф Шувалов П.И.



▲ Румянцев П.А.



▲ Потёмкин Г.А.

щищают свои позиции в программах наших военно-учебных заведений.

В общем, к концу XVIII века офицеры представляли наиболее образованную часть дворянского класса, значительная часть нашего командного состава по своей общей подготовке серьезно превосходила малограмотную массу не только прусских, но и других западноевропейских офицеров.

В XVIII веке русская армия продолжала пользоваться услугами иноземных офицеров; но от приглашения в наши ряды массы иноземцев мы постепенно перешли к приглашению отдельных лиц, известных своими талантами и высокой квалификацией (Баур, Ллойд, Готце и другие). В основной же своей массе наш офицерский корпус получил ярко выраженный национальный характер.

Потёмкин. Князь Потемкин-Таврический (1739 — 1791 гг.), воспитанник смоленской семинарии и московского университета, фаворит Екатерины II, руководил с 1774 г. Военной коллегией. Возглавление Потемкиным военного ведомства совпало с концом Пугачевского восстания. В борьбе с крестьянским революционным движением русская армия и царствовавшая в ней немецкая палочная дисциплина далеко не всегда оказывались на высоте, офицеры оказывались слишком оторванными от солдатской массы. Потемкин решил учесть уроки Пугачевского восстания, бросить образцы Запада и использовать полностью то преимущество, которое давало русской армии ее национальное крестьянское укомплектование. Разгар крепостного права в России толкал на установление разумной дисциплины в армии. Центр тяжести дисциплины, с муштры и палок, Потемкин перенес на воспитание солдата. От стойки солдата в строю Потемкин требовал простоты и свободу, а "не окостеневши, как прежде было в моде"; вместо муштровки в ружейных приемах Потемкин указывал обучать "скорому заряду и верному прикладу" и "вихрем" ходить в атаку, побои и жестокие наказания преследовались, офицеры "должны были выступать, как защитники и друзья солдат, следить за удовлетворением всех их материальных потребностей в пище, одежде и помещении, развивать их моральные силы, сближаться с ними во всем жизненней обиходе, воспитывать в части определенные традиции. Военный бюджет был относительно упорядочен. Общая демократическая линия реформы была внешне подчеркнута изменением форм одежды: букли и парики были уничтожены, вооружение и снаряжение облегчено, покрой мундиров рационализирован.

"Я употребил всю свою возможность к избежанию излишества, облегча человека, дал, однако же, все, что может служить к сохранению здоровья и к защите от непогоды... солдат будет здоровее и, лишась щегольских оков, поворотливее и храбрее... Туалет солдата должен быть таков, что встал, то и готов".

Потемкин ввел двухшереножный строй, увеличил в огромной степени, количество егерской пехоты, приспособленной к действиям в рассыпном строю и к работе не только на поле сражения, но и на театре войны, и стремился приблизить всю массу линейной пехоты к идеалу легкой пехоты. Наша маневренная способность в течение XVIII века неуклонно росла в связи с повышением моральных достоинств пехоты. При столкновении с сильным сомкнутостью европейским противником, как Петр Великий под Полтавой, так и русская армия под Цорндорфом

и Кунерсдорфом еще жмутся в один укрепленный лагерь, напоминающий старый русский вагенбург. Но при столкновении с турками, слабыми строевой выучкой, уже Миних в 1739 г. под Ставучанами раздробил общее каре (квадрат) русской армии на 3 отдельных каре; пехота имела дополнительное вооружение в виде рогаток, которые быстро составлялись и образовывали вокруг каждого каре сплошное л искусственное препятствие, из-за которого наша пехота отбивала стремительный натиск турецкой конницы; в кампании 1770 г. Румянцев уже строит каре по дивизиям, от 3 до 11 тысяч пехотинцев, и эти небольшие каре под Ларгой и Кагулом в достаточной степени засвидетельствовали свою стойкость; Потемкин сделал следующий шаг — совершенно изгнал рогатку из вооружения пехоты; возросшие моральные силы русского пехотинца позволили уже отбивать атаку конницы без опоры из искусственных сооружений; правильность линии, взятой Потемкиным, демонстрировал Суворов, перешедший к маленьким, подвижным батальонным каре, поддерживающим друг друга огнем и весьма пригодным для стремительного наступления.

Особое внимание Потемкин уделял вопросу развития легкой конницы, приспособленной к стратегической работе на огромных наших пространствах. До Потемкина усилия наших копировщиков Запада были направлены на то, чтобы возможно большую часть кавалерии взгромоздить на тяжелых и дорогих немецких лошадей, более способных для поддержания строя, алинированья и вообще делаемых эволюций. Русские — украинские, донские, низовые — лошади, на которых все же фактически сидела большая часть наших кирасир, имели "всю способность" к этого рода службе, "весьма умеренную", но зато были как нельзя более пригодны "для принужденных (т. е. форсированных — А. С.) маршей, погони и шармицелев (т. е. схваток — А. С.)". Потемкин отменил кирасы, облегчил снаряжение кавалериста вдвое (вес седла — с 65 фунтов до 35, палаша — с 9½ до 4½, шляпы — с 3¾ ф. до ¾ ф., карабина — с 8¾ до 6¾ ф.; лядунки — с 3½ ф. до 2½), удешевив его на 13 рублей. Конница наша осталась лишь на ¼ линейной (и то без кирас), а на $^1/_3$ становится легкоконной и драгунской; последнюю четверть представляли казаки.

Потемкин является настоящим творцом русской казачьей конницы; до Потемкина русская поселенная конница — гусары — формировалась по австрийскому образцу, и в значительном числе даже непосредственно австрийскими славянами с австрийско-турецкой границы — "сербами". Потемкин обратил на наши казачьи области самое существенное внимание и повысил вдвое как добротность, так я количество выставляемых ими формирований. Современники, привыкшие к подражанию другим европейским армиям, находили эту страсть Потемкина к развитию казачества "странной", какой-то необъяснимой прихотью. Но эта страсть вполне укладывалась в гармонизацию Потемкиным подготовки русского государства к войне. В своем плане войны с Пруссией 1785 г., чрезвычайно близком к стратегическим идеям Ллойда, Потемкин требовал от главнокомандования особой предусмотрительности, "убегая, как можно, давать баталию, ибо с ним (Фридрихом Великим — А. С.) они весьма кровопролитны", и умения пользоваться легкой конницей, — "паче же употребляя казаков, которыми, изноровя время, срывать конвой, а паче, если удастся отрезать пекарей хлебных, то сим новым ударом б один день армию разрушить можно". "Главное, уметь пользоваться легкой конницей... такие можно делать извороты, что транспорты его будут безнадежны, или принудят его прикрывать их большими силами, а через то отнимется скорость его движения, что прежде всего было его силой". Это уже не подражание магазинной системе Фридриха Великого, а глубокое понимание ее слабостей и подготовка русской армии к широкой деятельности на театре войны для использования слабой стороны противника. Благодаря урокам, извлеченным Потемкиным из Пугачевского крестьянского восстания, русская армия к концу XVIII века являлась первой в Европе; несмотря на всю ту порчу, которую в нее внесли Павел I и впоследствии Аракчеевщина, русская армия, благодаря полученной прививке, явилась единственной, располагавшей моральной силой и способной дать какой-нибудь отпор сокрушительному натиску армий, вышедших из французской революции. Успехи наших казаков и действия на сообщениях Наполеона в 1812 году были планомерно подготовлены Потемкиным. Школа демократического воспитания армии, намеченная гениальным организатором Потемкиным, получила реальное осуществление и твердый облик в руках великого тактика, Суворова, каждым своим жестом стремившегося подчеркнуть демократическую линию и полное родство полководца со своими чудо-богатырями.

Сражение на р. Треббии. При образовании в 1799 г. второй коалиции против Франции, Суворов, находившийся в опале в царствование Павла I вследствие своей оппозиции реставрации прусских порядков в русской армии, по просьбе австрийцев получил командование соединенными силами австро-русских войск в северной Италии Разбив в конце апреля, слабейшую армию Моро на р. Адде Суворов оказался стесненным австрийскими инструкциями, которые указывали целью его действий овладение всеми ломбардскими и савойскими крепостями, так как Австрия не хотела восстанавливать Савойю, а стремилась аннексировать всю северную Италию. Поэтому Суворов уделил мало внимания преследованию Моро, которому удалось с 25 тыс. ускользнуть в Геную, и занял всю Ломбардию. Суворову было необходимо оставить много войск для защиты своих сообщений, которым французы угрожали как с севера, на Швейцарии, так и с юга; армия Макдональда — до 37 тыс. — была в движении из Неаполя в Тоскану. Против 52 тыс. обеих французских армий и сверх того французских гарнизонов в Мантуе,

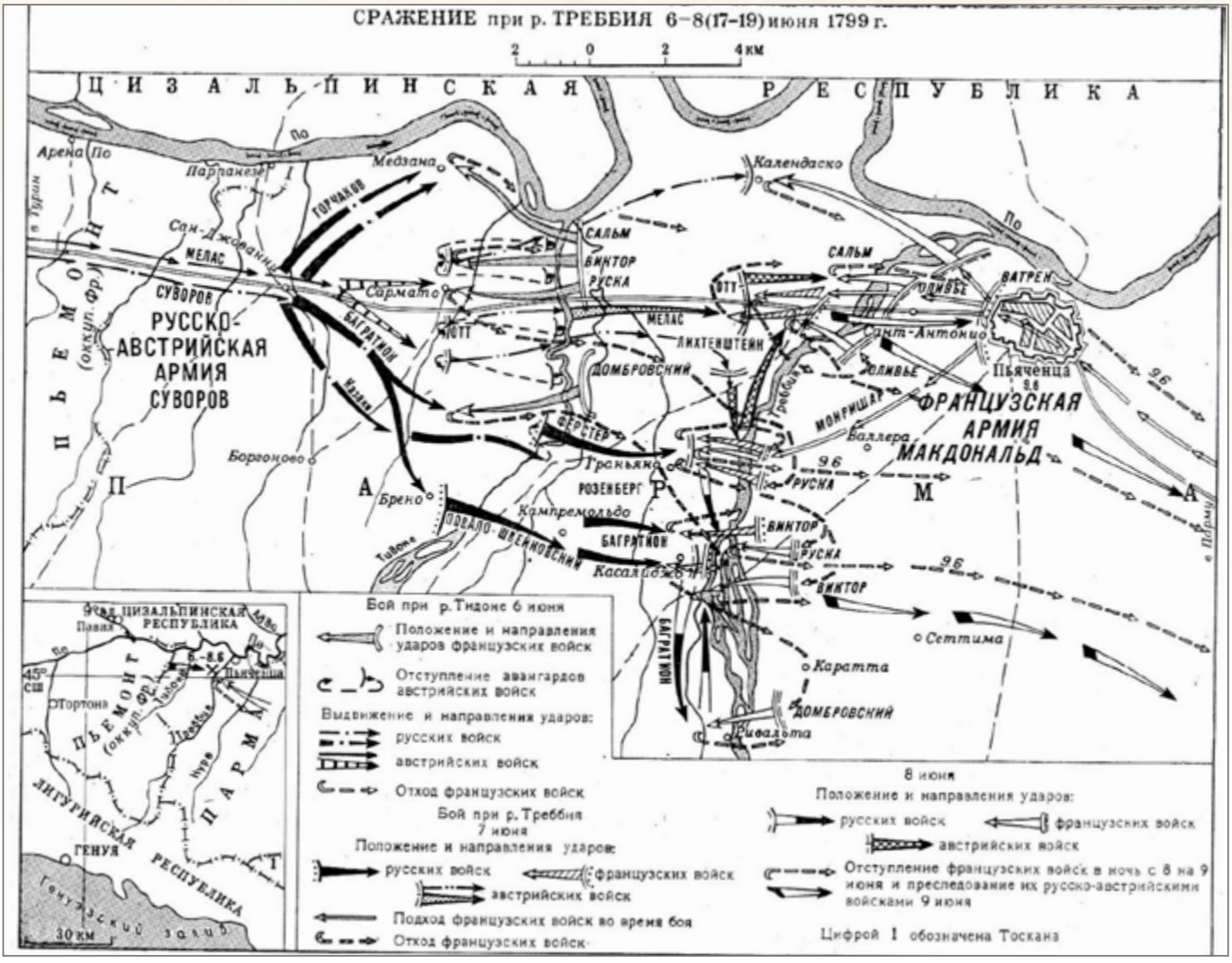
Александрии и Турине, Суворов располагал 80 тыс. австро-русских войск, не считая выставленных против Швейцарии заслонов.

Союзные войска представляли к 11 июня две группы — осадный корпус Края — 30 тыс. — осаждал Мантую, выдвинув на южный берег По авангарды Отта, Гогенцоллерна и Кленау, и главные силы — до 50 тыс. — в районе Турина и Александрии; сам Суворов с ядром находился в Турине.

Моро и Макдональд составили план — ударить на группу Края, захватить русские сообщения и заставить потом Суворова вступить в бой с перевернутым фронтом. Соединение французских армий намечалось на южном берегу р. По, в районе города Парма, против Мантуи.

Макдональд со слабой артиллерией и кавалерией выступил из Флоренции 4 июня, форсированным маршем, четырьмя колоннами, перешел Апеннины, 13 июня разбил авангарды Гогенцоллерна и Кленау близ Модены и 15 занял Парму. Левофланговая дивизия Виктора потеснила авангард Отта за Треббию и заняла Ньяченцу. Но Моро счел свой маневр чересчур опасным и выслал через Апеннины в верховья долины Треббии, по условленному направлению, только 5-тыс. отряд Лапоипа, а сам с главными, силами (около 15 тыс.) решил сделать диверсию к Александрии, чтобы помешать Суворову поддержать Края.

11 июня, получив донесения об угрозе со стороны Макдональда, Суворов бросился из Турина к Александрии, прошел в трудных условиях 90 километров в 58 часов и 13 июня сосредоточил здесь до 33 тыс. Прочие силы находились еще в пути. Установив разделение сил французов на две группы, Суворов решил оставить до 12 тыс. против Моро, а с остальными силами броситься на Макдональда. Неготовность мостов заставила Суворова задержаться у Александрии до вечера 15 июня. Выступив в 10 час. вечера 15 июня, Суворов с 21 тысячью солдат прошел в 36 часов 65 километров, прибыв в Страделлу, он узнал, что дивизия Отта атакована на р. Тидоне Макдональдом. Несмотря на массу отсталых, Суворов приказал продолжать марш под палящим итальянским солнцем, и сам двинулся с конницей на помощь Отту.



▲ Сражение на р. Треббии



▲ Макдональд



▲ Суворов А.В.

Макдональд, в создавшихся условиях, решил обратиться не против Края, а на запад, против Суворова, что позволяло ему сблизиться с Моро. Последний мог обрушиться на тыл Суворова. 17 июня Макдональд располагал на р. Треббии только тремя из своих пяти дивизий. Он атаковал австрийцев Отта и довольно успешно потеснил их на 5 верст к западу от р. Тидоне, когда увидел подходящую конницу Суворова, которая сейчас же бросилась в яростную атаку на обходившие крылья французов. В этих условиях Макдональд решился прервать бой, чтобы подтянуть остальные две дивизии и подождать подхода Моро. Главные силы французов отошли за р. Треббию, авангарды, остались между реками Тидоне и Треббия. Суворов, заставив Макдональда перейти к обороне, достиг первого успеха. Сам он не ждал для вступления в бой сосредоточения: "голова хвоста не ждет".

В течение дальнейших боев 18 и 19 июня силы Макдональда постепенно возросли до 35 тыс., а Суворова — до 42 тыс. Но мы располагали 62 пушками против 28 французских, к тому же почти не имевших огнеприпасов, и огромным перевесом в кавалерии, что заставляло французов жаться к пересеченным берегам реки Треббии и к населенным пунктам и передавало господство на равнине в наши руки.

И 18 и 19 июня Суворов стремился охватить крыло французов, чтобы оттеснить их от Апеннин и окружить, прижав к р. По. С этой целью на правом русском крыле атаковали ударные русские дивизии Багратиона и Повало-Швейковского. Макдональд отвечал ударами по нашему левому крылу, где развернулись австрийцы Меласа; французы грозили отрезать нас от переправы на р. По и отбросить в горы. В этих условиях сражение должно было бы получить самый решительный характер; французская армия должна была бы занять положение тылом к р. По, а русская — тылом к горам, с совершенным отказом обеих сторон от сообщений; но австрийский генерал Мелас ставил много выше обеспечение своих сообщений перед перерывом неприятельских и потому систематически не исполнял приказов Суворова о передвижении резервов с левого крыла к правому. Таким образом, сражение сохранило параллельный характер.

Бои 18 и 19 июня характеризуются также поздним началом боевых действий; в виду крайней усталости обеих сторон, подтягивавшихся 60-километровыми маршами, — французы также покрыли в одну неделю 240 километров, — приказы о начале наступательных движений в 10 час. утра оставались неисполненными; лишь после полудня, к часу дня, удается поднять с биваков и построить пехоту обеих, сторон; ожесточенные бои продолжались до одиннадцатого часа вечера. Только неугомонная энергия Суворова толкала усталые войска вперед.

В бою 18 июня русско-австрийским войскам удалось оттеснить французов за р. Треббию; Макдональд, в общем, оборонялся, не произвел энергичную диверсию против австрийцев. Часть русских, перешед-

ших через Треббию, ночью отошла обратно. 19 июня Макдональд решил перейти в общее наступление, но понесенные потери были уже велики. На южном крыле Багратион быстро расправился с дивизией Домбровского, но оторвался от соседней русской дивизии Повало-Швейковского, которая была полуокружена французскими дивизиями Виктора и Руска. Французские стрелки облепили на удалении 50 шагов наш фронт и расстреливали его. Суворов лично повел освободившиеся части Багратиона и отбросил французов за Треббию. На левом крыле Лихтенштейн, лихой вождь 10 австрийских эскадронов, фланговыми ударами поочередно опрокинул вышедшие на равнину дивизии Монришара и Оливье. На 20 июня не знавший ни физической, ни моральной усталости Суворов готовил окончательный удар. По после очень тяжелого трехдневного боевого состязания измученные форсированными маршами французские войска начали сдавать. Макдональд, отчаявшись дождаться Моро, решил отступить; более 12 тысяч потеряли французы на берегах Треббии; в одной Пьяченце нами было захвачено свыше 7 тыс. раненых. В ночь на 20 июня началось отступление французов; последние еще сохранили достаточно моральных сил для оказания сопротивления арьергардами. Через три недели Макдональд кружными путями привел в Геную 17 тыс. французов — были потеряны 20 тыс. человек — большая половина — и весь Апеннинский полуостров. Наполеон, правда, находил, что этого мало, и что ни один, солдат из армии Макдональда не должен был бы спастись.

Суворов преследовал французов главными силами только на один переход, а для дальнейшего преследования оставил австрийцев Отта; сам же он крупными ночными маршами, в виду жары, двинулся к Александрии, навстречу Моро. Последний 18 июня достиг Александрии и 20 июня собирался начать наступление в тыл Суворова, но, узнав о поражении Макдональда, поспешил уйти за горы в Геную. Потери союзников на р. Треббии превышали 6 тыс., а во всей операции вероятно превышали 12 тыс.

Крепость Мантуя с десятитысячным французским гарнизоном, которую Макдона льду не удалось выручить, сдалась лишь 30 июля. Макдональд, после столкновения с Суворовым, на долгие годы ушел от военного дела.

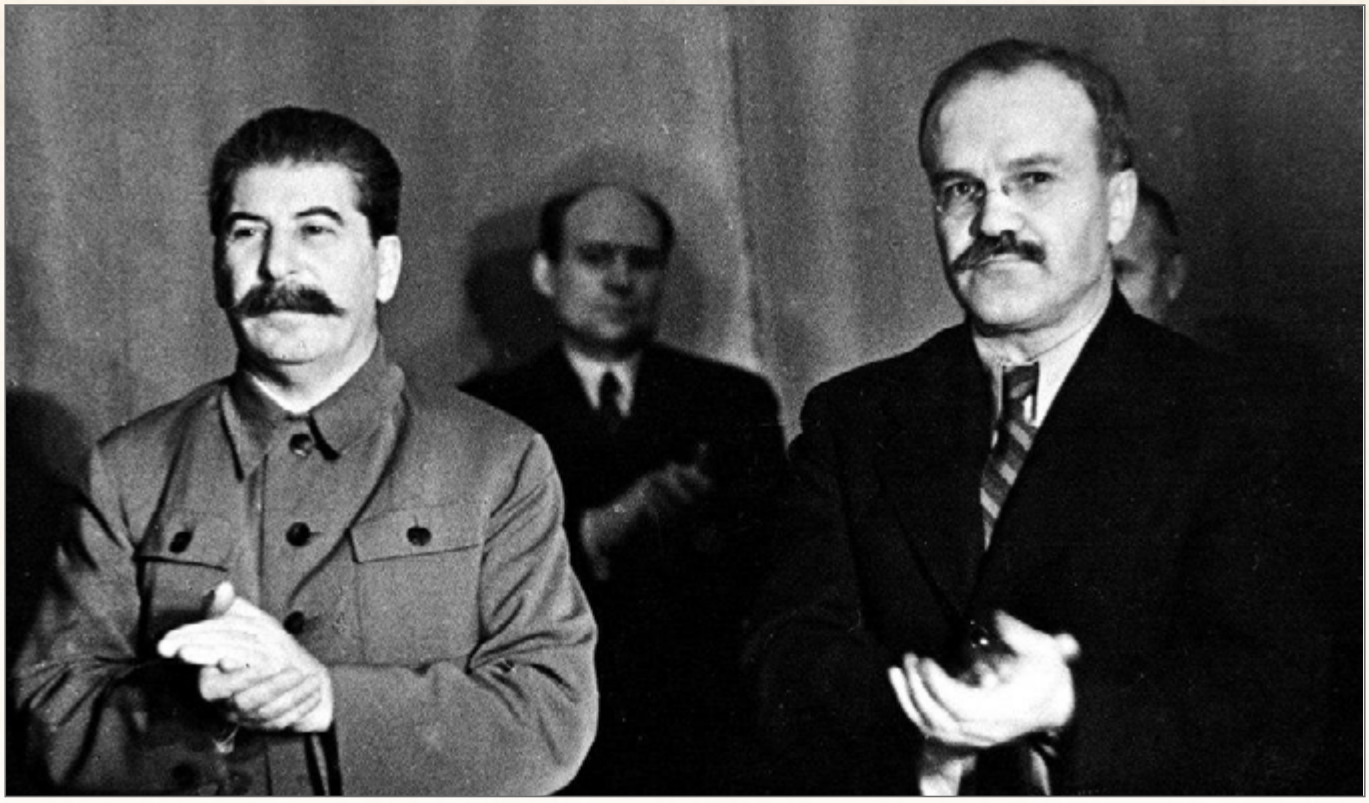
В Италии обстановка не слишком благоприятствовала революционным французским войскам, так как крестьянское население, возмущенное их грабежами, повсюду восставало против них и приветствовало русских (до более основательного знакомства с последними). В условиях 1799 г. русские войска, под руководствам Суворова, сумели выдержать экзамен в борьбе с лучшими французскими генералами и лучшими революционными бойцами. Маневренная Треббия очень далека от Полтавы и Кунерсдорфа — прежних позиционных русских успехов. ■



▲ Сражение на реке Треббии

Г.А. КУМАНЕВ

ВСТРЕЧИ С ВЯЧЕСЛАВОМ МИХАЙЛОВИЧЕМ МОЛОТОВЫМ



▲ И.В. Сталин и В.М. Молотов

Историческая память священна, её искажение совершенно недопустимо, а воспитательное значение военной истории трудно переоценить.

Общая цель фальсификаторов всех мастей представить Россию империей зла, с вековыми традициями деспотии, рабства и мздоимства, отнять у нас героическое прошлое, — сделать Российскую Федерацию изгоем мировой политики, оставить её без будущего. Поэтому нельзя молчать, когда публично пытаются извратить нашу многовековую историю, дать ей какое-то «новое» прочтение и толкование.

Долг каждого гражданина нашего Отечества, честного патриота Родины — защитить историческое наследие Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов от всяких искажений, грязной клеветы, политических спекуляций.



Куманев Георгий Александрович (1931-2018), *советский, российский историк, доктор исторических наук, профессор, академик РАН по Отделению историко-философских наук. Главный научный сотрудник Института российской истории РАН, руководитель Центра военной истории России. Специалист в области истории Великой Отечественной войны. Автор более 250 научных работ. С конца 1950-х годов записал интервью с более чем 80 государственными деятелями, военными, учеными и дипломатами СССР. Эти интервью вошли в объемный сборник «Рядом со Сталиным: откровенные свидетельства».*

В качестве исторических источников свидетельства очевидцев и участников описываемых событий представляют несомненную ценность. Ведь они нередко являются даже единственным в своем роде доказательством или подтверждением того или иного факта, события, явления.

Особый интерес вызывают воспоминания тех, кто был в высших эшелонах государства, занимая руководящие посты в государственных, партийных и военных органах.

Читатель получает возможность ознакомиться с подлинными, а не профильтрованными где-то суждениями по затронутым проблемам со стороны ряда руководителей Советского государства 1941-1945 гг. Это поможет читателям получить более полное представление о многих драматических и героических событиях военного времени, о том, как вместе с рядовыми тружениками тыла руководители советской военной экономики обеспечивали Великую Победу над врагом в суровые годы Великой Отечественной войны.

Сохранить для потомков драгоценные свидетельства непосредственных участников Великой Отечественной войны — задача исключительно важная, благородная и благодарная.

Все мои семь встреч с В.М. Молотовым (1983–1986) были на государственной даче №18 в подмосковном поселке Жуковка-2.

Первая из них состоялась 15 октября 1983 г. О ней договорился с Молотовым бывший управляющий делами правительства в годы войны доктор экономических наук Яков Ермолаевич Чадаев. Наш визит к нему несколько раз откладывался из-за недомогания то Молотова, то Чадаева, но, наконец, все препятствующие причины отпали, и вот мы подъезжаем к даче.

– Он вас давно ждет, — говорит встречающая нас «экономка» Молотова. Шаркающей походкой идет навстречу нам «хозяин» дачи. Он очень изменился, поэтому трудноузнаваем. Большая, наклоненная набок голова, очень редкие, короткие усы, нет пенсне. Дрожащие кисти рук (видимо, болезнь Паркинсона). На Молотове теплая рубашка в крупную клетку с потертым воротником и потертыми рукавами...

Проходим в небольшую гостиную со скромной мебелью. Круглый стол, софа и недорогой сервант с посудой. На серванте овальный художественный портрет жены Молотова — Полины Семеновны Жемчужиной-Молотовой. Около стола — большой телевизор, правда, черно-белого изображения. Несколько стульев под чехлами из белого полотна.

Мы усаживаемся за стол и начинаем беседу. Прежде всего, справляемся о здоровье «хозяина» дачи. Молотов отвечает, что для его возраста оно вполне сносное, хотя после перенесенного в прошлом году воспаления легких стал хуже слышать.

– Мы ведь с Вами земляки, Вячеслав Михайлович? — говорит Чадаев.

– А Вы откуда родом?

– Город Омутнинск Кировской области.

– Ну, если иметь в виду область, то, действительно, земляки — вятичи, — соглашается Молотов. — И в Омутнинске мне доводилось бывать. Но родом я все же из другого места — из села Кукарка. И у меня есть другой известный земляк. Так уж распорядилась история, что из одного села вышли два председателя Совнаркома: Алексей Иванович Рыков и я. (Меня особенно поразило, что имя Рыкова было произнесено Молотовым полностью и даже с каким-то уважением.)

Постепенно мы переходим к разговору на исторические и политические темы. Молотов сам предлагает, чтобы гости расспрашивали его обо всем, что интересует.

Я сразу задаю вопрос о секретном протоколе к советско-германскому пакту о ненападении от 23 августа 1939 г. Был ли в действительности такой дополнительный протокол?

– Трудный вопрос затронули, — замечает Молотов. — Ну, в общем, мы с Риббентропом в устном плане обо всем тогда договорились.

Следующий вопрос касался рассказа А. И. Микояна о том, как германский посол в Москве фон Шуленбург предупредил советское руководство о предстоящей агрессии против СССР.

Молотов задумался, потом ответил:

– Что-то не помню. Вряд ли...

Я. Е. Чадаев интересуется степенью виновности сподручных Берии — Абакумова, Меркулова, Деканозова и других.

– Надо бы внимательно посмотреть все документы, ведь подлинных врагов и нестойких элементов в нашем обществе было немало. И проведенная чистка накануне войны была оправданным делом. Хотя при этом допускались и ошибки, — говорит Молотов и переключает разговор на вопросы текущей политики, нашей внутренней жизни.

– О трудностях нашего развития замалчивать нельзя, — замечает он, — это создает такое представление: что же это за социализм? Этого не хватает, того не хватает. Очень большие испытания. Вот помогаем Польше. Одна она не устояла бы, конечно. Я считаю большим плюсом, что появился Ярузельский. Похож на честного, понимающего социализм, его законы. Он не торопится, и не нужно торопиться. Мы же торопимся. У нас уже объявлен настоящий полный, зрелый социализм. С моей точки зрения, тогда можно говорить о развитом социализме, если он растет, если можно учесть недостатки. Когда же замалчивают отрицательные стороны, получается большой вред. Торопливость порождает оппортунизм. А что сейчас у нас? И хлеба не хватает, и мяса не хватает, материалов для одежды. И то, что мы выдержали, неуклонно все, усиливая социалистический строй, — это все же не дает права сказать: «У нас зрелый социализм». Слово «зрелый» я вообще считаю неподходящим для нас. Но мы идем по пути создания развитого, все более всесторонне развитого социализма. И находимся в самом начале этого пути. Надо еще десятки лет поработать, десятки лет. Причем в условиях, когда мы живем в капиталистическом окружении.

Во всяком случае, наши позиции еще не окрепли, социалистические позиции. Но, когда мы торопливо игнорируем факты, связанные с недостатками, с остатками старого общества в нашей стране, это пользы не приносит, это создает иллюзии и разочарование. И многие разочарованы, на мой взгляд: «Как же так? Социализм десятки лет, а вот не все имеем».



▲ Нолинск, Вятская губерния, дом, где родился Молотов



▲ В.М. Молотов с семьёй

В таких условиях международных, да и внутренних, в которых мы живем, ждать такого быстрого решения коренных вопросов нереально. В прошлом мы не могли особенно об этом думать, потому что, дай Бог укрепить основы социализма. Мы этого добились, не пошли по оппортунистическому пути. Но вот замалчиваем недостатки настолько, что приукрашено все. Приукрашивание нового строя в данных исторических условиях может принести существенный вред. А вот назовите мне книгу, где бы говорилось: «Вот это реальный социализм, а это — остатки капитализма». Такой книги я не видел.

Или возьмем товарно-денежные отношения. Они очень опасны, и их нельзя недооценивать. Наоборот, теперешние теоретики говорят: социализм не может быть без товарно-денежных отношений, это, мол, противоречит марксизму. У Сталина и Ленина на этот вопрос не обращено должного внимания, мне кажется. У Маркса говорится, что в условиях развитого социализма должна быть отмена товарно-денежных отношений, а на первом плане должно быть укрепление появившегося нового строя в экономическом, политическом, культурном плане. Сталин в этом отношении не отступал от марксизма-ленинизма. Налицо сейчас наше отставание от научных взглядов, я так понимаю. Эта точка зрения в нашей литературе не отражена. Кроме записок в ЦК, я об этом пишу.

На этом беседа с Молотовым закончилась. Он подписывает мне свою фотографию. Затем с согласия Вячеслава Михайловича я ставлю свой фотоаппарат на «автомат», и мы втроем фотографируемся.

Мы желаем «хозяину» дачи хорошего самочувствия. Прощаясь, Чадаев говорит:

– Есть секретное лекарство.

– Ну? — удивляется Молотов.

– Да, да, — продолжает Чадаев — воля к жизни.

– Ну конечно, это имеет значение, — соглашается полушутя Молотов. — Я ведь никогда не собирался долго прожить, не думал об этом.

– Но Вы всегда волевой, — замечает Чадаев.

– Да без этого нельзя, — отвечает Молотов.

Пожимая руку Молотову, я замечаю, что она у него достаточно крепкая, напоминает руку молотобойца, кузнеца.

– А как же? — отвечает он. — Я всю жизнь занимаюсь спортом, делаю зарядку, люблю плавание, лыжи.

Невольно подумалось, сколько же деятелей всех рангов обменивались с ним вот такими рукопожатиями: Ленин, Троцкий, Рузвельт, Сталин, Черчилль, Трумэн, Идеи, Гитлер, Эйзенхауэр, Горький, де Голль...

– Может быть, Вам что-нибудь нужно, в чем-нибудь Вам надо помочь? — спрашивает Чадаев.

– Нуждаетесь ли в каких-нибудь книгах? — добавляю я.

– Нет, нет, наиболее интересующие меня сейчас книги имеются, — говорит Молотов. — Но вот хорошо бы к зиме достать мне шерстяную кофту и шапку...

«Какой поворот судьбы, — подумал я. — Бывшее второе лицо в государстве — и без кофты и шапки...»

Из других встреч и бесед с Молотовым остановлюсь еще на трех. 13 июня 1984 г. мы с Я.Е. Чадаевым снова оказались у него в гостях. Незадолго до этого узнали, что Молотов, кажется, 28 мая был восстановлен в рядах КПСС.

С поздравления и начинаем наш разговор. Лично мне было любопытно, какая будет его реакция на наши слова. Я ожидал, что Молотов отнесется к ним довольно сухо и официально, поскольку, как казалось, вопрос для него был слишком выстраданным и наболевшим, тем более что решение об исключении его из партии он упорно считал несправедливым, незаслуженным. Но отреагировал Вячеслав Михайлович на поздравительные слова Чадаева весьма неожиданно.

– Восстановили! Восстановили! — радостно воскликнул Молотов, сидя на стуле, и по-женски всплеснул руками. — Сам товарищ Черненко вручил мне в Кремле партбилет.

Потом лицо его сделалось серьезным, и он громко сказал:

– Это моё исключение сделал Хрущев, потому что я всегда был верен Сталину. Вы меня, кажется, спрашивали, — продолжал он, обращаясь ко мне, — о роли Сталина в Великой Отечественной войне. Так вот, хочу подчеркнуть, что всем нам очень повезло, что с самого начала войны с нами был Сталин. Отмечу хотя бы его огромную роль в руководстве народным хозяйством. Все основные вопросы военной перестройки и функционирования нашей экономики, даже в деталях, он держал в памяти, и умело осуществлял все рычаги управления по заданному курсу.

– Но действительно ли у Сталина была растерянность в первые дни или часы войны, — спрашиваю Молотова.

– А как же Вы думаете? Ведь Сталин был живой человек и на какое-то время неожиданные события его буквально потрясли и ошеломили. Он, в самом деле, не верил, что война так близка. И эта его позиция оказалась ошибочной.

Мы продолжаем наш разговор о событиях Великой Отечественной войны. Из ратных и трудовых подвигов советского народа Молотов особенно выделяет беспримерную, по его словам, в мировой истории эвакуацию.

– Ведь на сотни и тысячи километров, да в каких ужасных условиях, — подчеркивает он, — удалось быстро переместить в тыл фактически целую промышленную страну, миллионные массы людей. И не только переместить, но и разместить, и в самые короткие сроки пустить в действие. Где еще это было возможно?

Он согласен с тем, что у нас об этом подвиге очень мало написано, а опубликованные итоговые цифры перебазирования производительных сил представляется далеко не полными, заниженными.



▲ Министр иностранных дел Японии Мацуока и В.М. Молотов во время подписания пакта о нейтралитете между СССР и Японией, апрель 1941

– Все мы ждем, Вячеслав Михайлович, когда же, наконец, выйдут в свет Ваши мемуары, — говорит Чадаев.

Ответ «хозяина» дачи огорчает:

– Я ничего не написал, у меня ничего нет... Вы хотите сказать, что многие видели меня в свое время работающим над чем-то в Ленинской библиотеке? Так это я просто занимался «политграмотой», для себя. Трижды обращался в ЦК с просьбой допустить меня к кремлевским архивным документам. Дважды получил отказ, на третье письмо ответа вообще не было. А без документов мемуары — это не мемуары».

Еще об одной встрече. Она состоялась 15 мая 1985 г. по инициативе Я. Е. Чадаева. Яков Ермолаевич отдыхал в санатории в Барвихе. Оттуда позвонил мне домой и предложил на его автомашине совершить поездку к В. М. Молотову в Жуковку-2, с которым он уже обо всем договорился.

Я охотно согласился. День у меня был свободный. Накануне я вернулся из Швеции, где по приглашению Общества «Швеция — СССР» выступал с лекциями о 40-летии Победы в Великой Отечественной войне. Правда, на севере страны немного простудился, болело горло, но отказаться от такого заманчивого предложения было невозможно.

По дороге Я. Е. Чадаев спросил, не забыл ли я взять с собой магнитофон: ведь надо обязательно «для истории» разговор с Вячеславом Михайловичем записать. Отвечаю, что все в боевой готовности.

На небольшом крыльце знакомой дачи нас встречает Молотов, приветствует поднятием руки. Мы тепло здороваемся и вместе с ним проходим в гостиную. За несколько месяцев после нашего последнего визита (8 октября 1984 г.) внешне Молотов мало изменился. Только более медленной стала его речь и заметно хуже стал слышать.

(Далее привожу почти полную запись нашей беседы).

Я. Е. Чадаев: Как Вы себя чувствуете, Вячеслав Михайлович?

В. М. Молотов: Средне. Так себе, как говорят, по возрасту.



▲ В.М. Молотов, Жуковка-2

Я. Е. Чадаев: Позвольте вручить Вам от всего сердца мою новую книгу «Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны». Это второе, переработанное и дополненное издание. Георгий Александрович Куманев тоже принес Вам свои новые работы.

В. М. Молотов: Спасибо вам за внимание. С удовольствием их посмотрю. Что еще готовится у вас к изданию в ближайшее время?

Г. А. Куманев: В первую очередь хочу назвать только что опубликованный энциклопедический труд «Великая Отечественная война 1941–1945 гг.» — первое справочное издание такого рода. Потребовало оно от нас очень больших усилий. Кстати, там есть специальные тексты о Вас, Вячеслав Михайлович, и о Якове Ермолаевиче. Помещен даже Ваш портрет.

В. М. Молотов: Обо мне написано в критическом плане?

Г. А. Куманев: Нет, нет. Вполне объективно, хотя текст по объему очень небольшой, не соответствующий Вашим высоким должностям, занимаемым в годы войны.

В. М. Молотов: Это Вы, товарищ Куманев, подарили мне в прошлый раз книгу «Краткая история второй мировой войны»?

Г. А. Куманев: Да. Было такое.

В. М. Молотов: Так вот, я бегло, правда, ознакомился с ней и почему-то не обнаружил там ни одного слова о моей очень ответственной поездке в Вашингтон в первый год войны.

Г. А. Куманев: Не может быть, Вячеслав Михайлович. Ваш визит в США после заключения в Лондоне советско-английского Договора о дружбе и взаимопомощи был

не рядовым событием, и его не могли в книге пропустить.

В. М. Молотов: Ну, я еще посмотрю. Возможно, об этом сказано в каком-то другом разделе. А переговоры тогда с Рузвельтом шли главным образом о необходимости открытия второго фронта в Европе в 1942 году. Американский президент убеждал меня, что США и Англия пока, мол, не имеют необходимое количество судов, чтобы перебросить американские войска на Британские острова, а затем осуществить высадку на Европейский континент. Рузвельт уверял меня, что в 1943 году второй фронт они могут открыть с полной гарантией. Сейчас же — это дело довольно рискованное. Но, тем не менее, он продолжает убеждать своих военных пойти на такой шаг и попытаться высадить во Франции в 1942 году от 6 до 10 дивизий, а там будет видно.

В итоге было много уклончивых заявлений, оправдательных кивков в сторону англичан вместо твердых и конкретных обещаний. Но самое примечательное — и в сорок третьем году наши «верные» и «щедрые» союзники второй фронт не открыли. А слов, обещаний было сказано с их стороны немало. Но требовались вслед за этим реальные дела.

Я. Е. Чадаев: Я хорошо помню все, что связано с этой Вашей командировкой. Когда Вы приехали из Америки, то собрали всех своих замов. И на этом совещании сделали доклад по поводу переговоров в США. А я возьми, да и запиши все, что говорилось на нем. Вам задавали интересные вопросы, особенно, конечно, связанные с перспективами открытия второго фронта в Европе. Вы тогда американских коллег к стенке здорово приперли и в отношении второго фронта, и в отношении военно-экономических поставок. И они тогда немножко зашевелились. Но все равно эти поставки были малозначащими.

В. М. Молотов: Да, в целом они были небольшими, но, тем не менее, и в них мы очень нуждались.

Я. Е. Чадаев: Как говорится: «С паршивой овцы хоть шерсти клок». Но самое важное, по-моему, состояло в том, что и США, и Англия, и Франция, и Канада, и многие другие страны были на нашей стороне.

В. М. Молотов: Конечно, очень важно, что они были нашими союзниками.

Я. Е. Чадаев: Мы все радуемся, что Вам, хотя и много лет, но Вы в норме. К слову, мои знакомые часто интересуются Вашим здоровьем и все время спрашивают: «Написал что-нибудь Вячеслав Михайлович или нет?»

В. М. Молотов: Почти ничего не написал.

Я. Е. Чадаев: Не пишете?

В. М. Молотов: Нет.

Г. А. Куманев: Может, раньше что-нибудь написали?

В. М. Молотов: Так, отдельные заметки, наброски.



▲ В.М. Молотов, Ф.Д. Рузвельт



▲ 1945 г. Крым В.М. Молотов У. Черчилль

Я. Е. Чадаев: В какой-то степени, может быть, стоит что-то обнародовать?

В. М. Молотов: Нет, нет. Меня, конечно, очень интересует: куда мы идем, в какую сторону? Между прочим, внутренняя опасность для нашего развития, для будущего нашего государства имеется, в том числе в области идеологии. Причем опасность весьма реальная.

Я. Е. Чадаев: Вот впереди новый партийный съезд, готовится новая Программа КПСС.

Г. А. Куманев: При Черненко собирались провести его в нынешнем году, но новый генсек Горбачев предложил в следующем, чтобы лучше подготовиться, более серьезно доработать проект Программы.

В. М. Молотов: Согласно нынешней Программе еще к восьмидесятому году намечалось уже создать или построить материально-техническую базу коммунизма. Но ведь это не что иное, как прожектерство и утопия. Как бы опять все это не повторилось.

Я. Е. Чадаев: Будет всенародное обсуждение проектов партийных документов, что все же позволит избежать разного рода поспешностей и прочих забеганий вперед. Вы можете, конечно, помочь, Вячеслав Михайлович, своими советами, своими рекомендациями. У Вас за плечами такой богатейший опыт.

В. М. Молотов: Сейчас он мало кому нужен. В области политики народ может многое подсказать, помочь, а в теоретических основах, в области теории здесь все гораздо сложнее.

Я. Е. Чадаев: Ведь Вы можете много ценного сказать, как переустраивалась отсталая Россия, наше общество, наша экономика, как одержали выдающуюся Победу в войне.

В. М. Молотов: Все это так, но нам надо будущее обеспечить.

Я. Е. Чадаев: Вот бывший нарком, потом министр по строительству Гинзбург года два назад выпустил книгу воспоминаний и назвал ее «О прошлом — для будущего».

В. М. Молотов: Мы с ним встречались, и он мне свою книгу подарил. Я ее почти всю просмотрел. Неплохая книга.

Я. Е. Чадаев: Да, я ее прочитал. Первая часть довольно солидная, интересная, материал богатый. Но вот дальше анализ хода строительства в годы войны представлен слабее, там много пробелов есть.

Г. А. Куманев: Пользуясь случаем, Вячеслав Михайлович, хотел бы Вас вот о чем спросить. До сих пор на Западе бытует такая версия, будто в апреле или июне 1943 года в захваченном врагом Кировограде имели место Ваша встреча с Риббентропом



▲ 1940 г., В.М. Молотов Берлин имперская канцелярия

по вопросу заключения сепаратного мира с Германией. В связи с данным событием состоялось уже несколько международных симпозиумов, последний, например, в ФРГ, во Франкфурте-на-Майне. Что Вы можете сказать по этому поводу?

В. М. Молотов: Все это жулики, жулики, фальсификаторы!.. Посудите сами, ведь это не лето и не осень сорок первого года. Позади победа под Москвой, разгром немецко-фашистских войск в Сталинградской битве. Конец третьего рейха по существу предопределен. И вдруг я еду на встречу с Риббентропом, веду какие-то переговоры о мире, да еще в Кировограде, который в то время был на территории, оккупированной немцами. Чушь несусветная!

Г. А. Куманев: Один полковник из Института военной истории утверждает, что якобы в 1943 году у нас была создана комиссия по сепаратному миру с Германией.

В. М. Молотов: Это тоже чья-то фантазия или обыкновенная ложь. Ничего подобного не было.

Я. Е. Чадаев: Сейчас фальсификаторы истории на Западе здорово оживились, очень активно работают, чтобы всякую неправду выдать за правду.

Г. А. Куманев: Вклад наших союзников в Победу, мягко говоря, сильно преувеличивается, а в прошлом году значение открытого в конце войны второго фронта до небес вознесли.

Я. Е. Чадаев: Неплохо было бы Вам, Вячеслав Михайлович, свое слово по этим вопросам сказать.

В. М. Молотов: И Вы думаете, напечатали бы? По-моему, самое главное сейчас — помочь обеспечить реальный перспективный курс, обеспечить непрерывный рост нашей экономики, повышение жизненного уровня народа, чтобы не было нехваток и дефицита. Об этом надо серьезно думать. И очень важно, чтобы не было поспешности, верхоглядства в выводах и основных положениях партийной Программы.

Г. А. Куманев: Хочу снова Вас спросить: как Вы относитесь к сообщению, о том, что в мае 1941 года посол Германии в СССР фон Шуленбург через советского посла Деканозова, находившегося тогда в Москве, предупредил Советское правительство о предстоящем гитлеровском нападении на нас?

В. М. Молотов: Кажется, что-то было. Но это не имеет особого значения. Как можно было верить Шуленбургу?

Над чем сейчас, Георгий Александрович, работаете со своими коллегами?

Г. А. Куманев: Недавно сдан в набор коллективный труд «Источники Победы советского народа в Великой Отечественной войне», затем тематический сборник статей «Возрождение прифронтовых и освобожденных районов СССР в 1941–1945 гг.». Уже вышли в свет несколько наших книг, приуроченных к 40-летию Победы. И среди них второе издание однотомного труда «Советский Союз в годы Великой Отечественной войны».

Я. Е. Чадаев: Я тоже продолжаю трудиться в этом направлении. Хочу вернуться к теме о нашей первой

крупной победе в битве под Москвой.

В. М. Молотов: А на каких материалах?

Я. Е. Чадаев: Этот период, как известно, был самым тяжелым и опасным. Хочу глубоко проанализировать все трудности, в том числе военно-экономические, а заодно показать роль высшего звена наших руководителей народного хозяйства. У меня много своих записей того времени, много накопилось других источников. Есть и важные архивные документы.

В. М. Молотов: Ну, в добрый путь. Желаю Вам удачно и правдиво осветить эту тему.

* * *

И, наконец, о последней встрече с Вячеславом Михайловичем Молотовым. Она состоялась 13 мая 1986 г. и продолжалась сравнительно недолго, не более сорока — пятидесяти минут. Второй раз в этом году я приехал один: почти полгода назад — 30 декабря 1985 г. — после непродолжительной болезни скончался Яков Ермолаевич Чадаев.

Молотов выглядел осунувшимся, немного усталым, один глаз был полузакрытым. («Веко уже не держит», — пояснил он.) Я вручил Вячеславу Михайловичу энциклопедию «Великая Отечественная война 1941–1945 гг.», в создании которой принимал участие, и предложил прочитать вслух текст о нем.

– Прочтите, — согласился он. — Интересно узнать, как там меня пропесочили.

Слушал прочитанное мной внимательно, слегка покачивая головой, но никаких замечаний не сделал.

Рассказываю Молотову о недавно состоявшейся беседе в Обществе дружбы «СССР — Финляндия» (где я являюсь первым вице-президентом) с бывшим советским посланником в Хельсинки Павлом Дмитриевичем Орловым, который сообщил интересные сведения, связанные со вступлением Финляндии в войну против Советского Союза на стороне фашистско-милитаристского блока.

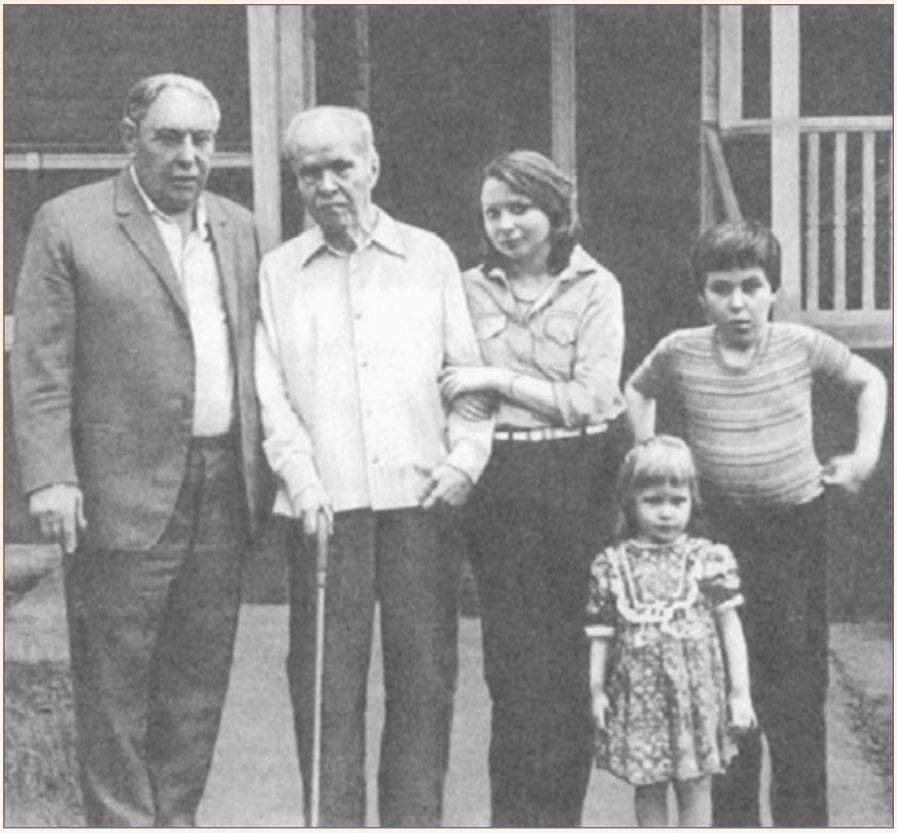
Незадолго до гитлеровской агрессии против СССР П. Д. Орлов получил от Наркомата иностранных дел СССР указание: как только произойдет фашистское нападение, он должен немедленно встретиться с финским министром иностранных дел Рольфом Виттингом и сделать ему одно важное предложение. Советское правительство готово сесть за стол переговоров с финскими представителями по вопросу о возвращении Финляндии территорий, которые отошли к СССР в результате «Зимней» войны, но при условии, что Финляндия будет соблюдать строгий нейтралитет в войне между Германией и Советским Союзом.

Однако, по словам Орлова, Виттинг поначалу даже отказался принять 22 июня 1941 г. советского посланника. А когда встреча все-таки тогда состоялась, глава финляндского МИДа никак не смог дезавуировать содержавшееся в декларации Гитлера заявление (ее обнародовал по берлинскому радио Геббельс, о чем сразу же сообщило финское радио), что Германия вступает в войну «вместе с нашими финскими братьями по оружию... » Виттинг только попытался «разъяснить», что, мол, фюрер имел ввиду защиту немцами Финляндии, а не какое-то совместное нападение.

Что касается переданного Орловым предложения Советского правительства относительно переговоров по территориальным вопросам при условии нейтралитета Финляндии, то Виттинг его просто проигнорировал, обошел полным молчанием.



▲ В.М. Молотов и.Б. Тито



▲ Молотов с внуками

– Что Вы можете сказать по этому поводу, Вячеслав Михайлович? — спросил я «хозяина» дачи.

Молотов немного оживился и подтвердил, что советский посланник в Хельсинки действительно имел поручение НКИДа, заметив при этом: СССР был крайне заинтересован в том, чтобы Финляндия не оказалась вовлеченной в войну на стороне фашистского рейха и что «тогда ведь нам еще не было известно, как крепко была повязана немцами наша северная соседка в агрессивном плане «Барбаросса». Молотов напомнил, что 23 июня он пригласил в наркомат финляндского поверенного в делах Хюннинена и попросил дать объяснение по поводу заявления Гитлера о «финских братьях по оружию». Но тот никакого ясного ответа дать не смог.

– А между тем, — продолжал Молотов, — 22 июня Финляндия уже фактически приняла участие в нападении на нашу страну, предоставив германским войскам свою территорию, аэродромы, морские порты, прочие военно-стратегические объекты и совершив другие вероломные агрессивные акты.

Тем не менее вплоть до августа 1941 г. мы не оставляли попыток по различным каналам зондировать возможность вывода Финляндии из войны и организации переговоров по указанным вопросам. И когда стало уже совершенно ясно, что финская правящая верхушка этого делать не намерена, Сталин дал указание все наши попытки прекратить. «Тем самым Финляндия, грубейшим образом нарушив положения и все клятвенные обязательства Московского мирного договора, сама отказывается от возможности мирного решения территориальных проблем, и этот вопрос отныне навсегда закрывается», — заявил он.

– Могу еще добавить, — сказал Молотов, что в августе и октябре 1941 г. правительство США трижды поднимало перед правителями Финляндии вопрос о прекращении ее наступательных действий на советской территории и о возможности восстановления мира между СССР и Финляндией. Ответом финской стороны была разнузданная антисоветская клевета и подтверждение своей верности Гитлеру в совместной агрессивной войне против Советского Союза.

Я не стал, как прежде, расспрашивать его по другим, так интересовавшим меня «наболевшим» вопросам и в нашей беседе, оказавшейся последней, мы поговорили еще о ряде текущих перемен в стране и материально-бытовых делах.

Молотов сообщил, что ему недавно установили весьма приличную пенсию как бывшему Председателю Совнаркома СССР. Предложили, кроме того, выплатить разницу в пенсионных окладах (набегала кругленькая сума). Но он попросил эти деньги перевести на счет одного из детских домов.

Подошло время лечебных процедур. Мы успели сфотографироваться по моей инициативе, и я, извинившись, попросил «хозяина» дачи подобрать мне что-нибудь из его мелочи на память.

– А что, например, Вы хотели бы? — спросил Вячеслав Михайлович.

– Ну, может быть, уже ненужное Вам пенсне или ручку, или что-нибудь другое.

– Хорошо, что-нибудь подберу, — пообещал, улыбнувшись. Молотов.

Уже прощаясь, с какой-то призрачной надеждой, «в интересах истории» я предложил ему начать подготовку мемуаров, делая диктовки стенографистке...

– Поздно, слишком поздно, — последовал ответ.

Вскоре после кончины В. М. Молотова (8 ноября 1986 г.) мне позвонила племянница П. С. Жемчужиной-Молотовой — Сара Михайловна — и сообщила, что, несмотря на продолжительную и тяжелую болезнь Вячеслав Михайлович не забыл о своем обещании и незадолго до смерти просил передать мне свою книгу, пенсне с футляром и ручку, которой он подписывал много различных государственных и международных документов.

Из неопубликованных документов

Из постановления Государственного Комитета Обороны № 4 от 3 июля 1941 г. «О программе выпуска артиллерийского и стрелкового вооружения, плане эвакуации заводов Наркомата Вооружения и создании новых баз».

«1. Утвердить представленную Комитетом по вооружению и боеприпасам при Бюро Совнаркома Союза ССР программу выпуска основного артиллерийского и стрелкового вооружения заводами Наркомата Вооружения, согласно приложению № 1.

... 3. Утвердить план эвакуации заводов Наркомата Вооружения и создания новых баз по производству артиллерийского и стрелкового вооружения, патронов и приборов, согласно приложению № 5».

Зам. Председателя ГКО В. МОЛОТОВ

Распоряжение Государственного Комитета Обороны от 6 июля 1941 г.

«1. Обязать Управление Государственных Мобилизационных Резервов при Совнаркоме СССР переместить часть мобилизационных резервов в количестве 20 млн. банок мясных и 13 млн. банок рыбных консервов с территории ЗАБВО и ДВФ на территории СИБВО на базы УМР в Агинске, Канске и Красноярске и на склады НКО в Красноярске, Омске и Новосибирске.

2. Обязать НКПС обеспечить перевозку указанных консервов».

Зам. Председателя ГКО В. МОЛОТОВ

Постановление Государственного Комитета Обороны от 9 июля 1941 г. «Об обеспечении производства танков Т-34 на заводе «Красное Сормово».

«Государственный Комитет Обороны постановляет: Установить следующий график выпуска танков Т-34 на заводе «Красное Сормово» в 1941 г.: август — 10 шт., сентябрь — 75 шт., октябрь — 150 шт. и декабрь — 250 танков».

Зам. Председателя ГКО В. МОЛОТОВ

Постановление Государственного Комитета Обороны от 20 июля 1941 г. «О принятии на вооружение горючей смеси № 2 и изготовлении бутылок с указанной смесью».

«Государственный Комитет Обороны постановляет:

1. Принять на вооружение Красной Армии бутылки с горючей смесью № 2 состава: сосновой живицы — 40%, скипидара — 30%, бензина 2-го сорта — 25% с воспламенителем со смесью азотной кислоты и олеума.

2. Обязать Наркомлес СССР (т. Салтыкова) изготовить бутылок с горючей смесью № 2: в июле — 500 тыс. шт. и в августе — 3 млн. шт.

Зам. Председателя ГКО В. МОЛОТОВ

ВЛАДИМИР СТРЮКОВ

ТАКТИКА ДЕЙСТВИЙ ПАРТИЗАН

Боевая деятельность, да и жизнь партизанских формирований протекала в условиях вражеского окружения. Партизаны в любой момент могли подвергнуться нападению со стороны немцев. Поэтому чрезвычайно важное значение приобретала поддержка партизан местным на¬селением. Без этой поддержки невозможна была сколько-нибудь широкая и продолжительная борьба партизанских формирований.



▲ Минирование железнодорожного полотна

Местные жители укрывали партизан. Предупреждали их об опасности. Служили разведчиками, проводниками, связными. Оказывали партизанам посильную помощь продуктами питания, одеждой, обувью. Нередко принимали непосредственное участие в боевых операциях. В зонах активного партизанского движения партизаны и местное население, по сути дела, составляли единый боевой коллектив.

Способность стремительно и скрытно передвигаться, наносить внезапные удары по врагу, быстро рассредоточивать силы и собирать их в определенном месте и в определенный момент, умение продолжительное время действовать мелкими группами на обширной территории — эти и другие требо-

вания тактики партизанской борьбы становились во главу угла при организации партизанских формирований.

Понятно, что не сразу оптимальное решение этой проблемы было достигнуто. В начале войны при отсутствии опыта партизанской борьбы в организации партизанских формирований имели место элементы стихийности.

Действия множества партизанских групп и отрядов на обширных территориях в значительной степени лишали немцев их преимуществ. На резко пересеченной местности фашисты не имели возможности эффективно использовать против партизан артиллерию, танки, авиацию.

Врагу было трудно обнаруживать и преследовать партизан, хорошо знавших свои районы и опиравшихся на поддержку населения. Партизанские отряды нападали на врага внезапно, в любое время, своевременно выходили из боя или уклонялись от него.

Но большое число разрозненных партизанских отрядов и групп было трудно управляемо. Их действия было очень сложно координировать, при решении даже простых задач, не говоря уже о проведении крупных операций, под единым командованием.

Эта необходимость концентрации и координации действий партизанских сил для проведения совместных операций вызвала к жизни рождение таких партизанских формирований, как партизанские соединения. Эта новая организация ни в коем образе не лишала партизанские формирования преимуществ, связанных с особенностями действий небольших партизанских групп и отрядов. Основной организационной единицей соединений оставался партизанским отряд.

Отряды базировались отдельно друг от друга и в зависимости от обстановки действовали по плану командования соединения отдельно или совместно. В случае необходимости соединение быстро рассредоточивалось, в результате чего фашисты теряли свое превосходство в живой силе и технике.

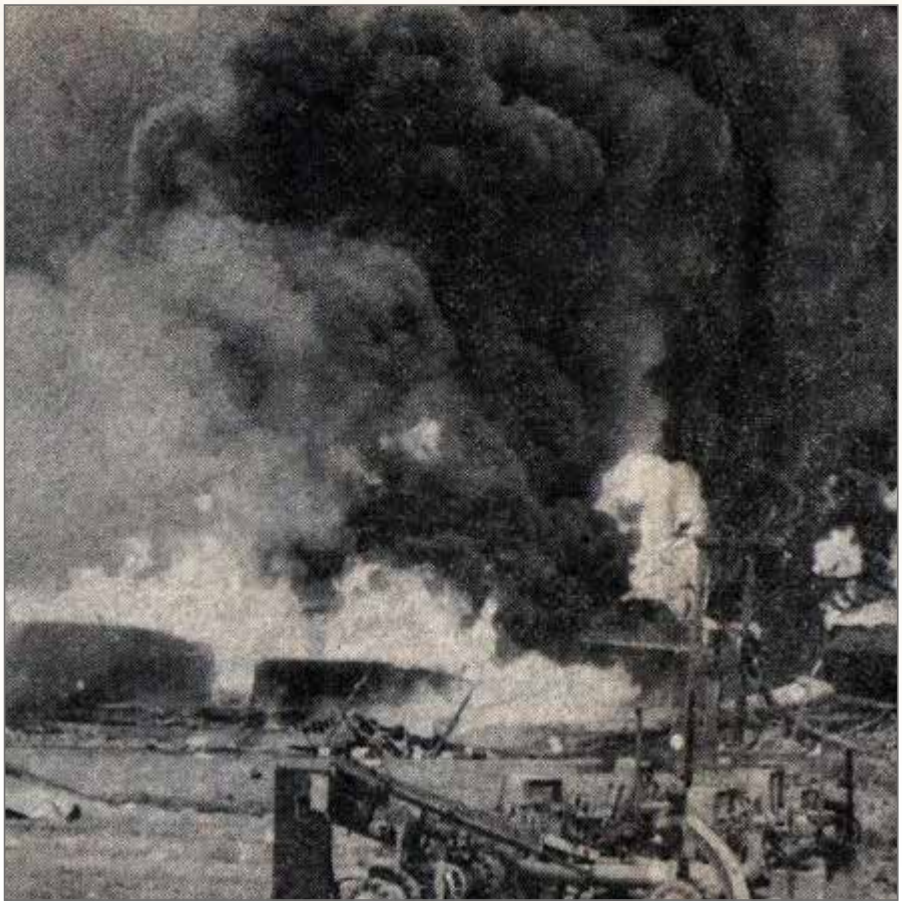
Партизанские силы состояли из региональных (местных) формирований и из отрядов и соединений, не связанных с определенными местами действий. Региональные формирования постоянно базировались в одних и тех же районах. В ходе боевых действий им приходилось менять свои базы, но во всех случаях они тяготели к своим районам.

Нерегиональные формирования совершали продолжительные рейды. Они сражались с фашистскими захватчиками в различных районах, не останавливаясь в них на сколько-нибудь продолжительное время. Эти партизанские формирования были подвижными резервами советского командования (штабов партизанского движения).

Такие рейдирующие соединения партизан умело и эффективно применялись в партизанской борьбе в целях сосредоточения и массирования сил на главном направлении.

Приобретя богатый опыт рейдирования и действий на незнакомой местности — ценнейшее качество нерегиональных соединений позволило им, двигаясь на запад, в 1944 году выйти на территории сопредельных стран Польши, Чехословакии, Венгрии.

Широко применялась такая форма, как «система подотрядов». Действовавшие партизанские отряды направляли в новые районы небольшие группы — по пять-шесть опытных партизан организаторов. Они изучали обстановку, устанавливали связи с местным населением, с их помощью создавали продовольственные базы для партизан. После чего командование отрядов направляло в помощь организаторам новые группы. Таким образом, формировалось крепкое партизанское, ядро-подотряд. «Материнский» отряд, как правило, имел несколько подотрядов.



▲ Ликвидация промыслов



▲ Банов И.Н.



▲ Сабуров А.Н.

Небольшие по своей численности подотряды имели свои штабы (командование), группы подрывников, разведчиков, отборных бойцов — будущих командиров подразделений. Это были партизанские отряды в миниатюре. «Материнский» отряд оказывал подотрядам всестороннюю помощь, а выросшие на базе подотрядов новые партизанские формирования, в свою очередь, служили исходным пунктом новой сети подотрядов.

Случалось так, что в результате стремительного наступления Красной Армии зимой и весной 1944 года партизанские соединения, сражавшиеся на Украине, оказывались на освобожденной от врага территории. Они не могли «оторваться» от стремительно наступавших наших войск.

Летом 1944 года соединения партизан были перегруппированы и в составе партизанских отрядов самолетами переброшены за линию фронта, где пополнились за счет местного населения и развернули активную боевую работу.

Численность партизанских соединений колебалась от несколько сот до 3-4 тысяч человек и более. Соединения состояли из четырехсеми и более отрядов (или батальонов и даже полков), отряды из рот, взводов или боевых групп.

Вооружение партизанских формирований было весьма разнообразным, но преобладало легкое вооружение. Ручные пулеметы, автоматы, винтовки, карабины, гранаты. Во многих отрядах и соединениях на вооружении были минометы и станковые пулеметы, и даже артиллерия. В Черниговско-Волынском, Сумском, в соединениях белорусских партизан, у М.И. Шукаева, Я.И. Мельника, И.Н. Банова, Житомирском партизанском соединении А.Н. Сабурова, у С.Ф. Маликова и ряде других партизанских соединений были артиллерийские дивизионы. В некоторых случаях партизаны использовали танки, оставленные войсками на полях сражений.

Типичным для партизан было стремление иметь как можно больше автоматического оружия и гранат. Эти средства не стесняли маневра партизан, отвечали требованиям быстротечного ближнего боя и создавали высокую плотность огня.

Особенно ценным для партизан являлось минно-взрывное вооружение, которое позволяло эффективно вести борьбу с противником, не вступая с ним в боевое соприкосновение.

Партизаны в основном были вооружены нашим оружием. Трофеи составляли лишь от 5 до 20 процентов оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ, использованных партизанами. Снабжение партизан материально-техническими средствами постоянно возрастало.

Реальность планирования и проведения операций партизанских сил во многом зависела от улучшения материально-технического обеспечения партизанских отрядов и соединений.

Партизаны нападали на противника в моменты наименьшей способности его к сопротивлению, быстро и резко изменяли способы действии, широко использовали для выполнения боевых задач и передвижения вечернее и ночное время, непогоду, за очень короткий срок скрыто сосредоточивали силы для нанесения удара и организованно выводили их из боя.

На Большой земле из подготовленных партизанских сил штабы партизанского движения создавали организаторские, разведывательные и разведывательно-диверсионные группы для активизации и развития партизанской борьбы в тылу врага. Организаторские группы состояли из 9-12 человек и более, все зависело от задач, выполняемых ими. Организаторские группы, выброшенные в тыл врага на парашютах, должны были превратиться в крупные отряды за счет населения. Вместе с ними были подготовлены разведывательные и разведывательно-диверсионные группы для самостоятельных действий. Такая работа широко проводилась во всех штабах (партизанских отделах) фронтов.

С обеспечением транспортными самолетами партизан эта работа значительно активизировалась. Весной 1943 года начальник Генерального штаба Красной Армии Маршал Советского Союза А. М. Василевский распорядился, чтобы командующий дальней авиации генерал А. Е. Голованов, выделял «партизанскому фронту по их заявкам транспортные самолеты Си-47 и Ли-2». Со Старобельского аэродрома в распоряжение штаба партизанского движения Юго-Западного фронта стали выделяться транспортные самолеты.

Командующий фронтом генерал Р. Я. Малиновский предложил согласовать места высадки (десантирования) и районы боевых действий партизанских групп с Украинским штабом партизанского движения, а если возможно и с местными партийными органами. Максимально использовать партизанские силы и как можно лучше в интересах наступающих войск фронта. Начальник штаба фронта генерал-лейтенант Ф. К. Корженевич согласился с предложением партизанского отдела «выброску партизанских групп произвести в отдаленные районы, в глубокий тыл группы армий «Юг».

«Партизаны, с которыми мы могли бы поддерживать постоянную связь и передавать им свои указания, должны оседлать основные коммуникации Манштейна. Во многих местах партизаны уже действуют, но у нас нет связи с ними. Хорошо бы согласовывать удары партизанских сил с нашими задачами».

Согласно плану выброску организаторских групп осуществить близ крупнейших промышленных центров Украины, и прежде всего у Запорожья, Кировограда, Днепропетровска, Кривого Рога, Никополя, близ Полтавы, Сталино (современный Донецк), Харькова. Необходимо было парализовать вражеские коммуникации: Чугуев — Полтава — Кременчуг, Славянск — Лозовая — Полтава — Сталино — Павлоград — Днепропетровск, Красноармейское — Запорожье, Шевченко — Мелитополь, Харьков — Лозовая, Сталино — Мариуполь.

Партизанские группы полученную разведывательную информацию должны незамедлительно передавать на Большую землю. На крупных железнодорожных узлах создать свою постоянную партизанскую разведку для всестороннего сбора ин-



▲ Голованов А.Е.



▲ Кривец А.Е. командир ПО



▲ Результаты партизанской диверсии

формации о военных перебросках в тылу армий Манштейна, намерениях врага и др.

Формируя организаторские группы, партизанский штаб не мог удовлетворить все просьбы добровольцев, стремившихся как можно скорее оказаться в тылу врага. В те дни в штаб приходили многочисленные рапорты и заявления от патриотов: «сделать все для того, чтобы отстоять свободу и независимость Советской Родины, разгромить фашистских захватчиков, умереть или одолеть врага».

Рапорт инструктора миннoподрывного дела Виктора Михайловича Бурого от 30 июля 1943 года.

«...Я был направлен в вашу часть в качестве инструктор миннoподрывного дела из Украинского штаба партизанского движения. Проработав в этой должности с 23.IV.43 по сегодняшний день, я повседневно передавал все свои знания людям, вверенной вам части. В этот момент, когда части Красной Армии ЮЗФ перешли в наступление, я хочу быть в рядах славных украинских партизан и на деле применять свои знания, разрушая коммуникации противника, взрывая склады и внося панику в ряды фашистских мерзавцев. Я жизнью обязан своей Родине, которая меня учила и воспитывала, а поэтому прошу вас зачислить меня в группу «полтавцев» (ком. Тканко), которая уходит на задание. Клянусь вам, что буду храбро и смело сражаться против фашистских собак, а если понадобится, отдам и жизнь за освобождение родной Украины и всей нашей великой Родины».

На рапорте Виктора Бурого указание: «Тов. Бурого включить в группу, которая будет вылетать последней, а до этого его использовать в качестве инструктора по подготовке всех групп».

Война застала В.М. Бурого в Днепровском речном пароходстве, где он, студент третьего курса Киевского речного техникума, проходил практику в качестве помощника капитана на одном из судов. Практика оказалась боевой в полном смысле. Пароход, на котором стажировался Бурый, перевозил раненых в тыл, а из тыла доставлял на передовую подкрепления. Продолжалось так до тех пор, пока гитлеровские войска не подошли вплотную к Днепру. Бурый оказался на Дону, а осенью 1941 года — в Казани, где продолжал учебу в местном речном техникуме.

В январе 1942 года в составе Казанской стрелковой дивизии он добровольцем ушел на фронт командиром отделения роты истребителей танков. В бою за населенный пункт Зайцева гора на Юхновском направлении был тяжело ранен. Лечился в госпитале в Коврове Владимирской области. Затем поступил во Владимирское пехотное училище. Ему предложили учебу в другом месте, готовиться к действиям в тылу врага. Боевое крещение состоялось на Северо-Кавказском фронте, где он был заброшен во вражеский тыл катером по морю. В апреле 1943 года, Бурый, выполнив возлагавшееся на него за-

дание, прибыл в распоряжение штаба партизанского движения на Юго-Западном фронте.

Трижды В. М. Бурый забрасывался в тыл врага в составе группы А. В. Тканко: в августе 1943 года — в Полтавскую область, в сентябре — в Киевскую, в марте 1944 года — в Черниговскую и в июле 1944 года уже в качестве начальника штаба соединения — в Закарпатье. Находясь за линией фронта, В. М. Бурый готовил подрывников из местных партизан, сам минировал железные дороги и пускал под откос вражеские поезда на участке Киев — Яготин, уничтожал гитлеровскую технику на автотрассе Полтава — Киев, взрывал мосты через притоки Днепра, участвовал в руководстве партизанскими действиями крупного соединения.

За образцовое выполнение боевых заданий в тылу врага В. М. Бурый был награжден многими правительственными наградами. После войны генерал-майор В. М. Бурый был заместителем министра внутренних дел Украинской ССР.

Одной из первых на Юго-Западном фронте в ночь с 27 на 28 июля 1943 года высадилась в тылу врага организаторская группа И. Д. Мединского, состоявшая из 12 человек. Ее выбросили на парашютах в Винницкой области, в районе Шабельнянского леса, где по данным штаба, действовали местные партизанские отряды. Они возникли здесь еще осенью 1941 года, но все это время не имели связи с Большой землей. Особенно досаждали фашистам отряд им. В. И. Ленина под командованием А. Г. Кондратюка, отряд «За Родину» во главе с И. А. Рыбаченко, отряд Монастырищинского района, которым командовал И. И. Калашник. Здесь же, в Шабельнянском лесу, находился межрайонный подпольный партийный комитет, руководимый А. К. Микитенко, который практически выполнял функции подпольного обкома партии. Группе И. Д. Мединского предстояло наладить связь всех этих партизанских сил со штабом партизанского движения Юго-Западного фронта, координируя их действия с действиями и задачами войск фронта.

Когда группа высадилась, стало известно, что А. К. Микитенко героически погиб в стычке с гитлеровцами в селе Кубличи, и межрайонный подпольный партийный центр Винницкой области возглавил М. С. Корнейчук. 24 августа 1943 года состоялось заседание центра, на котором по предложению И. Д. Мединского было принято решение об объединении партизанских отрядов в соединение под командованием А. Г. Кондратюка. Группа И. Д. Мединского стала выполнять роль оперативного центра по руководству партизанскими действиями, получая указания из штаба партизанского движения фронта. Впоследствии, когда в бригаде появилось больше радиосредств, А. Г. Кондратюк и даже командиры отдельных отрядов стали поддерживать прямую связь с партизанским штабом фронта, осуществляя боевые действия в интересах войск фронта.

В начале августа 1943 года началась заброска организаторских партизанских групп в район Ирдынского леса в Полтавской области. 2 августа самолетом с группой 10 человек вылетел Я. И. Сиворонов. Несмотря на то, что о местности, куда высаживались партизаны, имелись лишь общие сведения, группа приземлилась благополучно. А вот грузы попали к противнику, так как во время выброски по дороге, пролегавшей неподалеку от леса, шли немецкие машины. В эту ночь сюда десантировалась еще одна группа из 10 человек во главе с Г. П. Преймаковым. Но партизаны на этот раз приземлились менее удачно. Они оказались в 30 километрах от Ирдынского леса близ села Орловец. Часть партизан на парашютах приземлилась прямо на село, где стоял гарнизон противника. Сюда же попали и грузы. Однако партизанам все же удалось оторваться от преследования и уйти в Ирдынский лес.

Спустя три дня в тот же район десантировались еще две группы во главе с Н. П. Михайличенко и П. П. Медведенко. Несмотря на то что уже имелась связь с Я. И. Сивороновым и сигнал-костры выкладывались на месте ожидаемого приземления ежесуточно, группа Н. П. Михайличенко, как и группа Г. П. Преймакова, приземлилась в селе Большое Староселье, где находился гарнизон противника. Туда же попали и грузовые мешки. Из-за того что выброска произошла на село, из 11 человек собрались лишь девять. Партизан Кравцов оказался в руках гитлеровцев и под пытками сошел с ума. Отбилась от группы и медсестра Будыльская. Сделали дневку в огородах неподалеку от Большого Староселья. Ночью перешли в лес. Стали искать своих товарищей. Вместо них встретили молодых рабочих из лесничества.



▲ Организаторская группа

Михайличенко представился им как летчик с подбитого советского самолета, разыскивающий членов своего экипажа. Рабочие согласились помочь «летчику». Договорились, что они поездят по селам, узнают, не слышно ли что о его «экипаже» или других советских парашютистах. Условились о «почтовом ящике» в лесу, если по каким-либо причинам встретиться больше не удастся.

Расположившись в лесу, партизаны стали ждать посланцев. Внезапно послышалась немецкая речь и еще чей-то говор. Приготовились к бою.

ИЗ ДОКЛАДА НАЧАЛЬНИКА ЮШПД СЕЛЕЗНЕВА П. И. НАЧАЛЬНИКУ ЦЕНТРАЛЬНОГО ШТАБА ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ П. К, ПОНОМАРЕНКО О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДИВЕРСИОННЫХ И ПОДПОЛЬНЫХ ГРУПП В ТЫЛУ ВРАГА

22 апреля 1943 г.

...Как Южный штаб, так и партизанские отряды засылали в глубокий тыл противника диверсионные группы и одиночек. Всего, по неполным данным, было заслано в тыл противника 400 человек.

Группа партизан (командир группы тов. Сероштан), выброшенная в Ново-Титаровский район, сумела при отступлении немцев задержать свыше 900 голов крупного рогатого скота, распропагандировать несколько десятков словацких солдат, сдавшихся частям Красной Армии, предотвратила эвакуацию немцами мужского населения, захватила 8 немцев в плен, уничтожила 24 солдата и офицера противника, предотвратила взрыв нескольких общественных зданий, до вступления частей Красной Армии в станицу восстановила Советскую власть и не дала возможности скрыться предателям Родины.

Группа партизан отряда имени Кочубея Усть-Лабинского района не дала возможности немцам угнать свыше 1 000 голов рогатого скота, вывезти большое количество зерна, предотвратила взрыв общественных зданий, захватила в плен 6 немецких подрывников.

Диверсионная группа (командир группы Косинцев Г. В.) в Ярославском районе в ноябре 1942 г. Подожгла склад с боеприпасами и продовольствием.

В Ново-Покровском районе организованная партизанами группа (командир группы Пономарев) в январе 1942 г. Уничтожила 12 солдат и офицеров противника.

В станице Лабинской в декабре 1942 г. Членами ВКП(б) тт. Заикиной Евгенией Павловной и Подыма Тамарой Ивановной была организована партизанская группа, которая распространяла листовки, призывающие население к борьбе с оккупантами и организации партизанского движения в тылу противника.

В станицах Хадыженская, Нефтегорская, Апшеронская партизанами были организованы 3 группы из молодежи, которые вели свою работу под руководством партизан, систематически нарушали связь противника, передавали разведданные о противнике.

Диверсионная группа (командир Чайка) 25 декабря 1942 г. Забросала гранатами и расстреляла из автоматов 30 офицеров, справлявших рождественский праздник в рабочем клубе Нефтегорска...

Группа партизан-подпольщиков (6 человек) Успенского района, под руководством тов. Тарасова (бывшего директора МТС), проделала следующую работу:

Тов. Тарасов организовал 6 партизанских групп — 68 человек, которые с октября 1942 г. Уничтожили 6 немецких обозов с продовольствием, пустили под откос эшелон — паровоз и 60 вагонов, уничтожили 115 солдат и офицеров, взяли в плен 2 офицера и 53 солдата. Деморализовали работу полиции в станице, истребили значительную часть полицейских, изъяли у старосты третий список, по которому подлежали изъятию советские граждане-коммунисты; выкрали 30 паспортов товарищей, которые подлежали расстрелу; предотвратили уничтожение общественных зданий в районе, сумели разобрать трактор и комбайны, тем самым спасли их от уничтожения.

Группа тов. Тарасова за все время нахождения в тылу противника захватила трофеи: пулеметов — 23, автоматов — 22, винтовок — 85, патронов — 24 000, ручных гранат — 541, 12 катушек телефонного кабеля, 16 мотоциклов, уничтожила 3 продовольственных отряда (фашистов).

Партизаны в районе пользовались большим авторитетом и уважением со стороны местного населения, которое их снабжало продовольствием, перевозило через р. Кубань, прятало от немцев, давало сведения о передвижении войск противника и т. д.

В г. Армавире возникла группа из 13 человек под руководством т. Ованесова (инвалида Отечественной войны), которая имела свой радиоприемник, распространяла среди населения сводки Совинформбюро, уничтожала связь, а в период отступления немцев из города организовала тушение пожаров, резала шнуры к минам, чем спасла ряд предприятий.

Непосредственно Южным штабом было заброшено в тыл противника 10 диверсионных групп — 40 человек, одна из групп (командир т. Мищенко) пустила под откос воинский эшелон… В результате уничтожены паровоз, 28 вагонов и до 100 солдат и офицеров противника, телефонно-телеграфная связь, подорваны автомашины с солдатами.

Вторая группа (командир т. Кожанов) в районе Баранчевская взорвала ж.-д. мост протяженностью 35 метров, порвала телефонные провода, разрушила ж.-д. путь ит. д.

Начальник Южного штаба

Партизанского движения Селезнев

Основными способами боевых действий партизан были засады, налеты, рейды, партизанские диверсии. В отдельных случаях партизаны вели наступательные и оборонительные бои.

Засады организовывались в наиболее выгодных для ведения боя местах на вероятных путях движения немцев с задачей внезапного нападения на них. Целью засады являлось уничтожение живой силы и боевой техники, дезорганизация и задержание передвижения фашистов, внесение паники в их ряды, захват пленных, документов, оружия, боеприпасов.

Против крупных колонн войск и автотранспорта врага устраивались засады силами одного или нескольких отрядов.

В конце ноября 1942 года на шоссе Минск-Москва, в районе Белые лужи в 8 километрах юго-западнее Борисова партизанский отряд «Смерть фашизму» под командованием В. Ф. Тарунова организовал засаду.

Местом засады была выбрана большая выемка на шоссе с высокими насыпями. Замысел операции состоял в том, чтобы примерно в полночь, когда движение прекращалось, быстро уложить в ровики на автостраде 12 снарядов крупного калибра с прикрепленными натяжными взрывателями (155-мм артиллерийские снаряды были захвачены у гитлеровцев с помощью местных жителей). Снаряды разместили через равные промежутки, соответствовавшие интервалам между автомашинами при движении ночью.

Как только автоколонна гитлеровцев втянется в зону действий, партизаны мгновенно подрывают машины и огнем из стрелкового оружия и гранатами уничтожают конвой. Для поражения вражеских танков был подготовлен расчет противотанкового ружья.

Две ударные группы №1 и №2 скрытно располагались по обе стороны шоссе, три группы прикрытия — на направлениях вероятного выдвижения подкреплений противника, резерв сосредоточивался в тылу ударной группы №1. Вместе с ударной группой №1 находилась группа подрывников. Она устанавливала снаряды и по сигналу взрывала. Из обеих ударных групп выделялись подгруппы для поджога автомашин и сбора трофеев после разгрома вражеской колонны. Подвозить снаряды к шоссе и вывозить трофеи должен был обоз, располагавшийся вблизи резерва.

Совершив 20 км марш, отряд «Смерть фашизму» подошел к участку засады и занял намеченные позиции.

Вражеская колонна, попав в огневой мешок, была уничтожена партизанами. Было уничтожено два танка, 22 грузовика и автобуса, убито 80 и взято в плен 20 гитлеровцев. Захвачено много оружия, снаряжения, медикаментов и продовольствия. Партизаны потерь не имели.

Эта засада вошла в сокровищницу военного искусства советских партизан.

Налет представляет собой сложную боевую операцию, требующую большого искусства в ее подготовке и проведении. Ярким примером такой операции может служить налет брянских партизан на железнодорожный мост через реку Десну у станции Выгоничи 8 марта 1943 года (об этой партизанской операции рассказано в главе «Партизанские диверсии и рельсовая война»).

Богатейший опыт партизанской борьбы показал, что успех операций по налетам на вражеские объекты

во многом зависел от тщательной разведки. Перед каждым налетом партизанское командование стремилось собрать точные данные о расположении объекта, системе его охраны, путях скрытого подхода к нему, о ближайших резервах противника и вероятных маршрутах их движения и другие нужные данные.

Очень важно было обеспечить внезапность налетов. Партизанам приходилось проявлять изобретательность, хитрость, смекалку, чтобы обмануть противника, не дать ему возможности изготовиться к бою.

С ростом боевого мастерства партизанских формирований они все чаще совершали успешные налеты на крупные гарнизоны противника. В конце августа 1942 года белорусские партизаны захватили и удерживали в своих руках более двух суток город Мозырь, в сентябре они взяли село Россоны. В 1943 году крымские партизаны разгромили фашистский гарнизон в городе Старый Крым, насчитывавший до 1 300 человек.

Нередко налеты совершали несколько отрядов и соединений, причем одновременно на ряд объектов. Это значительно снижало оборонительные возможности противника, приводило к распылению его сил, резко повышало эффективность налетов.

В ночь на 11 сентября 1943 года под руководством военно-оперативной группы при Могилевском обкоме партии крупные силы партизан Могилевского, Белыничского, Круглянского, Кличевского, Быховского, Березинского и Шкловского районов одновременно совершили внезапный налет на 11 вражеских гарнизонов. Операция прошла успешно. Только при разгроме гарнизона в районном центре Белыничи было убито и ранено свыше 400 гитлеровцев, уничтожено 19 воинских складов, два гаража с автомашинами, здание комендатуры и полиции, радиоузел, два шоссейных моста и другие объекты.

Важное место в тактике партизан занимали рейды. Эта своеобразная форма вооруженных партизанских действий представляла собой совокупность боев, диверсионно-разведывательной и массово-политической работы, проводившихся в процессе движения, когда партизанские формирования уходили на длительное время из районов своих баз или покидали их вообще.

В 1941-1942 годах целью рейдов было главным образом устанавливать связь с местными партизанами и развивать партизанскую борьбу в новых районах. Подобные цели преследовал, например, рейд группы партизанских отрядов Минской, Пинской и Полесской областей под командованием В. З. Коржа в марте 1942 года. Партизаны передвигались, используя гужевой транспорт (более 500 саней). Имея при себе продовольствие, фураж, оружие и боеприпасы.

Рейдирующее партизанское формирование прошло более чем по 20 районам Минской, Полесской, Барановичской и Могилевской областей. Оно громило вражеские комендатуры и полицейские участки, разрушало коммуникации, вело политическую работу среди населения.

«Рейд по областям Белоруссии, — писал в своих воспоминаниях секретарь Минского обкома партии В. И. Козлов, — принес нам огром-



▲ Взорванный мост



▲ Корж В.З. командир Пинского ПС



▲ Флегонтов А.К.

ную пользу. Он укрепил нашу связь с массами, выше поднял авторитет партизанского движения, почти удвоил состав наших отрядов».

В сентябре — октябре 1942 года партизанский отряд под командованием А. К. Флегонтова по указанию ЦК КП(б) Белоруссии совершил рейд по Белоруссии, выйдя с территории Калининской области в район Осиповичей. Тогда же по западным районам Калининской области провел рейд корпус калининских партизан численностью 2 329 бойцов. Однако наиболее характерными в 1941-1942 годах были рейды небольших отрядов, совершавшихся на относительно ограниченной территории. Следует отметить, что и такие рейды были весьма эффективными. Рейдирующий в Ленинградской области партизанский отряд из 22 бойцов, в основном студентов Ленинградского института физкультуры, к апрелю 1942 года совершил 24 налета на аэродромы, пустил под откос 23 вражеских эшелона, вывел из строя 18 танков, 2 самолета, 143 грузовые и 84 легковые машины, захватил и передал местным партизанам 97 пулеметов, 800 винтовок, 7 орудий, уничтожил большое количество вражеских солдат и офицеров. Оккупанты называли отряд «Черной смертью».

Иногда партизаны совершали стремительные рейды на автомашинах. В Черниговской области на захваченных у гитлеровцев автомобилях рейдировали подразделения партизанской бригады Героя Советского Союза А. Е. Кривца. Партизаны внезапно появлялись то в одном, то в другом районе, осуществляли дерзкие налеты на вражеские объекты и быстро исчезали.

Некоторые рейды начинались с Большой земли. В этих случаях партизаны проникали на территорию, оккупированную врагом, через промежутки в боевых порядках противника на фронте. Так, постоянно действовали формирования карельских партизан, которые все были рейдирующими. Карельские партизаны вели борьбу в крайне трудных условиях Севера при очень низкой плотности населения. Зимой противник прокладывал сплошные лыжни (в большинстве случаев параллельно 2-3 лыжни) почти по всей линии фронта между операционными направлениями. Вражеские дозоры, несколько раз в сутки обходя участки вдоль линии фронта, нередко быстро узнавали о том, что партизаны перешли линию фронта, и определяли направление их движения. Это затрудняло борьбу карельских партизан в тылу врага. К тому же партизаны все время, и в пургу и морозы, находились под открытым небом, следствием чего были частые случаи обмораживания 2-3 степеней.

Летом рейдирующие формирования карельских партизан вынуждены были обходить многочисленные озера и топкие болота, что значительно удлиняло путь. Люди переутомлялись, их обувь, и одежда быстро изнашивались. Зачастую они недоедали, так как приходилось экономить продукты питания. Дожди, туманы, сырость, невозможность в целях маскировки разжигать костры, чтобы просушить обувь и одежду, — все это крайне отрицательно сказывалось на здоровье партизан.

Карельские партизаны с честью вынесли выпавшие на их долю трудности и вписали немало ярких страниц в борьбу с фашистскими захватчиками. В ходе рейдов они уничтожили 13 407 фашистов, 11 танков, 314 автомашин, 78 складов, пустили под откос 31 эшелон, вывели из строя 236 километров линий проводной связи, 146 мостов, разгромили 53 вражеских гарнизона.

Рейды 1943 года, в отличие от рейдов 1942 года, были гораздо продолжительнее. Их совершали уже более многочисленные партизанские формирования с целью проведения крупных операций во вражеском тылу.

Рейды второй половины 1943 года и особенно 1944 года отличались тем, что многие из них проводились в тесном оперативном взаимодействии с наступающими войсками Красной Армии. Кроме того, в 1944 году ряд наиболее опытных партизанских формирований совершил успешные рейды за пределами нашей Родины, целью которых было оказать помощь народам Польши и Чехословакии в развитии партизанского движения.

Высокую результативность рейдов можно видеть на примере партизанского соединения под командованием Я.И. Мельника. С 25 октября 1943 года по 26 марта 1944 года партизаны этого соединения прошли более 6 500 километров по территории Сумской, Черниговской, Гомельской, Житомирской, Полесской, Ровенской, Каменец-Подольской и Винницкой областей.

МЕЛЬНИК Яков Иванович (1890–1982) — активный участник партизанского движения на временно оккупированной нацистами территории Украины в 1941–1944 гг.; полковник; родился в городе Первомайск (ныне Николаевская область Украины); в 1920–1936 гг. — на партийной работе на Украине и в Москве. С января 1937 г. — на службе в органах НКВД: начальник отделения, помощник особо уполномоченного и особоуполномоченный в аппарате НКВД СССР. В июне 1941 г. — мае 1942 г. — особоуполномоченный 3-го управления Наркомата ВМФ СССР. В июне-сентябре 1942 г. — помощник начальника, начальник отдела связи УШПД, затем — начальник оперативной группы УШПД по Сумской области, начальник Сумского областного штаба партизанского движения. В марте-мае 1943 г. был комиссаром, а потом — командиром Винницкого партизанского соединения, сформированного из сумских партизан.



▲ Установка противотранспортной мины

Партизанское соединение прошло через 1 245 населенных пунктов с общей численностью населения свыше 1 миллиона человек. В ходе рейда партизаны уничтожили 12 458 гитлеровцев, 9 танков, 7 бронемашин, 5 самолетов, 308 автомашин, 17 складов противника. Пустили под откос 82 вражеских эшелона, вывели из строя 10 железнодорожных и 102 шоссейных моста, 3 железнодорожных станции, 14 заводов, 6 электростанций.

Во время совершения рейдов партизаны двигались пешим порядком, верхом на лошадях, на подводах и санях. Рейды проводились в различное время года. Крупным партизанским соединениям легче было совершать длительные рейды зимой. За длинную зимнюю ночь партизаны нормальным маршем преодолевали на санях по 40-50 километров, а форсированным — до 80 километров. Метель заметала их следы и мешала действиям вражеской авиации. Глубокий снежный покров затруднял работу автотранспорта противника. Летом короткие ночи, длинные дни, хорошие условия для действий авиации и автотранспорта противника не благоприятствовали партизанским рейдам. Но зато в летних условиях партизаны меньше были привязаны к населенным пунктам.

На маршах вне партизанских зон рейдировавшие партизанские формирования, как правило, использовали по ночам круговое охранение. Обоз, медицинская часть и артиллерия находились в центре колонны. Были случаи, когда одно партизанское соединение двигалось несколькими колоннами по параллельным маршрутам. В дневное время партизанские отряды, маскируясь и организуя круговую оборону, засады и сторожевые заставы, отдыхали в лесах, балках или населенных пунктах вдали от основных автомобильных дорог.

Крупные партизанские отряды и соединения на дневку занимали обычно большой район, позволявший в случае надобности маневрировать. При организации обороны предусматривалось несколько вариантов выхода с места дневки. Обычно выделялся сильный резерв, до одной трети боевого состава, на случай прорыва из окружения. Вдали от расположения отрядов действовали разведка и отвлекающие диверсионные группы. Стоянки в одном месте дольше одного дня допускались лишь в тех случаях, если фашисты не обнаруживали появления рейдирующих партизанских формирований или у них не хватало сил для активных действий против партизан.

При переходе через железные и автомобильные дороги крупные партизанские формирования выставляли по сторонам заслоны и засады, которые часто занимали боевые позиции и минировали подступы со стороны возможного появления противника. Водные преграды там, где не было бродов, преодолевали на подручных средствах и вплавь.

Некоторым партизанским формированиям приходилось рейдировать в районах с высокой плотностью войск противника. В этих случаях партизан часто выручала смекалка. Партизанское соединение «Грозный» во время рейда из Ирдынских лесов (юго-восточнее города Черкасс) в район Житомир — Фастов — Казатин с 26 сентября по 1 декабря 1943 года совершило марш под видом эвакуирующейся полиции.

После того, как Красная Армия освобождала зоны, где оперировали рейдирующие партизанские формирования, они уходили на запад в тыл врага.

Партизанское соединение под командованием С. Ф. Маликова в декабре 1943 года после продолжительных рейдов по северным районам Украины и южным районам Белоруссии освободило и удерживало обширный район — Тальки, Рогачев, Барановка, Дзержинск, Гута, Новый Завод, Великий Луг. Партизаны мешали фашистам использовать коммуникации Шепетовка — Рогачев — Житомир и Шепетовка — Барановка — Житомир. Своими действиями партизаны помогали наступающим войскам 1-го Украинского фронта.

МАЛИКОВ Степан Федорович (1909—1983) — активный участник партизанского движения на временно оккупированной нацистами территории Украины в 1941–1944 гг.; родился в городе Горловка Сталинской (теперь Донецкая) области УССР. Накануне и в начале Великой Отечественной войны — на партийной и хозяйственной работе в Киеве и Харькове; в октябре 1942 г. в качестве уполномоченного ЦК КП(б)У и УШПД был десантирован в тыл противника на территорию Житомирской области для организации партизанского и подпольного движения, был секретарем Житомирского подпольного обкома КП(б)У, членом Житомирского областного штаба партизанского движения, командиром Житомирского партизанского соединения им. Н. А. Щорса, реорганизованного в декабре 1943 г. в партизанскую дивизию. В послевоенное время — на руководящей и хозяйственной работе в УССР.



▲ Маликов С.Ф. второй слева

26 декабря партизаны соединились с частями 351-й стрелковой дивизии, а в январе 1944 года через «Сарненский коридор» были переброшены в тыл врага. В это время партизанское соединение состояло из 12 отрядов, общая численность которых достигала более 4 400 человек. По существу, партизанское соединение представляло собой дивизию специального назначения, которая главным образом совершала внезапные короткие нападения на противника, устраивала диверсии на его коммуникациях, вела разведку в интересах советского военного командования и массово-политическую работу среди населения.

В апреле 1944 года партизанское соединение вновь соединилось с советскими войсками в районе Ковеля. За 18 месяцев борьбы партизаны уничтожили свыше 17 000 гитлеровцев, 53 танка, 58 орудий, 534 автомашины, подорвали 373 эшелона и 6 бронепоездов, вывели из строя 39 мостов на железных и 178 мостов на шоссейных дорогах, 20 промышленных объектов, 32 410 метров телефонно-телеграфной связи, разгромили 95 складов и мастерских оккупантов. Соединение захватило 20 автомашин и бронетранспортеров, 9 орудий, 38 минометов, 239 ручных и 22 станковых пулемета, 2 790 винтовок, 444 автомата и другие трофеи.

Многим партизанским соединениям в ходе проведения рейдов ставилась задача выйти к Дрогобычу с целью уничтожения нефтепромыслов. С июня по сентябрь 1943 года длился известный карпатский рейд Сумского партизанского соединения под командованием С. А. Ковпака и С. В. Руднева.

После войны бывший командир партизанской дивизии С. А. Ковпак написал мемуары, озаглавив «От Путивля до Карпат». Принес на рецензию бывшему начальнику Центрального штаба партизанского движения (ЦШПД) П. К. Пономаренко. — Сидор Артемьевич, почему ты не продолжишь "От Карпат до Путивля»?- саркастически спросил его П. К. Пономаренко. Вспыхнувший как спичка дважды Герой Советского Союза Сидор Ковпак схватил рукопись и бросился вон из кабинета.

Задачи рейда не были выполнены. Соединение постигла неудача. Фашисты бросили против партизанского соединения семь полицейских полков, три венгерских полка и пять отдельных батальонов жандармерии, поддержанных авиацией, артиллерией и танками. Соединение одиннадцать раз попадало в окружение и вырывалось их него. В ходе рейда пал смертью храбрых душа и военный руководитель соединения комиссар Семен Васильевич Руднев.

РУДНЕВ Семен Васильевич (1899-1943) — один из организаторов и активных участников партизанского движения на временно оккупированной фашистами территории Украины в 1941-1944 гг., генерал-майор (1943), Герой Советского Союза (1944, посмертно). Родился в хуторе Мойсеевка, ныне Путивльского района Сумской области 15 (27) февраля 1899 года. Член ВКП(б) с 1917 года, в Красной Армии с 1918 года. Окончил Военно-политическую академию им. В.И. Ленина в 1929 году.

С 1914 года на Русско-Балтийском воздухоплавательном заводе. В 1916 году арестован за революционную деятельность. В 1917 году красногвардейцем участвовал в штурме Зимнего дворца. В годы Гражданской войны воевал на Южном и Юго-Западном фронтах, командовал взводом, затем был инструктором политотдела Донецкой трудовой армии. В 1930 году С.В. Руднев прошел обучение в партизанской школе в Киеве. В 1932-1938 годах был комиссаром 61-го зенитно-артиллерийского полка береговой обороны в Севастополе комиссаром бригады, начальником политотдела и комиссаром укрепрайона на Дальнем Востоке. В 1938 подвергся репрессиям, но был реабилитирован. После демобилизации из армии по состоянию здоровья вернулся в Путивль. С мая 1940 года председатель Путивльского районного Совета Осоавиахима.

С началом Великой Отечественной войны С.В. Руднев командир истребительного батальона. В конце августа 1941 года сформировал в Путивльском районе партизанский отряд. После объединения 18 октября 1941 года с партизанами Ковпака, Руднев стал комиссаром Путивльского партизанского отряда, а с 1942 года — Сумского партизанского соединения. С сентября 1942 года член подпольного ЦК КП(б)У.

С.В. Руднев был образцом комиссара в системе партизанского движения Украины и одним из наиболее авторитетных руководителей украинских партизан. Имея полномочия и права равные командиру, он в полной мере ими пользовался. «Командира дополняет во всем комиссар партизанского соединения тов. Руднев С.В. Кипучая, активная партизанская натура, знаток военного дела». Писал в докладной записке на имя первого секретаря ЦК КП(б)У украинский писатель Н. Шеремет, находившийся с декабря 1942 по апрель 1943 годов в партизанском крае на Полесье.

Оперативный работник УШПД М.Д. Владимиров писал Т.А. Строкачу — начальнику УШПД: «Между прочим, Руднев руководит всем штабом, диктует боевые приказы. Вообще играет доминирующую центральную роль».

Заместитель начальника разведывательного отдела УШПД Я.Ф. Коротков в докладной записке на имя Т.А. Строкача от 4 мая 1943 года указывал: «Руднев как комиссар занимается операциями и фактически выполняет роль командира, политработой занимается — «постольку-поскольку».

Авторитет С.В. Руднева среди личного состава Сумского партизанского соединения был абсолютным. Партизаны видели в комиссаре человека военного воспитания, носителя порядка, организованности и дисциплины, кристально чистого в бытовом плане нелегкой партизанской жизни.

Высокий авторитет С.В. Руднева в определенной степени осложнял его отношения с Ковпаком. Однако это практически не влияло на их деловые отношения. Комиссар умело влиял на Ковпака, не позволяя себе подрывать каким-либо образом авторитет командира.

Характерно, что и немецкие эксперты зондерштаба «Р» (Россия) отмечали сдерживающее влияние Руднева на Ковпака.

Весной 1943 года начальник УШПД Т.А. Строкач был настроен отозвать Ковпака в советский тыл и освободить его от командования Сумским партизанским соединением. Комиссар Руднев решительно выступил в защиту Ковпака и не допустил его вылета в Москву.

Характерной является информация о С.В. Рудневе, полученная начальником УШПД Т.А. Строкачем от своего агента «Загорского» в ходе Карпатского рейда 17 июня 1943 года: «В ходе рейда разговаривал со многими старыми партизанами. Все они хвалят Руднева, как полководца, организатора, человека, комиссара и удивляются, почему Ковпак, а не Руднев — Герой Советского Союза».

Карпаты заставили перестроить тактику борьбы с противником. От борьбы по лесам и степи срочно пришлось переходить к новой тактике борьбы и вождению партизанских частей в горах. Находясь в сыром холодном горном лесу, под постоянными проливными дождями промокшие до нитки партизаны в состоянии огромной физической

и нервной усталости, имея в рейдирующем соединении сто раненых — пятьдесят из которых тяжело, когда легли почти все лошади, а весь обоз необходимо перестроить из фурманок на двуколки, на вьюки, а раненых на специальные горные носилки, ковку лошадей произвести на резиновой или на войлочной прокладке, испытывая ежедневное исключительное нервное напряжении от постоянной ружейно-пулеметной перестрелки, которая может вылиться в крупный бой комиссар в своем дневнике 22 и 23 июля (предпоследняя запись) в сердцах записал: «Ковпак по-прежнему равнодушен не только к полевым и лесным условиям борьбы с противником, а в горах он совсем профан, но как он любит повторять чужие мысли и страшно глуп и хитер, как хохол, он знает, что ему есть на кого опереться, поэтому он пьет, ходит к бабе, к такой же [дуре...], как и сам, спать, а когда приходится круто, то немедленно обращается к Х. (речь идет об авторе дневника С.В. Рудневе). А Х., который всю ночь мечется по колено (в грязи) и на всякие изменения немедленно реагирует. Он, и не только он, но и многие другие знают, что Х. вывезет. И для самого Х. все эти два года обогатили его познания в военном деле не только с точки зрения тактической грамотности в поле и лесу, но особенно вождению крупных соединений, но и также вождению и тактике борьбы в горно-лесистых местностях. Характерно посмотреть на некоторых работников нашего объединения и дать хоть короткую характеристику, но для этого надо специально засесть на несколько дней, чтобы дать хоть короткую характеристику, а также дать хоть коротко о личном составе».

Не довелось сделать это комиссару.

Комиссар С.В. Руднев героически погиб в ходе Карпатского рейда в районе города Делятин 4 августа 1943 года, прикрывая с группой партизан отход главных сил Сумского партизанского соединения.

29 августа 1943 года «Загорский» радировал Т.А. Строкачу: «Партизаны очень жалеют за Рудневым, многие из них плакали, узнав о его гибели».

В посмертной характеристике Украинского штаба партизанского движения отмечалось: «Во всех боевых делах народных мстителей товарищ Руднев является душой и вдохновителем партизанского движения и своим примером храбрости, стойкости и героизма увлекал за собой личный состав соединения на борьбу с немецко-фашистскими захватчиками».

Похоронен легендарный комиссар в братской могиле партизан в городе Яремча Ивано-Франковской области Украины. В Путивле и в городе Делятин, где он погиб установлены памятники. Одна из улиц Севастополя носит его имя.



▲ Руднев С.В. с сыном, оба погибли в бою

Выйдя из окружения, С.А. Ковпак по состоянию здоровья (без Руднева) уже не мог командовать соединением. Соединение возглавил начальник разведки подполковник П.П. Вершигора. Партизанское соединение было выведено в тыл Советским войскам для отдыха и перегруппировки, а 21 февраля 1944 года снова было заброшено в тыл к немцам.

Показательным примером партизанского рейдирования может служить рейд 1-го Воронежского партизанского соединения имени И.В. Сталина под командованием подполковника М.И. Шукаева с августа 1943 года по февраль 1945 года. Ядром партизанского соединения под командованием М.И. Шукаева стали 5 организаторских партизанских групп (55 человек), десантированных на парашютах УШПД в тыл противника с 20 июля по 5 августа 1943 года



▲ Руднев С.В., Коротченко Д.С., Строкач Т.А.

в районе Нежина. Через месяц группа уже насчитывала 300 человек.

В сентябре 1943 года приказом Украинского штаба партизанского движения партизанскому формированию было присвоено наименование «1-е Воронежское партизанское соединение им. И.В. Сталина».

Двигаясь на запад, соединение собирало разрозненные отряды и группы, а выйдя в район Львова, формирование насчитывало около 1000 человек.

Партизанское формирование М.И. Шукаева двигалось через Правобережную и Западную Украину, Польшу, затем, преодолев Карпаты, вышло в Чехословакию, где действовало до прихода Красной Армии. Численность соединения иногда превышала 3500 человек, а в Чехословакии, в феврале 1945 года при встрече с частями Красной Армии, превысило 6 000 человек.

Во время рейдирования по вражеским тылам соединение применяло гибкую тактику. Вначале соединение двигалось компактной группировкой, вследствие чего фашисты вынуждены были стягивать против партизан крупные силы. На это требовалось значительное время, в течение которого соединение продолжало рейд. Когда же противник, собрав необходимые силы, и в полосе движения соединения, создал «огневые мешки» — зоны, куда войдя, партизаны оказались бы окруженными, командование быстро разбивало соединение на мелкие группы, которые выходили на коммуникации и объекты противника на обширной территории и проводили диверсии и засады.

Враг вынужден был рассредоточивать свои силы и бросать их на усиление охраны и обороны важных объектов. Партизаны, пройдя зону «огневого мешка», вновь собирались и продолжали рейд компактной группировкой. Такая смена способов действий постоянно проходила в ходе рейда.

ШУКАЕВ Михаил Илларионович (1907–1976) — активный участник партизанского движения на временно оккупированной территории Украины в 1941–1944 гг. Полковник. Родился в селе Гущено-Колодези Долгоруковского района Курской области РСФСР в крестьянской семье. С сентября 1925 г. по сентябрь 1929 г. работал слесарем, затем — кочегаром на станции Дебальцево (Донбасс); в 1929–1931 гг. проходил службу в дивизии особого назначения ОГПУ- ОМСДОН им. Ф.Э. Дзержинского (Москва), окончил полковую школу. Принимал участие в борьбе с националистическими повстанцами на Северном Кавказе. С января 1932 г. по июнь 1941 г. пребывал на хозяйственной работе в Москве, учился на рабфаке и в Плехановском институте.

В годы Великой Отечественной войны М.И. Шукаев — командир взвода и стрелковой роты на Западном фронте (июнь — август 1941 г.); на лечении в госпитале (сентябрь 1941 г. — январь 1942 г.); на формировании в 555-го СП, 127-й СД (январь — май 1942 г.); командир пулеметной роты и заместитель командира батальона на Воронежском фронте (май — сентябрь 1942 г.); на лечении в госпитале (сентябрь — октябрь 1942 г.). С ноября 1942 г. — в системе партизанского движения: командир роты спецшколы, начальник учебного пункта по подготовке партизанских кадров на Воронежском фронте; с июня 1943 г. — старший помощник начальника отделения кадров Представительства УШПД при Военном совете Воронежского фронта.

27 августа 1943 г., по заданию Представительства УШПД при Военном совете Воронежского фронта, капитан М.И. Шукаев сформировал в районе Бильских лесов на Черниговщине из пяти небольших партизанских отрядов (всего — 55 бойцов) 1-е соединение партизанских отрядов Воронежского фронта, переименованное позже в партизанское соединение им. И.В. Сталина. К 1 сентября 1943 г. численность соединения за счет местных партизан увеличилась до 200 бойцов.

7 сентября 1943 г., выполняя указания ЦК КП(б)У и УШПД, соединение М.И. Шукаева выступило в рейд из Черниговской области на Правобережную Украину, форсировав при этом реки Десна, Днепр, Припять, и вышло к 17 октября 1943 г. в район Явенских лесов (50 км западнее Житомира). К этому времени численность соединения достигла свыше 1 400 бойцов.

Действуя в районе Новоград-Волынский и на железнодорожной магистрали Шепетовка — Ровно, партизаны М.И. Шукаева до 1 января 1944 г. подорвали 52 эшелона противника, разрушили 9 железнодорожных и шоссейных мостов.

В связи с общим наступлением войск Красной Армии на территории Правобережной Украины перед партизанским соединением им. И.В. Сталина было поставлено новое, практически невыполнимое боевое задание — осуществить рейд из лесных районов Житомирской области на юг, в степные районы около города Первомайска Николаевской области.

С 6 января по 22 марта 1944 г. отряды партизанского соединения М.И. Шукаева стремились пробиться через ближайший тыл группы армий «Юг» и контролируемую УПА местность в указанный оперативный район. На территории Каменец-Подольской области и в районе Тернополя партизаны провели 18 боев с немецкими охранными частями и 15 боев с отрядами УПА, но выполнить боевую задачу не сумели.

С 25 по 30 марта 1944 г. соединение М.И. Шукаева предприняло попытку прорваться на запад, во Львовскую область, но на территории Тернопольщины партизаны вновь встретили упорное противодействие немцев и украинских националистов. Нехватка боеприпасов и наличие раненых бойцов заставили М.И. Шукаева 5 апреля 1944 г. отойти для соединения с войсками Красной Армии и оставить в тылу противника только партизанский отряд им. Александра Невского и 30 групп подрывников.

23 апреля 1944 г., выполняя очередное задание ЦК КП(б)У и УШПД, партизанское соединение им. И.В. Сталина (около 900 бойцов) выступило в новый рейд в район Борислав — Дрогобыч. Преодолевая сопротивление немецких охранных частей и отрядов УПА, партизаны М.И. Шукаева, пройдя маршами по территории Тернопольской, Станиславской, Черновицкой и Дрогобычской областей, часто по гористой местности, 22 мая 1944 г. вышли в указанный район. Здесь в течение 1,5 месяца отряды соединения подорвали 21 эшелон противника, разрушили 6 железнодорожных и шоссейных мостов, организовали 16 засад, провели 9 боев с немцами и 2 боя с УПА, сожгли нефтепромыслы в районе Борислава.

В связи с приближением линии фронта 9 июля 1944 г. партизанское соединение им. И.В. Сталина получило от УШПД указание перейти для ведения боевых действий на территорию Чехословакии. С этой целью партизаны М.И. Шукаева осуществили рейд, протяженностью в 200 км, по территории Южной Польши, провели 11 боев с немцами и, подорвав 34 эшелона противника, вышли 25 августа 1944 г. на территорию Чехословакии.

За период с 26 августа по 20 октября 1944 г., действуя в районах Прешев — Гуменное (Словакия), соединение им. И.В. Сталина провело 18 боев и организовало 12 засад, подбив и уничтожив 110 автомашин и 25 мотоциклов противника. В дальнейшем партизаны М.И. Шукаева вели боевые действия в районах Попрад — Тимовець, где в феврале 1945 г. встретились с частями Красной Армии.

За время своей боевой деятельности (27 августа 1943 г. — 25 февраля 1945 г.) партизанское соединение им. И.В. Сталина под командованием М.И. Шукаева провело 161 бой с гитлеровцами и украинскими националистами, организовало 92 засады на шоссейных дорогах, подорвало 219 эшелонов противника, нанеся ему ощутимые потери в живой силе и технике. Разгромило 149 гарнизонов противника. Уничтожило и вывело из строя 19 400 солдат и офицеров противника. Было передано на Большую землю 1750 радиограмм разведывательного характера. Партизаны М.И. Шукаева осуществили один из самых протяженных рейдов в истории партизанского движения, пройдя около 11 тыс. км по тылам противника.

В характеристике, подписанной командующим партизанским движением Чехословакии генерал-майором А.Н. Асмоловым, отмечалось, что М.И. Шукаев зарекомендовал себя как опытный командир и организатор партизанского движения, который обладает сильной волей, решительностью, требовательностью, ярко выраженными качествами строевого командира, владеет хорошим военно-тактическим кругозором.

За отличное выполнение боевых заданий и умелое руководство партизанским соединением им. И.В. Сталина М.И. Шукаев был награжден тремя орденами Красного Знамени, орденом Богдана Хмельницкого I степени, орденами Отечественной войны I и II степени, медалями СССР. Также он отмечен наградами Чехословакии: орденами Боевого креста и «Участнику Словацкого национального восстания» I степени, медалью «За отвагу». По некоторым сведениям, в УШПД рассматривался вопрос о представлении М.И. Шукаева к званию Героя Советского Союза. Но руководство КП(б) Украины в лице Хрущева, отклонило это предложение.

В послевоенные годы М.И. Шукаев работал начальником управления в Министерстве морского флота СССР, окончил Саратовское военное училище МВД, служил в органах внутренних дел.

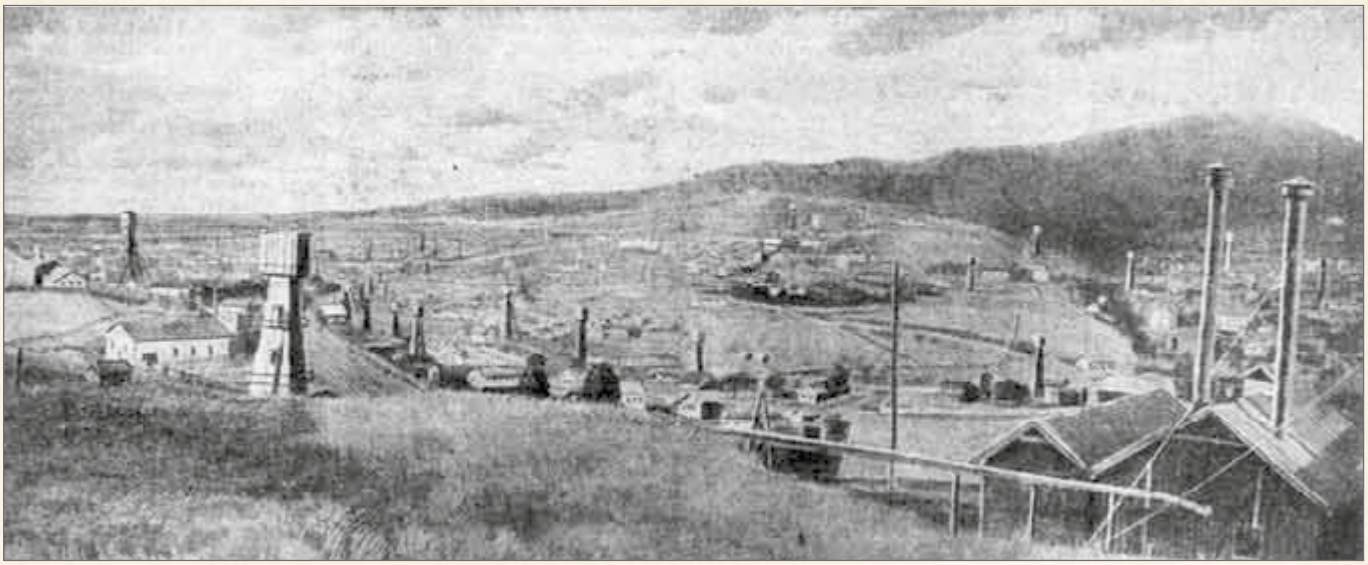
Умер М.И. Шукаев в Москве.



▲ Шукаев М.И.



▲ Строкач Т.А.



▲ Нефтепромыслы в Бориславе

6 апреля 1944 года М.И. Шукаев получил из УШПД радиограмму выйти в район Борислава, с тем, чтобы парализовать работу нефтяных промыслов. Фашисты придавали этим промыслам очень большое значение. К тому же в Бориславе действовали нефтеперегонные предприятия, откуда горючее отправляли на фронт.

Нефтепромыслы были сравнительно недалеко, примерно в 200 км на юго-запад от расположения партизанского соединения. Но кратчайшим путем нельзя было воспользоваться. Повсюду между районом базирования партизан и Бориславом стояли большие немецкие гарнизоны.

Был создан сводный отряд партизан под командованием П.А. Канишева для прорыва к нефтепромыслам в обход Львова.

Но партизанам не повезло... В нескольких крупных боестолкновениях с врагом многие партизаны погибли, многие были ранены. О прорыве в район нефтяных промыслов уже не могло быть и речи. Уцелевшие партизаны не имели возможности даже вернуться в свое соединение. Было принято решение — соединиться с наступающими частями Красной Армии. Об этом М.И Шукаев узнал уже от фронтовой разведки.

Соединившись с частями Действующей армии, Павел Алексеевич Канишев в августе 1944 года вместе с подрывником диверсантом соединения Александром Яценко возглавил десантную группу, выброшенную в район Праги к началу словацкого восстания. В короткое время им удалось организовать партизанскую бригаду и развернуть под Прагой активные боевые действия.

Шукаев принимает решение обогнуть Тернополь с востока, выйти к предгорьям Карпат в район города Коссов и далее по Карпатам — к Бориславу.

От Тернополя до Коссова соединение с боями шло десять суток. Мелкие гарнизоны разгонял авангард соединения — отряды Винокурова и Ахундова. Совершив изнурительный марш, главные силы соединения, с ходу форсировав Днестр, вошли в Коссов — маленький чистенький городишко, приютившийся у предгорий Карпат. Вражеский гарнизон, узнав о приближении «грозной партизанской силы», спешно покинул город.

Но через горы дороги нет, одни лесные тропы. Пришлось оставить гужевые повозки и брички, они незаменимы, когда приходилось решать проблему раненых. Тол, продовольствие, различные инструменты, боеприпасы — все пришлось переносить на себе и в конских вьюках. Часть личного состава соединения решено было оставить: слабых, больных, женщин, лишь только десантницы, радистки и медработники — шесть человек пошли с соединением к Бориславу.

Они еще не знали, что такое Карпаты военного времени. Перевалив через две горы — привал. Шли всю ночь. В лесу новый привал. Сутки, недели... Смертельно усталые партизаны валились наземь и мгновенно засыпали, не было сил, чтобы набрать веток для подстилки. С пяти утра — снова марш. В горах подмораживало, еще лежал снег. Партизаны одеты по-весеннему. Никто не предполагал, что в горах так люто. Добыть продовольствие в редких селениях невозможно. Люди перебивались с кваса на квас. Здесь долгое время орудовали воины «славной германской армии» — грабили под метлу.

Начался голод. Люди пухли. Некоторые уже не в силах двигаться, даже ухватившись за лошадиный хвост.

Лагерь погрузился в щемящую слух тишину. Меж костров бродили лошади, выискивая прошлогоднюю траву, проглядывающую кое-где из-под снега. Мечты у всех были одни — лошадям хотелось сена, партизанам — хлеба.

М.И. Шукаев созвал командиров. Где достать продукты? Как и где?

— Татар среди вас нет?

— Нет.

— Был бы татарин, сразу нашел бы, что надо делать.

— Лошади — это наш единственный выход.

Снег временами доходил до колен. Партизаны, идущие впереди, менялись каждые двадцать минут, на большее не хватало сил. Лошади в сугробах вязли, падали, груз приходилось распределять между людьми.

Вышли на старую австрийскую дорогу времен первой мировой войны. Впереди — Микуличин, в котором стояли мадьяры. Ночевать в лесу, избегать столкновений с фашистами, чтобы сберечь силы для выполнения основной задачи — лишить врага бориславской нефти.

Партизаны на привалах пытались спать сидя, под ногами снег.

Стоя у тропы, Шукаев пропускал мимо себя людей: сотню, другую. Все ли живые? И почти слышал: «Долго ли еще, командир?»

Полураздетые, голодные, уставшие до смерти люди... Продолжать марш — это значит погибнуть от холода, голода и болезней. Первые признаки цинги уже появились.

Шукаев подал команду остановить походную колонну.

— С Большой земли — радиограмма! По случаю Первого мая ЦК Компартии Украины приветствует отважных партизан 1-го Воронежского соединения имени И. В. Сталина и желает им стойко преодолеть трудности, что возникнут на их нелегком пути! — прочитал текст командир.

После войны на одной из встреч ветеранов — партизан 1-го Воронежского партизанского соединения имени И. В. Сталина бывший командир партизанского отряда Кудинов вытащил из кармана узкий клочок бумаги.

— Помнишь, Михаил Илларионович? Берегу.

Это была радиограмма с приветствием.

М. И. Шукаев грустно улыбнулся.

— Никто никакой радиограммы нам тогда не присылал...

— Как не присылал? — удивился Кудинов, — Вот же она!

— Эту радиограмму составил я. Передал Володьке Ермилову, он ее отстучал — и все. И никто, до сей поры об этом не ведает, кроме нас с Ермиловым.

— Сколько времени берег эту пожелтевшую бумажку — и на тебе, фальшивка!

Но задумавшись, произнес:

— А ведь правильно... Тогда это надо было сделать.

— Я тоже думаю — надо.

Хлеба нет, люди мерзли, спасовавших и нытиков становилось все больше.

Шукаев понимал, что дальше так идти нельзя.

Ослабевших и больных необходимо отделить. Будет меньше людей, но сильных, способных терпеливо и молча переносить все, что, ни преподнесет им судьба.

Командир построил соединение.

Говорил о том, что победа близка, что уже преодолели партизаны много препятствий. Неужели теперь они смалодушничают и повернут обратно?! Говорил о положении на фронтах, о задаче соединения. Говорил зло, жестко. Это был суровый, твердый командир, безжалостно расстреливавший мародеров — партизан и часовых, не будя, заснувших на посту.

— Кто не может продолжать путь — пять шагов вперед!

Секунды ряды неподвижны. Потом вышли — один, другой, третий, десятый, сотый. Продолжать марш отказалась половина личного состава соединения.

Много больных, отощавших, обессилевших, но добрая треть вышедших из строя — симулянты, вполне здоровы, обуты, одеты — рядятся под немощных. С главным врачом соединения Ярославом Котвицким командир обошел вышедших из строя. Шукаева охватила злоба. Сдерживая ярость, некоторым партизанам командир указал на противоположные ряды.

— Переходи.

Шукаев снова заговорил. Говорил яростно, как, должно быть, не говорил никогда. Говорил о советских людях, о павших товарищах, о жизни и смерти во имя победы над фашизмом. Командир добился своего. Среди тех, кто, видимо, действительно не мог продолжать рейд, осталось человек шестьсот, а было больше тысячи.

Колонну больных возглавил комиссар одного из полков Конашевич. Они ушли навстречу наступающим частям Красной Армии.

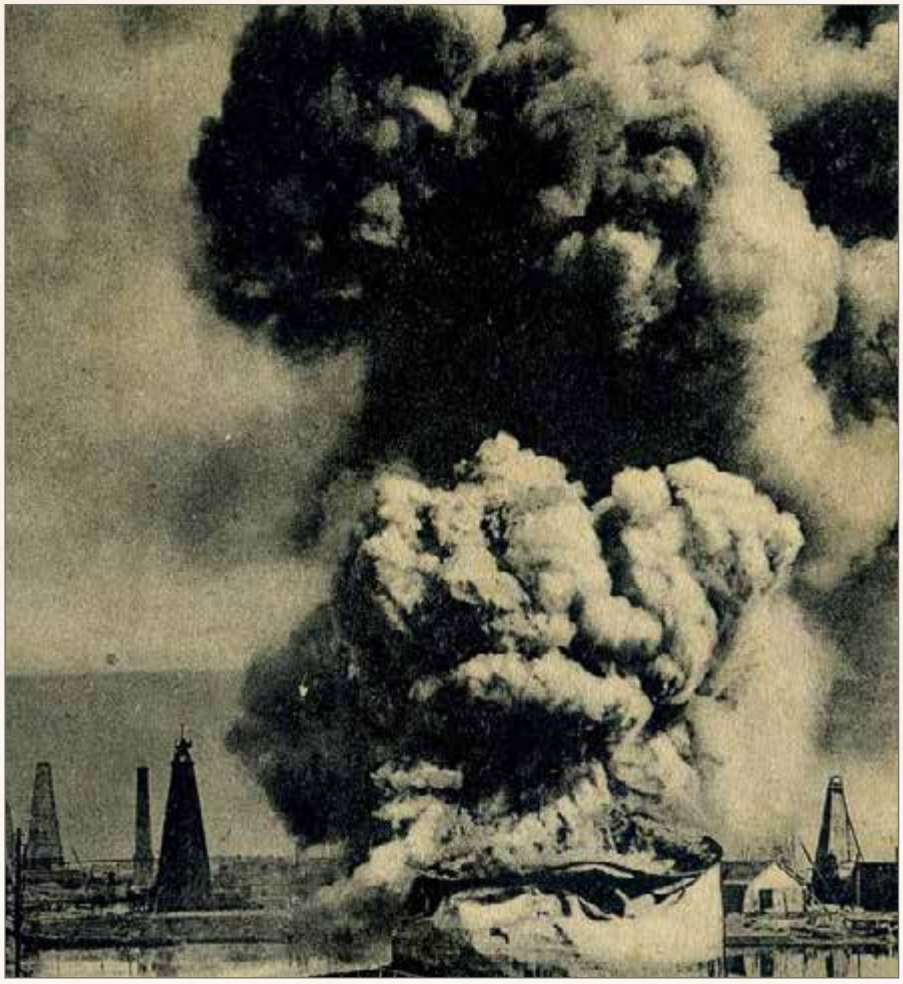
Немцы закрыли все вероятные переходы через реку Прут. Партизаны форсировали реку. Переправилась через реку только пара лошадей, остальных унесло быстрое течение. Марш всю ночь. Утром — короткий привал. Затем снова марш. Несколько стычек с бандеровцами.

Раненых оставили в монастыре, припугнув служителей Бога, что если будет выдан, хоть один раненый — взлетит на воздух весь монастырь.

14 мая 1944 года партизаны соединения, совершили нападение на 110-ю роту противника. Взяли в плен 15 немцев. Захватили 22 лошади, 47 винтовок, легковую машину, радиоприемник. С этого момента партизаны перестали голодать.

Немцы создали заслон на пути партизан. Но партизаны, обойдя заслон с флангов, атаковали врага. Забрали продовольствие и походную кухню. Захватили склад с мукой, Набили ею все, что можно было набить, вплоть до шапок и сапог, но это оказался... мел.

Форсировали ночью реку Опур. Дождь со снегом. Вышли к Старой Шебели — это уже район Борислава. Начали «работать». Партизанская база пустеет. Все больше партизан уходило на задания. Засады, налеты. Диверсии. Население встретило партизан приветливо. Предлагали продукты, даже хлеб и мясо. С мясом дело обстояло так. Право убивать скот немцы присвоили себе. Каждая корова и каждый бык имели собственный номер в виде бирки, прикрепленный к уху. Поэтому скот партизаны принимали по распискам, которые составляли в классической форме: «Расписка. Дана крестьянину села Росохач (такому-то) в том, что партизанами 1-го Воронежского соединения имени И. В. Сталина взят скот в количестве стольких-то голов. Дана для предъявления немецким властям». Если партизаны брали десять голов, то расписку давали на восемнадцать-двадцать, чтобы местные жители и себя могли обеспечить мясом.



▲ Уничтожение нефтевышки, Борислав

Расписки эти немцам, разумеется, не понравились, и оккупанты распорядились немедленно согнать весь скот из окрестных деревень в села, где стояли немецкие части.

По распоряжению УШПД в окрестностях села Росохач партизаны организовали десантные базы, куда вскоре десантировались группы с взрывчаткой.

Немцы срочно стали концентрировать вокруг расположения партизан свои силы. В городе Сколе находилось командование карательных сил, по уничтожению партизан. Произошло несколько боев с карателями.

Шукаев принимает решение разделить соединение на четыре большие ударные группы и дать каждой группе свое боевое задание и район действий. Группе Ахундова — выйти на железнодорожную магистраль Сколе — Мукачево и организовать крушение поездов.

Группе под командованием Степанова организовать диверсии на линии Дрогобыч — Сколе.

Группе Кудинова находиться в резерве, организовать и оборудовать базу в районе горы Чарна Гура.

Группе под командованием Горячева была поставлена задача: вывести из строя нефтяные вышки в районе Борислава.

Невероятно тяжелым был путь отряда диверсантов (15-го отдельного подрывного батальона лейтенанта Владимира Горячева) до бориславской нефти. Партизаны вынуждены были вступать в бой то с отрядами немцев, то с бандами националистов. На каждом километре тяжелого марша партизаны подвергались обстрелу из засад. На переправу через небольшую реку близ села Крушильницы Горячеву пришлось потратить двое суток для того, чтобы оттеснить немцев от реки. Немцы отошли от реки. Партизаны готовились к переправе, и в это время к ним явились несколько человек, назвавшихся местными жителями. У них были лодки, и они могли выступать в качестве гребцов.

Ночью начали переправляться через реку. Уже половина отряда была переправлена на другой берег, как внезапно на партизан, ожидавших переправы, напали немцы. Завязался бой. Немцы наседали со всех сторон. Небо осветилось ракетами. Часть партизан бросилась в воду, чтобы по течению доплыть до противоположного берега. Горячев в это время находился в лодке, на середине реки, приказал гребцам повернуть назад, где шел бой. В этот момент оба гребца набросились на Горячева, пытаясь его скрутить. Горячев отчаянно сопротивлялся. Один из гребцов выхватил пистолет, но Горячев мгновенно прыгнул на край лодки, и все трое оказались в воде. Борьба продолжалась недолго. Бандиты, оказалось, не умели плавать. Горячев долго плыл по течению реки, не в силах выбраться на крутой берег.

Партизаны, оправившись от растерянности, овладели ситуацией. Отбросили немцев от переправы, раненых отправили в свою резервную группу, и во второй половине ночи на противоположном берегу реки соединились.

В небольшом лесу около Борислава отряд Горячева находился несколько суток. Каждую ночь Горячев уходил с разведчиками на территорию нефтепромыслов. Подползали вплотную к сторожевым постам.

Наконец точные координаты объектов и подходы к ним были определены. Горячев поставил перед группами, которые возглавляли Литвиненко, Дынник, Котвицкий, Буряк, Сечкарь, Попов, Смирнов, Шармаев и перед ротой стрелков под командованием Алиева задачу: во что бы то ни стало сжечь вышки.

Назначив пункт сбора, Горячев распрощался с товарищами. Он

с группой диверсантов должен был вывести из строя нефтеперегонный завод.

Диверсионный отряд свыше двухсот бойцов, разделившись на боевые группы, каждая своим маршрутом отправилась на территорию нефтепромыслов.

Примерно в полночь на территории промысла загремели автоматные и пулеметные очереди, взметнулись в небо зеленые и красные ракеты. Вспыхнули, разрывая тьму, длинные столбы пламени. Вся территория нефтепромыслов озарилась.

Несколько коротких перебежек и группа Горячева у здания нефтеперегонного завода. Проникнув во внутрь, диверсанты заметили человека. Им оказался мастер цеха.

- Покажи, где главная машина, которая двигает ваш завод. Мастер, не говоря ни слова, кивнул головой в сторону большого агрегата. Горячев осмотрел агрегат, затем подложил под него 18-килограмовый заряд тола.

— Смотри, старик, если показал не то, что надо...

— Та ни, сынку, как можно...

Горячев размотал шнур, приказал отойти всем подальше и укрыться.

Нефтеперегонный цех горел, были выведены из строя дизель-генератор и центральная нефтемагистраль, ведущая к бензоцеху.

К восходу солнца все диверсионные группы благополучно вернулись на пункт сбора.

Отряд Горячева при возвращении на основную базу был атакован немцами, шедшими на помощь в Борислав. Партизаны приняли бой. Трое суток сдерживали атаки фашистов. В самый критический момент на выручку пришел отряд Кудинова, высланный Шукаевым с партизанской базы.

Отряд Степанова и группа Сатдарова были отправлены в район Чарно, где через некоторое время, так же, как и под Бориславом запылали нефтяные вышки.

Партизаны соединения контролировали обширную территорию с шоссейными и железными дорогами от Борислава до Турки, от Дрогобыча до Сколе. И в конце июня уже принимали наши самолеты на глазах у немцев. Фашисты были бессильны.

«...С 26 мая по 17 июня 1944 года в районе Борислава Львовской области сожжено и выведено из строя 103 нефтяные вышки и вышки-качалки, пущено под откос 45 эшелонов, разбито 46 паровозов и 485 вагонов, из которых с живой силой — 216, с пушками — 22, платформ с танками — 9, с автомашинами — 27 и 41 цистерна с горючим, разгромлено 10 гарнизонов противника, взорвано 7 железнодорожных и шоссейных мостов общей протяженностью 197 погонных метров, убито и ранено солдат и офицеров противника более 4 тысяч. Мелкие трофеи, такие, как, автоматы, пулеметы, винтовки, патроны, гранаты и т. д. невозможно пересчитать...» (из донесения в УШПД командира соединения подполковника М. И. Шукаева).

Еще не погасли всполохи огня и дыма Бориславского нефтяного промысла, как на территории Польши стали разбегаться пограничные гарнизоны врага, валиться под откос эшелоны, взлетать на воздух мосты. Районы Болигруда, Самбора стали партизанскими. Немцы повесили объявления на метровых фанерных щитах: «Внимание! Район русских бандитов. Приготовьте оружие».

Гитлер строжайше приказал не употреблять в документах и официальных бумагах слово «партизан», заменив его словом «бандит».

Диверсанты лейтенанта В. Горячева полностью «оседлали» железные дороги. На этих дорогах подрывники ежедневно расставляли по нескольку мин, против которых немцы применяли уже устаревшие методы противодействия: через каждые 40-50 минут по линии проходила усиленная охрана с собаками — ищейками. Подрывники Горячева, видя это, разбрасывали по полотну дороги кусочки тола. Собака находила их, довольно виляла хвостом (работа выполнена), но получала за это не награду, а удар резиновой палки.

Через несколько дней работы подрывников Горячева на железной дороге Турка — Мукачев немцы были вынуждены сопровождать свой транспорт... пешком. «Завоеватели мира», шедшие рядом с поездом, пугливо озирались по сторонам, мгновенно вскидывали автоматы и стреляли при каждом шорохе в зарослях придорожного кустарника.

29 августа 1944 года вспыхнуло восстание словаков против немецко-фашистских захватчиков.

С момента захвата гитлеровцами Чехословацкой республики в марте 1939 года компартия Чехословакии стала готовить народ к вооруженному сопротивлению фашизму. На многих предприятиях начались забастовки, диверсии, саботаж. Первые партизанские отряды на территории Чехословакии возникли в конце 1941 года. Летом 1942 года появились крупные партизанские отряды в районах Нова Баня и Банска Штявница. Высшей своей активности партизанское движение в Словакии достигло в июле — августе 1944 года.

На помощь словацкому восстанию было направлено 1-е Воронежское партизанское соединение подполковника М. И. Шукаева.

29 января 1945 года радиограммой командующего 4-м Украинским фронтом генерала армии И. Е. Петрова 1-му Воронежскому партизанскому соединению совместно с бригадой П. А. Величко было приказано овладеть населенным пунктом Святой Петер и железнодорожной станцией Липт Градек, чтобы отрезать противнику пути к отходу и удерживать район до подхода частей Красной Армии.

В тот же день, после получения радиограммы, дерзким неожиданным налетом партизаны выбили противника из Святого Петера и овладели Липт Градеком.

Фашистское командование бросило против партизан силы, значительно превосходящие партизан. Населенные пункты Святой Петер и Липт Градек несколько раз в течение трех суток переходили из рук в руки.



▲ Асмолов А.Н. Словакия февраль 1945



▲ Пономаренко П.К.

Исход боя решил подоспевший на помощь партизанам армейский стрелковый полк. Подразделения противника, разгромленные в Святом Петере и Липт Градеке и части, оборонявшиеся в долине реки Ваг, оказались отрезанными от своих главных сил и скрылись бегством через горы.

Похоронив павших в братской могиле, солдаты Красной Армии двинулись дальше, на запад, а 1-е Воронежское партизанское соединение имени И. В. Сталина, выполняя приказ штаба партизанского движения 10 февраля 1945 года основными своими силами вышло из тыла врага. Партизанские отряды Горячева и Винокурова, действовавшие в районе Банска-Быстрица, получили приказ выйти на соединение с наступающими частями Красной Армии.

Партизаны соединения уходили на пополнение частей Красной Армии, чехи и словаки — в армейский корпус генерала Л. Свободы, больные и раненые — в госпитали.

Командованию соединения было приказано выехать в Киев для составления отчета о боевой деятельности соединения в тылу врага.

Около восьми месяцев 1-е Воронежское партизанское соединение имени И. В. Сталина вело борьбу с оккупантами на территории Чехословакии.

В результате боевых действий в ходе рейда партизаны 1-го Воронежского партизанского соединения разгромили 149 вражеских гарнизонов, убили и вывели из строя 19 400 вражеских солдат и офицеров, разрушили 66 железнодорожных и шоссейных мостов, пустили под откос 219 вражеских эшелонов, 498 автомашин, вывели из строя 7 заводов, сожгли 103 нефтяных вышки. Было отправлено на Большую землю 1 750 радиограмм разведывательного характера.

1-е Воронежское партизанское соединение им. И. В. Сталина прошло боевым рейдом по тылам врага более 10 790 километров. Это был самый крупный по протяженности партизанский рейд за всю историю Великой Отечественной войны.

В ходе Великой Отечественной войны рейдирующие партизанские формирования проявили высокое воинское мастерство и добились большой эффективности своих действий. Они послужили мощной ударной силой в руках штабов партизанского движения и командования Красной Армии для решения важных боевых и политических задач в тылу врага. ■

Н.П. ЛЫКОВ

НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЕ ПОДПОЛЬЕ ПОСЛЕ ВОЙНЫ



▲ УПА

ПЕРЕОРИЕНТАЦИЯ УКРАИНСКИХ НАЦИОНАЛИСТОВ

Под мощными ударами Красной Армии гитлеровские войска были отброшены на запад, а Советская Украина освобождена от фашистской нечисти.

В обозе отступающих фашистских войск бежали на Запад главари украинских националистов, многие активные оуновцы, предатели и пособники немецких оккупантов.

Предчувствуя скорый конец немецких поработителей, а, следовательно, и свой собственный, националистические главари при поддержке оккупационных властей еще во второй половине 1943 года развернули активную деятельность по созданию подпольных антисоветских звеньев и формирований, предназначенных для организации подрывной деятельности в широком масштабе на территории Украины после изгнания оттуда фашистских захватчиков.

Поэтому на Украине почти сразу же после освобождения ее от фашистских войск начало действовать хорошо вооруженное и оснащенное оуновское подполье.

Основные кадры националистических главарей бежали на Запад вместе с немцами и по пути на территории не освобожденных еще от фашистского ига стран под руководством гитлеровцев организовывали базы для подготовки и заброски на освобожденную Украину шпионов и диверсантов, переправы туда оружия и других материально-технических средств для ведения подрывной антисоветской деятельности.

Лебедь и Гриньох в Братиславе (Чехословакия) и прилегающих к ней местах с помощью гитлеровцев создали ряд школ и курсов, где оуновцы проходили специальную подготовку для шпионско-диверсионной деятельности на Украине. Обучение проводили сотрудники немецко-



▲ В диверсионной школе

го «Абвера». Были скомплектованы специальные группы из украинских националистов, в задачу которых входила доставка на Украину денег, оружия, взрывчатки и радиоаппаратуры. Бывший начальник 2-го отдела штаба германских оккупационных войск Лазарек на допросе 27 мая 1945 года показал:

«По меньшей мере один раз в неделю направлял для УПА по 3–4 грузовых автомашины с оружием. Такие отправки я производил вплоть до августа 1944 года. Наряду с этим заданием мне было поручено руководством принять участие в создании двух диверсионных школ. Я уже показывал выше, что такие школы были созданы, за работой их наблюдал я.

В эти школы в июле — августе 1944 года поступили 100 участников УПА, которых наряду с обучением диверсионному делу надо было готовить в качестве младших командиров УПА.

После окончания этих школ их из Кракова в большинстве случаев самолетами рейдировали в тыл Красной Армии. Все это делалось на основании существовавшего договора между немцами и руководством ОУН — УПА».

Группы, доставлявшие подполью вооружение, средства связи и деньги, возвращаясь обратно, приносили с собой шпионские сведения, собранные оуновским подпольем на Украине для гитлеровской разведки.

Руководители украинских националистов, отступавшие вместе с гитлеровцами, приняли активное участие в «Вервольфе» — попытке гитлеровцев создать фашистское «партизанское подполье» на оставляемых ими под ударами Красной Армии землях государств Восточной Европы. При главном штабе «Вервольфа» предполагалось организовать «Комитет порабощенных народов России», что, по замыслу Гиммлера, должно было придать «Вервольфу» международное политическое значение. От «провода» ОУН в «Вервольфе» участвовали Стецько и Гриньох.

Но предательские элементы, прислуживавшие оккупационному режиму, понимали, что изгнание оккупантов неизбежно и что оно будет означать и изгнание их, предателей своей родины, а на арену общественно-политической жизни выйдут могучие демократические силы освобожденных народов.

Украинские националисты установили контакт с представителями марионеточных правительств этих стран, поддерживаемых штыками немецких оккупантов, чтобы объединить усилия в борьбе против СССР и демократических сил восточноевропейских стран.

По поручению центрального «провода» ОУН контакт с Румынией установили руководитель краевого «провода» ОУН, так называемой «Транснистрии», Семчишин и его заместитель агент румынской разведки Павлишин.

Для переговоров с салашистами со стороны ОУН был выделен член центрального «провода» ОУН Логуш Емельян, известный в оуновском подполье под кличкой «Иванив», выполнявший в то время функции руководителя краевого «провода» ОУН «Пивдень» (Юг). Переговоры начались 25 декабря 1943 года в с. Дермань Ровенской области, а закончились в Будапеште, куда вылетели Степаняк, Логуш, Врецьона, Гриньох, Луцкий и другие главари ОУН для встречи с начальником генерального штаба Шотани. В результате переговоров было достигнуто соглашение о совместных действиях против Советского Союза.

Главари ОУН вели также переговоры с представителями польского эмигрантского правительства и группы югославских четников Михайловича. Но остановить ход истории они не могли. Разгром немецко-фашистских войск был неминуем. Делать ставку в подрывной деятельности против СССР на разваливающийся под ударами Красной Армии гитлеровский режим было наивно. Украинские националисты понимали это. Понимали это и фашистские заправилы.

Поэтому украинские националисты с одобрения и при помощи гитлеровцев начали устанавливать контакт с американской и английской разведками.

Когда советские войска находились под Веной, Гиммлер поручил шефу дивизии СС «Галичина» Шандруку вместе с «проводом» ОУН передать англичанам остатки этой разгромленной советскими войсками дивизии. Англичане таким образом еще накануне краха Германии получили от Гим-

млера и живую силу, пригодную для диверсий и шпионажа, и связи с «проводом» ОУН.

На Запад после изгнания фашистов с территории Советского Союза бежали и бандеровцы, и мельниковцы, и бульбовцы (сторонники Тараса Боровца), и просто предатели украинского народа, прислужники оккупантов, не состоявшие ни в каких организациях. Все они, очутившись на Западе, стремились найти нового хозяина, искали контакта с разведками.

Наибольшие возможности для ведения антисоветской борьбы на Украине имели бандеровцы. Поэтому они считали, что их по достоинству оценят американцы и англичане.

Каждый главарь пытался установить личную связь с разведками, понимая, что это укрепит его положение в организации.

С английской разведкой установил связь бывший референт краевой связи Антонович Владимир, действовавший по инструкциям Бандеры.

По поручению Бандеры связь с американской разведкой установили Климишин, Татура, Пидгайный, Стахив и др. Американцы взяли на себя субсидирование националистов, организацию разведывательных школ, а националисты обязались поставлять кадры шпионов для американской разведки.

С американской разведкой установил контакт также Лебедь Николай, использовав связи с ней епископа-униата Бучко.

Захваченный органами госбезопасности эмиссар оуновцев и резидент американской разведки Охримович Василий на следствии показал: «Первые связи с американцами установил генеральный секретарь иностранных дел УГВР Лебедь Николай еще в 1945 году, будучи в то время в Италии. По заданию Лебедя член УГВР Врецьона Евгений установил связь с американцами в Швейцарии, в г. Цюрихе.

В 1946 году ЗП УГВР специально для связи с американцами направляло в Париж члена УГВР Мирослава Прокола. Последний установил там связь с американским сенатором Вандербильдом и передал ему меморандум ЗП.

В 1947–1948 годах член УГВР Пеленский Зенон, находясь во Франкфурте-на-Майне, официально являлся представителем так называемого «Центрального представительства украинской эмиграции» (ЦПУЭ) и под этой ширмой неофициально устанавливал различные связи с американской оккупационной администрацией в Германии.

После поражения Германии, в июле 1945 года, представители украинской националистической эмиграции Василий Мудрый, Роман Ильницкий и Иван Гриньох дважды посетили главную квартиру Эйзенхауэра в Западной Германии и предлагали свои услуги в отношении проведения подрывной антисоветской деятельности. Эти переговоры главарей ОУН с представителями американских и английских оккупационных властей и разведорганов при участии Эйзенхауэра были закончены осенью 1945 года. Английская и американская разведки согласились оказывать всяческую помощь ОУН с условием, что вся подрывная антисоветская деятельность украинских националистов будет проводиться не от имени ОУН, скомпрометировавшей себя связя-



▲ Гриньох М.И.



▲ Дуайт Эйзенхауэр

ми с гитлеровцами, а под флагом УГВР.

Позже в г. Франкфурте-на-Майне состоялось дополнительное совещание между Стахивом и Гриньохом, с одной стороны, и представителями американских и английских разведорганов — с другой. Кроме сбора шпионской информации, главари ОУН взяли на себя обязательство выполнять задания и по идеологической диверсии — восхвалять военную и экономическую мощь англо-саксонских государств, вести пропаганду неизбежности новой мировой войны и поражения в ней Советского Союза.

Связи с английской и американской разведками установили и мельниковцы. В качестве посредника между центральным «проводом» ОУН мельниковцев и американской разведкой выступил известный оуновский главарь и бывший резидент германской разведки доктор Сулятицкий, который в г. Штамберге (американская зона оккупации Германии) создал разведывательную школу и готовил в ней шпионов и диверсантов.

В мае 1948 года в г. Ашаффенбурге (Запарная Германия) был образован «Союз земель соборной Украины» (СЗСУ). Этот промельниковский националистический центр возглавил украинский националист Доленко Владимир, который в период немецкой оккупации руководил националистической организацией мельниковского направления в Харьковской области.

В руководящее ядро этой организации входили кадровые националисты: Сеник, Дубровский, Заболотный, Туптий и другие.

Главари СЗСУ в контакте с Боровцом, выступившим от имени «Украинской народной гвардии» (УНГ), взяли на себя перед американской разведкой обязательство организовать вооруженное восстание на Украине и разрабатывали планы усиления подрывной деятельности против СССР. Предусматривалось создать на территории Турции и Греции оперативный центр, возложив на него руководство подготовкой вооруженного восстания на Украине; обеспечить этот центр коротковолновой радиостанцией для ведения антисоветской пропаганды и поддержания связи с заброшенными на Украину эмиссарами СЗСУ, УНГ и др. Эмиссаров, курьеров и прочих агентов на Украину предполагалось забрасывать с территории Турции подводными средствами.

Доленко, ведя переговоры с США, хвастался, что он поддерживает связь с «воюющей» Украиной и получил по имеющемуся у него каналу разведывательную информацию, которая якобы подтверждена американским посольством в Москве.

В Вашингтоне Доленко и Боровец встречались с руководителем американской разведки Алленом Даллесом и сенатором Сновлензоном, с которыми обсуждали вопрос о возможности создания на Украине подпольного центра, деятельность которого должна заключаться в том, чтобы насаждать в городах, где сосредоточено большое количество рабочих и воинских частей, националистические группы. По словам Доленко, Даллес и адмирал Стивенс заявили ему, что «Американский комитет» окажет главарям СЗСУ неограниченную финансовую и матери-



▲ Аллен Даллес



▲ Бульба Боровец



▲ Лебедь Н.И.



▲ А. Мельник

альную помощь в том случае, если они докажут, что серьезно борются против Советской власти.

Найдя новых хозяев в лице американской и английской разведок, получив денежные средства, националистические главари начали действовать. Их усилия в первый период после бегства из Советского Союза и установления контакта с разведками в основном сводились к рассылке в провокационных целях в различные международные представительства антисоветских документов, к укреплению под руководством разведок связей с подпольем на Украине, получению через него шпионской информации, к развертыванию подпольной антисоветской борьбы в республике.

Националистические главари по указке своих хозяев пытались воспрепятствовать выходу на международную арену Украинской Советской Социалистической Республики, пытались выдавать себя за руководителей и организаторов подпольной борьбы в Украине, «репрезентантов свободной Украины».

Председатель «провода» украинских националистов А. Мельник 2 мая 1945 года направил телеграмму государственному секретарю США и председателю Международной конференции Объединенных Наций в г. Сан-Франциско, в которой заявил о неполномочности представителя Советской Украины в ООН и высказал предположение, что ему, А. Мельнику, удастся достигнуть взаимопонимания с лидерами националистических группировок, чтобы определить пути реализации представившейся возможности «выхода Украины на международную арену».

Бандеровская организация тоже обратилась в ООН с меморандумом, в котором доказывала, что представлять Украину может только УГВР, как «правительство борющейся Украины».

В распространяемых националистическими главарями за рубежом многочисленных документах антисоветская борьба националистического подполья представлялась как всенародная борьба против Советской власти. Умышленным раздуванием масштабов борьбы преследовались пропагандистские цели, и набивалась цена главарям из националистической эмиграции.

Хотя все националисты, оказавшиеся за границей, были едины в своих антисоветских устремлениях, каждый из них стремился повыгоднее продать националистические идеи, получше приспособиться к империалистическим разведкам. Поэтому в их среде продолжалось соперничество, грызня между группировками, внутренние раздоры. Каждый из главарей спешил организационно оформить свою группировку, привлечь на свою сторону побольше сообщников, занять в эмиграции положение посолиднее.

В организации мельниковцев эти процессы проходили менее болезненно.

Руководящим органом мельниковской организации украинских националистов, как и прежде, был «Провод украинских националистов» (ПУН), который существенных организационных преобразований в рассматриваемый период не претерпевал. Он поддерживал связь с подпольными звеньями мельниковцев, оставленными на Украине.

Сложнее обстояло дело у бандеровцев.

В 1946 году бандеровцы создали в Мюнхене «Провод закордонных частей ОУН» (ЗЧ ОУН), в состав которого вошли Бандера, Отецько, Ленкавский, Ребет, Гриньох, Лебедь, Пидгайный, Матла и другие.

В Германии, Австрии, Англии, Франции, Бельгии, США, Канаде, Аргентине, Австралии, Швеции, Голландии, Испании, Тунисе были организованы так называемые территориальные «проводы», подчинявшиеся «проводу» ЗЧ ОУН в Мюнхене. Но уже в самом начале послевоенной эмигрантской деятельности у бандеровцев возникли серьезные разногласия между главарями, каждый из которых претендовал на руководящее положение в организации (Бандерой, Отецько, Пидгайным — с одной стороны, Лебедем, Гриньохом, Лопатинским, Охримовичем и пр. — с другой). Эти разногласия в 1948 году привели к появлению оппозиции в ОУН и образованию за кордоном двух самостоятельных украинских националистических центров.

Участники оппозиции: Лебедь, Гриньох, Ребет, Стахив и другие — активизировали деятельность созданной в 1944 году УГВР и объединились в так называемое «Закордонное представительство УГВР» (ЗП УГВР). Бандера и его сторонники остались в «проводе» ЗЧ ОУН.

Стремясь заинтересовать иностранные разведки возможностью ведения подрывной работы на территории СССР и получить от них материальные средства, каждая из этих националистических организаций (оба центра бандеровцев ЗЧ ОУН и ЗП УГВР и мельниковский «Провод украинских националистов») пыталась выдать именно себя за закордонных представителей вооруженного подполья, существовавшего в западных областях Украины. Даже представители образовавшихся за кордоном группировок националистов, которые никакой связи с подпольем на территории Советской Украины не имели, и те старались представить себя в качестве «вождей борющегося народа Украины».

Английская и американская разведки, убедившись в готовности находящихся за границей оуновских верховодов поставлять кадры шпионов и диверсантов для засылки их на территорию СССР и получения через подпольные звенья шпионской информации, охотно пошли на установление контакта с этими центрами.

Выполняя задания американских и английских разведорганов, главари ЗЧ ОУН, ЗП УГВР и ПУН стали требовать от оуновского подполья не только активизации бандитско-террористической и диверсионной деятельности, но и представления подробной шпионской информации военного, экономического и политического характера. Разница заключалась в том, что ПУН требовал информацию от звеньев мельниковского направления, а ЗЧ ОУН и ЗП УГВР требовали ее от одного и того же «провода» бандеровцев в подполье.

ПОСТРОЕНИЕ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОГО ПОДПОЛЬЯ

Вооруженные банды УПА. В первое время украинские националисты рассчитывали на то, что после разгрома Германии последует военное столкновение США и Англии с Советским Союзом. Став фактически союзником американских и английских империалистов, националисты над-



▲ УПА

еялись с их помощью не допустить восстановления Советской власти на Украине, создать буржуазное украинское государство под англо-американским покровительством.

В 1944–1945 годах оуновское подполье на Украине представляло собой многочисленную и широко разветвленную националистическую организацию, построенную на принципах глубокой конспирации, безусловного подчинения нижестоящих звеньев вышестоящим, жестокого наказания виновных в нарушении организационной дисциплины и конспирации, вплоть до физического уничтожения.

Все главари и участники «проводов» ОУН находились на нелегальном положении и укрывались в лесных массивах и населенных пунктах в специально оборудованных убежищах — бункерах. Они были хорошо вооружены, при обнаружении их и попытках задержания оказывали вооруженное сопротивление или прибегали к самоубийству.

Но территориальные звенья подполья ОУН в период 1944 и первой половины 1945 годов еще не играли первенствующей роли в организации, в проведении активной антисоветской работы, нападениях на отдельные воинские части, налетах на населенные пункты, в массовых убийствах населения и совершении диверсионных актов. Эти преступления в указанный период в большинстве случаев были делом вооруженных отрядов созданной к тому времени УПА, в определенной степени подчинившей себе территориальные звенья «Организации украинских националистов».

К концу 1944 года УПА, дислоцируясь главным образом в лесных массивах западных областей Украины, насчитывала более 100 тысяч человек и состояла из четырех групп: северной — «Пивнич», южной — «Пивдень», восточной — «Схид», западной — «Захид — Карпаты». Во главе каждой группы стояли опытные, прошедшие специальную военную подготовку националисты. Вооружена УПА была пулеметами, автоматами, винтовками, гранатами, минометами и даже легкими орудиями, как правило, немецкого образца.



▲ Зверства бандеровцев

Во время наступления Красной Армии одна часть банд УПА ушла на территорию Польши, другая, незначительная, бежала вместе с немецко-фашистскими войсками и пробралась в западные зоны Германии. Подавляющее же большинство банд УПА осталось на территории западных областей Украины. Эти банды по указаниям центрального «провода» ОУН бандеровцев в течение некоторого времени скрывались в лесах, а по мере продвижения частей Красной Армии на запад выходили в населенные пункты и на коммуникации советских войск. Они совершали вооруженные налеты на населенные пункты и на подразделения Красной Армии, диверсионные и террористические акты, терроризировали население, препятствуя восстановлению органов Советской власти в освобожденных от немецко-фашистских оккупантов районах. Бандиты зверски истязали и убивали представителей партийно-советского актива, армии и органов госбезопасности, а также местных жителей, поддерживавших Советскую власть. На территории, где действовали банды, царил дикий разгул, жестокий террор по отношению к населению. Бандиты в своих прокламациях не только запрещали населению участвовать в мероприятиях, проводимых органами Советской власти, но и издевательски регламентировали жизнь граждан: запрещали, например, посещать в одиночку сельские и районные учреждения, встречаться с лицами, приезжающими в населенный пункт из других мест, и т. п. За невыполнение подобных требований людей убивали, вешали. В западных областях Украины от рук этих палачей погибли тысячи советских граждан. Бандиты грабили магазины, колхозы, отдельных граждан, обирали население путем насильственного распространения так называемых «бефонов» — билетов боевого фонда. Большие суммы денег они переправляли за кордон. Отдельные банды УПА действовали и в восточных областях Украины.

В первое время банды, как правило, выступали открыто и состояли иногда из нескольких сот человек. Это несколько облегчало органам государственной безопасности их выявление, позволяло широко использовать войска для блокирования, обнаружения и уничтожения банд. В результате чекистско-войсковых операций, проведенных в 1944–1945 годах, многих участников УПА удалось уничтожить и арестовать. Был ликвидирован почти весь руководящий состав УПА, в том числе и бывший командующий УПА Кляч-

ковский, по кличке «Клим Савур». Некоторых главарей УПА захватили живыми.

Ранее указывалось, что УПА создавалась еще в условиях немецкой оккупации. Подавляющее большинство ее участников были простые советские люди, которые поверили обману националистических руководителей о том, что УПА создается якобы для борьбы с фашистами. Поэтому УПА к моменту освобождения от гитлеровцев западных областей Украины была многочисленна. Когда же рядовые участники УПА увидели, что их вместо борьбы с врагом советского народа — гитлеровским фашизмом используют для борьбы за интересы погибающего от руки советских солдат гитлеровского режима, за дело американских и английских империалистов, для расправы с мирными советскими людьми, тысячи из них, несмотря на жестокую расправу за это, уходили из банд. Процесс этот был тяжелым, мучительным и длительным. Многие оставались в бандах под принуждением, из страха за свою жизнь и жизнь своей семьи.

Но сочетание в борьбе с оуновскими бандитами мер по разгрому формирований УПА с их разложением привело в 1945 году к серьезному изменению обстановки.

В конце 1945 года оставшиеся банды УПА изменили свою тактику: они разбились на более мелкие группы, состоящие из нескольких десятков человек. Эти группы стали более подвижными, им было легче укрываться от ударов советских войск. Они продолжали террористическую деятельность — совершали налеты на советские учреждения, убивали активистов, устраивали засады против небольших групп военнослужащих и работников органов госбезопасности и МВД. К началу 1946 года эти банды УПА с помощью сельского, партийного, советского и комсомольского актива были в основном разгромлены.

Когда главари ОУН бандеровцев и УПА увидели, что расчленение крупных банд на более мелкие не спасет их от разгрома, они приняли решение о роспуске УПА и передаче остатков банд территориальным подпольным организациям ОУН. В соответствии с этим решением сохранившиеся остатки банд влились в подпольные организации ОУН бандеровцев, образовав в них диверсионно-террористические группы и специальные вооруженные группы для личной охраны главарей оуновских организаций. Некоторые участники банд УПА стали главарями низовых звеньев ОУН бандеровцев.

В горных районах западных областей Украины, несмотря на роспуск УПА, некоторое время продолжали существовать отдельные банды, все еще считавшие себя отрядами УПА, обособленными от территориальных организаций ОУН.

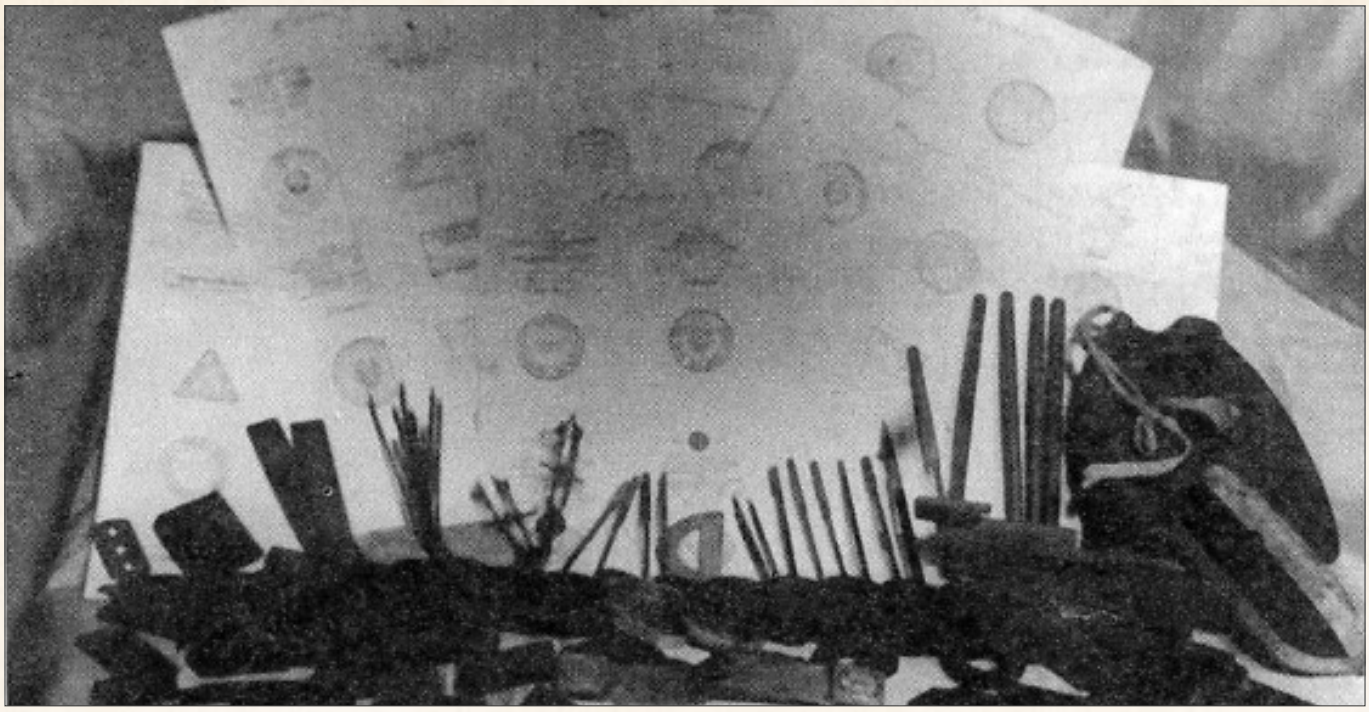
До осени 1947 года банды УПА существовали на территории Польской Народной Республики. После



▲ Клячкивский К. Савур



▲ Сверчевский Кароль Карлович



▲ Печати, бланки ОУН

убийства бандитами заместителя министра обороны генерала Свирчевского польское правительство в 1947 году приняло решительные меры к ликвидации банд УПА и выселению их пособников в район Одера.

В процессе проведения этих мероприятий группа бандитов, насчитывавшая около 1000 человек, просочилась из Польши через государственную границу на территорию Дрогобычской, Львовской и Станиславской областей и скрылась в лесах. Эти бандиты в конце 1947 и начале 1948 года были частично ликвидированы, частично рассеяны, а оставшиеся мелкими группами влились в территориальные организации ОУН бандеровцев.

Несколько вооруженных банд УПА пробралось в Чехословакию, где они были разбиты войсками органов государственной безопасности Чехословацкой Социалистической Республики. Много бандитов погибло, а оставшиеся в живых бежали в Западную Германию.

Нелегальные территориальные звенья ОУН. После разгрома бандитских формирований УПА бандеровцы в целях сохранения националистических кадров и продолжения борьбы против Советской власти провели организационную перестройку своего подполья и изменили тактику подрывной деятельности. Для укрытия они подготовили тщательно замаскированные подземные и наземные убежища — бункеры, «краивки». Эти укрытия были так искусно замаскированы, что их нельзя было обнаружить, даже находясь около них.

Открытые нападения на партийно-советский актив и прямое противодействие хозяйственно-политическим мероприятиям, проводимым в западных областях Украины, бандиты заменили тайными убийствами, поджогами и скрытым саботажем.

Серьезные успехи Советской власти в разгроме оуновских банд породили в среде украинских националистов взаимное недоверие. Бандиты стали подозревать друг друга в сотрудничестве с органами госбезопасности. Весной 1945 года в связи с этим была проведена чистка ОУН. Эту работу выполняли «служба безопасности» (СБ) и руководители «проводов». Чисткой преследовалась цель сохранить и оставить в организации только наиболее преданных и стойких участников, уничтожить подозрительных, остальных легализовать и считать сочувствующими ОУН.

Из захваченных органами государственной безопасности отчетов видно, что в ряде районов во время чистки главари уничтожали по 200–300 рядовых участников банд и оуновских организаций. Референт СБ центрального «провода» ОУН «Смок», например, уничтожил более 100 оуновцев. Он расстрелял два состава курьерских бандгрупп центрального «провода», предварительно выколотив у них показания о связи с органами государственной безопасности. Такие действия «Смока» вызвали подозрения у члена центрального «провода» «Коваля». Он поинтересовался «следственным» делом одного из расстрелянных своих курьеров. После ознакомления с «делом» «Коваль» написал резолюцию: «Если бы меня допрашивали таким образом, так я бы сказал, что я не руководитель ОУН, а абиссинский негр».

Наряду с расправами в отношении неустойчивых главари оуновцев принимали меры к идейному закреплению оставшихся участников организации. Повсеместно проводились пропагандистские «вышколы» — об-

учения, особенно в зимнее время; был создан специальный пропагандистский аппарат во главе с «главным осередком пропаганды» (ГОСП). От каждого участника организации требовалось дословное знание правил и заповедей националистов; наличие конспекта по истории Украины в националистическом освещении, систематическое чтение националистической литературы. Было оборудовано несколько подпольных типографий, в которых печаталось большое количество антисоветской литературы, предназначенной для националистической «закалки» рядовых оуновцев и распространения среди населения. Систематически проводились так называемые «видправы» — сборища руководящего состава для обучения.

В связи с уменьшением числа участников в том же 1945 году ОУН была структурно перестроена. В крае был образован центральный «провод» ОУН во главе с Шухевичем Романом, в который, помимо него, вошли Кравчук Роман (кличка «Петро»), Кук Василий (кличка «Лемиш»), Гасин Александр (кличка «Лыцарь»), Луцкий Александр, Арсенич, Степаняк, Дужий, Волошин и др. Все они в разное время были ликвидированы или задержаны органами госбезопасности.

Западные области Украины, Волынь и некоторые прилегающие к ним области Восточной Украины были разделены на четыре края, в которых образованы подчиненные центральному «проводу» соответствующие краевые «проводы»: 1) львовский краевой «провод» ОУН (Львовская область) 2) карпатский краевой «провод» ОУН (Ивано-Франковская, Черновицкая и Закарпатская области) 3) краевой «провод» ОУН «Подилля» (Тернопольская и Хмельницкая области); краевой «провод» ОУН на ПЗУЗ (на Пивнично-Захидных украинских землях). Этому «проводу» подчинялись Волынская, Ровенская и частично Житомирская и Винницкая области.

Сверху вниз шли организационные звенья: окружные, надрайонные, районные «проводы» ОУН и кустовые группы. В селах были «станичные» организации.

«Проводы» имели основные референтуры.

Организационная референтура вербовала новых членов в подполье, подготавливала оуновские кадры, поддерживала связь между отдельными звеньями организации и собирала отчеты о подрывной деятельности.

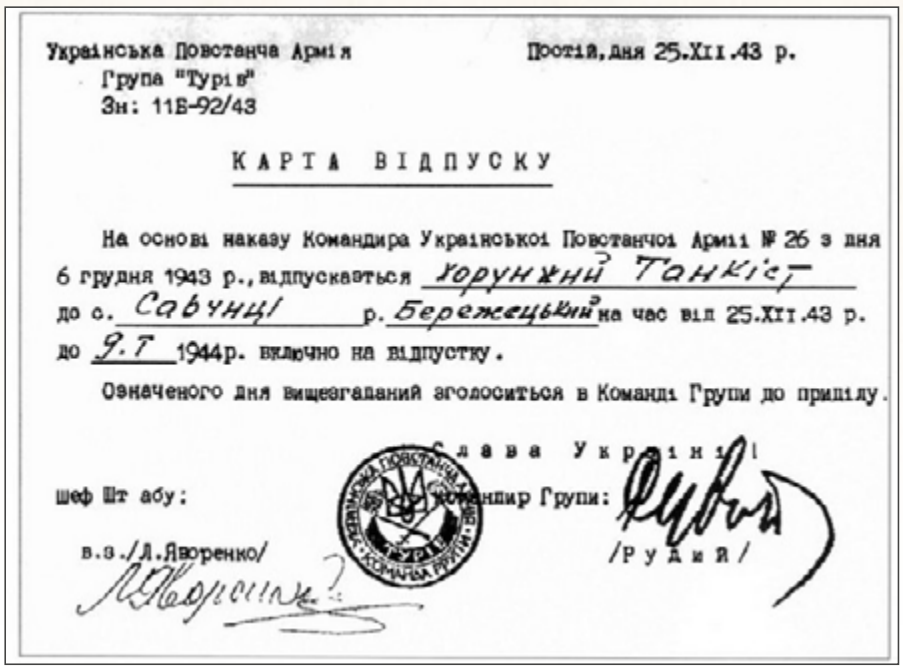
Референтура «службы безопасности» (СБ) занималась насаждением своей агентуры в городских и сельских советских учреждениях и на предприятиях. Она выполняла задания по сбору шпионских материалов для иностранных разведок и совершению террористических актов против партийно-советского актива и других советских граждан. На эту референтуру были возложены также функции по ограждению оуновских организаций от проникновения агентов органов государственной безопасности.

Оуновский аппарат СБ был создан во всех «проводах» и укомплектован наиболее проверенными на практической вражеской деятельности оуновцами. «Службе безопасности» главари ОУН придавали особое значение. Референтура СБ имела так называемых «следователей», которые вели «расследование» по делам участников ОУН и местных жителей, заподозренных в связи с органами государственной безопасности. «Следователи» СБ при помощи провокаций и пыток нередко добивались получения любых нужных им показаний.

Референтура пропаганды вела печатную и устную враждебную пропаганду и агитацию, составляла и печатала антисоветские листовки, распространяла среди членов ОУН и населения националистическую литературу, осуществляла антисоветскую обработку участников ОУН.

До разгрома УПА у оуновцев существовала также военная референтура, которая проводила вербовку разных антисоветских элементов в банды, занималась их военной подготовкой, разрабатывала планы террористических и диверсионных актов.

В прошлом существовала и хозяйственная референтура, занимавшаяся материальным обеспечением подпольных организаций и бандитских групп, грабежом и насильственным изъятием у жителей продуктов, одежды, денег.



Українська Повстанча Армія
Група "Турів"
Зн: 115-92/43

Постій, дня 25.XII.43 р.

КАРТА ВІДПУСКУ

На основі наказу Командира Української Повстанчої Армії № 26 з дня 6 грудня 1943 р., відпускається Хорунжий Тонкіст до с. Савинці р. Бережецький на час від 25.XII.43 р. до 9.I 1944р. включно на відпустку.

Означеного дня вищезгаданий зголоситься в Команді Групи до приділу.

Слава Україні!

Шеф Шт абу: в.о./Л.Яворенко/

Командир Групи: /Рудий/

▲ Диплом об окончании офицерской школы

До 1945 года существовали на положении референтур также женская и молодежная секции ОУН и так называемый «Украинский красный крест». Женская и молодежная секции действовали недолго и в связи с ликвидацией УПА были упразднены. Был ликвидирован также и «Украинский красный крест», который составлял специальное звено в оуновской организации.

Во главе каждой референтуры, начиная от краевых и заканчивая надрайонными «проводами», стояли так называемые референты, которые подчинялись вышестоящему референту и главарю территориальной организации ОУН.

В условиях подполья главари «проводов» и иных звеньев ОУН никогда не укрывались вместе со своими референтами и референтурами. У каждого референта, как правило, была специальная вооруженная группа — «боевка», которая прикрывала референтуру и связных, поддерживавших связь с вышестоящими и нижестоящими референтами, а также со своим территориальным главарем.

Кроме связных, в референтурах существовали специальные курьеры, подбиравшиеся из числа кадровых оуновцев. Курьеры были связаны только с определенным пунктом. Таких курьеров, которые могли бы попасть непосредственно к вышестоящему оуновскому главарю, не существовало. Курьерская связь в подполье была организована весьма конспиративно. Связь от одного звена подполья к другому замыкалась так называемым мертвым пунктом связи, дальше которого ни один курьер идти не мог. Мертвый пункт связи представлял собой заранее условленный тайник: дупло, пень, яму и т. п. В тайнике курьер оставлял письмо или другой предмет. Кто возьмет оставленное, курьеру не было известно. Через мертвые пункты связи доставлялись также продукты, одежда и т. п.

Вследствие такой сложной и глубоко законспирированной системы связи выявление мест укрытия оуновских главарей и других бандитов было чрезвычайно затруднено.



▲ Бульбовцы

Осторожность бандитских главарей доходила до того, что о месте их укрытия иногда не знали даже их личные связные и охрана. Чем выше стояло руководящее звено, тем сложнее и конспиративнее была система связи с его главарями.

В зимнее время руководящие звенья ОУН конспирировались с особой тщательностью. Если летом «проводы» укрывались по референтурам, каждая из которых через связных поддерживала связь с главарем своего «провода» и с вышестоящим референтом, то зимой даже референтуры разбивались на обособленные друг от друга группы и всякая связь между ними прекращалась. Если, например, референтура СБ районного «провода» состояла из семи человек, то на зиму она делилась на 2–3 группы, каждая из которых самостоятельно устраивала себе бункер, запасала продукты и до наступления весны не знала, где находятся другие группы. Весной они встречались в том месте, которое было обусловлено еще прошлой осенью, и через связного восстанавливали связь с главарем районного «провода» и с референтом СБ надрайонного или окружного «провода» ОУН.

В зимнее время, когда на снегу неизбежно остаются следы, участникам подполья, скрывавшимся в бункерах, выходить оттуда запрещалось. Во все времена года им не разрешалось уходить куда-либо поодиночке. Достаточно было бандиту одному посетить свою семью, как его сразу же подозревали в предательстве и подвергали допросу с применением пыток, под которыми, как известно из захваченных оуновских документов, нередко «признавались» в сотрудничестве с органами госбезопасности лица, не имевшие к ним никакого отношения.

Большое значение оуновские главари придавали изготовлению для себя и своих сообщников различных фиктивных документов. Органы государственной безопасности не раз изымали у оуновцев всевозможные материалы, инструменты и иные приспособления для изготовления документов.

Все оуновские организации были построены по принципу строгой подчиненности своим главарям. Любое распоряжение оуновского главаря — закон для подчиненного. Если, например, главарь приказал убить человека, то оуновец должен был

беспрекословно исполнить приказание, не спрашивая, за что и почему. Если же оуновец пытался уклониться от выполнения приказания, его немедленно уничтожали.

Главари ОУН принимали меры к тому, чтобы участники бандгрупп находились вдали от места жительства своих родственников и знающих их лиц и не могли с ними встречаться.

Серьезное внимание украинские националисты уделяли вопросам пропагандистской работы, особенно изготовлению и распространению антисоветской литературы и листовок. В этих целях при референтурах пропаганды были созданы специальные так называемые «технические звенья», имевшие в своем распоряжении печатную и множительную технику.

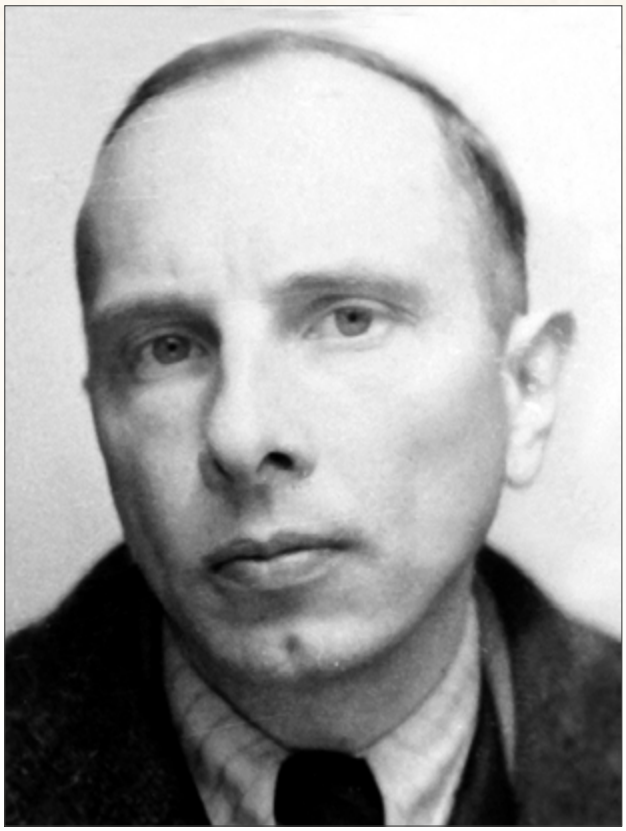
Пополнение бандитских групп новыми лицами производилось путем индивидуального отбора кандидатов. Отобранного кандидата, как правило, в течение некоторого времени активно обрабатывали в националистическом духе, с ним проводились специальные конспиративные встречи главарей ОУН. Перед тем как перевести кандидата на нелегальное положение и включить в состав бандгруппы, от него требовали, чтобы он выполнил «атентат», то есть совершил террористический акт над кем-либо из партийно-советских работников или сельских активистов.

Главарями ОУН были разработаны три основные тактические проблемы подполья, зашифрованные как «Дашбог», «Олег» и «Орлик». «Дашбог» — уход в глубокое подполье, прекращение открытой диверсионно-террористической борьбы, чтобы у органов госбезопасности сложилось впечатление о полной ликвидации подполья (это, по предположению главарей ОУН, дает возможность на длительное время сохранить кадры для глубоко законспирированной подрывной и шпионской деятельности в условиях советской действительности).

Руководитель ОУН Бандера писал из Мюнхена бывшему главарю оуновского подполья в западных областях Украины Шухевичу: «Важнейшим и единственно ценным является сохранение и построение сетки численностью даже меньшей, но территориально всеобъемлющей.

Важнейшие участки, которые необходимо организационно пронизать, — армия, колхозная система, основные рабочие центры, молодежь и школы. Инспирировать, организовывать и материально обеспечивать возникновение и создание националистических настроений в этих кругах, очень осторожно уклоняясь от оформления этих процессов в организационные формы...».

Сменивший Шухевича на посту главаря ОУН на Украине Кук Василий («Лемиш») в одном из писем в адрес руководителя СБ луцкого окружного «провода» ОУН «Ярошa» писал в 1951 году: «Старые надежные кадры постоянно воспитывать и обучать так, чтобы их моральное состояние, назначение и организаторские способности постоянно росли. Основное, чтобы каждый революционер (читай «национа-



▲ Бандера



▲ Шухевич

лист», — Авт.) хорошо умел вовлекать в освободительное движение новых людей (симпатиков и членов из среды молодежи и людей старшего поколения).

Больше внимания уделите вопросу сохранения кадров. Дорожить кадрами, как неоценимым сокровищем. Будут кадры — будет организация...».

Другой оуновский главарь из состава центрального «провода» ОУН «Орлан» руководителям подчиненных оуновских звеньев предлагал: «Необходимо в ближайшее время руководителям от районного и выше (имеются в виду «проводы» ОУН, — Авт.) взять к себе на воспитание по одному юноше из тех, которые подают надежды стать руководителями. Для нас дело воспитания руководящих кадров, в ближайшее время — вопрос жизни организации...».

«Олег» — активная антисоветская националистическая работа среди легально проживающей молодежи, подбор и подготовка новых кадров ОУН, в частности, для пополнения руководящих звеньев организации.

Украинские националисты печатали, писали и распространяли в большом количестве различные документы: «К украинской сельской, рабочей, интеллигентской молодежи», «Обращение к украинской молодежи», «Указания родителям по воспитанию детей», «Молодой юноша» и другие, — направленные на обработку молодежи в антисоветском духе и привитие ей националистических взглядов.

ОУН старалась удержать украинскую молодежь в западных областях республики от участия в работе клубов, от вступления в комсомол, в пионерские организации и т. п. Главари ОУН предлагали своим последователям «провести борьбу с пионерскими организациями, вести об этом пропаганду, организаторов пионеров предупреждать, а в противном случае — ликвидировать...».

В ряде мест украинским националистам удавалось проникнуть в молодежную среду, вербовать в ОУН и переводить на нелегальное положение отдельных лиц, а также создавать националистические организации из легально проживающих юношей и девушек.



▲ Лесной лагерь

«Орлик» — распространение антисоветской националистической деятельности ОУН на восточные области Украины.

В одной из инструкций об этом писалось: «Посылка людей на СУЗ (східно-українські землі) — работа первостепенного значения. Она должна идти по двум направлениям: приобретение явочных квартир и создание сетки...

Использовать каждую, даже маленькую, возможность для встреч и разговоров агитационного характера с украинцами-восточниками. Собирать информацию о восточных областях с целью изучения возможностей и конкретных условий для проведения там организационной работы... заинтересовать и вовлекать восточных украинцев в товарищеские связи с нашими людьми, особо обратить внимание на студентов, учителей...».

Как свидетельствуют захваченные у бандитов документы, между «проводами» ОУН, существовавшими в западных областях республики, были раскреплены отдельные восточные области, в которых они должны были вести работу по созданию националистического подполья. Например, по записям карпатского краевого «проводника» ОУН «Ефрема» установлено, что коломыйский окружной «провод» ОУН должен был вести эту работу в Днепропетровской и Запорожской областях; калушский окружной «провод» — в Кировоградской, Николаевской и Херсонской областях; дрогобычский окружной «провод» — в Одесской и Измаильской областях.

Организация националистической работы в восточных областях Украины центральным «проводом» ОУН была поручена члену этого «провода» «Орлану». С этой же целью в Винницкую область был направлен с группой вооруженных бандитов «Улас», краевой проводник ОУН «Подилля».

В июне 1949 года по заданию Львовского краевого «провода» ОУН в Черниговскую и Киевскую области выезжала «Марта» — Голояд Галина (арестована), связная и жена бывшего члена центрального «провода» ОУН «Севера». «Марта» пробыла в поездке 16 дней. За это время в Городнянском районе Черниговской области она создала националистическую организацию из местных жителей, собрала разведывательные данные о колхозах района, настроениях колхозников, совершила поездку по Днепру в Киев, Канев и разбросала по пути следования националистические листовки.

По возвращении «Марта» написала доклад о возможностях работы

оуновцев на востоке, который обсуждался во всех организационных звеньях ОУН Львовского края.

Многие бандиты, ознакомившись с докладом «Марты», изъявили желание проводить националистическую деятельность в восточных областях и намерение туда выехать.

Оуновские звенья из легализовавшихся националистов. Наряду с нелегальным националистическим подпольем на Украине существовали оуновские организации из националистических элементов, проживающих легально.

В связи с обращением правительства Советской Украины к участникам ОУН и вооруженных банд с призывом не выполнять заданий националистических главарей и империалистических разведок, прекратить антисоветскую борьбу, возвратиться из лесов в свой дом и трудиться на благо народа, а также в связи с обещанием простить вышедшим из подполья оуновцам их прошлую преступную деятельность, тысячи граждан, обманом и угрозами вовлеченных в оуновские банды, явились в органы Советской власти с повинной.

Руководители националистического подполья решили использовать во враждебных целях этот процесс. Под видом явившихся с повинной выходили из подполья злостные враги Советского государства. В их задачу входило создавать в населенных пунктах националистические звенья из легально проживающих лиц, изучать их поведение, отношение к мероприятиям Советской власти, информировать бандитов о патриотических элементах и советско-партийном активе, создавать пособническую базу.

Главари центрального и краевых «проводов» ОУН обращали внимание нижестоящих оуновских звеньев на организацию активной работы среди легализовавшихся националистических элементов. По этому вопросу была разработана и распространена инструкция, в которой, в частности, предлагалось: из числа явившихся с повинной и проживающих легально участников ОУН создать отдельную сетку и тщательно ее конспирировать. Расконспирированных перебрасывать на работу в другие районы. Обратить особое внимание на города, рабочие поселки и районные центры. Направлять туда под разными предлогами часть оуновских кадров (особенно женщин). Кроме организационной сетки, создать по городам информационный аппарат, который наряду со сбором разведывательных донесений должен вести устную националистическую пропаганду и распространять оуновскую литературу.

Из числа легально проживающих националистов создавались антисоветские группы двух категорий: для враждебной деятельности непосредственно в данное время и так называемая «запасная сетка» ОУН для действий в будущем, в более благоприятный, по мнению украинских националистов, момент.

Бандиты, находившиеся на нелегальном положении, с участниками легальных организаций встречались редко.

Связь они поддерживали в основном с руководителями организаций. Бандиты снабжали эти организации печатной антисоветской литературой, которую участники легальных организаций обязаны были изучать на специально устраивавшихся конспиративных сборищах.

Многие участники легальных групп ОУН имели оружие. Нередко главари ОУН привлекали вооруженных участников легальных групп к совместным налетам на населенные пункты и совершению террористическо-диверсионных актов.

Так называемые «запасные сетки» ОУН создавались путем строго индивидуального отбора. Подбором этих кадров, антисоветской обработкой их и вербовкой представлялось право заниматься главарям окружных и вышестоящих «проводов» ОУН.

В оуновском «Перечне указаний для выделенных лиц» излагалось пять основных требований:

«1. Изучать и намечать людей на будущее (для захвата власти). Подбирать людей идейных, активных, стойких. Решает их умение оценить ситуацию и организаторские способности.

2. Не включаться активно в работу против режима. Ограничиться исключительно сбором информации. Связь осуществлять редко (не чаще 3–4 раз в год). Связь тщательно конспирировать. Решает конспирация.

3. В момент решающих событий (война или непосредственная уг-



▲ ОУН

роза войны) перейти на нелегальное положение и обеспечить себя укрытием. Одновременно склонять к укрытию подобранных людей в случае возможной их мобилизации в армию. Убежища готовить вдали от коммуникаций и промышленных объектов (возможность бомбардировки).

Намеченным людям заявить, что в решающий момент они должны быть в нужных для Украины местах. Заявить им, что это поручение революционно-освободительного движения.

4. Не начинать выступления преждевременно. Начало выступления возможно только в случае явного развала существующего строя, а если этого не будет, то в момент прихода оккупационных войск. Вопрос решит умение оценить ситуацию и решительность действий.

5. В подходящий момент из ранее намеченных лиц создать инициативные группы и от имени УГВР захватить власть на местах в свои руки. Обеспечить новую власть вооруженной силой...».

В 1945–1947 годах оуновскому подполью удалось создать, особенно в селах, и активно использовать в подрывной антисоветской работе широкую сеть легальных националистических групп.

Мельниковское подполье на Украине. На территории Украины наряду с организационными звеньями бандеровцев действовали также два краевых «провода» ОУН мельниковцев: львовский «провод», объединявший звенья ОУН мельниковцев в западных областях Украины, и киевский «провод», объединявший ОУН мельниковцев в восточных областях Украины.

Подрывная антисоветская деятельность мельниковцев в первые годы после окончания войны проходила в направлении создания глубоко законспирированного оуновского подполья, для руководства которым на территории западных областей Украины «Провод украинских националистов» оставил Петра Онуфрика («Коник», убит бандеровцами в 1945 году), Зданевича («Ждан»), Илыка, Березовского, Полишвайко и др.

Уже в 1945–1946 годах для связи с ними и развертывания антисоветской подрывной деятельности на Украине под видом репатриантов и переселенцев были направлены в Советский Союз эмиссары: в г. Львов — «Левман»; в Закарпатскую область — «Хмель». Выполнить порученное им задание «провода» они по не зависящим от них причинам не смогли.

В начале 1940 года «Провод украинских националистов» организовал в Мюнхене так называемый краевой «привод» для руководства деятельностью организационной сети, оставленной на территории УССР. «Провод» этот именовался 1-м отделом «главного провода» ОУН, или просто «одынка». Руководил им член «провода» украинских националистов Ярослав Гяйвас («Каминь»).

Перед «одынкой» ставились следующие задачи:

1. Организовать надежные каналы двусторонней связи «провода» украинских националистов с руководящими кругами подполья, оставленного на территории УССР.

2. Изучать возможности для перемещения «одынки» на Украину и легализации ее членов в западных областях УССР.

3. Подобрать места закладки нелегальных типографий и радиостанций на территории УССР.

4. Подобрать в эмиграции, подготовить и направить на Украину, главным образом в восточную ее часть, наиболее стойких и преданных членов ОУН для проведения организационной работы.

Краевой «провод» «одынка» имел 6 отделов:

1) организационный — референт Николай Плавюк («Бездольный»), в последующем являлся президентом так называемого «Украинского национального объединения» (УНО) Канады;

2) разведки — руководитель Феодосий Оменцинский («Кравич»);

3) связи (с краем) — руководитель Михаил Белейчук («Марко»), проживает в США;

4) пропаганды — руководитель Константин Мельник;

5) боевок — руководитель Степан Когут («Черный»);

6) финансов — руководитель Антон Мельник («Старый»). Оставленным на Украине участникам мельниковского подполья были даны указания глубоко законспирировать свою принадлежность к ОУН, внедряться в различные советские, хозяйственные и культурно-просветительные органы, стремиться занять в них руководящие посты, воздерживаясь от каких-либо открытых антисоветских проявлений. Разрешалось вести активную работу только по расширению мельниковского подполья, насаждению легальных звеньев ОУН, которые предлагалось строить по принципу «троек», «пятерок», строго конспирируя их друг перед другом.

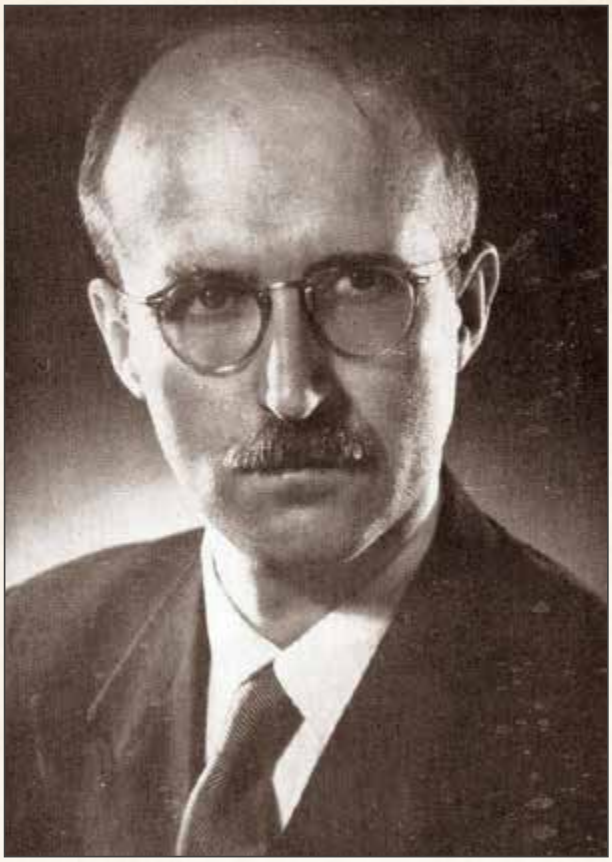
Подобно бандеровцам, мельниковцы питали надежду на возможность возникновения Третьей мировой войны и в соответствии с этим строили планы своей подрывной деятельности против Советского государства. Чекистскими органами было перехвачено письмо «Провода украинских националистов» к мельниковцам на Украине, в котором содержался призыв быть готовыми к активным действиям в условиях новой войны. «Взрыв такого конфликта, — говорилось в письме, — потребует от нас проведения целого ряда подготовительных мероприятий и, кроме того, далеко идущего расширения, как масштабов, так и методов, содержания работы...».

Мельниковцы, как и бандеровцы, разработали специальную инструкцию на случай новой войны.

Вооруженные бандитские группы мельниковцев разгромлены в основном до 1947 года. В дальнейшем выявлялись легально проживающие участники националистической организации мельниковцев. По сравнению с бандеровцами их было значительно меньше, но они были более глубоко законспирированы.



▲ Кук



▲ Стецко

ШПИОНСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОГО ПОДПОЛЬЯ

В подполье на Украине находились участники двух основных националистических организаций — бандеровцев и мельниковцев.

Происшедший раскол бандеровского центра в эмиграции существенно не отразился на бандеровском подполье в УССР. Рядовые участники подполья о нем ничего не знали, а руководители — Шухевич, а затем Кук — состояли и в руководстве «провода» организации, и в «правительстве» УГВР. Раскол произошел в центре, а не в организации.

Каждый из закордонных центров (ЗЧ ОУН и ЗП УГВР) поддерживал связь с разведками самостоятельно.

На Украину нелегальным путем направлялись эмиссары и курьеры, специально обученные в американских и английских разведывательных школах. Они были снабжены деньгами, новейшим оружием, радиостанциями, средствами тайнописи и другим шпионским снаряжением.

Об установках, которые были даны этим шпионам империалистическими разведками и закордонными центрами ОУН, можно судить по показаниям арестованного органами госбезопасности эмиссара и агента Дышканта, направленного на Украину Бандерой, Стецко и американской разведкой. Он сообщил: «Конкретными задачами разведывательной сети членов ОУН бандеровцев, а по сути агентуры американской разведки на территории Советского Союза, как инструктировал меня майор американской разведки Мек-Кольм, является:

- создание новых центров и пунктов проведения широкой разведывательной подрывной работы внутри Советского Союза;
- проведение вербовочной работы среди антисоветских элементов с целью создания новых антисоветских националистических формирований и использование их для разведывательной деятельности в интересах американцев;
- организация и осуществление разного рода саботажа и вредительства на важных объектах промышленности, железнодорожном транспорте, в сельском хозяйстве, научных учреждениях и т. д.;
- организация переправ, приобретение за деньги документов, паспортов, разных справок и т. п. в целях легализации засылаемых из-за кордона эмиссаров центрального «провода» ОУН бандеровцев и агентов американской разведки, обеспечения для них беспрепятственного передвижения на территории Советского Союза;
- проведение активной антисоветской пропаганды и проамериканской агитации путем распространения антисоветской литературы, листовок и пр.

На мое замечание, что эти задания для меня являются весьма большими и трудно выполнимыми, Мек-Кольм заявил, что выполнять их я буду не сам, а руководство «Организации украинских националистов» бандеровцев и что, как только я установлю на Украине нужные связи и начну выполнять эти задания, из-за кордона будут высланы для помощи люди.

Мек-Кольм также заявил мне, что при успешном развороте дела на территории Украины американской разведкой при помощи организации будут заложены радиостанции в целях облегчения связи и оперативного руководства всей подрывной работой против Советского Союза».

Другой оуновский эмиссар, агент английской разведки Матвиейко заявил на следствии: «Я направлен на территорию Советского Союза как личный представитель руководителя организации украинских националистов Степана Бандеры и уполномоченный закордонного «провода» ОУН, чтобы информировать руководителя оуновского подполья в западных областях Украины о том, что между английской разведкой и центральным «проводом» ОУН существует полная договоренность о совместной подрывной деятельности против Советского Союза.

Я должен был… активизировать работу оуновского подполья по сбору шпионских сведений о Советском Союзе, поставив организацию на службу английской разведке.

Мне поручалось организовать постоянную связь с заграницей. В этих целях я должен был использовать прибывших со мной радистов, специальных курьеров, а также использовать почтовую связь на подставные адреса с применением тайнописи».

Всего в эти годы иностранные разведки направили на Украину через бандеровские эмиграционные центры несколько десятков агентов.

Выполняя задания империалистических разведок, главари центрального «провода» ОУН, находившегося в подполье на Украине разработали специальную инструкцию «О методике политической работы среди населения», в которой, в частности, по вопросу сбора шпионской информации, говорится: «Собирать важную информацию… какие возрасты и в каком количестве мобилизовали большевики в Красную Армию в 1939–1941 гг. и в 1944–1946 гг. и сколько из этих мобилизованных еще служит в данное время.

В какой мере территория Западной Украины насыщена воинскими частями Красной Армии? Сообщить наименования частей, их численный состав, места дислокации, род оружия, качество техники (старая, новая), передвижение частей Красной Армии, боеприпасов, горючего, военной техники железными и шоссейными дорогами на запад. В каких темпах проходит сейчас обучение Красной Армии… Постройка на нашей территории авиационных баз, снабжения…».

К этой инструкции прилагались методические указания и формуляр



▲ Переодетые в красноармейцев бандиты, 1947 г.

военного отчета, в котором должны были подробно излагаться собранные шпионские сведения. Этот формуляр содержал следующие разделы: а) войска, б) военные объекты, в) граница, г) аэродромы, д) коммуникации и связь, е) транспортировка боеприпасов и т. п.

По указанию своих главарей украинские националисты проникали в Советскую Армию в порядке очередного призыва и вольного найма для сбора шпионских сведений, проведения националистической агитации среди военнослужащих, создания изменнических групп с целью организации их побега на армии с оружием и ухода в банды ОУН, а в случае возникновения войны — перехода на сторону противника.

По заданию главарей ОУН и иностранных разведок украинские националисты просачивались на железнодорожный транспорт, на оборонные и другие важные объекты, чтобы создавать там вражеские группы и вести шпионскую работу.

Среди документов, захваченных у руководителя рогатинского «провода» ОУН «Шувара», обнаружен вопросник, предназначенный «для тех, кто находился на разных работах в отдаленных районах СССР».

В разделе II вопросника в отношении собирания сведений военного характера спрашивается: «1. Имела ли работа, которую выполнял, военное значение. Если так, то какая это была работа, что там делали (если строительство, то какое — фортификационное, военно-промышленных заводов или фабрик, стратегических дорог, аэродромов, портов; если производство, указать чего — оружия, снаряжения, машин и т. п.).

Во всех случаях указывать:

а) точное место ведения данной работы, данного завода, по возможности дать схему расположения;

б) какая военная организация руководила этими работами (наименование или номер ее, примерная численность, фамилия начальника и других руководителей, а также состав команды);

в) в случае работы на заводе — все о заводе, об организации работ и технологии производства, о предмете; производства (если производится оружие, то какое оружие или его части, новый это род оружия или какой-то усовершенствованный, в чем заключается усовершенствование, из какого материала, как и где проводилось испытание); о дневном и месячном производстве, о количестве рабочих и инженеров или техников, о направлении отправки или складах на месте данного производства, о мерах по засекречиванию производства в целом и подробно, об общей охране завода, о противовоздушной охране или внешней маскировке, объясняя соответствующими схемами...». В этой же инструкции даются подробные указания по сбору сведений «политического» и «специального» порядка.

Характерно, что главари ОУН, скомпрометированные своими связями с гитлеровской разведкой, скрывали от рядовых членов организации контакт с американской и английской разведками, а необходимость сбора шпионской информации о военном потенциале Советского Союза объясняли требованиями руководящих центров ОУН.

«Провод украинских националистов» (ПУН) использовал оставленные им в подполье на Украине свои организационное звенья для шпионско-разведывательной деятельности.

В ряде мест, в частности в селе Вулька Орловска, Штеттине и Кракове (Польша), Богумине, Густопече, Грубешове (Чехословакия), были организованы нелегальные переправочные пункты для засылки в СССР эмиссаров, курьеров и шпионов.

В январе 1947 года при помощи американцев мельниковцы организовали в Штамберге двухмесячную школу агентов-радистов. Возглавлял школу Сулятицкий, деятельностью ее руководил сотрудник американской разведки Отто Голли, бывший обер-лейтенант немецкой военной разведки «Абвера». Характерно, что подготовкой радистов для бандеровцев, установивших связь с американцами, руководил бывший сотрудник «Абвера» Голли. Возможно, что Голли и Отто Голли — одно и то же лицо.

В течение 1946–1948 годов «провод» мельниковцев подготовил и по этим каналам заслал на Украину более 20 эмиссаров с заданиями разведывательного и организационного характера. Из них только группа Новака в количестве трех человек направлялась на Украину через Чехословакию, остальные проникали через Польшу.

Мельниковские агенты засылались и по легальным каналам. Перед направлением на Украину они тоже обучались в американских разведшколах, получали задания американской разведки.

Так, арестованный эмиссар «провода» украинских националистов Довбенко, заброшенный на Украину под видом репатрианта, на допросе показал: «Перед выездом на территорию СССР меня вызвал один из референтов ПУН «Марко» и передал в распоряжение офицера американской разведки, который направил меня в разведшколу в г. Мюнхен.

В этой школе в течение двух недель вместе с 45 другими мельниковцами меня обучали методам сбора на территории СССР шпионских сведений, топографическому и военному делу, умению стрелять и обращаться со взрывчатыми материалами...».

По документам ОУН известно, что главари «Провода украинских националистов» совместно с империалистическими разведками в течение 1945–1950 годов нелегальным путем и по каналу репатриации направили на Украину свыше 500 оуновцев с различными подрывными заданиями.

Во многих населенных пунктах на территории Украины мельниковцы организовали явочные квартиры для приема эмиссаров и курьеров ПУН.

ТЕРРОРИСТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УКРАИНСКИХ НАЦИОНАЛИСТОВ

Трудящиеся Украины после войны встретились с огромными экономическими трудностями. Украинская ССР была одной из республик, наи-

более пострадавших во время войны. Фашистские захватчики почти полностью разрушили промышленность республики, превратив в развалины более 16 тысяч промышленных предприятий, свыше 200 тысяч сооружений промышленно-производственного назначения. Были разорены все колхозы, МТС. Гитлеровцы разрушили или сожгли на Украине 714 городов и поселков и свыше 28 тысяч сел, лишили крова около 10 миллионов человек.

Бандитско-террористической деятельностью украинские националисты пытались помешать украинскому народу восстанавливать разрушенное войной хозяйство, затормозить экономическое и культурное строительство в западных областях республики, подавить политическую активность трудящихся. Это был политический бандитизм.

Террор оуновских бандитов был направлен против работников партийно-комсомольских и советских органов, сотрудников органов госбезопасности, милиции и военнослужащих Советской Армии, сельских активистов, обеспечивавших выполнение хозяйственно-политических задач Советской власти, против любых лиц, активно участвующих в общественной жизни.

Особенно активно они охотились за агентами органов госбезопасности, устраивая зверские расправы не только над действительными агентами, но и над всеми теми, кто в силу различных причин общался с сотрудниками чекистских органов или посещал здания органов госбезопасности. Первенствующая роль в совершении этих злодеяний принадлежала так называемой «службе безопасности» ОУН, которая стремилась насаждать во всех населенных пунктах свою «службу информации» из националистов, находящихся на легальном положении, с их помощью вести систематическое наблюдение за всеми действиями советских органов и их представителей, подготавливать налеты банд и террористические расправы.

Предвидя неминуемое свое уничтожение, банды украинских националистов, как стаи хищных зверей носились по лесам и селам западных областей Украины. Они совершали диверсионные акты, производили налеты на населенные пункты, убивали представителей партийного и советского актива, расправлялись с населением, которое не желало быть соучастником их преступлений. Бандиты не щадили ни детей, ни стариков, ни женщин.

Оуновцы не просто убивали, они зверски замучивали свои жертвы: отрубали им ноги, руки, головы, вешали и душили веревками или колючей проволокой, отрезали уши, нос, груди, выкалывали глаза, кололи ножами и полуживых, а часто и живых



▲ Бандеровский лесной схрон

бросали в глубокие колодцы, в проруби, засыпали землей в ямах и чинили многие другие зверства.

За один только 1946 год украинскими националистами были зверски замучены свыше 2 тысяч жителей западных областей Украины.

По прямому указанию Ватикана украинские националисты 24 октября 1949 года зверски убили советского писателя Ярослава Галана, видного журналиста и общественного деятеля, неоднократно выступавшего в печати с разоблачением враждебной деятельности украинских националистов и мракобесов-униатов.

От рук бандитов ОУН погибли многие партийные, комсомольские и советские работники, особенно районных аппаратов, многие активисты из числа интеллигенции, врачи, учителя, которые, не страшась террора украинских националистов, жертвуя своей жизнью, осуществляли мероприятия Советского правительства по упрочению Советской власти, по налаживанию культурной и хозяйственной жизни на селе в западных областях Украины.

Оуновские бандиты чинили зверские расправы и над теми участниками националистического подполья, которые порывали с националистической идеологией, над лицами, вызывавшимися в судебные и следственные органы в качестве свидетелей по делам националистов. Для большего устрашения населения бандиты часто совершали убийства в присутствии жителей сел.

Помимо зверских расправ над населением, украинские националисты устраивали налеты на промышленные предприятия, особенно расположенные в сельской местности, поджигали их, уничтожали оборудование и помещения, расстреливали администрацию, разгоняли рабочих. Бандиты взрывали железнодорожное полотно, вызывали крушения поездов.

Особо яростное противодействие националистические банды оказывали проводимой в западных областях коллективизации крестьянских хозяйств. Как известно, коллективизация крестьянских хозяйств вела и к ликвидации кулачества. Оуновцы боялись потерять свой последний оплот, дававший им людские резервы и материальные средства.

Главари подполья ОУН прямо и самым категорическим образом требовали от националистических звеньев любыми методами и способами не допустить коллективизации и укрепления колхозов в западных областях Украины.

В июле 1948 года главари центрального «провода» ОУН обсудили на своем совещании вопрос о подрыве колхозного строительства и приняли следующее решение: «Вопрос коллективизации на территории западных областей УССР совещание рассматривает как отдельную особо важную проблему и делает вывод, что если органам Советской власти удастся провести коллективизацию, то тем самым будет нанесен тяжелый удар по оуновскому движению и оно будет поставлено



▲ Галан Я.А.



▲ Ребет



▲ Фашистские прихвостни

на грань неизбежного краха.

Исходя из этого, совещание принимает инструкцию и дает категорические указания руководящим звеньям ОУН вести жестокую борьбу с коллективизацией любыми средствами...»

Чтобы сорвать коллективизацию, запугать крестьян и тем самым продлить свое существование, украинские националисты применяли жестокий террор как к сельским активистам, так и к рядовым колхозникам. Они убивали тех, кто в числе первых подал заявление о вступлении в колхоз, уничтожали имущество колхозов, стараясь подорвать экономическую базу сельского хозяйства в западных областях Украины.

Несмотря на ожесточенные вооруженные действия оуновских бандитов, население западных областей республики к концу 1949 года объединилось в колхозы и все более активно участвовало в их строительстве. Видя неизбежность сплошной коллективизации и бесцельность противодействия ей, украинские националисты начали переходить от открытых методов враждебной деятельности к скрытым. Главари ОУН давали указания отдельным участникам подполья вступать в колхозы, внедряться в руководящий состав и вести подрывную работу изнутри — портить имущество, отравлять скот, срывать сроки полевых работ и саботировать всякие другие мероприятия, направленные на организационное и хозяйственное укрепление колхозов. Они стремились создать в колхозах глубоко законспирированные так называемые «инициативные группы» из бывших оуновцев, бандпособников и кулаков, готовые по первому требованию захватить колхоз в своих руки. Особенно рассчитывали украинские националисты на кулацкие элементы. Тесно связанное с оуновским подпольем в западных областях Украины, кулачество, убедившись в неизбежности победы колхозного строя, от открытого противодействия коллективизации перешло к скрытым формам сопротивления.

Кулаки стремились проникать в колхозы и занимать в них руководящие должности, чтобы подрывать колхозы изнутри, а также избежать раскулачивания и налогового обложения в индивидуальном порядке.

Своей бандитско-террористической и диверсионной деятельностью украинские националисты нанесли тяжелый ущерб Советскому государству и украинскому народу. Только за 1944–1953 годы, то есть к моменту полной ликвидации националистического подполья и его вооруженных банд, в западных областях Украины совершено 14 424 бандитских нападения, в том числе: террористических и диверсионных актов — 5 099, разоружений групп охраны общественного порядка — 457, поджогов колхозов, совхозов, МТС, налетов на сельсоветы и клубы, вооруженных ограблений — 1 004.

Наибольшее количество бандитских действий было совершено в 1944 и 1945 годах. .■

Н.Н. ЛИХАЧЕВ

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ЗАГОВОР



▲ Северный вокзал

Каждый год, в один из летних вечеров, в Москве, на Северном вокзале к дальневосточному экспрессу прицепляли массивный, темно-пепельного цвета салон-вагон, поданный откуда-то из запретной для посторонних глаз зоны московской Окружной дороги (с 1922 по 1955 гг. Ярославский вокзал назывался Северным вокзалом, прим. ред.). Десять дней и ночей, пока скорый Москва-Владивосток не минет Хабаровска, дежурный помощник начальника военных сообщений Красной Армии будет принимать рапорты военных комендантов станций о проследовании к цели П-0202...

В Свердловске в салон-вагон входила и оставалась там, пока стоял поезд, группа военных и штатских. Среди последних местные обыватели, наблюдающие издалека, узнавали двух повелителей Урала — Кабакова и Головина. В Новосибирске поезд встречали и провожали командующий войсками округа; секретарь крайкома Эйхе; председатель исполкома Грядинский. В Иркутске полчаса оставался с докладом у высокопоставленного пассажира секретарь крайкома Разумов в сопровождении начальника местного гарнизона. В Чите почти бегом приближались к вагону, на ходу поправляя свои ордена и портупеи, комкор Горбачев и корпусной комиссар Шестаков — военный совет Забайкальской группы войск...

Позади оставались разреженный воздух Урала, таежные и степные просторы Сибири, нависшие скалы и тоннели Байкала, земли бурятские, вечная мерзлота Забайкалья, Амурская долина — поезд, влекомый сороковым по счету паровозом, грохотал на одном из длиннейших в мире Хабаровском мосту.

Хабаровск. Город военных, столица ОКДВА, резиденция «царя Сибири», легендарного Блюхера. В дверях салон-вагона показывался низкорослый военный в темно-коричневой

Лихачев Николай Никитич (1905-1965), *родился 7 июля 1905 г. в деревне Кость Мерная, Рязанской губернии. Журналист, редактор. Работал военкором в армейских газетах. Служил в штабе Особой Краснознаменной Дальневосточной армии (ОКДВА). В конце 1930-х гг. был исключен из рядов ВКП(б). Подозревался в участии заговора Тухачевского на Дальнем Востоке. Уволен из армии. С началом Великой Отечественной войны призван в армию. Работал военным корреспондентом. Попал в плен. Активно сотрудничал с фашистскими оккупантами. После войны скрывался в Германии. Жил в Англии, преподавал в Кембриджском университете. Разделял антисоветскую платформу Народно-трудового союза (НТС). Часто посещал Францию. Сотрудничал с русскими антисоветскими объединениями. С 1955 г. работал в эмигрантском журнале «Посев», с 1958 г. — главный редактор. Публиковался под псевдонимом Светланин Андрей Васильевич. В Германии в Франкфурте-на-Майне в 1953 г. опубликовал книгу «Дальневосточный заговор», где убедительно и подробно рассказал о наличии в РККА организации заговоров, которая планировала и готовила поднять антисоветский (антисталинский) мятеж на Дальнем Востоке.Казненные в 1937 г. по «делу Тухачевского» военачальники и партийные функционеры были лишь частью более широкого заговора, центральной фигурой которого являлся Ян Гамарник, начальник Политуправления РККА, армейский комиссар 1-го ранга, заместитель наркома обороны. Гамарник, видимо, начал готовить заговор с Тухачевским уже в 1932 г. Было два различных плана. План «А», разработанный Тухачевским и его подельниками, предусматривал «дворцовый переворот» в Кремле (ликвидация Сталина), который должны были поддержать военачальники и партийные лидеры из ряда областей. План «Б» предусматривал независимые восстания в различных приграничных областях СССР, был разработан Гамарником вместе с партийно-государственными функционерами и являлся вариантом, получившим полное одобрение заговорщицкого центра. Дальний Восток был намечен для начала восстания. После смерти (убийства?) И.В. Сталина скрытый троцкист Хрущев развязал лживую гнусную кампанию «против культа личности Сталина». Он объявил заговорщиков «невинными жертвами кровавого диктатора» и реабилитировал заговорщиков. Следует вспомнить, что 6 июня 1937 г. в советских газетах появились выдержки из выступления главы столичных коммунистов Н.С. Хрущева на московской областной партконференции. Сей перевертыш и двурушник с возмущением говорил, что, хотя в горком «были избраны проверенные, преданные делу партии большевики... в состав ГК попал также троцкистский предатель, изменник Родины, враг народа Гамарник. Этот факт еще раз говорит о том, что враг подло маскируется».*

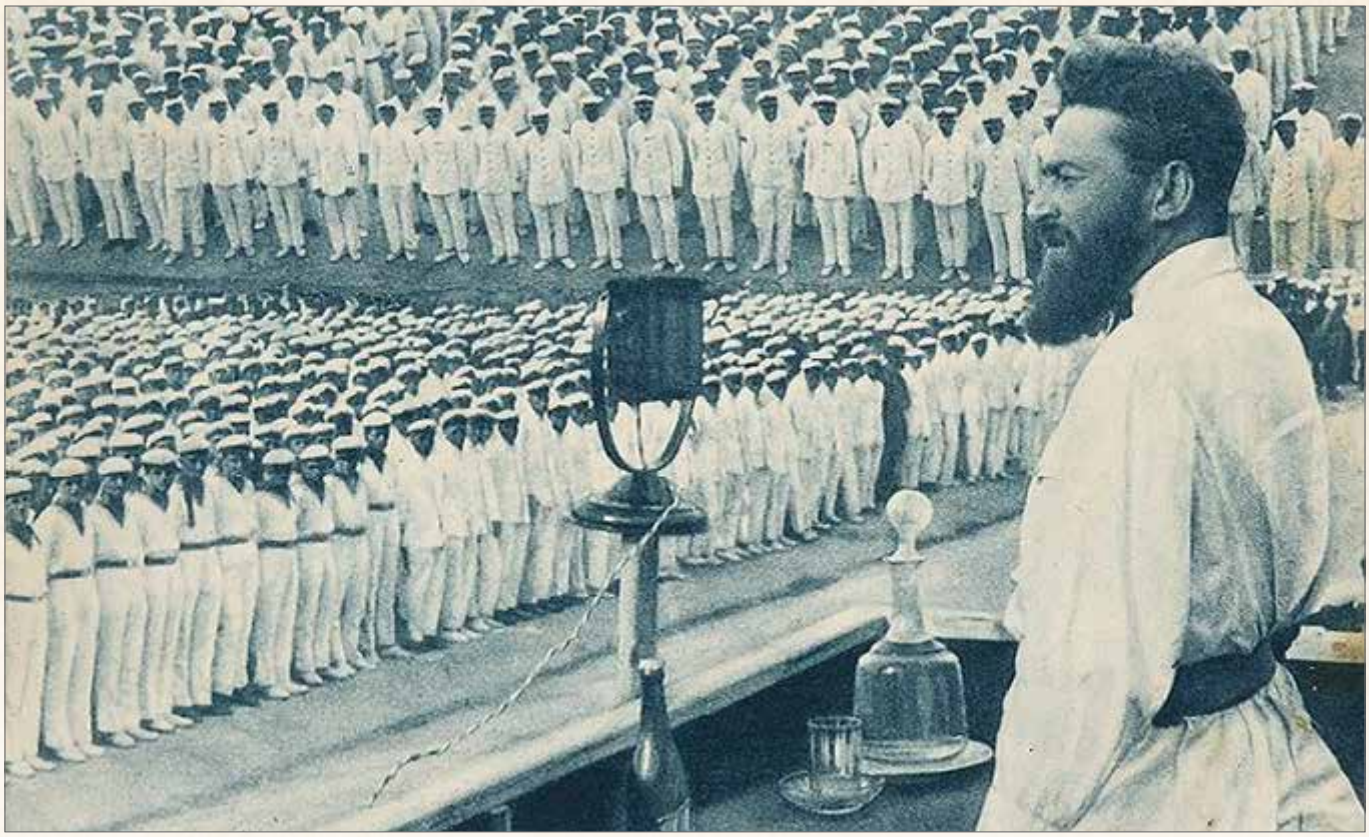
Хрущев своей реабилитацией преследовал еще одну цель — дискредитировать сохранивших свои высокие посты сталинистов, чтобы самому удержать власть и обеспечить поддержку своим антисоветским, антигосударственным действиям. Обвинение Сталина в убийстве «невинных выдающихся полководцев и военачальников» должно было сразу превратить военных в преданных союзников (среди которых их нашлось, к сожалению, немало) и очернить всю политику, связанную с именем Сталина.

гимнастерке, при окладистой бороде, при портупее, орденах, при четырех ромбах с каждой стороны воротника, при красной, тканой из шелка, звезде на каждом рукаве — знаки различия армейского комиссара первого ранга — Я.Б. Гамарник. Странно, казалось он со своей длинной бородой, походил на местечкового раввина, бог весть зачем переодевшегося в военную форму. Звучала команда. Молодцеватого вида карлик в светло-зеленом кителе рапортовал армейскому комиссару первого ранга и представлялся, как того требовал устав:- комкор Сангурский!

Гамарник пожимал руку давно ему знакомого начальника дальневосточного штаба, здоровался с почетным караулом и направлялся к встречающей его большой группе военных и штатских в полувоенном: здесь, в царстве военщины, пиджак и галстук были если и не под официальным запретом, то чем-то вроде дурацкого колпака или... уклона.

Гамарник трижды, накрест, по русскому обычаю, целовался с Блюхером, и странно было видеть этого комиссара в звездах, серпах и молотах, с лицом аскета и нелюдима, расположенного к обычаю древней старины, к подобной, что ли, сентиментальности.

После этого, Гамарник обходил толпу встречающих и здоровался строго по табелю о рангах. Минуя Крутова, Таирова, проходил к Лаврентьеву. Потом возвращался и пожимал руку Крутову, в то же время отыскивая глазами следующего по значению — Дерибаса.



▲ Гамарник на Тихоокеанском флоте

— Знакомые все лица! — мрачно и глухо произносил он неизменную в его устах фразу из «Горе от ума». При этом суровое лицо его безуспешно пыталось изобразить подобие приветливости.

...Колонна блестящих паккардов и зисов бешено мчалась по пыльной и грязной привокзальной улице к огромным красным корпусам штаба армии на улице Серышева. С этого момента штаб армии становился главной штаб-квартирой чрезвычайного и полномочного эмиссара Политбюро на Дальнем Востоке.

Салон-вагон Гамарника носился из Хабаровска в гиблую Даурию, из Даурии в Благовещенск, из Благовещенска в строящийся Комсомольск, из Комсомольска на Угольную и к бухте Золотой рог. Автомобиль Гамарника можно было видеть несущимся среди бурятских кочевий в Забайкалье, осторожно пробирающимся по настильной дороге в Уссурийской тайге, стоящим возле земляного горба ДОТа в Гродекове. С борта монитора Амурской флотилии Гамарник обзирал лесистый безлюдный берег Маньчжурии, и на флагманском судне Тихоокеанского флота выходил в океан, плавал на Сахалин, на Камчатку и под «самую» Америку.

Он инспектировал воинские части, пограничные заставы, укрепленные районы, Особую воздушную армию Лапина, крейсера и подводные лодки Викторова, угольные шахты Сучана, номерные заводы Хабаровска, поля дальневосточной житницы — Приамурья...

Гамарник присутствовал в заседаниях военного совета, крайкома и крайисполкома и в общей и секретной аудиенции принимал с докладами высших должностных лиц края, строителей подземных бастионов, командиров и комиссаров соединений, разведчиков, только что вернувшихся «оттуда» (из Японии и Китая).

Держал он свое достоинство высоко, но без дешевого самолюбования. Терпеть не мог, чтобы кто-нибудь шел рядом с ним (исключением был только Блюхер), и всегда ходил один, удерживая свою свиту и охрану на почтительном от себя расстоянии. Шел энергичной походкой, но без малейшей суеты, всегда с полуопущенными глазами, не обращая ни малейшего внимания на стороны, целиком, казалось, погруженный в какие-то свои, никогда его не оставляющие, мысли. Тяжелое «дум стремленье» вообще было чрезвычайно характерно для лица этого человека с глазами мрачного идеалиста.

Вечно сосредоточенный, молчаливый, Гамарник не знал шутки, улыбки, разговора на отвлеченную тему, но не был раздражительным, грубым, придирчивым по мелочам, не устраивал криков, разносов и вообще ничем не обнаруживал своих чувств. Он был в некотором роде олицетворением того второго поколения советских ответработников, которое пришло на смену разухабистым партизанам первых лет революции.

Это второе поколение отличают некая собранность, самодисциплина, культурные навыки, эдакий свое-

образный такт, такт ежовых рукавиц, но все же такт... деловой стиль. Человек делового стиля, Гамарник в служебных докладах, рапортах, донесениях не переносил никакой воды.

На инспекторских смотрах в Дальневосточной армии Гамарник немногословно приказывал сделать то-то или устранить то-то, или же молча садился в машину и уезжал, не сказав ни слова одобрения, ни слова порицания. Это молчание было загадочно и двусмысленно и оставляло начальство инспектируемой части на некоторое время в томительной неизвестности. Бывало, после инспекторского смотра приказом свыше командир части, без мотивировки, отстранялся от должности. Но бывало также, что на грудь командира, опять же без мотивировки, нежданно-негаданно сваливался орден...

Дальневосточники не имели основания ни испытывать особого страха перед Гамарником, ни питать к нему, как к личности, какой-нибудь особой неприязни. В конце концов, чисток он не устраивал, напротив: ревниво оберегал стабильность дальневосточных кадров. Никаких своих, гамарниковских, экспериментов над войсками и населением края не придумывал. Не был и держимордой, самодуром.

Чиновничество определенно уважало Гамарника за твердость слова: скупой на обещания, раз обещанное (по части удовлетворения хозяйственных и культурных нужд края) он всегда исполнял.

В войсках и у населения края существовала легенда о покровительствующей дальневосточникам «бороде».

Член оргбюро ЦК ВКП(б), заместитель народного комиссара обороны и глава комиссаров Красной Армии Ян Борисович Гамарник получил под свою руку Дальний Восток в 1930 или 1931 году, вскоре после того, как звезда его засияла на столичном небосклоне. (Перед этим Гамарник сидел в «белорусских болотах» в качестве первого лица этой республики). Как раз в эти годы, после только что закончившейся советско-китайской войны из-за КВЖД и в предвидении серьезного осложнения отношений с Японией, советское правительство приступило на Дальнем Востоке к реализации внушительной программы военного строительства и — более широком смысле — военизации края вообще. После оккупации Японией Маньчжурии эта программа была еще более расширена, и уже в 1934 году Дальний Восток по численности стянутых сюда войск и по значению стал первым военным округом Красной Армии.

Естественно, что перед правительством встала необходимость сосредоточить наблюдение из центра за приобретшей столь большое значение далекой военной окраиной в одном каком-нибудь лице. И так же естественно, что выбор пал на человека, совмещающего в своем лице власть военную и власть партийную. При этом, по совпадению, этот человек оказывался старым знатоком таежного края: в свое время (середина двадцатых годов) Гамарник несколько лет провел на Дальнем Востоке в качестве советского губернатора (председатель губернского исполкома) и члена Дальбюро ЦК ВКП(б).

Вновь назначенному правительственному наблюдающему за Дальним Востоком были присвоены большие полномочия. Краевые власти, равно как и все наркоматы и центральные ведомства, во всем, что касалось Дальнего Востока, были обязаны отчетом Гамарнику и должны были согласовывать свои с ним действия. Он же был обязан отчетом непосредственно Политбюро. При назначениях и смещениях руководителей края Гамарнику в оргбюро принадлежало решающее слово. Назначения, перемещения и смещения крупных работников внутри края могли производиться только с ведома и одобрения Гамарника. При его ежегодных.инспекционных поездках в Дальневосточный край, Гамарник на время пребывания в крае становился чрезвычайным и полномочным правительственным эмиссаром для этой территории, с правом принимать на месте самостоятельные ответственные решения по вопросам экономики края, военного строительства и охраны границ.

При этом Гамарнику была вверена вся служба осведомления правительства и «общественного мнения» о военно-политическом положении в странах Дальнего Востока, граничащих с СССР. Гамарник лично возглавлял службу советской военно-политической разведки в Японии и Китае и был шефом соответствующего отдела Разведупра Красной Армии и разведотдела штаба ОКДВА. Вся военно-политическая литература по Японии и Китаю подлежала цензуре Гамарника, и Карл Радек, диктуя в ночной час на линотип свои «японские» статьи, рассчитывал время так, чтобы успеть получить на них визу Гамарника.

При управлении главного комиссара Красной Армии, на Арбате, была особая канцелярия по дальневосточным делам.

...Политбюро, выдавшему столь солидный мандат Гамарнику, и во сне не снилось, что человек, облеченный этим мандатом, будет в заговорщицком подполье развивать идею дальневосточного восстания против Кремля и предложит себя в качестве уполномоченного по организации такого восстания...

***

Антиправительственное и — во вполне определенном смысле — антикоммунистическое подполье тридцатых годов, ставшее известным под именем «заговора Тухачевского», было подпольем в самой правящей коммунистической партии, точнее же — подпольем части руководящего состава коммунистической партии, ее генералитета.

Возникновение этой организации было неразрывно связано с теми новыми условиями политического режима, в которых оказались партия и страна после монополизации (можно также сказать: узурпации) власти группой Сталина в 1929 году.

Сталин пришел к положению неограниченного диктатора партии и государства в борьбе за «ленинизм», против оппортунистических уклонов старой ленинской гвардии.



▲ Троцкий, Красная площадь, 1920 г.

Гвардией Сталина, при помощи которой последний одержал победу над «ленинградской оппозицией» на 14-ом съезде партии (происходившем в декабре 1925 года), были молодые партийные работнику, лично обязанные Сталину. Сталин недаром провел перед этим три года — из них два в период междуцарствия, после смерти Ленина — на посту генерального секретаря ЦК. И в то время, когда его соперники и будущие открытые противники острили свое политическое или даже проще, теоретическое оружие, Сталин, в руках которого, как генсека, был сосредоточен подбор и отбор руководящих кадров, в том числе монопольно — кадров руководителей для периферии, втихомолку расставлял на посты в партийном и государственном аппарате, в частности на посты секретарей губернских и уездных комитетов партии, облюбованную им молодежь. Великий аппаратчик, конечно, уже тогда был фанатично убежден, что секрет властвования — в искусстве «организационной работы».

Известно, что молодость признательна, и губернско-уездные секретари, сами составлявшие на 14-ом съезде четверть его состава, повели свои делегации за нашедшего и облагодетельствовавшего их Сталина против ожесточенного атакующего Зиновьева и его ленинградцев. Это обстоятельство, при полнейшей беспечности и недальновидности будущих вождей правой оппозиции, позволило Сталину впервые показаться перед партией и страной в мундире победителя.

Нельзя, однако, сказать, что молодые партработники поддержали Сталина только из побуждений благодарности за выдвижение. При этом они, как и ячейки партии в своем подавляющем большинстве, были и основательно убеждены в том, что в споре левая оппозиция — Сталин, истина лежит где-то ближе к Сталину.

Истерика и паника зиновьевцев перед затяжкой революции в капиталистических странах, конечно, меньше могли импонировать здравому рассудку партии, чем ясный оптимизм и волевая целеустремленность Сталина, возвестившего работу с засученными рукавами по построению социализма в одной, отдельно взятой, стране и доказывавшего, со ссылкой на Ленина, что СССР имеет «все необходимое для построения полного социалистического общества». Хозяйственный план зиновьевца Сокольникова, предлагавшего оставить СССР аграрной страной в ожидании революционных потрясений на Западе, никому из мыслящего слоя партии вообще и национально-мыслящего слоя в особенности, не представлялся великолепным.

Порок планов оппозиции состоял еще и в том, что она, будучи сама в разброде, выдвигала предложения, зачастую резко противоречащие одно другому. Так, наряду с антииндустриальным планом Сокольникова, оппозицией же выдвигалась вычурная, нервная и паническая сверхиндустриализация за счет беззастенчивого выкачивания соков деревни, которая, разумеется, еще меньше могла рассчитывать на сочувствие партии, изрядно разбавленной за годы, прошедшие после Октября, крестьянским элементом. Зато всех — и рабочую, и крестьянскую части партии и, в известном смысле, народ — удовлетворял казавшийся тогда эластичным и безболезненным сталинский плановый путь индустри-

ализации: и кооперации в прочном союзе рабочего класса с середняком, с постепенным — соревновательским путем — вытеснением капиталистических элементов.

Никто не догадывался, что Сталину нужно было отвергнуть зиновьевский прожект для того лишь, чтобы спустя четыре года, использовав свои преимущества победителя, приступить к реализации... плана Зиновьева (под названием сталинской пятилетки) в таком масштабе, в таком темпе и в таких зверских формах, какие левым и во сне не снились.

По принятому Политбюро (по настоянию оппозиции) постановлению о немедленном опубликовании в смутное для партии время предсмертного письма Ленина в ЦК — Сталин извлек последнее из кремлевских сейфов и, выступив перед высоким партийным собранием с заявлением, что пора покончить с бессовестной спекуляцией оппозиции на так называемом завещании Ленина, прочел его. (В своем письме, в заключительной его части, Ленин предлагал ЦК найти способы замены Сталина на посту генсека другим, во всех отношениях более эластичным членом ЦК. Ленин указывал, что Сталин слишком груб и что этот недостаток, вполне терпимый в среде и общениях между коммунистами, становится нетерпимым в должности генсека).

В последовавшей затем речи, Сталин обосновал: свою грубость тем, что она-де, проявляется только в отношении врагов партии — с врагами, дескать, по-вражески — и в заключение голосом, в котором трудно было уловить звучание оскорбленной невинности, заявил, что все же, если партии это будет угодно, он готов очистить пост генерального секретаря, которого так усердно добивается для себя оппозиция. Сталинские «бескорыстие и прямота» не могли не произвести впечатления на членов партийного синклита, и Сталин был оставлен в должности генсека.

Возвышение Сталина не вызывало тогда особенно тревожного беспокойства в партии так же и потому, что в партии еще продолжали жить и действовать ленинские порядки, обеспечивавшие свободу (конечно, относительную) внутрипартийной дискуссии, свободу партийного волеизъявления, хотя упрочившиеся у власти сталинцы в центре и на местах, все чаще заявляли своеволие и прибегали к методам грубого шантажа и давления.

Все изменилось самым резким образом с конца 1929 года, когда сталинская группа в центре решила, что настал момент монопольно прибрать к своим рукам власть и, введя новую систему властвования, раз и навсегда покончить с оппозициями.

Встревожены были не только вожди правой оппозиции — Бухарин, Рыков, Томский, Угланов и другие, до сих пор еще как-никак, но делившие со Сталиным и его группой власть в Политбюро и в правительстве. Встревожены были также и многие из «молодой гвардии» Сталина; они понимали, что Сталин ведет дело к установлению нового режима в партии и стране, при котором их роль «коллективного мозга» партии кончится.

Скоро, однако, несмотря на то, что внешние стороны советской жизни в начавшуюся эру сталинизма приобрели очень унифицированный «согласный» вид, стало ясно, что в стране затаилась массовая оппозиция новому режиму.

Это была оппозиция, загнанная внутрь людей; оппозиция, но необходимости, перед лицом утвердившейся беспощадной системы подавления, прикрывающаяся маской лояльного, благожелательного отношения к режиму. Тайная оппозиционность распространилась во всех слоях населения и во всех слоях советского общества, не оставив незатронутым и привилегированное сословие сталинского «дворянства».

Было несколько причин, которые, по мере проявления характерных и все новых черт строящегося социализма, утверждали в недовольстве диктаторской верхушкой Кремля значительные слои советского сановничества.

В ходе социалистического строительства получил надлежащее освещение главный политический вопрос о судьбах и путях революции, на котором в свое время точили ножи друг на друга соперничавшие в борьбе за власть троцкисты и вообще левые, с одной стороны, и ни правый, ни левый Сталин — с другой, и стало предельно ясно, что подразумевал Сталин под «построением социализма в одной стране», когда он написал на своем знамени этот лозунг, давший ему перевес во внутрипартийной борьбе 1925-1929 гг.

Троцкисты и другие левые, часто противоречащие друг другу, как известно, в общем исходили из того положения старой марксистской социологической школы, что пролетарская социалистическая революция может победить только как революция мировая. Смешно и глупо, говорили они, строить социализм в одной, отдельно взятой, притом еще промышленно отсталой стране («в одном уезде» по издевательскому выражению Троцкого в полемике против Сталина); что все упования надо возложить на развязывание революции в западных странах и что первому пролетарскому государству везде и всегда по отношению к прочим государствам надо проводить чистую и открыто революционную, классовую линию, не запятнанную никакой сомнительной тактикой «договоров» с буржуазией (ярость Троцкого против Англо-Русского комитета и сотрудничества с Гоминданом).

Революционной фразе левых, ренегат интернационалистической идеи в мнении левых, Сталин противополагал интересы строительства социализма в одной стране, в стране победившей пролетарской революции. Мало кому приходило тогда со всей отчетливостью в голову, что лишь один Сталин, в отличие от левых беспочвенных романтиков и самоубийц, не желавших считаться с очевидным фактом наступившего классового замирения на Западе и прущих с голыми руками на рожон упрочающейся капиталистической стабилизации, — был спасителем дела мировой революции, последовательным борцом за торжество идеи коммунизма — за мировое

распространение коммунистической власти.

Начатая осуществлением «генеральная линия» скоро не стала оставлять никакого сомнения в ее утилитарном подходе к народу страны победившей пролетарской революции, к самой коммунистической партии и к самой проблематике социалистического строительства, а начатая «великая стройка» не оставляла никакого сомнения в ее инструментальном назначении: оборудовать СССР как плацдарм, базу, арсенал и «ударную бригаду» (Сталин) для целей коммунистического наступления на мир «во имя Маркса», если лопнули надежды на мировую коммунистическую революцию по Марксу. «Марксизм не догма, а руководство к действию» (Сталин).

Эта цель окрашивала собой всю ткань и формировала все стороны выраставшего на глазах казарменного полицейского социализма. Создавалось государство-кулак, государство-машина, государство-казарма с дисциплиной армии, находящейся в бою... Сталин вернул страну в «окопы мировой революции».

Но второе поколение партии, с которым Сталин вводил страну в «социализм», было вполне чуждо догматизму старых большевиков. Воинствующий коммунистический максимализм («даешь Берлин!») умер в сердцах людей в России по мере того, как улегся революционный шторм годов «бури и натиска». Второе поколение партии, приобщавшееся к государственной жизни и к политическому руководству в восстановительные годы, в мирную, расслабленную, «безыдейную», «мещанскую» эпоху НЭПа, вполне нашло себя если не на отстройке своего национального дома, то на делании собственной карьеры на административной, хозяйственной, военной, полицейской службе: оно обволакивалось жирком и входило во вкус «буржуазного» образа жизни.

Этим коммунистам лишь по партийному билету меньше всего было дела до задачи мировой революции, в которую к тому же они мало верили: наблюдая так или иначе («железный занавес» в годы НЭПа еще не был сплошь непроницаемым) революционный отлив, на Западе, эволюцию социальной жизни в послевоенной Европе, реальные достижения западных «братьев-пролетариев» в бескровной классовой борьбе, — они все более догадывались о какой-то порочности марксовых «железных законов» исторического развития. Вот почему эти люди оглушительно отказали Троцкому и левым оппозициям, настаивающим на мировой революции, как на цели и смысле российской революции.

Сталинский лозунг построения социализма в одной стране эти нэповские партийцы приняли, в первую очередь, в порядке отталкивания от домогательств беспокойных и опасных левых фанатиков, помешавшихся на видении мирового пожара. Это был «выход из положения» во внутрипартийной распре. Но многие были, склонны принимать сталинский лозунг за чистую монету, если не в смысле отказа от идеи мировой коммунистической гармонии, то в смысле созидания заразительного примера «лучше устроенного общества». Людям этим представлялось, что созидательная работа откроет для них более широкое поприще для проявления себя на государственной работе, в области политического водительства и политического творчества, хотя и в рамках однопартийного марксистского государства...

Жестокое разочарование не замедлило прийти тотчас после начала «великой стройки». Это не было постепенное крушение иллюзий, это был обвал иллюзий.

Дело было в том (можно даже сказать: особенно в том), что сталинский социализм потребовал от самой коммунистической партии и всего ее кадра такого скачка из царства «сво-



▲ Бухарин Н.И.



▲ Томский М.П.



▲ Каменев Л.Б.



▲ XVII съезд партии

боды» в царство необходимости (как оказалось, Марксов скачок из царства необходимости в царство свободы предваряется скачком в обратном направлении), такой нерассуждающей жертвенности и жертвенной нерассуждаемости, к которой этот властимущий слой, воспитывавшийся и избаловавшийся в «либеральную» эпоху НЭПа, никак не был подготовлен.

Это была причина, которая непосредственно питала оппозиционные настроения и вызывала к жизни силы сопротивления в руководящем слое.

XVII-й съезд партии, происходивший в 1934 году и состоявший из одних только «сталинцев», изощрявшихся друг перед другом в славословии вождю, Сталин горделиво назвал «съездом победителей». Да, конечно, это был съезд победителей, о чем свидетельствовали видом своим находившиеся тут же побежденные, вожди былых оппозиций — Зиновьев, Каменев, Рыков, Томский, допущенные на съезд (вернее, конечно, приволоченные) для произнесения покаянных речей и самооплевывания: это были раздавленные люди. А новой оппозиции не было и не предвиделось.

Стороннему наблюдателю, вероятно, и в голову не могло прийти при виде стопроцентного единогласия XVII-го съезда, бесконечных манифестаций единения партии с вождем, что новая оппозиция существует уже несколько лет, с самого возвышения над страной нового диктатора, и что это самая многочисленная оппозиция из когда-либо бывших в большевистской партии: на XVII-ом съезде, съезде «единодушия», она была представлена, может быть, полутора тысячами делегатов из общего числа 1961 делегат. По своему составу это был съезд оппозиции. Оппозиции в маске... Съезд, по словечку, пущенному Сталиным несколько позднее, когда он кое о чем догадался, двурушников.

Конечно, эти тайные оппозиционеры были оппозиционерами только по настроению; оппозиционеры, не знающие, как же и на каких путях надо действовать; каждый из них был оппозиционером, так сказать, в одиночку, про себя... Но, по многим данным, именно в дни XVII-го съезда были положены основы организованной тайной оппозиции, были положены основы подпольного Центра, поставившего своей целью насильственное низвержение власти сталинского Кремля.

Может быть, это было в тот день, когда один из организаторов подполья, маршал М. Тухачевский, в качестве руководителя вооружений Красной Армии, произнес на съезде свою блестящую, по тогдашней оценке сталинской прессы, речь, в награду за которую Сталин возвысил Тухачевского до невозможного: Тухачевский, как тип, большевиком никогда не бывший, был введен в большевистский синедрион — в члены Центрального Комитета.

Но, как утверждают источники, еще за два года до этого, когда Тухачевский

с должности командующего военным округом был назначен в центр, в заместители наркома обороны, и стал ежедневно видеться «по делам службы» с другим зам. наркома Гамарником, уже образовалась двухчленная ячейка, поставившая себе целью создание заговорщицкой организации, обсуждавшая пути переворота и принимавшая меры в направлении подготовки некоторых условий (в области дислокации войск Красной Армии и др.), которые благоприятствовали бы будущему перевороту.

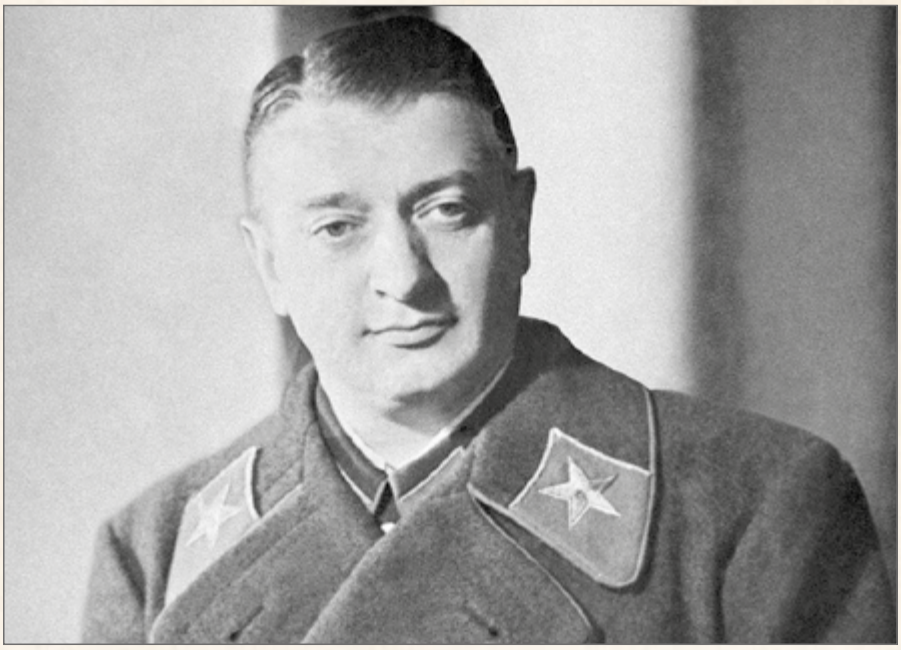
Полный персональный состав Центра неизвестен и до сих пор и, вероятно, долго не будет известен. По ряду данных, не вызывает, однако, сомнения тот факт, что наряду с военными, которые по самому характеру замышленного переворота были на «первых ролях» в организации, в Центр входили также и штатские, в том числе и очень высокопоставленные лица.

ИДЕЯ «А»

Идеей «А» подполья Тухачевского был переворот в Кремле: физическое устранение правящей верхушки и захват в свои руки власти в столице. (На плане и технической стороне столичного переворота я здесь не останавливаюсь).

Организация Тухачевского, однако, никогда не считала, что подобным голым путчем в столице может быть решена вся задача переворота.

Нужно было еще, одновременно с акцией в Кремле, ввести в действие не менее трудную часть плана: меры по овладению правительственной машиной на местах, что, по концепции подполья только и спасало бы переворот от подавления и разгрома его этой же самой правительственной машиной. Или мы возьмем в свои руки аппарат правительственной власти и направим его в русло переворота или он, по приданной ему его хозяевами страшной инерции и по свойственной ему машинальности, окажет нам сопротивление и раздавит нас — такова была концепция подполья.



▲ Тухачевский

Организация Тухачевского, рисуя себе картину начавшегося переворота, представляла, что за окраинами мятежной Москвы будет лежать страна, все еще полностью находящаяся под властью держащей ее мертвой хваткой, крепко свинченной, никак пока не тронутой развалом, автоматизированной правительственной машины. Гигантский аппарат этой машины в известном смысле действующий по внутренней своей логике, от взрыва в Кремле, конечно, не разбежится в панике, а еще сильнее вцепится в свое кормило и, замерши в этом положении, будет ожидать развития событий, готовый всей своей машинной силой защищать себя от поползновений расправы над ним, от кого бы эти поползновения ни исходили...

Невозможно — предполагали подпольщики — рассчитывать, что от одного только глухого известия, что в Москве — какой-то переворот «большевиков против большевиков», задавленное и обезволенное в течение многих лет террором и страхом население стихийно подымется в «колья» и пойдет громить советскую охранку, государственные и партийные учреждения.

— Мы должны представлять себе нечто противоположное, — говорил один участник организации, — что население, которое годами привыкло денно и нощно чувствовать на себе тяжелую руку именно местного аппарата власти, и в котором чрезвычайно укоренилось фаталистическое представление о государственной машине большевиков, как о некоем самовращающемся «колдовском маховике», — это население, при известии о перевороте наглухо закроется в себе и будет выжидать.

Народ будет оглядываться не на далекую Москву, где произошло что-то, еще очень неясное, а на близкий к нему милицейский пост, на местный райком, исполком и отдел НКВД. Можно не считать парадоксальным предвидение, что первым движением психологически обезоруженного режимом народа, при известии о перевороте, будет неверие, недоверие и страх перед теми последствиями, которые обрушатся на него, народ, в результате поражения переворота. Мы должны даже считаться с возможностью каких-то явлений «сопротивления» перевороту со стороны самого народа, именно из-за страха перед неминуемой неудачей переворота и последующей неизбежной жестокой местью правительства всему живому...

Безотносительно к тому, насколько эта точка зрения на «пассивный»

в перевороте народ была основательна, следует заметить, что она, эта точка зрения, вполне вытекает из общего духа заговорщицкой идеи. По этому общему духу заговорщической идеи, развязывание народной стихии и не признавалось желательным. В намеренно, планомерно и искусственно созданных сталинизмом условиях чрезвычайной запутанности понятий и человеческих отношений, в атмосфере, порожденной сталинской несвободой для всех, вызванная из своих берегов народная стихия неизбежно — представлялась тухачевцам — плодила бы анархию, хаос, кровопролитие и смуту и вылилась бы в затяжную, бессмысленную, кровавую и трагическую брань всех против всех...

Но тухачевцы не хотели ни хаоса, ни анархии, ни кровопролития, ни смуты. Не желали они и того, чтобы в этом хаосе власть удержали в своих руках наследники Сталина или чтобы в этом море анархии власть прибрал бы к своим рукам кто бы то ни было другой: власть тухачевцы, имевшие свою переустроительную программу для России, предназначали себе...

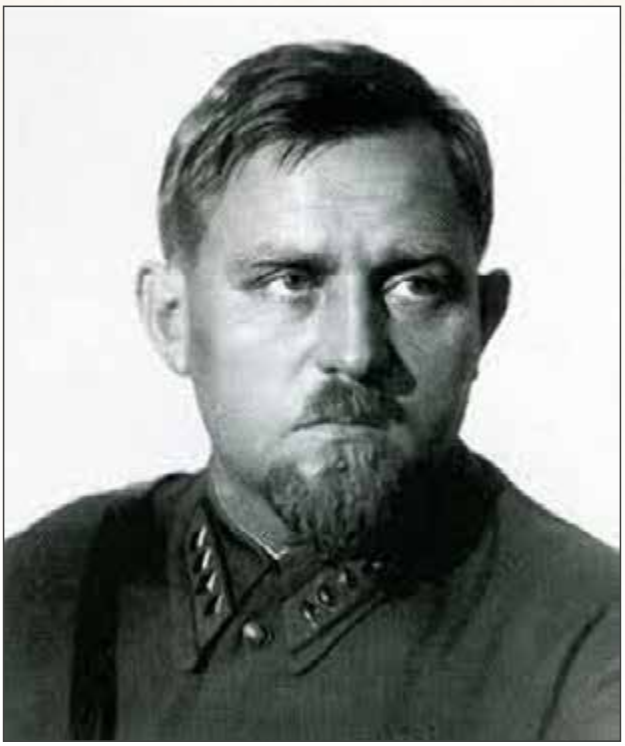
Отсюда ясно видна вторая цель, к которой стремились тухачевцы, делая ставку на овладение правительственной машиной: они надеялись, что, овладев правительственной машиной, они не только, таким образом, спасут переворот от удушения его этой машиной, но и в какой-то степени получат в свои руки для переустроительной работы в России готовые государственные кадры, нуждающиеся лишь в «переводе» в другое качество.

Тухачевцы находили, что люди правительственной машины, которые идейно давно отрешились от коммунизма вообще, от сталинского коммунизма в особенности, и внутренне не связаны никакой преданностью последнему, — эти люди вполне поддадутся переводу в другое качество и переключению на иные направления. Им, людям этим, не только невыносимо надоел их крайне неуравновешенный и без края деспотичный, сумасбродный и неблагодарный «хозяин», им остались непонятны и надоели «марсианские» ценности, служение которым они хотели бы сменить на Служение понятным, земным, человеческим ценностям...

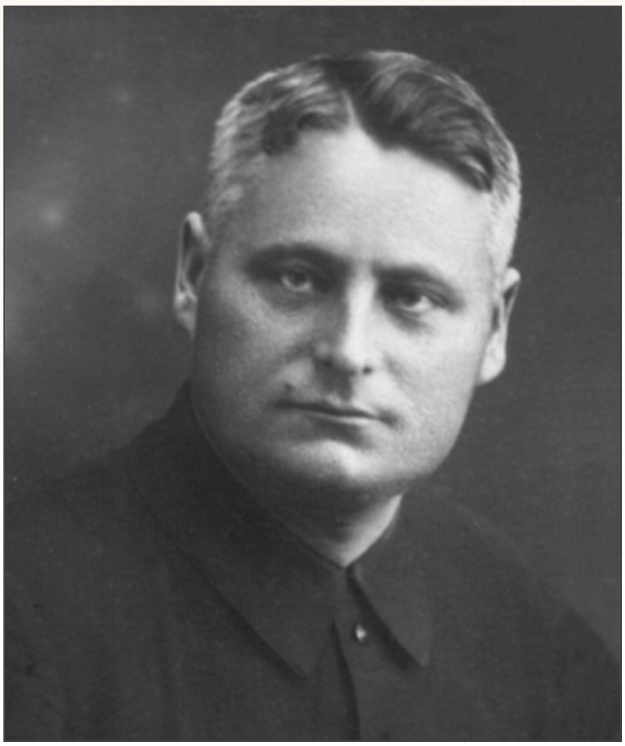
Однако, сам процесс или вернее акт овладения аппаратом власти в стране представлялся подполью сложной головоломкой, ввиду особых свойств этого аппарата. Движущей силой людей правительственной машины сталинизма, в конечном итоге, является все тот же страх — явление психологического порядка. Следствие страха — взаимоогляд, взаимобоязнь, взаимопожирание. Производное от страха — машинность, автоматичность, присущие советскому аппарату, механическое следование однажды данному образцу.

Первым импульсивным движением людей аппарата, при известии о «взрыве» в Кремле, было бы опасливая и привычная машинальная оглядка друг на друга, района на район, области на область. И предположительнее всего, в действие тотчас вступила бы погибельная для дела переворота машинальность аппарата, если бы заговорщикам не удалось немедленно вызвать в нем, аппарате, какого-то сильнодействующего психологического разряда.

В поисках сильнодействующего психологического разряда, заговор-



▲ Белов И.П.



▲ Кодацкий И.Ф.

щики остановились на идее «нарушенной инерции» или по-другому: идее «островов переворота».

По этой идее заговорщический центр должен был иметь свои опорные области, края и республики, советская головка которых принадлежала бы к заговорщицкой партии и представляла бы местный штаб последней. Немедленно вслед за кремлевским «взрывом», советская головка данной области, именем представляемых ею органов (обкома, исполкома, военного совета округа, а в некоторых случаях — и местного управления НКВД), декларировала бы одобрение и поддержку московскому перевороту.

Уже один этот акт сильно расстраивал бы машинальность аппарата и колебал бы его в следовании «однажды данному образцу». Пользуясь сложившимся для местного аппарата очень щекотливым положением (центральной власти, оказывалось, уже нет, а областная власть присоединилась к перевороту), областной штаб переворота имел бы большие шансы удержать аппарат в своем подчинении и навязать ему свою новую волю. При этом, областной штаб переворота, уже сразу располагавший бы в аппарате, в войсках и, вероятно, в населении каким-то количеством немедленно качнувшихся к нему людей, позаботился бы о том, чтобы создать свои импровизированные органы безопасности и свою «красную гвардию» против послушных долгу энкаведистов и механических партийцев.

Организация Тухачевского имела немало, оснований рассчитывать, что такие, вызванные к жизни одновременно со столичным путчем, «острова переворота» в провинции явятся фактором огромного, решающего значения в создании психологического перелома в стране, и области СССР, одна за другой, будут присоединяться к перевороту.

Одним из крупнейших по значению местных штабов переворота должен был быть Ленинградский. По некоторым сведениям, в его руководящее ядро входили командующий ЛВО командарм I ранга Белов и председатель Ленсовета И. Ф. Кодацкий. Местные штабы закладывались тухачевцами также на Волге, в Сибири, на Урале и в кольце областей (что, конечно, не было случайностью), окружающих Москву: в Калинине — Михайлов, в Туле — Седельников, в Смоленске — Румянцев...

ИДЕЯ «Б»

В подпольной организации существовали два взгляда на характер переворота и способ его осуществления.

Решительными и нераздумывающими сторонниками молниеносного путча в Кремле (идея «А») были Тухачевский и молодые генералы. Они считали, что главное — устранение Политбюро; остальное образуется.

Более политически умудренный и осторожный Гамарник и штатские, не отвергая идеи путча в Кремле, искали для такого переворота наиболее верной и прочной основы. Они находили, что начинать, быть может, будет вернее не сверху, а снизу; «взрыв» в Кремле должен последовать не неожиданно, а как логическое развитие событий, пробудивших и потрясших страну: страна должна быть этими событиями психологически подготовлена к кремлевскому «взрыву»...

Гамарник предложил идею самостоятельных переворотов на местах — идею «Б». По этой идее борьба против узурпаторской верхушки Кремля может быть начата в форме низложения власти Кремля (объявления ее недействительной) в одной части территории страны или одновременно в нескольких, определеннее всего — на окраинах, с последующей гражданской войной сбросивших с себя иго самовластия территорий против правительственных сил.

В подходящий момент этой гражданской войны и должен был прозвучать кремлевский «взрыв» с одновременным вводом в действие всей заговорщицкой схемы по овладению положением в стране («острова переворота»).

Предложение Гамарника было принято и было решено вести подготовку переворота по двум планам:



▲ Шеболдаев Б.П.

1. на случай, если придется начинать Москвой; 2. на случай, если придется начинать окраинами. По некоторым данным, заговорщицкий центр с течением времени все больше склонялся к тому, чтобы отдать предпочтение второму варианту.

...Подготовку самостоятельных переворотов на окраинах — в Киеве, Минске, Хабаровске, Ростове — должны были вести местные штабы заговорщицкого центра, получавшие значение параллельных центров.

В Ростове антикремлевский заговор возглавлял секретарь Ростовского обкома (раньше — Северокавказского крайкома) и едва ли не самый видный из молодых членов ЦК Борис Петрович Шеболдаев.

Шеболдаев пришел на пост северокавказского «наместника» в 1929 или 1930 году, сменив здесь А. Андреева, переведенного на кремлевские верхи (позднее член Политбюро). До этого Шеболдаев некоторое время был секретарем губкома в Саратове. Популярность Шеболдаева одно время была очень велика, и его прочили в секретари ЦК (может быть, по установившейся традиции выдвижения северо-кавказцев на кремлевские верхи. До Андреева наместником на Северном Кавказе сидел А. Микоян — впоследствии,

до его упразднения, один из столпов Политбюро). Мне приходилось Шеболдаева видеть и слышать. Это был сухощавый человек, с тонким лицом, с коротко стриженными рыжеватыми усами и прямым пробором в волосах, типичный ответработник второго поколения, сдержанный, волевой и, так сказать, вполне цивилизованный...

Можно предполагать, что Шеболдаев, в качестве заговорщика, для Кремля был очень опасен, потому что, по раскрытии заговора, в письмах ЦК и в докладах на закрытых собраниях ни о ком не говорилось с такой бешеной злобой, как о Шеболдаеве...

***

Особенно заманчивой представлялась заговорщикам идея дальневосточного восстания. Главным соблазном были, конечно, 40 дивизий ОКДВА, (на начало 1935 года), расквартированные в Дальневосточном крае и частично в Восточной Сибири (западные гарнизоны Забайкальской группы войск ОКДВА) и трехмиллионная масса заключенных Дальстроя (Колыма) и Дальлага. А при этом и население Дальнего Востока отличалось своеобразием. Множество строптивых и беспокойных людей из центральных областей Союза бежало на Дальний Восток и укрылось здесь от преследований режима. Этот беглый люд вкупе с коренным населением края — потомками вольных искателей приключений, амурскими, уссурийскими, забайкальскими казаками — мог бы оказаться действенным и очень ценным элементом восстания.

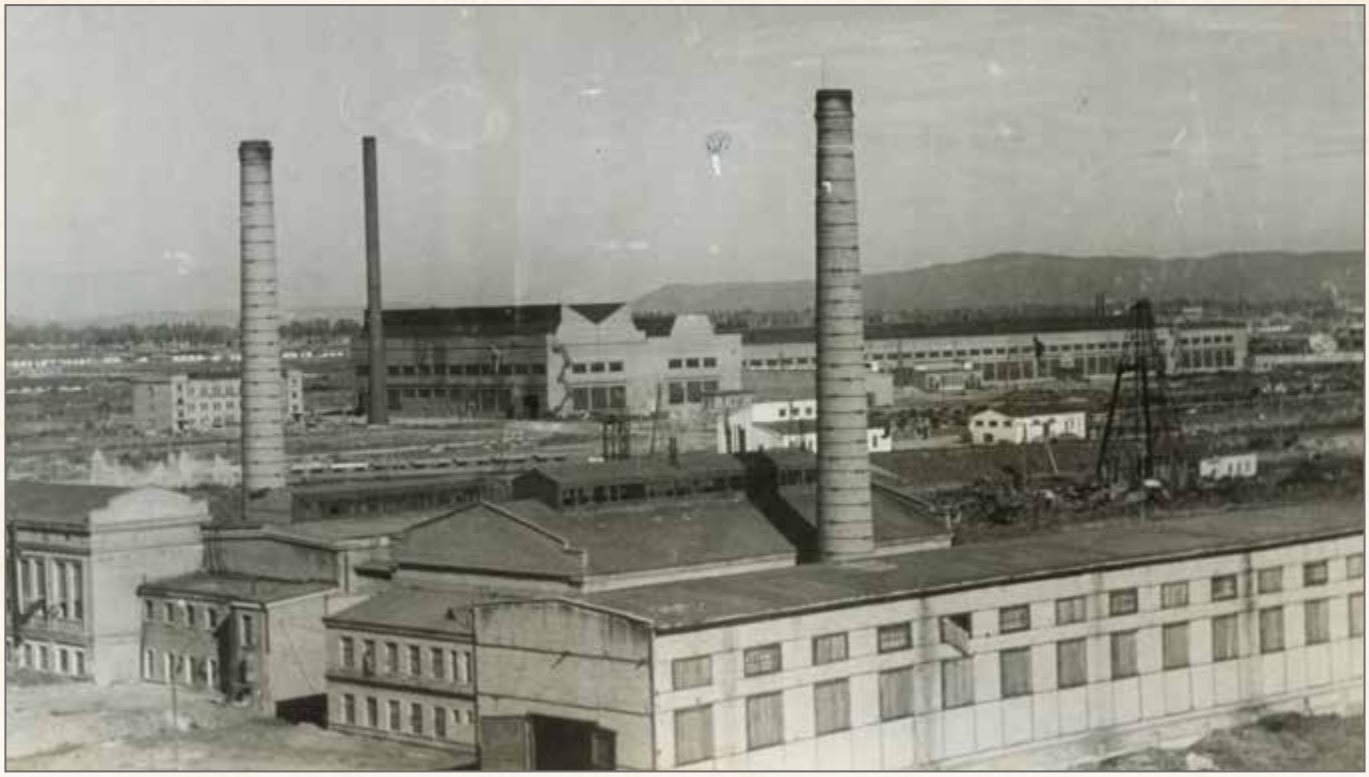
Дальний Восток — самая отдаленная часть Советского Союза. Это так далеко, что когда над заливом Петра Великого возгорается день, то в Москве только что сгущаются сумерки вечера (для дальневосточников вчерашнего!) и начинают свой ночной обход луна и ... тайная полиция. Дальний Восток отделяют от центра необъятные пространства Сибири и Урала, где советское командование почти не держало войск (Сибирский военный округ со штабом в Новосибирске был самым маленьким внутренним — учебным — округом. В его составе не насчитывалось и 50.000 человек), но где были склады огромных стратегических материальных запасов Красной Армии. Восставшая ОКДВА могла упредить Сталина в занятии Сибири: пока правительство снаряжало бы войска против неожиданно объявившегося противника, рискуя серьезно оголить свои западные границы, ОКДВА могла бы без боя, в поездах, проделать марш через всю Сибирь и встретиться с Красной Армией где-нибудь на хребтах Урала.

Но и в своих собственных границах Дальний Восток представлял бы собой одну шестую часть территории СССР, вышедшую из повиновения Кремля. Шестая шестой! Земли Дальневосточного края в его тогдашних административных границах простирались от Берингова пролива на севере до границ Кореи, на юге и от восточного берега Сахалина на востоке до Читы на Западе. Административный феномен, с которым не может сравниться ни один штат Северной Америки, ни одна провинция Китая, не говоря уже о какой бы то ни было провинции стран Европы: Германия, Франция и Англия, вместе взятые, свободно могли бы уместиться на территории Дальневосточного края.

Дальний Восток — «край света». Его нельзя окружить, блокировать, задушить костлявой рукой голода. Географический фактор Дальнего Востока как нельзя лучше хорош для сообщения восставшего края с внешним миром. Через узкий Берингов пролив — Америка (Аляска). Через неширокое Японское море — Япония. На суше русский Дальний Восток граничит с Манчжурией, за которой — беспредельный мятеж-



▲ Сталин, Ворошилов, Молотов, Гамарник, Будённый в группе женщин – жён командиров РККА. Москва,1936



▲ Комсомольск-на-Амуре

ный Китай, и с Кореей. И при этом — водные пространства двух океанов, морские пути во все части и страны света, при наличии крупного и благоустроенного владивостокского порта, сахалинского порта и еще нескольких портов меньшего значения на тихоокеанском побережье.

Дальний Восток имеет свою сахалинскую нефть, свой сучанский уголь, свою военную индустрию Комсомольска и Хабаровска, свое колымское золото, свою едва ли не самую крупную в СССР лесную промышленность, свое — одно из самых крупных в Союзе — рыболовство и свой — хоть и в обрез — амурский хлеб. Он мог бы долго стоять и при сложившихся для восстания самых неблагоприятных условиях и испытаниях.

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ЦЕНТР

Перед концом чистки 1937–1938 г.г. Центральный комитет ВКП(б) издал (в мае или июне 1938 г.) закрытое письмо «Ко всем организациям партии», в котором подводились политические итоги этой кровавой эпопеи. В письме ЦК особо говорилось о ликвидированном НКВД в 1937 году дальневосточном военно-фашистском заговорщицком центре и упоминалось имя Крутова, как руководителя Центра (неясно припоминается, что в письме упоминалось также имя комбрига Крутлова).Но еще за несколько недель до этого, маршал Блюхер в своей речи на партийной конференции: КДФ), в Хабаровском доме Красной Армии, рассказал о членах заговорщицкой организации гораздо больше того, что было разрешено верхами (судя по умалчиваниям последовавшего, письма ЦК). Блюхер назвал до двадцати имен членов дальневосточного подполья. В 1937 году ОКДВА была преобразована в Краснознаменный Дальневосточный Фронт (КДФ).

Источник, из которого я в свое время почерпнул сведения о дальневосточном заговоре, подтвердил ряд из названных Блюхером имен и определенно указал, что не может вызывать сомнения участие в заговорщицкой организации, по крайней мере, следующих восьми лиц:

Крутов Георгий Михайлович, председатель краевого исполкома, член ЦИК СССР и член ЦК ВКП(б), глава, заговора;Сангурский Михаил Васильевич, комкор, начальник штаба ОКДВА;

Аронштам Лев, армейский комиссар 2 ранга, начальник политуправления ОКДВА;

Дзыза, в чине коринтенданта, помощник командующего ОКДВА по материальному обеспечению войск, или иначе интендант армии;

Калмыков Михаил Васильевич, комкор, командир — комиссар Особого дальневосточного корпуса (т. н. Колхозный корпус) и начальник гарнизона г. Хабаровска;

Круглов, комбриг, начальник (по официальному: комендант) Благовещенского укрепленного района;

Тарханов Оскар, помощник начальника разведывательного отдела штаба армии;

Мирин Владимир, полковой комиссар, редактор армейской газеты.

Из того же источника сообщалось, что имеются некоторые серьезные основания установить причастность к дальневосточному

подполью также Таирова Р., армейского комиссара 2 ранга, члена военного совета ОКДВА; Пашковского Константина, комдива, командира 18-го стрелкового корпуса; Иванова Василия, секретаря Амурского областного комитета партии, и некоторых чинов краевого управления НКВД.

Наконец, источник обращал внимание на то, что б. советский атташе в Англии Путна, осужденный вместе с труппой Тухачевского и по одному делу, продолжительное время (в первой половине тридцатых годов) состоял в должности командующего Приморской группой войск ОКДВА и именно с этого своего поста, ив уссурийской тайги, перекочевал в мировую столицу — Лондон.

Последующее мое описание дальневосточной чистый и некоторых ее странных явлений покажет, что не исключено, что в какой-то степени к организации заговорщиков имел отношение и еще ряд видных чинов армии и краевой администрации.

Так как каждого из поименованных выше лиц я так или иначе знал или хотя бы только видел, — я посвящу воспоминаниям о них, в надежде, что и самые поверхностные сведения не окажутся для читателя без-интересными.

***

Одна черта была общей для дальневосточных заговорщиков: все они окопались на Дальнем Востоке давно и сидели на своих дальневосточных постах по многу лет, до самого раскрытия заговора и арестов. (Только Таиров и Тарханов незадолго до их ареста были переведены с Дальнего Востока).

Я не знаю ни одного из них, который бы провел на дальневосточной службе менее пяти лет. Естественно, что за это долгое время, повседневно общаясь по службе и часто встречаясь на семейных вечеринках краевой знати, они успели хорошо друг с другом перезнакомиться и сблизиться.

Еще до раскрытия заговора стабильность дальневосточной руководящей верхушки бросалась в глаза и вызывала различные толки: всем была известна практика Кремля (сохранившаяся и поныне) — перманентно перекидывать руководящих работников, не давать им — по официальной терминологии — «засиживаться» на одном месте, «плесневеть, хозяйственно обрастать, обволакиваться семейственностью».

Самым ходячим объяснением стабильности дальневосточного руководящего состава было то, что Кремль вынужден мириться с отступлением от собственной линии и делать исключение для Дальнего Востока ввиду постоянно напряженных отношений с Японией: в этих условиях вверять пограничный край и его войско текучему составу руководителей все-таки было бы неразумно. Очевидно, что так оно и было. Но так же очевидно, что за устойчивое положение дальневосточного кадра немало ратовал перед Кремлем ответственный за Дальний Восток член Оргбюро Гамарник...

Второй общей чертой многих дальневосточных подпольщиков была туманность их жизненных и политических биографий. Блюхер, сам прослывший загадкой в собственной стране и заграницей, любил окружать себя таинственными людьми. Даже на партийных чистках эти люди как-то ухитрялись ничего не сказать о своем происхождении и жизненном пути...

Крутов, по странной игре судьбы, возглавитель антисталинского заговора дальневосточников внешностью был похож на... Сталина. Дальневосточные чиновники так между собой и говорили: доложить этот вопрос Сталину; под Сталиным подразумевался Крутов.

Конечно, это было совершенно относительное сходство. Крутов, которому было лет 45, был высок ростом, жердевиден, длиннорук, имел светлое, открытое лицо. Но... был по грузински черноволос, носил сталинскую прическу, сталинские усы, одевался под Сталина: полувоенная фуражка, длинная, пепельного цвета шинель, сапоги и гимнастерка с подшитым белым воротничком.

Трудно узнать, умышленно ли рядился Крутов, в двойника кремлевского владыки. После раскрытия заговора досужие умы усматривали в сходстве Крутова со Сталиным чуть ли не целую заговорщицкую стратегию. По одной версии, не лишенной интереса, похожесть Крутова на Сталина должна была сослужить заговорщикам службу в момент переворота. Действительно, план дальневосточного переворота включал в себя, как средство обезвреживания НКВД, один элемент мистификации, но несколько или пожалуй совсем иного рода...

Не знаю точно, когда Крутов вступил на свой пост начальника края. В 1932 году он там уже был. Очень возможно, что Крутов принял край из рук б. председателя Дальневосточного губисполкома Гамарника. В таком случае знакомство этих двух заговорщиков давнишнее...

Прошлое Крутова мало известно. До назначения на Дальний Восток, он работал в аппарате ЦК ВКПб) в Москве, а еще раньше — в ОГПУ, если память мне не изменяет, в экономическом его отделе.

Человек недюжинного ума, властный, но недостаточно интеллигентный, хотя и отнюдь не грубый, а скорее мягкий в обращении, Крутов, несмотря на славу и единовластие Блюхера, имел собственный вес и популярность в крае. Не многие председатели исполкомов имели билет члена ЦК. К Крутову прислушивался Кремль: он был главным докладчиком по Дальнему Востоку на съездах в Москве.

Может быть, по долголетней привычке аппаратного работника ОГПУ и ЦК, Крутов и на посту председателя краевого исполкома не часто показывался на людях, руководя краем из своего кабинета в модерном Доме Советов, на улице Карла Маркса. Между прочим, в этом же доме помещался крайком. Комендант Дома Советов был подчинен непосредственно Крутову. Рядом с кабинетом Крутова находился конференц-зал президиума крайисполкома, в котором в ночь переворота, по плану заговорщиков, должны были быть собраны на заседание и не выпуще-

ны те краевые работники, которые не были причастны к «делу».

Крутов подчеркнуто сторонился армии и никогда, даже и в приезды Гамарника, останавливавшегося в апартаментах Военного Совета, не бывал в штабе армии. Возможно, что это был элемент заговорщицкой тактики.

Сангурский. Всем было известно, что чисто военной стороной в армии Блюхера, да и самим Блюхером в известном смысле, руководит «японец» — так прозывался в войсках Сангурский. Сангурский был одной из таинственных личностей, в бесчисленности окружавших «царя Сибири». Биографию Сангурского в точности никто не знал. Лишь однажды, в интимном собрании чинов штаба, Блюхер, вспоминая былые походы, рассказал, как в гражданскую войну на Урале в критическую для штаба Блюхера минуту ему на выручку пришел с гор со своим отрядом «маленький азиат» Миша Сангурский. С того времени, надо полагать, и началась дружба двух этих людей.

В облике Сангурского, действительно, было что-то «японское» и уж конечно — карликовый его рост, из-за которого с начштармом происходило множество смешных курьезов. По моей прикидке, в нем никак не могло быть больше 152 сантиметров. Невольную улыбку вызывал вид Сангурского, когда он изредка прогуливался по обычно пустынной улице Серышева, перед зданием штаба армии, со своей женой, красивой шатенкой: жена была головы на три выше своего сановного супруга...

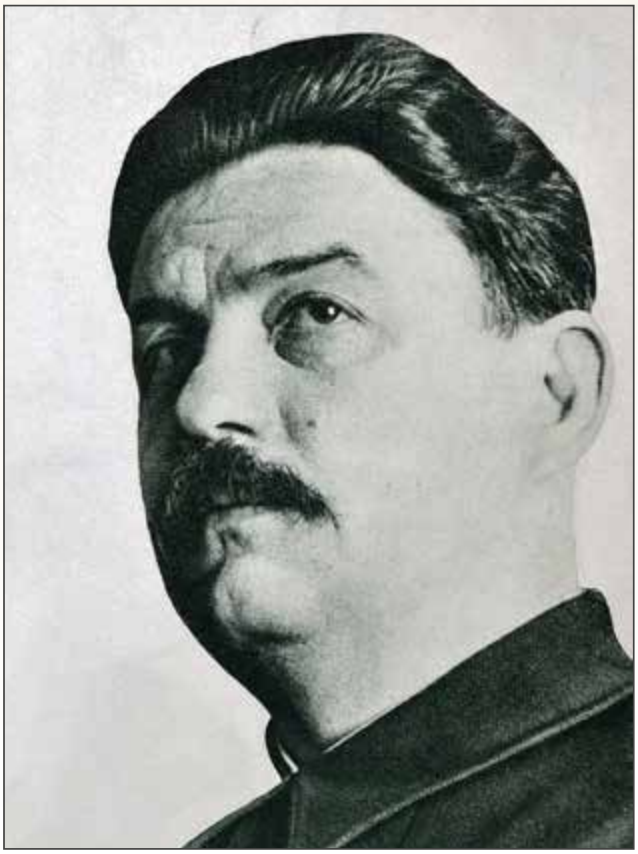
В висках Сангурского серебрилась седина. На маленьком, слегка удивленном личике его большие на выкате карие глаза таили ум и глубоко упрятанное презрение. Сангурский был военный с головы до ног, и в старое время с него можно было писать портрет армейского офицера, а в новое — в нем олицетворялось одиозное понятие «военспец», хотя, конечно, он был членом партии, совершенно беспартийным, впрочем, по его безразличию к так называемой общественной жизни и политработе.

Педантичность Сангурского вошла в войсках в поговорку, и его служебный кабинет в штабе армии, перед входом на половину Военного Совета, в котором стол был всегда чист от всяких бумаг, слыл притчей во языцех. Блюхер, человек очень неорганизованный, стол которого ломился под тяжестью бумажных залежей и который с самым незначительным посетителем мог разговаривать часами, забыв обо всем на свете, всегда советовал подчиненным брать пример не с него, а с Михаила Васильевича, безмерно им обожаемого.

Сангурский изъяснялся образцовым литературным языком и был редкого дарования оратором точного слова: как бы нарочитым баском, важно надув губы, не говорил, а печатал. Стенограммы его публичных речей ни им, ни кем другим никогда не правились, и редакторы отсылали их прямо в набор. При этом был он



▲ Сангурский М.В.



▲ Крутов Г.М.

очень остроумен. Взрывы смеха раздавались в зале собрания в то время, как виновник веселья сохранял невозмутимое лицо.

В маленьком этом человечке угадывалась цельная, независимая натура. Где бы он ни выступал — среда ли чинов штаба, на партийных ли собраниях (на которых, кстати, Сангурский, пользуясь своим высоким положением, появлялся чрезвычайно редко) или на совещаниях политсостава, — он говорил только на свои узко профессиональные, военные темы или по вопросам, имеющим непосредственное касательство к его должности, и определенно избегал политических речей. Мне не запомнилась ни одна речь Сангурского, в которой бы он, по общей в СССР для всех повинности, славословил ражим или кадил вождям. Тонкий дипломат, Сангурский, конечно, не делал из своей аполитичности демонстрации, вызова; он просто умел как-то очень ловко и незаметно для аудитории обойти политику.

Незаметно для аудитории... Но кем нужно подозрительная узость его тематики, не оставлявшая место для обязательного в устах каждого члена партии (и не только члена партии!) советского «символа веры», разумеется, замечена была давно. От обвинений в аполитичности, гнилом нейтралитете, беспартийном делячестве и прочих смертных грехах советского коммуниста и просто советского человека его загораживала одетая в толщу бесчисленных орденов грудь его обожателя Блюхера...

В начале тридцатых годов, если не ошибаюсь — в 1933 году, Сангурский с советской военной миссией ездил заграницу. Не могу сказать точно, в какие страны, но знаю, что в Италии был: мне запомнился его рассказ в кругу штабных офицеров о встрече и «светском» разговоре его с королем Эммануилом и Муссолини...

Не знаю и не уверен, состоял ли Сангурский при Блюхере в советско-китайскую войну 1929 года, но знаю точно, что в 1931 году он уже возглавлял штаб армии и таким образом шесть лет бессменно, до самого ареста в 1937 году, занимал эту должность.



▲ Аронштам Л.Н.

В непосредственном ведении и подчинении Сангурского были рота охраны штаба армии и охранный бронетанковый батальон, стоявший под Хабаровском. Эти два подразделения, по плану переворота, должны были сыграть важнейшую роль в блокаде двух зданий НКВД в Хабаровске и закупоренных в них энкаведистов...

Аронштам. Брат более известного старого большевика Аронштама, члена верховного партийного судилища — партколлегии ЦКК. Последний, вместе с другим членом ЦКК Анцеловичем, руководил партийной чисткой в 1933 году на Дальнем Востоке. Этот благообразный партпапаша в каком-то несуразном сером полувоенном макинтоше и полувоенной же толстовке (надетых, возможно, только по случаю поездки в царство военщины) мне запомнился. В чистительном зале штаба армии старик Аронштам держался как-то неуверенно и робко, на всей его фигуре как бы было написано: люди все военные, в полковничьих да генеральских чинах, с пистолетами у поясов, — а вдруг запрут и не выпустят. Его заперли и не выпустили, но было это уже позже — в 1937 году, и сделали это не полковники Блюхера, а сержанты Ежова...

Младший Аронштам, армейский комиссар 2 ранга и начальник политического управления Дальневосточной армии, несмотря на свой громкий двухэтажный политический титул, большой самостоятельной роли в армии не играл. Он не был членом Военного Совета, что было исключением из общего правила: во всех других военных округах Военный Совет составлялся из командующего и как раз начальника политуправления, который, таким образом, как бы обретал права комиссара армии.

Военный Совет ОКДВА состоял даже из трех членов, но в нем места для начальника политуправления не нашлось. Эта дальневосточная особенность была безусловно делом рук Блюхера: облеченный огромным

доверием и полномочиями Кремля, будучи членом ЦК, он не желал, чтобы при нем был и его принижал комиссар. Когда предшественник Аронштама, латыш Август Мезис, попытался было претендовать на самостоятельную роль и права комиссара армии, Блюхер сумел быстро выпроводить его из своей армии.

Не будучи членом военного совета, Аронштам был только руководителем одного из ведомств армии, ведомства, правда, необычного, распространявшего свое влияние, свой контроль и в известном смысле свою власть на все остальные ведомства. Аронштам, видимо, лучше своего незадачливого предшественника понял, что спорить с Блюхером ему не под силу и в конце концов, кажется, вполне смирился со своим положением комиссара без комиссарских прав, с помощью чего получил полное к себе расположение Блюхера и был с ним, как в Советском Союзе, выражаются, в «сработанных» отношениях.

Внешностью Аронштам являл собой прямую противоположность типу комиссара, созданному советской литературой, как и типу комиссара, выведенному в литературе противосоветской. Это был холеный барин, если угодно, аристократ. От всей его поджарой, тонкой в талии, фигуры — начиная от сверкающей лысины головы и кончая блеском кончиков сапог — веяла на вас сама элегантность. Если Аронштам не опрыскивался духами, то, вредя его, вы запах духов -как бы ощущали.

По некоторым данным, Аронштам служил связующим звеном между московским и дальневосточным центрами. Будучи непосредственно подручным Гамарника, он состоял в повседневной служебной переписке с последним и нередко вызывался в ПУР на различные совещания. К услугам Гамарника и Аронштама было особое шифровальное ведомство ПУРа.

Дзыза. Из таинственных. Длинный, тощий, с умученным землянистым лицом, простуженным голосом и волосами студента. В этом человеке, мысли которого, казалось, были вечно заняты движением транспортов, фуражом и амуницией, люди неожиданно встречали мягкую обходительность и отзывчивость. Он был приятным исключением из породы обычно толстокожих и озлобленных военных хозяйственников. Впрочем, справедливости ради, следует заметить, что ему на его посту интенданта армии было легче проявлять отзывчивость, чем затурканному и пинаемому всеми, даже последним красноармейцем, какому-нибудь начхозу батальона... Дзыза, видимо, был выходец из Прибалтики: фамилия, будто, эстонская. Говорил по-русски с акцентом.

Дзыза был единственный военный, который мог повседневно общаться с руководителем заговора Крутовым, не вызывая чьих-либо подозрений. В качестве главного хозяйственника ОКДВА он должен был часто бывать и бывал у председателя краевого исполкома для разрешения всяческих вопросов, связанных с квартированием армии на территории края. По сведениям, именно через Дзызу осуществлялась связь руководителя заговора штатского Крутова с военной частью заговорщицкой организации.

Калмыков. По внешности — колоритная фигура, великолепный экземпляр человеческой породы, могучий дуб, саженного роста черноусый молодец, первый красавец в крае, поглазеть на которого высыпал на парады весь обывательский Хабаровск.

Денщик в царской армии и уральский партизан в годы гражданской войны, Калмыков один из немногих «братишек» не спился, не свихнулся (в плане личной судьбы), а, усвоив требования нового времени, потянулся к учению, но доучился только, до полуинтеллигента, не хватающего с неба звезд по части теории, но крепкого в практической деятельности, в быту — с претензией на содержательную светскость.

В квартире этого «колхозника», как его прозвали в высших кругах армии за его должность командира Колхозного корпуса, часто устраивались вечеринки с литературно-музыкальной программой, на которые съезжался весь сановный Хабаровск, бывал и Блюхер. Как впоследствии удостоверяли официальные докладчики, за ширмой этих вечеринок происходили важные совещания заговорщиков.

До назначения на должность командира Особого корпуса (последний был создан весной 1932 года) Калмыком состоял в помощниках у Блюхера по интендантству (должность, которую впоследствии занимал Дзыза). Блюхер Калмыкова очень любил и всячески ему благоволил. Кажется, они были друзьями еще со времен гражданской войны на Урале.

Как начальник гарнизона г. Хабаровска, Калмыков имел власть над одной дивизией (Волочаевской) и несколькими отдельными полками, расквартированными на Волочаевской горе. Замысел и тактика использования этих частей в перевороте будут рассказаны нами в свою очередь.

Калмыков имел три ордена от советского правительства.

Круглов. Я лично видел комбрига Круглова два раза мимолетно, и у меня осталось воспоминание об очень бесцветном лице и общем сером облике пехотного командира: вылинявшая форма, перекрещенные на груди ремни... Служебное положение Круглова, как начальника пограничного укрепленного района, весьма благоприятствовало тайным сношениям с заграницей, если таковые были. Его дотами был уклеплен берег Амура, представляющего в районе Благовещенска и еще много ниже естественную границу СССР с Маньчжурией.

Войска укрепленного района занимали границу вперемежку с заставами Благовещенского погранотряда НКВД.

Кто-кто, а уж Круглов, конечно, знал, где и как можно пройти через границу к нему и от него. Не лишено интереса, что по секретной сводке Дальневосточного округа погранвойск НКВД, пересылавшейся для сведения штабу армии, наибольшее число нелегальных переходов границы, главным образом военнослужащими, было зарегистрировано как раз на участ-

ке Круглова. В зиму 1936-1937 гг. район расквартирования частей 12-ой стрелковой и 3-ей колхозной дивизий (соседей Круглова) в одну ночь оказался «залистованным» на большом пространстве.

Листовка, отпечатанная типографским способом, была антибольшевистского содержания и призывала красноармейцев быть наготове к решительному моменту в борьбе с тиранией Кремля.

Произведенным расследованием было установлено, что листовка была раскидана людьми, приходившими из Маньчжурии и туда вернувшимися. В одном из пустующих дотов они отдыхали и закусывали. Было бы интересно теперь услышать от людей, ведших в то время революционную работу из Маньчжурии, про эту историю. Я с своей стороны могу сказать, что эта листовка наделала тогда много переполоху. Большие отряды из командиров, политработников, и комсомольцев были посланы для сбора листовок и два дня, в метель, топтались по полю. Правительственные провода Хабаровск-Москва были загружены запросами и донесениями по этой оказии. Возможно, впрочем, что листовка эта была вовсе не из Маньчжурии и что следы к границе были сделаны для отвода глаз...

Круглов поддерживал (открыто) близкие, приятельские отношения с советским консулом в Сахоляне (китайский город против Благовещенска, через реку). Консул (фамилия позабылась) часто приезжал в Благовещенск, выступал с информационными докладами на бюро Амурского обкома и развлекался на вечеринках областного начальства. Его дети учились в Благовещенской школе, ежедневно привозились и увозились. Между прочим, этот консул немного позже Круглова разделил участь последнего: сгинул в НКВД.

Тарханов. Это был не кто иной, как бывший генеральный секретарь исполкома Коммунистического интернационала молодежи. Это он, первым из комсомольцев, еще в годы гражданской войны, ходил в Европу устраивать Союзы, коммунистической молодежи. Его учителем и наставником был председатель Коминтерна Зиновьев.

Позже Тарханов участвовал в оппозиции и был лидером оппозиции — в комсомоле. В годы начавшегося физического преследования оппозиционеров (1929-1930), Тарханов принес повинную Сталину, был «прощен» и получил назначение в военную разведку.

Номинально Тарханов значился в должности одного из помощников начальника разведотдела штаба армии, но фактически был главным обозревателем стран Дальнего Востока для Гамарника и через него — для Кремля. Он занимался систематизацией газетных сведений, письменных работ, но нередко, вместе со своим другом Иолком, сам ходил в разведку в Китай, Маньчжурию, Японию и Корею. В небольшом двухэтажном белом особняке на одной из тихих улиц, примыкающих



▲ Калмыков М.В.



▲ Круглов Б.В.

к штабу армии, он принимал своих гостей «оттуда». Тарханов образцово знал китайский язык и говорил также по-японски.

Начальником Тарханова был Валин (вероятно, псевдоним) — человек с белой головой и черными жгучими глазами, матерый волк разведки. Про него говорили, что с конца первой мировой войны он участвовал во всех восстаниях в мире; в 1923 году держал в своих руках нити известного гамбургского восстания.

Тарханов, Иолк и Валин были монополистами по информированию советского общественного мнения о странах Дальнего Востока, и конкурировать с ними мог только Радек. Их статьи в те времена часто появлялись в «Правде» и в толстых московских журналах, подписанные их сборным псевдонимом: Иотавари. Они также выпустили несколько книг и «Справочник командира» по Японии. Тарханов показал себя талантливым беллетристом, выпустив в московском издательстве ярко написанные «Китайские новеллы», под именем, если я не запамятовал Эрдмана.

Коренастый, с втянутой плечи большой стриженой головой и веселыми серыми глазами Тарханов, долговязый, белолицый, лупоглазый Иолк и Валин, как, впрочем, и другие разведчики, были самые демократические ребята в штабе и запросто и охотно общались с чинами штаба, рассказывали и много интересного. Тарханов и Иолк к тому же были очень добры: давали из-под полы читать харбинские эмигрантские газеты. Излишне рассказывать, с каким жгучим чувством любопытства и надежды брались в руки эти газеты...

Вспоминаю, как веселый пустяк, что в «Харбинских новостях» печаталось рекламное объявление ресторана Ощепкова весьма игривого содержания: «Везде голодно — у Ощепкова сытно. Везде холодно — у Ощепкова тепло. Везде скучно — у Ощепкова весело»... и так далее в этом роде. Начальником административно-хозяйственной части штаба армий был некий Росщупкин, в майорском чине.

Чины штаба совсем не так плохо снабжались из трехярусного (высший начсостав, старший и средний начсостав и вольнонаемные) распределителя Росщупкина. Но... везде и всегда над хозяйственником подсмеиваются, дай только зацепку. И вот соответственно переиначенное творчество харбинского ресторатора пошло гулять по штабу: «Везде сытно — у Росщупкина голодно. Везде тепло — у Росщупкина холодно...» Это была целая эпидемия, массовый психоз. Где этот уютный ресторатор Ощепков? Снилось ли ему когда-нибудь, что его «литература» пользуется такой бешеной популярностью на его родине, и не где-нибудь, а в большевистском штабе армии, у полутора тысяч генералов, полковников, майоров, летчиков, танкистов, артиллеристов, комиссаров и, кажется, у самого дальневосточного маршала?..

Несмотря на то, что Тарханов был опальный, а вернее — именно поэтому, отношение к нему чинов штаба было уважительное и даже почтительное; для одних он был



▲ Гамарник, Блюхер

герой; для других — орел, которому приходится ниже кур спускаться; для третьих — побитый. Известно, что сердце русское открыто пострадавшему... Большую роль играло то, что Тарханов держал себя просто, но достоинства не ронял, как это случалось со многими покаявшимися оппозиционерами: ни перед кем не заискивал, покаянных и славословящих режим речей вновь и вновь не произносил... Выделял его своим вниманием и Блюхер, был к нему неизменно предупредителен и вежлив и нередко просил его к себе с докладом. Но приглашать его на свои домашние банкеты, которые случались частенько, все же остерегался...

Тарханов близко соприкасался с Гамарником. Гамарник вообще имел много дела с разведотделом и, в свои приезды в Хабаровск, на много часов уединялся с разведчиками. Тарханова называли любимцем бороды.

Как потом утверждалось, именно при помощи Тарханова Гамарник «делал» разведывательные данные, вводившие в заблуждение Политбюро относительно численности, вооружения и дислокации японской армии и намерений ее правящих и военных кругов, с помощью чего заговорщиками достигалась поставленная ими перед собой цель: накопление войск на Дальнем Востоке.

Мирин. Редактор армейской газеты Владимир Мирин был из свиты Гамарника. В советско-китайский вооруженный конфликт 1929 года Мирин основал и редактировал газету ОКДВА под свежим, оригинальным названием «Тревога». Боевой опыт «Тревоги» прогремел на весь Союз, главным образом благодаря написанной Мириным же брошюре. «Тревога» била по врагу кричащими заголовками, аршинными шапками, пестротой верстки, «обыгрыванием» фактов... Когда, по заключении мира с китайцами, «Тревога» попыталась держаться своей «традиции», ей это отделом печати ЦК не было позволено на том основании, что это — приемы желтой буржуазной прессы.

По окончании советско-китайской войны Мирин был отмечен центром и назначен на должность начальника отдела печати: Политического управления Красной армии, в Москве. Однако, в 1932 или 1933 году Гамарник вернул Мирина на Дальний Восток. В петлицах сравнительно молодого военного журналиста (Мирину не было сорока лет) сияли два ромба, по нынешнему — генерал-лейтенант! (Гамарник вообще щедро раздавал звания молодым политработникам). Писал он сам посредственно, бесцветно, нудно, но организатор был толковый, нахрапистый и наглый.

Мирин представлял собой лощеного щеголя — душка военный — с красивым лицом южанина. Он, однако, был умен и слыл за актера в жизни, каковым несомненно и был. «Такая уж, товарищи, наша должность: член ве-ка-пе-бе!» — говорил он, как декламировал, на партийных собраниях, и все совестливо потупляли взор, зная, что говорит это — прожженный лжец и комедиант.

Мирин срезался несколько раз на газетных иллюстрациях. Один раз в портрете Молотова, напечатанном в газете, начальством было усмотрено оскорбительное сходство с каким-то бывшим уральским капиталистом. Скандальнее вышла история с портретом Вышинского. На первой странице была напечатана речь прокурора Вышинского на процессе Зиновьева 1936 года, с заверстанным в центре газетной полосы портретом Вышинского. На второй странице шел обычный раздел армейской жизни, причем было напечатано фото: боевой конь, схваченный под уздцы красноармейцем.

Кто-то из читателей, просматривая газету; видимо, лежа на земле, против солнца, поразился увиденным: глазам предстала голова Вышинского в ... уздечке, по всем правилам пригнанной на прокурорское лицо; уздечку под подбородком прокурора держала властная рука. Все остальные детали, снимков пропали: ни коня, ни красноармейца.

Осененный бдительностью читатель дал знать по начальству о газетном вредительстве. Пошла депеша в пуарм. В пуарме развернули газету против солнца и... страшно переполошились. Государственный прокурор Вышинский, главный обвинитель на процессе оппозиции... в узде? Управляемый чьей-то рукой? На что намек? На кого намек? В войска полетела шифровка: газету изъять... Но история с замученным прокурором, тем не менее, получила широкую огласку, и в последующее время на маневрах в поле можно было наблюдать, как целая дивизия просматривает свежий номер армейской газеты несколько необычным образом: наставив развернутый лист на солнце...

Мало вероятно, чтобы в данном случае имел место умысел заговорщицкого агитпропа: на такой дешевой штуке заговорщики вряд ли захотели бы рисковать. Дело, кажется, обстояло так, как объяснял перетрухнувший Мирин начальству: случайное скрещивание клише с таким неожиданным и умопомрачительным результатом. История для Мирина, тогда больших последствий не имела, но в кампанию повальной бдительности и всеобщего умопомешательства 1937-1938 г.г. целый ряд редакторов поплатился партбилетом, а некоторые и головой за такого же рода, казалось, смешные пустяки. В конце концов, отдел печати ЦК издал специальный циркуляр, обязывающий редакторов перед тем, как подписать номер к печати, просматривать его на свет!..

Блюхер Мирина не любил, но терпел и почему-то считал возможным принимать его у себя с докладом, на что был очень зол Аронштам, которому редактор был непосредственно подчинен, и почему-то неизменно приглашал Мирина с женой на свои домашние банкеты. С Калмыковым Мирин был открыто дружен и на его музыкально-литературных вечерах был непременно присутствующий.

Таиров. Никто не знал, откуда этот кавказец всплыл на видном посту члена Военного совета, как его настоящая фамилия и кто и для чего придумал для Дальнего Востока эту должность члена Военного совета без портфеля.



▲ Таиров В.Х.

Небольшого роста, типично-армянского обличья, обходительный, приветливый, почти джентльмен, с торчащими веером поверх облыселого черепа волосами, с мягкими манерами, в которых было что-то кошачье, Таиров слыл в армии за «советского Лоуренса». Говорили, что его «специальность» — Азия, что он провел много лет в Китае вместе с генералом: Галеном (т. е. Блюхером) и что, помня те времена, Блюхер пригласил его к себе в качестве члена Военного Совета.

Как член Военного совета, он руководил в армии тремя весьма неоднородными отраслями: военной разведкой, военным строительством и Колхозным корпусом.

Пашковский. После знаменитого на весь Дальний Восток своими причудами и неожиданными выходками комдива Ивана Андреевича Онуфриева, Пашковский был «партизан номер два». Низкорослый, плотно сложенный, блондин лет под 50, Пашковский не имел одного глаза и для благообразия носил вставной. Нередко на корпусных собраниях разгневавшись, Пашковский выхватывал из глазницы свое стеклянное око и что было силы ударял им по столу. Однажды на первомайском параде в Благовещенске, выступая с речью, в присутствии японского консула, Пашковский на свой лад переделал одно известное изречение Сталина. «Японцы хотят нашей земли? Но мы своей земли, ни одного вершка своей земли не отдадим никому! Нам самим мало!» — неожиданно выпалил оратор. В связи с этой историей Пашковский вызывался в Военный совет и получил выговор за «недипломатический язык».

Но у Пашковского, как все это знали, его «партизанство» было только игрой, собственным «стилем». Он был и умен, и достаточно образован, и корпусом руководил со знанием дела. Его положение как командира корпуса, было очень высокое, так как фактически он был если не командующим приамурской группой войск, то начальником гарнизона всего обширного Приамурья, и в известной мере — ему подчинялся даже благовещенский погранотряд полковника Калиновского. В качестве военачальника области он был членом бюро обкома. Войска его корпуса стояли непосредственно за дотами Круглова.

Иванов. Выдвиженец из рабочих Амурского пароходства, Иванов правил областью долгие годы, едва ли не полные семь лет. Каких-либо подробностей о нем я не знаю, но знаю, что он был человек очень властный и... невоспитанный. В свое время по Дальнему Востоку из уст в уста ходил рассказ об одном заседании бюро обкома. Заведующая облздравом Врублевская принесла жалобу обкому на областную газету, напечатавшую про нее фельетон, в котором она была уподоблена... Дездемоне. «А кто это такая Дездемона?» — спросил Иванов у редактора. «Да это была одна такая героиня...» — начал было объяснение редактор. «Героиня? — переспросил секретарь обкома. — А я думал б... какая-нибудь. Чего же ты, Врублевская, обижаешься? Все-таки героиня!..»

Если принять во внимание, что Амур был представлен в заговорщицком Центре весьма внушительно партийным возглавителем — и двумя военными руководителями (Пашковский, Круглов) то нетрудно видеть, какое стратегическое значение придавалось этой территории в планах переворота. Амурская область — крайняя часть территории Дальневосточного края в сторону Москвы — должна была сыграть роль «отсекающего», должна была встать часовым на границе и обеспечить в крае «течение» переворота в судьбоносные первые дни или, быть может, только первые часы его...

ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОРОТА

Самый акт переворота, т. е. освобождения, выхода территории края из-под власти Кремля, не представлялся заговорщикам слишком головоломной задачей.

Необходимым и неизбежным условием переворота в центре является насильственное устранение властвующей верхушки. Но властвующая верхушка охраняет себя с исключительной бдительностью и по самой совершенной системе. Это — одна из больших трудностей переворота в центре.

Такой трудности, однако, не стояло перед дальневосточным подпольем, так как местную властвующую верхушку представляли собой сами же заговорщики. Здесь сама властвующая верхушка делала бы переворот. Физическое устранение главной правительственной администрации в крае, захват местных правительственных учреждений — такой задачи не стояло бы перед революционной организацией, сочетающей в лице своих членов и тайную революционную организацию и главную правительственную администрацию в крае. Местные правительственные учреждения, по крайней мере такие важные, как штаб армии и краевой исполком, в сущности, «уже» были захвачены заговорщиками еще до переворота.

Правда, дальневосточному центру в момент переворота пришлось бы решать задачу овладения полицейской крепостью Сталина в крае, т. е. краевым управлением НКВД, две тысячи сотрудников которого, вполне «механичные» и послушные своему долгу, представляли бы камень преткновения для

переворота. Но при наличии в руках заговорщиков ключевой позиции в армии и в особенности в «столичном» гарнизоне края (Сангурский, Калмыков), при наличии нескольких верных заговорщицкому центру людей в самом краевом управлении НКВД, при наличии плана Сангурского по блокированию двух главных зданий НКВД в Хабаровске (об этом плане см. дальше), — задача штурма энкаведистского гнезда могла быть решена успешно.

Оптимистически могли смотреть заговорщики и на проблему овладения положением в крае после торжественного обнародования мятежным Хабаровском Декларации о выходе края из-под власти советского правительства и о переходе всей полноты власти в крае в руки Дальневосточного Комитета Освобождения Родины*).

Сначала несколько слов о постановке этой проблемы. Насколько стало впоследствии известно, в самом заговорщицком Центре были представлены два взгляда на этот вопрос.

Член Центра Дзыза считал, что вообще этой проблемы, то есть, в конечном счете, проблемы превращения края в вооруженный оплот освободительной войны против Кремля, не существует. Он исповедывал теорию «разлившегося революционного моря». Надо, полагал он, пустить только «пал» — и пожар стихийно обнимет весь край, перекинется на соседние с краем территории с тем, чтобы стихийно распространятся дальше, с области на область... Но Дзыза «аполитичный» интендант, погруженный в свои ведомственные занятия и далекий от непосредственного наблюдения жизни, мыслящий «устарелыми категориями», остался со своим взглядом в одиночестве.

В Центре возобладала точка зрения других, которые, считаясь с реальным действием автоматизированной государственной машины большевиков, с реальным фактом трагической разобщенности людей, подвластных Кремлю, не верили в теорию «разлившегося революционного моря» и считали опасным для судеб переворота возлагать на нее надежды.

Они верили в освободительный вал, который, нарастая, будет подвигаться на Запад, к Москве, но который может также, в зависимости от сложившихся условий, оставаться в неподвижности, как крепость, принимая на себя и отражая военные удары Кремля. При этом они не сомневались в том, что дальневосточный мятеж или всякий иной, вызовет во внутренних областях СССР процессы, которые повлекут, выражаясь языком летчиков, серьезное «барахление» государственного мотора сталинизма...

Но этот вал нужно было «поставить», для чего надо было утвердить революционную власть на всей территории края. Для этой же цели заговорщики считали необходимым очертить границы территории переворота и на некоторое время, по возможности, наглухо закрыться в этих границах, или, как тогда еще говорили, запереться в восставшем крае «изнутри на ключ».

Заговорщики придавали «очерченной границе территории переворота» совершенно исключительное значение в смысле психологического влияния на колеблющиеся и «нейтральные» элементы в самом крае.

Заговорщики полагали, что достаточно людям прожить один день в сознании положенного рубежа «двух миров», в сознании, что живут они вне непосредственной досягаемости машины принуждения и имеют свободу выбирать, как они проснутся на следующее утро свободными от страха, с чувством своего причастия к делу переворота и с чувством ответственности за это дело. Если у них будет какой-нибудь страх, то только страх вновь оказаться под властью Кремля: никого в Советском Союзе не требуется убеждать в подозрительности, мстительности и кровавой неразборчивости большевистской власти. Но такой страх может только порождать отчаянную решимость и смелость в борьбе.

Наличие «положенного рубежа» должно было бы поставить в очень трудное положение сопротивляющиеся элементы, сильно влияло бы на их психику. Они уже не могли бы чувствовать себя законной властью в крае, подавляющей «противогосударственные элементы». Они почувствовали бы себя сами «элементами», незаконно и воровски действующими в тылу не своей территории.

Я не могу не уклониться здесь несколько в сторону и не отметить, что это предвидение заговорщиков позднее нашло себе подтверждение, правда, в другой обстановке. Речь идет о прошедшей войне. Я знал многих советских солдат и офицеров, политработников, которые из-за страха лишиться соприкосновения со своей свирепой властью рвались выйти из немецкого окружения, ища лазеек и подчас проявляя героические усилия. Но как только на какой-то, скорее психологической, черте, все-таки обусловленной чертой физической, это соприкосновение обрывалось и люди вдруг это сознавали, они умирали и тут же снова рождались, исполненные яростной — если не сказать беззаветной — решимости... войти снова в соприкосновение с этим режимом, но уже на другой основе: на основе смертельной схватки с ним.

Я также наглядно видел в войну много раз, с волнением наблюдал, как вдруг останавливается в определенной обстановке и в определенный момент чудовищная машина большевистского властвования, становится недействительной и я очень ясно представляю себе, как это будет

*) По заговорщицкой идее, Дальневосточный Комитет Освобождения Родины должен был быть Комитетом ведения освободительной войны. По мере продвижения вглубь страны, в него входили бы представители других освобожденных территорий и, вероятно, в связи с этим самое наименование Комитета претерпело бы соответствующее изменение. Комитет назначил бы командующего освободительной армии и издавал бы общие директивы по вопросам, связанным с ведением освободительной войны и самыми неотложными; реорганизациями экономической и политической жизни освобожденной территории.

при перевороте, начавшемся в какой-нибудь части СССР... Еще только вчера, еще только сегодня утром это были полки, дивизии, скрепленные дисциплиной, связанные всеми обручами большевистской системы. Но вот, как бы по какому-то веянию в воздухе, эти стройные полки и дивизии буквально в миг превращаются в беспорядочную толпу. Почему? Кто-то крикнул: «Мы окружены!» или «Теперь конец!». Может быть это крикнул Никто.

Все расползается на глазах у начальников. Но никто из начальников со всей их властью, которой у них не отнимали, с оружием, которое у них в руках, уже не может, не в силах крикнуть: «Остановитесь!» Что изменилось? Что-то изменилось... Разбредшиеся группами красноармейцы в присутствии начальников откровенно судят режим и толкуют о том, как перейти в плен; снаряжают «ходоков». Даже уполномоченный Особого Отдела только сдержанно улыбается, слушая страшную крамолу. А ведь еще сегодня утром, еще час назад он каждого из них, не колеблясь, застрелил бы за не оставляющее сомнения предательство. Он и сейчас должен это сделать. Но он уже этого не сделает. Может, но ... не может.

У него, конечно, самый обыкновенный страх. Но красноармейцы, которые давно и всем застращены, — разве не должен был бы удерживать их страх, что слух об окружении может оказаться ложным и что они останутся (и еще остаются!) под старой властью?

Произошло психологическое разжатие. Можно сказать, что произошел психологический переворот, но обусловлен он был внешним фактором. Кто-то сказал: «Там черта!». Может быть, это сказал Никто. Но это было сказано. Воображению предстала черта. Может быть ее не было. Может быть, была. Но они поняли, что это их момент. И они — умерли и тут же вновь родились, — в новом качестве. Страх, который довлел и давил, исчез.

Еще один пример из того же времени. Однажды я наблюдал как из одной деревни уходила группа



▲ Зиновьев Г.Е.

командиров, и политработников. Озорная колхозница кричала им вслед: «Передавайте наше с кисточкой товарищу главному в Москве — жареный кочетыг ему в...» — она назвала неудобопроизносимую часть человеческого тела.

Начальники только поникли больше головами и пошли. Откуда это изумляющее бесстрашие колхозницы? Немцы в деревне ведь еще не показались и... покажутся ли? Реальная-то власть над ней, колхозницей, пока что у этих командиров. Она знала, что любой из этих командиров может ее убить, вправе убить, в силах убить. Но еще лучше она знала, что он ее уже не убьет. Любой из этих начальников, знал, что он обязан ее убить, не говоря уже о праве убить, но он также знал, что уже ее не убьет. Я спросил колхозницу, как она не боится? Она ответила, что они уже не придут. Я возразил, что они могли бы убить ее теперь. — «Они уж недействительные», был ответ. — «Как так недействительные?» — «А так. Они тут нюне не на законной меже».

Фактор межи!..

Но я возвращаюсь к непосредственной теме.

Для того, чтобы справиться со своими внутренними делами, мятежному краю нужно было, прежде всего, иметь время — до того, когда кремлевское правительство бросит крупные силы для подавления переворота. Заговорщики рассчитывали, что такое время — очень короткое — они будут иметь, потому что Кремлю было бы совсем нелегко с расстояния 9 тысяч километров в один миг прыгнуть к границе восставшего края и немедленно повести против него военные действия еще находящимися под его властью частями Красной армии. Как я уже упоминал раньше,

в Сибири Кремль не держал сколько-нибудь значительных войск.

Мало вероятно, чтобы эти три-четыре дивизии и несколько раскиданных по городам необъятной Сибири военных школ могли быть сорваны со своей сибирской вахты и немедленно поставлены на марш: факт мятежа, несомненно, вызвал бы тотчас же общее напряжение в стране, и правительство едва ли рискнуло бы совершенно оголить от войск ссыльную, концлагерную Сибирь. Для того же, чтобы снарядить карательное войско из внутренних военных округов и переправить его по «кишке» великой транссибирской магистрали хотя бы только в район Байкала, потребовалось бы никак не меньше недели, времени.

Но даже, если бы сибирские дивизии или «мобильные» отряды из внутренних округов поспешили, то где-то в районе знаменитых туннелей Байкала они уткнулись бы в захлопнутые ворота мятежного края. Этими захлопнутыми воротами мог оказаться закрытый для движения транспортов (загороженный или приведенный в негодность) участок пути в тесном проходе между озером Байкал и нависшими над полотном железной дороги скалами, участок, находящийся под огнем горной артиллерии мятежников. Первым посланцам Кремля не оставалось бы ничего иного, как выгружаться и штурмовать непролазную тайгу, скалы и кручи Байкала, преодолевать Яблоновый хребет, прежде чем выйти в затаившуюся неизвестность мятежной территории.

Возможно, конечно, что Ворошилов мог бы решиться прыгнуть на плечи восставшего края парашютными частями, серьезно рискуя при этом оказаться в положении подарившего ценное подкрепление мятежникам: ни у Ворошилова, ни у заговорщиков никогда не могло быть никакого сомнения относительно «оклада внутренних чувств» у парашютистов ли, пехотинцев ли, или даже солдат внутренних войск НКВД... Но и в таком случае, если бы сброшенные парашютные части еще оставались во власти своего «машинного» долга, потушить мятеж они не были бы в состоянии.

Они могли осложнить задачу овладения заговорщиками положением в крае, «оккупировав» ограниченные куски территории края и создав обстановку неразберихи, чересполосицы, партизанской войны. Но восстановить утраченное Кремлем положение в крае, при уже начавшейся «игре сил» с участием армии, а главное при том условии, что заговорщики с самого начала переворота имели бы в своем распоряжении известное количество «присягнувших» им войск, — это было бы им не по силам. В конце концов в отношении этих «подавителей» перед штабами переворота стояла бы та же самая задача, что и в отношении некоторых своих «трудных» частей: им нужно было помочь разделаться со своим командованием или же разбежаться, следуя на сборные пункты, указанные штабом переворота.

Главный, однако, расчет, заговорщиков был на одновременное выступление с Дальневосточным краем нескольких других окраин, причем, по всем данным, скорее всего одновременно с дальневосточниками выступили бы северокавказцы. В таком случае Кремль в своем стремлении подавить мятежи, вспыхнувшие, как по сигналу, в нескольких или хотя только в двух местах, должен был бы испытывать понятные затруднения. Тем временем мятежники спешили бы справиться со своими внутренними делами, т. е. утверждали бы свою революционную власть и проводили бы неотложные реорганизации, в предвидении скорой и смертельной «большой войны» с Кремлем.

Что касается различных сторон задачи овладения положением в крае, как они рисовались заговорщикам, то коренным вопросом



▲ Даурия

был, конечно, вопрос «завоевания» армии. На этом пути могли быть различные осложнения.

У заговорщиков не было больших опасений, что армия просто-напросто разбежится, что было бы катастрофой для дела. Бежать, собственно, было некуда: бойцы Дальневосточной армии были набраны со всех концов страны. (Это общее правило советского командования, что бойцы для прохождения службы отсылаются как можно дальше от своего дома. Исключением являются только некоторые нац. части — например, Бурятский нацкавполк, — квартирующие у себя «дома»).

Бежать за тысячи километров домой при прерванном железнодорожном сообщении, по таежной и безлюдной местности — вряд ли кому-нибудь могла притти такая мысль. Да и что ожидало бы «дома»? Домой бы они, все равно не попали, а попали бы на территорию Сталина. В худшем случае их, как подозрительных, послали бы на фильтрацию в НКВД и дальше — в концлагери. В лучшем случае — поставили бы воевать с той стороны. На самой территории края бежать можно было только в тайгу, обрекая себя на холод, голод и смерть. При всем том, советские бойцы привыкли жаться друг к другу, считая, что отвечать за все, что случится, целой частью легче, чем в одиночку.

Части, в командовании которых у заговорщиков были свои люди, вероятно, очень скоро привели бы себя в порядок и встали под знамя революционного комитета освобождения. Командованию этих частей пришлось бы иметь дело с двумя категориями «внутреннего» противника: «людьми долга» и «людьми усердия».

«Люди долга» — это, конечно, особисты, чиновники НКВД в армии. В каждом полку — один уполномоченный Особого отдела. Особый отдел дивизии насчитывает ее больше 6-8 ответственных сотрудников. В ночь переворота все эти особисты были бы взяты комендантским взводом по приказу командира дивизии (корпуса) и изолированы в надлежащем месте. Это произошло бы еще до объявления о перевороте.

Командир дивизии, по советским законам, не обязан мотивировать перед подчиненными свои приказы и доказывать их законность; он только отвечает за свои действия перед вышестоящим начальником. Правда, в уставе советской армии есть параграф, обязывающий военнослужащих к «неисполнению преступных приказов». Но комиссариатом обороны никогда не было дано войскам «толкования», что понимать под преступным приказом.*)

В уставе говорится только, что, если получивший приказ полагает его преступным, он должен сообщить о своей догадке следующему по чину начальнику и действовать так, как последний прикажет, не отвечая за последствия. Этот параграф устава был сформулирован в то время, когда большевистская власть, не доверяя низам, очень доверяла своим верхам, верила в иерархическую лестницу по принципу: чем выше человек по должности, тем он надежнее. При этом — чем выше командир, тем очевиднее, что он — член партии, верное лицо. О могущем быть подполье в ВКП(б) властелинам тогда еще и в голову не приходило...

Возможно, конечно, что надо было предвидеть и тот маловероятный случай, что командир комендантского взвода мог бы усумниться в законности приказа об аресте именно особистов, хотя он вовсе не обязан знать ни должностного, ни какого другого положения подлежащих аресту по приказу. Но приказ мог быть отдан начальником штаба, а командир дивизии только бы подтвердил его.

Учитывало заговорщицкое командование и заботы, которые могли ему доставить «люди усердия». Советские «люди усердия» по побудительным причинам их активизма, делятся на множество категорий. Реальную опасность представлял бы известный тип активиста, обуреваемого тоской о славе и власти.

Кремлевская поощрительная система и политика головокружительных выдвижений «за услуги, оказанные партии и правительству», всегда оставляет у этого сорта людей надежду однажды подняться «из грязи в князи». Эта надежда владеет всем существом этих людей, не оставляя места для размышлений о переменчивости и капризности советской фортуны.

Нашлись бы несомненно политработники (являющиеся отчасти также «людьми долга»), командиры и, вероятно, даже солдаты, которые восприняли бы переворот только как наступивший, наконец, подходящий случай обратить на себя милостивое внимание Кремлевского распределителя «хлебных» мест, постов, рангов, орденских книжек и грамот о знатности. Заговорщицкое командование вполне должно было считаться с возможностью контрвыступления, хотя бы и разрозненного, людей, по преподанному Кремлем образцу действия «классово-сознательного советского воина».

С этими активистами заговорщицкое командование поступило бы точно так же, как и с особистами: оно их арестовало бы и изолировало в надлежащем месте еще до часа объявления о перевороте. Но для этого оно должно было знать заранее, от кого персонально можно ждать ретивости в защите сталинского режима. «Узнавать» этих активистов по внешнему признаку советской активности — было бы предприятие, в значительной степени пустое.

Самая большая трагедия заговорщицкой организации — невозможность, в реальных условиях сталинского режима, иметь разветвленную

*) *Вспоминается, что одно время (после убийства Кирова) младшие командиры при «проработке» устава со своими подразделениями, почему-то усвоили один стереотипный ответ на вопрос красноармейцев: что есть преступный приказ. «Вот если вам скажут пойти убить Сталина, пойдете вы убивать?» — отвечали они вопросом на вопрос. Красноармейцы хмыкали и молчали. В конце концов, специальным приказом НКО было предложено прекратить эту «идиотскую практику» и запретить командирам задавать красноармейцам «абсурдный вопрос».*

и многочисленную организацию. Но кругу заговорщиков, который по необходимости может быть только узким, ничто не мешает заблаговременно вести самое пристальное и доскональное изучение подчиненных им людей, в своих заговорщицких целях: начальнику гарнизона — в своем гарнизоне, командиру дивизии — в своей дивизии, командиру корпуса — в корпусе.

Материал этого изучения сыграл бы исключительную роль в момент переворота: заговорщицкое командование более или менее точно знало бы как тех, от кого можно ожидать сопротивления, так и тех, кто, по объявлении о перевороте, может немедленно составить кадр, гвардию штаба переворота.

Любопытно, что при аресте комбрига Круглова у него были найдены три списка имен. В одном из них начальник Особого отдела укрепленного района без особого удивления прочитал фамилии многих «опекаемых» им бойцов и командиров. Но в нем были также имена некоторых отменных активистов ведомства Шулыги (начальник политотдела) и даже нескольких, кажется, только двух, секретных осведомителей Особого отдела, имена которых начальник Особого отдела прочитал уже с некоторым удивлением. По результатам какого-то своего наблюдения, заговорщик Круглов на них явно рассчитывал...

Другой список открывался фамилией зам. начальника политотдела укрепрайона. Третий список задал энкаведистам головоломку, так как людей, имена которых значились в этом списке, не было в частях укрепрайона. Лишь спустя некоторое время докопались, что третьим списком Круглов «залез» к своему соседу, комдиву Андрею Кирилловичу Смирнову, командиру 12-ой стрелковой дивизии. Здесь можно отметить два факта: комдив А. К. Смирнов оказался в числе немногих лиц из высшего комсостава, которых не задела чистка 1937-1938 г.г. (его заместитель по политической части, дивизионный комиссар Мальцев, напротив, был изъят одним из первых во второ волну чистки, — по слухам, распространившимся тогда, именно Мальцев, располагавший, как комиссар и начальник политотдела, большими возможностями и средствами «политизучения» людей, изготовлял и корректировал для Круглова таинственный список по 12-ой дивизии).

Так что, при подобной постановке дела, заговорщицкое командование одной предупредительной мерой в ночь переворота обезопасило бы себя от возможного контрвыступления сталинских карьеристов, смутьянов и особенно беспросветных роботов. Для изолирования «людей усердия» не требовалось бы даже продумывать технику арестов и посылать в части комендантский взвод. Было бы просто приказано таким-то военнослужащим явиться в назначенное место и в назначенный час. Все-таки элементарно, что командир дивизии вправе вызывать к себе своих подчиненных в любое время дня и ночи, решительно никого не спрашиваясь и решительно никому не отдавая отчета в цели вызова...

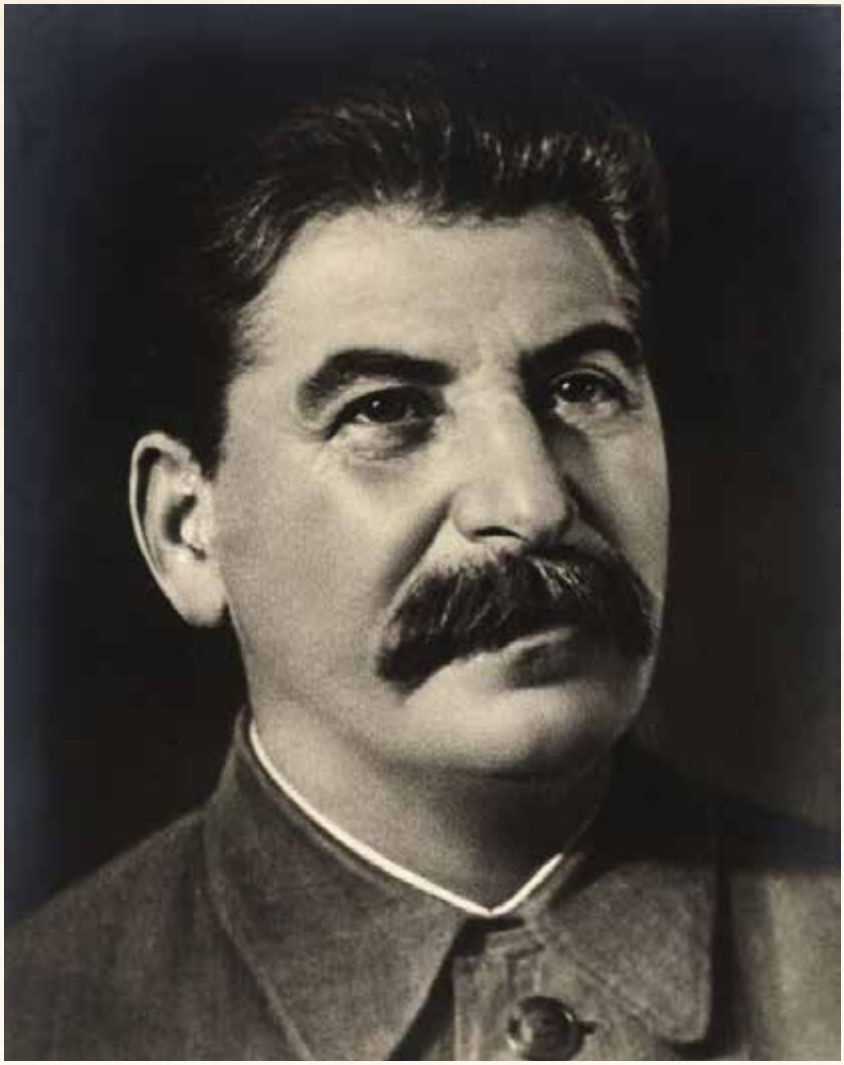
Точно таким же образом в тот же час, но в другое место командиром дивизии были бы вызваны чины командного и рядового состава, на которые имелся расчет, как на надежду и кадр переворота. Они первые узнали бы о перевороте и быстро были бы отосланы в свои части с соответствующими полномочиями и планом действия.

Я слышал, что утро дня переворота в частях и соединениях началось бы с ... парада. Не знаю, были ли у заговорщиков столь подробные планы, но вижу большое психологическое значение этого парада свободы, который сделал бы больше, чем десяток митингов и миллион прокламаций: маршируя под знаменем свободы, люди немедленно ощутили бы по новому «чувство локтя», чувство связавшей их воедино ответственности за дело переворота, не говоря уже о том, что ничто не было бы в состоянии так быстро и основательно развеять в населении неверие в реальность и успех переворота, как это наглядное «удостоверение вооруженной революции».

Печать психологического расчета лежала бы и на последовавших немедленно неотложных реорганизациях. Заговорщики, например, считали необходимым произвести



▲ Блюхер и Буденный



▲ Сталин

перемещения командного состава во избежание возможных счетов из-за личных обид. Институт комиссаров, политработников и политорганов подлежал упразднению, и партийные организации — роспуску. Тотчас же был бы создан институт офицеров по просвещению, преимущественно из солдат-одногодичников (лица со средним и высшим образованием).

По расчету, с которым я в свое время был познакомлен и который не показался мне нереальным, уже за шесть часов до исхода первых суток, каждая дивизия могла бы сформировать один сборный полк отборных добровольцев и отправить его к западной границе края; возможно, что эти полки, в зависимости от совокупности благоприятствующих условий, тотчас же, эшелон за эшелоном, проследовали бы дальше, упреждая Сталина.

До сих пор речь шла о соединениях и частях, возглавляемых заговорщицким командованием. Но Дальневосточному Центру пришлось бы также решать проблему частей, командование которых, не будучи причастны к организации, имело бы свободу выбора.

Надо здесь заметить, что очень значительная, если не большая, часть войск ОКДВА квартировала не в городах, а в таежных и полевых условиях. Например, 26-ой стрелковый корпус стоял в глухой местности в районе Гродеково, занимая своими частями территорию в несколько десятков квадратных километров. И таких таежных и полевых гарнизонов было немало.

Даже при самых радужных и обоснованных надеждах на благоприятное восприятие переворота в войсках, заговорщицкий Центр не мог не считаться с возможностью того, что могли найтись командиры и комиссары отдельных частей и соединений, которые остались бы при старом «выборе», не подчинились бы приказу Комитета Освобождения и стали бы ловить, как руководство для действия, радио-приказы Кремля.

Это обстоятельство, конечно, осложнило бы работу по скорейшему собиранию края в единый кулак перед лицом неотвратимого похода Кремля на подавление мятежа. Но в безнадежном положении очень скоро могли бы оказаться сами сталинские сопротивленцы, главным образом по той причине, что не смогли бы в новой обстановке долго удерживать в своем подчинении подразделения и части.

Невероятно, чтобы эти боящиеся Сталина командиры и комиссары могли образовать своими частями, разрозненными и отделенными друг от друга десятками, а подчас может быть и сотнями километров, фронт против революционных войск. Очевиднее всего, что приневоленные ими к сопротивлению части остались бы только «островами», с задачей от Кремля — создать и поддерживать в крае запутанную, деморализующую обстановку, до выступления Ворошилова с крупными силами на подавление переворота.

Заговорщицкий Центр, как я знаю, не желал открывать против таких частей военных действий — из-за нежелания кровопролития. Хотя всякое их движение к расширению «контролируемой» ими территории, было бы, конечно, пресечено. Центр считал, что нужно только дать бойцам этих частей убедительное и наглядное «удостоверение» масштаба, мощи революционного переворота, — как последует отклик в виде ли переворота в этих частях и устранения сталинского командования или в виде наступившего развала. Об одном интересном плане применения заговорщиками — в подобном слу-

чае — психологического оружия мне рассказывали.

Заговорщицкий Центр предполагал бомбардировать такие части крупным соединением бомбардировщиков. Указывалось даже, что для этой цели предназначалась авиадивизия комдива Горбунова, стоявшая в шести километрах от Хабаровска. (Эта авиадивизия, переброшенная сюда в 1933 году с известной подмосковной авиабазы Монино, славилась блестящими летчиками, «чрезвычайными происшествиями» и «перманентно-низким уровнем политико-морального состояния личного состава» — по терминологии политсводок).

Бомбардировка эта тридцатью или сорока бомбардировщиками одновременно была бы, конечно, только символической, и на головы бойцов падали бы не бомбы, а тысячи листовок с призывом к сынам народа кончать со своим, «празднующим труса перед Сталиным», командованием или уходить и направляться на «сборные пункты свободы», указанные Комитетом Освобождения». Это реяла бы в воздухе сама торжествующая мощь революции.

Результат, может быть, был бы не так далек от ожидаемого.

Так обстояло дело с главной задачей — привлечения на сторону переворота армии. Незачем говорить, что при успешном ходе этой работы проблема преодоления могущего быть сопротивления правительственного административного аппарата областей и районов уже не могла бы казаться сколько-нибудь сложной. Даже в таком крупном центре сосредоточения партийного чиновничества, как Владивосток, достаточно было бы одной роты солдат дивизии Фирсова (Первая или Тихоокеанская дивизия), чтобы разогнать обком и горком, скопища механических партийцев и даже такую вооруженную силу, как второй по величине после хабаровского Областной отдел НКВД.

Но, как мне уже не один раз приходилось писать в нашей печати, заговорщицкий Центр имел свою особую политику в вопросе о «служилом сословии» сталинского государства, политику, основанную на знании двойственного, ложного положения советского чиновничества. Целью этой политики было вырвать это оружие из рук кремлевского правительства — иными словами, вырвать это чиновничество из его двойственного ложного положения. В соответствии с этой целью заговорщицкая организация стояла на позиции отрицания мести, на позиции отрицания дискриминации по признаку принадлежности к официальным институтам большевистской государственности, состояния на правительственной службе (как известно, всякая служба в СССР — правительственная). Было бы, вероятно, странно, если бы заговорщики, сами состоявшие на крупных постах у правительства, стояли бы на какой-нибудь другой позиции.

В моих бумагах сохранилась запись, сделанная сравнительно давно. Мне в свое время подробно пересказывали один «документ» заговорщиков — будто бы существовавшее в письменном виде «кредо революции» именно по вопросу об отношении к чинам правительственной администрации во всех областях государственного, партийного, военного управления, а также к работникам так называемых общественных организаций. В духе этого «кредо» заговорщики намеревались выступить с особой декларацией в момент переворота. Я привожу эту запись ниже, сохраняя форму изложения о первого лица, т.е. от авторов «кредо»:



▲ Сокольников Г.Я.



▲ Горбачев Б. С.



▲ Мехлис Л.З.

«Из прошлых внешних отношений кого бы то ни было со сталинизмом мы не можем делать себе жупела. Менее, чем кто-либо другой, можем делать это мы, сами по своему положению на службе у Сталина знающие, что такое маска и знающие также и то, что маска есть только маска. Более того, знающие, что весь СССР трагически вынужденно — страна масок...

Мы не можем судить людей не только по словам, но и — в подавляющем большинстве случаев — по делам их в сталинское лихолетье. Не потому, что на службе у Сталина не обретаются прохвосты, дураки, садисты, хулиганы (их у него на службе как раз много), но принципиально по сталинской несвободе для всех, по сталинскому принуждению всех. «Общественное» усердие советского человека знает много побудительных причин: не все они, однако, в самом человеке. Не всякое человеческое старание, которое объективно содействует злу сталинизма, — преступно, а если преступно, то заслуживает понимающего отношения: например, естественное стремление молодого человека найти выход и применение своим талантам — техническим, военным, литературным...

Мы не можем судить людей по чинам их в сталинское правление, принципиально потому, что сталинизм — всеобщее рабство.

Мы не можем устраивать разбирательств и чистилищ по признаку «соучастия в преступлении», потому что это завело бы нас в непролазный тупик. Сталинское всеобщее принуждение ко лжи (ко лжи всякой и во всех формах!) как раз главной целью и имеет впутать как можно больше людей в так называемый активный слой, хотя бы только с показной стороны, и, таким образом, запугать их, на случай переворота, войны и прочего такого перспективой ответственности по «соучастию в преступлении». Если бы мы, после переворота взялись бы за это дело, то переустройство жизни, помимо прочих грозных следствий, рисковало бы утонуть в грязной и бесконечной реке тяжб и доносов: уж каждый имеет припомнить другому его «советчину», в большом или малом — все равно!

Нам остается признать сталинские времена — коммунистические времена, в более широком смысле — как наказание, как стихийное бедствие, как наваждение и кошмар, проклясть их и забыть.

...Мы не можем также делать себе жупела и из всякого, без разбору, института сталинской государственности и быть одержимы манией разрушительства...»

Нарочно ли упрощали заговорщики проблему или же она была упрощена при передаче из вторых уст — знать трудно. Но упрощенчество, тут, конечно, налицо. С точкой зрения «кредо» полностью трудно согласиться. Сталинизм — всеобщее принуждение, да. Но... Вышинский (и другие инквизиторы), Оренбург (и прочие эренбурги), Мехлис (и мехлисы), Шкирятов (и шкирятовы), колымские полковники Гаранины — это то же все-таки факт. Может ли закон революции о недискриминации распространяться на эту породу «принужденных системой»? Очевидно, не может. Будут суды по реабилитации. Будут и народные трибуналы возмездия.

Тем не менее, в общей постановке вопроса, авторы «кредо» стояли, по-видимому, на реалистической основе... Невозможно сомневаться, что эта тактика (которая не была только тактикой) отняла бы у правительственной машины, в очень большой степени, ее силу сопротивления перевороту.

Мне не приходилось слышать, ставили ли перед собой заговорщики вопрос о том, сколь популярна была бы такая тактика у населения. Но на одном факте более позднего времени, в какой-то мере отвечающем на этот вопрос, я должен буду остановиться.

Остался и недостаточно замеченным и вовсе неизученным один факт прошедшей войны. Факт этот состоит в том, что на обширном пространстве СССР, занятом немцами, во-первых, не было вообще никакой «междуусобной», «классовой», «сословной» резни в населении; не было даже и «мутной реки тяжб и доносов», возникновения которой опасалось заговорщицкое подполье Тухачевокого-Крутова; во-вторых, не было никаких стихийных массовых расправ населения над представителями только что рухнувшей на этой территории советской государственности; я достаточно, изучал этот вопрос, но я не знаю и даже отдельных фактов индивидуальной мести.

Что было?

Говорят, были какие-то кровавые импровизации, организованные штабом Каминского (т. е. «новой властью») в «контролируемых» последним районах Орловской области. Была, в других местах, инициатива русских сотрудников СД, решительно не отличавшихся «благородной жаждой мести», часто устраивавших охоту за очень сомнительными — если не сказать, анекдотическими — советскими активистами и по совсем прозаическому «движению души»: грабеж. Была резня на Украине, но она не имела никакого подобия «народного возмездия слугам большевистского режима». Резня эта, как уже много раз говорилось в нашей печати, целиком была делом рук пришельцев — галицийских «культуртрегеров», «объединителей» незалежной Украины. Жертвами этой резни чаще всего делались простые и добрые люди Украины, не проявлявшие энтузиазма по поводу шовинистической, людоедской теории галицийского обоза Гитлера, русские антибольшевики и евреи.

Итак «линия» поведения населения в момент безвластия не доставила никому зрелища «потоков крови» и «кровавого хаоса».

Конечно, эта выдержка населения никак не объясняется недостаткам у него ненависти к большевизму, к коммунистическому строю, к диктаторской правящей верхушке, к «породе вьппинских, мехлисов, шкирятовых, эренбургов. Эта непримиримая ненависть и — что еще важнее — жажда народом свободы, стремление народа добыть свободу были доказаны полно, красноречиво и убедительно в другом.

Конечно, не объясняется эта выдержка населения и «немецкими вожжами». Никаких «немецких вожжей» не было — речь идет о первых месяцах войны! В этот период немцы, головокружительно быстро продвигавшиеся вперед, если вообще имели какую-либо политику по рассматриваемому вопросу, то она может быть выражена одним словом, и как раз словом приглашения: «Бей!» (стоит вспомнить пресловутую листовку: «Бей жида-политрука..!» — из серии политического убожества «освободителей»).

Главное же, населенные пункты — даже крупные города — через которые прошла немецкая армия, многие недели, в сущности, были предоставлены самим себе — гебитскомиссары, зондерфюреры, полиция и «суды» появились позднее. Так что никакого сдерживающего влияния на население немцы и не могли в это время оказать.

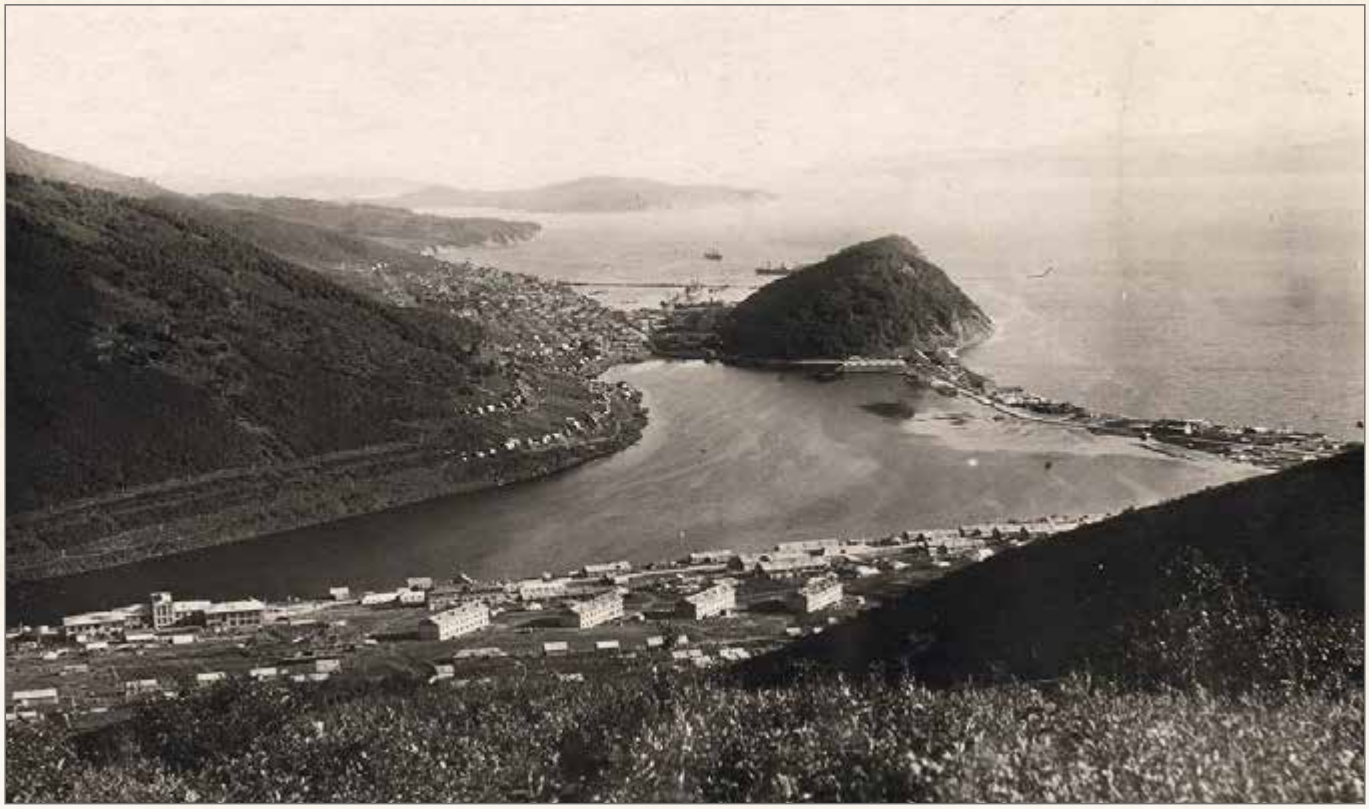
И, конечно, не из-за страха, что большевики могут еще вернуться, население «пожалело» оставшихся на месте представителей советского управленческого аппарата. От факта никуда не уйдешь — население во многих и многих местах встречало идущую «Европу-избавительницу» цветами и хлебом-солью. Это мало похоже на страх перед возможным возвращением большевиков.

В оккупированной немцами чести Ленинградской области, на Псковщине, на новгородских землях (я не изучал, как обстояло дело в других областях) крестьяне немедленно разломали колхозы и очень скоро, очень дружно, очень согласно, без присутствия какой-либо власти (ваших анархистов, я думаю, это должно привести в полный восторг), «вечевым» порядком, без тяжбы, без «мутной реки доносов» разобрались; кому что нужно взять, и — мирно возвратились к единоличному хозяйствованию... Где тут страх перед возможным возвращением террористического большевизма?

Во всяком случае, какой мог быть страх перед возвращением большевиков у той значительной части населения, которая уже тогда решила, что под большевиками не бывать и которая впоследствии, при подходе возвращающейся советской армии, потянулась длинной вереницей на запад, от победителя в обреченную землю побежденного?. Зачем они не погрузились в нирванну сладкой мести?



▲ Дальне-Восточный край, 1938



▲ Камчатка

Сложная и ответственная задача — разбираться в народной психологии, в народном чувстве. Играли тут, несомненно, свою роль русская незлопамятность, русское всепрощение. Но главное было — в чрезвычайной сложности и запутанности вопроса: кто виноват? Сталинизм всячески стремился осложнить и запутать в народном сознании этот вопрос, и он в этом преуспел. Уже с начала «эры» сталинизма размножилась категория лже-активистов, горе-активистов, активистов поневоле.

В конце тридцатых годов, особенно в результате тотальной чистки, народного сознания коснулось великое смущение: чувство ложного положения многочисленного советского чиновничества и даже сановничества передавалось многим. Люди увидели маски, много масок в самой коммунистической партии. Люди раскусили хитросплетение, тайну кремлевской механики, властвования; секрет всепорабощения... Стало не легко, хотя бы и мысленно, поднять камень и бросить в любого без разбору «человека с портфелем».

В конечном итоге, это обстоятельство не затрудняет, а облегчает задачу революции, приближает ее сроки: в стране вызревает атмосфера взаимопонимания всех оппозиционных сил, общей психологической подготовленности к приятию переворота, доверия к революции, откуда бы — из какого «сословного» этажа — не прогремел ее первый гром. Дело уже и сейчас в значительной степени остается только за «громом»... И в конечном счете, это обстоятельство может явиться великим благом грядущей революции: революция пройдет к своей цели, минуя пучину кровавого хаоса. Исповедующий, что из малой крови революции может родиться только новая диктатура, по-моему — вампир.

Прорицатели всяких ужасов междуусобицы и разгула ножа в России, после падения большевизма — просто подрабатывают на воображении чувствительных дам. Никакого разгула ножа не будет. Будут, возможно, военные действия, если революции первоначально суждено зажечься только на части территории страны. Никакие ученые социологи и даже всезнающие марксисты не будут в состоянии объяснить «классовую» расстановку сил в этой войне. Эта война окончится скоро. Восторжествует строй свободы и человечности. Без прилагательных: счастливый, лучезарный и т. д. Ибо с утопиями в русском народе кончено!

Таким образом, явления последней войны показали, что заговорщики, вероятно, могли не без основания рассчитывать, что их политика по вопросу «служилых людей» советского механизма встретит понимающее отношение населения.

...«Осторожное» отношение к институтам советской государственности, с которым мы встречаемся в заговорщицком «кредо», имело не принципиальное значение, а лишь практическое. Это был вопрос времени. Неотвратимость войны с Кремлем удерживала заговорщиков от «планов» слишком быстрой ломки и коренной переделки структуры управленческого аппарата. Тем не менее, мне стали известны, по крайней мере, три вопроса,

по которым Комитет Освобождения принял бы немедленно радикальные решения:

1. Концлагери сами по себе кончаются немедленно. Стража, которая препятствовала бы уходу заключенных из лагеря, должна была быть удалена силой воинских частей. Комитет Освобождения считался с фактом появления на территории края на свободе опасных уголовных преступников-рецидивистов, но считая абсолютно исключенным задерживать каких бы то ни было людей в лагере и устраивать разборы, сортировку на политических и уголовных и т. д.

Это было бы политической ошибкой. При всем том, такое разбирательство — физически было бы совершенно невозможно (изучить миллионы «судебных дел», если бы таковые были, но их не было бы: с осужденным в концлагерь следует только «статья») и оно не дало бы ровно ничего: кто стал бы принимать за чистую монету бумаги советского «Шемякина суда» или энкаведистских троек?

Кроме того, самые настоящие профессиональные «урки» и убийцы (не говоря уже о случайных «ворах») могли не без основания заявить, что «урками» и убийцами их сделала советская власть, и во многих случаях было бы трудно на это возразить. И еще: огромная масса заключенных, как известно, сидит в концлагере только за «то», что Кремлю потребовалась даровая рабочая сила, человеческие кости и кровь в фундамент новостроек коммунизма. При этом обстоятельстве было бы и юридически и морально неоправданно устраивать какие бы то ни было разбирательства.

Полностью не вмешиваясь в выбор заключенными решения о немедленном уходе из места бывшего концлагеря, Комитет Освобождения обратился бы к тем, кто с ним согласился бы, с просьбой оставаться некоторое время на месте на правах свободного общежития, — до организации перевозки в больницы, госпитали и дома отдыха, до открытия в б. лагерях бюро предложения труда предприятиями и учреждениями края и до открытия пунктов записи добровольцев в Освободительную армию.

В малозаселенном и малозастроенном крае, при тесноте в городах, задача размещения на отдых, на лечение, на работу и на жительство миллионов новых людей была бы совсем нелегкой, и от бывших узников понадобилось бы понимающее отношение к просьбе Комитета Освобождения о некоторой доле терпения. Повалить домой б. заключенные не могли бы никак, потому что их дом, был бы еще «там», у Сталина.

2. Все наблюдающие, следственные и карательные органы НКВД ликвидируются. Войска пограничной охраны остаются на месте и несут свои функции. Войска внутренней охраны преобразуются в обычные армейские части. Милиция остается на охране порядка. По возможности, быстро разрабатывается и вводится в действие акт о правах личности и временное уложение о новом суде и прокуратуре.

3. Все комитеты большевистской партии, начиная с краевого, закрываются и все партийные организации распускаются. Равно относится это и к комсомолу. Все другие общественные, культурные, кооперативные, профессиональные, спортивные, научные и другие организации — впервые свободным обсуждением и голосованием — сами решат вопрос дальнейшего существования и направления деятельности, при полном праве любого не считать себя больше членом той или иной организации.

Что касается управления местными делами края, то, по плану заговорщиков, оно осталась бы временно, под контролем Комитета Освобождения, за краевым исполнительным комитетом с его отделами: земельным, просвещения, здравоохранения, промышленности, торговли, финансов и прочими. Эти же органы управления и местной власти остались бы пока и в областях и районах. Заговорщики допускали, что чрезвычайное положение края, как края воюющего, может не помешать скорому проведению новых, свободных выборов органов местной власти на «низу» — в сельских местностях и, возможно, в городах. Но выборы «краевого правительства» оставались «пробелом» в планах заговорщиков.

Одно крупное военное лицо, весьма покладистое и, по моему убеждению, знавшее многое из «веяний» революционного подполья, в беседе как раз на эту тему «остающегося управлять крайисполкома», говорило мне:

— Я вижу скептическую усмешку на вашем лице. Мой друг, дело не в том, что кто-то хочет непременно сохранить старые меха и лишь влить в них новое вино. Будет и не-



▲ Гродековский погранотряд



▲ Командиры ОКДВА

избежная радикальная ломка старых форм (всегда все же разборчивая), будет и рождение новых форм — по освобождении всей территории России. Но не нужно слишком предубедительно относиться к тому, что — вот, крайисполком. Это — аппарат. Всего лишь аппарат. Как всякий аппарат, он может служить злу, но может служить добру; может служить политике насилия над крестьянами, но может служить политике охраны крестьян от насилия. Дело — в политике.

Вы не согласны? Но что вы хотели бы от них? (Я понял: от заговорщиков). Что вы предложили бы им иное? Что-бы они пустили судьбу переворота по волнам разыгравшихся политических страстей групп и группочек? Чтобы они сломали готовый аппарат и на обломках его устроили избирательную грызню — мой собеседник употребил именно это словечко — вылупившихся из переворота молодых партий и партиек? Не думаете ли вы, что при таком «пире демократии» в восставшем крае Сталин смял бы восстание, как яичную скорлупу?..

ПРОБЛЕМА ВОЙНЫ. — ЛЕГАЛЬНАЯ РАБОТА В НЕЛЕГАЛЬНЫХ ЦЕЛЯХ

Местный переворот против нейтральной власти — дело осуществимое и в условиях сталинской системы. На этот счет в заговорщицкой организации, по всей видимости, не было двух мнений. Заговорщицкую мысль обременяла задача более тяжелая — выстоять и победить в последующей смертельной военной схватке со сталинско-большевистским Кремлем. Не нужно было обращаться к Ленину, чтобы знать ту простую и очевидную истину, что «всякая революция только тогда чего-нибудь, стоит, когда она умеет защищаться». А перед восставшим краем стояла бы не просто задача самозащиты: самое понятие самозащиты в данном случае непременно предполагало бы, в конечном счете, решительно-наступательные действия революционных сил (движущейся «Освободительный вал»).

Заговорщицкая мысль, в напряженных поисках путей и возможностей решения этой проблемы, остановилась на тактике «использования легальных возможностей».

Это значило, что члены заговорщицкого Центра, занимая крупные советские посты в крае, должны были вести свою советскую работу по развитию Экономики края, по военному строительству и т. д., сообразуя ее с целями заговорщицкого плана, придавая ей направление, характер и масштаб, соответствующий потребностям предстоящей освободительной борьбы. В этой тактике не было и не могло быть ничего от тактики саботажа, вредительства, расстройства экономической жизни края; ни в коем случае она не могла и не должна была затронуть интересов населения края. Это называлось «накапливанием, в крае физических условий Освободительной Войны».

Заговорщики находили, что такая тактика «легальной работы в нелегальных целях», вполне в их возможностях.

Как известно, Советский Союз управляется жестко-централизо-

ванной системой. Большевистский централизм, как он запечатлен в стройных линиях советской управленческой схемы, кажется не оставляет ничего для местной инициативы, для самостоятельности «низов». Схема действительно ничего не оставляет. Но схема — не жизнь. А жизнь идет совсем не точно так, как этого хочется идолопоклонникам централизма, фанатикам схемы из Политбюро. Стройные линии схемы в действительности есть ничто иное, как каналы, в которых постоянно сталкиваются и ведут ожесточенную борьбу живое самодеятельное начало и мертвый удушающий централизм.

Правда, это живое самодеятельное начало чаще всего находит свое выражение только в стремлении нижестоящих обхитрить, обыграть, объегорить вышестоящих. Министерства стараются втереть очки «хозяину», обмануть Совет Министров и ЦК партии. Края, области, республики (нередко сомкнутым строем партийных, советских и хозяйственных возглавителей) стараются вывернуться из-под тяжелой руки централизма; оспаривают планы и распоряжения министерств, аргументируют своими цифрами и расчетами; протаскивают свои предложения и контрпредложения — и вообще маневрируют... Можно было бы рассказать нескончаемую повесть о том, какую уйму изобретательности, какие замысловатые «обходные движения» применяет жизнь в ее войне против бездушной схемы.

Правительство жестоко карает «антигосударственные тенденции», «местничество»; часто борьбу с этими явлениями возводит на высокую политическую ступень («уклоны»). Но побороть жизнь оно, конечно, не в состоянии. Побороть местничество оно могло бы — да и то едва ли, — только сняв полностью ответственность со своего кадра исполнителей. Но сделать этого оно по многим причинам не может. Требуя ответственности, оно нередко вынуждено считаться с «голосом с места», в то же время, чиня беспощадную расправу со всем тем, что — как ему кажется, носит характер, подобие, тень политической оппозиции.

В условиях этой никогда не прекращающейся войны жизни со схемой, заговорщики, разумеется, могли, делая для «пользы советской» делать кое-что» для своих революционных планов.

Правда, за окраинами большевистское правительство следит особенно ревниво. Но правда и то, что уследить за окраиной, особенно такой далекой, как дальневосточная, не так легко: тут своя — таежная — конспирация. Как правительство не крутится, оно вынуждено давать окраинам больше самостоятельности в решении местных вопросов. Такой самостоятельностью обычно пользуется диктатор окраины — лицо, облеченное особым доверием и правами. Таким диктатором для Дальнего Востока был Блюхер.

На Сахалине сидел правительственный начальник области — ни одно решение Сахалинского обкома, Облисполкома не имело силы, пока оно не утверждено начальником острова. Несколько иной, но почти такой же статут имел Берзин на Колыме... В некотором роде это обстоятельство шло на пользу заговорщикам: если Блюхер имел больше самостоятельности, то имел больше самостоятельности и его начальник штаба. Концентрация власти в крае во многих отношениях была на руку заговорщикам.

Говорить о всех линиях заговорщицкой «легальной работы в нелегальных целях» еще и теперь преждевременно. Но можно рассказать несколько фактов, которые источник ставил в связь с заговорщицкой деятельностью по подготовке базы Освободительной Войны.

Численность ОКДВА. Фактическая сторона дела заключается в том, что численность войск ОКДВА, начиная с 1932 года, возрастала в необычайных размерах. Через два года старые дальневосточные открытые дивизии: 1-ая — Тихоокеанская, 40-ая — Раздольнинская, 26-ая — Никольск-Уссурийская, 21-ая -Спасская, Иманская, Волочаевская, 12-ая — Благовещенская, Читинская, Иркутская — уже в четвертой части не отражали действительного количества нагнанных на Дальний Восток войск.

В последующие два с половиной — три года (годы существования заговорщицкой организации) численность дальневосточных войск удвоилась, и на начало 1937 года ОКДВА представляла собой округ-феномен: под маршальским жезлом Блюхера собралось 800 тысяч войска. Тайга кишела «засекреченными» дивизиями, танковыми бригадами, техническими и специальными частями. Помимо корпусов Пашковского и Калмыкова, в таежной глуши укрылись стрелковый корпус в Посьете (последним его командиром в описываемые годы был уже однажды мною упомянутый комдив А. К. Смирнов), 26-ой стрелковый корпус в Гродеково (последний командир — комдив М. И. Глухов).

На голизне Даурского плато разместились мотомех-корпус и авиакорпус. Военно-воздушные силы ОКДВА были развернуты в Особую воздушную армию. Быстро вырастал молодой Тихоокеанский флот. Многие из вновь прибывших частей жили в землянках — явление новое в быту Красной армии. Отмечу, как некоего рода пикантность, что присланная на Дальний Восток 57-я стрелковая дивизия разместилась в Цугуловском дацане — древнем монастыре тибетского ламы в Даурии.

Размер и значение ОКДВА столь выросли, что по кем-то пущенному словечку, штаб Блюхера стали называть «3-им домом НКО», что очень злило ревнивого Ворошилова (как известно, именем 1-го и 2-го дома НКО назывались Генеральный штаб и Наркомат обороны с его управлениями).

Кремль опасался Японии. Советско-японские отношения со времени захвата Японией Маньчжурии (1932) не переставали быть напряженными. Отборная полумиллионная Квантунская армия стояла лицом к лицу с ОКДВА на всем протяжении границы Маньчжу-Го — СССР и Маньчжу-Го — МНР. В этих условиях усиливавшиеся военные приготовления СССР на Дальнем Востоке были логичны.

Заговорщики были кровно заинтересованы в собирании под маршальским жезлом большого ко-



▲ Гамарник на боевом корабле

личества войск — будущей Освободительной Армии. Начатое помимо них сосредоточение советских войск на Дальнем Востоке соответствовало цели революционного плана. Заговорщики были столь увлечены открывшейся реальной перспективой получить под свою руку больше войск, что уже не довольствовались естественным потоком движущихся на Дальний Восток эшелонов, а — как уже мною отмечалось раньше — принимали свои особые меры по обеспечению «запланированной» подпольем численности ОКДВА.

Заговорщики не стремились к войне, так как в своей Освободительной Борьбе не ставили на войну и в особенности не делали ставки на Японию, настроения правящих кругов которой были откровенно завоевательскими. Подпольщики ориентировались только на свой план революции, без войны.

В конкретно-данных условиях того времени, заговорщики не могли считать, что их позиция «накапливания войск для себя» объективно способствует обострению опасности войны на Дальнем Востоке. Советское правительство, по многим причинам, не было готово в то время начать войну с Японией и его меры военного укрепления Дальнего Востока, действительно, преследовали предупредительную цель. Япония могла начать войну, но удержать ее от этого шага могли как раз умноженные корпуса и дивизии ОКДВА. Войны на Дальнем Востоке не произошло.

В нынешних условиях революционное подполье в СССР имеет для своей революционной работы огромные сосредоточения войск на границах, на окраинах, в странах-сателлитах, стянутых сюда агрессивным коммунистическим Кремлем, чтобы угрожать миру, взрывать мир.

Вероятно, революционные силы антибольшевистского подполья еще никогда не имели столь благоприятных внешнеполитических условий для осуществления идей дальневосточных заговорщиков, как теперь: нынешним организаторам восстания незачем тревожно оглядываться на захватнические, хищнические, военно-фашистские «Японии». За границами сталинской империи безраздельным вершителем судеб ныне — свободный демократический мир. Этот свободный мир порою доставляет много горечи своей безхребетностью в борьбе с коммунизмом. Но в одном отношении борющаяся Россия может смело быть в нем уверена: нож в спину русской антибольшевистской революции он не всадит.

ЗабВО и Дальневосточный Фронт. Как-бы что-то предчувствуя, Кремль в самом конце 1935 года отделил от ОКДВА ее западные гарнизоны, образовав из них отдельный Забайкальский военный округ. Вероятнее всего, что Кремль, всегда настороженный, стал опасаться чрезмерной концентрации руководства в руках Дальневосточного Штаба и решил на всякий случай создать на его территории независимое формирование, поставив его как раз на «сибирских воротах» ОКДВА.

Этот раздел ОКДВА был ощутимым ударом по планам заговорщиков. Правда, заговорщики, вероятно, успели заложить в отошедшей от ОКДВА Забайкальской группе войск свою «клетку». Но связь теперь стала затруднительной, и самое существование «клетки» стало зависеть от случайностей.

Не прошло, однако, и полутора лет, как положение изменилось в пользу заговорщиков. В начале 1937 года (еще до чистки) ОКДВА была преобразована в Дальневосточный Краснознаменный Фронт, с теми же лицами во главе руководства (Блюхер, Сангурский, Таиров). Хотя ЗабВО административно продолжал существовать отдельно, но фактически это было теперь только «Даурское направление» ДКФ.

На этом основании штаб фронта тотчас же прибрал к своим рукам руководство ЗабВО.

Для развертывания ОКДВА во Фронт имелось видимое основание: 25 ноября 1936 года между Японией и Германией был подписан известный «Антикоминтерновский пакт». Трудно знать, происходила ли «игра сил» на кремлевских верхах в вопросе о Дальневосточном Фронте. Невозможно, однако, полностью игнорировать ходившую в свое время в СССР версию, что Дальневосточный фронт своим возникновением был обязан инициативе Тухачевского — Гамарника (говорили, что заговорщики Дальневосточным Фронтом взяли реванш за отнятие у них в свое время Заб.группы).

Если принять во внимание непоследовательность и нервозность,

какие были проявлены Кремлем несколько позднее в вопросе, быть или не быть уже существующему Дальневосточному Фронту (на этом я остановлюсь подробно дальше, в главах о чистке), то можно допустить, что «игра сил» была...

Особый (колхозный) корпус. Колхозный корпус, как прямое детище заговорщиков, особенно проклинался официальным источником после раскрытия заговора. Интересна и знаменательна история ликвидации корпуса. В феврале 1937 года праздновалось пятилетие Колхозного Корпуса.

На руководящий состав колхозных частей и на «отличников боевой учебы и производственной работы» пролился дождь орденов, правительственных грамот и премий. Было известно, что правительство намерено «рассекретить» колхозные части и устроить очередную пропагандную шумиху, на этот раз — о новых коммунистических методах военного строительства, о новом типе советского воина «с винтовкой и плугом». Начавшаяся чистка этому помешала. Сразу же после раскрытия группы Тухачевского, Кремль сердито приказал Блюхеру немедленно ликвидировать это вредительское формирование...

Идея колхозных частей и тесно связанная с последними идея военных поселений на Дальнем Востоке была предложена Политбюро Гамарником. Колхозные дивизии были созданы в 1932 году на плодородных землях Приамурья и уссурийских дебрей... Они производили хлеб и фураж для армии Блюхера. По отбытии срока действительной службы, бойцы Колхозного корпуса оставлялись на «вечное поселение» в крае. К ним специальными эшелонами привозились их семьи из центральных областей Союза.

Таким образом организовались специальные красноармейские колхозы — военные поселения, территориально — при колхозных частях. Эти колхозы пользовались значительными льготами от государства. Жизнь в красноармейских колхозах многими чертами напоминала военный быт. За пять лет Колхозный корпус поселил в крае до двухсот тысяч человек (бойцы и их семьи).

Заговорщики уделяли много внимания колхозным частям. Они предвидели, что когда начнутся военные действия Освободительных войск, восставшему краю, лишенному подвоза, придется испытывать серьезные продовольственные затруднения. Эти затруднения были бы значительно устранены работой наладивших собственное производство частей Колхозного корпуса.

Поселение в крае демобилизованных бойцов, т. е. увеличение боеспособного населения на территории будущей базы открытой антисталинской борьбы, предоставляло для заговорщиков заманчивую цель. «Поселения Калмыкова» могли поставить освободительному войску, по меньшей мере, пять дивизий, бойцы которых дрались бы, помня, что позади них — их семьи.

Переброска на Дальний Восток корпуса Лациса. Указывалось, что переброска единственного на всю Красную армию железнодорожного корпуса была произведена по «проискам» Дзызы и Сангурского, которые каждый со своей стороны доказывали, что катановичевское ведомство «зашьется» на дальневосточном военном театре, если еще заранее не взять Дальневосточную и Забайкальскую железные дороги в военные руки.

СУДЬБОНОСНАЯ НОЧЬ

Предполагавшийся переворот в Хабаровске я хочу изложить в том виде, в каком он рассказывался мне моим источником и в каком, следо-



▲ Монитор Амурской военной флотилии

вательно, он рисовался самим заговорщикам.

Поздним утром условленного дня в разведотделе штаба получены агентурные сведения, что прошлой ночью небольшие вооруженные группы русских белогвардейцев, проживающих в Маньчжурии, должны были просочиться через советскую границу и направиться вглубь края. Цель — диверсия и террор против советских учреждений Дальнего Востока.

Сделать эти агентурные сведения Тарханову и его сообщникам в разведотделе, конечно, не стоило бы ничего.

Сводка разведотдела докладывается, как всегда, начальнику штаба армии. Последний выясняет детали у вызванного к нему помощника начальника разведотдела. Затем сводка размножается и ее экземпляры доставляются членам Военного Совета, начальнику политуправления, краевому управлению НКВД, командующему погранвойск, крайкому, председателю крайисполкома, начальнику гарнизона — для сведения и усиления мер общей и ведомственной охраны.

Все это — совершенно в порядке вещей. Каждый день печатается и рассылается сводка разведотдела: Каждый день поступает в штаб сводка управления погранвойск. Постоянно идет обмен информацией...

Переход границы вооруженными террористами — факт не совсем обычный, не «ежедневный». Начштарм вызывает к себе командиров обоих охранных подразделений штаба. Рота помещается в бараках, рядом со штабом. Батальон стоит под городом. Начштарм преподает инструкцию об усилении бдительности и боеготовности.

— Диверсанты из Маньчжурии перешли границу прошлой ночью. Возможны нападения на штаб или краевые учреждения. Объявить перед строем: требую особой готовности действовать по тревоге; личному составу безотлучно находиться в казармах. Командирам ночевать в подразделениях. Проверить оружие, боеприпасы. По сигналу «тревога» — сбор в полторы минуты!

Потом начштарм совещается по телефону с начальником гарнизона.

— Михаил Васильевич, сегодня вечером краевое совещание у Крутова. Обычные меры охраны города? Нет, не обычные! Чёрт их знает, где они, эти «манчжуры» и какой номер собираются выкинуть. Пожалуйста, усильте дежурную часть. Вышлите патруль на северо-восточную. Берег?. Да, тоже...Похвальная бдительность у большевистского начштарма!..

Осенний день догорает. Косые лучи заходящего солнца освещают большой город, лежащий на пересечении Амура Великой Сибирской магистралью. Вдали, на горизонте, посинели маньчжурские сопки. Вверх по реке прошел сторожевой катер Амурской флотилии. С островов потянуло дымом — рыбаки кострами спасаются от зареявших в воздухе комаров. В вечернем свете неестественными громадами высятся над низкими казармами, над приземистыми деревянными домишками шесть правительственных зданий: штаба армии, клуба офицеров (ДКА), НКВД, погранвойск, Советов, тюрьмы.

Солнце село и, по сибирскому обычаю, захлопываются ставни на окнах обывательских домов.

Город погружается во тьму. Теперь уже трудно, не рискуя сломать ногу, пройти по его улицам: деревянные тротуары всюду таят предательские щели. И по другой причине редко кто без особой надобности покажется на улицах военного города в ночной час: то здесь, то там раздается окрик милиционера или военного патруля. По залам единственного в городе ресторана на улице Карла Маркса каждые полчаса бесцеремонно проходит, с винтовками за плечами, парный-комендантский патруль...

Темь кромешная. Освещены только центральная улица, площадь перед ДКА, подъезды и окна штаба армии (в штабе почему-то не практиковалось «затемнение»), белокаменные заборы тюрьмы. Да еще вдали слабым пожаром горят огни железнодорожной станции.

В Доме Советов еще в семь часов вечера началось краевое совещание. Муравейник служащих Дома Советов закончил занятия, амфилады бесчисленных комнат пусты и темны. Только на половине председателя краевого исполкома продолжается бдение. На освещенной площадке перед входом в конференц-зал стоят двое с оружием. Это — чины охраны, телохранители Крутова, верные ему люди. В конференц-зале — цвет краевой верхушки: президиум и заведующие Отделами крайисполкома, члены бюро крайкома, руководящие работники областей. На председательском месте — Крутов и секретарь крайкома. Букет стенографисток цветет за круглым столом. Бесшумные официантки разносят чай, фрукты, бутерброды. Ораторы говорят.

Постепенно гаснет свет в окнах штаба армии на улице Серышева. Утомленные двенадцатичасовой работой, чины штаба расходятся на отдых. Одни идут ужинать в штабную, столовую, другие спешат в ДКА — посидеть, за бутылкой пива, поиграть в шахматы или послушать концерт: третьи направляются домой. Дома начальствующего состава — тут же, рядом со штабам: никто из чинов штаба не имеет права жить в «городе». Для вызова командиров в штаб в любое время дня и ночи существует особая схема сигнализации.

На половине Военного Совета продолжается работа, несмотря на вечерний час. В своих кабинетах Сангурский, Таиров, Дзыза, Аронштам.

Серой глыбой высится в ночи здание краевого управления НКВД. Оно всего в трех минутах ходьбы от штаба армии, через маленькую речку Чердымовку. Еще в трех — четырех минутах ходьбы — вторая резиденция Дерибаса: Дальневосточное управление погранвойск НКВД. Это — монументальное чугунного вида здание, построенное трудом заключенных Дальлага.

Дома НКВД выглядят мертвыми: ни один луч света не пробивается из них наружу. Но внутри как раз теперь полно людей и идет напряженная деятельность: советская «охранка» любит работать ночью. Многие из чинов НКВД и живут со своими



▲ Блюхер Западный Дерибас

семьями тут же, в отдельном крыле здания.

10.30. В кабинете начальника штаба армии четыре человека одновременно разогнули спины: они закончили рассмотрение карты города, лежащей на столе.

— Итак... наш час! — произносит маленький комкор, вскидывая глаза.

— Час!- как клятву произносят Таиров, Дзыза, Аронштам.

Сангурский берет в руки черную трубку телефона. Через десять секунд его слушает в своем штабе под Хабаровском командир бронетанкового охранного батальона!

— Я — Сангурский! Дайте тревогу! Еще через двадцать секунд:

— Калмыков? Тревогу гарнизону! Учебный план «Р». Через следующие тридцать секунд:

— Дежурный по штабу! Подымите роту. Выстроиться во дворе!

В кабинете начштарма на две минуты наступает тишина. Четверо в ромбах и портупеях молчат, как бы вслушиваясь во что-то. Воображению рисуются танкисты, стремглав бегущие к своим машинам, артиллеристы Волочаевской горы, срывающие чехлы с дул орудий, пехотинцы, расхватывающие из пирамид винтовки.

Пока что действия заговорщиков не могут вызывать ничьих подозрений. Тревоги, дневные и ночные — обычный метод тренировки войск, особенно в пограничных округах. Учебный план «Р» — только всего.

Дежурный по штабу докладывает: рота охраны выстроена. Сангурский выходит из кабинета, проворно скользит по лестнице, заглядывает в комнату, где должны ждать три посвященных в дело офицера. Они тут. Ждут.

— Час! — приветливо кивает головой очень спокойный комкор.

Сангурский с офицерами выходит в «колодец» штабного двора. Рота охраны стоит в четырех шеренгах. Комкор обращается к ней:

— Только что, десять минут назад, произведено нападение на дома НКВД. Диверсанты в форме НКВД большими группами проникли в оба здания. Майор А., вы с первым взводом, станковым пулеметом и гранатометчиками блокируете выходы дома краевого управления. Майор В., вы с вашей группой загородите входы дома управления погранвойск. Никого не выпускать из домов и не впускать в дома, до моего личного распоряжения. Задержанных на улице в форме НКВД доставлять в штаб армии для выяснения личности. Чье бы то ни было сопротивление подавлять оружием... Капитан С, вы охраняете входы Дома Советов. Всякое движенье в дом и из дома воспретить. Командир роты, действуйте по плану обороны штаба. Дежурный по штабу, встаньте на дверях. Впускать только командиров по постоянным пропускам и направлять в Большой нижний зал.

Тремя взмахами руки начштарма рота разделена на группы.

— Товарищи командиры! — Сангурский прикладывает руку к козырьку. Это значит — к действию!

Группы, вооруженные винтовками и гранатами, садятся на грузовики. Подаются станковые пулеметы. Моторы взвывают. Через две-три минуты блокировочные группы будут на месте назначения.

Сангурский поднимается в свой кабинет.

— Бронетанковый выступил! — сообщает сидящий у телефона Таиров. — Через три минуты мы услышим шум его машин. Я приказал танкам занять позицию у «логовищ» и войти в подчинение командиров блокировочных групп, до прибытия



▲ Фельдман Б.М.



▲ Ежов А.И.

начальника гарнизона. Бронемашины придут к штабу армии. Они нам скоро понадобятся. Калмыков выводит полки на улицу. Волочаевскому приказано занять почту, телеграф, железнодорожный вокзал, здание управления дороги...

— Теперь пора предупредить Крутова. — Сангурский подходит к телефону городской линии.

Крутов уже с четверть часа косится на телефонный аппарат, стоящий у него под рукой, на председательском столе. Но вот — звонок. Загородив рукой трубку, председатель тихо говорит:

— Я — Крутов.

— Спасаю Дерибаса, — слышится в трубке низкий бас. Это условное: осада домов НКВД началась.

Как бы подтверждая это сообщение, со стороны домов НКВД доносится ружейная стрельба, длинными очередями простучал пулемет. Взрыв. Крутов хорошо знает, что это значит: энкаведисты, обнаружив себя в ловушке, пытаются стрельбой из домов отогнать, рассеять блокировочные группы. Блокировщики отвечают.

В зале — переполох. Несколько человек кидаются к, выходу, но — дверь снаружи заперта на ключ.

— Спокойствие! — ледяным голосом бросает Крутов. Он направляется к окну, отдергивает штору. Доносится нарастающий гул и лязг идущих танков. Из двух боковых улиц выступают калмыковские полки. На большой скорости под окнами пронесся бронеавтомобиль: это, видно, сам Калмыков спешит, чтобы принять на себя руководство операцией по закупориванию энкаведистов. Лицо Крутова перекошено торжествующей усмешкой:

— Семнадцатый год!

Воцаряется могильная тишина. Две сотни глаз устремлены на человека, произнесшего эти страшные слова, слова — молоты, слова — раскаленные угли. Крутов медленно поднимается на возвышение, властно кладет руку на край трибуны.

— Дернов! Головко! — кричит он в направлении двери. Голос звучит металлом.

Дверь раскрывается. Два чина охраны с кольтами в руках смотрят решительно. Крутов говорит, Обращаясь в зал:

— Восстание началось и я, волею судьбы, стою во главе его. Всякий, кто поднял бы руку на революцию, имел бы дело с нашим оружием. (Кивок на дверь). Но я знаю, что среди вас нет таких безумцев. Дернов, Головко, вложите в кобуры ваши револьверы, они не понадобятся... Я хочу (в зал) обратиться к вам со словами, которые сообщат вам чувство облегчения, безопасности и свободы: маски долой! Пора страха миновала. Никто не служил тираническому режиму верой и правдой. Это знаем мы сами, это знает народ.

Всеподавляющая система, которую незачем вам объяснять, заставляла жить в душной и позорной маске. Теперь мы разрываем на себе эти цепи. Взгляните честно в глаза друг другу, взгляните в глаза мне: кто не тяготился двойственным, ложным положением под властью сталинской деспотии? Кто не задыхался в атмосфере коммунистического Марса? Кто не ощущал страха прикосновения жерновов коммунистическою молоха и не жил в вечной тревоге за завтрашний день?... Революция

не преследует цели мести, она лишь преследует цель своей победы.

Всем открыт путь итти вместе с революцией. Я не оскорблю вас словом арест, потому что еще не забрезжит заря, как революция позовет вас к исполнению долга перед народом. Мы вместе будем приветствовать утро свободы. Но я говорю с вами на чистоту: я знаю и вы знаете, что такое автоматизм сталинской машины. Никто персонально не может быть заподозрен в желании отстаивать строй рабства, диктатуру кремлевских маньяков. Но машина есть машина, революция должна обезвредить ее автоматическое действие.

Сожалею, но я по праву начальника края и вашего непосредственного начальника, должен буду обречь вас на бессонную ночь в этом зале. Ваши доклады по делам руководимых вами ведомств могут потребоваться революционному исполкому каждый час... Анюта, подайте в зал чаю! Стенографистки, перейдите в комнату плановой комиссии! Дернов, Головко, позаботьтесь, чтобы ничто не нарушало покоя отдыхающих. До скорой встречи!

Крутов направляется к двери. Минуту он совещается с чинами охраны. Крутов уходит. Чины остаются в дверях: они будут «оберегать покой» зала. Крутов опускается в вестибюль. Здесь уже несут караульную службу красноармейцы роты охраны штаба армии, под командой капитана С. Капитан имеет распоряжение начштарма: Крутова пропускать. Председатель исполкома выходит на улицу, где его ждет бронированный автомобиль, посланный для него начальником гарнизона. Со стороны домов НКВД слышатся окрики, редкая стрельба. Улица Маркса занята войсками, которые стоят походной колонной, годовой к площади революции.

- В штаб! — произносит Крутов, садясь в машину.

Тем временем, в Большом нижнем зале штаба армии, вызванные по тревоге командиры ожидают распоряжений начальства. Разговоры вполголоса. Никто не знает ничего достоверного. Через каждые две-три минуты адъютант выкликает несколько фамилий. Вызванные поднимаются наверх, т. е. на половину Военного Совета. Лестницей «командует» майор из оперативного отдела. На каждой площадке по два часовых с автоматами. Пройти наверх можно только по специальному вызову и в сопровождении адъютанта Сангурского.

Вызванные остаются в кабинете начштарма самое короткое время. Они получают назначения на посты комендантов важных правительственных зданий города и отправляются к месту. У подъезда штаба дежурят мотоциклы и легковые автомобили из автопарка штарма. Распоряжается начальник транспорта штаба. Раньше других отправлены офицеры отдела связи армии на правительственный телеграф, на междугороднюю телефонную станцию и на радиостанцию. Им приказано взять руководство в свои руки и исполнять инструкции начштарма.

На половину Военного Совета прибыл Крутов. Он останется здесь до открытого выступления заговорщиков. Теперь тут кипит работа. Происходят совещания революционной пятерки. Изготовляются тексты революционных воззваний и деклараций. Работают шифровальный отдел, штабной телеграф.

Здания НКВД окружены войсками Калмыкова. Несколько танков стоят на улицах, направив орудия и пулеметы на гнезда энкаведистов. У подъезда дома краевого управления на земле несколько трупов чинов НКВД. В момент прибытия блокировочных трупп Сангурского, эти чины краевого управления выскочили из дома, самонадеянно обнажив оружие. Они надменно приказали блокировщикам убираться. В ответ, по команде майора А., прозвучали винтовочные выстрелы и пулеметные очереди, — те, которые услышал Крутов в конференцзале. Теперь уже энкаведисты не смеют показать носа. Время от времени из домов раздается крик — призыв «к товарищам красноармейцам — не поддаваться провокации». Этот крик погашается стрельбой по окнам. Для войска еще не ясен смысл происходящего. Пока что «гуляет» официальная версия: в дома проникли диверсанты в форме НКВД. Даже политруки, которые



▲ Ягода и Хрущев. Беломор-канал



▲ Хабаровск

могут кое о чем догадываться, беспомощны перед этой версией *).

Улицы, по указаниям начальника гарнизона и по его плану заняты войсками. По приказу Калмыкова, прочитанному войскам перед выступлением из казарм, город «ввиду возникших событий» объявлен на угрожаемом положении. На всех перекрестках выставлены посты во главе со старшими офицерами, которым дан приказ: любых лиц, не имеющих пропуска от управления начальника гарнизона или начальника штаба армии, задерживать и направлять в указанные места. Уже задержано несколько десятков энкаведистов, спешивших из своих частных квартир в краевое управление за получением информации и инструкций. Задержанные доставлены в подвал штаба армии.

В правительственных зданиях коменданты Сангурского приступили к исполнению обязанностей. Здания заняты войсками. На телеграфе пропускаются только депеши, имеющие визу Сангурского. Телефонная станция соединяет только по особому списку, имеющемуся у коменданта. Все линии и аппараты НКВД выключены.

Типография краевой газеты «Тихоокеанская звезда» на улице Маркса и типография армейской газеты за дворами штаба армии, против тюрьмы, охраняются войсками. В секретном цехе типографии армейской газеты Мирин с наборщиками закрылся для «спецработы»...

В военном городке НКВД под Хабаровском командир дивизиона внутренних войск НКВД успел получить по внутреннему телефону из краевого управления НКВД приказ двинуться с дивизионом на выручку. Его встретил офицер связи начальника гарнизона с приказом занять дивизионом позицию на окраине города, по плану, подтвержденному Военным Советом. Несколько орудий артиллерийского полка майора Хатагурова установлено на улицах, загораживая дивизиону путь в центр города. Майор Хатагуров имеет приказ стрелять прямой наводкой в случае «каких-либо самочинных передвижений».

В обывательских домах — бодрствование у щелей ставен, на чердаках. Тревожный шепот. Война? Революция?

В полночь штаб-квартира заговорщиков отдает приказ начальнику гарнизона:

— Штурм!

Группы стрелков, гранатометчиков и автоматчиков, предводительствуемые старшими офицерами, врываются в здания НКВД. Их задача: обезвредить диверсантов, проникших в здания НКВД. Но так как диверсанты — в форме НКВД, и невозможно разобраться на месте, кто действительный сотрудник НКВД

*) *Мне рассказывали, что заговорщики в этом случае «намеревались использовать прием имитации. Эта задача должна была быть выполнена сотрудниками НКВД, которые участвовали в заговорщицкой организации. Несколько «хлопков» (т. е. выстрелов или взрывов) внутри блокированных домом вполне создали бы обстановку запутанного положения, видимости происходящей в зданиях борьбы.*

и кто переодетый в энкаведистскую форму диверсант, то приказано ловить всех без разбора и препровождать в назначенные места — для «сортировки». Вероятнее всего, диверсанты те, кто окажет сопротивление при задержании.

В зданиях НКВД происходит борьба со стрельбой и криками. Поодиночке и группами чинов НКВД выводят на улицу, где их поджидают крытые брезентом грузовики из парка штаба армии. Чекистов увозят в места, где они будут надежно изолированы.

Проходит ночь на Дальнем Востоке. С океана потянуло свежестью. Розовеет небо. Вот-вот брызнут лучи, заиграют на стеклах прожекторов, стоящих на крыше штаба армии.

В Москве в этот же час темнеет. Ночь надвигается. Над Кремлем виснет мгла. Тусклые рубиновые звезды не светят и не греют.

На Площадь Революции в Хабаровске прибывают войска. Площадь быстро заполняется серыми квадратами. Прошел и занял место перед трибуной сводный батальон начальствующего состава штаба армии. Высоко в небе пророкотало звено истребителей. В полусвете раннего утра дома, люди, самолеты кажутся призраками. Бесшумными тенями выплывают на площадь три зиса. Раздается команда. Машины останавливаются у трибуны. Выходят Сангурский, Крутов. Команда: «Смирно!» В этот миг по древку над трибуной медленно ползет вверх необыкновенный флаг. Черноусый великан-комкор рапортует с коня.

Руководители заговора поднимаются на трибуну. С каждой секундой светлеет. Золотой край солнца выплывает над далекой тайгой. Крутов протянул руку:

— Восход горит. Это горит заря свободы России. Услышьте долгожданное слово: революция!..

Мечте и планам революционных заговорщиков не дано было осуществиться, по стечению несчастливых обстоятельств.

***

От редакции. Первые признаки серьезных провалов заговорщиков наметились в связи с арестами двух видных военных руководителей — В. М. Примакова и В. К. Путны (14 и 20 августа 1936 г.).Обоим вменялось в вину участие в боевой группе троцкистско-зиновьевской контрреволюционной организации.

10 апреля 1937 г.Гамарник фактически был снят с поста начальника Политуправления Наркомата обороны (но приказ еще не подписан).На его место назначен Л. З. Мехлис, бывший начальник секретариата Сталина, затем главный редактор «Правды».



▲ Якир, Буденный, Тухачевский



▲ Прокофьев Г.Е.



▲ Гай М.И.



▲ Примаков В.М.

В тот же день в Наркомате произошло бурное партийное собрание. Пригласили для доклада о текущем моменте Ежова. После его доклада стороны столкнулись в жесточайшей полемике.

22— 25 апреля 1937 г.Ежов получил данные о преступных связях Ягоды со многими военными руководителями, в том числе с Тухачевским, Корком, Уборевичем, Эйдеманом. Сам Ягода отчаянно отпирался от близкого знакомства с ними. Но бывшие соратники различными неоспоримыми фактами его изобличали. Первыми стали кое-что вспоминать арестованные начальник Особого отдела НКВД М.И. Гай и заместитель наркома НКВД Г.Е. Прокофьев. 27 апреля — З.И. Воловича. Он прямо заявил, что Тухачевский — из числа самых видных руководителей заговора, и что он должен обеспечить ему вооруженную поддержку. Воловича лично допрашивал Ежов, а с ним следователи Ярцев и Суровицких.

Во времена Хрущева, при новом рассмотрении «дела военных» в КПК, Суровицких, в угоду новой власти, объявлял показания Воловича, как и прочих чекистов, «подготовленной провокацией», ибо они таким образом «закрепили нужную Ежову» «солидность и серьезность заговора». Однако никаких доказательств своим утверждениям он не дал.

6 мая 1937 г. арестован комбриг запаса М.Е. Медведев, прежде (до 1934 г.) бывший начальником ПВО РККА.

11 мая в наркомате обороны было объявлено о произведенных перемещениях.Очень взволнованный, Тухачевский зашел к Гамарнику, сообщил тревожную новость. Они вкратце обсудили ее, Гамарнику, столько лет работавшему в центральном военном аппарате и имевшему много тайных осведомителей, не надо было долго объяснять.

Затем в Наркомате обороны состоялось совещание руководства с командующими округов, их заместителями и начальниками штабов.С яростной речью выступил Мехлис.Он открыто обвинил Тухачевского, Гамарника, Якира, Фельдмана, Уборевича, Корка в попытке сговориться между собой для выступления против ЦК партии.Те выступили с резкими возражениями и угрожали жаловаться. Но машина следствия набирала обороты.

14 мая Примаков назвал участником заговора Якира,15 мая Путна дал показания против Тухачевского.

19, 21 и 23 мая на допросах Фельдман называет, как заговорщиков, группу из более 40 видных армейских командиров и политработников.

20 мая Ежов представляет Сталину, Молотову, Ворошилову, Кагановичу протокол допроса Фельдмана и просит разрешения арестовать всех, кого тот назвал. Среди них:Тухачевский, Якир, Эйдеман.

Гамарник назначается членом Военного совета Среднеазиатского военного округа.

21 мая Примаков дает письменные показания — во главе заговора стоит Тухачевский, лично связанный с Троцким, называет, как «участников предприятия», еще 40 видных советских работников.

В этот же день личный доклад Сталину делает заместитель Ежова Фриновский. Он докладывает о ходе следствия, дает характеристики арестованным.

Жена Гамарника Блюма Шейваховна была членом партии с 1917 г., работала с ним в подполье Одессы против интервентов, участвовала в Гражданской войне, окончила Институт красной профессуры. Она близко общалась с Бухариным и его окружением, работала редактором-консультантом в московском издательстве, была его активной сторонницей. Она имела самые тесные связи с сионистами. Её сестра Маня

Шейваховна Авербух была замужем за Хаимом Нахманом Бяликом, видном лидере сионистов, известном публицисте, основоположнике современной еврейской поэзии. Бялик считал, что:«гитлеризм является спасением, а большевизм — проклятием еврейского народа».

Гамарник (настоящее имя Яков Пудикович) имел личную связь с сионистами и мог совместно с ними осуществлять тайные операции, выгодные для обеих сторон.

30 мая Политбюро ЦК ВКП(б) принимает решение:

«Отстранить т.т. Гамарника и Аронштама от работы в Наркомате обороны и исключить из состава Военного совета, как работников, находящихся в тесной групповой связи с Якиром, исключенным ныне из партии за участие в военно-фашистском заговоре».

Гамарник болел диабетом и находился дома. К обеду 31 мая прибыл крайне взволнованный Блюхер. Закрывшись в спальне, они о чем-то беседовали, затем Блюхер уехал. Во второй половине дня прибыли из наркомата двое сотрудников, новый начальник Управления кадров Наркомата обороны, бывший заместитель начальника Политуправления РККА, т. е. самого Гамарника, А. С. Булин и армейский комиссар 2-го ранга, Управляющий делами Наркомата обороны И. Смородинов. Они привезли приказ наркома обороны смещении Гамарника с нового поста и увольнении из наркомата. Гамарнику они сообщили — дело провалено, поднять военные училища, академии и воинские части на выступление в Москве не удается, всюду слежка, всюду агенты НКВД.

Слежка действительно была всесторонней. Булин, вернувшись в наркомат, тут же вместе с другим видным соратником Гамарника был арестован.Сотрудники НКВД явились в дом Гамарника с ордером на арест.

«Мы выполняем распоряжение наркома товарища Ежова. Вы, Гамарник, отстранены от дел, ваш сейф будет сейчас опечатан. Ваши замы Осепян и Булин арестованы за участие в заговоре. Вам предписывается оставаться дома, пока ваша судьба не решится». Опечатав сейф, тут же ушли.

Гамарник пожелал остаться один, жена и дочь вышли. Рздался выстрел, лидер провалившегося заговора покончил с собой. ■



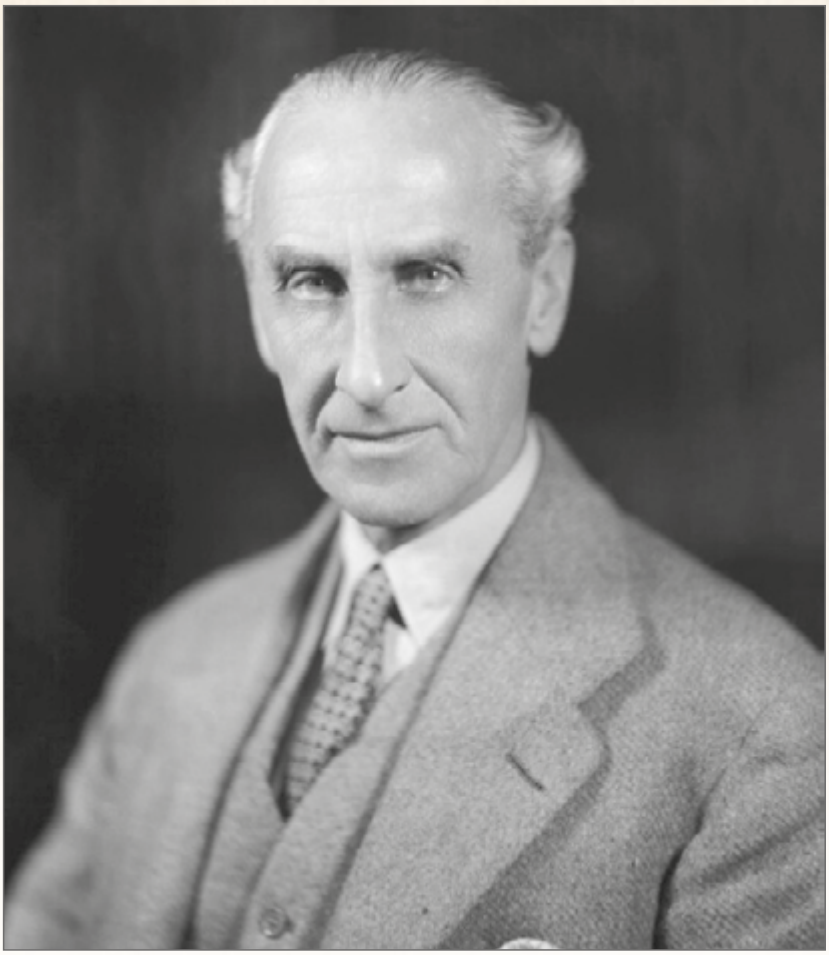
▲ Ягода, Егоров, Ворошилов, Тухачевский, Гамарник

И.И. ЛАНДЕР, ИСТОРИК СПЕЦСЛУЖБ

СПЕЦСЛУЖБЫ ГОМИНДАНОВСКОГО КИТАЯ

Период с 1930 по 1939 годы историки обычно именуют "последним предвоенным десятилетием", но эта успокоительная формулировка справедлива лишь для Европы. Разоренный и по-прежнему терзаемый войнами и междоусобицами Китай в эти годы не видел мира. Япония наращивала усилия по захвату все новых его территорий, официально объявила Маньчжурию своей "первой линией государственной обороны" и превратила ее в плацдарм для дальнейшей экспансии и для создания угрозы советскому Дальнему Востоку и Сибири. Усиление Квантунской армии дополнялось активной работой спецслужб и инвестированием в регион огромных финансовых средств.

Совершенно естественно, что создавшаяся обстановка весьма беспокоила сопредельный с Маньчжурией Советский Союз, но за ней с беспокойством наблюдали не только в Москве или Хабаровске. В Соединенных Штатах Америки тоже уже давно с тревогой следили за укреплением главного конкурента в тихоокеанском бассейне. В Вашингтоне придерживались положений "доктрины Гувера — Стимсона", не допускавшей любых разделов Китая, и в этом отношении его интересы сходились с советскими. Зато в Лондоне были готовы признать особые интересы японцев в Маньчжурии, при условии ограничения экспансии Токио на юг и запад. Движение в сторону СССР и Монголии не наталкивалось ни на какие возражения со стороны британского руководства. Несмотря на такое благожелательное отношение к проблемам региона, Великобритания была вынуждена официально разделить озабоченность Лиги Наций обстановкой в Китае. В итоге долгих дебатов для изучения создавшейся ситуации на месте и для выработки рекомендаций на Дальний Восток была направлена "комиссия Литтона", получившая свое название по имени возглавлявшего ее бывшего губернатора Бенгалии Виктора Александра Джорджа Роберта Бульвер-Литтона. Японцы чинили ей массу препятствий, создавали своего рода аналоги "потемкинских де-



▲ Бульвер Литтон

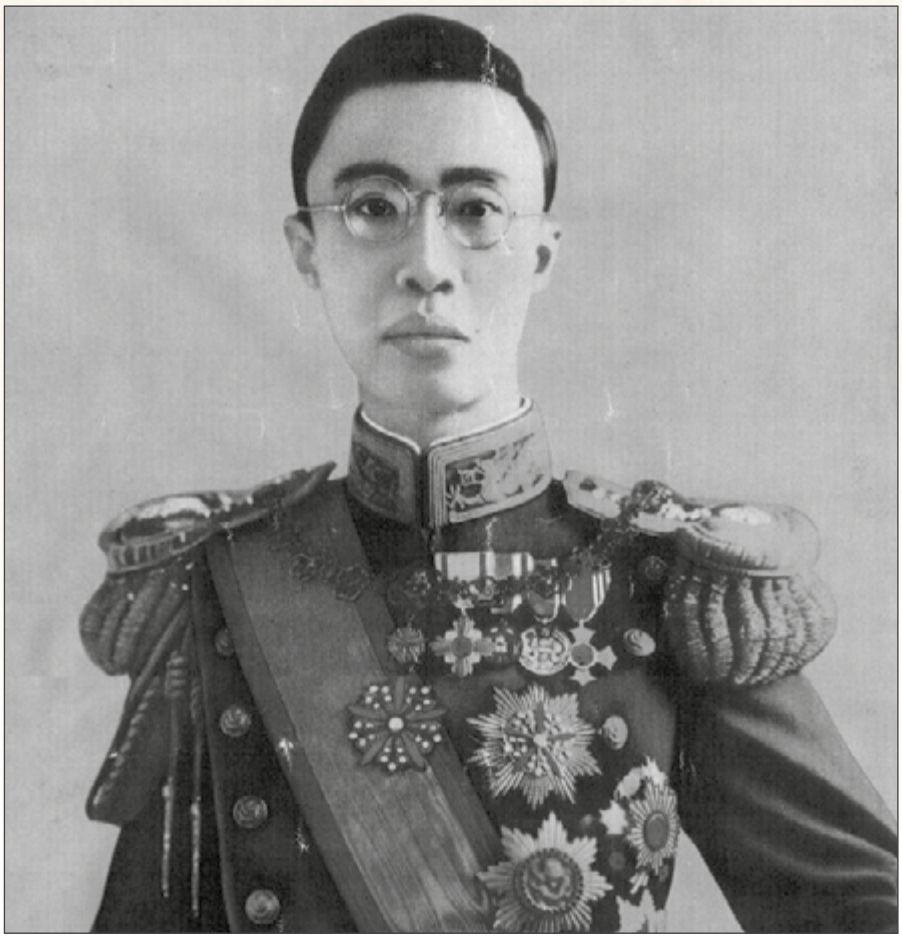
ревень" для введения проверяющих в заблуждение, но все же не смогли окончательно запутать их. Комиссия обнаружила множество неприглядных фактов и рекомендовала участникам Лиги Наций воздержаться от признания марионеточного государства Маньчжоу-Го, формально возглавляемого последним отпрыском династии маньчжурских императоров Пу И. В ответ Япония 23 марта 1933 года вышла из международного сообщества и с этого момента могла спокойно игнорировать его мнение.

Тем временем в Китае все сильнее разгоралась гражданская война, основным содержанием которой являлось противостояние Гоминьдана и коммунистов. Чан Кайши не оставлял попыток найти временный компромисс с Японией, поскольку лучше других понимал ее силу и влияние и не был подвержен безосновательным шапкозакидательским настроениям, овладевшим многими генералами. Тем временем обидевшийся на него "молодой маршал" Чжан Сюэлян, сын загадочно погибшего Чжан Цзолиня, начал искать пути сближения с коммунистами, однако опасался делать это слишком явно. К маскировке его намерений подключилась секретная служба КПК, распространявшая слухи и подбрасывавшая вещественные доказательства нескольких побед, якобы одержанных маршалом над Красной Армией.

Эти совместные попытки провалились, поскольку ЦБРС сумело вскрыть дезинформацию и установить ее источники. Параллельно Центральное бюро расследований и статистики вело активную подрывную работу в провинции Шаньси по разложению коммунистического тыла. Его доклады о растущем влиянии коммунистов серьезно встревожили рвущегося к всеобъемлющей власти Чана, на днях получившего звание генералиссимуса и пост президента Гоминьдана. Он решил лично убедиться в их обоснованности, а особенно в правдивости информации о специфических отношениях Чжана Сюэляна с КПК, и для проверки его лояльности 9 декабря 1936 года с небольшим штатом охранников прилетел в контролируемый маршалом город Сиань.

Коммунистическая разведка уже довольно давно приобрела агентуру в ближнем окружении Чана и знала о предстоящей поездке. Ее главными источниками являлись несколько завербованных на патриотической основе офицеров-маньчжуров, возмущенных пассивным отношением президента Гоминьдана к фактическому захвату их родины. Чан Кайши действительно рассматривал это как неизбежную жертву и не предпринимал попыток противодействовать японской экспансии в этом районе из-за полной невозможности противостоять ей. КПК, напротив, постоянно декларировала свою активную позицию в противостоянии Японии (позднее оказавшуюся в значительной степени демагогической) и приобрела симпатии многих маньчжуров. В дальнейшем источники разведки компартии в окружении генералиссимуса оказались утраченными, поскольку в самом конце 1936 года эти офицеры в числе 3 тысяч военнослужащих маньчжурской национальности открыто перешли на службу в Красную Армию. Однако в течение некоторого времени коммунисты регулярно получали информацию обо всех перемещениях и настроениях генералиссимуса и были готовы к его прибытию в Сиань, где и произошел эпизод, обычно именуемый "декабрьским сианьским инцидентом 1936 года". В нем многие исследователи усматривают провокацию КПК, но прямых доказательств участия коммунистов в начальном этапе развернувшихся событий не имеется.

Следует подчеркнуть, что визит Чан Кайши в контролируемый Чжан



▲ Пу И

Сюэ ляном город проходил на фоне специфических взаимоотношений этих двух людей. Несмотря на стоявшую за ним реальную военную мощь, "молодой маршал" занимал по отношению к генералиссимусу мягкую и примирительную позицию. Президент Гоминьдана несколько раз находился в пределах его досягаемости, но, несмотря на возможность арестовать соперника, Чжан предпочитал метод убеждения. Такое поведение ввело Чана в заблуждение. Приняв мягкость за робость, он занял жесткую линию по подавлению политических противников, что и требовалось коммунистам, желавшим подтолкнуть маршала к активным действиям. В Сиани Чан Кайши встретила манифестация из нескольких тысяч маньчжурских студентов, поднявших лозунги сопротивления Японии и ликвидации марионеточного режима Маньчжоу-Го. Демонстранты абсолютно ничем не угрожали генералиссимусу, однако его охрана приняла самое неудачное из возможных решений и просто расстреляла людей, даже не потрудившись произвести предупредительные выстрелах поверх голов. После этого примирительная позиция Чжан Сюэляна претерпела разительные изменения буквально в одночасье, и 12 декабря "китайский Бонапарт" был арестован. Чану предложили подписать пакет документов, которые должны были положить конец гражданской войне в стране и консолидировать силы против японских захватчиков, но он категорически отверг это предложение. КПК потребовала судить попавшего в пределы ее досягаемости виновника междоусобиц, однако внезапно ее линия резко изменилась. Далее последовали странные события, не имеющие, казалось бы, вразумительного объяснения. Коммунисты в лице прибывшего в Сиань Чжоу Эньлая неожиданно выступили за освобождение арестованного и заявили о готовности прекратить повстанческие операции в обмен на обещание создать совместный антияпонский фронт. Такое, на первый взгляд, нелогичное поведение имело под собой достаточные основания. В случае насильственного отстранения Чан Кайши от руководства партией его место неизбежно перешло бы к откровенно прояпонскому председателю Политического совета Гоминьдана Ван Цзинвэю, как раз возвращавшемуся из Германии после переговоров с ее нацистским руководством. По сравнению с ним Чан являлся значительно меньшим злом, поэтому СССР по секретным каналам в категорической форме потребовал от Мао Цзэдуна освободить генералиссимуса. Следует констатировать, что все это свидетельствует о промахе советской разведки, не выяснившей, что в действительности КПК не имела возможности принимать такие решения или серьезно влиять на них. Полностью контролировал ситуацию только Чжан Сюэлян, лишь отчасти координировавший



▲ Чжоу Эньлай



▲ Чжан Сюэлян





▲ Нанкинская резня

свои действия с коммунистами. Все же после двухнедельной паузы для "спасения лица" обеих сторон пленный президент Гоминьдана устно пообещал честно сотрудничать с компартией и организовать подлинное сопротивление иностранным захватчикам. Его выпустили на свободу, и 25 декабря в сопровождении поверившего ему Чжана Чан улетел к месту нахождения правительства в Нанкин, где по прибытии немедленно арестовал своего великодушного похитителя. Суд приговорил маршала к десяти годам тюремного заключения, но специально объявленная ему амнистия заменила этот приговор домашним арестом под контролем Гоминьдана. Западная пресса однозначно определила "сианьский инцидент" делом рук КПК, коммунисты же немедленно объявили его японским заговором.

Все эти бурные события и активная антикоммунистическая деятельность нанкинского правительства привели к тому, что о Японии как-то забыли. Это оказалось серьезнейшей ошибкой. Во все исторические эпохи период внутренних распрей в государстве являлся наиболее удобным временем для действий внешних захватчиков, и японцы в очередной раз подтвердили эту истину. В ночь с 7 на 8 августа 1937 года произошли положившие начало их обширной агрессии в Китае события в Лугоуцяо, известные также как "инцидент у моста Марко Поло". Официальная версия японской стороны утверждала, что проводившая ночное учение рота японских войск подверглась внезапному обстрелу, в ходе которого один солдат бесследно исчез. Пропавшего начали искать целым батальоном, но не нашли. Вскоре Япония один за другим предъявила Китаю два ультиматума, после чего ее войска немедленно атаковали позиции противника. В Токио возложили вину за инцидент на прокоммунистические элементы китайской 29-й армии и немедленно использовали эту, судя по оценке большинства экспертов, провокацию в качестве предлога для широкомасштабного нападения. Японцы захватили Нанкин, Тяньцзин и Шанхай, причем все это время рассчитывали на уступчивость Чана, его капитулянтскую позицию и, как они полагали, симпатии, испытываемые им к Стране Восходящего Солнца.

Одним из самых слабых мест японской разведки являлось прогнозирование возможной реакции китайских государственных и военных руководителей на те или иные действия Токио. Так произошло и в данном случае. Чан Кайши проявил неожиданную для японцев, но, вообще говоря, достаточно легко предсказуемую твердость и призвал соотечественников, включая коммунистов, к сопротивлению иноземным захватчикам. Он официально признал образование сформированной КПК 8-й Народно-революционной армии под командованием

Чжу Дэ и даже пополнил ее тремя правительственными дивизиями и бригадой, а 3 сентября 1937 года публично заявил о сотрудничестве с коммунистами в деле освобождении страны. Судя по всему, это было одним из негласных условий подписанного им 21 августа советско-китайского договора о ненападении, на основании которого в Китай начала прибывать советская техника, летчики-"добровольцы" и другие специалисты, а правительство Чана получило заем на сумму в 100 миллионов долларов.

Обманувшиеся в своих расчетах японцы решили наказать непокорного лидера Гоминьдана, при этом пострадавшим, как всегда, оказался народ. Захватчики устроили страшную резню беззащитного мирного населения Нанкина, в которой истребили не менее 300 тысяч человек и уничтожили треть городских зданий. Вошедшие в город военные начали акцию устрашения с того, что вывезли в поле и закололи штыками 20 тысяч мужчин призывного возраста, чтобы лишить китайскую армию возможности когда-либо пополнить ими свои ряды. Дальнейшие события скупо, но исчерпывающе изложены в приговоре Международного военного трибунала для Дальнего Востока: "К моменту вступления японской армии в город утром 13 декабря 1937 года всякое сопротивление прекратилось. Японские солдаты бродили толпами по городу, совершая различного рода зверства. Многие солдаты были пьяны. Они ходили толпами по улицам, без разбора убивая китайцев-мужчин, женщин и детей, пока площади, улицы и переулки не были завалены трупами. Насиловали даже девочек-подростков и старух. Многих женщин, изнасиловав, убивали, а их тела обезображивали. После ограбления магазинов и складов японские солдаты часто поджигали их".

На фронте наступление японских войск продолжалось, 22 октября они захватили важнейший центр юга страны Гуаньчжоу. Правительство переехало в Чунцин, Чан передал политическое руководство Куну Сяньси (Х. Х. Кун) и остался исключительно военным лидером. В это же время японская разведка сумела найти ключи к главе Политического совета Гоминьдана Ван Цзинвэю, согласно указаниям которого комендант гарнизона Чанша Фэн Цзы и начальник управления общественной безопасности города Вэн Чжунфу организовали уничтожение имущества, половины зданий и практически всех боевых запасов, хранившихся в этом важном опорном пункте. Они мотивировали свои действия угрозой захвата города противником, но в действительности совершили их по соглашению с японцами и при помощи специалистов из их диверсионных подразделений.

Традиционно выступавшие



▲ Кун Сяньси



▲ Ван Цзинвэй

за "свободу рук и равные права в Китае" американцы не вмешивались в события, поскольку формально никакая война в стране не объявлялась и якобы не шла. В ноябре 1937 года участники Брюссельской конференции девяти держав при обсуждении японской агрессии отказались отрезать островную Японию от внешних источников снабжения, чтобы тем самым остановить ее экспансию. Правительство принца Коноэ в Токио приняло это за знак полной безнаказанности и решило более глубоко прозондировать степень решительности западных правительств. Японская авиация утопила на Янцзы американскую канонерскую лодку "Пенэй", сухопутные войска захватили британскую канонерку "Леди Берд", но и это опять-таки не повлекло за собой никаких санкций. Англичане лишь наблюдали за развитием событий в регионе, поскольку их весьма слабые разведывательные возможности никак не соответствовали важности происходивших на Дальнем Востоке событий, американская реакция также была весьма вялой.

Коммунисты рассматривали развивающееся наступление японцев в Китае как крайне благоприятный для себя фактор. Мао Цзэдун в 1938 году инструктировал высших офицеров своей разведки: "Китайско-японская война дает коммунистической партии Китая исключительную возможность роста. Наша практика заключается в выделении 70 процентов усилий на расширение влияния, 20 процентов на координацию с правительством и 10 процентов — на борьбу с японцами". Он отнюдь не стремился мобилизовывать войска на проведение антияпонских операций, а в узком кругу достаточно откровенно именовал эту политику экономией сил, которые вскоре потребуются для действий против правительственных войск.

Чан Кайши не сразу до конца осознал важность создания своей собственной секретной службы, и это наследие Сунь Ятсена претерпело в его руках принципиальные



▲ Моррис Коэн

изменения. На ранней стадии карьеры Чан являлся скорее военным, нежели политиком, и роль секретной службы явно недооценивал. Создание всех подчиненных ему многочисленных официальных, полуофициальных и неофициальных органов безопасности и спецслужб возможно, состоялось бы намного позднее, но главкома направлял в этом вопросе генерал Ву Тэчень, бывший начальник полиции Гуаньчжоу, с 1929 года отвечавший в Гоминьдане за внутреннюю безопасность. Ву сумел убедить своего начальника в том, что без постоянного контроля за безопасностью со стороны официального контрразведывательного органа существование партии неизбежно будет находиться под угрозой. В этом случае опять сказалась специфика менталитета полицейского, который охотно проникся философией, базирующейся на праве и законе контрразведки, однако не принимал концепции разведки, изначально нарушающей законы, пусть даже не свои, а противника. Поэтому принципы, заложенные в создание и развитие спецслужб Китая "генералом Ма" (Моррисом Кохеном), вскоре были отброшены и забыты.

Следует отметить, что после смерти Сунь Ятсена и вплоть до конца 1930-х годов Китай, судя по всему, являлся государством с наименее понятной структурой разведывательного сообщества. Впрочем, такой термин вряд ли применим к спецслужбам Чан Кайши, поскольку взаимодействие между собой было последним, на что они обращали внимание. Разведывательные и контрразведывательные органы ожесточенно конкурировали и даже враждовали, вплоть до негласных арестов, пыток и убийств сотрудников параллельных структур или даже различных собственных подразделений. Борьба шла за влияние на Чан Кайши, за бюджетные средства, за штаты и, в конечном итоге, за выживание. При этом вряд ли более нескольких человек в высшем руководстве могли знать, сколько и каких спецслужб действует в государстве в каждый конкретный момент. Например, даже влиятельного члена высшего партийного руководства и своего близкого родственника Чэнь Лифу главнокомандующий не поставил в известность о создании альтернативной контрразведывательной структуры, параллельной с подчиненной Чэню службой. Контрразведывательные и разведывательные органы были неофициальными, полуофициальными и официальными, они то обособлялись, то прятались в общественных или партийных

институтах, меняли названия и отдельные иероглифы в них, так что при приблизительном сохранении произношения суть названия существенно менялась. Имелись подлинные наименования, наименования прикрытия и наименования глубокого прикрытия, а периодически одна и та же спецслужба официально носила два или три равноправных названия. Один и тот же орган создавался, потом вроде бы распускался, а несколько лет спустя оказывалось, что он продолжает работать, причем без всякого нормативного акта о его повторном формировании. Бюро расследований и статистики с непонятной бессистемностью то приобретало, то теряло из названия слово "Центральное", причем таким образом именовались одновременно две спецслужбы. В течение некоторого периода времени они носили одинаковые названия, при этом руководитель одной из них не знал о существовании второй. Перечисленные факторы вводили в заблуждение целые поколения исследователей, и лишь в настоящее время появилась некоторая определенность относительно структуры спецслужб Нанкина — Чунцина. Хочется сразу же отметить, что встречающиеся в некоторых источниках упоминания о существовании таких органов, как Государственная служба внешней и внутренней разведки или Отдел политической разведки и психологической войны Гоминьдана лишены оснований, поскольку эти названия служили лишь дезинформационным целям.

Беспристрастный анализ уровня работы основных спецслужб Гоминьдана против японцев показывает их невысокую результативность, в первую очередь из-за второстепенного внимания к этому направлению со стороны их руководства. До некоторой степени это понятно, поскольку в своей сущности они являлись органами безопасности и тайной политической полиции и прежде всего служили инструментами подавления и ведения политической борьбы. Ввиду этого внешняя разведка считалась в них весьма непрестижной и финансировалась по остаточному принципу. Что касается классической контрразведки, в значении совокупности мероприятий по противодействию иностранному шпионажу, то Чана значительно более беспокоили внутренние враги режима, а именно коммунисты и соперники среди военных и политиков.

Как уже указывалось ранее, истоки спецслужб Гоминьдана восходят к "призрачной" секретной службе Сунь Ятсена и ряду тайных обществ. Поэтому нет ничего странного в том, что и Чан Кайши на начальном этапе пошел именно по этому пути. Летом и осенью 1931 года, после его вынужденного ухода со всех постов и переезда в Чжэцзянь, будущий генералиссимус выработал инструмент, позволивший ему не только постоянно находиться в курсе происходящих событий, но и заложить фундамент скорого и триумфального возвращения. Он основал так называемое Лисин шэ — Общество энергичной практики (полное название — Общество энергичной практики Трех Народных Принципов), которое тайным не являлось, однако было известно весьма немногим за пределами входивших в него 500 тысяч членов. В течение 40 лет после образования общества из официальных источников не исходила никакая информация о нем. Лисин шэ носило смешанные черты масонской ложи, фашистской партии и традиционного китайского тайного общества, а существование его можно было заметить лишь по внешнему фасаду, представленному штурмовыми отрядами "Синих рубашек". Одним из важнейших направлений деятельности организации была пропаганда и разработка системы военно-патриотической подготовки китайцев, от отрядов бойскаутов до военных учебных курсов в университетах страны. Как и положено тайному обществу, оно не имело штатов и прочих атрибутов официальных структур, а достигало своих целей путем соответствующих действий находившихся на ключевых постах его членов. Зато Общество энергичной практики располагало группой образованных им самим обществ-спутников второго и третьего ряда, из которых отношение к спецслужбам имело основанное в июле 1932 года Общество возрождения (Фусин шэ). Оно играло особенную роль во время известного раскола Китая и противостояния между Севером и Югом. Членство в нем было автоматическим для членов Общества энергичной практики, но не наоборот. Общество возрождения просуществовало по сентябрь 1937 года и было распущено согласно условиям формирования Второго единого фронта коммунистов и Гоминьдана, хотя публично было объявлено, что оно вошло в состав Молодежного корпуса Трех Народных Принципов. "Синие рубашки" не были распущены и продолжали действовать. Именно в Обществе возрождения начиналась серьезная карьера Дай Ли, там завязались и укрепились его основные связи и выработались навыки, за которые позднее его прозвали "китайским Гиммлером".

История китайских спецслужб немыслима в отрыве от личности Дай Ли, все свои 25 лет в органах безопасности посвятившего борьбе с внутренними врагами и усилению личного влияния в партии и государстве. До недавнего времени публиковавшиеся на Западе биографические сведения о нем отличались крайней противоречивостью, и никто из исследователей не мог проследить его ранние годы с достаточной ясностью. Почти все сходились на том, что в 1925 году он служил в военной полиции Гоминьдана в Шанхае, где за два года сумел продвинуться до капитанского звания. Некоторые полагали, что с 1923 по 1927 годы будущий руководитель военной контрразведки и тайной полиции негласно работал на коммунистов, но расходились во мнениях относительно истинных причин этого. Они не могли однозначно заключить, внедрялся ли Дай Ли в структуры КПК с разведывательными целями или же просто готовил себе путь для отступления

на случай, если его покровитель Чан Кайши не сумеет удержать верховную власть в стране. Утверждалось, однако, что именно он в 1927 году снабдил Чана полным списком подлежащих аресту членов организаций КПК в Шанхае, и это дало Дай Ли толчок для восхождения к вершинам власти в карательных органах Гоминьдана.

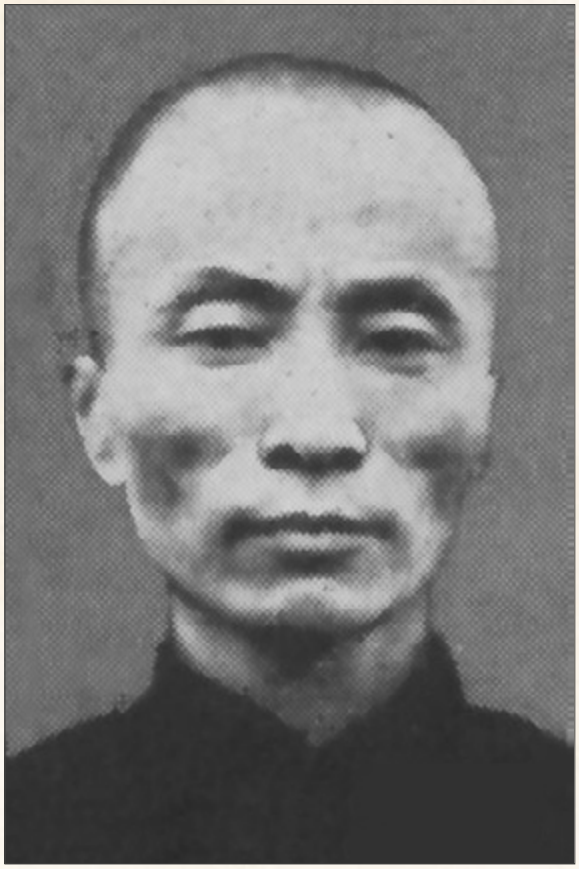
Все это достаточно далеко от действительности. Рассекреченные архивы Китайской республики (Тайвань) рисуют совершенно иной жизненный путь будущего руководителя самой могущественной спецслужбы Гоминьдана. Дай Ли родился 28 мая 1897 года и первоначально, согласно китайской традиции, именовался Дай Чуньфэн, а позднее носил имена Фанчжоу, Чжилань и Чжэнлань. Имя Ли он принял лишь в 1927 году, во время обучения в шанхайской военной академии Вампу. В ранние ученические годы он не задерживался долго ни в одном из учебных заведений, поскольку все свое время посвящал пьянству, азартным играм и хулиганству, все чаще общаясь с криминальной средой. Дай Ли несколько раз сильно избивали, именно тогда он лишился нескольких зубов, хотя впоследствии утверждал, что ему выбили их на допросе у коммунистов. Попавшись на перепродаже краденого, он был вынужден добровольно вступить в Чжэцзянскую армию, где продолжал участвовать в азартных играх и укреплял связи с негативной средой, в особенности с тайной преступной организацией "Зеленая банда". Все это стало известно командованию, и во избежание отдания под трибунал Дай Ли в 1918 году дезертировал. Он скрывался и голодал до тех пор, пока мать не приехала за ним в Нинбо и не увезла для продолжения учебы в родной Цзяншань. Однако карьера учителя не прельщала Дай Ли. Он уехал в Шанхай, где работал телохранителем у бандитов, крупье в казино и постепенно начинал втягиваться в работу секретного агента полиции. Тогда же Дай Ли познакомился с начальником полиции шанхайского гарнизона Ян Ху, сыгравшим значительную роль в его дальнейшей карьере. Тем временем будущий начальник ряда спецслужб несколько раз возвращался в Цзяншань, где в один из приездов организовал небольшой отряд самообороны. Там впервые проявились личная храбрость, коварство и жестокость Дай Ли, не принесшие, однако, успех его отряду. Он вновь уехал из родных мест, на этот раз в Ханчжоу, где во время омовения в буддийском храме познакомился и подружился со школьным учителем Ху Цзуннанем, впоследствии генералом и одним из фаворитов Чан Кайши, прозванным "Королем Северо-Запада". Это оказало на его судьбу не меньшее влияние, чем первая встреча с Чаном в 1921 году в Шанхае, где тот выполнял функции курьера Сунь Ятсена, а Дай Ли прислуживал ему в гостинице и одновременно рассуждал о стремлении принести пользу родине. В результате в 1926 году он отправился в Гуаньчжоу к будущему генералиссимусу с рекомендательным письмом. Он был благосклонно принят, зачислен в армию и совершил свои первые шаги на поприще агентурно-оперативной работы.



▲ Дай Ли



▲ Ху Цзинань



▲ Чэнь Гуофу



▲ Чан Кайши

Старт карьеры Дай Ли в секретной службе не слишком впечатлял. В начавшей формироваться в июле 1927 года и окончательно образовавшейся в следующем году Группе секретных расследований (Мича цзу) он всего лишь выполнял обязанности няньки для новорожденного ребенка ее первого и недолгого руководителя Ху Цзина. Дай Ли так никогда и не окончил курс в военной академии Вампу и довольно поздно вступил в ряды Гоминьдана, что на первых порах существенно затормозило его продвижение по иерархической лестнице. Однако личные качества будущего генерала привлекли внимание Чана, к середине 1930-х годов серьезно обеспокоенного лояльностью высшего и среднего офицерского звена. Для этого главнокомандующий без особого шума организовал в составе Ассоциации выпускников Вампу Отдел расследований, вскоре расширивший свою сферу деятельности и реорганизованный в Центральный отдел расследований военных школ. В число подведомственных ему учебных заведений входили: Центральная военная академия, Артиллерийская академия, Кавалерийская академия, Армейская инженерная академия, Академия легкой и тяжелой пехоты, Военно-морская академия, Военно-воздушная академия, Центральная полицейская академия и свыше ста учебных офицерских классов и курсов. После назначения Дай Ли руководителем Центрального отдела расследований он получил право контролировать лояльность практически любого офицера правительственных войск, однако такое высокое положение несколько омрачало отсутствие у него какого-либо легального статуса. Новая спецслужба не являлась официальным органом, не имела регулярного бюджета и финансировалась лично Чан Кайши. Вначале ее курировал заместитель главнокомандующего Ху Цзинань, но вскоре из-за сложностей характера этого генерала Чан вывел Центральный отдел расследований из его подчинения. Дай Ли не имел никаких проблем с комплектацией кадров, поскольку многочисленные безработные офицеры только и ждали возможности где-либо применить свои силы, хотя бы и за мизерную плату. На первом этапе главнокомандующий скептически относился к возможностям Дай Ли, но после получения от него ряда интересных материалов переменил свое мнение и обратил особое внимание на начальника новой спецслужбы, признав его авторитет в области военной контрразведки.

Приблизительно тогда же в Шанхае Чан создал прообраз новой спецслужбы, формально именовавшейся Шанхайским агентством по найму, во главе со своим племянником Чэнь Гуофу. Однако уже в 1928 году было принято новое организационное решение, и в составе Гоминьдана окончательно образовалась полуофициальная

Группа секретных расследований (Мича цзу). Этот орган являлся своего рода переходным от неформальной "призрачной" секретной службы времен Сунь Ятсена к типичным для нового столетия государственным спецслужбам. Группа уже обладала конкретными, вполне определенными штатами и структурой, но пока не учитывалась в бюджете и не подкреплялась никакими законодательными актами, что, впрочем, на Востоке стало обязательным лишь значительно позднее. Руководителем группы стал весьма авторитетный племянник Чана Чэнь Лифу, одновременно возглавлявший Секретную секцию Национального военного совета и Комиссию по национальной перестройке, а на 2-м съезде Гоминьдана избранный начальником его Организационного отдела. В дальнейшем Чэнь стал одним из пяти членов партийного руководства, по поручению Чана негласно контролировавших Дай Ли. Центральный аппарат новой спецслужбы состоял из трех секций:

- Первая секция (начальник Сю Еньцзэн) отвечала за контрразведку и противодействие коммунистам и противникам Чан Кайши в гражданской сфере. Финансирование секции осуществлялось из секретных фондов ЦК Гоминьдана;
- Вторая секция (начальник Дай Ли) ведала военной контрразведкой и обеспечением безопасности армии, а также оперативной работой на некоторых территориях, контролируемых "милитаристами". Финансирование секции осуществлялось из военного бюджета;
- Третья секция (начальник Дин Моцунь) вела внешнюю разведку, в основном против Японии. В 1937 году ее преобразовали в Отдел специальных расследований (Тэцзянь чу), а в 1938 году передали в прямое подчинение Комиссии по военным делам. Финансирование секции осуществлялось из специального фонда. Вопреки надеждам Чан Кайши, эффективность Группы секретных расследований оказалась не слишком высокой, в первую очередь по причине не раздиравших ее постоянных споров, внутренних конфликтов и соперничества за секретные оперативные фонды. Секции, особенно Первая и Вторая, чаще и ожесточеннее боролись друг с другом, чем со "штатными" противниками. Однако, несмотря на это, вплоть до 1931–1932 годов группа оставалась единственной централизованной полуофициальной спецслужбой под контролем Гоминьдана.

Уже в это время Дай Ли начал в рамках возглавляемой им секции формировать собственное ядро агентурных сетей ("группа десяти", или шижэнь туань) для своей будущей независимой секретной службы. Его особо доверенные люди составили так называемую "Малую группу расследований и связи" (Дьяоча тунсунь сяоцзу), о существовании которой за пределами их круга никому известно не было. Для поддержания секретности начальник Второй секции, поборов свое известное корыстолюбие, платил им деньги из собственного кармана, чтобы не оставлять следы в официальных ведомостях на заработную плату.

Руководство Гоминьдана было также крайне озабочено разгулом бандитизма в стране. Чан Кайши в 1931 году одобрил план своего секретаря в Комиссии по военным делам Дэна Венъи и распорядился создать в Наньчане (провинция Цзяньси) Штаб по уничтожению бандитов (Цзяофей цзунбу), а в его составе — Секцию агентурной разведки (Дебао кэ). Одновременно в Мобильных гарнизонах по сохранению мира формировались Следственные секции (Дьяоча кэ) с правом ведения агентурно-оперативной работы. Весной 1932 года план был реализован, хотя и с некоторыми изменениями. Было решено, что гарнизоны не должны вести разведку своими силами, зато в Отделах по сохранению мира создавались Разведывательные секции (Цзянь де гу). Эти официальные периферийные структуры не имели ничего общего с Группой секретных расследований, являвшейся полуофициальной, но централизованной секретной службой.

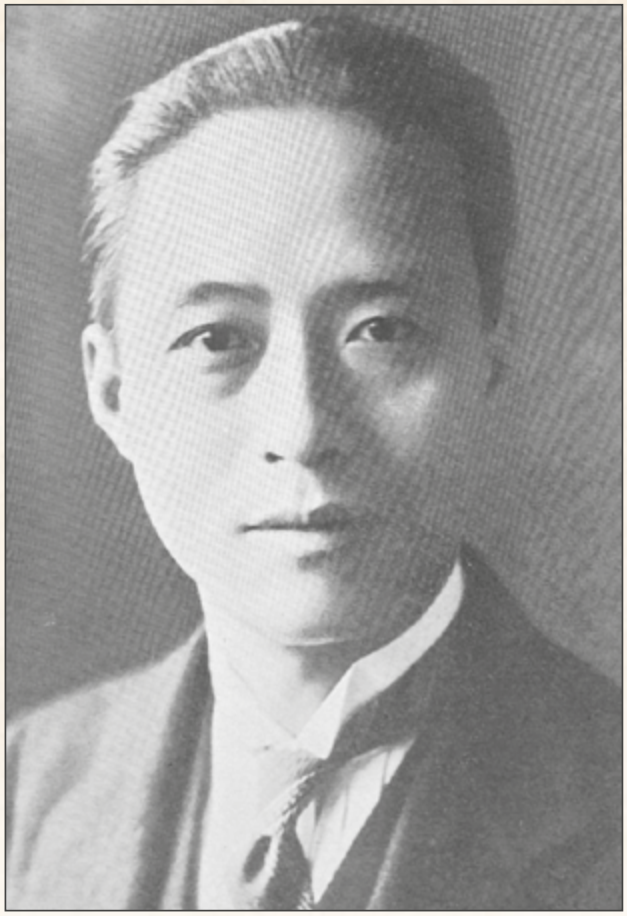
Тем временем Чан Кайши, не удовлетворенный состоянием контрразведки в войсках и военных учреждениях, пожелал улучшить освещение обстановки в них. По совету Дай Ли он распорядился, не мешая работе Группы секретных расследований, осуществлять параллельное агентурное проникновение в гарнизоны, гражданскую и военную полицию с одновременным упором на подготовку разведывательно-диверсионной агентуры. 18 марта 1932 года 2-й пленум ЦИК Гоминьдана назначил Чана председателем Комиссии по военным делам, и уже в этом качестве он проинформировал пленум о намерении объединить все существующие неофициальные и официальные спецслужбы. В конце месяца состоялось совещание, выработавшее рекомендации по централизации работы всех агентурных сетей в целях усиления противодействия иностранной агрессии и умиротворения страны. 1 апреля Чан Кайши решил, что новый оперативный орган должен иметь военный статус, и предложил Дай Ли возглавить его. Первоначально тот, несмотря на все амбиции, отказался по причине своего невысокого звания и непрочного положения в коридорах власти. Главнокомандующий ободрил его и заверил, что поможет в разрешении любых вопросов, однако все же внял доводам и назначил начальником вновь сформированного в составе Организационного отдела ЦК Гоминьдана Бюро расследований и статистики (БРС, Дьяоча тунцзи цзю, в дальнейшем Дьяоча тунцзи чу) Чэнь Лифу, а его заместителем — Чэнь Чжо. Эта реформа прошла в глубокой тайне, секретом являлось и само наименование новой спецслужбы.

Организационная структура БРС была довольно простой:

1-й отдел, или Отдел расследо-



▲ Чан Чэнь Лифу



▲ Чжу Цзяхуа

ваний партийных дел (Данъу дьяопа чу). В течение некоторого времени он именовался Секцией расследований ЦК партии (Чжуньян данбу). Отдел во главе с Сю Еньцзэном фактически полностью соответствовал бывшей Первой секции Группы специальных расследований и подчинялся непосредственно Чэнь Лифу. В дальнейшем эта структура стала самой непримиримой и ожесточенной соперницей всех возглавляемых Дай Ли структур. Позднее отдел был преобразован в Центральное бюро статистики (ЦБС, сокращенно Чжунтун цзю).

2-й отдел — военная контрразведка и безопасность войск. Отдел возглавлял Дай Ли, получивший по этому случаю звание генерал-майора. За короткое время численность его агентуры возросла со 145 до 1722 человек.

3-й отдел по надзору за Бюро почтовой и телеграфной инспекции, позднее слитым с ним в Отдел специальных инспекций (Тецзянь чу). Начальником отдела являлся Дин Моцунь, а затем Цзинь Бинь.

Скрупулезно относившийся к вопросам своей личной безопасности Чан Кайши не включил их в сферу ответственности новой спецслужбы, а оставил в ведении существовавшей и ранее неофициальной группы охраны. Впоследствии Чэнь Лифу уверял, что в рассматриваемый период полагал Дай Ли начальником охраны главнокомандующего. Учитывая прямую подчиненность 2-го отдела Чэню, это утверждение звучит до крайности сомнительно, хотя в китайских условиях нельзя исключать ничего. Развитие системы военной контрразведки и негласного политического контроля над армией осуществлялось успешно, и в марте 1932 года главнокомандующий принял решение об организации отдельного органа военной безопасности — Отдела специальных служб (Теъу чу) во главе с Дай Ли. Формально он был образован 1 апреля, с тех пор являющегося официальным праздником органов безопасности в Китайской республике. Месячный бюджет нового органа составлял 54 тысячи китайских национальных долларов (СНД), что покрывало лишь четверть требуемой суммы в 200 тысяч. По мере роста отдела его расходы увеличивались, и в 1934 году ведомство Дай Ли ежемесячно расходовало на административные, технические и оперативные нужды 1,2 миллиона СНД. Недостающие средства добывались за счет переработки конфискованного опиума в морфий и производные препараты и продажи их в стране и за рубежом, а также с помощью контрабанды.

Образование Отдела специальных служб оказалось полной неожиданностью для Чэнь Лифу. Впо-

следствии он оправдывался: "Вскоре после того, как я вручил руководство Центральным бюро расследований Сю Еньцзэну, господин Чан приказал Дай Ли создать отдельный орган, не информируя меня. Видите ли, когда существовал только один орган тайной полиции, наша работа была очень эффективной. Мы были очень сильны. Я думаю, господин Чан пожелал иметь другой орган, чтобы контролировать нас. Вначале мы не знали ничего об органе Дай Ли. Как я узнал о нем? Дай Ли говорил людям, что господин Чан поручил ему выполнение следственной работы. Люди Центрального бюро расследований сообщали мне, что Дай Ли становится активным. Мои друзья в Бюро были, естественно, недовольны. Они чувствовали, что господин Чан утратил доверие к ним. Я объяснял это следующим образом: наша работа являлась тем, что китайцы называют "глаза и уши". Я спрашивал, сколько у них глаз и ушей? Конечно, по два. Так, говорил я, должно быть и два органа для выполнения нашей работы. Я говорил им, что они не должны подозревать в чем-либо этот параллельный орган, а наоборот, сотрудничать с ним". Понятно, что на склоне лет Чэнь кривил душой. Возможно, и даже вероятно, что он и в самом деле объяснял своим подчиненным происходящее именно в такой манере, но в действительности отнюдь не считал происходящий процесс нормальным. Некоторое время начальник БРС пребывал в растерянности и не знал, просить ли у Чана разъяснений или оставить все как есть. Ситуацию разрешил сам главнокомандующий, рассказав о ней Чэню и поручив ему надзор за деятельностью Дай Ли. Однако сделать это было непросто, поскольку руководитель новой спецслужбы был не тем человеком, который завоевывал самостоятельность лишь для того, чтобы подчиняться кому-либо, кроме Чан Кайши. Чэнь вспоминал об этом периоде в примирительных выражениях: "Центральное бюро расследований сосредоточивалось на обществе; Военное бюро — на армии.

Разделительную линию между ними провести было трудно. Обе организации часто работали над одними и теми же делами. Они часто сталкивались и конфликтовали. Они были подобны двум людям, бродящим во тьме и сталкивающимся. Мы отличались от коммунистической партии, имевшей одну организацию; ее работа не была раздробленной".

Несмотря на личную неприязнь Чэнь Лифу к Дай Ли и завистливую ревность последнего к первому как высокопоставленному члену Гоминьдана, между ними установилось некое подобие сотрудничества. Зато низовые подразделения обеих спецслужб отличались крайним антагонизмом по отношению друг к другу и использовали в соперничестве абсолютно все методы. В особенности это было характерно для территориальных органов Отдела специальных служб, сеть которых заметно расширилась в первой половине 1930-х годов. Они включали в себя точки в 26 китайских городах, местные управления в зонах (дицю), "станции" в провинциях (шэнчжань), подразделения в их подчинении (чжаньхайцзу) и отдельные низовые подразделения (цзу). Кроме того, отдел располагал отделениями в иностранной концессии Нанкина, а также представительствами в Бюро железнодорожных перевозок и в Группе расследований министерства финансов.

Дай Ли постепенно увеличивал свою власть и влияние, но пока еще не мог претендовать на вхождение хотя бы во второй властный уровень Гоминьдана. Повышению рейтинга возглавлявшегося им органа способствовал получивший широкий резонанс пожар в аэропорту Наньчана. Летом 1934 года загорелся ремонтировавшийся там военный самолет, пламя перекинулось на близлежащие ангары и другие постройки и уничтожило их со всем содержимым. Пожарные не смогли справиться с огнем, причинившим большой ущерб. Расследованием этого происшествия занималась Следственная секция местного гарнизона под руководством Дэна Вэнъи, не усмотревшего в нем злого умысла. Однако все в Нанкине были убеждены, что если даже самолет и загорелся в результате несчастного случая, то тушили пожар вяло и безрезультатно далеко не случайно. Информированные люди были убеждены, что руководство ВВС таким способом скрыло следы своих хищений. Доклад Дэна об отсутствии криминальной подоплеки инцидента был каким-то неустановленным образом перехвачен и попал в прессу. Есть определенные основания судить, что это явилось активным мероприятием Дай Ли. Ставший достоянием общественности скандал вынудил Чана прореагировать на происшествие достаточно жестко. Он не согласился с выводами официального следствия, разогнал руководство Бюро авиации и снял Дэна Вэнъи со всех постов, имеющих отношение к органам безопасности. Дай Ли принял под свое руководство Следственную секцию гарнизона Наньчана и немедленно начал широкомасштабные действия по внедрению во все спецорганы армии и полиции. Через короткое время он либо лично, либо через контролируемых им своих ставленников руководил:

- Секцией расследований столичной полиции (Чжао шижуй);
- Главной бригадой детективов главного командования шанхайского гарнизона;
- Отделом расследований Департамента общественной безопасности провинции Чжэцзянь;
- Бюро полиции железной дороги Нанкин — Шанхай — Ханчжоу;
- Секретной группой расследований Департамента по антиопийному наблюдению и расследованию.

Отныне все сотрудники военной контрразведки зачислялись в кадры армии и пользовались всеми связанными с этим преимуществами и льготами. Со временем Дай Ли приобрел влияние, позволявшее ему в зоне влияния Гоминьдана арестовать, подвергнуть допросу и казнить без суда и даже без следствия

практически любого, за исключением буквально нескольких высших чиновников. В этот период он пристрастился лично пытать арестованных, за что и заслужил свое первое прозвище "Мясник". Одним из специфических искусств Дай Ли являлась его работа с банкирами, финансистами и промышленниками, из которых он выколачивал весьма значительные "пожертвования" на партию.

Очередная реформа спецслужб Гоминьдана произошла в 1935 году, когда Чан решил создать на базе Группы секретных расследований (Мича цзу) своего рода комитет, "объединенный орган" или, как его определил Чэнь Лифу, "орган без названия" для координации различных ветвей и звеньев разведки и контрразведки. Его деятельность в военной и гражданской сферах ни в коей мере не дублировала остальные спецслужбы, а лишь координировала их работу.

Совершенно запутанная система спецслужб Нанкина вновь усложнилась в 1937 году. Бюро расследований и статистики неоднократно то получало, то теряло статус центрального (БРС — ЦБРС), а в 1937 году ненадолго стало 6-й группой 2-го отдела главного штаба. Как указывалось ранее, на этом этапе его возглавил не Чэнь Лифу, поскольку такой пост никак не соответствовал его высокому статусу, а генерал-майор Сю Еньцзэн. Реорганизации продолжились. 29 марта 1938 года Чан Кайши сообщил съезду Гоминьдана о решении разделить спецслужбы на военные и гражданские. Впрочем, проинформированы были далеко не все делегаты, а лишь немногие, имевшие допуск к столь деликатной информации. Новое БРС являлось подразделением ЦК партии и фактически представляло собой переименованный 1-й отдел прежнего ЦБРС. Подчинявшиеся Дай Ли органы военной контрразведки были замкнуты на Комиссию по военным делам и, как ни странно, получили сразу два официальных названия. Первое из них повторяло название Бюро расследований и статистики



▲ Сун Цзывэнь

и отличалось от этой одноименной структуры исключительно указанием на принадлежность его военному ведомству (БРС Комиссии по военным делам, а не БРС ЦК Гоминьдана). Одновременно органы военной контрразведки официально именовались также и Бюро военной статистики (БВС, сокращенно Цзюнтун). Указанное совпадение в названиях стало причиной множества ошибок в исторических и даже специальных исследованиях, поэтому во избежание путаницы в данной книге везде используется второе наименование.

В ходе организационно-штатных перестановок из-за малого стажа Дай Ли в Гоминьдане возникла серьезная кадровая проблема. Главнокомандующий отдавал себе отчет в том, что руководители партийных подразделений не воспримут генерал-майора как равного себе, что может породить массу недоразумений и проблем. Тогда Чан назначил его заместителем директора бюро, при этом оговорив, что хотя номинальные руководители этого органа будут отбираться из числа коммунистов значительным партийным стажем, они не получат реальных полномочий на управление. И действительно, за два года в БВС сменились три начальника (Хэ Яоцзу, Цян Дацзюнь и Линь Вэйвэнь), роль которых заключалась исключительно в официальном представлении годовых отчетов бюро. Многие в военной контрразведке вообще не знали, что Дай Ли формально занимает в ней второй по значению пост, и полагали его высшим руководителем БВС. Лишь в 1940 году, когда авторитет Дай Ли в коридорах

власти стал непререкаем, Чан Кайши официально назначил его директором бюро.

Кадровая проблема коснулась и БРС. Номинально его первым руководителем автоматически становился глава Центрального исполнительного комитета ЦК Гоминьдана, которым в рассматриваемый период являлся Е Сьюфэн. Однако несколько позднее такая система претерпела некоторые изменения, и бюро номинально возглавил Чжу Цзяхуа. Этот человек в 1926 году на посту административного директора Чжуцзянского университета провел в нем "чистку" левых элементов, в 1927 году стал директором Департамента гражданских дел провинции Чжэцзян и основал там полицейскую академию, президентом которой оставался до 1932 года.

Разделение органов военной и гражданской контрразведки существенно подняло рейтинг первых. Сразу после создания Бюро военной статистики состояло из четырех отделов и двух низовых бюро с общей штатной численностью 100 человек в центральном аппарате и 200 — в периферийных органах, однако вскоре число сотрудников центрального аппарата превысило 1000 человек. Изменилась и его структура. Вначале она представляла собой десять отделов и столько же бюро, но постепенно устоялась и насчитывала восемь отделов, три зоны и несколько секций. Позднее БВС сформировало четыре крупных региональных отделения: Хуадун (восточное), Хуанань (южное), Хуачжун (центральное) и Хуабэй (северное). Структура Бюро военной статистики вообще была весьма странной и не сразу понятной. Например, его основным оперативным подразделением являлся Отдел расследований (Дьяоча кэ), сформированный в 1939 году как часть командования гарнизона Ухани. В дальнейшем он был формально переподчинен командующему чунцинским гарнизоном в качестве одного из его отделов, хотя в действительности никто, кроме Дай Ли, не смел даже помыслить о претензиях на руководство этим органом. Его официальным начальником был сам Дай Ли, а практически руководил отделом заместитель начальника. В разные периоды времени этот пост занимали Чжао Шихуй, Тао Ишань, Ляо Гуншао, Шэнь Цзуй и Хэ Лунцин. Отделу расследований подчинялись 10 региональных центров и 30 постов расследований. Его штат никогда не превышал 100 человек, но каждый из оперативных сотрудников отдела руководил резидентами, имевшими на связи от 20 до нескольких сотен агентов, что в итоге давало огромную сеть негласного аппарата. Организационная структура отдела состояла из четырех секций и одной группы, по неизвестным причинам носившей номер 3:

- Первая секция — общих вопросов (административные, хозяйственные и кадровые вопросы, документация);
- Вторая секция — оперативная (разведывательные операции, работа детективов, проверка авиарейсов. В рассматриваемый период времени разрешение на вылет из Чунцина или прилет в него любого пассажира допускалось только с санкции БВС);
- Третья секция — связи;
- Четвертая секция — судебная. Ей же подчинялись тюрьмы БВС;
- Третья группа — социальных расследований (изучение состояния общественного порядка).

Как ни странно, единственным органом, рисковавшим соперничать с Дай Ли в вопросах тайного полицейского контроля, было не Бюро расследований и статистики, постепенно утратившее значительную часть своего влияния, а Чунцинская бригада полицейских детективов, в которой политическими расследованиями руководили Сю Чунцзи и Тан И. Этой структуре покровительствовал сам Чан Кайши, никогда не забывавший о необходимости поддерживать систему противовесов.

С конца 1930-х годов Дай Ли в той или иной степени курировал все спецслужбы Гоминьдана, за исключением возглавляемой Чжан Цюнем небольшой личной разведки Чан Кайши. Он прочно занял место в верхнем иерархическом слое Китая. Перед скромным генерал-майором трепетали министры и военачальники, ему единственному (естественно, за исключением телохранителей) разрешалось носить оружие в присутствии генералиссимуса. Любопытно, что при всем этом он никогда не достигал верхнего уровня партийной иерархии и считался в руководстве Гоминьдана чужаком. Дай Ли впервые в Китае стал практиковать в широких масштабах использование алкоголя и женщин для получения компрометирующих материалов на своих противников и по этой же причине запрещал своим старшим офицерам иметь не только постоянных любовниц, но и жен. Начальник военной контрразведки не препятствовал случайным связям, однако настоятельно рекомендовал подчиненным пользоваться услугами женщин из многочисленного специально отобранного и проверенного контингента, утверждая, что этим они обезопасят себя в санитарном и политическом отношениях. В 1941 году Дай Ли ввел институт региональных контролеров БВС с собственными бюро. Они отвечали за все направления деятельности БВС на подведомственном объекте, от административных и финансовых вопросов до ведения тактической разведки и использования шифрматериалов.

Сферы влияния Дай Ли множились, и не только в сфере безопасности. Еще в 1934 году Чан Кайши официально назначил его начальником отделения военной разведки в Нанкине. Дальновидный куратор секретных служб, однако, понимал, что без радиоразведки его влияние на генералиссимуса будет неполным, но эта область уже была монополизирована влиятельной группировкой родственников Чана. Ситуацию усугубило разоблачение в 1933 году коммунистического агента — руководителя радиосекции (Дьянь ву гу) Гоминьдана Ли Кенуна, после чего интерес к дешифрованию закрытой переписки противника проявил

шурин Чан Кайши Т. В. Сун (Сун Цзывень), будущий министр иностранных дел чунцинского правительства, видный финансист и доктор экономики Гарвардского университета. Для руководства криптографической он выбрал службой своего племянника Вэнь Юйцина (Ю. С. Вэнь), также получившего в Гарварде докторскую степень в области физики со специализацией по радиосвязи. Выбор оказался весьма удачен, и вскоре нестойкие криптосистемы соперничавших с Чаном генералов стали вскрываться одна за другой. Позднее, когда Сун занимал пост посла в Вашингтоне, в беседе с президентом Соединенных Штатов Ф. Д. Рузвельтом он однажды заявил: "Я выиграл для Чан Кайши две гражданские войны тем, что создал эффективную дешифровальную службу, которая держала его в курсе действий его врагов". Возглавляемое Вэнем Бюро по инспекции и декодированию секретных телеграмм (Мидьянь цзяньи суо) фактически являлось семейным предприятием Чана и его ближайших родственников и не подчинялось официальным структурам Гоминьдана. Одновременно Вэнь руководил управлением связи министерства транспорта. Бюро по инспекции и декодированию секретных телеграмм ежедневно перехватывало 200 — 300 радиограмм, а в некоторые дни — до 400. Из них вскрывалось 60% — 80%, но признавались существенными и передавались для оценки не более 30 — 40 сообщений в день, общим объемом до 10 тысяч иероглифов. Сун и другие родственники Чан Кайши прочно узурпировали радиоразведку и распоряжались ее материалами по своему усмотрению. Когда начальник штаба армии Хэ Инцинь потребовал от Вэня предоставлять ему копии всех дешифрованных радиограмм, то наткнулся на категорический отказ. Разозлившийся Хэ приказал своему начальнику связи срочно заняться перехватом японской дипломатической переписки, однако тот, как и следовало ожидать, не смог добиться ощутимых успехов.



▲ Герберт Осборн Ярдли

В этих обстоятельствах Дай Ли решил срочно исправить свое упущение и в 1933 году занялся организацией в БВС отделения радиоразведки. Его четыре сотрудника Чжу Леминь, Лю Баоянь, Ян Шилунь и Ван Хуайжен сразу же отправились к Вэню на стажировку. Чтобы усыпить подозрительность группировки Суна и избежать противодействия с ее стороны, "китайский Гиммлер", как часто именовали Дай Ли, декларировал свое намерение вскрывать исключительно коммунистическую переписку, которой Бюро по инспекции и декодированию секретных телеграмм практически не занималось. На первом этапе дела и в самом деле обстояли именно таким образом, но перспективной целью генерала было создание полноценной радиоразведывательной и криптоаналитической службы, независимой от других органов Гоминьдана и в первую очередь от Бюро по инспекции и декодированию. Это являлось не проявлением нелояльности к Чану, которому Дай Ли, как ни странно, для столь коварного человека, был безоговорочно предан, а лишь стремлением упрочить собственные позиции. Руководитель спецслужб нуждался в серьезном специалисте по радиосвязи и нашел его в лице начальника радиоузла Гоминьдана в Шанхае Вэй Дамина, вероятно, лучшего на тот момент радиооператора Китая. Ранее Вэй работал начальником радиостанции на лоцманском судне в Шанхае,

ежедневно связывался с десятками иностранных судов и по характеру работы на ключе безошибочно определял национальную принадлежность оператора. Первой задачей нового главного радиста БВС стало обучение элитных радиооператоров. Они готовились из числа курсантов коммерческой школы радистов, служившей прикрытием секретного вербовочного центра в Шанхае, а дальнейшем проходили обучение в Академии полиции в Ханьчжоу. В марте 1933 года были выпущены первые двенадцать специалистов высшей квалификации, а всего до июля 1937 года состоялось 11 выпусков. Все выпускники были приняты на службу в БВС.

Органы радиоразведки и оперативные органы множились. К 1938 году Гоминьдан располагал пятью крупными спецслужбами, руководители которых ежемесячно проводили совещания с целью координации деятельности. Этими структурами являлись:

- Центральное бюро расследований и статистики под руководством Сю Еньцзэна;
- Бюро военной статистики под фактическим руководством Дай Ли;
- Бюро по инспекции и декодированию секретных телеграмм под руководством Вэнь Юйцина;
- 2-е (разведывательное) отделение Управления военных операций под руководством адмирала Янь Сюаньчэна, а затем — генерала Чжэн Цзэминя;
- Институт международных исследований (ИМИ) под руководством Ван Пиньшэна.

Кроме перечисленных, существовало еще не менее десяти оперативных и радиоразведывательных органов, временами поглощавших друг друга или входивших в состав указанных пяти крупнейших служб.

Криптоаналитики БВС в течение длительного времени достигали успехов только во вскрытии шифров коммунистической партии, тогда как дипломатическая и военная переписка японцев оставалась для них недосягаемой. Дай Ли не мог смириться с этим упущением и для его восполнения пригласил на работу в качестве консультанта опального американского криптографа, знаменитого Герберта Осборна Ярдли. Помощник военного атташе чунцинского правительства в Вашингтоне майор Сяо Бо в 1937 году по поручению Дай Ли подписал с ним в Куинсе контракт, согласно которому американец за сумму, приблизительно эквивалентную 10 тысячам долларов США, приступал к исполнению обязанностей советника китайской разведки по криптографии. В мемуарах Ярдли утверждал, что приглашение исходило лично от Чан Кайши, однако это являлось обычным для автора "Черного кабинета" преувеличением, генералиссимус лишь дал согласие на приезд американца. В сентябре 1938 года под прозрачным псевдонимом Герберт Осборн он прибыл в Чунцин, где прежде всего занялся обучением будущих дешифровальщиков и проведением структурной реорганизации службы. К этому времени конкуренты Дай Ли занялись тем же самым. Бюро по инспекции и декодированию секретных телеграмм в марте 1936 года получило задачу начать атаку на японские коды и уже летом достигло первых успехов. Криптоаналитики Вэнь Юйцина взломали слабый дипломатический код противника и получили возможность читать переписку некоторых его консульств с посольством и с МИД, но Дай Ли уже готовился перехватить у них инициативу. В июле 1937 года он достиг соглашения с руководством академии ВВС и совместно с авиаторами использовал их посты перехвата, отслеживавшие ситуацию в эфире в треугольнике Тайвань — Южный Китай — Японские острова. Анализ радиообмена переговоров самолетов и некоторых кораблей противника позволял в течение 3–5 минут определить национальную принадлежность, скорость и курс объектов, а для самолетов также и высоту полета. 14 августа 1937 года китайские радиоразведчики достигли первого серьезного успеха и сумели засечь вылет 18 бомбардировщиков противника с баз в Вэньчжоу и Хейшане. Японцы намеревались нанести бомбовый удар по Нанкину и Шанхаю в отместку за налет китайской авиации на их корабли, однако служба Дай Ли предупредила своих авиаторов за 30 минут до достижения японцами точки сброса бомб. Благодаря этому китайские истребители заблаговременно успели не только взлететь, но и набрать высоту для атаки с верхней полусферы. Ценой двух своих потерянных в этом бою машин они сразу же сбили шесть японских самолетов, еще несколько бомбардировщиков из-за полученных повреждений упали на обратном пути. 14 августа до сих пор отмечается на Тайване как праздник авиации, хотя в равной степени этот день можно считать и праздником радиоразведчиков.

Радиоперехват и его анализ являются важными компонентами радиоразведки, но для дешифровальной работы нужны специалисты иной квалификации. Именно их подготовкой и занимался Ярдли, однако он не полностью оправдал возлагавшиеся на него надежды. Американец не знал ни японского, ни китайского языков, поэтому мог преподавать своим ученикам лишь теоретические основы криптоанализа, хотя и они были крайне важны. Ярдли подготовил для Бюро военной статистики 200 специалистов, составивших основу его дешифровальной секции, но подлинный прорыв во вскрытии шифрсистем противника произошел лишь после захвата в плен в мае 1939 года шифровальщика японской авиационной части Оиси Синдзо. Командование с непростительной легкомысленностью также использовало его в качестве хвостового стрелка на бомбардировщике, нарушая основополагающий принцип, запрещающий носителям секретов такого уровня пересекать линию фронта или оказываться в иных местах, где они могут быть захвачены противником. Бомбардировщик Синдзо был сбит, и после интенсивного допроса пленный дал согласие работать на китайцев. Теперь к осуществлявшемуся Ярдли общему руководству дешифровальной работой БВС и организованной Вэй Дамином системе перехвата прибавился последний из необходимых компонентов, позволивший летом и в начале осени

1939 года достичь серьезных успехов в работе с японскими военными кодами и шифрами.

Именно в Китае Ярдли сумел воплотить свои идеи вскрытия иероглифической переписки, не воспринятые должным образом его англоязычными соотечественниками. Американец проработал там до мая 1940 года, после чего вернулся в Соединенные Штаты, но успел сыграть еще одну, крайне важную роль в истории криптоанализа на Востоке. Он убедил своих работодателей в необходимости централизовать дешифровальную работу, которой в 1940 году занимались пять разобщенных структур Гоминьдана:

- Бюро технологических исследований (Цзишу яньцзи ши), созданное специально для вскрытия японских дипломатических кодов и шифров;
- 2-е отделение Управления военных операций, предназначенное для дешифровки японских армейских криптосистем. В действительности оно не выполняло уставных задач, зато без особого успеха пыталось вести агентурную разведку;
- Группа воздушной разведки, почти полностью укомплектованная сотрудниками БВС;
- Дешифровальная группа Бюро расследований и статистики, занимавшаяся исключительно советскими и коммунистическими криптосистемами;
- Бюро военной статистики.

В апреле 1940 года с подачи Ярдли Дай Ли добился от Чан Кайши разрешения централизовать криптографические органы. Образованное при этом Бюро технологических исследований Военного совета Гоминьдана по-прежнему возглавлял Вэнь Юйцин, его заместителем стал Вэй Дамин. В июне Вэнь симулировал болезнь и попытался ускользнуть из-под надзора, ненавидевшего его Дай Ли. Главному радиоразведчику Гоминьдана разрешили отправиться в Гонконг для проведения медицинских исследований, откуда он уже не вернулся. Бегство Вэня позволило Дай Ли назначить исполняющим



▲ Мао Цзэдун

обязанности директора Бюро своего ставленника Вэй Дамина, который сразу же начал насаждать во все подразделения верных людей. Однако этот процесс проходил излишне стремительно и грубо, сопровождался шантажом и угрозами, а потому вызвал обратную реакцию. Ущемленные сотрудники объединились и направили Чан Кайши петицию с жалобой на сложившуюся нетерпимую обстановку, после чего в марте 1941 года генералиссимус уволил Вэя и назначил на его место своего секретаря Мао Цинсяна. К сожалению, новый директор являлся классическим аппаратным работником и немедленно назначил на ключевые посты Бюро технологических исследований своих друзей и соучеников, совершенно не имевших представления ни о радиоразведке, ни о криптографии. Это породило новые конфликты и разочарования, усугублявшиеся позицией Дай Ли. Руководитель БВС отдал негласное указание всячески публично дискредитировать и унижать Мао, провоцируя его на потерю лица, что для китайца является самым страшным позором. Однако на первых порах ситуация не разрешилась никак, и нетерпимое положение дел в централизованной радиоразведке продолжалось.

Не особенно выдающиеся успехи китайских радиоразведчиков все же выглядят неплохо на фоне почти полного провала в области традиционных видов разведки. На то имелись как объективные, так и субъективные причины. Главными противниками Нанкина — Чунцина и соответствен-

но главными объектами его разведки являлись коммунисты и соперничающие с Чан Кайши "милитаристы". Это предопределяло приоритет внутренней разведки над внешней, которой доставалось финансирование по остаточному принципу. Если против японцев в оккупированной части Китая и велась хоть какая-то работа, то против остальных государств ее даже не собирались проводить. Некоторое исключение делалось для СССР, но, за исключением разработки советских дипломатических, торговых и военных миссий и учреждений, все усилия китайцев так и остались на бумаге. В итоге результаты работы всех китайских спецслужб на внешних направлениях оказались совершенно ничтожными и не принесли ожидаемых результатов.

Одной из важнейших задач внешней разведки Чан Кайши считал продолжение линии "призрачной" секретной службы Сунь Ятсена по использованию в своих интересах китайских тайных обществ, известных под обобщающим условным обозначением "триады". Наиболее влиятельными из них, функционировавшими в США и Гонконге, являлись "Общество старших братьев", "Красный круг" и "Зеленый круг". Через значительно меньшее по численности тайное общество "14-К" Чан пытался установить контакты с американской разведкой и, опираясь на китайскую диаспору в Нью-Йорке и Сан-Франциско, создать в США свою резидентуру. Одна из ветвей "14-К" была практически полностью укомплектована разведчиками Гоминьдана, однако успехов не добилась по двум основным причинам. Во-первых, к контактам такого рода не были готовы сами Соединенные Штаты. В тот период они не располагали политической разведывательной службой, военных же все это не слишком интересовало, а разведка государственного департамента могла считаться таковой лишь условно, поскольку оперативных подразделений не имела. Во-вторых, "триады" традиционно с подозрением относились к сильной и энергичной центральной власти, ярким представителем которой был Чан, боровшийся отнюдь не только с коммунистами. Одной из важных задач Гоминьдана стало подчинение своему руководству военных лидеров провинций, и эти усилия настораживали поддерживавших контакты с родиной членов тайных обществ. Малоопытные спецслужбы центрального правительства Китая опрометчиво исходили из предположения о том, что патриотизм и национализм являются самыми сильными побуждениями для любого китайца, и не учитывали силы корпоративных интересов внутри "триад", члены которых ставили их намного выше любых других стимулов. В отличие от Сунь Ятсена, Чан Кайши строил государство, в котором достойного места для "триад" не находилось. Их руководители прекрасно понимали это и отнюдь не торопились оказывать содействие Гоминьдану. Более того, эти опытные интриганы вели собственную игру, в которой Чану отводилась роль орудия, используемого в подлинных интересах тайных обществ. Дай Ли сделал ставку на получение краткосрочных, сиюминутных тактических выгод — и проиграл. "Триады" оказали оперативным службам Гоминьдана ряд услуг, но одновременно они укрепили свое негласное влияние, в конечном счете подрывавшее государственность. Именно это послужило причиной того, что в настоящее время Тайвань пронизан ими значительно глубже, чем Китайская народная республика, и "триады" превратились там в серьезный криминогенный фактор на общегосударственном уровне. В отличие от Чан Кайши, Мао Цзэдун принципиально никогда не опирался на них и в конечном счете оказался в выигрыше. Он сумел избежать ошибки американской разведки, использовавшей во время Второй мировой войны итальянскую мафию для обеспечения вторжения на Сицилию и для охраны нью-йоркских причалов от немецких диверсий. Обе тактические задачи были успешно решены, зато Соединенные Штаты в послевоенные десятилетия получили настолько серьезные проблемы с преступностью, что на горьком опыте осознали: власть, вступающая в любые соглашения с преступниками, есть власть преступная и предающая граждан своей страны. Более поздние контакты ЦРУ с мафией относятся к началу 1960-х годов, когда американская разведка, тогда еще не слишком связанная правовыми ограничениями, попыталась использовать возможности преступного мира для организации покушения на кубинского лидера Фиделя Кастро. Успех это не принесло, зато, по мнению многих авторитетных исследований, отдаленным следствием таких контактов стала гибель президента Соединенных Штатов Джона Кеннеди от рук террористов. Китайский опыт не научил американцев ничему, они повторили его — и также проиграли.

Профессионализма БРС и БВС хватало в основном лишь на внутренние операции, поэтому Чану, несмотря на его стремление, так и не удалось создать эффективную разведывательную сеть, обеспечивающую его информацией о СССР и Японии. Серьезным бичом главной секретной службы Гоминьдана стала коррупция, которую не могли искоренить даже периодические показательные суды, неизменно завершавшиеся вынесением смертных приговоров. Проведенная в 1936 году контрразведывательная чистка партии от "красных агентов" принесла весьма скромные результаты, и в результате Чан укрепил свое положение лишь ненамного. Генералы — противники генералиссимуса были сильны по-прежнему, а усилия Советского Союза по поддержке КПК привели к фактическому расколу страны на два враждебных лагеря. БВС постепенно деградировало, и одновременно при помощи СССР усиливалась секретная служба коммунистов.

Окончание в следующих номерах альманаха

АДЕПТЫ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ



▲ Троцкий с охраной

Долгое время Российская коммунистическая партия большевиков (до Октябрьской революции — социал-демократическая) в семье социалистов по численности и влиянию занимала очень скромное место. От партии социалистов-революционеров (эсеров) ее отличало то, что она делала ставку не на крестьянство, а на рабочий класс, и не признавала индивидуального террора, охотно использовавшегося эсерами. А от собратьев социал-демократов (меньшевиков) ее отличала бескомпромиссность по отношению к власти: никакого сотрудничества с буржуазными партиями — только полный захват власти в свои руки. Основой действия ВКП(б) (тогда РКП(б)) была теория Карла Маркса о неотвратимости перехода власти в руки пролетариата и построения им бесклассового коммунистического общества.

Бессменный вождь большевиков (расколовший социал-демократов на большевиков и меньшевиков) В. И. Ленин практически всю свою революционную жизнь провел за границей, по этой причине реальный русский народ знал плохо и посему свято верил в марксизм. Работал он упорно, не унывал ни при каких неудачах и трудностях. А их было полно. Один из тогдашних революционеров А. Д. Нагловский так описывал состояние самой большой (петербургской) организации ленинской партии накануне неудавшейся революции 1905 г.:

«Насколько вообще тогда, в 1905 г., были слабы большевики и насколько не имели корней в массах, показывает факт, что вся организация их в Петербурге едва ли

насчитывала около 1000 человек. А в Нарвском рабочем районе — человек около 50-ти. Связи с рабочими были минимальны, вернее сказать, их почти не существовало. Большевистское движение было чисто интеллигентское: студенты, курсистки, литераторы, люди свободных профессий, чиновники, мелкие буржуа, вот где рос тогда большевизм. Ленин это прекрасно понимал, и, по его плану, эти «кадры» партии должны были начать завоевание пролетариата. Тут-то и интересовали его Нарвский район и самый мощный питерский Путиловский завод, где тогда имели большое влияние гапоновцы.

В страховом обществе, куда я пришел с явкой от Ленина, меня встретил мрачный бородатый мужчина, дал все указания, адреса. И вскоре я приступил к попытке создать на Путиловском заводе «большевистскую организацию».

Питерские рабочие шли тогда за меньшевиками и эсерами. В течение многих недель я пытался сколотить хоть какой-нибудь большевистский рабочий кружок на Путиловском заводе. Но результат был плох. Мне удалось привлечь всего-навсего пять человек, причем все эти пять, как на подбор, были какими-то невероятно запьянцовскими типами. И эта «пятерка» на наши собрания приходила всегда в неизменно нетрезвом виде.

Вскоре эта моя «деятельность» неожиданно оборвалась: был издан манифест 17-го октября, после которого большевистская организация в Петербурге могла уже приступить к более или менее широкой полулегальной работе.

Но так как ни широкие массы питерских рабочих, ни другие революционные партии в Питере лозунга вооруженного восстания не разделяли, то начать вооруженное восстание здесь большевики не решились, обратив все свое внимание на восстание в Москве.

Разумеется, и это восстание имело не много шансов на успех. Оно и было подавлено. И в результате разгрома, как восстания, так и партии, в среде последней возникла острая оппозиция к Ленину, критиковавшая его «авантюристическую тактику», обрушившаяся на его «нечаевщину», на тактику «вспышкопускательства». Но Ленин в своей «линии» был абсолютно твердокаменен. Ленин остался на своем. По его мнению, восстание было нужно, и прекрасно, что оно было. От своих положений Ленин никогда не отступал, даже если оставался один. И эта его сила сламывала под конец всех в партии.»

Вернулся Ленин в Россию только после Февральской революции в 1917 г., и надо отдать должное его мужеству и упорству за то, что он, не имея никакого опыта, взял власть в России в то время, когда ее уже все боялись брать: до такого маразма довели государственную власть в России отобравшие ее у царя либералы.

Совершенно другую судьбу имел другой вождь большевиков — И. В. Сталин. Вступил в партию в 1898 г., революционную работу вел только в России, за границей бывал лишь на съездах партии. В связи с этим народ России он знал и понимал прекрасно, в работе руководствовался не столько догмами Маркса и теоретическими рассуждениями, сколько реальным состоянием дел. С 1912 г. он член ЦК большевиков, с момента учреждения Политбюро — член Политбюро. После Февральской 1917 г. революции он возвращается из очередной ссылки (арестовывался царскими властями 7 раз, бежал из ссылки — 5 раз) в Петроград и возглавляет главную газету большевиков «Правду», а после ее закрытия — очередные газеты, которые большевики выпускают взамен закрываемых. Летом 17-го года практически возглавляет партию в связи с уходом Ленина в подполье, накануне Октябрьской революции руководит Партийным центром по вооруженному восстанию — Революционным военным советом Петрограда, т. е. является



▲ Сталин И.В., 1919 год

по сути техническим руководителем захвата власти.

Однако после взятия власти большевиками в России он отодвигается на второй план — в правительстве большевиков под председательством Ленина он занимал довольно скромное место наркома по делам национальностей. Но зато его непрерывно используют вне Москвы во всех жизненно важных для России случаях. В 1918 г. он обеспечивает большевиков хлебом, удерживая для этого Царицын от захвата белыми; его посылают комиссаром на все фронты, где большевикам грозит наиболее сильная опасность.

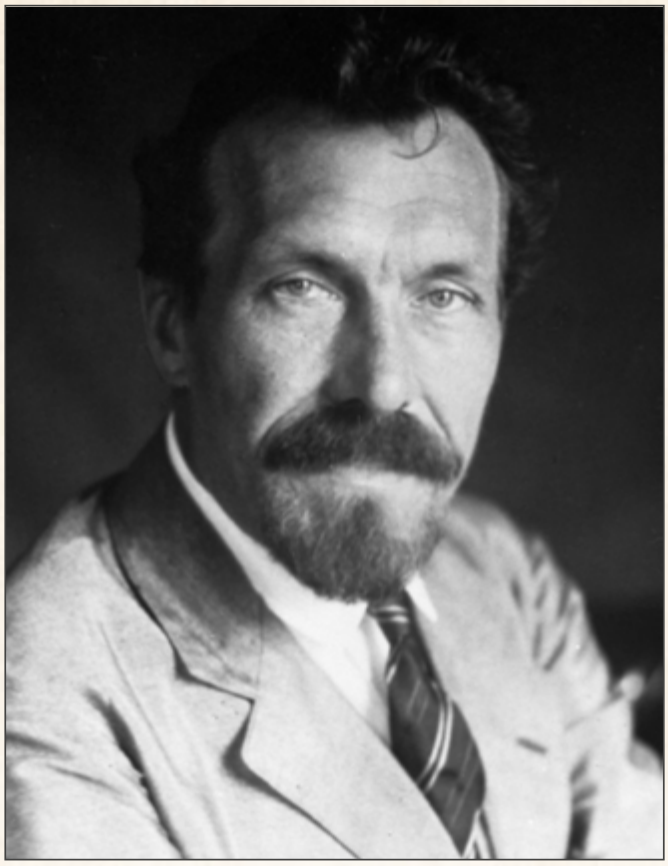
Видимо, уже в это время ему начали очень сильно завидовать другие вожди большевиков, особенно масса набежавших к большевикам в 1917 г. социалистов-евреев. Возможно, ему завидовал и Ленин. В отличие от других лидеров партии Сталин хорошо знал Россию, непрерывно учился и мог организовать выполнение тяжелейших дел. Остальные вожди, многие из которых умели только революционно болтать, вряд ли могли спокойно относиться к этому. «От всякого труда есть прибыль, а от пустословия только ущерб» (притчи Сломона). Вот такой штрих.

К пятилетию взятия большевиками власти журнал «Октябрь» выпустил большую фотографию-лубок «Творцы революции» со 100 деятелями большевиков. Интересно было то, что среди сонма и по сей день никому не известных «творцов» не было Сталина — старейшего члена партии, члена ее ЦК, члена Политбюро и технического организатора самой Революции!

Но зато были какие-то люди, заслуги которых перед революцией вряд ли способны вспомнить даже профессиональные историки той эпохи. Скажем, кто способен вспомнить, кем были: Невский, Лурский, Лашевич, Зорин, Балабанова, Лилина, Рабич? В связи с чем они вдруг стали творцами революции, большими, чем член Политбюро партии большевиков? Это, так сказать, издержки антисталинской пропаганды. Тогда было выгодно быть большевиком — и большинство евреев было большевиками, сегодня выгодно быть демократом — и теперь масса евреев утверждает, что они в начале века были не вождями революции, а ее жертвами.



▲ Вожди



▲ Рыков А.И.



▲ Луначарский А.В.

В первые годы после захвата власти в органах пропаганды большевиков было засилие евреев, и они, поддерживая Троцкого, шельмовали кого угодно по его указке. К примеру, Сталина посылали на самые трудные фронты Гражданской войны комиссаром (членом Военного совета фронта). В своем постановлении от 27 ноября 1919 г. благодарный ВЦИК (Верховный Совет) писал:

«В минуту смертельной опасности, когда окруженная со всех сторон тесным кольцом врагов Советская власть отражала удары неприятеля; в минуту, когда враги Рабоче-крестьянской Революции в июле 1919 г. подступали к Красному Питеру и уже овладели Красной Горкой, в этот тяжелый для Советской России час, назначенный Президиумом ВЦИК на боевой пост Иосиф Виссарионович Джугашвили (Сталин) своей энергией и неутомимой работой сумел сплотить дрогнувшие ряды Красной Армии.

Будучи сам в районе боевой линии, он под боевым огнем личным примером воодушевлял ряды борющихся за Советскую Республику.

В ознаменование всех заслуг по обороне Петрограда, а также самоотверженной его дальнейшей работы на южном фронте, Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет постановил наградить И. В. Джугашвили (Сталина) орденом «Красного Знамени».

В отличие от Сталина ЦК дважды не давал Троцкому командовать — запрещал вмешиваться в разгром Колчака Восточным фронтом и в разгром Деникина Южным фронтом. Причину пояснил примкнувший к большевикам генерал М. Д. Бонч-Бруевич: Троцкий не только не скрывал «своего равнодушия к военному делу, но и порой афишировал его». Троцкий обижался на отстранения, подавал в отставку, но его не отпускали. Тогда вопрос: почему же большевики не сняли его за негодностью с должности председателя Реввоенсовета Республики? А это специфика революции. Хотя Троцкий и считал себя великим оратором и полемистом, но в делах практической пропаганды пользовался другим приемом — расстрелами по малейшему поводу. «Расстрел — не скрывал он — был жестоким орудием предостережения другим». ЦК опасался, что вдруг по непредсказуемому революционному времени где-то кого-то придется «предостеречь», а Троцкого не будет, вот его и держали.

Имея неограниченную власть, Троцкий в своем местечковом славолюбии дошел до маразма. Его не только пресса хвалила, он заставил в Политический Устав РККА внести §41 со своей биографией, заканчивающейся словами:

«Тов. Троцкий — вождь и организатор Красной Армии. Стоя во главе Красной Армии тов. Троцкий ведет ее к победе над всеми врагами Советской республики».

В 1922 г. троцкисты выпускают двухтомник «Гражданская война. Собрание документов и материалов по истории Красной Армии». В этом сборнике о Сталине — ни слова! Чем еще, кроме злобной зависти и попытки замолчать успехи более способного конкурента, можно это объяснить?

Только этим, как ни странно, можно объяснить и то, что Сталина в 1922 г. назначают Генеральным секретарем партии. Тут ведь что надо понять. Взяв власть, вожди большевиков продолжали руководить собственно партией попутно. То есть Ленин и другие лидеры, имевшие посты в государстве, собирались по мере надобности на Политбюро и решали накопившиеся в партии вопросы. Но партия быстро росла численно и, главное, неимоверно быстро росло количество встающих перед партийными организациями вопросов. Тогда ввели должности секретарей партии, т. е. людей, которые принимали от Политбюро решения, доводили их до партийных организаций, контролировали исполнение.

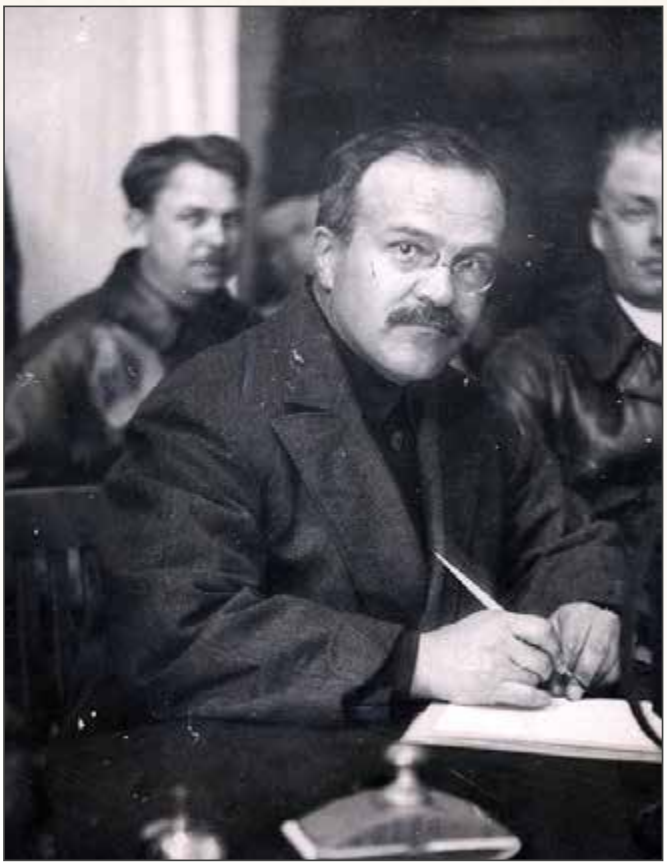
Официально секретариат возглавлял Я. М. Свердлов, но ведь он был главой законодательного органа страны — главой Советской власти. Поэтому фактически партией руководила, как могла, его жена К. Т. Новгородцева, занимавшая должность заведующей Секретариатом ЦК. Фактически на ее должность и поставили Сталина, только назвали эту должность красивее — Генеральным секретарем. Предусматривалось, что Сталин будет организовывать то, что прикажет Политбюро. И только.

Противник и враг СССР и Сталина, занимавший в те годы очень высокие посты в правительстве большевиков, Л. Д. Троцкий так комментировал это назначение:

«Победила, однако, на съезде руководимая Зиновьевым петроградская делегация. Победа далась ей тем легче, что Ленин не принял боя. Он не довел сопротивление кандидатуре Сталина до конца только потому, что пост секретаря в тогдашних условиях имел совершенно подчиненное значение. Своему предупреждению сам он не хотел придавать преувеличенного значения: пока оставалось у власти старое Политбюро, Генеральный секретарь мог быть только подчиненной фигурой».

Ни Троцкому, ни Ленину, наверное, и самому Сталину не приходило в голову, что если партия берется контролировать госаппарат, то в этом случае не технический руководитель госаппарата — глава страны, а технический руководитель партии становится главой страны. Но, правда, все это зависело от человека на этом посту. Ведь предшественники Сталина на этой должности даже приблизительно не имели в стране того веса, который очень быстро начал набирать Сталин. Он стал работать лучше Ленина, Троцкого и других, и, соответственно, все стали именно на него смотреть, как на вождя.

Вдумайтесь. В чем заключалась работа Ленина как руководителя



▲ Молотов В.М.



▲ Свердлов Я.М.



▲ Новгородцева К.Т.



▲ Сталин И.В.

государства? К нему приходили чиновники и спрашивали, как сделать то-то и то-то. Ленин думал и находил решение.

А в чем заключалась работа Сталина как руководителя партии? К нему приходили партийные работники, у которых голова болела по поводу тех же вопросов, что и у чиновников, и спрашивали Сталина, что делать. Сталин думал и находил решение. Но благодаря знанию людей России, неустанному самообразованию и тщательному изучению дел он делал это лучше Ленина.

И в своем «Завещании», в «Письмах к съезду» Ленин в декабре 1922 г. пишет строчку, в которой сквозит недоумение: «Тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть...». Как?

Он же не «сделался», это вы, Политбюро (Ленин, Троцкий и др.), его назначили на должность, занимаемую ранее женой Свердлова. Никакую власть он «не сосредоточивал», всю власть ему дали вы, больше, чем вы ему дали, ему власти просто неоткуда было взять.

Вот эта фраза Ленина свидетельствует, что ни Ленин, ни Троцкий до конца своей жизни так и не поняли, что произошло: почему их секретарь стал иметь власти больше, чем они, занимающие официальные высокие посты в государстве. Будь Сталин таким же краснобаем, как Троцкий, Бухарин или другие, несть им числа, то все было бы, как Троцкий с Лениным и предполагали, но не место красит человека, а человек место. И Сталин его украсил, став через десяток лет признанным вождем страны, не занимая никакого конституционного поста, т. е. никакой официальной должности.

Эту тонкость по сей день мало кто понимает. Все думают, что власть дает должность. Так-то это так. Но вопрос надо рассматривать принципиальнее: власть возникает у того, кому люди подчиняются. Не от должности она возникает, а от подчинения. А из этого следует, что если люди сочтут полезным подчиняться данному человеку, то у него появится власть и без должности. Сталин — яркий пример этого. Он только исполнял решения Политбюро, на котором, повторим, председательствовали официальные главы Правительства СССР: А. И. Рыков, а потом В. М. Молотов. Но последние вождями страны не стали, а Сталин — стал.

Короче: работать надо, как Сталин, и народ к вам потянется...

Впоследствии мифы создавались и под руководством Сталина. Одним из таких его мифов, свидетельствующим о его собственной глубокой порядочности и благородстве, является миф о том, что Сталин был учеником Ленина. На самом же деле Сталин своими знаниями и умом превосходил Ленина, поскольку, благодаря уму и опыту, предвидел события гораздо точнее, нежели Ленин.

Кое-что понять можно только сейчас, после развала СССР, скажем, стремление Сталина, в противо-



▲ Советско-польская война 1920 года

вес Ленину, создать СССР не союзным, а федеративным государством. Ко времени написания первой Конституции СССР, Ленин заболел и комиссию возглавил Сталин, который проигнорировал его требование создать Союз совершенно открытым, с полным суверенитетом всех народностей. В связи с этим Ленин даже хотел его назвать «Союз советских республик Европы и Азии». Когда же Ленин увидел, что Россия федеративна, а СССР имеет сильное центральное правительство, то в день принятия 1-м Съездом Советов СССР Договора об образовании СССР написал записку с извинениями «рабочему классу», с обвинениями Сталину:

«Грузин... который сам является держимордой», — и с пророчествами о будущем центрального правительства СССР, в котором «ничтожный процент советских и советизированных рабочих будет тонуть в море великорусской шовинистической швали».

В 1991 г. мы увидели, как эта «великорусская шваль» (Горбачев, Яковлев, Ельцин) под радостные вопли «советизированных рабочих» в Верховном Совете РСФСР, с поддержкой «советских рабочих» Кузбасса разорвала СССР и предала дело самого Ленина.

А кое-что было видно и тогда. Например, Сталин был, пожалуй, единственным, кто в 1920 г. страстно протестовал против ввода Красной Армии в Польшу. Зная народ не из книжек, он был уверен, что никакой революции в Польше не будет, никто войска Красной Армии там не поддержит, и они бесславно погибнут. Он предлагал наступать только до линии Керзона, разделявшей собственно поляков, с одной стороны, и украинцев с белорусами — с другой.

Но Ленин, базировавшийся в своих размышлениях все же на книжных знаниях и «теории» Маркса, поверил брехливым реляциям «полководцев» Троцкого и Тухачевского (и это несмотря на то, что Сталин решился на отчаянный шаг: опубликовал свое предупреждение в «Правде»). Войска Красной Армии вошли в Польшу и потерпели под Варшавой позорное поражение, Ленин вынужден был признать свою вину, но Сталин впоследствии этот эпизод своего предвидения из истории изъял, чтобы не компрометировать Ленина.

Взяв власть, большевики все оказались в одной лодке — поражение всем им грозило смертью. Тем не менее, даже по этому соображению они разделились на два идейных направления.

Первое возглавлял Лев Давидович Троцкий, кстати, примкнувший к большевикам лишь в 1917 г., накануне взятия ими власти. Это был правоверный марксист, свято убежденный, что в одной стране, согласно «теории Маркса», социализм построить невозможно. Поэтому он Россию рассматривал лишь как «вязанку хвороста» в огне мирового революционного пожара. Сколько при этом погибнет русских, его не волновало — у него голова болела о пролетариате всего мира. Россия была им обречена на жертву.

Второе идейное направление возглавлял Ленин. Он умозрительно, силой своего ума пришел к отрицанию положения Маркса о всемирности социалистической революции, он обосновал возможность победы социализма в одной стране. Но, оторванный от реального народа России, он сам себе не вполне верил. В откровенном интервью, данном писателю А. М. Горькому, он выска-

зал явное неверие в то, что большевики смогут удержать власть в России в окружении враждебных капиталистических стран.

К Ленину очень близко примыкал Сталин, но этот исконно русский человек (хотя и грузинского происхождения) ни в коей мере не собирался отдавать Россию на заклание, ни за какие пролетарские коврижки. Он тоже был марксист, он тоже стремился помочь пролетариату во всем мире и помогал, если мог, но, ни в коем случае не собирался этого делать за счет судьбы народов СССР. Сталин знал и недостатки, и достоинства русского народа и действительно был уверен в возможности устройства в России государства справедливости.

Подобные идейные разногласия сохранялись в виде бескровной политической борьбы до начала 30-х и закончились сокрушительной победой идей Ленина-Сталина. Но с началом 30-х годов терпящие поражение троцкисты (и все примкнувшие к ним) решились на подготовку вооруженного мятежа. Сторонники Сталина тогда этот мятеж подавили в зародыше.

Но сказать, что в это время шла борьба только из-за толкования марксизма, нельзя. Огромное влияние на эту борьбу накладывали личные качества вождей.

Ленин был чистым фанатиком марксизма, которому ничего, кроме победы пролетариата (победы его ленинских идей), не было нужно. Ленин был абсолютно безразличен к еде, одежде и к развлечениям, и его вообще-то хорошо характеризует вот такая записка:

«23 мая 1918 г.

Управляющему делами Совета Народных Комиссаров

Владимиру Дмитриевичу Бонч-Бруевичу

Ввиду невыполнения Вами настоятельного моего требования указать мне основания для повышения мне жалования с 1 марта 1918 г. с 500 до 800 руб. в месяц и ввиду явной беззаконности этого повышения, произведенного Вами самочинно по соглашению с секретарем Совета Николаем Петровичем Горбуновым в прямое нарушение декрета Совета Народных Комиссаров от 23 ноября 1917 г., объявляю Вам строгий выговор.

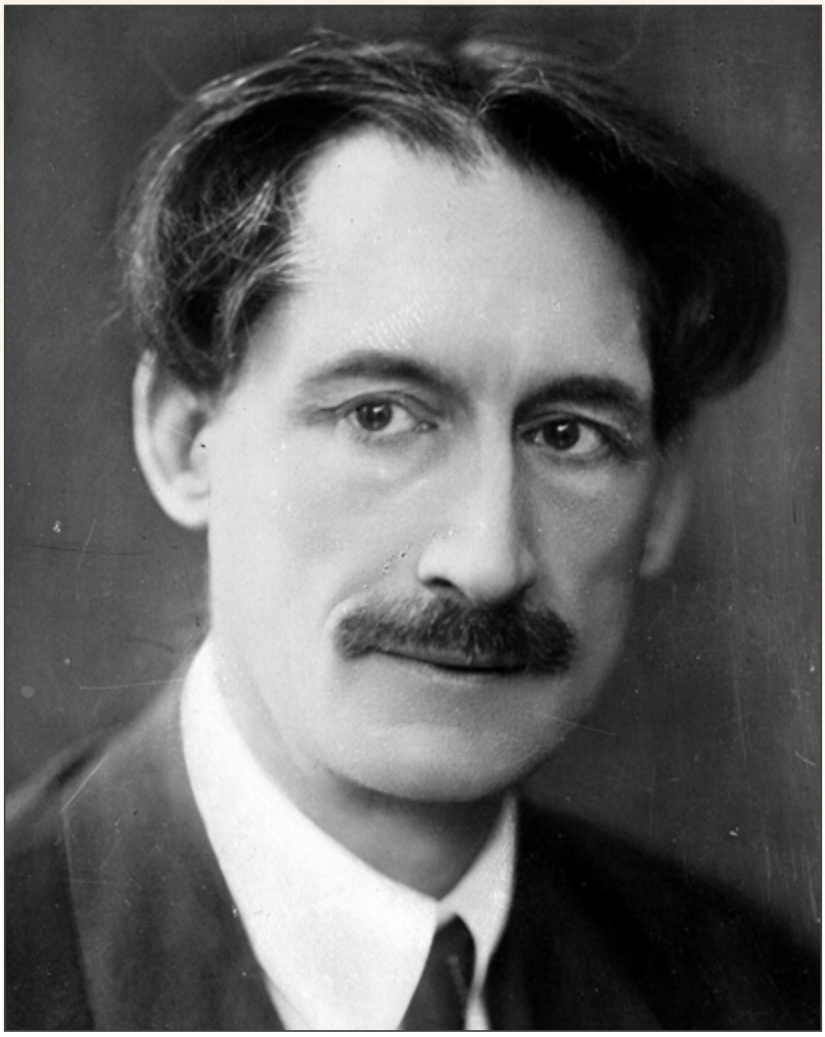
Председатель Совета Народных Комиссаров

В. Ульянов (Ленин)»

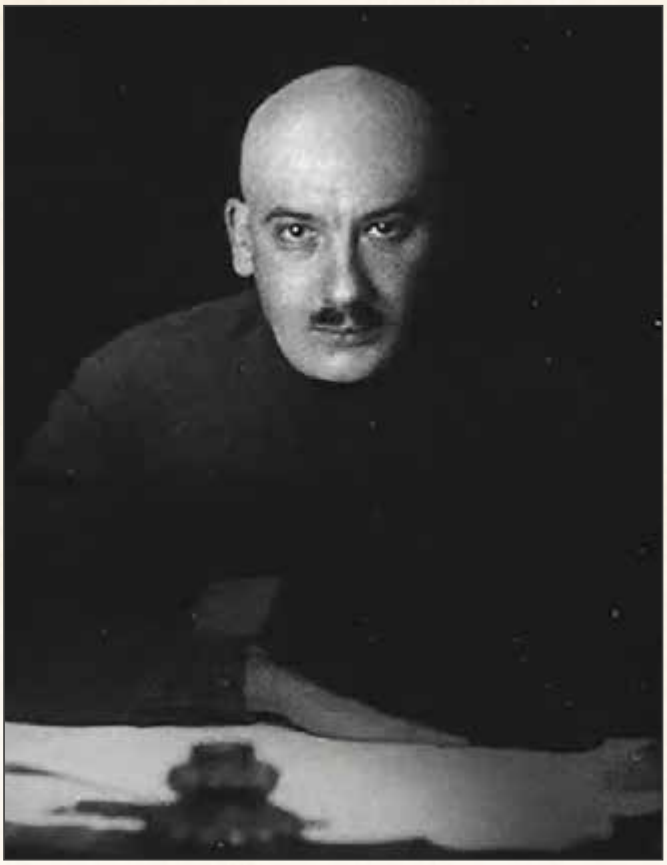
Сталин был похож на Ленина, но его фанатизм распространялся не на Маркса, а на конкретный советский народ — Сталин фанатически служил ему. Он не был аскетом, но ему просто ничего лишнего не было нужно. Очень долгое время он с семьей жил чрезвычайно скромно, и жене его не всегда хватало денег даже на такую жизнь. У них не было поваров; когда после смерти жены Сталину готовила обед домработница, то обед состоял из щей на первое, каши с отварным мясом из щей на второе и компота на десерт. Либо ему обед приносили из столовой полка, охранявшего Кремль. Из сохранившейся переписки того времени видно, с какой радостью дети Сталина воспринимали посылки с фруктами, которые отец им высылал, когда отдыхал и лечился на Кавказе.

Анри Барбюс так описывает жилье и быт Сталина в начале 30-х годов.

«Тут в Кремле, напоминающем выставку церквей и дворцов, у подножия одного из этих дворцов стоит маленький трехэтажный домик.



▲ Анри Барбюс



▲ Ягода Г.Г.



▲ Склярский Э.М.

Домик этот (вы не заметили бы его, если бы вам не показали) был раньше служебным помещением при дворце; в нем жил какой-нибудь царский слуга.

Поднимаемся по лестнице. На окнах — белые полотняные занавески. Это три окна квартиры Сталина. В крохотной передней бросается в глаза длинная солдатская шинель, над ней висит фуражка. Три комнаты и столовая обставлены просто, как в приличной, но скромной гостинице. Столовая имеет овальную форму; сюда подается обед — из кремлевской кухни или домашний, приготовленный кухаркой. В капиталистической стране ни такой квартирой, ни таким меню не удовлетворился бы средний служащий. Тут же играет маленький мальчик. Старший сын Яша спит в столовой, — ему стелют на диване; младший — в крохотной комнатке, вроде ниши.

Покончив с едой, человек курит трубку в кресле у окна. Одет он всегда одинаково. Военная форма? — это не совсем так. Скорее намек на форму — нечто такое, что еще проще, чем одежда рядового солдата: наглухо застегнутая куртка и шаровары защитного цвета, сапоги. Думаешь, припоминаешь... Нет, вы никогда не видели его одетым по-другому — только летом он ходит в белом полотняном костюме. В месяц он зарабатывает несколько сот рублей — скромный максимум партийного работника (полторы-две тысячи франков на французские деньги).»

По воспоминаниям начальника его охраны на 1927 г. дача Сталина не имела ни удобств, ни прислуги, и он с семьей приезжал туда на выходные с приготовленными дома бутербродами. Со временем его быт был усовершенствован, что было вызвано скорее необходимостью приема иностранных гостей, но его безразличие к быту сохранилось: он не имел практически никаких личных вещей, даже лишней пары обуви или какой-то одежды. Единственным его богатством была огромная библиотека (обычная норма чтения Сталиным литературы была около 300 страниц в день).

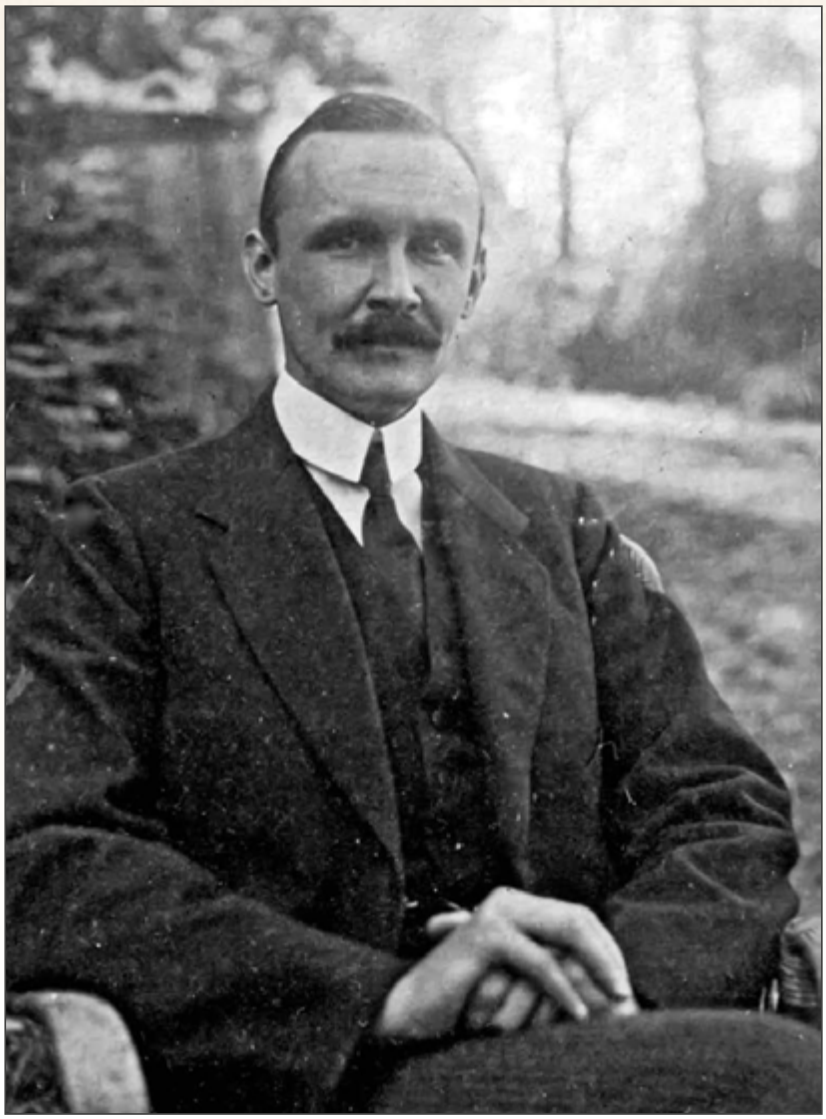
При таком вожде и его соратники подбирались соответственно, особенно тогда, когда он в идейной борьбе с Троцким не имел еще подавляющего преимущества.

Прямой противоположностью Сталину в этом вопросе был Троцкий. Этому требовались результаты победы в материальном виде. Если ездить — то в поезде царя, если жить — то во дворце, если есть — то только еду личного повара, если проститутки — то только высшего света. Взял власть — гуляй всласть! Правда, сам Троцкий называл это скромно «заботой о товарищах». Само собой, что благодаря этой «заботе» среди товарищей Троцкого и его идейных союзников никогда не переводились мерзавцы.

Такие вот сравнения. Нет ни единого намека, что Сталин или Молотов, или Каганович хоть раз в жизни провели вечер в ресторане. А вот, скажем, сторонник Троцкого Г. Ягода, фактически возглавлявший органы госбезопасности страны (ОГПУ), в честь десятилетия своей организации снял в Москве все самые дорогие рестораны. У этого павиана, кстати, при обыске кроме обилия барахла была найдена и огромная коллекция крайне дефицитной тогда во всем мире порнографии. Это к вопросу, куда он направлял деньги, выделяемые на разведку.

Причем, не надо этому вопросу придавать сугубо еврейский оттенок на основании того, что Троцкий, дескать, был еврей. Русское «благородное сословие» — дворянство в вопросах подлости могло евреям и фору дать.

Князь С. Е. Трубецкой — заместитель главы боевой антисоветской организации в Москве — был пойман, долго сидел под следствием, приговорен к смерти, помилован, выпущен и, в конце концов, выслан за границу, где он написал воспоминания о временах Гражданской войны «Минувшее», интересные тем, что писал их органический антисоветчик. Тем не менее, у него масса различных примеров о поведении русского дворянства после революции. Вот он, скрыв фамилии, чтобы не позорить семьи, описывает судьбу сидевших с ним под следствием трех дворян.



▲ Трубецкой С.Е.

«Все трое были офицеры. К. — армейский кавалерист, восточного происхождения. После революции К. добровольно пошел в Красную армию — не из принципа, конечно, а прельстившись должностью полкового командира (он был, кажется, поручиком). Г. и Н. Н. тоже «устроились» у большевиков оба на должностях военных следователей. И вот тут-то началось «дело». Г. и Н. Н. оба знали, что К. женат на дочери богатого польского промышленника, и в их головах созрел план действия. Безо всякого реального основания они создали против К. «дело», обвиняя его в «контрреволюции», в чем К. был совершенно невинен. После его ареста они, как бы по дружбе, обратились к жене К., говоря, что последний неминуемо будет расстрелян, если вовремя не подкупить кого следует, но для этого требуются значительные суммы, и в иностранной валюте... Шантажируя жену К., Г. и Н. Н. все время разыгрывали перед ней роль верных друзей ее мужа, идущих на большой личный риск, чтобы его вызволить. Обоим мерзавцам удалось таким образом присвоить драгоценности жены К., которая им их передала, и обязательства на крупные суммы, под гарантией польских имуществ. Г. и Н. Н. хотелось уже ликвидировать инсценированное ими же самими дело против К., выпустить его на волю и пожать плоды своей изобретательности. Но тут что-то сорвалось... Не знаю точно, в чем дело: вероятно, Г. и Н. Н. не поделились с кем следовало. Так или иначе, они сами и жена К. были арестованы. Вся махинация выяснилась, и военный трибунал приговорил обоих следователей к расстрелу.

Забегая вперед, скажем, что Г. и Н. Н. были расстреляны, К. — по суду оправдан, а жена его «за попытку подкупа» была приговорена к нескольким годам заключения (кажется, к пяти). Когда К. вышел на волю, жена его уже сидела в тюрьме».

В данной ситуации можно расценить, что тут большевики поступили исключительно благородно. Князь Трубецкой (который не каялся и не скрывал своей ненависти к большевикам, за что и был ими выслан в Германию) вспоминает еще один характерный случай.

«Только потом я понял, что переживал Виноградский, когда, сидя с ним в камере, я безо всякой задней мысли рассказал ему следующий случай. Один арестованный ЧК офицер, чтобы спасти свою жизнь, предал своих товарищей. Те были расстреляны, но, та же судьба постигла и самого предателя. «Больше он нам полезен быть не может, а куда нам девать таких подлецов?» — сказал о нем видный чекист, кажется, Петерс (тогда я точно помнил его имя и имя расстрелянного предателя и назвал их обоих Виноградскому). Я ясно видел, как взволновал его этот рассказ, как он изменился в лице и с каким чувством повторял: «Какие мерзавцы, какие безродные мерзавцы!»

Чтобы вы поняли, почему этот Виноградский возмущался большевиками, следует сказать, что дворянин Виноградский уже предал самого Трубецкого, который узнал об этом несколько позже. (Хотя посудите сами, куда действительно большевики должны были девать алчных подонков и негодяев, о которых выше упомянул Трубецкой?) Но вернемся к вопросам материального обеспечения сталинцев и троцкистов.

В архиве расстрелянного в 1938 г. «любимца партии» Н. И. Бухарина, который после революции был главным редактором главной газеты большевиков «Правды», было найдено такое вот неопубликованное письмо в газету, которое дается с некоторым сокращением для иллюстрации нравов окружения Троцкого, поскольку все упомянутые в письме деятели именно из его окружения.

«ЦЕНТРАЛЬНОМУ КОМИТЕТУ Р. К. П.

Копия: т. Ленину,

Московскому Комитету,

Редакции «Правда», всем Райкомам,

Петроградскому Губкому

Уважаемые товарищи!

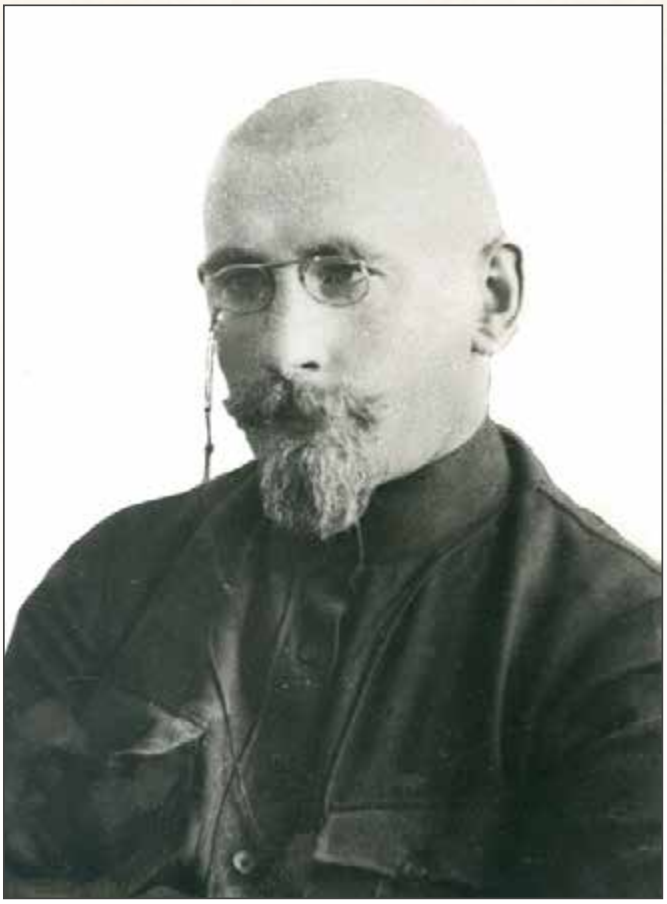
Я, раненый красный командир, немного подлечился и на днях снова уезжаю на южный фронт. Прожив в Москве 3 месяца, я видел то, о чем никогда и не догадывался.

Видел разврат среди наших ответственных работников-коммунистов и видел поощрения, творимого ими произвола со стороны ЦЕКА. Видел, как мещанство делается преобладающим элементом в жизни семейных коммунистов.

Вот характерный пример бессилия ЦЕКА против разыгравшихся аппетитов отдельных своих членов.



▲ Чернов М.А.



▲ Смилга И.Т.

Находясь в Москве, я состоял в резерве Московского Окружного Штаба и жил на квартире у рабочего завода «Мотор», своего старого товарища. Там же жил сотрудник, один из близко стоящих к Окрвоенкому Бурдукову. И вот из разговоров с ним и после проверки у ответственного товарища я выяснил следующее.

Рабочие завода «Мотор» взяли себе для коллективной обработки одно имение с хорошим дворцом, в котором они думали устроить колонию для своих детей. Но на их беду, это же имение понравилось Коменданту гор. Москвы «коммунисту» Ганшину, «коммунисту» Бурдукову и «коммунисту» Люблину, и они стали отнимать у рабочих имение, которое те не отдавали — дело перешло в Совнарком и... Рабоче-крестьянская власть, отняв имение у рабочих (которые по своей сознательности не протестовали с оружием в руках, что, по моему мнению, они должны были бы сделать), передала его нескольким «зубрам от революции», которые, как например Бурдуков, и в Москве занимают особняки.

И вот эти самые рабочие завода «Мотор» могли наблюдать каждое утро и вечер, как взад и вперед ездили на автомобилях упомянутые «товарищи» со своими «чадами и домочадцами». Прекрасная агитационная картина, не правда ли!? Это ли не бессилие партии, это ли не пример того, что «рука руку моет».

Еще один пример, как работают коммунисты и как устраиваются некоторые спецы и какое они имеют влияние на всю работу Республики.

Упомянутый Бурдуков, которым я очень заинтересовался и которого видел несколько раз лично и особенно часто беседовал с его секретарем и с живущим вместе со мною сотрудником, представляет из себя типичного тупоголового мещанина с брюшком, с семьей, со штатом лакеев и вестовых. Ничего сам лично не делает, кроме пристраивания друзей своих друзей, родственников своих родственников, знакомых знакомых своих, знакомых и знакомых сильных мира сего по разным запискам. В Командном отделе Штаба я сам слышал, получая жалованье, как бывшие офицеры говорили, что если имеешь знакомого друга Бурдукова, то можешь пристроиться, куда хочешь, а всеми делами правит бывший генерал, Начальник Военной Части Штаба Новиков. Он решает все вопросы даже политического характера — назначение и смещение коммунистов совершается по его указаниям, чего Бурдуков, упоенный его сладкими речами, не замечает. В общем, Новиков в Окрвоенкоме — всё...

А как живет этот спец! Бурдуков дал ему автомобиль исключительно для езды на дачу, и каждый день можно наблюдать трогательную картину: бывший генерал Новиков со своими друзьями и генеральшей около подъезда Штаба на глазах красноармейцев и коммунистов Окрвоенкома садятся в машину и едут на дачу, да еще на какую дачу-то! У Новикова есть секретарь, бывший помещик и домовладелец, у которого имение и дом были национализированы, так Бурдуков выхлопотал то, что имение и дом секретаря передали Новикову, где он и хозяйничает. Какой трогательный союз генерала, помещика и коммуниста! В какое царство коммунизма они зашли? Сотрудниками в Окрвоенком принимают только протеже Новикова, т. е. таких же скрытых белогвардейцев, как он сам.

Все вышеизложенное подтвердят члены фракции Р. К. П. Окружного Комиссариата, которые так терроризованы репрессиями, применяемыми ко всем, поднимающим голоса протеста, что молчат.

...Мне сказали, что Ильич ответил одному товарищу, рассказывавшему о положении, что «еще не слышно голоса организованного пролетариата».

Дорогой Владимир Ильич, хоть ты и очень чуток, но смотри, не ошибись. Не будет ли слишком поздно, когда услышим голос организованного пролетариата. Ведь если раздастся этот голос, то это будет голос свинца и железа. Я всю старую войну и всю гражданскую был на фронте, командовал батальоном и полком, имею очень много товарищей, как на фронте, так и в Москве. Мне, как Антону Власову — рабочему, масса верит, и я, как кровно заинтересованный (а не как интеллигент) в сохранении завоеваний Революции, говорю: да, будет поздно, ибо в сердце у каждого сознательного товарища фронтовика, привыкшего на фронте к почти полному равенству, отвыкшего от холопства, разврата и роскоши, чем окружают себя наши самые лучшие партийные товарищи, кипит ненависть и негодование, когда он, раненый, бредет с одного конца города в другой, в то время как жены склянских, бурдуковых, каменевых, стекловых, аванесовых, тарату-ти и прочей ниже и вышестоящей «коммунистической» публики едут на дачи в трехаршинных, с перьями райских птиц шляпах, едут в разные «Архангельские», «Тарасовки» и прочие, отнятые рабочим классом у буржуазии особняки и дворцы, и мимо которых этим же рабочим не дают пройти, уж не говоря о пользовании, как хотели сделать товарищи с завода «Мотор». Рабочие запачкают дворец — лучше отдать его Ганшину, Бурдукову или наркомам, как «Тарасовку», которую зовут теперь «Царским Селом», и правильно — смотрите, как живут там наркомы. Один Тарату-ти занимает 12 комнат и его охраняют 4 милиционера. Чем хуже министра старых времен! И это представители Коммунистической партии, представители Интернационала — позор! И что всего позорней — Комитеты Партии Цека и Московский знают это и бессильны что-либо сделать.

А вы, сидящие в Кремле! Думаете, масса не знает ваших дел — все знает. Каждый день тысячами уст разносится, как ведут себя стекловы, крыленки, ездящие в ав-

томобилях на охоту, и жены склянских и троцких, рядящиеся в шелка и бриллианты.

Вы думаете, масса этим не возмущается, разве нам не все равно, кто занимается бонапартизмом — Керенский или Рыков с Троцким. Вы думаете, что мы не знаем, что как какой-нибудь товарищ поднял голос, так его ссылают на окраину. Вы думаете, мы не знаем, что большинство ответственных должностей занимаются бездарностями, по знакомству. Смотрите в Главполитпуть — ведь там Розенгольц, этот научившийся кричать и командовать торговец, разогнал всех лучших товарищей. А Склянский — ведь это ничтожество в квадрате! А жены Каменева, Троцкого, Луначарского — ведь это карикатуры на общественных работниц; они только мешают работе, а их держат, потому что их мужья имеют силу и власть.

...Я от имени всех фронтовиков, куда я сейчас еду и которым откровенно расскажу о вашей работе, обращаюсь в Центральный Комитет Р.К.П. как к руководящему органу, к тебе, дорогой товарищ Ленин, к тебе, единственно настоящему революционеру — спартанцу по жизни — подумай, помоги, одерни, кого следует, не справишься сам — нам скажи — поможем. Скорей, пока не поздно, скоро зима, армия разута, раздета, побежит — восставать будет.

Спеши, Ильич!

Обращаюсь в Московский Комитет как к местной организации. Товарищи! Поднимите ваш голос, скажите свое веское слово, ведь вам видно больше, чем из Кремля. Обращаюсь ко всем Районным Комитетам Партии города Москвы и ко всем Губернским Комитетам:

товарищи, пока не поздно, действуйте, добивайтесь восстановления попранных завоеваний Революции!

С коммунистическим приветом, Красный Командир, рабочий-металлист

Антон ВЛАСОВ, сентябрь 1920 г.»

Письмо это не было опубликовано — уже тогда ушлые «партийцы» знали, что публиковать, а что — нет.

Надо сказать, что Сталин, один из старейших членов Политбюро ВКП(б) — высшего органа партии, состоявшего из 5-6 человек, — до середины гражданской войны вообще не имел в Москве даже комнаты; в свои возвращения в Москву с фронта он жил у знакомых или в гостинице. Никогда ни Сталин, ни его соратники не лечились и не отдыхали за границей. Но будущие «жертвы сталинизма» предпочитали лечиться только на заграничных курортах. К примеру, Н. Крестинский, выехав в 1922 г. за границу расширять воздушные проходы в носу, несколько месяцев провел на немецких курортах и на рижском взморье, привезя чемоданы барахла и разом израсходовав всю сумму, планировавшуюся на десятки действительно больных революционеров. В том же году за границу ездил и И. Смилга, тоже в будущем «жертва сталинизма». Вернувшись, не смог отчитаться о 2000 рублях золотом, поэтому написал просто: «не экономил на еде».

В этом плане интересна стенограмма судебного заседания по делу так называемого «правотроцкистского блока», проходившего 2-12 марта 1938 г. Из допросов подсудимых (и на это не обращается никакого внимания) следует, что они, сторонники Троцкого, практически все, включая личных врачей, свои отпуска проводили за границей, естественно, за государственный счет. Это, кстати, интересный момент, который показывает, как и с помощью чего противники Сталина вербовали себе сторонников.

Один из подсудимых М. А. Чернов работал в наркомате торговли Украины. Летом 1928 г. его по служебным делам вызывает находящийся на отдыхе в Крыму нарком внешней торговли СССР, в те годы соратник Сталина А. И. Микоян. Заметьте: нарком СССР отдыхает всего лишь в Крыму. Здесь Чернову посчастливилось встретиться с тогдашним главой СССР — А. И. Рыковым. А. И. Рыков, который также был подсудимым на упомянутом процессе, в перекрестном допросе с Черновым по этой встрече показывал: «Я с Черновым виделся и старался убедить его в правильности моей тогдашней контрреволюционной деятельности, собирался сделать его своим сторонником, но нашел готового сторонника в лице Чернова». Материальный результат вербовки лично для Чернова был практически немедленным: его тут же переводят на работу в Москву и почти сразу направляют «на лечение» в Германию за государственный счет и валюту. Заметьте, это сразу после 1927 г., когда в СССР был голод, а единственным источником валюты был экспорт зерна. И, тем не менее, валюта для Чернова немедленно нашлась. Но ему мало, и он сообщает: «Я позвонил секретарю Рыкова Нестерову о том, что я еду за границу и мне по валютным делам, по вопросу повышения валюты, нужно поговорить с Рыковым...» Глава СССР нахала, но уже своего сторонника, естественно, принимает, дает валюту и задание антисталинского толка. То есть быть антисталинистом было материально очень выгодно даже тогда, когда Троцкий был выслан за границу.

Вот это тот аспект — материальная заинтересованность в антисталинизме, на который историки не обращают внимания, а его вес гораздо более значителен, чем вся идейная «марксистская» борьба. ■

П.Н. МИЛЮКОВ

СЪЕЗД СОВЕТОВ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО



▲ 1 Съезд Советов

Первый всероссийский съезд советов заседал в Петрограде, в Таврическом дворце, в течение почти всего июня (3-27). Естественно, он и сделался центром всех политических событий столицы. Он представлял 358 советов, армию, флот и тыловые учреждения, несколько крестьянских организаций и отдельных социалистических групп. Преобладающее большинство на съезде принадлежало двум главным социалистическим партиям России: 285 социалистов-революционеров и 248 социал-демократов меньшевиков — партия с доминирующей идеологией. С. — д. большевиков было всего 105, но они были зажигательным элементом съезда. Около сотни членов представляли отдельные социалистические кружки — более умеренных воззрений и один член гордился провоцирующей кличкой «анархиста-коммуниста». Многие члены съезда приехали из провинции, и общее настроение съезда вначале было довольно умеренное. Люди приехали «работать»: их стесняли раскаленные струи, врывавшиеся с улицы. Уже 6 июня обе главные партии большинством 543 против 126, при 52 воздержавшихся, одобрили решение исполнительного комитета принять участие во власти в коалиции с буржуазией. А 8 июня резолюция съезда признала ответственными перед советами одних «министров-социалистов», на том

П.Н. МИЛЮКОВ (1859-1943), русский политический деятель, историк, публицист. В годы I мировой войны апологет империалистической политики царизма. В 1917 году министр иностранных дел буржуазного Временного правительства первого состава (до 2 (15) мая). После победы Октябрьской революции 1917 года сотрудничал с белогвардейцами и интервентами. С 1920 года в эмиграции. В годы II мировой войны выступал против сотрудничества русской эмиграции с нацистами, приветствовал успехи Красной Армии.

основании, что «переход всей власти к советам в переживаемый период русской революции значительно ослабил бы ее силу, преждевременно оттолкнув от нее элементы, еще способные ей служить». Это была строго марксистская позиция Церетели. Но эта линия, очевидно условленная между коалиционистами, немедленно вызвала резкую реакцию против нового состава Временного правительства со стороны более левых течений. Большевики внесли проект резолюции, по которой «социалистические министры прикрывают, посредством ни к чему не обязывающих обещаний, ту же самую империалистическую и буржуазную политику» и тормозят развертывание революционных конфликтов. Меньшевики-интернационалисты заявляли в своем проекте резолюции, что новый состав Временного правительства не является «действительным органом революции». Обе резолюции были отвергнуты съездом, но уже в своей объединенной резолюции главные партии вставили требования, чтобы правительство действовало «решительнее и последовательнее», и приняли «демократическую» формулу мира».

Но в итоге получались слишком явные противоречия. Предлагалось, например, «проводить дальнейшую демократизацию армии — и укреплять ее боеспособность», или согласовать «требования организованных трудящихся масс» «с жизненными интересами подорванного войной народного хозяйства», — противоречие, от которого ушел Коновалов. Словом, при обострившемся отношении к коалиции, компромиссы, очевидно, более не удавались. И съезд решил заменить частичные противоречия — одним общим. Он тут же постановил, — продолжая поддерживать Временное правительство, — создать в то же время «для более успешного и решительного проведения в жизнь указанной платформы, для полного объединения сил демократии и вы-



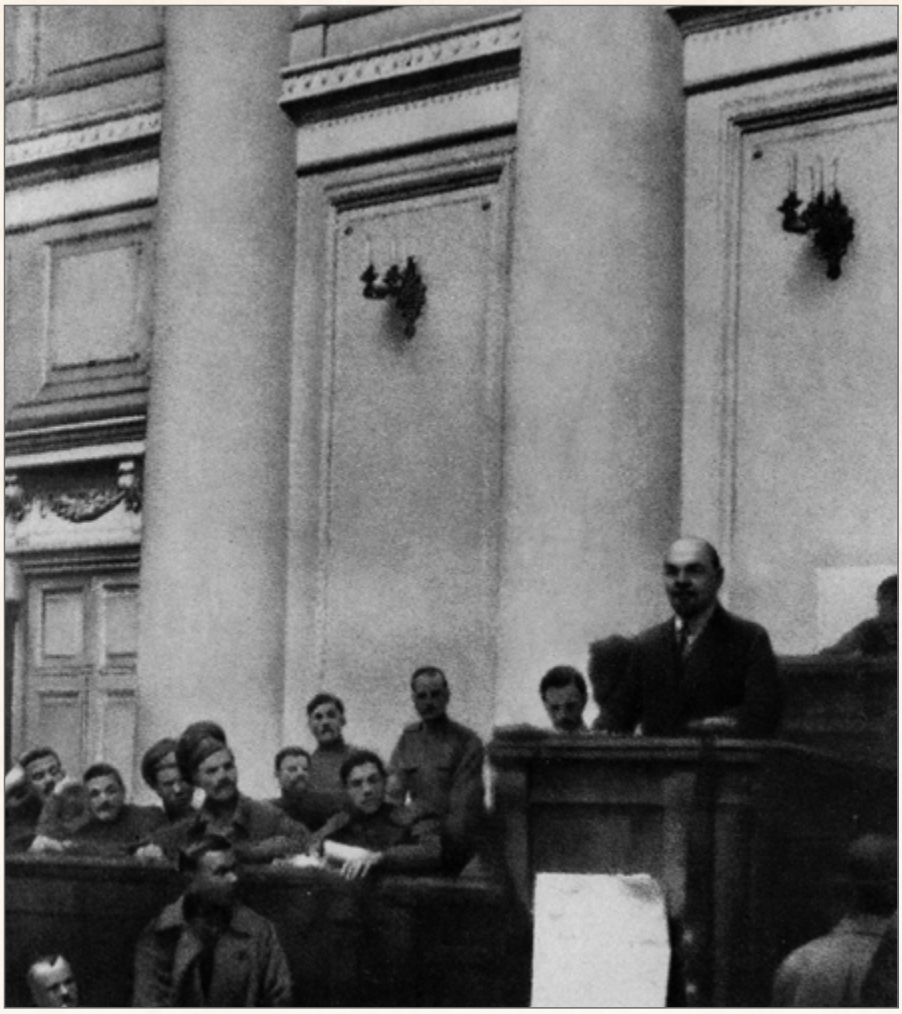
▲ Петроград апрель 1917 г.

явления ее воли во всех областях государственной жизни», «единый полномочный представительный орган всей организованной демократии России» из представителей съездов р. и к. депутатов.

Перед этим органом министры-социалисты должны были быть ответственны за «всю внешнюю и внутреннюю политику Временного правительства», и энергичная поддержка этого правительства мыслилась через Совет, около которого (а не около правительства) должна была «еще теснее сплотиться вся революционная демократия России». «Указанная» платформа была, — вероятно, та, которая условлена с Временным правительством; но если даже тут разумеется первоначальный текст требований социалистов, то разница не велика, особенно после подчеркиваний, что речь идет о «дальнейших», «решительных» шагах, т. е. о развертывании смягченных требований и о раскрытии конфликтных положений 8 июня. Как бы то ни было, здесь, очевидно, создавался вполне независимый социалистический отдел коалиции, — самостоятельное социалистическое правительство.

Но к такому органу уже не подходил подобранный Церетели состав. Честный Церетели подобрал для коалиции умеренных социалистов, а в Петрограде уже говорила улица. В своих отчетах и докладах перед столичной аудиторией «министры-социалисты» заговорили на съезде... «по-кадетски»! Члены съезда должны были выслушать и одобрить ряд разумных речей.

Церетели с Черновым доказывали тут милюковские тезисы, что нельзя собирать теперь же международную конференцию для пересмотра целей войны, ибо западная демократия не подготовлена, а союзные правительства нельзя принудить «ультиматумами» стать на точку зрения Циммервальда и Кинталя. По поводу войны Церетели заговорил, что необходимо сохранять боеспособность армии и что в какой-то момент, составляющий военную тайну, может понадобиться даже



▲ Ленин апрель 1917 Таврический дворец

перейти в наступление! Керенский обличал германские влияния в попытках устраивать братания солдат на фронте. Скобелев и Чернов указывали на невозможность для государства взять на себя организацию производства. Чернов доказывал нелепость решения национальных вопросов путем возбуждения сепаратизмов и утверждал, что создавать классовую власть — значит расчищать путь генералу на белой лошади. Скобелев утверждал, что революционный способ принудительного займа неосуществим, так как «заем свободы» пополняется из избытков дохода имущих классов.

Пешехонов утверждал, что увеличение заработной платы не достигает цели, так как вместе с тем растут и цены продуктов; для поднятия производительности есть один путь — усиленный труд, а отобрание доходов у капиталистов есть разрушение самого капитала.

«Кадетствующий съезд»!? Большевики немедленно разнесли слух об этом по рабочим предместьям. На Выборгской стороне, за Нарвской заставой, на Путиловском заводе, заговорили, что Церетели подкуплен Терещенкой, что он получил от него десять миллионов. А Керенский? Керенский собрал под Петроградом 40.000 казаков. И сам съезд как бы поддакивал. «Мы знаем, что контрреволюционеры жадно ждут минуты, когда междоусобица в рядах революционной демократии даст им возможность раздавить революцию». И Керенский должен был самолично явиться на съезд, чтобы опровергнуть слухи.



▲ Львов и Алексеев

Не прошло недели со дня открытия съезда, как стало известно, что на съезд готовится вооруженное нападение улицы. 9 июня все социалистические газеты вышли с тревожными статьями, осуждавшими «анархию», расшатывающую завоевания революции. Вечером председательствовавший на съезде Чхеидзе сообщил членам, что на завтра готовятся большие демонстрации: «если съездом не будут приняты соответствующие меры, то завтрашний день будет роковым». Съезд без прений принял воззвание к рабочим и солдатам, сообщая им, что «без ведома всероссийского съезда, без ведома крестьянских депутатов и всех социалистических организаций партия большевиков звала их на улицу» «для предъявления требования низвержения Временного правительства, поддержку которого съезд только что признал необходимой». Мотивировка показывала, что съезд не вполне понимал, что готовилось. Удар направлялся против него самого — и не со стороны мнимых, для того времени, «контрреволюционеров», как полагалось по революционной терминологии. Во всяком случае, запрещение съезда состоялось: «ни одной роты, ни одного полка, ни одной группы рабочих не должно быть на улице». На три дня, 11-13 июня, всякие собрания и шествия запрещались, и нарушители объявлялись «врагами революции».

Приняв решение, члены съезда разъехались по рабочим кварталам, чтобы узнать, в чем дело. На раннее утро 10 июня назначено было в Таврическом дворце экстренное заседание, куда члены съезда привезли результаты своего объезда. Они нащупали два организационных центра предполагавшейся демонстрации: пресловутую дачу Дурново и казармы Измайловского полка.

Дача Дурново служила притоном темных людей, имевших основание бояться суда и полиции и прикрывшихся партийной кличкой «анархистов-коммунистов». Там заседали 123 делегата фабрик и заводов, обсуждавших выступление против Временного правительства и съезда. В казармах Измайловского полка митинговали до 2.000 солдат на ту же двойную тему. Но солдатская секция съезда уже успела отвергнуть это предложение. Большевики, конечно, были и тут, и там, но только с пропагандистскими целями.

О выступлении для себя они еще не могли думать. И настроение было не большевистское, а анархистское, направленное против съезда. Депутатов съезда не хотели пускать в помещения и разговаривать с ними. Их осыпали презрительной бранью. «Съезд есть сборище людей, подкупленных помещиками и буржуазией». «Съезд продался буржуазии, держит равнение на министров, а министры — на кн. Львова, а кн. Львов — на сэра Джорджа Бьюкенена». «А скоро ли вы, господа империалисты, с вашим кадетствующим съездом, перестанете воевать?» В воинских частях настроения были не лучше. Прапорщик Семашко, намеченный солдатами-большевиками в командиры полка, заявил делегатам, что солдаты не знают съезда, а знают ЦК партии с. — д. (большевиков). «Министры-социалисты стали такими же буржуями и идут против народа». «Если даже большевики отменят демонстрацию, то, все равно, через несколько дней мы выйдем на улицу и разгромим буржуазию». В одном полку делегатов даже хотели арестовать и заявляли, что всех их надо перевешать. В другом полку им грозили кулачной расправой. Еще в одном полку солдаты заявляли, что идут «резать буржуазию». А рабочие говорили, что теперь следует произносить с.-р.-овский лозунг не «в борьбе обретешь ты право свое», а «в грабеже обретешь ты право свое». Так формулировались лозунги подонков революции, пытавшихся организовать уличное выступление 10 июня. Утром же большевистская «Правда» формально его отменила.

Демонстрация 10 июня была сорвана без уличных столкновений, — но какой ценой потери авторитета высшего социалистического органа

и стоявшей за ним группы! Демонстрантов не приходилось трактовать, как бунтовщиков. Войска не пошли на этот раз с ними, но они насчитывали 17 военных единиц в столице, которые им сочувствовали. Церетели принялся отрезывать хвосты. Ничего не стоило объявить законченным существование Государственной Думы и Государственного Совета, вызывавшее раздражение левых. Он убедил затем правительство согласиться на обещание созвать Учредительное Собрание к 30 сентября, хотя совещание по созыву Учредительного Собрания только что сообщило, что раньше ноября не начнут функционировать новые органы местного самоуправления, которые обеспечат правильность и свободу выборов. Но этого было мало.

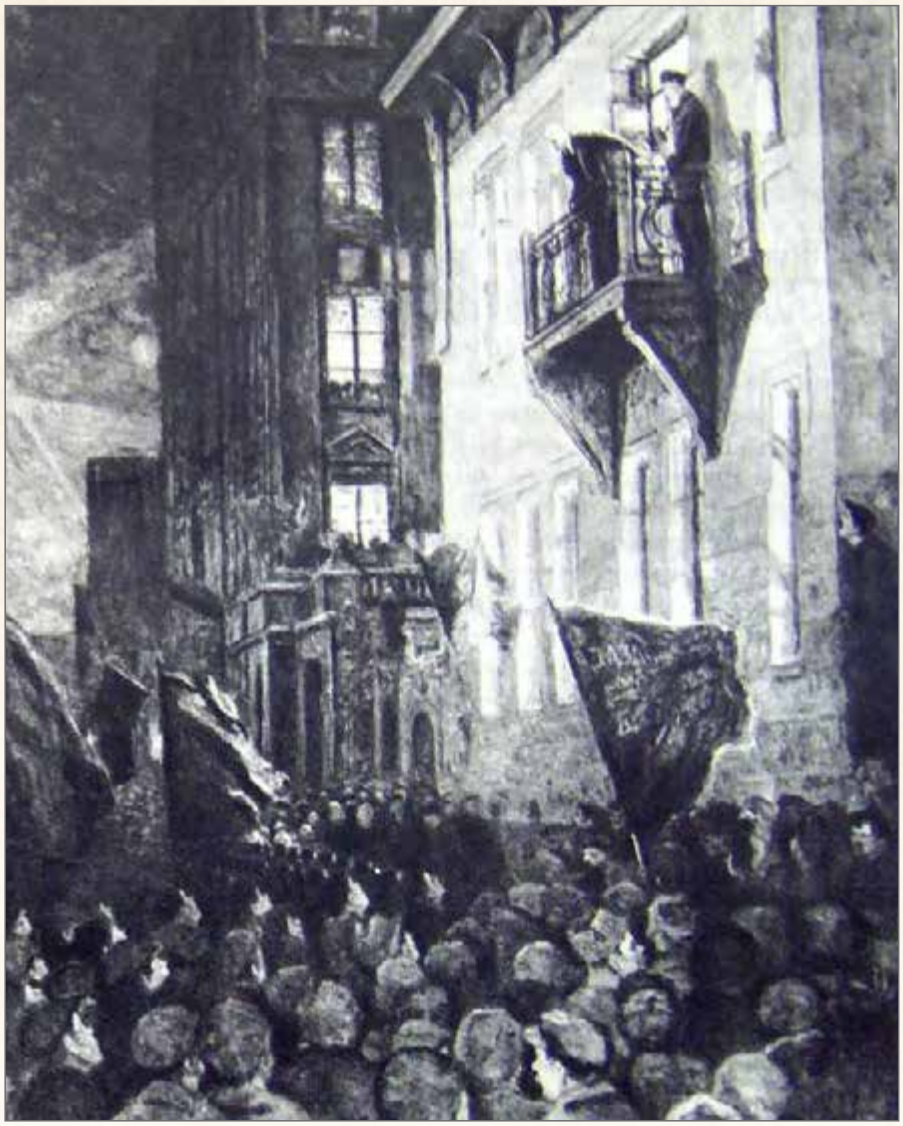
На следующий день решено было взять в руки начавшееся движение, объявив, вместо отмененной, «мирную манифестацию революционной России» на 18 июня, — но уже по программе съезда: объединение всего рабочего населения, демократии и армии вокруг советов, борьба за всеобщий мир без аннексий и контрибуций на основах самоопределения народов и скорейший созыв Учредительного Собрания. Комитеты полков петербургского гарнизона подтвердили перед тем исключительное право Совета «выводить на улицу целые воинские части», хотя тут же каждому солдату было предоставлено участвовать в любой демонстрации, организуемой с ведома Совета. Церетели в один день переменил свою тактику, обратив свои обвинения, вместо большевиков, по обратному адресу «контрреволюционеров». Приглашенные участвовать с «общими всем» лозунгами, большевики пришли с своими и затем получили основание издеваться: среди «всех» лозунгов не было налицо одного — не было «поддержки коалиционного правительства». «Правда» писала: «Долой десять министров-капиталистов. Вся власть советам. Это говорим мы (большевики). Это скажет вместе с нами, мы уверены, громадное большинство петроградских рабочих и петроградского гарнизона. Ну, а вы, господа? Что скажете вы по важнейшему из всех вопросов? Вы выдвигаете лозунг: «полное доверие», но... но только советам, а не Временному правительству... Этого лозунга не найти... Почему?.. В широчайших кругах петербургских рабочих и солдат коалиционное правительство за месяц-полтора скомпрометировало себя безнадежно... Идти теперь... с лозунгом «доверие Временному правительству» — значит вызвать недоверие к себе самим».

Эта фраза напоминает нам расстояние, пройденное в месячный срок от образования первой коалиции к ее первому политическому испытанию. За это время 1) Временное правительство нового состава было дискредитировано левой пропагандой; 2) Создано особое «социалистическое правительство», ответственное перед съездом советов;

3) Социалистическая группа коалиции дискредитировала себя «кадетизмом»; 4) Народные массы столицы вооружились и демонстрировали против Временного прави-



▲ Таврический дворец



▲ Ленин на балконе дома Кшесинской

тельства и самого съезда советов; 5) Церетели пошел на уступки требованиям, выставленным от имени «революционной демократии». Эти уступки сами по себе показали, что ни у правительства, ни у съезда нет средств противиться требованиям улицы.

Бессилие власти было настолько очевидно, что понятен был соблазн — покуситься теперь на нечто большее, нежели отложенная демонстрация 10 июня. И две недели спустя после «общего» выступления 18 июня мы встречаемся с событием, которому, при желании, можно было дать название первого опыта большевистской революции. Большевистский штаб отрицает это значение выступления, — и он, я думаю, прав. Но был момент, когда второстепенные лидеры и подталкивавшая их толпа в это хотели верить. Зиновьев объяснял эту вспышку так в годовщину восстания: «В течение двух недель, начиная с демонстрации 18 июня, наша партия, влияние которой росло не по дням, а по часам, делала все возможное, чтобы сдержать преждевременное выступление петроградских рабочих. Мы, бывало, шутили, что превратились в пожарных. Мы чувствовали, что петроградский авангард еще недостаточно сросся со всей армией рабочих, что он забежал слишком вперед, что он слишком нетерпелив, что основные колонны не подоспели, особенно солдатские и крестьянские».

Это — так; но, с другой стороны, 3 июля вечером Ленин уже занял свой знаменитый балкон в доме Кшесинской и приветствовал солдат, давая им указания. Здесь помещалась вся военная разведка ЦК партии большевиков; сюда направлялись и отсюда рассылались приходившие военные части. Словом, военный штаб восстания был налицо. Здесь, следовательно, должна была указываться и цель восстания. Но тут происходила какая-то неувязка. Очередной лозунг большевиков был: вся власть советам. Но политический состав и настроение советов под руководством Церетели в данный момент — Ленину совсем не подходили. С другой стороны, и Церетели вовсе не хотел получать «всю» власть для советов, боясь ограничения их влияния. Наконец, какое отношение имел этот лозунг к объявленной Лениным «социалистической республике», как ближайшему этапу? Отменять его было нельзя, но пропагандировать дальше — бесполезно. Лозунг сохранился — и стал официальным лозунгом восстания.

От дома Кшесинской и из других мест военные отряды и народные толпы днем и ночью в течение этих трех дней 3-5 июля шли к Таврическому дворцу, где заседал Совет — и держали его в непрерывной осаде. Здесь и разыгрывались эпизоды бескровной борьбы, хотя по временам грозил форменный разгром. Церетели храбро выдерживал линию: заседания продолжались, делегации принимались, предложения выслушивались и обсуждались, доклады делались, решения принимались. Иногда толпа требовала выхода министров наружу. Церетели хотели арестовать, но не нашли.

Чернова застигли на крыльце, и какой-то рослый рабочий исступленно кричал ему, поднося кулак к лицу: «Принимай, сукин сын, власть, коли дают». Кронштадтские матросы потащили его в автомобиль — в заложники, что советы возьмут «всю власть», и выручил

его только Троцкий. Когда положение стало очень серьезно, изобретательный ум Церетели придумал и проголосовал отвод. Он согласен на власть советов, но исполнительные комитеты, собравшиеся здесь (после роспуска съезда 27 июня), не имеют права этого сделать: для этого нужен «правомочный орган» советов, т. е. новый съезд, который и соберется через две недели в Москве, где спокойнее работать.

Когда таким образом решала свою судьбу социалистическая часть коалиции, где же был «триумвират», считавшийся до сих пор главным центром всей коалиции? Он проявил свою фактическую независимость, просто уйдя из игры. Кн. Львов, правда, добросовестно остался и перенес свою деятельность в военный штаб, когда на улицах послышались выстрелы. Он сочинял «воззвание».

Но Керенский, показавшись на минуту в штабе, уехал на западный фронт, — как раз вовремя, чтобы избегнуть ловушки, которая готовилась ему на вокзале. Двое других приехали в штаб, но, когда увидели, что его защищают только несколько инвалидов и казаков, исчезли. Некрасов, чтобы не было сомнений, прислал на другой день приказ, которым правительство удовлетворяло его прошение об отставке. Когда, вечером 5 июля, пришли на помощь «верные» части войск, вызванные ген. Полковниковым, и восстание прекратилось само собою, об отставках не было больше речи. Все вернулись, и Керенский вечером 6 июля показался публике из окна штаба, гордо заявив толпе, что русская революционная демократия и он, уполномоченный ею военный министр, поставленный во главе армии, не позволят никаких посягательств на русскую революцию. Вернувшиеся подняли шум против министра юстиции Переверзева, разрешившего в эти дни огласить документы разведки, которыми доказывался подкуп большевиков немцами при посредстве шведских банков. Переверзев был дезавуирован и отставлен, хотя опубликованные документы много содействовали дискредитированию восставших большевиков.

Поведение Керенского с друзьями в дни большевистского восстания провело более глубокую грань, чем прежде, между «триумвиратом» и Советом. Но в дни, предшествовавшие восстанию, тот же триумвират почти провокационным способом отрезал несоциалистических членов Временного правительства, оставшихся в нем от первого его состава: кроме кн. Львова и после ухода Коновалова, оставалось четверо буржуазных министров (к. д. Шингарев, кн. Д. И. Шаховской, Мануйлов и тов. министра В. А. Степанов). Они занимались своим делом и никаких конфликтов не искали. Но конфликтное положение создалось для них, как для к. д., по национальному вопросу.

Съезд советов должен был руководиться директивой Ленина: «право наций на самоопределение вплоть до отделения». Но в своих последних решениях перед закрытием съезд проявил сознание необходимости сохранить единство революционной России — и соответственно смягчил свои резолюции серьезными оговорками. Это не помешало, конечно, некоторым народностям — в первом ряду Финляндии и Украине — стремиться воспользоваться русской смутой для полного отделения от России. Финляндские юристы к этому шли осторожнее и тоньше.

Фанатики украинского движения, во главе с проф. Грушевским, избрали путь фактического захвата главных позиций. Этим путем, пользуясь незнакомством русских властей с вопросом, украинские политики уже добились значительных достижений, наделяя свои местные учреждения государственными правами. У них уже имелось свое представительство («Рада»), свое министерство («секретариат»), даже своя первая конституция («универсал»). Им нужно было превратить фактическое обладание в право. С русскими знатоками положения (они имелись в составе нашего ЦК) достигнуть этого было трудно, и этим деликатным вопросом занялся триумвират. В полном составе, с присоединением Церетели, они 28-29 июня приехали в Киев и в несколько дней составили соглашение, имевшее вид двухстороннего государственного акта. Опасаясь нашей критики, киевляне поставили условие, что выработанный текст будет принят без изменений.

Но документ предавал интересы России и, кроме того, оказался юридически безграмотен. Мы потребовали пересмотра и поставили вопрос о дальнейшем пребывании наших членов в составе коалиции. В доказательство, что мы не возражаем против принципа самоуправления Украины, министры к. д. внесли в заседание 2 июля наш проект автономии Украины. Голосами кн. Львова и В. Львова к. д. были оставлены в меньшинстве — и вышли из правительства. Первая коалиция перестала существовать. От нее оставался только фрагмент: триумвират с председателем кн. Львовым и с «пятью министрами-социалистами», составлявшими в то же время отдельное независимое целое.

Однако, у этих столь несродных по задачам и составу, но объединенных в лидерстве групп оставалась одна общая задача: ликвидировать последствия большевистского восстания. Здесь впервые из общей массы революционеров была выделена группа, которая подходила под понятие государственных преступников. Министр Переверзев успел до своей отставки арестовать большевиков-посредников по сношениям с шведскими банками (Козловский и Суменсон), начать следствие о Ленине и его сообщниках, очистить особняк Кшесинской, дачу Дурново и Петропавловскую крепость; было постановлено арестовать и привлечь к судебному следствию — всех, участвовавших в организации и руководстве вооруженными выступлениями, как виновных в измене родине, в предательстве революции.

Произведены были, действительно, аресты Троцкого, Каменева, Лу-



▲ Рада, Киев

начарского; Ленин и Зиновьев избегли ареста только потому, что успели скрыться. Были приняты меры против зачинщиков движения кронштадтских матросов и подозрительных лиц из команд Балтийского флота, запрещен ввоз в армию «Правды», «Окопной правды» и «Солдатской правды». Это были действия военного министра, уполномоченного революционной демократией, т.е. производились от имени обеих упомянутых групп коалиции. Но это продолжалось недолго. После ликвидации большевистских вождей страх должен был повернуться в сторону правительственной репрессии — «контрреволюции». «Пять социалистов», оставшиеся в составе социалистической группы правительства, признавали «неизбежность» репрессивных мер, но уже боялись, что они «создадут почву для контрреволюции», и требовали от Церетели, чтобы «охрана революционного порядка» велась в сотрудничестве с «органами революционной демократии». И Керенский, вернувшись в Петроград, дал «революционной демократии» реванш. Он освободил из-под ареста Троцкого и Стеклова, запретил штабу продолжать аресты большевиков, прекратил их обязательное разоружение, заменив его совершенно недействительным — добровольным.

Но Совет уже шел дальше. Он требовал компенсации — пересмотра коалиционной программы 6 мая, с целью «безотлагательно осуществить предприятия, указанные в решениях съезда советов, направленные к уничтожению всех остатков старого строя, к учреждению демократической республики, к проведению неотложных мероприятий в области земельного и рабочего вопросов, к развитию местного самоуправления для подготовки выборов в Учредительное Собрание, а также регулирование жизни страны, особенно продовольственного вопроса». Церетели пробовал уверять, что это вовсе не новое соглашение, а лишь реализация соглашения, заключенного 6 мая. 6 мая, при создании первой коалиции, темы соглашения, на случай выбора нового коалиционного правительства, действительно, были прежние, но трактовка иная.

Новая декларация, выпущенная 8 июля, расширяла декларацию 6 мая, которая, как мы знаем, была уже неприемлема для участников к. д. И прежде всего она оказалась неприемлемой для премьера кн. Львова, как вообще, так в частности вследствие бесцеремонного обращения В. Чернова с аграрным вопросом, которое «подрывает народное Правосознание». Председатель первой коалиции добросовестно дотянул до конца ее существования — и незлобиво ушел в тот момент, когда его место понадобилось для нового возвеличения Керенского, услужливо рекомендовав притом его в свои преемники.

Не очень вежливо было на это отвечено Церетели, который тотчас после ухода Львова уступил на другом неприемлемом для кн. Львова требовании изменения государственного строя (республика до Учредительного Собрания). Оставалось, конечно, неприемлемым обещание провести в «ближайшие дни» ряд широчайших проектов по рабочему законодательству, заставившему уйти Коновалова. Планы организа-

ции народного хозяйства и меры по контролю промышленности должны были быть «немедленно» разработаны экономическим советом и главным экономическим комитетом. Много намерений — и мало возможностей после того, что было уже испробовано.

В тот же день временный комитет Думы протестовал против нового способа создания коалиции социалистами. Он защищал свое право участия в выборе, и подчеркивал, что коалиция лишь тогда может привести к «общенародному признанию власти», если она основана на «уравновешении взаимным соглашением составных частей» и не преследует частных партийных целей. «Эти условия прочности не соблюдались», заявил комитет Думы в полном согласии с ушедшими министрами. Действительно, воля Временного правительства находилась теперь в руках социалистической группы «пяти министров», авторов пересмотренной и дополненной декларации 8 июля.

Всего два дня отделяют настроение Совета в дни отступления на фронте от почти полной победы большевиков над Советом. Впечатления от того и другого были достаточно сильны и отчасти смешались. Но мне хотелось бы держать их в сознании читателя раздельными. И я хочу воспользоваться для этого заявлениями лидеров обоих течений. Церетели определил положение так: «это не только кризис власти; это — кризис революции. В ее истории началась новая эра».

На своем боевом языке Ленин вторил: «4 июля еще возможен был мирный переход власти к советам... Теперь мирное развитие революции в России уже невозможно, и вопрос историей поставлен так: либо полная победа контрреволюции, либо новая революция».

Относя эти выводы не к тому, что произойдет дальше, а к тому, что уже произошло, я заключаю, что оба лидера пришли к выводу, что борьба с «буржуазией» покончена — и начинается новый акт пьесы: идет борьба между двумя течениями — умеренным и крайним в самом социализме, — борьба, которая после 4 июля не может окончиться миром. Еще точнее Ленин определяет эксперимент большевиков, как конец мирной эволюции социализма в России и начало военных отношений.

Не совсем ясно, что он тут разумеет под победой «контрреволюции», но едва ли и он имеет в виду возвращение к «буржуазному режиму». ■



▲ Бескровная революция, Дворцовая площадь, Петроград

КИМ ФИЛБИ

АНГЛИЙСКИЙ И СОЮЗНИЧЕСКИЙ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС



▲ Здание Ми-5

Каугилл любил семейную атмосферу, поэтому жизнь и работа в пятой секции протекали в теплой, даже слишком уютной обстановке. Офицеры и секретари сразу же после поступления в секцию начинали называть друг друга по имени. Порой казалось, что в один прекрасный момент все сотрудники вдруг усядутся за игру в карты. Иногда это досаждало, но здесь была и своя профессиональная выгода. Никогда не составляло труда узнать, чем заняты твои коллеги: что знал один, становилось известно всем. Такая обстановка предоставляла мне полную свободу передвижения. Каугилла не интересовало, когда и как выполнена работа. Важно, чтобы она была сделана. Он не учинял мелочных расспросов относительно количества обработанных документов, которые шли потоком. Это означало, что я практически в любое время мог отправиться в Лондон под предлогом развития контактов с секциями СИС в Бродвей-билдингс, с МИ-5 и другими государственными учреждениями, заинтересованными в нашей работе. У меня вошло в обычай совершать такие поездки раз в неделю. Я брал с собой портфель, набитый документами, и длинный список визитов.



КИМ ФИЛБИ

Ким Филби стал легендарной личностью. Его имя прочно вошло в историю XX столетия как «суперагента» советской внешней разведки, сыгравшего исключительную роль в борьбе разведок великих держав в критические моменты истории — и в предвоенные годы, когда решался вопрос, быть или не быть новой мировой бойне, и в годы войны, когда усилия всех прогрессивных и демократических сил мира были сконцентрированы на борьбе с фашизмом, и наконец, в годы холодной войны, когда мир снова оказался перед угрозой еще более страшной, ядерной, катастрофы. Обычно имена разведчиков, особенно выдающихся, на долгие годы остаются тайной, похороненной в архивах секретных служб. С Кимом Филби вышло иначе. В том, что о нем стало широко известно в мире, разведчику повезло и не повезло одновременно. Повезло — потому, что его имя не осталось в пыли архивных папок, он стал мировой известностью, что дало ему возможность продолжить свою активную деятельность и начать новую страницу в борьбе за дело, которому он посвятил свою жизнь. Не повезло — потому, что мировая известность пришла к нему в результате невольной расшифровки его принадлежности к советской разведке. Слишком много факторов незримо связаны цепью взаимозависимости, и далеко не всегда все можно предвидеть и учесть, подчинить события своей воле. Филби вынужденно поставил себя под удар, спасая от неминуемого ареста своих друзей, агентов советской разведки Маклина и Берджесса. И имя разведчика зазвучало на весь мир. Сам факт существования в руководящих сферах Интеллидженс сервис советского агента поднимал престиж советской разведки и действовал удручающе на ее противников. За девять лет работы в английской разведке Филби прошел все служебные ступени. В 1949 году он был назначен на должность офицера связи с Центральным разведывательным управлением (ЦРУ) и Федеральным бюро расследований (ФБР) США, внедрившись таким образом в самый центр подрывной деятельности западных разведок против Советского Союза. Филби даже рассматривался в качестве кандидата на должность начальника британской разведки.

Я также добровольно соглашался на ночные дежурства в Бродвее раз или два в месяц. Это было полезное занятие, так как телеграммы, поступавшие ночью со всех уголков мира, проливали дополнительный свет на деятельность службы (одно дело, к которому имели доступ сотрудники, дежурившие ночью, было для меня особенно ценным. Оно содержало телеграммы английской военной миссии в Москве, направляемые по каналам СИС. — Прим. авт.).

Бродвей представлял собой мрачное здание со множеством деревянных перегородок и окнами с матовыми стеклами. Восемь этажей обслуживал один допотопный лифт. В один из моих первых визитов я оказался в лифте с каким-то сотрудником, с которым лифтер обращался особенно почтительно. Незнакомец бросил на меня быстрый взгляд и отвернулся. Он был хорошо сложен, хорошо одет, но больше всего меня поразила его бледность: бледное лицо, бледные глаза, серебристо-светлые, редеющие на макушке волосы. Когда он вышел на четвертом этаже, я спросил, кто это был. «Что вы, сэр? Это же шеф!» — ответил лифтер с некоторым удивлением.

В то время я очень мало знал о шефе. Его звали Стюарт Мензис (генерал-майор Стюарт Мензис — начальник СИС с 1939 по 1953 год. — Прим. авт.), звание — полковник. Его кабинет находился на четвертом этаже. Бумага, на которой он писал, была ярко-голубого цвета. Пользовался он только зелеными чернилами. Почерк у него был ужасный. До того как стать начальником СИС, он возглавлял четвертую секцию, которая занималась военной разведкой. Его официальным обозначением были буквы «CSS», но в переписке между Бродвеем и зарубежными резидентурами он мог обозначаться любыми тремя буквами в алфавитной последовательности: «ABC», «XYZ» и т. д. В правительственных кругах вне СИС его всегда называли «С». Это обозначение осталось со времен капитана 1 ранга Мэнсфилда Каммингса, первого начальника секретной службы в ее современном виде. Таков был объем моих сведений о шефе во время первой встречи с ним в лифте. В дальнейшем мне пришлось узнать его гораздо лучше. Спешу сказать, что, оглядываясь назад, я вспоминаю его с симпатией и уважением, хотя вовсе не за те качества, которыми гордился он сам.

Помимо Фенвика, приятного, но бездеятельного бизнесмена, ко-

торый пассивно руководил резидентурами в Мадриде, Лиссабоне, Танжере и Гибралтаре, первым, с кем я установил контакт в Бродвее, был один из ближайших друзей шефа — Дэвид Бойл. Он ведал реализацией информации, добываемой при вскрытии дипломатической почты, и обеспечивал сохранение тайны при работе с этой информацией. Поговаривали, что Бойл очень близок к шефу и оказывает влияние на политику службы. Я был решительно настроен против него, так как наслышался о нем плохого. Его прозвали «пресмыкающимся Иисусом». Мои первые впечатления, пожалуй, подтвердили ходившие о нем слухи. Бойл в избытке обладал теми качествами, которые мне были особенно неприятны. Несправедливо называть его, однако, эгоистичным и тщеславным снобом. Бойл умел добиваться расположения ответственных работников министерства иностранных дел, чем я вскоре стал восхищаться. Кроме того, для меня имела большое значение его неспособность оценивать разведывательные материалы, которые проходили через его руки. И хотя Бойл был более чем вдвое старше меня, он все больше стал полагаться на мое мнение. В свою очередь я отвечал ему всеми внешними проявлениями уважения. Наши личные отношения, несмотря на всю их нелепость, складывались неплохо. Они оказались для меня весьма ценными, потому что среди мелочей и сплетен, заполнявших дипломатические вализы, иногда попадались настоящие перлы информации. Бойл, конечно, никогда не претендовал на право пользоваться зелеными чернилами: он писал фиолетовыми.

Через Бойла я познакомился со знаменитым полковником Клодом Дэнси. До войны он создавал так называемую организацию «Z», задуманную для проникновения в Германию с баз в Швейцарии. После падения Франции каналы связи системы «Z» катастрофически пострадали. В Швейцарии Дэнси оставил для продолжения работы способного офицера по фамилии Ван дер Хойфел, который, как говорили, был из графского рода Священной Римской империи. Да простит он мне, если я неправильно передаю его фамилию графически и фонетически, но смею утверждать, что здесь я далеко не одинок. Когда однажды мы условились с ним пообедать в ресторане «Гаррик», портье с трудом понял, кого я хочу видеть. «О-о-о! — воскликнул он наконец. — Вы имеете в виду господина Ванувла?» И показал мне, где его найти.

Я уже говорил, что Дэнси весьма критически относился к целесообразности контрразведки и был известен своей воинственностью. Меня поэтому удивила его учтивость. Впоследствии я узнал, что Дэнси внешне



▲ Стюарт Мензис, начальник СИС



▲ Мэнсфилд Каммингс

всегда учтив, а свою желчность предпочитает проявлять на расстоянии — по телефону или на бумаге. Лучше всего с ним было воевать в его собственном кабинете. Личная встреча как бы охлаждала его, и с ним можно было разумно беседовать. Уловив это свойство, я перестал испытывать трудности с Дэнси, за исключением тех случаев, когда приходилось с каменным лицом слушать, как он высмеивает босса моего босса — Вивьена. К счастью, наши дороги скрещивались нечасто, поскольку он учтиво вычеркнул меня из списка своих противников.

С Вивьеном я старался видеться как можно чаще. Для непосредственных практических целей он был бесполезным человеком, так как смертельно боялся Дэнси и даже своего подчиненного — Каугилла. Вивьен, однако, был, пожалуй, умнее обоих и обладал склонностью к размышлениям, а посему пускался в долгие, пространные рассуждения об истории СИС, ее политике и личностях, а также об отношениях между СИС и МИ-5. Он был сторонником корректного стиля работы, и из ею «проповеди» я узнал гораздо больше о сложностях государственной машины, чем мог бы добиться от нетерпеливых сторонников «немедленных результатов» вроде Дэнси и Каугилла. Вначале я плохо представлял, чем мне может помочь Вивьен в моем стремлении получить один пост в СИС, которого я больше всего жаждал. Каугиллу позже пришлось горько пожалеть о своей преждевременной оценке Вивьена как ничтожества.

От Бродвей-билдингс через Сент-Джеймс-парк до помещения МИ-5 на Сент-Джеймс-стрит — рукой подать, однако разница в стиле работы была значительной. Даже вход в помещение МИ-5 производил более благоприятное впечатление, чем тусклый холл в Бродвее. Это впечатление не покидало вас и наверху. Кабинеты выглядели как кабинеты. Насколько мне известно, там не строили никаких «крольчатников», которые так изуродовали Бродвей. Столы не были завалены бумагами: несколько опрятных дел, готовых к работе, — и все. Это имело, конечно, свои недостатки. В пятой секции мы обычно жаловались на излишние подробности, которыми сотрудники МИ-5 находили время начинять свои длинные письма. По крайней мере, некоторые подробности не оправдывались содержанием документа. Тем не менее, в МИ-5 чувствовалась профессиональная компетентность, с которой Бродвей не мог сравняться. Возможно, МИ-5 и имела раздутый штат, на что часто сетовал Каугилл, но зато там большинство офицеров знало, что им надо делать и как делать, чего нельзя было сказать о многих сотрудниках в Бродвее.



▲ Клод Дэнси

Но так было не всегда. После падения Франции МИ-5 столкнулась с ситуацией, к которой оказалась совершенно неподготовленной. Речь идет о периоде, когда широко распространялись слухи о немецкой «пятой колонне» в Англии. В течение многих месяцев после Дюнкерка полиция и МИ-5 были завалены сообщениями о световой сигнализации, таинственных незнакомцах, о речи с иностранным акцентом, подслушанной в кабачке, и т. д. Это дезорганизовало всю работу. Я впервые посетил МИ-5 с капитаном 3 ранга Питерсом осенью 1940 года, когда МИ-5 временно размещалась в Уормвуд-Скрабс (одна из лондонских тюрем. — Прим. пер.). В делах царил полный беспорядок. Кипы непрочитанной корреспонденции валялись на полу, и сотрудники растерянно признавались, что им не прочитать и десятой доли, не говоря уже об ответах. К счастью, все эти письма оказались никчемными: немецкой «пятой колонны» в Англии не существовало.

Навести порядок в этом хаосе поручили некоему Хорроксу. Его привлекли (кажется, из Сити) специально для этой цели. Через год работы он мог утверждать, что добился успеха. Хоррокс занимался общими административными вопросами, меня же особенно интересовали архивы. Архив МИ-5 находился в новом помещении, занимавшем часть дворца Бленхейм, и вызывал восхищение после неопрятных лабиринтов Вудфилда в Сент-Олбансе. Любые сведения можно было легко найти в аккуратно ведущихся делах и карточках-указателях. Хватало и архивных работников, чтобы обеспечить методическое и достаточно быстрое выполнение работы. Я с удивлением и завистью узнал, что большинство девушек, работающих в архиве, так же хорошо знали содержание дел, за которые они отвечали, как и сотрудники, что вели эти дела на Сент-Джеймс-стрит. Когда я деликатно поднял этот вопрос перед Вудфилдом, он ответил, что ему бессовестно занижают штаты и что уделять столько внимания деталям все равно ни к чему.

По роду своей работы я больше всего соприкасался с так называемым отделом «В» МИ-5. В этом отделе получали и оценивали разведывательные материалы и обычно намечали последующие действия. Под «действиями» в данном контексте я имею в виду только мероприятия по разработке и использованию полученной информации, а не такие меры, как арест, ибо, подобно СИС, МИ-5 не имела никакой исполнительной власти. МИ-5 не могла арестовывать подозреваемых, она лишь вносила рекомендации об их аресте местным властям. Хотя на практике это не составляло большой разницы, так как рекомендации МИ-5 неизменно принимались, формально и теоретически это различие твердо поддерживалось.

В этом, мне кажется, заложена одна из важнейших причин высокого профессионализма МИ-5 по сравнению с СИС. МИ-5 действует на британской территории и поэтому обязана строго соблюдать законы страны. Она может требовать определенных отступлений от закона и частенько так и делает. Однако для каждого отступления необходима прямая санкция правительства, обычно в форме ордера министерства внутренних дел. Заручившись такой поддержкой, МИ-5 может организовать, например, подслушивание телефонных разговоров частных лиц или таких учреждений, как иностранные посольства и комитеты коммунистической партии. Но здесь МИ-5 приходится соблюдать осторожность. Если МИ-5 допускает ошибку, начинаются запросы в парламенте, поднимает шум пресса и следуют всякого рода гласные последствия, неприятные для «застенчивой» тайной организации.

Для СИС подобных препятствий не существует, и ничто не мешает ей нарушать законы иностранных государств при проведении своих операций. В таких случаях страдает только дипломатическая служба, вынужденная оправдываться перед иностранными правительствами, обычно просто отрицая факты.

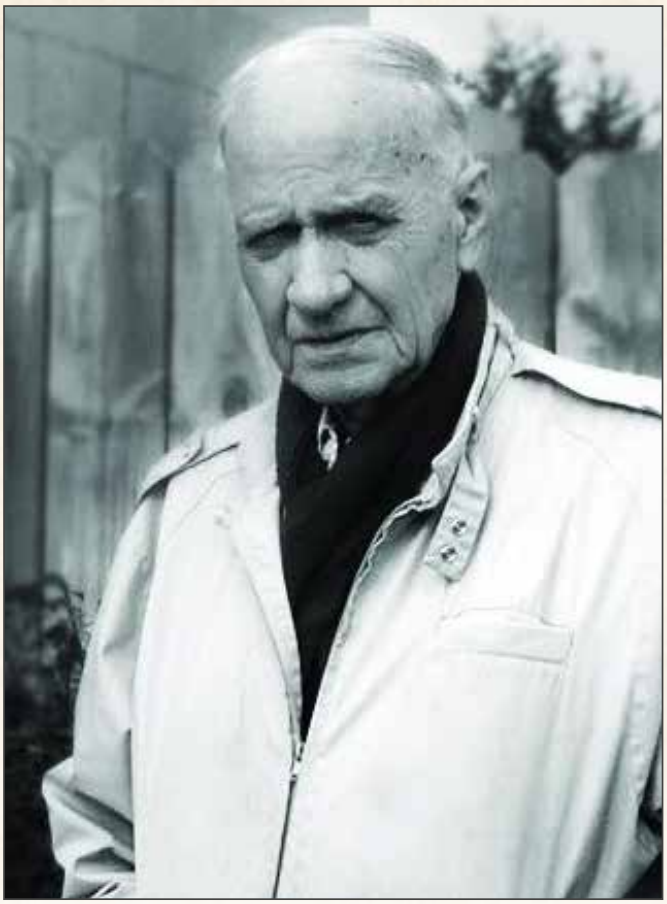
Качество работы МИ-5 в военное время многим обязано ее временным сотрудникам. Особенно ценным было пополнение из университетов — Харт, Блант, Ротшильд, Мастермен и другие. Значительный вклад внесли также юристы; В большинстве своем после войны эти светлые головы вернулись к прежним занятиям. Поскольку данная книга не является историческим исследованием, нет необходимости распространяться об их достоинствах.

Отдел «В» возглавляли два профессиональных разведчика, которые ухитрились на протяжении всей войны сохранить уважение своих талантливых подчиненных. Оба они сыграли определенную роль в моей судьбе, поэтому о них следует рассказать подробнее.

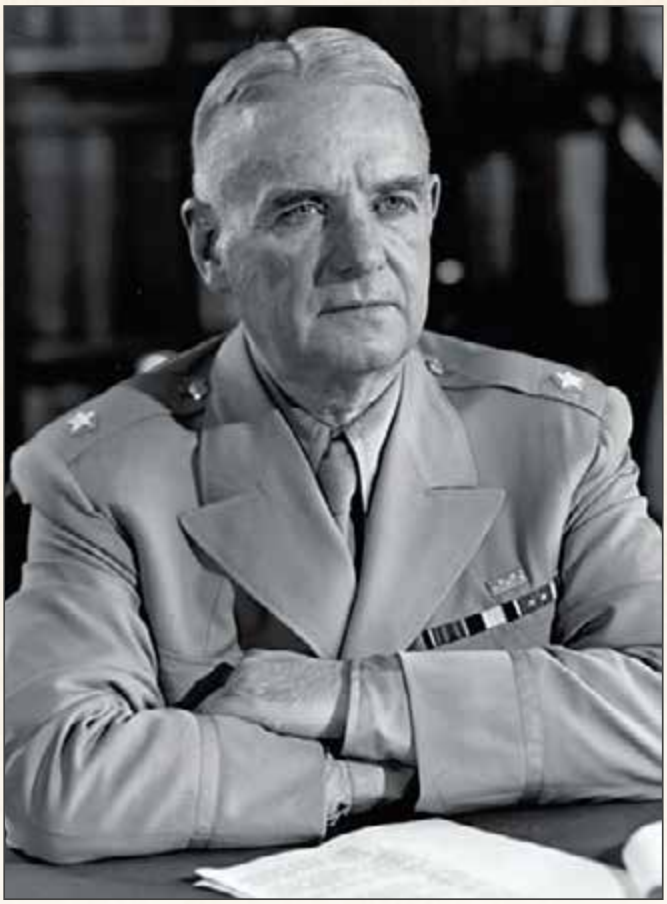
Начальником отдела «В» был Гай Лидделл. «Родился я в ирландском тумане, — сказал он мне однажды, — и иногда мне кажется, что я из него так и не выбрался». Трудно представить более нелепое принижение своих достоинств. Правда, вначале Лидделл производил впечатление тугодума. Он обычно бормотал свои мысли вслух, как бы нащупывая путь к истине, и лицо его при этом морщилось в безмятежной, невинной улыбке. Однако за внешней неповоротливостью Лидделла скрывался тонкий и рассудительный ум, а память его представляла целое хранилище фотографически точных фактов. Лидделл был способным начальником, у которого было чему поучиться молодому человеку. Он всегда мог отложить в сторону свою работу, чтобы выслушать вас и задуматься над новой проблемой.

И все же карьера Лидделла закончилась бесславно. Начальником МИ-5 во время войны был сэр Чарльз Петри, полицейский работник из Индии, обаятельный человек, пользовавшийся большим авторитетом. Когда он ушел в отставку, в отделе «В» все, как один, проголосовали бы за Лидделла, как за преемника Петри. Много сторонников было у Лидделла и в других местах. Однако правительство назначило на эту должность Перси Силлитоу, тоже полицейского работника, но на сей раз из Англии, менее авторитетного и обаятельного, чем Петри.

Разочарование Лидделла было очевидным, но оно носило не только личный характер. Подобно большинству профессиональных сотрудников МИ-5, Лидделл считал, что МИ-5 — разведывательная организация, а не полицейское учреждение. Методы борьбы со шпионажем отличаются от методов борьбы с уголовными преступлениями. Шпионов поддерживают своими огромными техническими ресурсами иностранные правительства, преступники же не имеют таких возможностей. Совершенно очевидно, что в пользу точки зрения Лидделла можно сказать очень многое. Правительство, однако, сочло, что назначение ответственного работника полиции, обученного в соответствии с процедурными требованиями Уайтхолла, более безопасно. Лидделлу оказали сомнительную честь, назначив его заместителем начальника МИ-5, и он, естественно, почувствовал себя обиженным. Уверен, что, если бы иностранные агенты узнали об этом, они бы только порадовались поражению Лидделла. Один из них знал...



▲ Чарльз Петри



▲ Донован Уильям

Главным помощником Лидделла в отделе «В» был Дик Уайт. По профессии школьный, учитель, Уайт поступил в МИ-5 в период между войнами. Это был милый, скромный человек, готовый первым признать, что не обладает никакими выдающимися качествами. Самым большим его недостатком была склонность соглашаться с последним человеком, с которым он говорил. С присущим ему здравым смыслом он с удовольствием перепоручал основную работу подчиненным, а себе отводил роль руководителя для поддержания гармонии в работе отдела. Уайт был одним из немногих офицеров МИ-5, который до конца поддерживал сносные личные отношения с Каугиллом. Его способность избегать ведомственных стычек в конце концов была вознаграждена. Когда Лидделл стал заместителем начальника МИ-5, Уайта выдвинули на пост начальника отдела «В». Но на этом его продвижение по службе не кончилось: после ухода на пенсию Мензиса Уайт стал начальником СИС. К счастью, Дэнси уже не довелось увидеть, как царствует в Бродвее, хотя и милостиво, специалист по контрразведке. Впрочем, если бы Дэнси не умер, это все равно убило бы его.

Я старательно заводил связи в МИ-5 и к концу войны мог утверждать, что приобрел много личных друзей на Сент-Джеймс-стрит. В любом случае кому-то было необходимо смягчать распри между Каугиллом и нашими коллегами из МИ-5, а так как немногим хотелось проявлять в этом деле инициативу, я взял ее на себя. Помимо соображений непосредственно делового характера у меня в голове зрели различные перспективные планы, для реализации которых поддержка со стороны МИ-5 могла оказаться полезной. Я взял за правило давать моим друзьям из МИ-5 кое-какую информацию неофициально, то есть без ведома Каугилла. Нередко за такое неправомерное поведение я получал щедрую награду.

Главная баталия разыгралась в 1943 году, когда я осмотрительно встал на сторону МИ-5 против Каугилла. Вопрос касался места расположения пятой секции. Она помещалась в Сент-Олбансе отчасти из-за тесноты в Бродвее и отчасти для того, чтобы держать ее архивы вне досягаемости немецких бомбардировщиков. Когда Вудфилд перевез архивы в Сент-Олбанс, Каугилл тоже переехал туда. Формально он обосновывал свой переезд тем, что «контрразведывательная организация должна находиться поблизости от своих архивов». Настоящая же причина заключалась в стремлении создать свою маленькую империю в стороне от ведомственных интриг, где бы его как можно меньше, тревожили. Однако продолжительный перерыв в бомбардировках лишил аргументы Каугилла убедительности. К тому же в Лондоне было множество свободных служеб-



▲ Темза-Хауз

ных помещений, и у нас не имелось оснований отказываться от их использования.

МИ-5 тем временем продолжала настаивать на более тесном сотрудничестве с пятой секцией. Ее руководство упорно доказывало преимущество «близости». Это слово все чаще мелькало в переписке Петри с Мензисом. И в самом деле, при всей очевидности удобств телефонной связи сотрудничество между двумя организациями было бы более эффективным, если бы расстояние между ними стало короче. Как раз этого и не хотел Каугилл, именно по тем причинам, которые высказывало руководство МИ-5. Каугиллу представлялось, что он сам и его аппарат по возвращении в Лондон будут тратить энергию на интриги и будут отданы на милость махинациям Лиддела и К?. Больше всего Каугилл боялся выпустить контроль из собственных рук. Я же безоговорочно стоял за возвращение в Лондон. Более тесные контакты с МИ-5, Бродвеем и другими государственными учреждениями, с моей точки зрения, могли только содействовать всестороннему ознакомлению с работой разведки. А для меня имело значение только это!

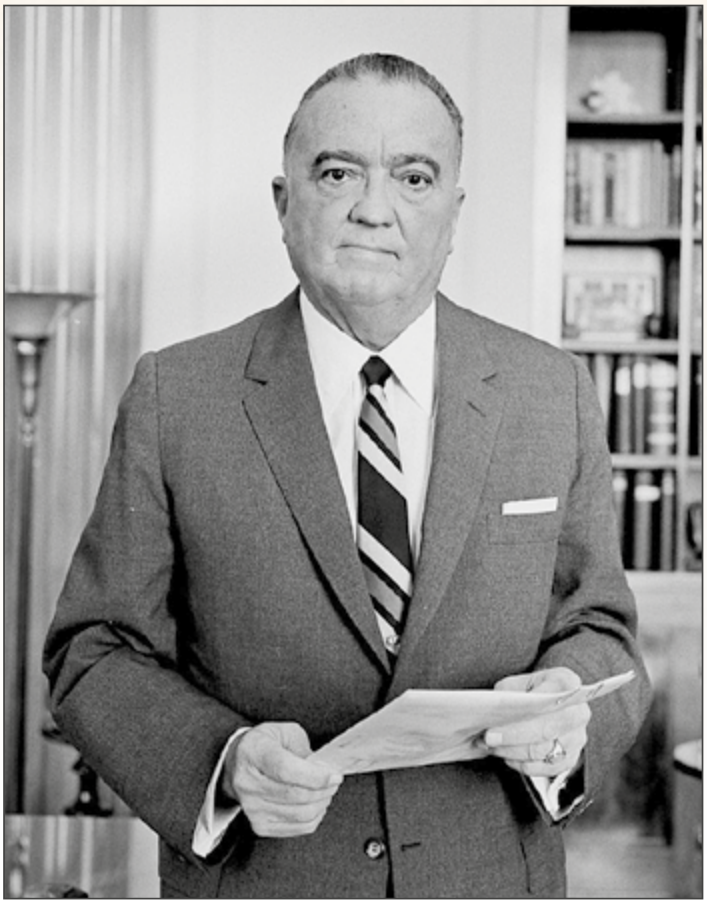
Каугилл переоценил свои силы в данной ситуации. Он решил провести свободное голосование, предоставив всем сотрудникам в Сент-Олбансе возможность высказаться «за» или «против» переезда в Лондон. Каугилл допустил и другую ошибку, сообщив о своем решении посторонним, так что результаты голосования уже нельзя было скрыть. Свободное голосование давало мне право провести предварительную работу в кулуарах, и я занялся этим делом, не пройдя даже мимо секретарей, многие из которых начали тяготиться монастырской жизнью в казенных помещениях. Результаты голосования ошеломили Каугилла. Более чем две трети сотрудников высказались за Лондон. Хотя это голосование и не имело решающего значения, оно в значительной степени поколебало непреклонность Каугилла. Через несколько педель мы водворились в помещении на Райдер-стрит, в двух минутах ходьбы от МИ-5 и в пятнадцати от Бродвея. Когда мы приходили рано утром на работу, из окон было видно, как «Кваглино» (большой ресторан в Лондоне. — Прим. пер.) разгружается от ужасных отбросов минувшего вечера. Мы прибыли как раз к периоду «малого блица» (период усиленных бомбардировок Лондона немцами в 1943 году. — Прим. пер.).

Теперь я должен вернуться на несколько месяцев назад и описать событие, которое оказало глубокое влияние на всю последующую деятельность английской разведки. Я имею в виду появление американцев. До войны у Соединенных Штатов не было регулярной разведывательной службы за рубежом. Федеральное бюро расследований ведало только вопросами внутренней безопасности. Секретная информация из других стран поступала в ограниченном количестве в результате «сверхплановой» деятельности американских военных атташе и дипломатов, которые чувствовали себя менее связанными в этих делах, чем представители других стран, имевших для выполнения грязной работы регулярные секретные службы. Теперь хорошо известно из опубликованных материалов, что в Нью-Йорке в 1940 году был создан Британский координационный центр по вопросам безопасности под руководством Уильяма Стивенсона. Официально этот центр предназначался для обеспечения безопасности американских поставок в Англию, так как предполагалось, что значительное число лиц немецкого происхождения в Соединенных Штатах широко займется диверсиями. Это предположение, однако, не подтвердилось, и Стивенсон, который был другом Черчилля и пользовался большей

реальной политической властью, чем кто-либо другой в английской разведке, вскоре нашел новое применение своей неуемной энергии. Прежде всего, он занялся организацией помех поставкам материалов в страны оси и их перевозкам на нейтральных судах. Возможно, что Британский координационный центр организовал больше диверсий, чем вся колония уроженцев Германии в Соединенных Штатах. Но свои основные силы Стивенсон отдал реализации другой идеи: убедить американцев, что для США настало время иметь собственную разведывательную службу.

Стивенсон, как и многие другие, понимал, что создания такой службы в США не избежать. Размышляя о ближайшем будущем, Стивенсон пришел к выводу, что англичанам выгоднее вступить в дело при закладке фундамента. Предложив заблаговременно свою помощь, англичане заслужат тем самым право получать взамен разведывательную информацию, которая, как можно было ожидать, пойдет потоком благодаря богатым ресурсам США. Это открывало также возможность получать информацию через посольства Соединенных Штатов в тех странах, в которых Англия не имела больше своих представительств, таких, например, как вишистская Франция, Балканские страны и даже сама Германия. Как истый деятель высокого полета, Стивенсон не привык размениваться на мелочи. Он сумел вызвать интерес к этому делу у самого Рузвельта и убедить президента, что у него, Стивенсона, и тех, кто его поддерживает, а именно УСО, МИ-5, а также СИС, имеется большой опыт, которым они могут поделиться. Таким образом, когда родилось управление стратегических служб (УСС) во главе с генералом Доновеном, на высшем уровне уже предусматривалось тесное сотрудничество с англичанами. Окупился ли обмен во время войны английского опыта на американские ресурсы, остается под вопросом. Не вызывает, однако, сомнения, что сотрудничество, в конце концов, обрекло английские службы на положение младшего партнера. И такое положение оставалось печальным фактом в течение многих лет. Когда позже ЦРУ связало правительство Соединенных Штатов глупейшими обязательствами по отношению к Нго Дин Зьему и стало объектом насмешек после событий в заливе Кочинос, СИС оставалось только беспомощно разводить руками.

К деятельности Стивенсона в Соединенных Штатах довольно неприязненно отнесся Эдгар Гувер. Скрытый намек Стивенсона на то, что ФБР не способно справиться с саботажем на американской территории, глубоко ранил Гувера, отличавшегося непомерным тщеславием. Гувер приходил в ярость, когда головорезы Стивенсона избивали или спаивали команды судов, доставлявших товары странам оси. Однако настоящей причиной подозрительности и возмущения Гувера, от которых он так и не избавился,



▲ Гувер Джон Эдгар



▲ Уильям Стивенсон

было то обстоятельство, что Стивенсон вел политическую игру в его собственной вотчине, и вел ее довольно умело. Гувер предвидел, что создание УСС вовлечет его в бесконечные юридические споры. УСС будет соперничать с ФБР при распределении федеральных фондов. Оно уничтожит монополию ФБР на расследования. Создание этого учреждения было единственным серьезным поражением, от которого Гувер пострадал в своей политической карьере. Он так никогда и не простил Стивенсону роль акушерки и няньки при появлении УСС. Принятые на высшем уровне решения постепенно дошли и до Сент-Олбанса. Первый гость пятой секции СИС из Соединенных Штатов, некий Кимболл из ФБР, прибыл вскоре после событий в Перл-Харборе. Кимбол говорил со скоростью пулемета, обвиняя военно-морской флот, армию, государственный департамент и Белый дом в игнорировании предупреждений ФБР о грозящем нападении японцев. Настоящей целью его визита (помимо ни к чему не обязывающих разговоров) было объявить, что Гувер решил назначить в Лондон под видом атташе по юридическим вопросам посольства Соединенных Штатов офицера связи для сотрудничества с МИ-5 и СИС. После отъезда Кимболла Каугилл с насмешкой говорил, что Гувер, очевидно, намерен обойти Стивенсона. С большим основанием, чем обычно, Каугилл считал Гувера одним из тех вредных деятелей, которые используют разведку как лестницу для достижения своих политических целей. Каугилл предупреждал, что ко всем предложениям Гувера надо относиться весьма подозрительно, а то и вовсе отвергать их. Мне с трудом удалось сохранить лояльное отношение к Каугиллу, когда появился первый посланец Гувера. Им оказался Артур Терстон, человек весьма компетентный, работать с которым было очень полезно. У меня имелись все основания поддерживать с ним хорошие отношения, и он с радостью обменивался со мной контрабандной информацией. Терстон был слишком умен, чтобы долго оставаться у Гувера, и вскоре предпочел политические джунгли Индианы.

УСС не отставало от ФБР. После предварительных переговоров на высшем уровне с Доновеном, Брюсом и другими к нам назначили небольшую группу связи. Ее возглавил Норман Пирсон, поэт из Йейля. Компанейский малый, с неиссякаемым запасом анекдотов, Пирсон с нескрываемой иронией относился к своей организации и называл ее: «Ух, Сплошной Секс». Все прибывшие имели смутное представление о нашей профессии и не упускали случая заявить, что приехали учиться. Видимо, я слишком медленно усваивал тайны межведомственной политики, потому что очень удивился, когда увидел, какое доверие оказывает американцам Каугилл. Он предоставил им возможность свободно пользоваться делами секции, включая материалы радиоперехвата, хотя ФБР давал их неохотно, и то лишь в строго обезличенном виде. Трудно было понять, почему англичане отказывали в информации такой профессиональной организации, как ФБР, и в то же время щедро предоставляли ее людям, которых сам Пирсон как-то назвал «кучкой дилетантов и бездельников».

Со временем ответ на этот вопрос прояснился. Гувер, оказывается, действительно хотел «обойти Стивенсона». Он невзлюбил Британский координационный центр и хотел подрезать ему крылья. Этого, в частности, можно было достигнуть, организовав связь с пятой секцией непосредственно в Лондоне, а не через центр Стивенсона. Кроме того, Гувер испытывал естественное желание сблизиться с МИ-5. Подобно отделу безопасности ФБР, МИ-5 была чисто контрразведывательной организацией. У МИ-5 были свои неприятности с СИС, а у Гувера — неприятности с УСС. И самое главное, поскольку МИ-5 действовала на британской территории, в представлении Гувера интересы этой организации не могли сталкиваться с интересами ФБР, юрисдикция которого ограничивалась Западным полушарием. Короче говоря, Гувер преследовал двойную цель — передвинуть центр сотрудничества из Соединенных Штатов в Англию и как можно теснее сблизиться с МИ-5.

Все это очень не нравилось Каугиллу. Он хотел бы взять обмен всей контрразведывательной информацией с американцами в свои руки. Не сумев этого добиться, он решил свести обмен между ФБР и МИ-5 к минимуму. Официально Каугилл объяснял это тем, что МИ-5 может передать ФБР информацию, полученную от СИС, без должного внимания к сохранению секретности источников СИС. Я никогда не слышал, чтобы нечто подобное действительно случалось, однако аргументы Каугилла звучали в какой-то степени убедительно, а в условиях войны более или менее благовидный аргумент, нередко считался достаточно веским. На самом же деле эти аргументы лишены были всяких оснований. Сам Каугилл красноречиво продемонстрировал это своим либеральным отношением к УСС. Если информация считалась слишком деликатной для того, чтобы передавать ее МИ-5 и ФБР, то, уж конечно, ее не следовало бы доводить до «кучки бездельников» Пирсона, однако это делалось. Каугилл видел в УСС гибкий инструмент, воспользовавшись которым можно укрепить свои позиции в борьбе как против ФБР, так и МИ-5. Прочность позиции Каугилла в данном случае была очевидна: как бы Гувер ни бушевал, никто в Англии не мог оспаривать необходимость связи Каугилла с УСС. Попытка сделать это со стороны, например, МИ-5 означала бы, что МИ-5 присоединяется к той оценке УСС, которую дал Пирсон. Тонкости межведомственной дипломатии вставали непреодолимым препятствием на пути истины.

Что касается моей работы по Пиренейскому полуострову, то с возникновением УСС у меня появились лишь новые заботы. Много времени уходило на передачу наших сведений вновь прибывшим. Мы испытывали большие трудности, связанные с назначением сотрудников УСС в Лиссабон. Первым из них был некий Рей Оливера, который вскоре приобрел печальную известность. Он начал с того, что без всякого предупре-



▲ Лубянка

ждения явился к представителю СИС с предложением сотрудничать. Тот, естественно, попросил незнакомца предъявить документы. В ответ на это Оливера раскрыл саквояж и нахально продемонстрировал его содержимое: бог знает сколько там было пачек долларов!

Прибытие Оливеры вызвало большое замешательству и в посольстве Соединенных Штатов. Сразу же после вступления Америки в войну военный атташе в Лиссабоне полковник Солборг начал засылать в оккупированную Европу агентов через Испанию. Военно-морской атташе, естественно, сконцентрировал все свое внимание на флоте, а кто-то еще занялся экономической разведкой. Ко времени прибытия Оливеры все эти области разведки уже были захвачены, и никто не хотел уступать их ему. Затянувшуюся неразбериху в конце концов урегулировал Джордж Кеннан, бывший тогда советником посольства в Лиссабоне. Он решил, что самое лучшее — это обеспечить приток разведывательной информации и не беспокоиться по поводу юридических споров в Вашингтоне. Таким образом, Солборг и остальные утвердились в своей недипломатической деятельности, а контрразведку, которой никто еще не занимался, подбросили Оливере.

У бедняги Оливеры, однако, оказалось мало времени, чтобы развернуться в своей ограниченной сфере деятельности. Он сразу же вызвал к себе всеобщую неприязнь в Лиссабоне, так что его пришлось заменить. На его место был назначен некий Ди Лючия, который вскоре тоже причинил СИС немало хлопот. За очень короткое время он составил, по его утверждению, картотеку на несколько тысяч подозреваемых — труд, который так и не принес никаких положительных результатов. Однако главная беда заключалась в другом. Пятой секции удалось установить, что одним из основных источников Ди Лючии оказался темный и опасный тип, действовавший в Португалии под фамилией Александер. Из материалов радиоперехвата было известно, что он передавал информацию абверу. Вскрыв чешскую дипломатическую почту, англичане обнаружили также, что Александер работал и на полковника Пана, бывшего тогда представителем чешской разведки в Лиссабоне. Пришлось потратить несколько месяцев, чтобы придумать способ предупредить Пана, не раскрывая ему источника информации. С удивительной тупостью Пан отказывался принимать эти искренние предупреждения. «Вот дуб!» — раздраженно заметил однажды Дик Уайт после очередной безуспешной встречи. Чаша терпения переполнилась, когда Ди Лючия включил агента абвера Александера в список своих оплачиваемых агентов. После наших бесконечных предостережений УСС наконец отправило Ди Лючию вслед за Оливерой. УСС решило обратиться к человеку СИС в Лиссабоне с просьбой изложить свои соображения о качествах, желательных для представителя УСС на таком бойком месте. Ответ последовал немедленно: «Ради бога, пришлите человека по фамилии Смит». Вопреки желанию Каугилла я показал телеграмму Пирсону. Он сделал вид, что она его развеселила.

Во второй половине 1942 года пришла весть, что в принципе принято решение о вторжении в Северную Африку. На пятую секцию возложили обязанность своевременно поставлять информацию в штабы армий, готовившихся к вторжению. Материалы, которые предстояло посылать, должны были касаться деятельности абвера и итальянской военной разведывательной службы в Северной Африке, а также симпатизировавших им людей среди специальных служб вишистского режима.

Каугилл увидел в этом и трудности, и новые возможности. Трудности заключались в обеспечении секретности источников секции, в том чи-

сле и радиоперехвата при передаче материалов армейским штабам. Каугилл успешно доказал, что это можно сделать, придав штабам специальные группы из сотрудников пятой секции или специально подготовленных людей. Выиграв по этому пункту, Каугилл без труда доказал, что выполнять новые обязательства он сможет только при значительном увеличении ассигнований. Из этой битвы он тоже вышел победителем. В результате Каугилл смог расширить штат, а также повысить жалованье многим сотрудникам.

Мимоходом замечу, что расширение аппарата дало мне возможность установить приятнейшее знакомство с двумя людьми. Для усиления пятой секции к нам вернулся Грэм Грин из Фритуана, где он, как предполагалось, следил за интригами вишистской Франции. Да простит он меня за откровенное признание, но я не могу припомнить каких-либо его блестящих достижений в Западной Африке. Может быть, французы не вели интриг? Я помню, однако, совещание, где обсуждалось предложение Грина об использовании одного бродячего борделя для разложения французов. Предложение обсуждалось вполне серьезно. Отвергли его лишь потому, что показалось маловероятным, чтобы оно помогло получить важные разведывательные данные. К счастью, Грина назначили ко мне в подсекцию, где я поручил ему Португалию. Ему доставляло удовольствие поддевать УСС, а его едкие комментарии по поводу входящей переписки служили для всех ежедневным развлечением.

Примерно в это же время на нашем горизонте появился Малькольм Маггеридж. У него всегда был возмущенно-растерянный вид. Сначала его заслали в Лоренсу-Маркиш, слишком далеко, на мой взгляд. Его главным противником стал итальянский консул Кампини, усердно доносивший о передвижении английских кораблей. Я обрадовался, когда интерес секции к Кампини иссяк и Маггериджа вернули назад, поручив ему заниматься различными аспектами французских дел. Его упорная оппозиция к политике дня (какой бы она ни была) вносила в нашу жизнь нечто человеческое.

За несколько недель до вторжения в Северную Африку Каугилл спросил, не возьму ли я на себя обязанности по этому району. Прежде Северная Африка входила во французское направление, но по причинам, не очень мне понятным, было решено, что передача ее в мое ведение принесет только пользу. Я без колебаний принял предложение. Нам удалось к тому времени довольно основательно прижать абвер в Испании и Португалии, мы регулярно захватывали немецких агентов, и у меня не было оснований отказываться от дополнительных обязанностей. Меня лично устраивала возможность быть ближе к активным боевым действиям. Расширение сферы моей деятельности в тот критический момент внушало надежду, что в дальнейшем, по мере продвижения союзных армий, круг моих обязанностей станет еще шире. Эта надежда со временем оправдалась.

Мои новые обязанности скорее были связаны с политикой, чем с разведывательной работой. Вышеупомянутые специальные группы, должным образом сформированные и приданные армейским штабам, получили название специальных контрразведывательных подразделений (СКП). Этот термин — безусловный американизм, уступка, вызванная тем, что верховное командование возглавлял американец. Нам раздали также новые штампы с грифом «Топ Сикрет» вместо «Мост Сикрет» («Top Secret» — американский термин в отличие от «Most Secret» — английского термина. Оба переводятся как «Совершенно секретно», — Прим. пер.). Все это было лишь прелюдией к последующим событиям, но тогда англичане по своей наивности восторженно относились к своему «драгоценному Эйзенхауэру».

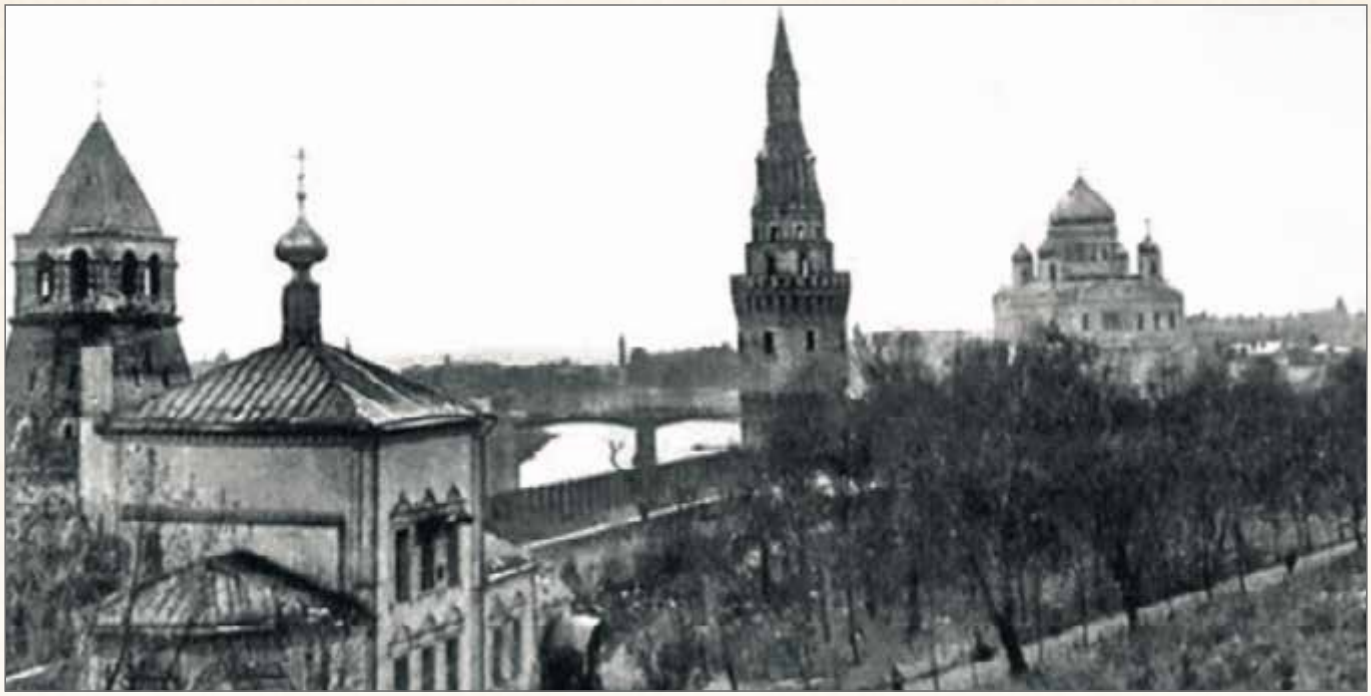
Основная наша работа, если можно так ее назвать за неимением лучшего слова, касалась в то время отношений с французами. В течение некоторого времени к пятой секции был прикреплен деголлевский контрразведчик с весьма неопределенными функциями. К нему прикомандировали самую хорошенькую секретаршу на том основании, что она говорила по-французски, а в остальном держали его на почтительном расстоянии. Трудно сказать, что заставляло Каугилла сохранять сдержанность по отношению к Пасси, возглавлявшему деголлевскую разведывательную организацию — Центральное бюро информации и действий. Зато, когда резко изменилась политическая ситуация и недавние враги Дарлан и Жиро стали друзьями, Каугилл с распростертыми объятиями встретил вишистского контрразведчика майора Пайоля. Майор на самом деле оказался очень приятным человеком, и его враждебное отношение к странам оси не вызывало сомнений. И все же я никак не мог понять, какую пользу интересам разведки приносило взятое Каугиллом обязательство защищать Пайоля от всех и вся. Возможно, Каугилл просто не мог относиться к нему иначе. Что из всего этого в конце концов получилось, я не знаю. Прежде чем этот вопрос разрешился, если он вообще разрешился, я ушел с головой в проблемы итальянской кампании.

Расширение Каугиллом в 1942-1943 годах круга моих обязанностей — сначала передачей мне Северной Африки, а затем и Италии — наводило на мысль, что я начинаю делать карьеру в секретной службе. Это подтвердилось вскоре после нашего переезда в Лондон. До этого в редкие периоды своего отсутствия — по случаю отпуска или по делам службы — Каугилл оставлял за себя своего заместителя Фергюсона. Фергюсон тоже пришел в секцию из индийской полиции и запомнился мне главным образом своей болезненной нерешительностью.

Однажды Каугиллу предстояло нанести официальный визит в Соединенные Штаты, где он предполагал пробыть две-три недели. Накануне отъезда Каугилл ознакомил всех сотрудников пятой секции с приказом, который гласил, что в его отсутствие Фергюсон будет выполнять обязанности заместителя по административным вопросам, а я в таком же качестве буду ведать всеми разведывательными делами. Так мне впервые официально дали понять, что я стою на ступеньке к повышению. Бедный Каугилл! ■

П.Д. МАЛЬКОВ

КОНЕЦ ЗАГОВОРА ЛОККАРТА



▲ Кремль 1918 год

Было около часа ночи. Я сидел у себя в кабинете, в комендатуре Кремля, и старался вникнуть в накопившиеся за эти дни бумаги. Сосредоточиться, однако, никак не удавалось, и не потому, что шла вторая кряду бессонная ночь — это было не в диковинку, — но слишком сильно было потрясение от последних событий. Мысли невольно возвращались все к одному... Внезапно раздался резкий, пронзительный телефонный звонок. Я настолько глубоко задумался, что даже вздрогнул от неожиданности, поспешно хватая трубку.

— Мальков? — послышался глуховатый, неторопливый голос заместителя председателя ВЧК Петерса. — Приезжай сейчас в ЧК, ко мне. Есть срочное дело. Положив трубку, я пристегнул к ремню свой неизменный кольт, вызвал машину и, предупредив дежурного по комендатуре, что еду в ЧК, к Петерсу, вышел на улицу. Было еще по-летнему тепло. Высоко в небе мерцали звезды, из-за Кремлевской стены доносился чуть слышный шелест листвы деревьев в Александровском саду. Под сводами Троицких ворот привычно светилась лампочка возле поста проверки пропусков, неярко горели уличные фонари. Свет виднелся и во многих окнах Потешного дворца, Кавалерского корпуса и других зданий, выходивших на Дворцовую улицу. Там, по-видимому, не спали. Над Кремлем нависла какая-то необычная, напряженная, тревожная тишина. Шла ночь с 31 августа на 1 сентября 1918 года...

Немногим более суток прошло с тех пор, как шофер Ленина — Гиль привез с завода Михельсона раненого Ильича. На нашу молодую, истекающую кровью Республику обрушился самый страшный, самый тяжелый удар...

Между тем положение в августовские дни 1918 года и без того было крайне тяжелым. Крым, Дон, Украина, северо-западные губернии России, Прибалтика были захвачены немецкими оккупантами. В Архангельске и Мурманске хозяйничали английские, французские и американские интервенты. Десятками и сотнями хватали коммунистов, рабочих, бросали их в тюрьмы, ставили к стенке.



Мальков Павел Дмитриевич (1887-1965) —большевик с 1904 г., участник революции 1905-1907 гг. Родился 17 ноября 1887 г. в слободе Кукарка в семье крестьянина, ныне город Советск Кировской области. С 1910 г. служил на Балтийском флоте на крейсере «Диана», член подпольной большевистской организации. После Февральской революции 1917 г. член Гельсингфорского комитета РСДРП, член Центробалта. В октябре 1917 г. командовал отрядом матросов, участвовал в штурме Зимнего дворца. С 29 октября первый комендант Смольного, с марта 1918 г. комендант Московского Кремля. 3 сентября 1918 г. привел в исполнение приговор, расстрелял в Кремле Фанни Каплан, террористку, покушавшуюся на жизнь и ранившую вождя революции В.М. Ленина. На посту коменданта Московского Кремля Мальков оставался до лета 1920 года. В 1920-1922 гг. в рядах Красной Армии, на фронтах Гражданской войны. С 1923 г. на руководящей хозяйственной работе. П.Д. Мальков был участником и свидетелем многих исторических событий. Его память сохранила ряд интересных эпизодов, малоизвестных широкому читателю. Работа в качестве коменданта Московского Кремля давала ему возможность часто встречаться с В.И. Лениным и другими видными деятелями Советского государства. По роду своей деятельности П.Д. Мальков был больше всего связан с Я.М. Свердловым, Ф.Э. Дзержинским, В.А. Аванесовым. Умер 22 ноября 1965 г. в Москве, похоронен на Новодевичьем кладбище.

По Уралу и Сибири мутной волной катились белогвардейские восстания и белочешский мятеж. В руках белогвардейцев и контрреволюционных чехословацких частей оказались Уфа, Екатеринбург, Самара, Казань, Симбирск, Оренбург. Ожесточенная борьба развернулась и в нашем глубоком тылу, по всей территории Советской России. То тут, то там вспыхивали белогвардейско-эсеровские мятежи, горели продовольственные склады, взрывались железнодорожные мосты. От вражеских пуль пали в Петрограде Володарский и Урицкий. Под Балашовом был пущен под откос поезд Подвойского, и Николай Ильич уцелел чудом. Шпионаж, диверсия, вредительство, террор — все наиболее гнусные, отвратительные средства пустила в ход контрреволюция, стремясь задушить первое в мире государство рабочих и крестьян.

В борьбе против Советской власти русские белогвардейцы, меньшевики и эсеры объединились с немецкими, английскими, американскими, французскими, японскими империалистами. Самые подлые заговоры зарождались в тиши дипломатических кабинетов, вынашивались за стенами иностранных миссий. Сотрудники представительств бывших союзных держав России — Англии, Франции, США, — прикрываясь дипломатической неприкосновенностью, нагло вмешивались в наши внутренние дела, тратили миллионы на подкуп советских граждан в контрреволюционных целях, на организацию диверсий, шпионажа, террора.

Чтобы пресечь преступную деятельность белогвардейских, эсеровских и иных заговорщиков, надо было ответить ударом на удар, обезглавить и уничтожить заговорщические центры. Накануне злодейского покушения на Ленина, 24–26 августа 1918 года, в Москве была раскрыта крупная белогвардейская контрреволюционная организация и арестовано свыше ста заговорщиков. Был ликвидирован и ряд других организаций, помельче. Следствие показало, что нити почти всех заговоров тянутся в британскую, американскую и французскую миссии. В руки ВЧК поступил за последние дни и новый материал, полностью изобличавший некоторых из находившихся в Москве иностранных дипломатов в организации контрреволюционного заговора с целью свержения Советской власти.

Кое-что об этом заговоре я слышал уже до звонка Петерса, но ни подробностей, заговора, ни как он был раскрыт не знал. Все это мне стало известно несколько позже. Не знал я, когда ехал по вызову Петерса в ЧК в ночь с 31 августа на 1 сентября, также и о том, что принято решение о ликвидации заговора и об аресте его главарей.

Подъехав к зданию ВЧК, я велел шоферу ждать, а сам быстро взбежал наверх, в кабинет Петерса. Навстречу мне из-за стола поднялся высокий, худощавый латыш с широким скуластым лицом. Говорил Петерс всегда не спеша, медленно, как бы с трудом подбирая каждое слово, с сильным латышским акцентом. Движения



▲ Петерс Я.Х.

у него были тоже медлительные, скупые, зато спокойные и уверенные. И сейчас Петерс был нетороплив и немногословен.

— Поедешь брать Локкарта, — сказал он, — вот ордер. Ты ведь его знаешь, тебе и карты в руки. В помощь возьми одного чекиста и милиционера. Хватит?

Я ответил, что хватит.

— Учти, — продолжал Петерс, — действовать надо решительно, но... культурно. Как-никак фактический глава британской миссии в России. Так что постарайся быть с ним повежливей, поделикатней. Однако обыск проведи как следует, а если попытается оказать сопротивление, ну, тогда...

— Да нет, — отвечаю, — Локкарта я знаю. Он сопротивляться не будет.

С минуту подумав, Петерс заметил:

— Сопротивляться Локкарт, пожалуй, действительно не будет. Не его это стиль, да и трусоват он к тому же. Корчит из себя этакого святошу, самую грязную часть работы перекладывает на своих помощников, чтобы у самого руки оставались чистыми. Однако предусмотреть надо все. Сам понимаешь.

Я, конечно, понимал Локкарт — не простой белогвардеец, эсер или бандит. Дипломат!

Взяв ордер, я вышел из кабинета Петерса. В приемной уже ожидал выделенный мне в помощь сотрудник оперативного отдела, крепкий, подтянутый чекист лет тридцати пяти — сорока, в штатском. Все в нем — чистый, опрятный, хоть и поношенный костюм, немного сдвинутая на затылок кепка, въевшаяся в кожу рук черная металлическая пыль, мозоли, чувствовавшиеся на его ладонях при крепком рукопожатии, — выдавало коренного рабочего, скорее всего токаря или слесаря, недавно оставившего станок.

Чтобы не терять времени попусту, я решил проинструктировать его в машине по дороге к Локкарту, и, обменявшись несколькими незначительными фразами, мы спустились вниз, вышли на улицу и сели в поджидавшую машину. Шофер, выбравшись из машины, достал из-под сиденья заводную рукоятку, повозившись с полминуты, приладил ее, несколько раз крутанул (стартеров тогда еще не было и в помине), и мотор заработал. Мы тронулись.

Локкарт жил в Хлебном переулке, в районе Поварской. Туда мы и направились. Миновав просторную Лубянскую площадь, машина помчалась вниз, пересекла Театральную площадь, Никитскую и свернула на Воздвиженку. Моховая, Воздвиженка, как и другие центральные

улицы, уже не говоря об окраинах, еле освещались тусклыми фонарями, горевшими на большом отдалении друг от друга. Целые кварталы тонули в сплошном мраке. Желтые, дрожащие снопы света, бросаемые фарами нашей машины, вырывали из темноты то стены домов, то заколоченные витрины давно бездействовавших магазинов. Прохожих почти не попадалось.

Пока мы ехали через центр и по Воздвиженке, я успел вкратце посвятить своего спутника в существо предстоящей операции. Она не казалась мне сложной, поскольку с Локкартом я не раз ранее встречался, он знал меня, и я был уверен, что ни особого шума он не поднимет, ни скандала устраивать не будет. Вообще это был скорее интриган, способный исподтишка строить любые козни, науськивать других, но вряд ли пожелавший бы даже в случае крайней нужды рисковать собственной шкурой.

Впервые я встретился с Локкартом еще в Питере, в Смольном, в конце февраля 1918 года, как раз в те дни, когда немецкий генеральный штаб, нарушив перемирие с Советской Россией, двинул на нас свои войска. Ленин, Свердлов и некоторые другие члены ЦК потребовали принятия германских условий и немедленного заключения мира. Троцкий упорно возражал, выдвинув хитроумный лозунг, грозивший гибелью Советской Республике: войны не ведем, мира не подписываем. «Левые коммунисты» во главе с Бухариным оголтело требовали «революционной войны», кричали о недопустимости «переговоров с империалистами», ведя, по существу, дело к срыву заключения мира с Германией. Вот тут-то и появился в Смольном глава британской миссии в Советской России господин Локкарт.

Локкарт приехал в Россию в конце января 1918 года в качестве агента Британского правительства и фактического руководителя британской миссии взамен уехавшего незадолго до этого в Англию посла Великобритании в России Джорджа Бьюкенена. Английские дипломаты, как и дипломаты США и Франции, стремились всеми силами и средствами воспрепятствовать выходу Советской России из войны, помешать заключению Брестского мира. Они были не прочь сыграть на внутрипартийных разногласиях и использовать в своих интересах противников Брестского мира, среди которых одним из наиболее яростных был Троцкий. Сам Локкарт в своих мемуарах впоследствии писал: «Лондон неоднократно рекомендовал мне заняться расследованием вопроса о резких противоречиях между Лениным и Троцким, на которые наше правительство возлагало большие надежды».

Очевидно, с целью «расследования» и «использования» той политики, которую Троцкий и его сторонники пытались противопоста-



▲ Роберт Локкарт



▲ Троцкий Л.Д.



▲ Смольный, 1917 г.

вить Ленину, Локкарт накануне того, как ЦК должен был принять окончательное решение о Брестском мире, и явился в Смольный для личных переговоров с Троцким, занимавшим тогда пост Народного комиссара по иностранным делам.

Числа 23–24 февраля ко мне в комендантский отдел в Смольном часовые привели задержанного у входа высокого, худощавого иностранца, одетого в хорошо сшитую военную форму цвета хаки. Его внешнее спокойствие, военная выправка, сухое, энергичное лицо под густой шапкой темно-русых, зачесанных назад волос говорили, что человек это бывалый, хотя на вид ему и нельзя было дать более тридцати — тридцати пяти лет. По-русски он говорил совершенно свободно, без всякого акцента.

На мои вопросы, кто он такой, зачем сюда явился и откуда достал пропуск в Смольный, задержанный ответил, что он агент британского правительства, зовут его Локкарт, а явился он к «мистеру Троцкому», с которым предварительно сговорился по телефону и который «любезно предоставил» ему пропуск.

Я тут же позвонил «мистеру Троцкому», а тот, резко указав мне, что я не имел права задерживать «иностранного дипломата», велел немедленно провести Локкарта к нему. (Троцкий вообще говорил почти со всеми оскорбительно, свысока, по-барски. Впрочем, с Локкартом он был весьма любезен.) Сам я, конечно, Локкарта к Троцкому не повел, поручив это часовому, и Локкарт довольно вежливо, хотя и слегка иронически распростился со мной и отправился к Троцкому. Так состоялось наше первое знакомство с мистером Локкартом.

Естественно, что этой мимолетной встречи было недостаточно, чтобы получить какое-то, кроме чисто внешнего, представление о Локкарте, однако в дальнейшем мне пришлось еще несколько раз пропускать его в Смольный к Троцкому, а затем и познакомиться с ним поближе. Произошло это в марте 1918 года при следующих обстоятельствах.

После отъезда Советского правительства в Москву я, по указанию Ильича задержался на несколько дней в Петрограде. Наконец все дела были закончены, можно было двигаться, а тут как раз ехал а Москву Троцкий. В поезде Наркоминдела мне и предоставили место. Ехал я просто пассажиром, к охране поезда никакого отношения не имел и кто, кроме Троцкого, едет в этом поезде, не знал.

В назначенное время я приехал на вокзал и забрался в свое купе. Поздним вечером, когда поезд уже тронулся, вышел я в коридор, вдруг вижу — Локкарт! Собственной персоной. Стоит себе, улыбается и этак рукой меня приветствует. Да не один. С ним еще какой-то долговязый, худой, с узким лицом и пепельно-серыми волосами, бесцветный англичанин — как я узнал потом, помощник Локкарта Гикс — и тощая злобная секретарша.

Оказывается, Троцкий распорядился предоставить Локкарту и его ближайшим сотрудникам два купе

в поезде Наркоминдела, и англичане разместились как раз по соседству со мной.

Вот тут-то у нас и состоялось более близкое знакомство с Локкартом. Хотя во время путешествия, длившегося около суток, Локкарт несколько раз по приглашению Троцкого бегал к нему в вагон и иногда подолгу там засиживался, он находил время и для того, чтобы (без всякого, конечно, приглашения) приходить ко мне в купе и приставать с бесконечными разговорами, расспросами, рассказами.

Говорун он был отменный. Занятно рассказывал о своих путешествиях, делился воспоминаниями о различных эпизодах из своей прошлой жизни в Москве, где, как оказалось, он работал в качестве английского консула еще до войны, чуть ли не с 1912 года, и откуда уехал уже после Февральской революции. Таким образом, в России Локкарт был далеко не впервые.

Рассказывая о себе, Локкарт заодно пытался осторожно расспрашивать и меня о моей службе во флоте (я не расставался с матросской формой), о работе в Смольном. Слушать-то его я слушал, а сам все больше помалкивал или отделывался односложными ответами. Так мы и беседовали. В результате я попал в число «знакомых» Локкарта, а заодно составил себе о нем некоторое представление. Теперь, когда мне предстояло арестовать Локкарта, это знакомство могло пригодиться.

Захватив в районной милиции одного милиционера, мы свернули к Хлебному переулку и, немного не доезжая до дома № 19, где жил Локкарт, остановились. Было уже около двух часов ночи.

Без труда отыскав нужный подъезд, мы, освещая себе дорогу зажигалками — на лестнице стояла кромешная тьма, света, конечно, не было, — поднялись на пятый этаж, где находилась квартира Локкарта. Поставив на всякий случай своих помощников несколько в стороне, так, чтобы, когда дверь откроется, их из квартиры не было видно, я энергично постучал в дверь. Прошло минуты две-три, пока, после повторного стука, за дверью не послышались чьи-то шаркающие шаги. Загремел ключ, брякнула цепочка, и дверь слегка приоткрылась. В прихожей горел свет, и в образовавшуюся щель я увидел фигуру знакомой мне по путешествию из Петрограда в Москву секретарши Локкарта.

Попробовал потянуть дверь на себя, не тут-то было. Секретарша предусмотрительно не сняла цепочки, и дверь не поддавалась. Тогда я встал таким образом, чтобы свет из прихожей падал на меня, и, дав секретарше возможность рассмотреть меня со всех сторон, как мог любезнее поздоровался с ней и сказал, что мне необходимо немедленно видеть господина Локкарта. Секретарша не повела и бровью. Сделав вид, что не узнает меня, она ломаным русским языком начала расспрашивать, кто я такой и что мне нужно.

Вставив ногу в образовавшуюся щель, чтобы дверь нельзя было захлопнуть, я категорически заявил, что мне нужен сам господин Локкарт, которому я и объясню цель столь позднего визита. Секретарша, однако, не сдавалась и не выказывала ни малейшего намерения открыть дверь. Неизвестно, чем бы кончилась уже начавшая раздражать меня словесная перепалка, если бы в прихожей не появился помощник Локкарта Гикс.

Увидев меня через щель, он изобразил на своей бесцветной физиономии подобие улыбки и скинул цепочку.

— Мистер Манков? — так англичане меня называли. — Чем могу быть полезен?

Я немедленно оттеснил Гикса и вместе со своими спутниками вошел в прихожую. Не вдаваясь в объяснения с Гиксом, я потребовал, чтобы он провел меня к Локкарту.

— Но, позвольте, мистер Локкарт почивает. Я должен предупредить его...

— Я сам предупрежу, — заявил я таким решительным тоном, что Гикс, поняв, как видно, в чем дело, отступил в сторону и молча указал на дверь, ведущую в спальню Локкарта. Все четверо — мои помощники, я и Гикс — вошли в спальню. Мы оказались в небольшой узкой комнате, обстановка которой состояла из двух удобных мягких кресел, карельской березы платяного шкафа, того же, что и шкаф, дерева туалетного столика, уставленного изящными безделушками, и широкой оттоманки, покрытой свисавшим до пола большим красивым ковром. Пушистый расписной ковер лежал и на полу. Кровати в комнате не было. Локкарт спал на оттоманке, причем спал настолько крепко, что не проснулся, даже когда Гикс зажег свет. Я вынужден был слегка тронуть его за плечо. Он открыл глаза.

— О-о! Мистер Манков?!

— Господин Локкарт, по постановлению ВЧК вы арестованы. Прошу вас одеться. Вам придется следовать со мной. Вот ордер.

Надо сказать, что ни особого недоумения, ни какого-либо протеста Локкарт не выразил. На ордер он только мельком глянул, даже не удосужившись как следует прочесть его. Как видно, арест не явился для него неожиданностью.

Чтобы не стеснять Локкарта, пока он будет одеваться, и не терять даром времени, я сообщил ему, что вынужден произвести обыск в его квартире, и, бегло осмотрев спальню, вышел вместе со своими помощниками и Гиксом в соседнюю комнату, смежную со спальней, — кабинет Локкарта.

Между прочим, Локкарт в своих мемуарах, о правдивости которых можно судить хотя бы по тому, как он описывает сцену своего ареста, изображает дело так:

«...В половине четвертого раздался грубый голос, приказывавший мне встать. Первое, что увидели мои глаза, было стальное дуло револьвера. В моей комнате стояло около десяти вооруженных людей. Предводителя их я знал, это был прежний комендант Смольного Манков. На мой вопрос, что все это означает, он ответил отрывисто и сухо:

— Оставьте ваши вопросы и одевайтесь! Вы будете отвезены на Лу-

бянку, №11... Пока я одевался, чекисты перерыли всю нашу квартиру в поисках уличающих нас бумаг».

Бывает, что у некоторых от страха двоится в глазах, у Локкарта, очевидно, троилось, если три человека превратились в десять, да еще вооруженных, хотя ни у кого из нас, кроме милиционера, никакого оружия Локкарт видеть никак не мог, да и милиционер не вынимал, конечно, своего нагана из кобуры, у меня же кольт висел под матроской, у чекиста пистолет лежал в заднем кармане брюк. Как я уже сказал, предоставив Локкарту возможность спокойно одеться, мы перешли из спальни в кабинет. Кабинет Локкарта был немного побольше спальни. Там стояли письменный стол красного дерева, такой же книжный шкаф, небольшая кушетка, несколько стульев и кресел. Мебель была стильная, дорогая. Пол, как и в спальне, был покрыт пушистым ковром.

Обыск кабинета я взял на себя, а мои помощники обыскивали остальные комнаты квартиры Локкарта.

В ящиках стола оказалось множество писем, различных бумаг, пистолет и патроны. Кроме того, там была весьма значительная сумма русских царских и советских денег в крупных купюрах, не считая «керенок». Ни в шкафу, ни где-либо в ином месте я больше ничего не нашел. Ничего не обнаружилось и в других комнатах, хотя мы тщательно все осмотрели, прощупали сиденья и спинки мягких кресел, кушеток и диванов, простукали стены и полы во всех комнатах. Искали внимательно, но, как и предупреждал Петерс, деликатно: не вскрыли ни одного матраца, ничего из мягкой мебели. Пока я обыскивал кабинет, Локкарт успел одеться. Я предложил ему присутствовать при обыске и предъявил переписку, деньги и оружие, которое забирал с собой для передачи Петерсу.

По окончании обыска мы все: Локкарт, мои помощники и я — вышли на улицу и сели в поджидавшую нас машину. Было уже около пяти часов утра, рассвело, на востоке, за видневшимися с Воздвиженки стенами Кремля, разгоралась заря, вот-вот должно было взойти солнце...

Сдав арестованного дежурному по ВЧК, я поспешил в Кремль. Зайдя на несколько минут к себе в комендатуру и узнав, что никаких происшествий за время моего отсутствия не произошло, я пошел в Совнарком, надеясь встретить Николая Александровича Семашко, наркома здравоохранения, Бонч-Бруевича, а то и Якова Михайловича и от них узнать, как чувствует себя Ильич.

Быстро поднявшись на третий этаж здания Совнаркома, я прошел сначала в приемную — там никого не было, затем, по пустому коридору, к квартире Ильича. Завидев меня, постовой возле входа в квартиру поднялся и шепотом доложил, что на его посту все в порядке. Я его расспросил, как прошла ночь, как



▲ Бонч-Бруевич В.Д.



▲ Петерс и Дзержинский

себя чувствует Ильич, — уж он-то должен был хоть что-нибудь знать. Часовой сказал мне, что вроде ничего тревожного за ночь не было. Спит, говорят, Ильич спокойнее, чем вчера, врачи, судя по выражению их лиц, вроде немного повеселели.

Побеседовав с часовым, я спустился вниз, на улицу, и пошел проверять посты. Поднялся возле Спасской башни на Кремлевскую стену и обошел по стене весь Кремль, проверив каждого из стоявших на стене часовых, затем обошел посты внутри Кремля. Все было в порядке.

Тем временем Кремль уже проснулся, начался день, кончилась еще одна бессонная ночь. Зайдя домой — жил я напротив комендатуры, возле Троицких ворот — и наскоро перекусив, я вернулся в комендатуру, решил самые неотложные вопросы и снова приехал в ВЧК к Петерсу. Было около десяти часов утра.

Дежурный по приемной сказал, что Петерс только часа два назад лег спать, однако просил в 10 часов его разбудить. Я вошел в кабинет. Петерс крепко спал на простом кожаном диване, стоявшем тут же, в кабинете. Мне пришлось чуть не стащить его за ногу на пол, чтобы добудиться. Это и понятно, ведь за трое суток заместитель председателя ВЧК впервые прилег отдохнуть, и то всего на два часа. Трудно ему было в эти дни. Феликс Эдмундович еще не вернулся из Петрограда, куда он уехал 30 августа, сразу по получении известия об убийстве Урицкого, и где, как мы знали, он лично руководил операцией по ликвидации крупного заговора, организованного помощниками Локкарта в Петрограде. Как раз в прошедшую ночь там, в Петрограде, чекисты окружили здание британского посольства и накрыли многочисленное конспиративное сборище заговорщиков.

Контрреволюционеры пытались оказать вооруженное сопротивление, и в перестрелке было убито и тяжело ранено несколько человек. Сопротивление было сломлено, и заговорщиков арестовали. Среди них оказались ряд белогвардейцев, в том числе офицер царской армии князь Шаховской, и несколько сотрудников английского и американского посольств.

Я едва успел сообщить Петерсу подробности ареста Локкарта и выслушать его рассказ о событиях в Петрограде, как вошел дежурный и доложил, что «оттуда» привезли неизвестную женщину, задержанную засадой.

Я с недоумением посмотрел на Петерса. Он перехватил мой взгляд.

— Я велел на всякий случай возле квартиры Локкарта организовать засаду, — пояснил Петерс, — вот, по-видимому, кто-то и попался. Сейчас выясним. Пусть введут задержанную, — приказал он дежурному.

Дежурный впустил в кабинет двух молодых женщин и вышел, плотно прикрыв за собой двери. Одна из вошедших, чуть выше среднего роста, лет тридцати — тридцати двух, была очень хороша собой. Ее красивое лицо обрамляли густые каштановые волосы, с изящной небрежно-

стью выбивавшиеся из-под модной шляпки. Одета она была в скромное, но очень элегантное, с большим вкусом сшитое платье, ловко облегавшее ее стройную фигуру. Через левую руку было перекинуто легкое летнее пальто, а в правой она держала жестяной бидон, совсем не шедший ко всему ее облику. Держалась она спокойно, уверенно.

Вторая, строгая, подтянутая девушка, в хорошо пригнанном полувоенном костюме, держала в руке толстый пакет. Она шагнула вперед, протянула Петерсу пакет и спокойно, четко доложила, что около часа назад возле квартиры № 24 в доме № 19 по Хлебному переулку засада задержала неизвестную гражданку, пытавшуюся пройти в указанную квартиру (кивком она указала на женщину с бидоном). При ней был обнаружен запечатанный пакет без адреса или каких-либо надписей. Пакет изъят.

— Вот он, — показала она на переданный Петерсу пакет.

Петерс молча выслушал молодую разведчицу, не спеша поднялся из-за стола, пожал ей руку, поблагодарил за бдительность и отпустил, а задержанной кивнул на стул, стоявший против стола. Затем, так же молча, вскрыл пакет, просмотрел содержавшиеся в нем бумаги и протянул мне. Это были данные о дислокации частей Красной Армии и оперативные сводки с фронтов.

Во время всей этой немой сцены лицо Петерса оставалось хмурым и бесстрастным, словно было высечено из камня. Спокойно держалась и сидевшая напротив нас молодая женщина, и только легкий румянец, выступивший на ее лице, когда Петерс начал читать содержимое пакета, да предательское дрожание нижней губы, которую она чуть прикусила, выдавали ее волнение.

— Имя, фамилия? — спокойно спросил Петерс.

— Мария Фриде.

— К кому вы шли в ту квартиру, возле которой вас задержали? Зачем?

— Понимаете, это просто недоразумение. Я никого в этой квартире не знаю...

— Не знаете? А откуда у вас этот пакет, — Петерс чуть приподнял лежавшей перед ним конверт, — тоже не знаете?

— Нет, почему же, это я знаю. Мне вручил его какой-то незнакомый человек, но что в нем находится, мне совершенно неизвестно.

— Неизвестно?.. — Петерс все не повышал голоса, и тем суровее, жестче звучали его вопросы.

— Да, да. Прошу мне верить. Я вышла утром поискать молока. Видите? — Слегка нагнувшись, она показала на бидон, который поставила на пол возле своих ног, когда садилась к столу. — Иду по Хлебному переулку, вдруг подходит ко мне какой-то человек и говорит, что ему нужно передать этот пакет в двадцать четвертую квартиру того дома, с ко-



▲ Урицкий М.С.



▲ Свердлов Я.М.



▲ Ленин на смотре войск

торым я как раз поравнялась, а он очень спешит, так не смогу ли я оказать ему одолжение и занести пакет. Просил он очень убедительно, производил впечатление вполне порядочного, интеллигентного человека, ну я и согласилась. Вот и все.

Она замолчала. Молчал, глядя на нее в упор, и Петерс. Прошла минута, две... Не выдержав, Мария Фриде начала вновь повторять с мельчайшими подробностями, как таинственный незнакомец вручил ей пакет, описывала его внешность, костюм.

— Врете, — внезапно, но все так же невозмутимо, по-прежнему не повышая голоса, перебил ее Петерс.

Мария Фриде, словно споткнувшись с разбегу, прервала на полуслове:

— Что?

— Все. Все врете, — отрезал Петерс. — Откуда у вас пакет? Кому его несли?

— Но богом клянусь...

— Не клянитесь, в бога мы не верим. Родственники есть? Семья?

— Есть два брата.

— В Москве, работают в каком-то комиссариате, не знаю в каком.

— Так не намерены рассказывать правду? Надеетесь, что мы поверим нелепому вымыслу, будто вы сами не знали, куда, к кому и с чем шли?

— Я говорю все, как было.

Петерс вызвал дежурного:

— Уведите задержанную. Поместите в камере, в одиночке. Пусть на досуге подумает...

В тот же день были арестованы оба брата Марии Фриде, оказавшиеся махровыми белогвардейцами. Один — подполковник, другой — капитан царской армии. Братья в качестве военных специалистов пробрались на работу в Комиссариат по военным делам, похищали там секретные оперативные документы и через сестру передавали их Локкарту и его помощникам. Игра Марии Фриде была проиграна.

После того как Фриде увели, Петерс сказал мне, что Локкарта он решил выпустить. Я даже опешил от неожиданности. Однако Петерс успокоил меня. Он сказал, что сейчас, побывав под арестом, Локкарт не опасен, так как вынужден будет на время свернуть активную контрреволюционную деятельность, да и большинство его помощников и агентов арестовано. Находясь же на свободе, Локкарт может, сам того не подозревая, принести кое-какую пользу. За ним будет организовано тщательное наблюдение, и, глядишь, кто-нибудь из его сообщников, еще не известный чекистам, попытается с ним связаться и будет выявлен. Имеются и некоторые дипломатические соображения, говорящие в пользу освобождения Локкарта. Деваться же он никуда не денется и в случае необходимости в любой момент вновь окажется за решеткой. По словам Петерса, он уже советовался с Яковом Михайловичем и с Чичериным, (Народный комиссар иностранных дел) и получил соответствующие указания.

Рассказал, мне Петерс и некоторые подробности заговора Локкарта. Обстоятельнее я все узнал несколько позже от Аванесова. Довольно подробно писали о заговоре в первых числах сентября и наши газеты. Само собой разумеется, в газетах приводились не все подроб-

ности, не указывалось, как на самом деле был арестован Локкарт, тем более что для широкой публики, среди которой могли оказаться его сообщники, нужно было дать логичное объяснение его освобождению менее чем через сутки после ареста. Поэтому в газетных сообщениях указали, что Локкарта задержали будто бы случайно на конспиративной квартире и по установлении личности выпустили.

Заговор Локкарта был одним из самых крупных контрреволюционных заговоров в первые годы существования Советской власти и, пожалуй, одним из наиболее ярких примеров необычайно наглого, беззастенчивого вмешательства иностранных держав в наши внутренние дела. В самом деле, ведь надо только подумать: официальный представитель иностранного государства в нашей стране, глава иностранной миссии, вопреки всем законам, нормам и правилам взаимоотношений между государствами, вопреки элементарным требованиям совести, чести и морали, пользуясь правами дипломатической неприкосновенности, готовит свержение того самого правительства, с которым поддерживает официальные отношения, и убийство его руководителей. Он подкупает граждан той страны, которая гостеприимно приняла его в качестве дипломатического представителя, и швыряет им миллионы, требуя, чтобы они свергли свое правительство и уничтожили признанных вождей советского народа. Что может быть циничнее и гнуснее? Причем ставится еще и цель — страну, вышедшую из войны и заключившую мир, вновь втянуть в бойню, вновь погнать ее народ на поля сражений. Такова в основных чертах была суть заговора Локкарта, раскрытого и обезвреженного благодаря мужеству советских людей, их беспредельной преданности делу революции.

Локкарт развернул подрывную работу сразу же после своего приезда из Англии в Советскую Россию. Уже весной, а особенно летом 1918 года он установил тесные связи с целым рядом контрреволюционных организаций, которым постоянно оказывал значительную финансовую поддержку. У него регулярно бывали представители белогвардейских генералов Корнилова, Алексеева, Деникина, поднявших восстание на юге России. Он был связан с белогвардейско-эсеровской организацией террориста Савинкова. Локкарт выдал представителям Керенского подложные документы, снабдив их штампами и печатями британской миссии, при помощи которых Керенский пробрался в Архангельск и был с почетом вывезен оттуда в Англию. Но всего этого Локкарту и его помощникам из британской миссии было мало. В конце лета 1918 года они попытались сами организовать государственный переворот, свергнуть власть Советов и установить в России военную диктатуру.

Локкарт и его помощник Сидней Рейли, уроженец Одессы, а затем лейтенант английской разведки, намеревались осуществить свои дьявольские замыслы следующим образом. Они решили подкупить воинские части, несшие охрану Кремля и правительства, с тем чтобы при их помощи на одном из пленарных заседаний ВЦИК, в десятых числах сентября 1918 года, арестовать Советское правительство и захватить власть. Будучи заранее уверены в успехе, агенты Локкарта установили даже связь с тогдашним главой русской православной церкви патриархом Тихоном, который дал согласие сразу же после переворота организовать во всех московских церквах торжественные богослужения «в ознаменование избавления России от ига большевиков» и во здравие заговорщиков.

Сразу после переворота заговорщики намеревались, используя ими самими сфабрикованные фальшивые документы, расторгнуть Брестский мир и принудить Россию возобновить участие в мировой войне на стороне Англии, Франции и США.

Членов Советского правительства заговорщики собирались отправить после ареста в Архангельск, захваченный в начале августа 1918 года англичанами, там посадить на английский военный корабль и увезти в Англию. Так они намеревались поступить со всеми, кроме Ленина. Ленина же, поскольку, как они говорили, его воздействие на простых людей столь велико, что он и охрану в пути может сагитировать, решили уничтожить, то есть попросту убить при первой же возможности.

Для осуществления намеченных планов агент Локкарта англичанин Шмедхен в начале августа 1918 года попытался завязать знакомство с командиром артиллерийского дивизиона Латышской стрелковой дивизии Берзиным и прощупать его настроение, чтобы определить возможность использования Берзина в качестве исполнителя планов заговорщиков.

При первых же разговорах со Шмедхеном Берзин насторожился, хотя и не подал виду, но сразу же после встречи доложил обо всем комиссару Латышской стрелковой дивизии Петерсону, а тот сообщил в ВЧК Петерсу. Было решено проверить, чего добивается Шмедхен, и Петерсон возложил это дело на Берзина, поручив ему при встрече со Шмедхеном прикинуться человеком, несколько разочаровавшимся в большевиках. Берзин так и сделал, тогда Шмедхен с места в карьер повел его к своему шефу — Локкарту, встретившему командира советского артиллерийского дивизиона с распростертыми объятиями.

Эта встреча произошла 14 августа 1918 года на квартире Локкарта в Хлебном переулке. Локкарт предложил Берзину 5–6 миллионов рублей: для него лично и на подкуп латышских стрелков.

Дальнейшую связь Локкарт предложил Берзину поддерживать с лейтенантом Рейли, он же «Рейс» или «Константин», как быстро выяснила ВЧК.

Берзин, отказавшийся вначале от денег, держал себя настолько ловко и умно, что полностью провел Локкарта, выведав его планы. Комиссар дивизии Петерсон пред-



▲ Сидней Рэйли



▲ Подвойский Н.И.

ставил Я. М. Свердлову после ликвидации заговора Локкарта подробный доклад, в котором, в частности, о встрече Берзина с Локкартом писал, что опытнейший дипломат «культурнейшей страны» Локкарт на этом экзамене позорно срезался, а товарищ Берзин, впервые в жизни соприкоснувшийся с дипломатией и с дипломатами, «выдержал экзамен на пятерку».

17 августа Берзин встретился уже с Рейли, вручившим ему 700 тысяч рублей. Эти деньги Берзин тут же передал Петерсону, а Петерсон отнес их непосредственно Ленину, доложив ему всю историю в малейших подробностях. Владимир Ильич посоветовал Петерсону передать деньги пока что в ВЧК — там, мол, разберемся, как с ними поступить, — что тот и сделал.

Через несколько дней Рейли передал Берзину 200 тысяч, а затем еще 300 тысяч рублей, все на подкуп латышских стрелков и в вознаграждение самому Берзину. Таким образом, в течение двух недель англичане вручили Берзину 1 миллион 200 тысяч рублей. Вся эта сумма надежно хранилась теперь в сейфах Всероссийской Чрезвычайной Комиссии.

В конце августа Рейли поручил Берзину выехать в Петроград и встретиться там с питерскими белогвардейцами, также участвующими в заговоре. 29 августа Берзин, получив соответствующие указания от Петерсона и ВЧК, был уже в Петрограде. Там он повидался с рядом заговорщиков, явки к которым получил от Рейли, и помог раскрыть крупную белогвардейскую организацию, работавшую под руководством англичан, которая после отъезда Берзина в Москву была ликвидирована.

Всецело доверяя Берзину и рассчитывая осуществить переворот при его помощи, Локкарт и Рейли сообщили ему свой план ареста Советского правительства на заседании ВЦИК. Осуществление ареста, как заявил Рейли, возлагается на руководимых Берзиным латышских стрелков, которые будут нести охрану заседания. Одновременно Рейли поручил Берзину подобрать надежных людей из охраны Кремля и обязать их впустить в Кремль вооруженные группы заговорщиков в тот момент, когда будет арестовано правительство на заседании ВЦИК. Рейли сообщил также Берзину, что Ленина необходимо будет «убрать» раньше, еще до заседания ВЦИК.

Берзин тотчас же доложил Петерсону об опасности, грозившей Ильичу, и просил немедленно предупредить Ленина. Не теряя ни минуты, Петерсон отправился к Владимиру Ильичу и подробнейшим образом его обо всем информировал.

Так благодаря мужеству, находчивости и доблести Берзина, проникшего в самое логово заговорщи-

ков, планы и намерения Локкарта, Рейли и их сообщников были раскрыты и заговор был ликвидирован, Англичане намеревались сыграть на национальных чувствах латышей, думали, что латыши с неприязнью относятся к русскому народу. Матерым английским разведчикам было невдомек, что латышские трудящиеся связаны многолетней дружбой с рабочими России, что в рядах латышских стрелков преобладали стойкие, закаленные пролетарии Латвии, среди них было много большевиков, и латышские стрелки были беззаветно преданы пролетарской революции.

Комиссар Латышской стрелковой дивизии Петерсон, представив Я. М. Свердлову доклад о том, как был раскрыт заговор Локкарта, поставил вопрос: что делать с принадлежащими английскому правительству 1 миллионом 200 тысячами рублей, выданными Локкартом и Рейли Берзину «для латышских стрелков», которые по указанию Владимира Ильича до поры до времени находились в ВЧК (Владимир Ильич в это время еще не оправился от болезни, вызванной ранением). Что ж, ответил Яков Михайлович, раз деньги предназначались латышским стрелкам, пусть их и получат латышские стрелки. Надо использовать деньги так:

1. Создать фонд единовременных пособий семьям латышских стрелков, павших во время революции, и инвалидам — латышским стрелкам, получившим увечья в боях против контрреволюционеров всех мастей и в первую голову против английских и других иностранных интервентов. Отчислить в этот фонд из суммы, полученной от английского правительства через господина Локкарта, 1 миллион рублей.

2. Передать 100 тысяч рублей из той же суммы Исполнительному Комитету латышских стрелков с условием, что эти деньги будут израсходованы на издание агитационной литературы для латышских стрелков.

3. Отпустить 100 тысяч рублей артиллерийскому дивизиону латышских стрелков, которым командует товарищ Берзин, на создание клуба и на культурно-просветительные надобности.

Так распорядился Яков Михайлович израсходовать деньги, «поступившие» от английского правительства через мистера Локкарта.

Сам Локкарт, просидев в ЧК менее суток, был, как я уже говорил, выпущен. Однако на свободе он оставался недолго. Уже 4 сентября Локкарта арестовали вновь. На этот раз я в его аресте не участвовал и подробностей не знаю, не интересовался.

Передав 1 сентября, арестованного Локкарта дежурному по ВЧК, я, признаться, не думал, что мне придется еще иметь с ним дело, однако не прошло и полутора недель, как я вновь встретился с Локкартом, причем на этот раз наша встреча затянулась на довольно длительное время.

Числа 9–10 сентября мне опять позвонил Петерс, днем.

— Послушай, Мальков, придется тебе забрать Локкарта.

— Как забрать? — спросил я с недоумением. — Да ведь он уже с неделю как сидит, чего же его забирать?

— Сидеть-то он сидит, — ответил Петерс, — и все же тебе придется его забрать. К себе.

Я понял. Значит, решено содержать Локкарта в Кремле.

Само собой разумеется, никакого тюремного помещения в Кремле не было и в помине, каждый раз приходилось что-либо придумывать. Локкарта я решил поместить в так называемых фрейлинских комнатах Большого Кремлевского дворца. Фрейлинские комнаты, как и почти весь дворец, тогда пустовали. Расположены они были в одном из крыльев дворца, несколько на отшибе, и организовать их охрану было сравнительно легко.

Локкарту я отвел три небольшие комнаты: спальня, столовая, кабинет. Была там и ванная комната. Одним словом, целая квартира.

Уборку квартиры и наблюдение за порядком в ней я решил поручить старику швейцару, убиравшему мою квартиру.

В честности и неподкупности старика швейцара я не сомневался ни минуты. Он никогда не согласился бы передать от Локкарта кому-нибудь тайком записку, ни за что не взялся бы за какое-либо сомнительное поручение. Его нельзя было


35.

№ 2350 1918 г. Июль 14 дня мѣс.

ПРОПУСК В КРЕМЛЬ.

Дѣйствителен на ОДИН мѣсяц.

Кому Коллежскому асс. Анастасьеву

Комендант Кремля

ПРИ КОНТРОЛѢ ПРЕДЪЯВЛЯТЬ.

▲ Пропуск в Кремль



▲ Ленин на Красной площади

ни уговорить, ни подкупить, слишком высоко было развито у него сознание долга и чувство дисциплины.

Для охраны Локкарта я подобрал несколько латышских стрелков-коммунистов и тщательно их проинструктировал. Каждого из них я предупредил, что глаз с Локкарта не спускать и следить за ним вовсю. Прогулки ему разрешать, когда он захочет и сколько захочет, но водить гулять только вниз, в Тайницкий сад, да и там не отходить далеко от Тайницкой башни. Ни на шаг от него во время прогулок не отходить, ни с кем не разрешать разговаривать и никуда, кроме сада, из отведенного ему помещения не выпускать.

Когда все было готово, я поехал в ВЧК, забрал Локкарта, привез его во дворец, в предназначенную ему квартиру, и выставил охрану.

Через несколько дней меня вызвал Феликс Эдмуидович и спросил, как я устроил Локкарта. Я ему подробно доложил, и Дзержинский со всем согласился.

Пока Локкарт находился в Кремле, я почти каждый день заходил к нему: справлялся, есть ли жалобы, претензии. В подробные разговоры с ним не вступал. Локкарт постоянно ныл и брюзжал. То ему не нравилось питание (а обед ему носили из той самой столовой, где и наркомы питались. Ну да обеды-то были действительно неважные, только лучших в Кремле тогда не было), то он просил свидания со своей сожительницей, некоей Мурой, коренной москвичкой, то с кем-либо из иностранных дипломатов. На такие просьбы я ему отвечал, что это дело не мое, пусть обращается к Дзержинскому или Петерсу.

Прошло что-то около месяца, надоел мне Локкарт изрядно, и я искренне обрадовался, получив распоряжение доставить его обратно в ВЧК. Советское правительство обменяло Локкарта из нашего представителя в Англии Литвинова, задержанного там после того, как появилось сообщение о раскрытии заговора Локкарта. Максима Максимовича Литвинова англичане доставили в Советскую Россию, а мы передали им их Локкарта. Так закончилась «дипломатическая миссия» господина Локкарта в нашей стране в 1918 году, в первый год существования Советской власти. ■

МИХАИЛ ИСАКОВСКИЙ

РУССКОЙ ЖЕНЩИНЕ

...Да разве об этом расскажешь
В какие ты годы жила!
Какая безмерная тяжесть
На женские плечи легла!..
В то утро простился с тобою
Твой муж, или брат, или сын,
И ты со своею судьбою
Осталась один на один.
Один на один со слезами,
С несжатыми в поле хлебами
Ты встретила эту войну.
И все — без конца и без счета —
Печали, труды и заботы
Пришлись на тебя на одну.
Одной тебе — волей-неволей —
А надо повсюду поспеть;
Одна ты и дома и в поле,
Одной тебе плакать и петь.

А тучи свисают все ниже,
А громы грохочут все ближе,
Все чаще недобрая весть.
И ты перед всею страною,
И ты перед всею войною
Сказалась — какая ты есть.
Ты шла, затаив свое горе,
Суровым путем трудовым.
Весь фронт, что от моря до моря,
Кормила ты хлебом своим.
В холодные зимы, в метели,
У той у далекой черты
Солдат согревали шинели,
Что сшила заботливо ты.
Бросалися в грохоте, в дыме
Советские воины в бой,
И рушились вражьи твердыни
От бомб, начиненных тобой.

За все ты бралася без страха.
И, как в поговорке какой,
Была ты и пряхой и ткахой,
Умела — иглой и пилой.
Рубила, возила, копала —
Да разве всего перечтешь?
А в письмах на фронт уверяла,
Что будто б отлично живешь.
Бойцы твои письма читали,
И там, на переднем краю,
Они хорошо понимали
Святую неправду твою.
И воин, идущий на битву
И встретить готовый ее,
Как клятву, шептал, как молитву,
Далекое имя твое...

1945 год



ВЛАДИМИР ВЕРОВ

КЛЕВЕТНИКАМ РОССИИ

Животный утоляя страх
Времён двенадцатого года,
Европа пляшет на костях
Ей ненавистного народа.
И грозный брит и грузный швед,
И галл, презрительно лукавый,
Плюют остервенело в след
Его тысячелетней славы.
И мутной злобою кипят,
За них попрятавшись блудливо,
Поляк спесивый, лит и лат,
Эстонец – пасынок залива.
Хохол с натуги ворот рвёт,
За ляхом тянется к европам,
Спеша за шнапс и бутерброд
Служить в неметчине холопом.
И мир вокруг по швам трещит,
И шрамы набухают кровью,
А мы как прежде держим щит
Пустому вопреки злословью.
Умолкни, лживая молва, –
Пускай узнают поимённо:
Россия всё ещё жива!
Не пали отчие знамёна!

2004 год.



▲ Конец Польши 1831 г.

А.С. ПУШКИН

КЛЕВЕТНИКАМ РОССИИ

После разгрома армии Наполеона, по решению Венского конгресса (1814-1815 гг.) было создано Царство Польское — государство в статусе королевства, находившегося в личной унии с Россией. Оно представляло собой конституционную монархию с королем, которого в Варшаве представлял наместник. Имелась своя армия, укомплектованная в основном ветеранами польских легионов, воевавших на стороне Наполеона Бонапарта.



▲ Разгром Наполеона

15 лет Польша жила в мире. Под властью русского царя Царство переживало время расцвета. Однако всего этого польским националистам-шовинистам казалось мало. Они жаждали отделения от России, грезили о создании «великой» Польши «от моря до моря» В ноябре 1830 года вспыхнул мятеж, который был подавлен в августе 1831 года. Страны Западной Европы были на стороне польских шовинистов.

Поляки — католики, это неестественный союз западнической религиозной идеологии со славянской ментальностью привел к извращению национального сознания целого народа. Окатоличивание населения привело к русофобии.

О чем шумите вы, народные витии?
Зачем анафемой грозите вы России?
Что возмутило вас? волнения Литвы?
Оставьте: это спор славян между собою,
Домашний, старый спор, уж взвешенный судьбою,
Вопрос, которого не разрешите вы.

Уже давно между собою
Враждуют эти племена;
Не раз клонилась под грозою
То их, то наша сторона.
Кто устоит в неравном споре:
Кичливый лях, иль верный росс?
Славянские ль ручьи сольются в русском море?
Оно ль иссякнет? вот вопрос.

Оставьте нас: вы не читали
Сии кровавые скрижали;
Вам непонятна, вам чужда
Сия семейная вражда;
Для вас безмолвны Кремль и Прага;
Бессмысленно прельщает вас
Борьбы отчаянной отвага —
И ненавидите вы нас...
За что ж? ответствуйте: за то ли,
Что на развалинах пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, под кем дрожали вы?
За то ль, что в бездну повалили
Мы тяготеющий над царствами кумир
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и мир?..
Вы грозны на словах — попробуйте на деле!
Иль старый богатырь, покойный на постеле,
Не в силах завинтить свой измаильский штык?

Иль русского царя уже бессильно слово?
Иль нам с Европой спорить ново?
Иль русский от побед отвык?
Иль мало нас? Или от Перми до Тавриды,
От финских хладных скал до пламенной Колхиды,
От потрясенного Кремля,
До стен недвижного Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет русская земля?..

Так высылайте ж к нам, витии,
Своих озлобленных сынов:
Есть место им в полях России,
Среди нечуждых им гробов.

1831 год